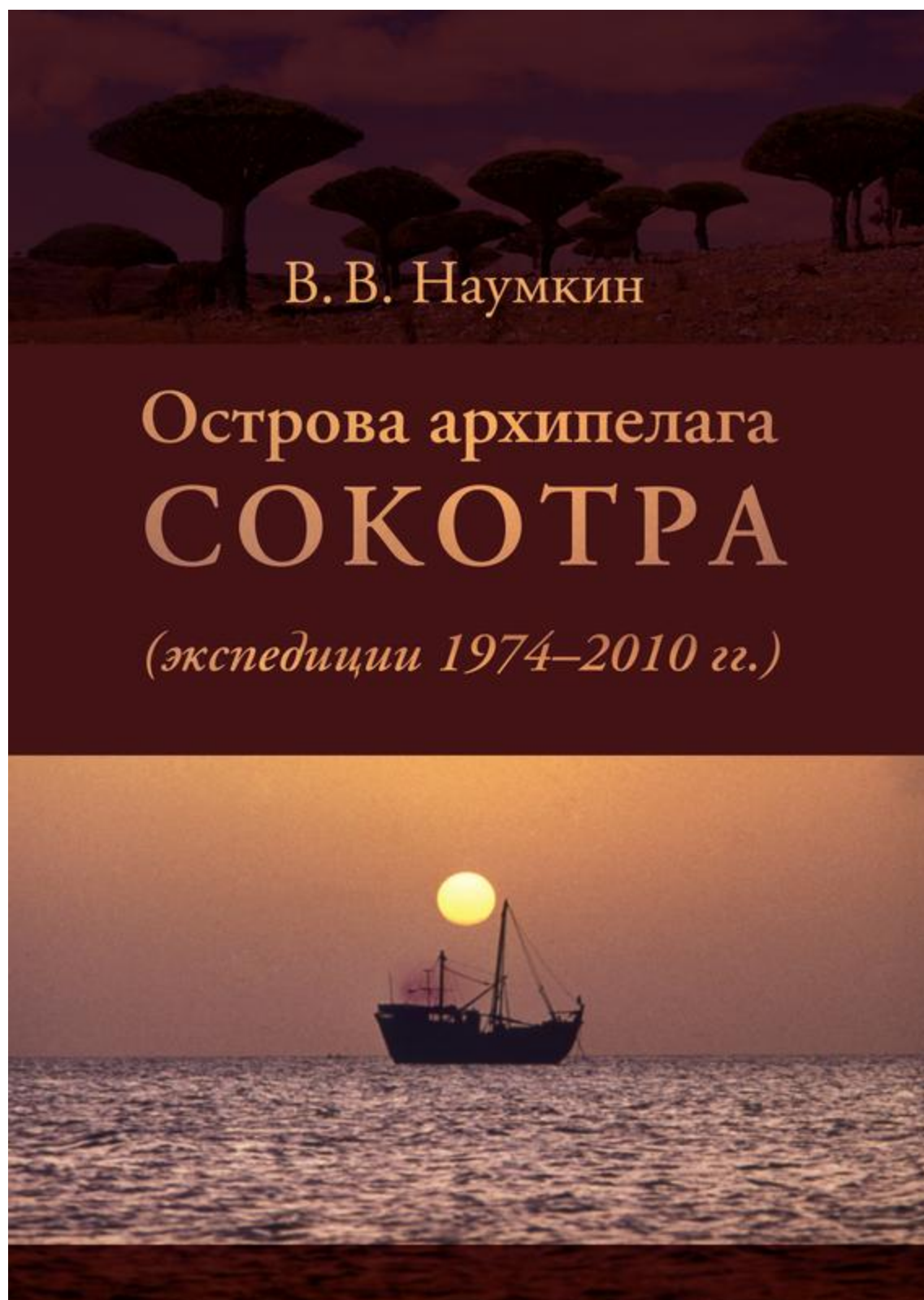

Виталий Вячеславович Наумкин
Острова архипелага Сокотра (экспедиции 1974-2010 гг.)

*«Острова архипелага Сокотра (экспедиции 1974–2010 гг.)»: Языки славянской культуры; Москва; 2012
ISBN 978-5-9551-0574-1*

Аннотация

В монографии подведены итоги многолетней полевой работы автора по исследованию истории, культуры, верований, памятников материальной культуры, родоплеменной структуры, хозяйственной деятельности, обрядов, обычаев и языка населения одной из самых загадочных и труднодоступных областей Ближнего Востока – островов архипелага Сокотра. Автор и его коллеги по экспедиции Института востоковедения РАН, в соавторстве с которыми написаны некоторые разделы глав монографии, открывают науке уникальную цивилизацию находившегося в многовековой изоляции народа скотоводов и рыбаков, рассказывают об интереснейшем природном мире островов. Книга предназначена не только для специалистов, но и для широкого круга читателей, проявляющих в последние годы огромный интерес к Сокотре.

Виталий Вячеславович Наумкин Острова архипелага Сокотра (экспедиции 1974–2010 гг.)

Введение

У исследователей самых разных специальностей – историков, этнологов, археологов, социологов, лингвистов, антропологов, культурологов – вызывают особый интерес малые этнические группы, особенно те, которые находятся на периферии мира, в затерянных уголках Земли. Этот интерес оказывается весьма продуктивным для науки тогда, когда территория, на которой проживает изучаемая группа людей, в прошлом входила в состав того или иного древнего государства, а их предки имели отношение к ушедшим цивилизациям.

На Ближнем Востоке, которому принадлежит важная роль в истории человечества, к таким этническим реликтам относятся немногочисленные, обособленно живущие группы населения Йемена и Омана, говорящие на древних бесписьменных языках так называемой южносемитской ветви афразийской языковой семьи: махри, сокотри, харсуси, джиббали-шахри. Наименее исследовано и во многих отношениях все еще загадочно население островов архипелага Сокотра, расположенного в Индийском океане и входящего в состав Йеменской Республики: Сокотра, Абд-эль-Кури и Самха.

Лежащий на перекрестке морских путей и древних цивилизаций и обладающий уникальным растительным и животным миром, о. Сокотра с давних времен занимал воображение ученых и путешественников. Автору еще в 1974–1976 гг. довелось стать одним из первых советских людей, побывавших на острове, и изложить итоги своего первого знакомства с Сокотрой в опубликованной на русском языке в 1977 г. небольшой работе «Там, где возродилась птица феникс». Результатом более углубленного изучения собранного во время последующих поездок на остров этнолингвистического материала стали написанные вместе с В.Я. Порхомовским и увидевшие свет на русском языке в 1981 г. «Очерки по этнолингвистике Сокотры».

В 1983 г. начала полевую работу в Йемене Советско-йеменская (с 1991 г. – российская) комплексная экспедиция Института востоковедения РАН, продолжающая действовать и по сей день. Во главе экспедиции в разные периоды ее работы стояли П. А. Грязневич, М. Б. Пиотровский, А. В. Седов (вплоть до настоящего времени), а автор этой книги бессменно руководил полевыми исследованиями на островах архипелага Сокотра. В задачу сокотрийского отряда входило проведение на островах этнографических, историко-культурных, антропологических, лингвистических, археологических и медико-биологических исследований. Их целью было выявление этногенеза и реконструкция исторического прошлого сокотрийцев,

их исторических связей с населением континентальной части Южной Аравии и других регионов Востока, определение места Сокотры в международной торговле древнего мира. Стояла также задача изучения материальной и духовной культуры современных сокотрийцев, их традиций, обрядов и обычаев, хозяйственной деятельности, сбора материала для изучения бесписьменного сокотрийского языка, его лексического состава и грамматики, фиксации сокотрийского фольклора. На разных этапах в работе отряда экспедиции в той или иной степени принимали участие археологи Х. А. Амирханов, Ю. А. Виноградов, Е. А. Виноградова, В. А. Жуков, А. В. Седов, врач-антрополог В. С. Шинкаренко, антропологи академик В. П. Алексеев, И. И. Гохман, архитектор-топограф Е. А. Куркина, геоморфолог А. А. Лукашов, лингвисты Л. Е. Коган, В.Я. Порхомовский, Д. В. Черкашин.

Автор выражает горячую благодарность огромному числу сокотрийских друзей, на протяжении всех лет оказывавших экспедиции искреннюю бескорыстную помощь в работе и делившихся своими знаниями, а также коллегам из Департамента древностей Министерства культуры Йеменской Республики. Я многому научился у жителей острова, а их удивительное дружелюбие и гостеприимство останутся в моей памяти до конца жизни. К сожалению, многие из тех россиян и йеменцев, кто был с нами в описываемые годы, уже ушли из жизни. Имена некоторых из них вы встретите на страницах этой книги.

В составе экспедиции в разные сезоны работали йеменские исследователи и стажеры, немало сделавшие для того, чтобы обеспечить выполнение ее научной программы. Без их вклада работа нашего отряда вряд ли бы оказалась возможной. Выражаю также свою искреннюю признательность властям архипелага, создававшим благоприятные условия для нашей деятельности.

Эта книга подводит итоги комплексных исследований, проведенных мной на островах архипелага в 1974–2010 гг. индивидуально или в содружестве с коллегами. Читателю предлагается переработанный и дополненный многими новыми материалами вариант книги «Сокотрийцы», вышедшей в 1988 г. в Москве, а затем в 1994 г. – в расширенном виде – на английском языке в Великобритании под названием “Island of the Phoenix” и, наконец, в 2012 г. – на арабском – в Абу-Даби (ОАЭ). Жанр широкого историко-этнографического очерка позволил автору поставить и попытаться решить многие из занимающих исследователей Южной Аравии вопросов.

Отдельные главы написаны автором при участии коллег: Х. А. Амирханова, Ю. А. Виноградова, В. А. Жукова, А. А. Зубова, А.А. Лукашова, В.Я. Порхомовского, А. В. Седова, Г. Л. Хить, Ю. К. Чистова, В. С. Шинкаренко. Я благодарен за помощь А. Ю. Милитареву, М. Б. Пиотровскому, М. А. Родионову, а также ныне покойным В. П. Алексееву, Г. М. Бауэру, П.А. Грязневичу, О. К. Дрейеру, И. М. Дьяконову, А. Г. Лундину. Выражаю искреннюю благодарность Российскому гуманитарному научному фонду за поддержку, которая с 2002 г. оказывалась в течение нескольких сезонов нашей экспедиции.

Как и всякое исследование, данная работа опирается на достижения предшественников. Все доступные мне публикации, касающиеся островов архипелага Сокотра, рассмотрены ниже.

Публикуемые фотографии в основном сделаны мной, некоторые из них – Ю. А. Виноградовым, В. А. Жуковым, А. А. Лукашовым, А. В. Сарабьевым и моим ныне покойным другом и коллегой В. С. Шинкаренко; схемы и рисунки выполнены автором, Х. А. Амирхановым, А. А. Лукашовым, А. В. Седовым, а также английским археологом Д. Доу.

Глава первая

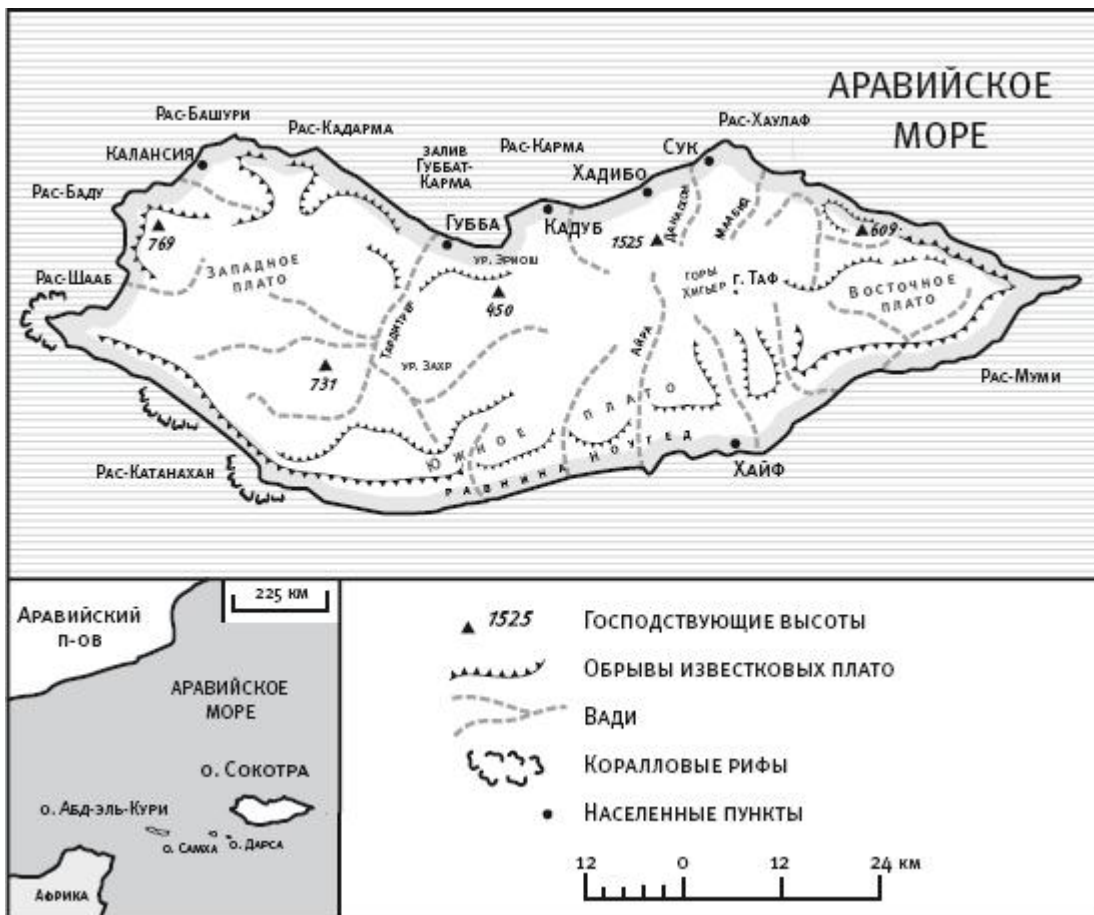
Природа островов архипелага Сокотра¹

Геология островов

Входящий в состав Йеменской Республики архипелаг Сокотра состоит из островов Сокотра (илл. 1 на цв. вкладке), Абд-эль-Кури, Самха и Дарса, а также небольших скальных образований Ка'аль Фир'аун и Сабунийя. Острова расположены в Аравийском море в 100–370 км к востоку от мыса Гвардафуй (Рас-'Асир) – северо-восточной оконечности Сомали. Географически принадлежащий восточной шельфовой окраине Африканского континента архипелаг свидетельствует о существовании некогда единой Африкано-Аравийской материковой платформы, «осколками» которой он и является. В неотектоническом строении, рельефе, биогеографических особенностях островов и прилегающих участков морского дна запечатлены бурные природные катаклизмы последних двух десятков миллионов лет геологической истории. Они связаны с отделением Аравии от более вытянутого в прошлом на восток Африканского Рога, с образованием глубоководного Аденского залива и со сравнительно недавней изоляцией архипелага от материка.

В ландшафтах Сокотры сохранились черты, свойственные в предшествующие, более влажные эпохи некоторым районам Восточной Африки и Южной Аравии. Вместе с тем растительность и животный мир Сокотры (а отчасти – и остальных островов архипелага) изобилует эндемичными, не встречающимися в других местах видами. Благодаря своей давней изолированности от соседних материков и своеобразию природы Сокотра сохраняет специфическую, во многом уникальную географическую среду обитания людей, начиная с эпохи каменного века вплоть до наших дней.

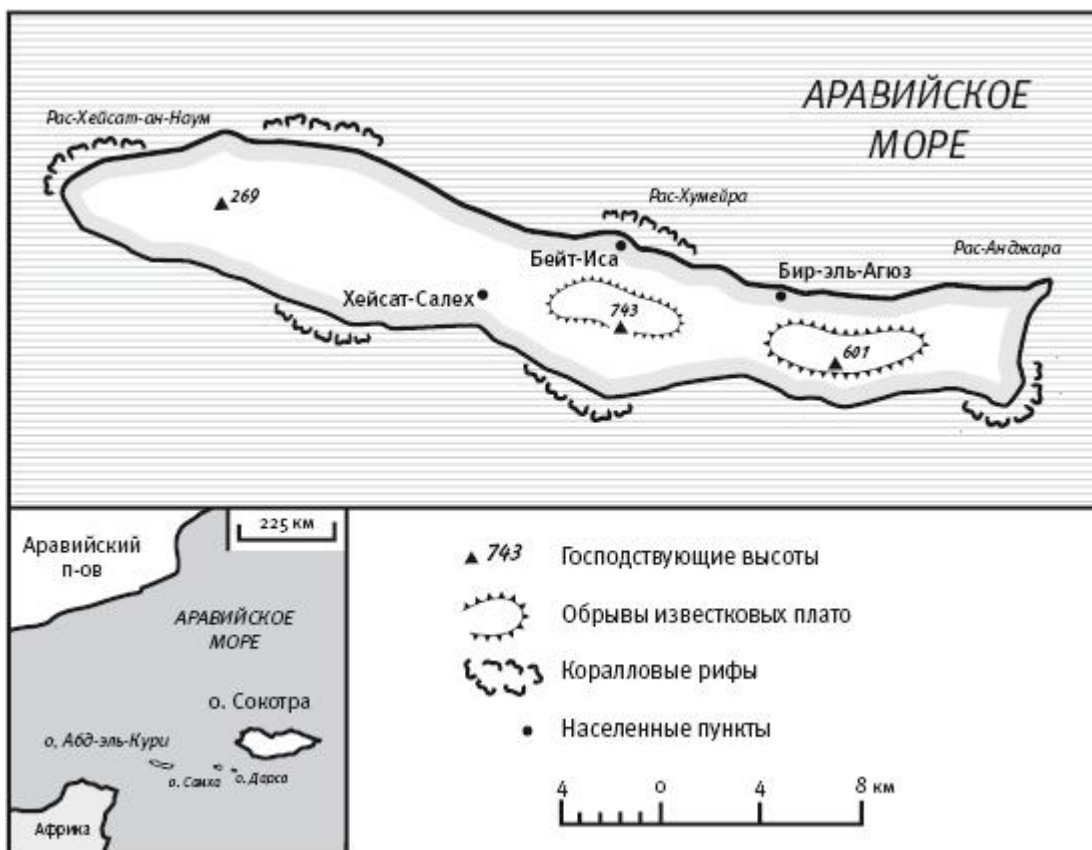
¹ Глава написана А. А. Лукашовым и дополнена В. В. Наумкиным.

Илл. 1. Схематическая карта острова Сокотра

Остров Сокотра занимает около 3650 кв. км; он вытянут с запада на восток на 133 км при наибольшей ширине 43 км. Это самый восточный остров одноименного архипелага. Его западная оконечность – мыс Рас-Ша‘б – находится в 235 км от ближайшей точки африканского побережья. Расстояние между северо-западным выступом острова (мысом Рас-Башури) и южным берегом Аравии (мысом Рас-Фартак) – 345 км (илл. 1).

Остров Абд-эль-Кури, расположенный к юго-западу от Сокотры, значительно меньше по размерам. В длину он достигает 36 км, в ширину – 6. Площадь острова около 133 кв. км. Он расположен примерно на половине пути от Сокотры к берегам Сомали. От западной оконечности Абд-эль-Кури, или мыса Рас-Хейсат-эн-Наум, до сомалийского мыса Гвардафуй всего 100 км; примерно столько же – от Рас-Анджара, восточного мыса острова, до сокотрийского Рас-Ша‘б (илл. 2).

Илл. 2. Схематическая карта острова Абд-эль-Кури

В полусотне километров к юго-западу от Сокотры и в 60 км к востоку от Абд-эль-Кури лежат острова Самха и Дарса, называемые «Братья». Площадь острова Самха составляет 41 кв. км, а острова Дарса, восточнее Самхи – всего 17. Сабунийя лежит примерно в 15 км к западу от Сокотры, а Ка‘аль Фир‘аун – в 20 км к северу от Абд-эль-Кури.

Сокотра и Абд-эль-Кури гористы, но высшие точки Абд-эль-Кури в платообразных массивах Джебель-Сомали и Джебель-Салех составляют 743 и 601 м над уровнем океана, а главная вершина Сокотры в резко расчлененных горах Хагхер гораздо выше – она достигает 1525 м. В рельефе Сокотры преобладают окаймленные обрывами плато, имеющие волнообразную поверхность в диапазоне абсолютных высот 300–900 м. Низменные равнины узкими (2–8 км) полосами простираются вдоль южного и отчасти северного побережий, а также небольшими участками развиты на западе.

Крупнейшая долина Тер Дитрер в западной части острова имеет сложный древовидный рисунок бассейна и эпизодически направляет поверхностный сток почти с третьей части площади Сокотры на северо-восток, к берегам залива Губбат-Карма. На островах Абд-эль-Кури и «Братья» платообразные массивы невелики. Большую часть поверхности первого из них занимают невысокие, резко расчлененные кряжистые низкогорья.

Для обоих крупных островов характерна четкая связь устройства поверхности с геологическим строением и тектоникой. В геологическом отношении как на Сокотре, так и на Абд-эль-Кури развиты комплексы метаморфических и магматических пород древнего складчатого основания (фундамента) и спокойно перекрывающие их в целом слабо дислоцированные осадочные толщи платформенного чехла.

Характеристика геологического строения далее дается в соответствии со взглядами З. Бейдуна и Х. Бичана и У. Бота для Сокотры (Beydoun & Bichan, 1970; Bott et al., 1995), а также Дж. Грегори – для Абд-эль-Кури (Gregory, 1899).

Метаморфические породы фундамента островов представлены прежде всего докембрийскими кристаллосланцами и гнейсами ам-фиболовой фации, а также рассланцованными гранитами и габбро. Подобные метаморфические образования, смятые в сложные складки, широко обнажаются в долинах западной окраины Сокотры, открывающихся к мысу Рас-Ша'б и г. Калансия, к востоку от гор Хагъхер, почти повсеместно на Абд-эль-Кури и в основании склонов более мелких островов архипелага. В районе небольшой равнины Хадибо на севере Сокотры развиты более поздние сравнительно слабо метаморфизованные аргиллиты и туфы.

Магматические горные породы датируются ранним палеозоем. Вулканические породы выходят дугообразной полосой, охватывающей с юга горы Хагъхер. Многослойный комплекс древних лавовых потоков и толща несколько более поздних туфов представлены изверженными продуктами среднекислого состава. Следов молодого вулканизма, сопоставимого с вулканизмом Южной и Западной Аравии, на архипелаге нет.

Вулканыты и еще более древние метаморфические образования прорываются глубинными интрузивными породами. Наиболее заметны ультращелочные граниты гор Хагъхер – кристаллическое ядро восточной половины Сокотры. На Земле насчитывается не много больших массивов таких пород. Примечательно, что в образцах сокотрийских гранитов, привезенных в 1881 г. немецким геологом Эмилем Рибекком, впервые был определен щелочной минерал, получивший название рибекит. Ультращелочные граниты Сокотры и им подобные известны теперь как рибекитовые граниты. В некоторых долинах острова и местами на его побережьях обнажаются сравнительно небольшие тела более обычных – биотитовых гранитов. К интрузивным породам принадлежат кроме того габбро (крупное поле – до 40 кв. км – к северо-востоку от массива Таф). Секущие тела различного состава – дайки – в обилии встречаются в породах фундамента Сокотры и Абд-эль-Кури.

На выровненной поверхности пород фундамента, подвергшихся глубокой денудации, с резким несогласием залегают мощные толщи морских мелководных осадочных пород. Белые известняки (а в низах разреза – местами мергели и песчаники) меловой системы обнажаются обычно в нижних частях уступов сокотрийских плато, а также на платообразных вершинах Абд-эль-Кури, на Самхе и Дарсе. Мощность меловых толщ на востоке Сокотры достигает 300 м. На северо-западе острова, в частности, у мыса Рас-Кадарма, в сильно раскристаллизованных известняках в обилии встречаются железистые и кремнистые конкреции.

Верхние части геологического разреза платообразных поверхностей Сокотры сложены массивными скальными, преимущественно серыми известняками палеоцена и эоцена. Мощность этих «скалообразующих» известняков достигает 400 м. Местами отмечаются включения кремнистых сланцев и конкрециеносных горизонтов (например, на западе Восточного плато).

В двух впадинах на западе Сокотры, расположенных к северу и северо-востоку от гор Бискхамхам и Маталла, выходят (в виде серии низких холмов) остатки толщи тонкослоистых мелоподобных известняков и мергелей олигоцена и, возможно, нижнего миоцена. Сохранилось от размыва лишь 50 м этих пород.

Плиоцен-четвертичные образования Сокотры и Абд-эль-Кури представлены пестрым по литологии и генезису маломощным и не повсеместно развитым чехлом. В среднем ярусе рельефа наиболее существенны жесткие псевдослоистые корки древних щебнистых и щебнисто-валунных осыпей, сцементированных карбонатом кальция до скального состояния. Обычно подобные брекчии и конгломераты с известковым цементом прислонены к вогнутым в профиле склонам известняковых плато, начинаясь иногда в 100–150 м ниже их бровок

(северные склоны Джебель-Ма'ла, к востоку от Рас-Баду).

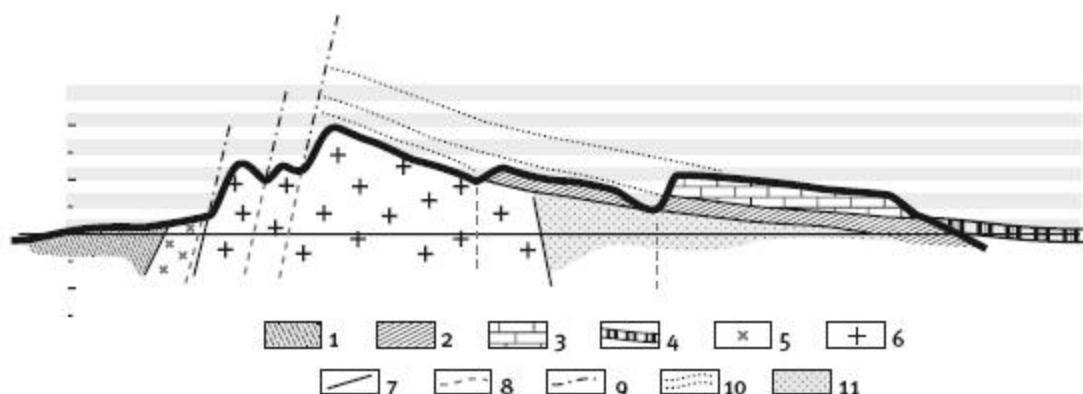
В низовьях долин и местами во внутригорных впадинах Сокотры распространены четвертичные галечно-валунные с песчаным заполнителем отложения аллювиально-пролювиального генезиса. Мощность их, за редким исключением, измеряется немногими метрами. Например, мощность отложений 8-метровой надпойменной террасы вади Маабид (в 13 км к востоку от г. Хадибо) не превышает 4 м.

Широким распространением по периферии крупных островов пользуются плейстоценовые и голоценовые прибрежные морские отложения. К ним относится галечный покров 30–35-метровой морской террасы, песчаники с обильными включениями обломков кораллов и раковин, а также пески и известняки низких морских террас и современного пляжа Сокотры, известняки и пески низких морских террас Абд-эль-Кури (Никифоров, Коротаев, 1982).

По берегам Сокотры и Абд-эль-Кури местами сосредоточены массы эоловых песчаных отложений. Среди них А. А. Свиточ (1982) выделяет две генерации. Более древние пески (верхнеплейстоценовые), цементированные карбонатами до состояния разноразмерных песчаников, накопились в эпоху низкого стояния уровня моря ранее 30 тыс. лет назад. Голоценовая и современная генерация песков представлена свободными дюнами на пляжах и пересыпях, а также крупными прислоненными дюнами на островах, в отдельных случаях (восточнее устья вади, т. е. пересохшего русла – Сук) достигающими гребней прибрежных горных массивов с абсолютными высотами до 360 м.

Уже отмечавшаяся четкая связь рельефа обоих крупных островов с геологическим строением проявляется двояко. С одной стороны, специфическое выражение в рельефе имеют те или иные тела и комплексы горных пород. Примечательны платообразные поверхности на спокойно залегающих известняках мела (Абд-эль-Кури) и палеогена (Сокотра), зубчатые глубоко и густо расчлененные горы на гранитах Хагъхера, небольшие куполовидные выступы и изолированные останцы на малых интрузиях гранитов (к югу от Хадибо, к востоку от Калансии), резко очерченные скалистые мысы и гривы на густо пронизанных дайками диоритовых телах (северное побережье Абд-эль-Кури), различные террасовидные поверхности, сложенные соответствующими комплексами флювиальных и морских отложений, и др.

Другой тип связи между рельефом и геологическим строением архипелага заключается в той или иной выраженности в рельефе молодых тектонических структур или их элементов. Само деление рассматриваемой территории и акватории на серию островов, проливов, банок, как будет показано далее, является отражением недавней блоковой дифференциации фрагмента древней платформы. Структуру и морфологию собственно острова Сокотра во многом определяют сводообразное поднятие Хагъхер и серия куэстоподобных низкогорных массивов в западной половине острова.

Илл. 3. Схематический геолого-геоморфологический разрез острова Сокотра вдоль меридиана гор Хагъхер

Наиболее крупное из поднятий (около 30 км в длину с запада на восток и до 18 км в ширину) включает в свой контур горы Хагъхер. Несмотря на полуторакилометровую высоту господствующих вершин острова, современный рельеф лишь частично передает размах тектонического коробления. Пики и скальные стены, сложенные рибекитовыми гранитами, вырезаны денудацией из свода-куполовидной поверхности деформированной домеловой денудационной равнины. Этапу расчленения гранитов предшествовали разрушение и снос слоя мощностью около 600 м преимущественно карбонатных пород мела и палеогена, слагавших изначально верхи поднятия Хагъхер и сохранившихся лишь по его внешней периферии (илл. 3). Известняковые плато, окружающие поднятие Хагъхер с запада, юга и востока, обращены к нему крутыми денудационными уступами высотой до нескольких сот метров.

Поднятие гор Хагъхер асимметрично. Его южное, западное и восточное крылья имеют крутизну менее 5°. Северное крыло много круче (до 15°), но, возможно, подобный «перекос» – результат гравитационного отседания серии мелких блоков в сторону равнины Хадибо. Детали топографии гранитного массива с его острыми (в основном, но не исключительно) гребнями, пикообразными вершинами и глубокими ущельями тесно связаны с освоением эрозией систем крутопадающих тектонических трещин северо-западной, близ-меридиональной и северо-восточной ориентировки. На юге и юго-востоке гранитное «ядро» поднятия Хагъхер обрамлено полосой (шириной до 8 км) умеренно расчлененного низкогорного эрозионного рельефа, соответствующего выходам древних вулканических пород (бассейны вади Хасын и соседних долин).

Куэстоподобные поднятия, отвечающие опрокинутым тектоническим блокам, находятся в западной половине о-ва Сокотра, в районе восточнее мыса Рас-Ша'б и г. Калан сии. Лишь восточные части большинства асимметричных морфоструктур сохранились на суше, а западные – опущены по разломам ниже уровня моря. В пределах лежащих крыльев этих опрокинутых блоков денудация выработала полосы низменных равнин, обрамленных 400–700-метровыми уступами известняковых плато. В пределах этих равнин сформировались бассейны трех заметных вади, сбрасывающих периодический сток в нехарактерном для острова западном направлении. В днищах и по бортам долин встречаются многочисленные останцы высотой до 40–60 м, соответствующие выходам небольших гранитных тел в поле метаморфических пород.

Большую часть площади Сокотры занимают, как уже отмечалось, волнистые плато, сложенные с поверхности платформенными известняками. Местами плато приобретают ступенчато-сбросовой характер, что ярко проявлено, в частности, на юго-западе острова (близ вершин Бискхамхам и Маталла) и вдоль северного берега (от селения Кадуб до Рас-Хаег). Края плато почти на всем протяжении представляют собой крутые уступы высотой несколько сот метров. В пределах плато эрозионная сеть разрежена, что объясняется поглощением части выпадающих осадков проницаемыми и растворимыми известняками.

На поверхности и в недрах известняковых плато островов архипелага, в первую очередь – собственно Сокотры, протекают карстовые процессы впечатляющего размаха. Близгоризонтальные и пологонаклонные плато изъедены растворяющим воздействием атмосферных вод и испещрены каррами различного облика. В поле развития эоценовых известняков широко развиты желобковые карры, формирующие обширные карровые поля. Для выходов известняков мелового возраста более характерны губчатые карры, придающие оголенной скальной поверхности кружевную микроструктуру. Нерастворимый силикатный материал скапливается в понижениях поверхности в виде прерывистых пятен terra rossa

(краснозёма, известкового сапролита), либо нацело выдувается сильными ветрами. Трещинные, ячеистые и пещеристые карры, наряду с желобковыми и губчатыми – типичные комплексы нанорельефа областей развития известняков.

Выходы пластовых вод бывают отмечены завесами выщелоченного из закарстованных толщ известкового туфа – травертина, местами облекающими скальные обрывы, как, например, над западной окраиной равнины Ноугед. Редкой для засушливых тропических ландшафтов формой карста являются занятые озёрами провалы «сеноте». (Классическая область их распространения – лесистый полуостров Юкатан в Мексике.) Сокотрийские сеноте овальной и округлой формы поперечником до 100 м присутствуют на морских террасах в прибрежной части равнины Эриош. Вода в них – солоноватая, благодаря подповерхностной связи с морем. В пределах островных плато местами встречаются карстовые воронки и блюдцеобразные западины с пятнами *terra rossa*.

К крупным комплексам форм эрозионно-карстового и тектоно-карстового происхождения относятся полузамкнутые блюдцевидные впадины – «полья». Они встречаются как в западной, так и в восточной частях острова Сокотра – в поле развития карбонатных комплексов мелапалеогена. Примером может служить мягкоочерченное поле в пределах Восточного известнякового плато близ поселений Ракуф и Адахн. Асимметричная чашеобразная котловина достигает в длину 3 км. Склон южной экспозиции имеет крутизну 10–12°, северной – 12–18°. Днище котловины плавно сочленяется с основаниями бортов, в которые выходят близгоризонтально залегающие известняки платформенного чехла. Днище котловины заполнено продуктами делювиального накопления *terra rossa*. На юге поле вскрыто эрозионным врезом верховий вади (пересыхающего русла реки), имеющего юго-восточное направление эпизодического стока и принадлежащего бассейну относительно крупного вади Калисан. Бассейн Калисан характеризуется разветвленным древовидным рисунком гидрографической сети, дренирующей большую часть Восточного плато. Местами в северном борту поля регрессивная эрозия выработала в известняковой толще небольшие короткие крутостенные каньоны, «привязанные» к уровню днища котловины.

Средней величины формы подповерхностной циркуляции трещинных и пластовых вод представлены многочисленными карстовыми гротами, карнизам и навесами в бортах эрозионно-тектонических ущелий и каньонов. Таковы, в частности, гроты в северном борту ущелья вади Д'Галахм на Восточном плато и в бортах ущелья нижнего левого притока вади Тер Дитрер на Западном плато (вдоль старой дороги на Калансию).

До недавнего времени были известны лишь единичные короткие (по доступным галереям) пещеры. К ним относится заметная пещера во внешнем обрыве Южного плато в 3,8 км к северо-западу от селения Хайф. Обследованная часть пещеры представляет собою обширный высокий грот, портал которого украшают мощные, хотя и пористые сталактиты и травертиновые сталагмиты. Полотно пещеры отличается крутым наклоном к выходу, заполненным толщей мелкоземистого материала, забивающего и устья горизонтальных галерей в глубине пещеры. По-видимому, подземные полости находятся в основном в недрах плато и пока недоступны для исследования. Судя по отсутствию стока в устье пещеры, некоторая ее часть пребывает в сухо-галерейной стадии развития.

В первые годы нашего века бельгийские спелеологи во главе с Петером Де Геестом в ходе работы семи экспедиций открыли и обследовали около 40 карстовых пещер в разных районах Сокотры. Документировано 26 км подземных проходов и галерей. Среди них на плато Диксам-Шибхон обнаружилась и самая протяженная – более 7,5 км – на Ближнем Востоке пещера Гиниба (Cheung C., DeVantier, 2006). Довольно типична для подземных карстовых образований Сокотры пещера Хок, открываемая гигантским порталом в нижней части

северного уступа Восточного плато Рекадихон. Она приурочена к низам разреза платформенного чехла и выработана в пачке чистых известняков мощностью около 20 м. Пласты здесь залегают моноклинально, с падением на север под углом 15°. Простираение пещеры – широтное – на протяжении не менее 1 км. Уклон полотна не выдержан вдоль оси пещеры, но в целом она приурочена к уровню горизонтальной циркуляции (преимущественно в прошлом) карстовых вод. На портале – мощные накопления спелеотем – обломков натечно-капельных образований в матрице известковых туфов и глинистого нерастворимого остатка. В пещере система гуров (травертиновых плотин) удерживает каскад озер глубиной в десятки метров. Из натечно-капельных образований обращают на себя внимание колонноподобные и куполовидные сталагмиты, а также мощные – до 1 м в поперечнике – сталактиты, среди которых немало обрушенных – возможно, вследствие сейсмических толчков.

Вдоль южного берега Сокотры (от мыса Рас-Катанахан до участка, находящегося в 10 км к востоку от устья вади Хасын) в общей сложности на 75 км протянулась неширокая (до 6 км) низменная прибрежная равнина Ноугед. С севера равнина ограничена почти непрерывной стеной обрыва известнякового плато высотой 300–400 м. Лишь в шести местах кромка плато прорезана ущельями вади, направляющих сток на юг. Крупнейшие из этих ущелий принадлежат вади Айра и вади Хасын. Проллювиальные галечные веерные дельты долин, дренирующих в основном южные части поднятия Хагъхер, накладываются на молодые морские известняки береговых террас, главным образом 5–7-метровых.

На большей части своей площади Южная прибрежная равнина, или Ноугед (серия морских террас в диапазоне высот 5–40 м), лишь слегка прикрыта «просвечивающим» плащом пролювия (мощностью около 1 м) и сложена морскими осадками. Местами толщу молодых известняков, слагающих равнину, прорезают неглубокие крутостенные каньоны русел транзитных вади. Вдоль берега примерно в 50 м от уреза протягивается полоса дюн обычно высотой до 10 м. Подвижные дюнные пески, навезенные с берега, частично перекрывают современные штормовые валы и отложения 5–7-метровой морской террасы. Низменность Ноугед имеет непосредственное продолжение и под урезом южного берега Сокотры. Так, в створе устья вади Айра глубина 40 м отмечается лишь на расстоянии 14 км от берега, причем от уреза идет постепенное, плавное нарастание глубин. Во всей полосе акватории, прилегающей к равнине Ноугед, изобата – 50 м трассируется не ближе 15 км от берега.

В северной части острова Сокотра обрывы возвышенного известнякового плато то почти вплотную подступают к берегу (Рас-Кадарма, Рас-эль-Ахмар, Рас-Дехаммери и др.), то отступают от него на 3–8 км. К югу и юго-востоку от Хадибо известняковое плато вообще отсутствует, и над участком прибрежной равнины на километровую высоту поднимаются крутые склоны северного фланга гранитного массива Хагъхер (илл. 2, 3 на цв. вкладке). Подобное строение рельефа северной части острова объясняется гравитационно-тектоническим отседанием серии мелких блоков с последующим денудационным разрушением большей части отсевиших масс.

По-видимому, наиболее крупный равнинный участок северного побережья, включающий урочища Мури, Эриош и район мыса Рас-Карма, приурочен к почти недеформированной поверхности опущенного тектонического блока. Восточнее располагается несколько более мелких равнинных участков (в том числе «амфитеатр» равнины Хадибо), созданных совокупным воздействием гравитационной тектоники и денудации. Здесь цоколем отложений морских террас и террас многочисленных вади являются различные комплексы пород кристаллического фундамента.

Влияние денудации на островах на береговые процессы, на развитие окаймляющих коралловых рифов представляет большой интерес.

Установлено, в частности, что с уменьшением сноса с суши при неизменном волновом режиме в прибрежной зоне усиливается разрушение берегов.

На архипелаге преобладает физическое выветривание; характерно щебнеобразование. Инсоляционный нагрев пород ведет к разрушению их выходов. Мощность щебнистого элювия на водораздельных поверхностях измеряется сантиметрами, часто обнажаются скальные породы, затронутые выветриванием лишь по зонам трещиноватости. Обломки в элювии пород фундамента имеют призматическую шестигранную либо семигранную форму. Трещиноватые граниты в зонах нарушений, освоенных вади, при ударе распадаются на минеральные гранулы. Обломки свежие, даже слюды химически не изменены. Песка и пылевых частиц при разрушении гранитов образуется мало. Известняки при выветривании дают четырех- и шестигранные обломки.

Среди склонов, смещение чехла которых обусловлено физико-географическими особенностями территории, преобладают склоны массового векового сноса и транзита материала. По зонам амплитудных нарушений склоны моделируются гравитационными процессами. Незначительная мощность накопления крупнообломочного материала на наклонном пьедестале из коренных пород у подножия обрывов свидетельствует о малой интенсивности их разрушения. Сохранность среднеголоценовых гротов с валунно-галечными конгломератами на мысе Рас-Ша'б на высоте 10–12 м, отсутствие мощных скоплений глыб и валунов под абразионными склонами в пределах закрытых бухт указывают на малую интенсивность сноса. Вертикальные поверхности сохраняются лучше, чем горизонтальные, интенсивность отступания крутых склонов составляет десятые доли миллиметра в год и менее. Склоны векового сноса – выпуклые или выпукло-вогнутые; их длина достигает сотен метров, крутизна 15–30°. В неоднородных породах они могут быть ступенчатыми. Мощность щебнисто-дресвяных отложений у подошвы таких склонов меняется от первых сантиметров до 1 м, местами они отсутствуют. Рыхлый чехол отсутствует, по-видимому, из-за того, что темп сноса здесь сдерживается скоростью выветривания.

Делювиально-пролювиальные шлейфы образуют иногда сплошной покров до высоты 70–100 м над днищем вади. Профиль склона, образуемого таким шлейфом, вогнутый, угол наклона 7–15°. Мощность рыхлых отложений, вскрытых эрозией, более 2,0–2,5 м в средних частях склона, в нижних – более 3 м. В разрезе, сделанном в вади Брод-Велли, переслаиваются пылеватые слюдистые пески с мелкими обломками и дресвой мощностью 0,5–0,7 м и щебнисто-дресвянистые отложения с пылеватым песчаным заполнителем мощностью 15–20 см. Возможно, ритмичность связана с чередованием периодов повышенной увлажненности, когда в нижнюю часть шлейфа со склонов выносился более крупный материал, и засушливых периодов накопления тонкого материала. В низах разреза на глубине около 1 м – слабая карбонатная цементация. Малое количество осадков и значительное испарение приводят к началу литификации материала в пределах аккумулятивных частей склонов.

Материал к береговой зоне переносится в основном временными водотоками. Их сеть оказывается привязанной к разрывным нарушениям. Глубина долин достигает 200 м, их поперечный профиль ящикообразный, днища плоские, шириной 0,3–0,7 км. Уклоны продольного профиля невелики. Долины притоков вади имеют крутой продольный профиль, ступенчатый на верхних участках. Их русла относятся к порожиисто-водопадному типу. Многие мелкие притоки открываются в главную долину устьем, подвешенным над днищем магистральной долины; иногда они сопрягаются с ним плоско-выпуклыми конусами выноса. Обломочный материал современных конусов выноса не литифицирован. Древние, даже среднеголоценовые генерации конусов выноса превращены в конглобрекчии. В сухих тропиках даже временные, порядка нескольких тысяч лет, накопления пролювия цементируются в

долинах, превращаясь в монолитную породу. На днищах вадии сухие русла образуют фуркирующую систему, разделенную плосковершинными грядами, с более крупным материалом на поверхности. Галька и валуны часто не создают сплошной отмости. С бортов вадии открывается прихотливо дробящаяся система русел шириной от 5 до 15 м, выделяющихся по белесому цвету – налету пленки карбонатов на осадках. В многих вадии даже в руслах наблюдается слабая цементация осадка. В днищах вадии Калансия и Брод-Велли линейно-вытянутые гряды останцов сложены гранитами и гранито-гнейсами. Высота их колеблется от метра до десятков метров в вадии Калансия. Фуркация русел, наличие останцов и их групп на днищах вадии свидетельствуют о большой величине стока как в годовом, так и в многолетнем разрезе. Благодаря этому возникают несовпадения русел в плане на разных этапах развития долины.

Цементация осадков временных водотоков приводит к тому, что продукты аккумуляции в конусах выноса мелких вадии могут выступать по отношению к процессам денудации в данных климатических условиях в роли коренных пород, что резко снижает темпы выноса обломочного материала за пределы долин. Литификация пролювия возвращает его в состояние коренных пород, поэтому в прибрежной зоне, в частности – на северо-западе Сокотры, широко распространены конглобрекции и конгломераты. Вода, фильтруясь через рыхлые осадки в днищах вадии, может растворять известняки и создавать карстовые формы. Такова, видимо, воронка глубиной до 20 м в днище вадии Безымянной, впадающей в бухту Губбат-Шу'аб.

Слабая окатанность обломочного материала в руслах вадии обусловлена малым транзитом обломочного материала в руслах временных водотоков. Причиной этого может быть либо быстрая аккумуляция, погребаящая толщи пролювия в днищах вадии, либо быстрая цементация осадков, при которой цикл сноса вещества возвращается к первоначальному состоянию, к этапу выветривания коренной породы.

Петрографический состав галечников более однороден в руслах вадии, в пролювии больше выветрелых обломков (от 15 до 25 %). В береговых формах в спектре галек преобладают устойчивые к транзиту породы, на бенче и в бичроке их больше, чем на пляже. На пляже галька лучше окатывается, поэтому среди обломочных частиц процент хорошо окатанной гальки велик (3-й класс и выше составляет 35–40 %). Но быстрая литификация осадков в береговой зоне приводит к уменьшению окатанности. Петрографический спектр галек при движении вдоль берега меняется значительно. Форма обломочных частиц в пляжевых отложениях более уплощенная – по сравнению с обломками склонового генезиса и пролювия.

В целом можно говорить о «перехвате» поступающих с суши в береговую зону наносов процессами быстрой литификации, что приводит к их дефициту и к разрушению берега. Большая энергия волн во многих местах препятствует созданию окаймляющего кораллового рифа (Борсук, 1982).

Глубины моря у северного побережья Сокотры отражают более сложное строение затопленной северной окраины островного массива – по сравнению с южной. В западной части северного побережья 1,5–2-километровые глубины почти вплотную (на 4–5 км) приближаются к берегу (между мысами Рас-Башури и Рас-Кадарма). Далее на восток происходит расширение островного шельфа с глубинами менее 100 м. В створе Рас-Карма еще в 14 км к северу от берега глубины составляют 35–40 м, и лишь в 22 км от берега отмечена глубина 1600 м. В створе Хадибо ширина шельфа с глубинами менее 100 м составляет 16 км. Вероятно, под урез на всем протяжении, от Рас-эль-Ахмар до Рас-Хаулаф, уходят поверхности уже упоминавшихся блоков гравитационного отседания. У северо-восточных берегов Сокотры шельф почти отсутствует и большие глубины снова подходят к самому берегу. Так, в районе Рас-Дехаммери глубины 1000 м и более отмечены в 4–5 км от берега.

В. Н. Космынин подчеркивает, что шельф Сокотры несет на глубинах 30–40 м следы более широкого, чем ныне, развития коралловых рифов. Возможно, что при современном, сравнительно высоком уровне моря сдерживающим фактором в процессе рифообразования служит периодический выброс в зону берега больших масс мутного пролювиального материала из долин острова. Существенно в этой связи, что наибольшего развития у берегов Сокотры рифы достигают близ юго-западной части острова (между Рас-Ша'б и Рас-Катанакан), где к морю не открывается ни единой долины (Леонтьев, 1970). Но действительно широкое распространение современные окаймляющие рифы приобретают у берегов почти безводных островов Самха, Дарса и Абд-эль-Кури.

Природно-климатические условия

Климат архипелага определяется прежде всего взаимодействием воздушных масс Азии и Индийского океана. Острова находятся в краевой части северного тропического климатического пояса, близ его границы с субэкваториальным поясом. В целом здесь климат тропический, сухой и жаркий, со средними температурами воздуха от +24° (январь) до +28 (июль). Суммарная солнечная радиация достигает 200 ккал на 1 см² в год (для сравнения: в Москве – 95 ккал), а по величинам годового радиационного баланса район Сокотры (подобно акватории у северо-западных берегов Австралии) обладает рекордными значениями – более 140 ккал на 1 см². Годовая сумма осадков на побережьях Сокотры 193 мм. Однако в горах обоих крупных островов, начиная с высоты примерно 200 м над уровнем океана, этот показатель, судя по прямым наблюдениям и по характеру растительности, заметно возрастает (до 300 мм, а в горах Хагъхер, видимо, и того более). Испаряемость превышает 2000 мм.

Муссонная циркуляция в районе Сокотры проявляется в закономерной смене направления господствующих ветров. Зимой под влиянием азиатской области повышенного атмосферного давления формируется сухой северо-восточный муссон. С конца октября и вплоть до апреля преобладают ветры со стороны северных и северо-восточных берегов

Аравийского моря, дующие обычно с умеренной силой – до 4–5 баллов. В конце октября – декабре в центральную часть Аравийского моря изредка проникают с востока отдельные тропические циклоны, приглушенное влияние которых может испытывать Сокотра.

В конце апреля метеорологическая обстановка резко меняется: в результате кардинальной перестройки поля атмосферного давления над Азией и океаном начинает действовать юго-западный муссон. Ветры от берегов Сомали силой до 6–7 баллов преобладают с мая по начало октября. В июне, июле и особенно в августе штормовые ветры свыше 7 баллов отмечаются в 20–40 % общего числа наблюдений. В конце апреля – июне Сокотра оказывается на пути мощных тропических циклонов. В весенние и летние месяцы к берегам трудно подойти и стать на якорь.

Температура поверхностных вод Аравийского моря у берегов Сокотры и Абд-эль-Кури колеблется от 23–24° (июль – август) и 25° (декабрь – февраль) до 29° (май). Сравнительно низкие температуры моря в конце лета (лишь в июле – сентябре море у берегов Сокотры несколько холоднее воздуха) связывают с подъемом холодных глубинных вод на прибрежной периферии летнего Сомалийского течения. Это мощное течение, обладающее у берегов Кении, Сомали и Сокотры скоростью свыше 1,5 узла, к востоку от Сокотры ослабевает, прогревается и со скоростью меньше 0,5 узла перемещает водные массы к берегам Индии под названием Муссонного течения. У северных берегов архипелага летом наблюдается несколько более слабое, чем Сомалийское, течение из Аденского залива в направлении северных берегов Аравийского моря. В проливах архипелага летом течения следуют с юга на север. Зимой в

данном районе действует теплое течение юго-западного направления со скоростью 0,5–1 узел, однако в проливах между Сокотрой и мысом Гвардафуй (благодаря различиям в скоростях течений к югу и северу от архипелага) и в зимние месяцы сохраняется перемещение вод с юга на север.

Сухой жаркий климат, неравномерное выпадение и почти повсеместная скудость атмосферных осадков определяют резко периодический характер стока поверхностных вод. Большинство вад на Сокотре и Абд-эль-Кури сохраняют сухие русла на протяжении почти всего года. Русла наполняются водой и пропускают ливневые паводки только во время выпадения дождей (что в отдельных бассейнах происходит не каждый год).

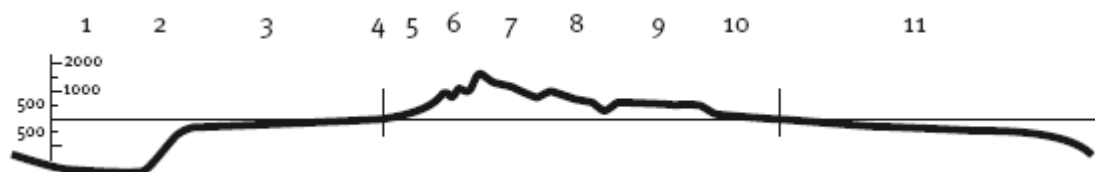
Несколько иная обстановка сложилась лишь в долинах, дренирующих склоны и периферию гор Хагъхер. Повышенное количество осадков обеспечивает здесь функционирование довольно многочисленных родников трещинных вод. Подземное питание поддерживает слабый сток в отдельных вад (Данагхон, Д'Асакэло, Ша'б и др.) на протяжении нескольких километров.

Вне контура поднятия Хагъхер сколько-нибудь мощные естественные родники на Сокотре немногочисленны, а на Абд-эль-Кури практически отсутствуют. Пример родников трещинного типа – многоглавый концентрированный источник близ селения Кай су, расположенного южнее Калан сии. Суммарный его дебит обычно не превышает 5 л/сек., но после выпадения дождей он возрастает в несколько раз. Мощный пластовый источник карстового типа, порождающий водопад, известен в одной из расселин известнякового плато на юго-западе Сокотры. Интересен и заслуживает изучения карстовый источник в пределах селения Губба на северном берегу (урочище Эриош), открывающийся ниже уровня моря и дающий в 300 м от берега круглое озерко с солоноватой водой. Его диаметр – около 30 м, глубина (в нижнем из двух соседних сеноте) – несколько десятков метров (см. подробно о родниковых источниках на Сокотре: Morris, 2002).

Горизонт слегка солоноватых подземных вод в пределах отложений 5–7-метровой морской террасы известен на низменных равнинах обоих островов и эксплуатируется системой колодцев. Зеркало этого горизонта соответствует уровню серии закрытых лиманов, приуроченных к устью нескольких вад побережья Сокотры: Ханефу (на окраине Хадибо), Данагхен, Сук, Карья, Мутауаф, Калансия, а также вад к югу от Рас-Баду. Значительные по водозапасамам глубоко залегающие водоносные горизонты могут быть обнаружены в карстовых комплексах и в основании разреза платформенных осадочных пород в контурах обширных плато восточной, центральной и западной части острова (см. подробно: Morris, 2002; ил л. 4).

Общий дефицит осадков на Сокотре и особенно на Абд-эль-Кури определяет сравнительно слабое развитие процессов почвообразования. Вместе с тем гористость островов, неравномерность атмосферного увлажнения разных их частей, неоднородность геолого-литологической и гидрогеологической обстановки сказываются на сложности (местами – вплоть до мозаичности) почвенного покрова.

В горах и на вершинах плато большие площади занимают оголенные выходы коренных пород с не повсеместным либо слаборазвитым почвенным покровом. На прибрежных равнинах обоих островов встречаются солончаки.

Илл. 4. Гипсометрический профиль через остров Сокотра и его шельф вдоль меридиана гор Хагъхер

На относительно хорошо увлажняемых склонах гор и в полосах равнин, окаймляющих их подножия, распространены красно-бурые субаридные почвы (ферроземы). Подобные почвы характерны для южной половины соседней Эритрейско-Сомалийской подобласти Эфиопско-Сомалийской почвенной области Африканского тропического саванно-ксерофитно-лесного почвенного сектора (Глазовская, 1983). Вероятно, и архипелаг Сокотра тяготеет к Эритрейско-Сомалийской подобласти.

Верхний гумусовый горизонт красно-бурых почв маломощен (до 20 см), имеет сероватую окраску, легкий механический состав. Ниже по профилю почвы цвет ее становится серовато-красным, а глубже 40–60 см от поверхности – кирпично-красным, оранжевым. Возрастает степень глинистости и карбонатности. Ферроземы требуют бережного отношения к себе во избежание их деградации. Е. В. Лобов и А. В. Хабаров (Лобов, Хабаров, 1983) отмечают, что при современных методах агротехники земледельческое освоение красно-бурых субаридных почв должно быть ограничено; особенно разрушительна обработка под посевы в сухой сезон. Кроме того, по мнению авторов, необходимо избегать излишнего выпаса скота.

Флора и фауна

Архипелаг Сокотра принадлежит Северо-Восточной Африканской нагорной и степной провинции Палеотропического флористического царства. Острова, в первую очередь сама Сокотра, стали известны всему миру своими бесценными и уникальными флорой и фауной. Именно они стали объектом пристального внимания европейских ученых – ботаников, зоологов, энтомологов, посещавших острова в XIX веке. Архипелагу Сокотра, который называют «Галапагосами Индийского океана», присущ уникальный палеоэндемизм фауны и флоры, изначально сформировавшихся на стыке трех биогеографических регионов. В отношении растительности Сокотра оставляет Галапагосы «далеко позади». Ботаники называют Сокотру «экорегiónом глобальной приоритетности» (Cheung and DeVantier, 2006: 61).

Значительная часть растений, произрастающих на острове, а именно 37 % из 825 видов (Cheung and DeVantier, 2006: 6), эндемичны, т. е. не встречаются более в мире нигде. Естественно, возникает вопрос о происхождении уникальной эндемичной флоры. По мнению

А. Миллера, может быть два объяснения этому факту. Первое из них состоит в том, что флора архипелага является реликтом флоры Гондваны. Второе: растения мигрировали на остров с соседних континентов. Эти объяснения не исключают друг друга, поскольку близость Аравии и Африки и сильные муссонные ветры позволяют предполагать возможность миграции растений с континента и обратно. Однако «стабильная геология и относительно влажный, океанический климат могли позволить растениям выживать и развиваться здесь в течение гораздо более длительного времени, чем в более суровой среде соседних континентов» (Miller and Morris, 2004: 9). Ботаники находят некоторое число растений, встречающихся на Мадагаскаре, в Аравии, Индии, Южной Азии и на Сокотре, происхождение которых возводят к флоре Гондваны. Это, в частности, *Echium*, генно-молекулярное исследование подвидов которого, равно как и самого их ареала, выявило, что на Мадагаскаре оно распространилось, придя издалека, а подвиды, обнаруживаемые на Сокотре, близки тем, что находят в Аравии. Отсюда ясно, что растение либо когда-то было занесено на остров с Аравийского полуострова, либо произошла дивергенция с той поры, когда Сокотра отделилась от Аравии (там же).

Символом Сокотры стала древовидная драцена, драконово дерево, *Dracaena cinnabari*, *дам*

аль-ахавейн («кровь двух братьев»), названное так по-арабски из-за легенды о борьбе двух братьев. Сокотрийцы называют это развесистое дерево высотой до 10 м *a'giyob* (илл. 4 на цв. вкладке). Целые рощи древовидной драцены покрывают высокие плато и горы Хагъхер. Это – восточный рефугиум прежде единого гигантского миоценового ареала – от Мадейры и Эфиопии до южных пределов России. От прежнего ареала на западной окраине – на Канарах и в Марокко уцелели немногие деревья *Dracaena draco*, опознанные еще Александром Гумбольдтом. Растущая только в предгорьях и на горах, обычно выше 500 м драцена – дерево удивительной красоты, с великолепной шапкой-кроной из длинных игольчатых листьев, издали оно напоминает большой гриб с зеленой шляпкой. Скот ест листья драцены в годы засухи. При надрезе его коры белесого цвета изнутри вытекает быстро застывающий красный сок, что и предопределило, видимо, его арабское название. Образующаяся камедь багрового цвета называется по-сокотрийски *эмсэло*. Свежую камедь варят и складывают в лепешках – *и Уаха*. Этот продукт имеет широкое применение у сокотрийцев как косметическое и лекарственное – в медицине и ветеринарии – средство. Косметически используется, в частности, для смягчения кожи лица у женщин, для подкрашивания ногтей и ладоней (подобно тому, как арабы используют хну). Порошок из камеди, смешанный с водой, используется как эффективное наружное противовоспалительное средство. Сухой порошок также наносят на раны или места укусов, что помогает заживлению и облегчает боль. При кровотечениях его добавляют в горячее молоко и пьют для восстановления сил. Камедь принимают и внутрь при болях в желудке и т. д.

По внешнему виду драцена несколько напоминает повсеместно растущее на Сокотре дерево *Euphorbia arbuscula*, по-сокотрийски *имтхэ*, высотой до 5 м. Листья *имтхэ* толстые, похожие на кактусы. Их сок обжигает кожу и входит в арсенал народной медицины сокотрийцев. Лишь в засушливые годы листьями кормят коз. Дерево входит в группу древовидных молочаев *Euphorbiaceae*, включающую не только это эндемичное дерево, но и различные кустарники и травы, как например, распространенную только на острове Абд-эль-Кури стеблевидную форму *Euphorbia abdelkuri*, называемую по-сокотрийски *архаз*. Не менее экзотично повсеместно распространенное бутылочное дерево, *Adenium obesum*, подвид *socotranum*, родственник олеандра и барвинка, называемое по-сокотрийски – в восточном и части центрального района – *тримо*, а в западном и части центрального района – *исфид* (илл. 5 на цв. вкладке). По-прежнему можно встретить огуречное дерево, *Dendrosicyos socotrana*, по-сокотрийски *камхин*, высотой до 6 м (илл. 6 на цв. вкладке), входящее в группу *Cucurbitaceae* (из семейства тыквенных). Листья едят козы, но также только в засушливые годы.

Сокотра с древности известна своими благовонными деревьями из семейства бурзеровых, прежде всего несколькими видами ладана – *Boswellia* (илл. 7 на цв. вкладке), по-сокотрийски *эм'уро* (на западном диалекте *эмгиро*), высотой до 8 м, которые включают три основных вида – просто *эм'уро*, *эм'уро самаано* (качество камеди выше) и *эм'уро тилие* (качество камеди самое высокое). Именно на ладане в древности строилось благополучие островитян, как и жителей почти всей Южной Аравии. Разведение этих деревьев и экспорт ладана были важнейшими, если не главными занятиями сокотрийцев. Камедь сегодня используется, как и везде в Аравии, как косметическое средство (при воскурировании), а также в медицине и ветеринарии (для заживления ран и кожных болезней). Встречается также колючее бальзамное (мирровое) дерево *Commiphora*, по-сокотрийски – *хархэр*, соответствующее араб. *самг*. Оно также используется в косметических и лечебных целях. К примеру, дымом от воскуриваемой смолы обдают родившегося ребенка.

На Сокотре очень много различных видов алоэ (*Aloeseae*), называемых по-сокотрийски *тайф* (илл. 8 на цв. вкладке). Лечебные свойства сока алоэ, особенно – *Aloe pernyi*,

достигающего размеров кустарника, – широко известны, и сокотрийцы повсеместно используют его для лечения самых различных заболеваний, в том числе даже малярии.

На равнинах и предгорьях Сокотры часто встречается характерное для Ближнего Востока, Африки и северо-западной Индии дерево *Ziziphus spina-christi*, по-сокотрийски *зад*. Оно известно своими съедобными плодами, которые по-арабски называются *дум*, а по-сокотрийски *жиреме*. Это отличный корм для скота, особенно для верблюдов.

Можно заключить, что зональным типом растительности являются здесь сомали-аравийские формации тропических пустынь (Физико-географический атлас, 1964). На участках низменных равнин островов господствуют злаково-кустарниковые полупустыни, более характерные для Сокотры, и злаково-кустарниковые пустыни, типичные для Абд-эль-Кури. В собственно пустынях (Южная прибрежная равнина на Сокотре, почти вся поверхность Абд-эль-Кури) распространены небольшие (высотой до 1 м) ксероморфные кустарнички (*Acacia*, *Tamarix*, эндемик ятрофа – *Jatropha* и др.) и накапливающие влагу суккуленты, к которым относятся уже упоминавшиеся бутылочное дерево, огуречное дерево и некоторые другие растения. Травянистый покров разрежен и в значительной степени сведен из-за выпаса.

Полупустыни занимают несколько более увлажненные участки холмистых равнин и нижних частей склонов гор (равнина Хадибо, урочища Эриош и Мури, прибрежные подгорные части равнины Калансия, склоны платообразных гор Абд-эль-Кури на высотах 150–200 м и др.). Высота ксероморфных кустарников и низкорослых деревьев достигает здесь 2,5–3 м. Доминируют акации, древовидные молочаи *Euphorbia*, кустарники *Dirichletia* и ятрофа, встречаются бутылочное и огуречное деревья. Обычны алоэ. Многолетние травы в полупустынях богаче, чем в пустынях, но также почти уничтожены вследствие выпаса.

Илл. 5. Кротоны

Более влажные склоны гор и плато Сокотры – обычно в диапазоне абсолютных высот 200–500 м – заняты ксерофильными редколесьями. Высота деревьев достигает местами 5 м,

густота древостоя также заметно увеличивается. Доминируют акации, древовидные молочаи, адениум, ладанное дерево. Встречаются колючее бальзамное (мирровое) дерево, дикий апельсин (*Citrus aurantium*), гибискус (*Hibiscus*), алоэ, из травянистых цветковых – виола (*Viola cinerea*), резеда (*Reseda viridis*), крокус (*Crocus*) и многие другие растения.

Ландшафты ксерофильных редколесий хорошо представлены на Сокотре, например, вдоль таких вади, как Хасын, Калансия, Да-нагхен, а также в долинах западной части Восточного плато. Местами в опустыненной саванне можно в маршруте потерять из виду спутника, продираясь сквозь казалось бы негустые уникальные заросли ветроустойчивого (здесь «ломаются» муссоны) древовидного кустарника *Croton Socotranus* (илл. 5).

Крайним своеобразием отличается растительность центральной части гор Хагхер в диапазоне абсолютных высот 500–1500 м. Здесь роль флористической доминанты принимает на себя упомянутая выше драцена (*дам аль-ахавейн*), целые рощи которой местами покрывают борта ущелий, а отчасти и горные гребни. Кроме того, в горных сухих колючих лесах и кустарниковом ярусе растут, например, дикий гранат (*Punica protopunica*), сокотрийский самшит (*Buxus hildebrandtii*), можжевельник, индигоносный тамаринд (*Tamarindus indica*), сикомор (*Ficus sycoTora*), кустарник кукольван (*Cocculus*). В травянисто-кустарничковом ярусе встречаются альпинотипные виола, кампанула, подснежник (*Scilla berthelotii*), некоторые виды алоэ, очный цвет (*Primula*), бегония (*Begonia socotrana*) и др.

Первым составивший подробное описание сокотрийской флоры Ф. Балфур (см.: Balfour, 1888; Forbes, 1903) выявил многие десятки эндемичных видов растений среди древесных, кустарниковых и травянистых форм. Некоторые эндемики уже названы выше. Среди представителей рода *Dirichletia* четыре вида эндемичны (из пяти видов на Сокотре). Из 12 видов рода *Euphorbia*, растущих на Сокотре и Абд-эль-Кури, эндемичны девять. Известны, как упоминалось, три эндемичных вида ладанного дерева, три вида акации, шесть видов индиго и многие другие. Ряд эндемиков, например *Euphorbia abdelkuri*, *Dendrosicyos socotrana*, *Dorstenia gigas*, считаются реликтами древней африканской флоры.

Цель этой работы не состоит в подробном описании сокотрийской флоры, поэтому ограничимся лишь этими яркими примерами. Интересующиеся могут найти великолепное и детальное описание растительного мира островов архипелага в книге Миллера и Моррис (2004).

В зоогеографическом отношении Сокотра и другие острова архипелага принадлежат Восточноафриканской подобласти Эфиопской фаунистической области. Той же подобласти принадлежат соседние территории Сомали и юга Аравии, однако рассматриваемые острова во многом уникальны по своей фауне. В то время как в целом Эфиопская подобласть характеризуется богатством фауны, многообразием диких животных, – на Сокотре и Абд-эль-Кури почти нет туземных млекопитающих. Среди птиц, пресмыкающихся, насекомых и моллюсков здесь насчитывается немало эндемичных видов. Эндемизм связан прежде всего с длительной обособленностью островов. Общая бедность видового состава – характерная черта островной фауны вообще, что объясняется вымиранием части прежних видов и трудностью естественного проникновения переселенцев на острова. Однако те немногие группы, которые свойственны архипелагу, относительно богаты разнообразными видами. Особенно это относится к пресмыкающимся и членистоногим (насекомым, ракообразным, паукообразным и многоножкам, среди которых встречаются примитивные, архаичные формы).

Исключительный эндемизм характерен для пресмыкающихся, моллюсков, некоторых насекомых, паукообразных и многоножек (илл. 6). По мнению зоологов, фауна архипелага имеет особое значение для понимания эволюции видов.

Эволюционные характеристики представителей флоры и фауны островов включают гигантизм и карликовость, утрату защитных адаптаций, реликтуализм и т. п. (Cheung and

DeVantier, 2006: 6).

Коренная фауна ограничивается летучими мышами, эндемичными землеройками, мелкими пресмыкающимися, включая мастера камуфляжа хамелеона *Chamaeleo monachus*, рептилиями, насекомыми, паукообразными.

Эндемизм проявляется и здесь: из 30 видов местных сухопутных рептилий 27 не встречаются за пределами архипелага (илл. 7, 8, 9).

Илл. 6. Сокотрийский геккон *Phyllodactylus*

Все существующие животные (овцы, козы, коровы, ослы, верблюды, кошки), часть которых находится в полудичавшем состоянии (особенно многочисленные козы и ослы), завезены на острова людьми несколько веков назад. Г. Форбс, детально изучивший фауну обоих островов (Forbes, 1903), считал, что и дикий хищник «мускусный кот», т. е. малая цивета из семейства виверровых (*Viverricula malaccensis*) – родственник киплинговского рики-тики-тави из мангустов – интродуцирован на Сокотре островитянами. Отметим при этом, что неразомкнутый ареал семейства *Viverridae* охватывает Африку с Мадагаскаром, Аравию, Индостан, Индокитай и большую часть Малайского архипелага. Бесспорно, из 14 видов млекопитающих туземными могут считаться на Сокотре только летучие мыши.

Как сообщают те же Ченг и Де Вантье, сокотрийская фауна включает в себя 600 видов насекомых, 60 пауков, 7 сороконожек, много ракообразных, в том числе 4 десятиногих раков и 38 равноногих (изоподов), около 100 моллюсков (Cheung and DeVantier, 2006: 101). Большинство этих представителей фауны – эндемики. Сокотрийская фауна еще недостаточно изучена, и можно с уверенностью предполагать, что могут быть открыты новые, пока еще неизвестные виды. Об этом говорят и сами зоологи, и свидетельствует разноречивость в данных о числе представителей фауны. Вольфганг Враник, например, пишет о 800 известных видах и оговаривается, что их может оказаться намного больше (Wranik, 2003).

Илл. 7. Яцерица

Илл. 8. Яцерица

Илл. 9. Змея

Среди сокотрийских пауков особенно известен знаменитый *Monocentropus balfouri*, один из самых древних видов на земле, названный по имени его европейского первооткрывателя Балфура, по-сокотрийски – *фитамэ* (илл. 9 на цв. вкладке). Этот эндемический огромный паук размером с человеческую ладонь (его рост около 34 мм, а длина конечностей – 53 мм, за что энтомологи называют его мегаломорфным) считается одним из наиболее древних и ядовитых представителей местной фауны. Европейские путешественники прозвали этого паука «сокотрийским бабуином». Его панически боятся сокотрийцы. Рассказывали, будто укус паука может убить верблюда. Если идущий по тропе верблюд случайно приблизится к пауку, тот инстинктивно переворачивается на спину, и, оттолкнувшись лапами, подпрыгивает и кусает животное в ногу. Однако натуралисты считают эти рассказы о силе яда *фитамэ* преувеличением. Впрочем, сокотрийцы любят сочинять подобные легенды о реальных или воображаемых существах, угрожающих человеку. На Сокотре можно встретить три вида из шести встречающихся в Аравии «черных вдов» – ядовитых пауков *Latrodectus dahli*, уступающих по размерам *фитамэ* (илл. 10 на цв. вкладке). Характерная особенность этих пауков – раздутый живот диаметром до 10 мм. В пещере Гиниба мы видели паука *Charinus stygochthobius*, которого Петер Вайгольдт и Кэй Ван Дамм считают единственным настоящим троглобионтом из пещерных эндемиков, реликтов более влажной эпохи в истории Сокотры (Weygoldt & Van Damme, 2004).

Еще одно угрожающее человеку существо – гигантская сколопендра *Scolopendra balfouri*, или *valida* (илл. 10) длиной до 18 см. Ее укус даже более болезнен, чем укус эндемичного гигантского скорпиона (по-сокотрийски *каанхен*), достигающего 13 см в длину – *Hottentotta socotrensis*, которого можно обнаружить только на самой Сокотре и на Самхе (илл. 11).

Из распространенных на Сокотре насекомых отряд двукрылых, или мух (*Diptera*), включает около 80 представителей, в том числе как широко известных в других районах, так и эндемичных. Они подробно исследованы в прекрасной работе энтомолога Враника (Wranik, 2003). Среди самых обычных представителей этого отряда – муха домашняя *Musca domestica* и

муха черная *Simulium ruficorne*. Враник пишет и о распространенной повсеместно в мире мухе, или оводе *Oestrus ovis* (один из видов оводов носоглоточных *Oestridae*), личинки которых паразитируют на домашнем скоте: «Известные здесь как *di-'asar*, эти мухи могут причинять раздражение глаз и респираторный дискомфорт у людей, и их очень боятся пастухи» (см.: Cheung, De Vantier, 2006: 115; см. о верованиях, связанных с этой мухой, в главе девятой).

Илл. 10. Гигантская сколопендра *Scolopendra valida*

Илл. 11. Гигантский скорпион *Hottentota socotrensis*

Сокотра и другие острова архипелага – заповедник редких видов птиц, которые облюбовали на острове несколько мест (илл. 11, 12 на цв. вкладке). Всего здесь обитает (по: Cheung C., De Vantier L., 2006) 192 представителя орнитофауны, включая птиц, живущих на островах постоянно (среди них выделяют шесть эндемичных семейств) и мигрирующих или

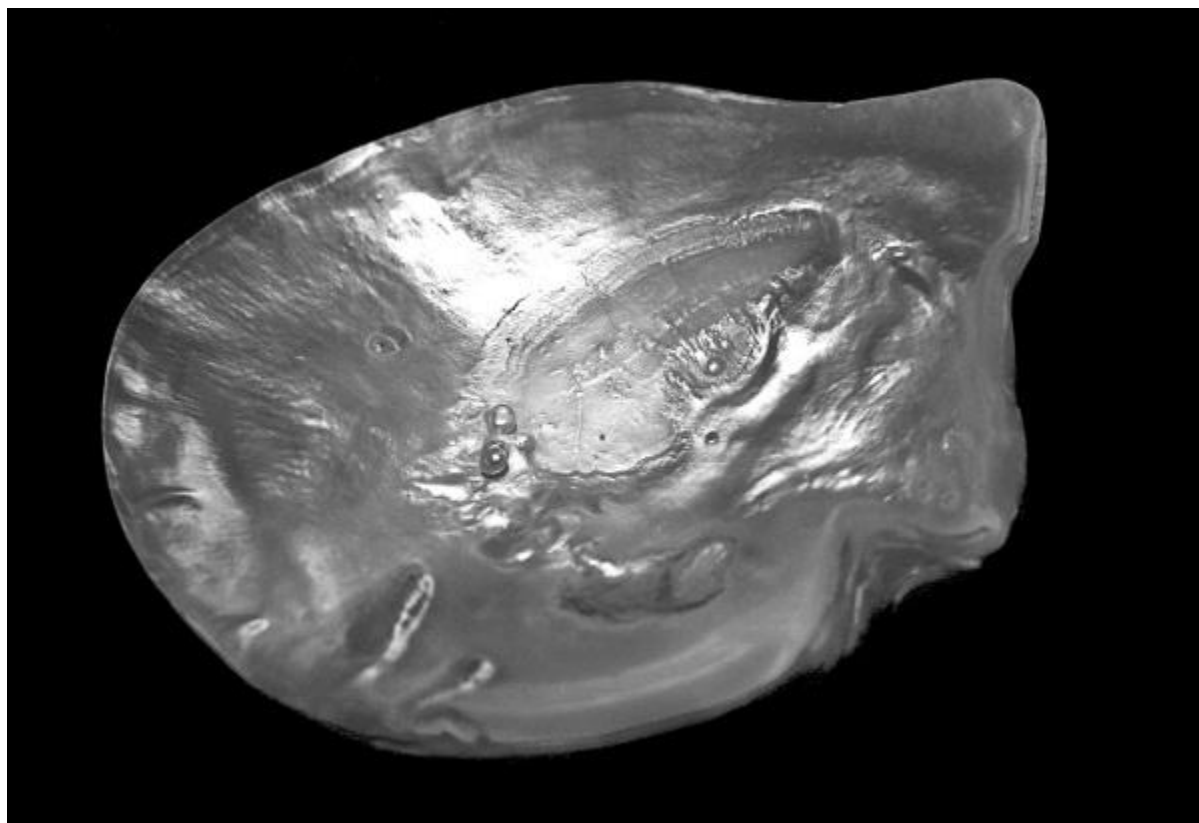
прилетающих сюда зимовать. Сокотрийская популяция далеко мигрирующих стервятников, или египетских грифов *Neophron percnopterus*, – самая большая на Ближнем Востоке. Эти птицы, питающиеся падалью и пищевыми отходами, – хорошие санитары (илл. 13 на цв. вкладке).

Среди постоянных эндемиков орнитофауны архипелага – широко распространенный воробей сокотранский (*Passer insularis*), а также абдель-курийский, нектарница Балфура (*Nectarina balfoury*), славка сокотранская (*Incana*), которую трудно увидеть, скворец сокотранский (*Onychognathus frater*). Под угрозой исчезновения находится обитающая в прибрежных дюнах певчая птица цистикола сокотранская (*Cisticola haesitata*), популяция которой насчитывает всего 3 тысячи пар. Самый редкий эндемик среди орнитофауны – овсянка сокотранская (*Emberiza socotrana*), размножающаяся лишь в горах Хагъхера. На Сокотре осталось менее тысячи особей этого вида, который Всемирный союз охраны природы (IUCN, ВСОП) относит к числу исчезающих. Такая же судьба угрожает столь редкой, встречающейся только на острове Сокотра хищной птице, как канюк сокотранский (*Buteo*). В немалой мере оттого, что он становится добычей браконьеров, поставляющих на рынки Персидского залива ловчих птиц, на Сокотре сохранилось лишь около 500 пар канюков. Эндемична и совка африканская (*Otus senegalensis/sunia*).

На островах архипелага размножаются такие далеко мигрирующие виды, как золотокрылый выюрок дубонос (*Rhynchostruthus socotranus*), и многие морские птицы. Здесь отмечаются самые высокие в мире темпы размножения голуболицей олуши (*Sula dactylatra*), персидского буревестника (*Puffinus persicus*) и некоторых других видов. Популяция красноклювых фазанов (*Phaethon aethereus*) на острове Дарса – едва ли не самая большая на Ближнем Востоке. В Красную книгу ВСОП занесены бакланы сокотранские (*Phalacrocorax nigrogularis*). А в 2000 г. на Сокотре была обнаружена небольшая колония такой редчайшей морской птицы, как тайфунник Жуанена (*Bulweria fallax*), также находящейся на грани исчезновения.

Среди характерных для местной орнитофауны постоянных и прилетающих сюда представителей – самая маленькая хищная птица пустельга (*Falco tinnunculus*), малая горлица (*Streptopelia senegalensis*), стриж Форбса-Уотсона (*Apus berliozi*), крупный коричневогрудый ворон (*Corvus ruficollis*), скворец сомалийский (*Onychognathus blythii*), часто сидящий на спинах крупного рогатого скота, и многие другие.

В целом естественные биоценозы Сокотры до начала сознательного завоза человеком животных на острова были ненасыщенны, что и определило возможность вселения многих «новых» видов.

Илл. 12. Жемчужница

Морская фауна близ Сокотры и Абд-эль-Кури обильна и разнообразна, что связано с упоминавшимся подъемом близ берегов богатых пищей глубинных вод летнего Сомалийского течения. Среди здешних рыб к подклассу хрящевых принадлежат акулы и скаты-хвостоколы, а к подклассу костных – тунец, королевская макрель, барабула, индийская скумбрия, мероу, барракуда, мурена, рыба-попугай, рыбы-бабочки (см. илл. 14 на цв. вкладке). Многие коралловые рыбки отличаются сплюсненностью тела с боков, что позволяет им проникать в щели рифов. Среди ракообразных в обилии встречаются лангусты, крабы, креветки. Из морских пресмыкающихся распространены ядовитые морские змеи и морские черепахи. Прибрежные воды богаты моллюсками (каракатицы, кассисы, крупные каури, жемчужницы, семипал ки Lamb us и др.) (илл. 12).

В виде более или менее обильных скоплений на мелководьях архипелага встречаются шестилучевые и восьмилучевые кораллы. Для прибрежных вод характерно значительное разнообразие сублиторальных биотопов. Речь идет об участках, располагающихся ниже уровня максимального (сизигийного) отлива, с однотипными условиями абиотических факторов и определенными биоценозами. Морские биологи насчитывают здесь более 20 биотопов. Самыми бедными биоценозами обладают подвижные пески на мелководье, на средних и сравнительно больших (до 200 м) глубинах. Подобные подводные ландшафты распространены, в частности, у западных, юго-западных, юго-восточных берегов острова Сокотры и в створе западной трети равнины Ноугед, где в зону берега почти не поступают с суши валунно-галечные наносы. Песчаный субстрат характерен и для дна береговых лагун, которое местами усеяно обломками скальных пород, частично покрыто губко-вым торфом и водорослями тканевого строения. Там, где поступление из береговой зоны на мелководье песчаной массы сравнительно невелико, располагаются коралловые массивы и рассредоточенные ветвистые и столовые (головоподобные) кораллы рода Асгорога. На мелководных песках в закрытых лагунах

урочища Эриош встречаются густые галофильные популяции морских травоподобных и волокнистых водорослей. Там, где сублитораль и литораль покрыты валунно-галечными отложениями, вынесенными из горных вадии при низких уровнях стояния поверхности океана, развиты заросли крупнослоевидных водорослей в сочетании с рассредоточенными жесткотелыми и мягкотелыми кораллами. В условиях дефицита терригенных наносов – на оголенных известняковых «платформах» обитают рассредоточенные жесткотелые – в том числе столовые – и мягкотелые кораллы различных видов. Особый тип подводных ландшафтов представляют собою контрастные реликтовые гребенчатые рифовые структуры, иногда параллельные береговой линии, а также акропоровые сооружения с характерными шпорами (восточная часть подводного склона урочища Эриош, склон амфитеатра Хадибо, часть северо-восточного побережья Сокотры).

Некоторые заключения

На основании как проверенных временем, так и новейших данных могут быть сформулированы следующие палеогеографические соображения.

Предыстория современных ландшафтов архипелага Сокотра начинается с существования обширного эпиконтинентального (надмате-рикового шельфового) моря. На дне этого неглубокого теплого моря, покрывавшего также современные территории Южной Аравии и Африканского Рога, шло и завершилось около 40 млн. лет назад накопление известняков. Бейдун и Бичан (Beudoun & Bichan, 1970) и другие геологи отмечали при этом сходство осадочных отложений Южной Аравии, Сокотры и Сомали.

В конце эоцена начался рост огромного сводового поднятия – Аравийско-Сомалийской антеклизы. Его северо-западным крылом служит односторонний горст Южно-Аравийского поднятия, или антекли-за Хадрамаут. Противоположное – юго-восточное крыло находится на сомалийском побережье и острове Сокотра. Вдоль оси Аравийско-Сомалийской антеклизы позднее образовался Аденский рифт. В олигоцене и начале миоцена происходила постепенная смена морского режима континентальным на тогда еще единой территории Восточной Африки – Южной Аравии. В олигоцене, однако, море вновь вторглось в эрозионные понижения молодой суши. В двух впадинах на западе Сокотры сохранились глинисто-карбонатные отложения мощностью до 50 м (включая мягкие зернистые мелоподобные известняки), накопившиеся примерно 30–25 млн. лет назад. Например, в области Мейхах на самых западных останцах Тер Дитрера сохранились от последующего размыва фрагменты ритмически сложенной толщи, относимой к группе Шихр. То, что морские осадки олигоцен-миоцена – в отличие от эоценовых и более древних – развиты только узкими полосами вдоль берегов Аденского залива и Индийского океана, позволило в свое время В. Е. Хайну утверждать: современные очертания крайней восточной части Африканской платформы и континента обозначились к началу олигоцен (Хайн, 1971).

Примерно 20 млн. лет назад в районе современного архипелага Сокотра устанавливается континентальный режим. Общее воздымание было связано с процессом эпиплатформенной активизации. Ведущим мотивом на ее ранних этапах был рост (в высоту и в ширину) крупного сводового поднятия с центром на северо-востоке нынешней Эфиопии. Одна из осей свода приобрела восток-северо-восточную ориентировку. Вдоль этой оси пролегла рифтовая зона наподобие современных Байкальской или Рейнской. Согласно геофизическим и геологическим исследованиям последних лет (D'Acromont & al., 2004, 2006; Fournier, 2007), не позднее 17,6 млн. лет тому назад произошло превращение Аденского континентального рифта в океанический – типа современного Красноморского. Срединно-океанический хребет Шеба

(Sheba Ridge) распространился со стороны Индийского океана в общем западном направлении в пределы прежде единой Афро-Аравийской суши. Около 16 млн. лет назад западное «вклинивание» океанического рифта достигло створа восточной оконечности Сомали (разломная зона Alula-Fartag).

Наиболее бурное геолого-геоморфологическое развитие Сомали-Аравийского региона относится ко времени разломов упомянутого свода, происходивших примерно 15 млн. лет назад. Острова архипелага и дно прилегающих участков моря сохраняют явственные следы опускания в северо-северо-западном направлении крупных блоков суши. Эти смещения происходили в связи с раскрытием и углублением Аденского залива. Так, по данным сейсмического профилирования, на траверсе г. Калансия шельф острова Сокотра обрубается со стороны залива сбросом с амплитудой вертикального перемещения до 3 км. Прилегающий параллельный грабен на морском дне шириною 15 км заполнен неоген-четвертичными осадками мощностью до 2 км. Сходная картина отстраивается геофизиками у северных берегов Абд-эль-Кури.

Еще большая амплитуда шарнирного перемещения блоков приписывается юго-западным сбросовым ограничениям западной половины острова Сокотра. Судя по рельефу, эти сместители представляют собою не плоскости, но зоны мелкоблокового (секционного) дробления шириною до 0,5 км. В частности, в долинах вади Калансия к юго-востоку от одноименного города и вади Кош к юго-западу от селения Шерубруб (Ша'б) зоны сместителей прослеживаются по сериям остросеберных денудационно-тектонических останцов-«твердышей». Последние сложены преимущественно биотитовыми гранитами фундамента. Размах высот в полосе тектонического дробления измеряется десятками метров.

Позднемиоценовые (16–5,3 млн. лет от нашего времени) неотектонические движения различных знаков привели к обособлению в пределах современного контура Сокотры нескольких тектоморфоструктур: асимметричного поднятия гор Хагхер, ныне превышающих отметку 1500 м, и серии опрокинутых блоковых морфоструктур западной половины острова. В едином створе поперечного профиля суши с северо-северо-запада на юго-юго-запад здесь выделяются асимметричные низкогорные массивы Кадарма, Тедьях, Жизалих, Муталах (с отметкой 742 м) и хребет с отметкой 654 м, возвышающийся между западным «заливом» бассейна Захр и западным краем равнины Ноугед.

Затем, видимо, уже в плиоцене началась дробная глыбовоблоковая дифференциация площади архипелага и индивидуализация ныне существующих островов. В роли сместителей нередко выступали разломы более древнего заложения, причем наибольшие амплитуды вертикальных перемещений (до 800 м на суше) свойственны сбросам запад-северо-западной ориентировки, диагональной к оси рифта Аденского залива. Разломы северо-восточного простиранья, параллельные оси рифта, имеют в основном сбросо-раздвиговую природу.

Таким образом, основные черты современной топографии Сокотра и Абд-эль-Кури приобрели 6–8 млн. лет назад. В плиоцене же гористые острова были расчленены сетью средних и малых долин, а в западной части острова Сокотра сформировалось несколько эрозионно-тектонических впадин (Захр и более мелкие). По-видимому, уже в плиоцене изолированный как от Аравии, так и от Сомали архипелаг Сокотра приобрел самобытный растительный и животный мир.

Эпоха относительного тектонического затишья и стабилизации обстановки в районе архипелага длилась в течение плиоцена и в начале эоплейстоцена (5,3–1,8 млн. лет от нашего времени). В связи с глобальным возобновлением процессов горообразования (Ollier, Pain, 2000), начавшимся, по всей видимости, 1,8 млн. лет назад, продолжилось дробление сомалийского шельфа. Образование разломов нигде в пределах архипелага не сопровождалось проявлениями

магматизма. К заключению геологов о малой глубинности разломов следует добавить соображение об участии механизмов приповерхностной гравитационной тектоники в глыбово-блоковой дифференциации островных масс и дна прилегающей акватории. Эта дифференциация суши и мелководья, а также индивидуализация ныне существующих островов происходили по унаследованным разломам двух главенствующих направлений.

Во-первых, активизировались вертикальные подвижки по трансформным сбросо-сдвигам северо-восточного – юго-западного простирания. Сегментация земной коры при этом шла как непосредственно по глубоким щелевидным зонам крупнейших разломов Мула-Фартак и Сокотра, так и по двум второстепенным нарушениям, располагающимся между ними. Собственно трансформный разлом Сокотра привел к блокоразделу между шельфом Большой Сокотры и массивом Абд-эль-Кури. Внушительным «отголоском» разломов данного направления является трансформная зона Хадибо. Ее близмеридиональные опережающие обрубают западный и северо-западный фланги массива Хагъхер зияющими тектоническими ущельями в восточной части района Диксам и дают представление (хотя, видимо, и не в полной мере) о размахе разрывной тектоники между главными составными частями архипелага.

Иной структурой отличаются блокоразделяющие нарушения западо-северо-западной ориентировки. Это – нормальные сбросы и сбросо-раздвиги. Они прослеживаются параллельно осевой зоне Аденского рифта от залива Таджура до створа центральной части Сокотры. В результате одного из таких нарушений, предопределившего положение бассейна Дарса, от Сокотры были отсечены острова «Братья» (Самха и Дарса), а в батиметрии появился глубокий залив, в дающийся в шельф архипелага с западо-северо-запада. Еще более мощным нарушением – щелевидным асимметричным грабеном (дно которого наклонено на северо-северо-восток) шельф Абд-эль-Кури отсекается от современной восточной оконечности Африканского Рога. Данная блоково-разломная зона читается в батиметрии Аравийского моря в виде глубокого – до 1000 м – пролива западо-северо-западной ориентировки (бассейн Гвардафуй). На протяжении не менее 1 млн. лет отсечен этой зоной цоколь Абд-эль-Кури от шельфа мыса Гвардафуй (Сомали). Можно полагать, что именно углубление грабена Гвардафуй способствовало окончательной изоляции архипелага Сокотра от Африканского материка.

Эпоха, отстоящая от нас на 20–15 млн. лет, в истории наземной флоры и фауны была тем временем, когда на практически еще единой Афро-Аравийской суше существовали неразомкнутые ареалы растений и животных. Лишь позднее начались обособления и индивидуализация самостоятельных биогеографических регионов Южной Аравии, Сокотры и Сомали. Правда, между ними эпизодически мог происходить частный обмен.

На протяжении четвертичного периода развитие природы островов архипелага Сокотры (особенно климата, флоры и фауны) отличалось существенной «консервативностью» вследствие их положения на южной кромке тропического пояса. Как подчеркивает в этой связи

А. А. Свиточ (Острова, 1982), в экваториальном, субэкваториальных и тропических поясах Земли в плейстоцене размах природных колебаний был сравнительно невелик, а ход природного процесса был близок к плиоценовому. Однако спокойная в целом эволюция ландшафтов шла на фоне неоднократных колебаний уровня океана.

В эпохи материковых оледенений Северного полушария уровень океана падал до отметок на несколько десятков метров ниже 100 м. Соответственно осушались большие площади островного шельфа, включая многие банки и дно проливов, за исключением глубокого (почти до 1000 м) пролива, неизменно отделявшего цоколь острова Абд-эль-Кури от шельфа мыса Гвардафуй. Особенно крупный массив суши – в два раза больше современной Сокотры – возникал при объединении его с соседними, расположенными к юго-западу от него небольшими островами Самха и Дарса. Единый остров имел в такие эпохи (последний раз в

конце плейстоцена, около 20 тыс. лет назад) обширные площади плоского низменного рельефа, местами осложненного горами и плато Сокотры, Самха и Дарса. В эпохи регрессий океана происходило заметное углубление эрозионных долин.

Наиболее теплые фазы межледниковий знаменовались высокими стояниями уровней Индийского океана, в том числе на отметках несколько выше современной – на 10–15 м. Такие «подтопления» островов, как считается, в недавнем геологическом прошлом происходили неоднократно: в конце среднего плейстоцена (около 140 тыс. лет назад), в середине позднего плейстоцена (около 70 тыс. лет назад) и во второй его половине (около 30 тыс. лет назад). С последней межледниковой трансгрессией связано формирование 5–7-метровой морской террасы на побережьях островов Сокотры и Абд-эль-Кури. Свиточ на основании анализа ископаемых моллюсков и литологии осадков полагает, что 30 тыс. лет назад как подводные, так и наземные ландшафты существенно не отличались от современных. В эпохи трансгрессий шло заполнение наносами прибрежных отрезков эрозионных долин.

Около 10 тыс. лет назад Сокотра и Абд-эль-Кури испытали воздействие послеледниковой (фландрской) трансгрессии, оставившей следы в виде морских террас на шельфе, а также над современным урезом на высоте 2–4 м. Именно с этой трансгрессией связывают образование побережий современного облика. К настоящему времени оформились береговые валы и пересыпи, отчленяющие от моря ряд закрытых лиманов, а также осушки на низменных участках побережий (урочище Эриош) и свежие абразионные уступы. На суше продолжают процессы физического выветривания скальных пород, карстовые процессы, медленное смещение нецементированных обломочно-мелкоземистых масс на склонах, развитие долин вади. Эоловые явления сводятся к удалению ветрами аллювиального мелкозема с поверхностей возвышенностей и к формированию молодых свободных и прислоненных дюн на берегах (Борсук, 1982).

Современные ландшафты Сокотры и Абд-эль-Кури при всем их своеобразии нельзя отнести к категории первичных, не измененных воздействием человека. Хозяйственная деятельность (по крайней мере, на самой Сокотре) ведется на протяжении тысячелетий. Практически не тронуты на островах лишь недра, климат (микроклимат местами изменен) и режим стока поверхностных вод. Рельеф уже подвергся небольшим антропогенным изменениям в связи с прокладкой дорог, особенно – шоссе, и строительством различных сооружений. Гидрогеологические ресурсы верхнего водоносного горизонта активно потребляются значительным по численности населением. Об изменениях в составе фауны к уже сказанному можно добавить то, что наблюдается тенденция избирательного вылова ценных сортов рыбы и добычи морских организмов.

Внушающие опасения масштабы приобрела антропогенная нагрузка на растительность Сокотры, которая проявляется в двух формах. Во-первых, это биологическое загрязнение, т. е. интродуцирование видов, чуждых местным сообществам (ряд культурных растений, начиная с финиковой пальмы; некоторые сорняки; кактусы, возможно, из Америки; дикий апельсин, вероятно, завезенный еще в XVI в. из Португалии, и др.). Во-вторых, растительность Сокотры (а местами и Абд-эль-Кури) страдает, как будет показано в следующих главах, от выпаса большого количества домашнего скота. Во многих районах на участках бывшего произрастания первичной растительности возникли вторичные фитоценозы. Особенно пострадал травянисто-кустарничковый ярус.

Несмотря на отмеченные серьезные изменения естественной среды, природно-антропогенные ландшафты Сокотры и Абд-эль-Кури пока еще находятся в относительно сбалансированном, условно устойчивом состоянии. Многовековое однотипное природопользование до сих пор характеризовалось примерно одинаковой умеренной степенью.

Стихийно выработалась приемлемая мера воздействия хозяйственной деятельности человека на естественные территориальные комплексы – воздействия, не ведущего к дальнейшему истощению природных ресурсов.

Глава вторая

Страницы истории

Об острове Сокотра знали еще в далекой древности, однако остается неизвестным, когда и кем он был впервые заселен. Вплоть до последних открытий российских археологов никто из исследователей не рискнул предположить время заселения более отдаленное, чем эпоха древних южноаравийских государств. Такие известные исследователи древней истории региона, как английские археологи Д. Брайан Доу и Питер Боксхолл, считали, что человек поселился на острове ради сбора благовоний, когда они стали «золотом Востока». А к IV в., когда спрос на благовония упал, населению острова, ставшему уже коренным, пришлось целиком положиться на скотоводство и рыбную ловлю, что вызвало деградацию хозяйственного и общественного развития (Дое, 1970).

Однако сегодня находки орудий каменного века, сделанные на острове отрядом российских ученых, в состав которого входил и автор этих строк, заставляют по-новому посмотреть на вопрос о первоначальном заселении Сокотры, которое могло иметь место в эпоху олдована, когда остров еще соединяла с Африканским Рогом гряда мелких островков (см. об этом подробно в главе об археологии).

То, что вторично Сокотра была заселена – уже в историческую эпоху – мигрантами с Аравийского полуострова, подтверждается известным фактом: древние аравийцы были умелыми мореходами. Однако и мореходство в регионе, как показывают новейшие исследования, подвергающие детальному анализу все имеющиеся свидетельства, возможно, было гораздо более древним, чем эра южноаравийских цивилизаций.

Подробное рассмотрение этого вопроса не входит в нашу задачу – в работе Т. А. Шумовского «Арабы и море» (предисловие к кн.: Ахмад ибн Маджид, 1985, т. 1) доказывается весьма раннее освоение бассейна Индийского океана мореходами. Вспомним в этой связи, что, видимо, уже в III тысячелетии до н. э. существовали морские связи между Месопотамией, с одной стороны, и Дильмуном (Бахрейн), Маганом (Оман) и Мелуххой – с другой (Ахмад ибн Маджид, 1985, т. 1: 20).

Индийцы, аравийцы, египтяне активно осваивали морские просторы океана. К середине I тысячелетия до н. э. южноаравийцы, как нам хорошо известно, уже имели свои порты на побережье и вели морскую торговлю. Однако о более далеких временах мы знаем очень мало. Можно лишь строить догадки по поводу возможных связей аравийцев (до создания южноаравийских цивилизаций и в первые века их существования) с индийцами или, например, с австронезийцами (Ахмад ибн Маджид, 1985, т. 1: 34, о миграциях индонезийцев).

В I тысячелетии до н. э. Сокотра экономически зависела от южноаравийских торговцев. В середине того же тысячелетия остров имел важное значение для транзитной торговли. Древние индийцы называли его «двипа сукхадара» (санскр. «Остров Блаженства»). К этому санскритскому названию возводит распространенная среди историков версия о происхождении греческого названия острова – Диоскорида и его современного названия – Сокотра. Эту версию, например, принимают Чеунг и ДеВантье (Cheung and DeVantier, 2006: 223), ее в 1997 г. изложил на Аравийском семинаре в Лондоне известный немецкий специалист по Южной Аравии В.

Мюллер. Там же автор этих строк выступил с критикой такого толкования и, кажется, переубедил коллегу из Германии. В своем впервые публично высказанном тогда предположении я исходил из того, что самоназвание столь древнего семитского народа, как сокотрийцы, вряд ли могло быть привнесено древними индоевропейцами, оно, несомненно, является автохтонным (как и соответствующее местное название острова). Греческое название острова – Диоскорида, совершенно очевидно, происходит от сокотрийского *di-soqatri*, где *di* – относительное местоимение, соответствующее в сокотрийском арабскому *al-ladhi*. Кстати, у Плиния в «Естественной истории» остров называется «Диоскуриду». Возможно, именно название Сокотры зафиксировано в слове из южноаравийской надписи – *z-sqrt*. В те времена остров, прославившийся благовонными деревьями, видимо, находился в подчинении государства Хадрамаут, которое просуществовало до IV в. н. э.

Земля благовоний

Вместе с Южной Аравией Сокотра составляла область известную всему миру как Страна благовоний. Ведь в древнем мире благовония были одним из наиболее ценных продуктов. Они употреблялись в огромном количестве. Халдейские жрецы ежегодно сжигали благовония перед алтарем Баала на 10 тыс. талантов! В Иерусалиме были построены гигантские амбары, где хранился этот дар – жертва богу. В Греции повсюду курили благовония в честь Зевса. В Рим регулярно приходили из Аравии корабли, груженные благовониями.

Геродот в V в. до н. э. сообщал: «... Ни в одной другой земле, кроме Аравии, не растут ладан, мирра, касия, корица и ледан. Все эти благовония, за исключением мирры, арабы добывают с трудом. Так, ладан они получают, сжигая стирак, который ввозят в Элладу финикияне. Сжигая этот стирак, они получают ладан. Ведь деревья, дающие ладан, стерегут крылатые змеи, маленькие и пестрые, которые ютятся во множестве около каждого дерева».

Чтобы достать, например, касию, арабы «обвязывают все тело и лицо, кроме глаз, бычьими шкурами и разными кожами». Касия растет «в мелком озере и вокруг него, а в этом озере живут крылатые звери очень похожие на летучих мышей» и нападающие на людей. Арабы отгоняют этих зверей и срывают касию (Геродот, III, 108, 110).

«Корицу они собирают еще более удивительным способом. Большие птицы приносят в свои гнезда на кручах гор сухие полоски коры, которые называются финикийским именем «кинамомон». Арабы же туши павших быков, ослов и прочих вьючных животных... разрубая сколь возможно большими кусками и привозят в эти места. Свалив мясо вблизи гнезд, они затем удаляются. А птицы слетаются и уносят куски мяса в свои гнезда. Гнезда же не могут выдержать тяжести и рушатся на землю. Тогда арабы возвращаются и собирают корицу» (Геродот, III, 111).

«А ледан, который у арабов зовется ладаном, добывают еще более удивительным способом. Это вещество самое благовонное, хотя и происходит из самого зловонного места. Оно находится на бородах козлов и зарождается там, как смола на деревьях. Его применяют для многих благовонных мазей, и арабы употребляют его главным образом для курений» (Геродот, III, 112).

Ладан почитался священным. В нем, по преданию, умирала птица феникс, а люди употребляли его для религиозного очищения. О священной природе ладана говорил, например, римский историк Плиний Старший, сообщавший, что сезон сбора ладана начинался только после того как было получено доброе предзнаменование, толкуемое как знак от бога. Владельцы плантаций ладана во время сезона сбора должны были избегать близости с женщиной и посещения похорон.

Об употреблении ладана в доисламской Аравии известно мало, однако он был найден в остатках алтаря языческой богини арабов ал-Лат в Таифе. Из южноаравийских надписей мы знаем, что благовония здесь курили, чтобы определить, не возражают ли боги против того или иного поступка (например, постройки нового дома), либо чтобы оградить от злых духов покойника (курильницы с благовониями помещали около могилы).

В восточной мифологии был широко известен феникс – священная птица финикийцев. По их представлениям, жила она 500–600 лет, а умирать прилетала в Город Солнца (Гелиополь) в Египте. Считали, что она могла прилетать с острова Сокотра. Плиний писал о птице феникс: «...эта известная аравийская птица размером с орла. Она имеет великолепное оперение вокруг шеи, все тело ее пурпурное, только перья хвоста лазурного цвета, но перемежаются с перьями розового оттенка. Шея украшена гривой, а голова хохолком из перьев. Она посвящает себя солнцу и, когда становится старой, строит гнездо из корицы и веточек ладана, наполняющих его благоуханными ароматами, а затем ложится в него умирать. Из ее костей и костного мозга образуется маленький червячок, который вырастает в маленькую птицу. Первое, что она делает, это захоронение ее предка и перенесение гнезда в Город Солнца... Там она возлагает его на божественный алтарь. Круг великого года завершается с жизнью этой птицы, и вновь наступает новый цикл, такой же, как и предыдущий, по сезонам и появлению звезд» (Plinius Secundus, X, 3–5).

О фениксе писал и Геродот. Он признается, что не видел феникса живым, так как тот редко прилетает в Египет: «... В Гелиополе говорят, что только раз в 500 лет. Прилетает же феникс только, когда умирает его отец. Если его изображение верно, то внешний вид этой птицы и величина вот какие. Его оперение частично золотистое, а отчасти красное. Видом и величиной он более всего похож на орла. О нем рассказывают вот что (мне-то этот рассказ кажется неправдоподобным). Феникс прилетает будто бы из Аравии и несет с собой умощенное смирной [т. е. миррой. – В. Н.] тело отца в храм Гелиоса, где его и погребает. Несет же его вот как. Сначала приготавливает из смирны большое яйцо, какое только может унести, а потом пробует его поднять. После такой пробы феникс пробивает яйцо и кладет туда тело отца. Затем опять заклеивает смирной пробитое место в яйце, куда положил тело отца. Яйцо с телом отца становится теперь таким же тяжелым, как и прежде. Тогда феникс несет яйцо [с собой] в Египет в храм Гелиоса. Вот что, по рассказам, делает эта птица» (Геродот, II, 73).

Если сопоставить то, что Диодор Сицилийский писал об острове Панхейя, перемешивая достоверные сведения с легендой, то можно выявить некоторые черты, сближающие его с Сокотрой. Остров, по словам Диодора (как говорили его толкователи), снабжал весь мир миррой, ладаном и другими ароматическими растениями. Жители его продавали арабам с материка благовония, а те отправляли их в Египет, Сирию и другие страны. Обитали на острове четыре группы людей: аборигены, греки, индийцы и аравийцы, среди которых были пастухи, земледельцы, воины, ремесленники и жрецы (очевидно, и торговцы, продававшие благовония). Логично было бы предположить, что, торгуя драгоценными благовониями, сокотрийцы могли разбогатеть, тем более что, по свидетельствам, с острова египтяне привозили золото и дорогую ароматическую древесину, а такие товары могли быть завезены сюда ранее с материка, из Йемена, в обмен на благовония. Это, однако, представляется сомнительным, поскольку на материке было достаточно своих благовоний.

Диодор также приводит сведения о якобы стоявшем на острове богатом и прекрасном храме Юпитера, украшенном массивными колоннами и красивейшими статуями (ср. Дое, 1992: 62; также см. главу четвертую). Эвгемер из Мессины (конец IV – начало III в. до н. э.), автор философской утопии «Священная запись», дошедшей до нас в извлечениях Диодора, писал, что, путешествуя, он попал на остров панхейцев, расположенный недалеко от берегов Индии.

На нем царило равенство, не было частной собственности. На одном из расположенных там островов якобы находился храм Зевса Трифилия с надписью: «Деяния Урана, Кроноса и Зевса» (Волгин, 1928: 28, 30; см. также Пригоровский, 1926).

Около 100 г. до н. э. греческий кормчий Гипалл, как принято считать, открыл секрет муссонных ветров, дующих в Индийском океане и меняющих направление в зависимости от сезона². Он сумел использовать свои наблюдения в мореходстве. Отплыв летом из порта на побережье Восточной Африки, Гипалл, подгоняемый муссоном, благополучно добрался до Индии, а зимой, когда ветер дул в обратную сторону, вернулся обратно. Вскоре греко-римские парусники стали доплывать от Египта до Индии за два месяца. Эти суда перевозили как торговые грузы, так и пассажиров. Некоторые корабли держали курс на юг, к берегам Восточной Африки, где были созданы первые римские торговые поселения. Многие из торговых судов заходили на Сокотру.

В I в. н. э. о Сокотре писал анонимный греческий торговец из Египта, автор мореходного руководства под названием «Плавание вокруг Эритрейского моря». В нем говорится только о смешанных торговых поселениях на северном побережье острова, однако ничего не сказано об аборигенах. Правда, коль скоро автор «Плавания» называет поселенцев чужестранцами, можно заключить, что на острове были и аборигены. Вполне вероятно, что и две тысячи лет назад в горах Сокотры, так же как и теперь, в пещерах и сложенных из камней домах обитало автохтонное население, главным занятием которого было пастушество, а греческие и индийские купцы – колонисты – ничего не знали о его существовании. Это находит частичное подтверждение в сообщении Диодора Сицилийского: кроме чужеземного торгового поселения на Сокотре жило «местное население этой страны».

Греческий купец дает подробное описание острова Диоскурида:

«[Остров] очень большой, но пустынный и болотистый; есть на нем реки и крокодилы, много гадюк и огромных ящериц, да так много, что мясо ящериц едят, жир же растапливают и используют вместо масла; остров не приносит ни винных плодов, ни зерновых. Немногочисленные его обитатели живут на одной стороне острова, [обращенной] на север – в той части, что смотрит на материк; местные жители – пришлые и перемешанные из аравийцев, индийцев и даже кое-кого из эллинов, отплывших по торговым делам. Приносит же остров черепаху – настоящую, и земную, и светлую – в очень большом количестве и отличающуюся своими огромными панцирями, и горную – колоссальную, имеющую толстенный панцирь... Рождается же на нем и киноварь, называемая индийской, собираемая с деревьев в виде капель. И подчиняется же остров тому самому царю Ладононосной страны, как Азания – Харибаилу и тирану [страны] Мафаритис. Им пользовались некоторые [торговцы] из Музы, и отплывающие из Лимирики и Баригаз (древние порты в устье Инда. – В. Н), которые случайно на него попадали, менявшие рис, зерно и индийскую хлопковую ткань и женщин-рабынь, привозимых туда, так как [на них есть] спрос, загружая в обмен черепаху в огромном количестве». (Бухарин, 54–55; см. также: Псевдоарриан, 30–31).

Неизвестно, насколько правдивы все эти сведения. Морских черепах на острове вылавливали довольно много и во время моих поездок на остров, и можно считать достоверным, что Сокотра поставляла античному миру черепаший панцири. От крокодилов же, огромных ящериц и массы сухопутных черепах не осталось и следа. Сомнительно, что они

² На самом деле о муссонах, скорее всего, знали гораздо раньше.

когда-либо существовали здесь; скорее всего, рассказы о гигантских белых черепахах – это плод воображения анонимного автора древности. Во всяком случае, можно сделать заключение, что черепахи панцири в древности были весьма ценным товаром, раз автор ради них решил посетить остров.

Что касается плавания на Сокотру, то важно учесть указание знаменитого арабского историка Х в. аль-Хамдани (ум. в 945 г.), что из Адена в Страну Зинджей, или ас-Савахили (побережье Восточной Африки), надо плыть, «держась направления на Оман, оставить Сокотру справа, а затем, когда остров будет позади, обогнуть его, свернув в Море Зинджей» (аль-Хамдани, 1963: 93–94). По справедливому замечанию Шпренгера, этот путь обусловлен господством южных ветров на Восточноафриканском побережье (Schprenger, 1875: 87). Плывая обратно к Адену от Страны Зинджей, по сведениям арабских средневековых географов аль-Идриси, Ибн Баттуты, И акута и Мукаддаси, Сокотру оставляют слева.

Таким образом, по всем имеющимся данным, мореплаватели на пути между Аденом и побережьем Восточной Африки огибали южные берега Сокотры. Когда плыли к Сокотре от Адена, то корабли держали курс на Рас-Фартак, идя вдоль Аравийского побережья. Возможно, именно поэтому в древности положение острова определялось по мысу Рас-Фартак (Schoff, 1912: 30). Автор «Тадж ал-‘Арус» приводит расчет, явно исходящий из прямого пути, согласно которому Сокотра удалена от Мохи на три дня и три ночи плавания. По ал-Идриси, от южноаравийского берега до Сокотры – два перехода при хорошем ветре.

Христианство и ислам

Традиционная версия приписывает христианизацию острова греческим колонистам IV в., хотя не исключено, что христиане могли появиться на острове и раньше³. Во время археологических работ на Сокотре мы вслед за нашими английскими предшественниками-археологами обнаружили фундаменты церквей (см. главу четвертую). Аль-Хам дани писал:

«Среди островов, которые расположены близ берегов Йемена, – остров Сокотра, давший название сокотрийскому алоэ. Этот остров и остров Бербера находятся прямо по азимуту между Аденом и Страной Зинджей. Тот, кто выходит из Адена в Страну Зинджей, плывет так, как будто он направляется в Оман, и Сокотра остается у него справа, пока не исчезнет, тогда он огибает ее по Морю Зинджей. Длина этого острова – 80 парасангов. Есть на нем люди из всех племен Махры, среди них около 10 тысяч воинов, и они христиане. Упоминают, что люди из страны Румов были оставлены там кесарем, а затем прибыли туда племена махрийцев, стали жить вместе с ними и стали, как и они, христианами. Там много пальм, туда выбрасывает амбру, есть там и *дам ал-ахавейн*, что еще лучше, и много алоэ. Люди из Адена говорят, что из румов там никто не поселялся, а жителями его были монахи. Затем они исчезли, и заселили его махрийцы и люди из хариджитов – шурра. Появился там ислам, а затем стало больше там хариджитов, и напали они на мусульман и перебили всех, кроме десяти человек. Там, в местечке, называемом Сук, находится мечеть» (аль-Хамдани, 1983: 93–94).

³ Введение христианства на острове приписывалось Св. Фоме. «По церковной традиции, апостол Св. Фома основал христианские церкви в Палестине, Месопотамии, Парфии, Эфиопии и Индии» (Месяцеслов..., т. 2, 1977: 165). Считается, что он был убит правителем индийского города Мелипура. Местных христиан, которые в Средние века были преимущественно монофизитами, часто называли фомистами.

Автор известной оманской хроники «Тухфат аль-А'йан би-сират ахль Оман» Нур ад-Дин бин Хамид ас-Салими (1286–1332 гг. х.) пишет о драматических событиях, связанных с малоизвестной историей прихода в IX в. на остров оманских хариджитов (ибадитов):

«В 268 г.х. (881 г. х.э. – *В. Н.*) скончался Аззан бин ас-Сакр, да смиляется над ним Аллах, резиденция его была в Галафике близ Низвы, а скончался он в Сихаре.

И во время правления его, да будет доволен им Аллах, произошло предательство христиан; они нарушили договор, который был у них с мусульманами, напали на Сокотру, убили наместника имама вместе с его малым ребенком и подвергли остров разграблению, завладев им силой.

Сокотра – остров, длина которого восемьдесят фарсахов, на нем произрастают алоэ, много пальм и деревья «кровь двух братьев». Он располагается к югу от Омана, и отделяет его от Омана Абиссинское море. Женщина с Сокотры, которую звали аз-Захра, написала имаму, да будет доволен им Аллах, касыду (поэму), в которой рассказывала о том, что натворили христиане на острове, жаловалась ему на притеснения с их стороны и пожелала ему поскорее одолеть их» (Ас-Салими, 2000: 164–165).

Действительно, своей касыдой аз-Захра вошла в историю, к тому же продемонстрировав роль женщины в интеллектуальной и даже политической жизни Сокотры. А начиналась ее касыда так:

«Сообщи имаму который обладает многими добродетелями,
 Потомку людей родовитых и благородных,
 Сыну мужей благонравных, с высокими помыслами,
 Самых сановных среди арабов, их властителей,
 Что ислам исчез на Сокотре,
 После времени правления мусульманского закона и Священной
 Книги,
 В которых царили порядок и благоденствие,
 Под сенью государства этих богатых и знатных людей,
 Не осталось на Сокотре блеска законов Дозволяющего,
 Ни ветвей, ни стебля от них,
 Истинный путь сменился неверием и мятежом,
 А азан⁴ заменили деревянные трещотки,
 Былых же сородичей – люди без благонравия,
 С низменными чувствами, коих возвысили насилие и
 принуждение. Несправедливо обошлись христиане с наместником
 твоим,
 Разорили и разграбили все заветное,
 Поступили вероломно с Касимом и благородными мужами.
 Остались в опустошенных долинах,
 Заплетают хвосты быстрым коням,
 Убегают от хищного зверя,

⁴ Мусульманский призыв на молитву

Изгнали оттуда все святыни ислама,
Стенающие от горя, несправедливости и бедствии...»⁵

Конечно, возникают вопросы о том, мог ли ислам распространиться на острове уже в тот период и кто именно в этом повествовании имеется в виду под христианами. Комментатор к современному изданию труда ас-Салими пишет: «Возможно, под христианами имеются в виду эфиопы. Понятно, что португальской колонизации Востока в то время еще не было, а возможно, что эту фразу следует понимать как свидетельство того, что христиане пытались овладеть островом уже тогда, но им помешала сила имамата. Или же они были жителями острова, которые сначала заключили с имамом договор, а потом нарушили его, но об этом здесь ничего не сказано...

Мухаммад Али аз-Зарка упоминал в своей книге «История Омана», будто бы Эфиопия захватила Сокотру в правление имама ас-Салта, и он послал туда флотилию из ста судов, которая вернула ему власть над островом, абиссинцы же были с него изгнаны» (там же).

Известный средневековый арабский географ XII–XIII вв. И акут писал:

«Сокотра... название великого большого острова, на котором имеется несколько деревень и городов. Он расположен к югу от Адена, ближе к берегу Аравии, чем к берегу Индии. Направляющийся в Страну Зинджей проплывает мимо него. Большинство его жителей – арабы-христиане. Оттуда привозят алоэ, а также *дам ал-ахавейн* – это камедь дерева, растущего только на этом острове. Ее называют *ал-катир*, и она бывает двух видов: чистая, которая похожа на обычную смолу (гумми), и ее цвет – самое красное из всего, что создал Всевышний, а также приготовленная из первой. Аристотель писал Александру, когда тот отправился в Сирию, об этом острове, советуя ему [захватить] его и послать туда группу греков, чтобы они поселились на нем ради алоэ *ал-катир* ... И отправил туда Александр на кораблях группу греков с их семьями, большинство из которых были из города Аристотеля – Стагиры. Он отправил их Кульзумским (Красным) морем. Когда они добрались до острова, они одолели индийцев, которые были на нем, и стали править всем островом. Индийцы имели на нем огромного идола, а теперь они увезли его в страну индийцев, и описание этого затянулось бы. Когда Александр умер и появился Масих, сын Марйам, – мир ему, – те греки, что были там, приняли христианство и остались такими вплоть до нынешнего времени. Аллах знает, что нет во вселенной иного места, кроме острова Сокотра, где жило бы население из греков, которое сохранило бы свою генеалогию и к ним не примешался бы никто другой. Там находили убежище корабли индийцев, которые грабят путешественников из купцов, но теперь не находят» (Аль-Хамави ар-Руми, 1906, т. 5: 93).

Как будет показано в четвертой главе, сделанные в последние годы на Сокотре находки в пещере Хок подтверждают, что на острове бывали и индийцы, и представители античного мира.

Оксфордская экспедиция 1956 г. (см. о ней подробнее ниже), пытавшаяся найти какие-либо следы пребывания греков на острове, не обнаружила ничего, кроме остатков нескольких зданий в местечке под названием Сук, которое в прошлом, как считают, было столицей Сокотры. Сейчас Сук – маленькая деревушка, обитатели ее, преимущественно

⁵ Выражаю благодарность Д. В. Микульскому за помощь в переводе этой поэмы. Что касается деревянных трещоток, то их на мусульманском Востоке христиане нередко использовали вместо церковных колоколов.

африканского происхождения, еще недавно жили в содоменных хижинах и в домиках, сложенных из обломков коралловых рифов. Стоит Сук на берегу лагуны, куда, вероятно, в древние времена заходили корабли. Здесь же должны были жить и ионийские греки, о которых писали греческие и арабские историки.

Английский исследователь Ник Орт нашел в горах Сокотры остатки зданий, которые, несомненно, были построены более развитым народом, чем теперешние обитатели пещер. Тем не менее, нельзя утверждать, что это руины христианских построек. Орт допускал, что здесь могли стоять каменные часовни.

Мне представляется вполне вероятным существование на острове греческой колонии. Возможно и то, что именно греки побудили местных жителей принять христианство. А вот рассказанная И акутом история, будто греки не хотели жениться на местных женщинах и поэтому вымерли, не похожа на правду. В общем, вопрос о судьбе греческой колонии, как и прочие, еще ждет своего решения.

На острове найдены также другие сооружения, свидетельствующие о высоком уровне развития древних обитателей острова. В районе Фераги обнаружены остатки древней дороги. Вымощенная камнем дорога, ведущая в долину Хадибо, была открыта и в центральной части острова, хотя сейчас она заросла, заброшена и забыта, в Кишне – выявлено несколько похожих одна на другую тщательно выложенных из камня террас.

Любопытна находка близ дороги из Губбы в Калансию, на расстоянии примерно 8 км от известной горной вершины Джебель-‘Абальхан: это естественное углубление в земле (в известняковом массиве) в форме круга диаметром около 30 м. Над ним найдены остатки каменной кладки, располагавшейся концентрическими кругами. Д. Доу высказал предположение, что здесь было оросительное сооружение или водохранилище. С самолета Доу видел также на склонах горы к западу от Калансии квадратные каменные площадки, обнесенные по периметру низкими каменными стенами.

Но больше всего поражают невероятной длины невысокие каменные межи, которые в огромном количестве встречаются в различных частях острова. Известно, что они существуют здесь с древних пор, но по поводу предназначения этих межей нет единого мнения среди исследователей острова. Вопрос осложняется тем, что в настоящее время на размежеванных площадках практически ничего нет – ни поселений, ни полей, ни плантаций. Эти земли могли бы использоваться как пастбища, но низенькие каменные ограждения не помешали бы скоту переходить с одного участка на другой. Назначение межей не могут объяснить и местные старожилы. Мое мнение таково, что в далеком прошлом эти межи разделяли рощи благовонных деревьев. Версия о плантациях сорго (*духн*, *duhn*), или, как его здесь называют, *бамба*, представляется несостоятельной, прежде всего потому, что для выращивания злака нужен полив, а благовонные деревья в таком количестве воды не нуждаются, им хватает и дождевой.

После IV в. о Сокотре почти не было новых сведений. Арабские географы и историки, повествуя об острове, часто пересказывали сообщения римлян и греков. Тем не менее, некоторые данные этого времени представляют интерес. В 528 г., в эпоху Юстиниана, Сокотру посетил греческий монах из Египта Косма Индикоплов, совершивший путешествие в Индию. Он оставил подробное описание острова в своей «Христианской топографии» (см.: McCrindle, 1897). По сообщению Косма, жители Сокотры еще говорили по-гречески, все они были христианами и находились под управлением несторианского католика Вавилона. Косма относил греческую колонизацию острова к эпохе Птолемея.

В X веке, по словам арабского географа ал-Масуди, остров был базой пиратов. В XIII в. это сообщение было подтверждено Марко Поло. Итальянский путешественник рассказывал о Сокотре:

«Живут тут христиане крещеные, и есть у них архиепископ. Много тут амбры, есть у них банбасина (хлопчатобумажная ткань. – *В. Н.*) и много других товаров. Много тут славной, большой рыбы соленой. Питаются они рисом и мясом да молоком; а других хлебов у них нет. Ходят они нагишом по образу да по обычаю индийских язычников. Много судов с разными товарами приходят сюда; свои товары купцы продают на острове, а отсюда вывозят здешние и торгуют ими с большой прибылью. Все суда и купцы, что идут в Аден, пристают к острову. Архиепископ их не сносится с римским апостолом (папой. – *В. //.*), а подчинен архиепископу в Бодаке (Багдаде. – *В. Н.*): бодакский архиепископ назначает его на остров и других архиепископов в разные страны света совершенно так же, как то делает римский апостол. Все эти духовные лица и прелаты римской церкви не повинуются, а подчиняются великому прелату в Бодаке; он у них заместо папы. Приходят сюда много разбойников на своих судах; после набегов стоят они тут станом и распродают награбленное, и бойко, скажу вам, торгуют: здешние христиане покупают товары, потому что знают, товары награблены у язычников да у сарацин, а не у христиан. Когда здешний архиепископ помрет, из Бодака непременно приходит другой, а без этого не было бы тут архиепископа» (Книга Марко Поло, 1955: 201).

Из сообщений венецианца явствует, что в его время на Сокотре господствовал несторианский толк христианства: сокотрийцы подчинялись несторианскому католикосу, находившемуся в Багдаде. Видимо, несториане здесь уже одержали верх над яковитами, которые в раннее средневековье были преобладающей христианской общиной в некоторых областях региона, в том числе и на Сокотре (см. главу четвертую, где рассказывается о раскопанном нами на Сокотре несторианском храме).

Марко Поло утверждал, что сокотрийские колдуны могли заставлять корабли «выбрасываться» на берег, когда они хотели их ограбить. Вероятно, это был отголосок дурной молвы об островитянах, грабивших суда, которые часто терпели крушение на опасных рифах у мыса Рас-Муми. Славу пиратского остров имел на протяжении всего средневековья. О том, что он служил базой для пиратов, писал и арабский путешественник XIV в. Ибн Баттута (см.: Ибн Баттута, 1968). То же подтверждали географы аль-Идриси и ал-Мукаддаси.

Далее вплоть до конца XV в. ничего определенного и точного о Сокотре не сообщалось. Конечно, можно утверждать, что за это время потоки греческих, арабских и индийских поселенцев перестали быть «чужестранцами», превратились в сокотрийцев, переняв язык и обычаи местных жителей и образовав с ними единое население.

Арабизация острова

В середине XV в. касири, могущественный племенной союз из Дофара, создал в Южной Аравии султанат Фартак со столицей в Шихре (Хадрамаут), которому была подчинена и Сокотра (см.: Stripling, 1942: 23). Сначала касириты признавали над собой сюзеренитет йеменской династии Тахиридов. А в 1456 г. они предприняли попытку положить конец этой зависимости, но потерпели сокрушительное поражение. Принадлежавшие им территории перешли под контроль Тахиридов, владения которых протянулись от Красного моря до Дофара. В 1482 г. Тахириды отвоевали у касири Сокотру (Serjeant, 1963: 7; Barbosa, 1921: 28–29).

В конце XV – начале XVI в. интересные сведения о Сокотре приводит арабский лоцман из Омана Ахмад ибн Маджид, который впоследствии провел корабли Васко да Гамы от сомалийского порта Малинди до побережья Индии. Он писал:

«Десятый остров – Сокотра. Это остров населенный, почти округленный, меньший, чем вышеупомянутые острова: ему длина и ширина – около пятидесяти парсангов, а скорей побольше. Здесь вода отовсюду. Остров восточнее берега Сомали. Населяют его христианские варвары и, говорят, остатки Греков; тех и других поминает 'Умар сын Шаханшаха сына Айюба, слагатель книги Календаря стран.

Народу на острове много, почти двадцать тысяч душ. Издавна им владели многие, а полностью он принадлежал лишь своим насельникам. В наш век им правили Мухаммад сын 'Али сына 'Амра сына 'Афрара, и Ибн Абданнаби Сулеймани, химьярит, оба из числа старейшин Махры! Они возвели на острове неприступные рубежи, установили свое господство над частью жителей и понуждали их работать без мзды, взыскивая с мужчины манн (898,56 г) масла, а с женщины – плащ из ткани их города. В пору сынов Аббасовых (Аббасидов) Сокотрой управлял некто из Неарабов, и островитяне прибегли против него к хитрости, опоили его и приближенных, да и умертвили. А умертвили Ахмада сына Мухаммада сына Афрара, который стал над ними правителем по смерти своего отца; тогда явились его дядья по отцу и его племя, взыскали за него месть, понудили жителей работать без мзды и поставили над ними Ибн Абданнаби. Оттого говорят, что Сокотра – бедствие для того, кто ею владеет.

А жители – люди, содействующие успеху чужестранцев; когда к ним приходит иноземец, предлагают ему питье и еду, а еще ему предлагают свои одежды и женщин. Над ними судья – женщина. Бракосочетание у них совершают христианские священники, которые живут при церквах и ведут их по указанию той женщины. В наш век ее правление минуло, ослабло.

А махрийцы Сокотрой бы не владели, да только они ее желают из-за последствия своего дела, собираясь в ней во время страха и слабости пред государями Хадрамаута и другими. Мухаммад, сын Али сына Амра годами просил о ней моего совета, а не повиновался я ему в том. И когда он стал правителем над Махрой, спустил свое богатство и владение Сокотрой; а когда умер и его племя исправило [дело], они пребывали в ней годами. Подводные камни (т. е. скрытые противники) царей Шихра были из него изгнаны в течение тридцати лет, а помогли им дядья по матерям, махрийцы, против Шихра и его взяли – а над ними правителем стал Са'д сын Мубарака сына Фариса – после того, как последний осаждал его полных три месяца. [Осажденные] голодали, и эти вывели их из осады Шихра в их страну Хадрамаут – а был над Шихром тогда Бадр сын Мухаммада Касири – и они изошли и приняли покровительство над ним и его ближними в восемьсот девяносто четвертом году. Ныне остров Сокотра принадлежит Махре, в нем участвуют сыны Сулаймана и сына 'Афрара, они же род из махрийских родов: Зийадовы сыны» (Ахмад ибн Маджид, 1985, т. 1: 368–369).

Из заметок знаменитого лоцмана видно, что в 1489 г. Сокотра уже находилась в руках махрийцев. Вероятно, им не удалось установить непосредственный контроль над всем островом (об этом пишет Ибн Маджид, а также свидетельствуют многие события, происшедшие позднее, во время португальского завоевания). Они лишь облагали население натуральным налогом. Между махрийцами и коренным населением существовал определенный антагонизм, что подтверждается убийством аборигенами махрийского шейха (илл. 15 на цв. вкладке).

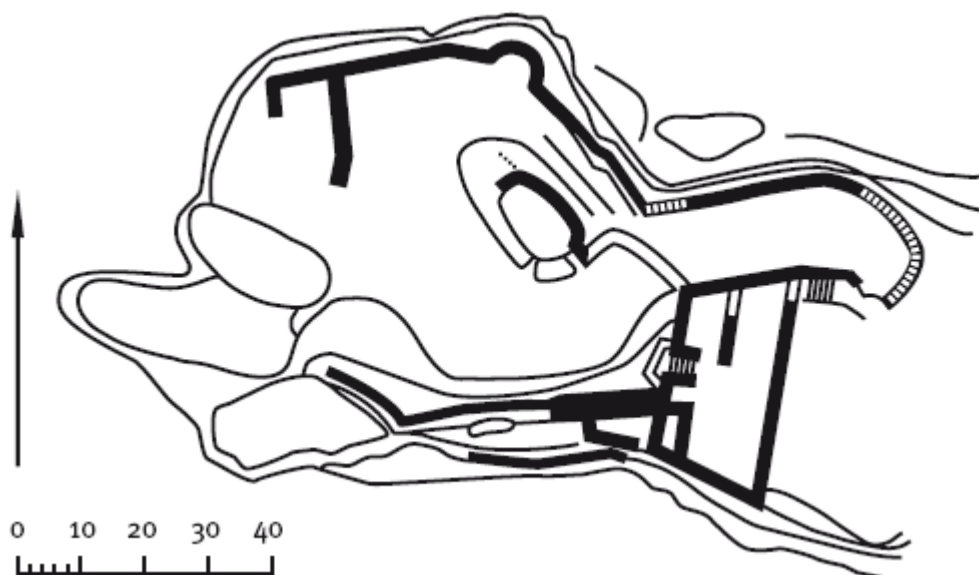
Колонизаторами Сокотры выступило махрийское племя бану 'афрар, жившее в районе современного г. Кишна, расположенного на побережье Аравии. Португалец Барруш писал, что к португальскому завоеванию, т. е. к 1507 г., Сокотра находилась под управлением султана Кишна уже 26 лет. Таким образом, колонизация была завершена примерно в 1481 г. Махрийский форт Сук, центр тогдашней Сокотры, находился к востоку от современной

столицы острова – Хадибо. Он был сооружен еще до 1481 г. и перестроен после португальского завоевания. Форт располагался в 250–350 м от гавани на мысе. Португальцы называли это место то Соко, то Сото, то Косо (по-видимому, испанский и португальский вариант арабского слова «сук» – «рынок»). Арабские средневековые историки, например, Ибн аль-Муджавир и аль-Хамдани, сообщали не только о гавани, но и о городе под названием Сук. Первый из них описал этот город. О форте в Суке, расположенном к востоку от Хадибо, в 1541 г. говорил португалец Жоау ди Каштру; он даже опубликовал рисунок, на котором изображены детали строения форта. Английский путешественник конца XIX в. Теодор Бент (см.: Bent, 1900) также помещает Сук к востоку от Хадибо. Ссылаясь на арабских и португальских средневековых авторов, все исследователи нашего времени (в том числе и изучавший средневековые хадрамаутские хроники известный английский историк Южной Аравии Ральф Сэрджент) считают это название подлинным. В сокотрийском языке действительно есть заимствованное из арабского языка слово «сук», и около гавани, куда в древности могли заходить корабли с иноземными товарами, возможно, существовал рынок. Однако сами сокотрийцы называют это место *Шек*, что никак не связано с рынком, а восходит, как мне представляется, либо к сокотрийскому слову *sko* «вооруженный» либо к корню *seke* – «быть близким, приближаться» (в данном случае к морю).

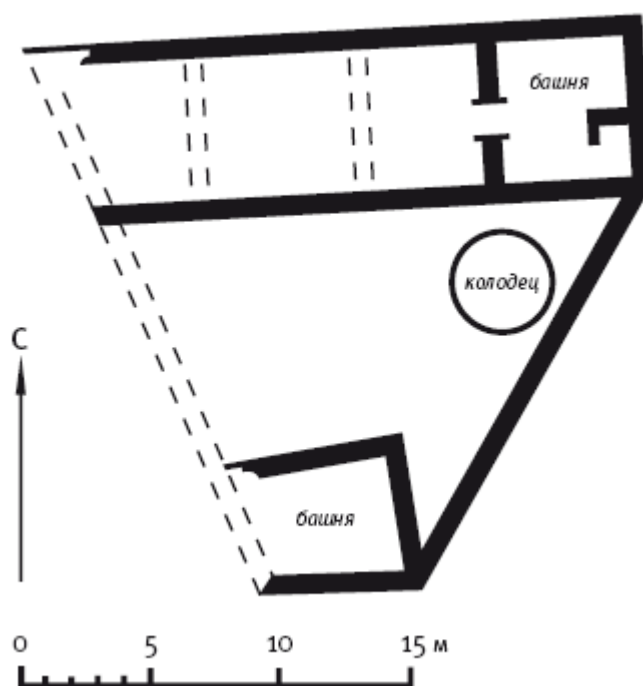
Ко времени моего первого приезда на остров в 1974 г. от форта оставались только груда камней и часть кирпичной кладки, но в XV в. это было мощное по тем временам оборонительное сооружение. Как отмечают многие специалисты по южноаравийской архитектуре, руины напоминают крепости стиля «яфи», которые до сих пор сохранились в области Яфи и в Хадрамауте. По данным археолога Оксфордской экспедиции Питера Шинни, впервые обследовавшего форт в Суке, и Д. Доу, сооружение было около 25 м в длину и 20 – в ширину (илл. 16, 17 на цв. вкладке).

В 100 м на юго-восток от главного форта была расположена еще одна постройка такого же типа, от которой, как и от форта, осталась только часть кладки. Строительные камни были скреплены известковым раствором. Башня в северо-восточном углу здания достигает 3,6 м в диаметре. Исходя из того, как ориентирована восточная стена прямоугольного в плане здания, Доу считал, что это могла быть мечеть. К северу от руин предполагаемой мечети находятся остатки церкви Богородицы Победы, выстроенной португальцами в ознаменование взятия форта. Церковь эта была построена на месте другого, более старого здания, которое было либо также церковью, либо мечетью (хотя для мечети оно неверно ориентировано). Об этом свидетельствуют остатки известкового пола, обнаруженные археологами под первым. Девять колонн первичной постройки, от которых сохранились только основания, сложенные из камней, скрепленных известковым раствором, любопытны тем, что все имеют различное сечение (т. е. колонны были разной формы). Например, одна колонна в плане образует квадрат, другая – восьмиугольник, третья – звезду, четвертая – окружность. Сохранилось и изображение этого здания на рисунке, выполненном в 1541 г. Жоау ди Каштру. Рисунок весьма детальный, хотя в нем и не соблюдены современные правила перспективы и масштаб. Можно даже узнать пики гор Хагъхер. Не видна только крепость у горы Хавари, возвышающейся над Суком (илл. 1).

Т. Бент в 1897 г. обнаружил остатки еще одного форта в долине Фераги, к югу от Хагъхера (илл. 2). Рядом с крепостью видны развалины древнего города. Крепостные стены, сложенные из огромных валунов, в длину достигали 30 м; высота их составляла 1,5 м, а толщина – 3 м! Вероятно, строители знали, как поднимать и транспортировать тяжелые камни. Возможно, Фераги в древности был каким-то важным поселением: там были либо плантации деревьев, дающих камедь, либо заросли ароматических растений.

Илл. 1. Крепость у горы Хавари

Илл. 2. План форта в долине Фераги

В 1956 г. до описанных Бентом развалин добрались Дж. Уикли и П. Шинни. По их сведениям, форт стоял в том месте, где долина сужается. Постройки сложены из необработанных кусков скалы. Форт в плане треугольный. Массивная стена высотой 3,6–4,5 м из крупных гранитных валунов красноватого цвета соединяла две башни. Третья башня была расположена как бы на вершине треугольника. Около нее обнаружены остатки маленьких комнат и внутреннего дворика, а также часть стены. Под одной из стен находился искусственный бассейн, который, очевидно, служил рвом: когда в долине была вода, она заполняла его.

Один из путешественников высказывал мнение, что это развалины португальской крепости. Однако Шинни пришел к выводу, что ничего специфически португальского в этих развалинах нет, но можно сказать с уверенностью, судя по архитектуре строения и его местоположению, что здесь была крепость. Видимо, махрийцы во время колонизации острова в XV–XVI вв. использовали ее как опорный пункт. Крепость полностью контролировала главную дорогу с севера на юг острова, она стояла в самом сердце территории, занимаемой аборигенами, а поэтому была идеальной базой для дальнейшего продвижения махрийцев вглубь или для карательных рейдов. Правда, мы не знаем, насколько активно население сопротивлялось махрийскому проникновению на остров. Скорее всего, колонизация проходила относительно мирно, тем более что сокотрийцы не были фанатиками христианства, которые активно сопротивлялись бы внедрению ислама.

Но вскоре махрийским шейхам суждено было пережить тяжелые времена. Вот что сообщает хадрамаутский летописец Шанбаль о главном событии 1507 г.: «В этом году неверные франки (европейцы. – В. Н.) взяли Сокотру, убив там сына ат-Тау‘ари аз-Зувейди с пятью десятками мусульман, и выстроили там крепость» (цит. по: Serjeant, 1963: 153).

Как нам известно, это произошло в апреле 1507 г. Именно тогда 26-летнее правление шейхов бану ‘аффар было на несколько лет прервано.

Португальская колонизация

Начало XVI в. в истории острова открывает период, о котором известно, пожалуй, больше, чем о любом другом. Это было время португальской колониальной экспансии в страны бассейна Индийского океана. Как раз в эти годы португальцы основали свою огромную, но недолговечную колониальную империю в Индии, Африке и Персидском заливе.

Португалия, которая в XV–XVI вв. была наряду с Испанией крупнейшей морской державой мира, долго искала путь из Европы в Индию. Наконец, в феврале 1488 г. Бартоломеу Диаш первым из португальцев обогнул южную оконечность Африки и вышел в Индийский океан.

В июле 1497 г. португальцы снарядили в Индию экспедицию Васко да Гамы. Три его корабля – «Сан-Габриэл», «Сан-Рафаэл» и «Бэрриу» – и небольшое транспортное судно отплыли из Лиссабона, прошли вдоль всего западного побережья Африки, обогнули мыс Доброй Надежды и, продвигаясь вдоль восточного побережья, в 1498 г. прибыли в сомалийскую гавань Малинди. Так португальцы первыми из европейцев открыли юго-восточное побережье Африки и посетили несколько прибрежных пунктов на этом побережье (до Малинди).

Однако на самом деле честь выдающегося подвига в истории мирового мореплавания – пересечения Индийского океана – принадлежит не столько Васко да Гаме, сколько великому арабскому лоцману Ахмаду ибн Маджиду, который был взят на борт португальского флагмана в Малинди. По своей лоции он привел португальские корабли в индийский порт Каликут. В конце августа 1498 г. Васко да Гама, установив связи с правителем Каликута и приняв на борт груз пряностей, пустился в обратный путь.

Открытие регулярного морского пути из Европы к Малабарскому побережью Индии имело огромное историческое значение для всего мира. Португальцев же оно сделало колониальными хозяевами многих стран Азии. В 1502 г. Васко да Гама во главе флотилии из 20 кораблей вновь отправился в Индию, основал ряд фортов на Малабарском побережье и, ограбив многие города и подавив сопротивление местного населения, с богатой добычей вернулся в Лиссабон.

В 1505 г. другой португальский флот под командованием Франсиско де Алмейды с 1500 солдат выплыл из Португалии, чтобы совершить новое завоевание Восточной Африки. Алмейде было приказано создать шесть опорных военно-торговых пунктов на пути в Индию. Португальцы всегда начинали свои отношения со странами, расположенными в этом регионе, с торговли, а потом завоевывали их.

К этому времени информация о Сокотре уже дошла до Лиссабона. По утверждению португальского историка Жозе Перейры да Кошта, капитан одного из судов (они назывались *нау*) из армады Антониу да Салданы, отплывшей из королевства также в 1503 г., Диего Фернандиш Перейра потерялся: захватил добычу в Малинди, а затем будто бы отправился зимовать на Сокотру, которую до тех пор еще не посещал ни один португальский *нау*, и, проведя там зиму, направился в Индию (Da Costa, 1973: 12). Другие португальские хронисты считают, что Сокотру открыл Висенте Содре (умерший в 1503 г. на островах Куриа-Муриа), который пополнял здесь запасы питьевой воды.

Как бы то ни было, португальский король Мануэл I, действительно, послал Алмейде приказ захватить Сокотру и построить там крепость, считая остров наилучшей базой для установления полного контроля над красноморской торговлей, поскольку там были «хорошие гавани, пригодные для использования в любое время, продовольствие, много местных христиан и очень мало мавров» (Da Costa, 1973: 14). Остров был удобен для остановки кораблей, идущих из красноморских портов, он был близок к Адену и Ормузу. Король приказал, чтобы Тристан да Кунья и сопровождающий его Алфонсу д'Албукерки «заняли остров и построили на нем крепость и половину городка из дерева, которое везут с собой, и оставили там нашего капитана с людьми для защиты острова» (там же). Король также приказал послать туда монахов-францисканцев для основания монастыря и «проповедей среди местного населения, так как известно, что на этом острове побывал святой Фома, направляясь в Индию, после чего на острове осталось много христиан».

Король, конечно, исходил из того, что помимо важности стратегического положения Сокотры для будущего португальского господства в регионе следует иметь в виду и полезность поощрения местного христианского населения, чтобы обеспечить поддержку португальского присутствия островитянами.

Действуя в соответствии с приказом короля Мануэла, 5 апреля 1506 г. знаменитый португальский адмирал Тристан да Кунья во главе эскадры из 14 кораблей отчалил из гавани Лиссабона, взяв курс на Индию. На следующий день поднял флаг его помощник Алфонсу д'Албукерки, последовавший за ним еще с 6 кораблями. Они обогнули мыс Доброй Надежды, добрались до Малинди и решили пойти на Сокотру, где командиры планировали провести несколько месяцев, выполняя задачи, поставленные королем, а затем, дождавшись хорошей погоды, плыть дальше, в Индию. Вот что происходило в январе 1507 г., по истечении почти десяти месяцев со времени отплытия экспедиции из Португалии:

«Не заходя ни в одну землю, плыли они и бросили якорь в Соко (Сук. – В. Н.), который был главным портом острова, где обитали местные жители. В праздничный день с флагами, реющими на всех кораблях, они отсалютовали острову артиллерией, так как его населяли христиане. Но когда Тристан да Кунья увидел там выстроенный арабами форт, окруженный стеной и крепостными башнями с высокой башней в центре, что сильно расходилось со сведениями, полученными их королем Мануэлом, он послал за Алфонсу д'Албукерки и всеми капитанами флота. Он сообщил им, что его господин король приказал ему построить на этом острове крепость и оставить ее командиром Алфонсу ди Норонья для охраны и защиты христиан, которые жили на острове со времен Святого Фомы...» (Albuquerque, 1875, цит. по: Botting, 1958:

108–109).

Арабский форт на острове оказался неприятным сюрпризом для португальцев. Все попытки договориться с шейхом аль-Хадж Ибрахимом, сыном султана Кишна (португальцы называли этот город «Кашем»), командовавшим фортом, «храбрым и неустрашимым воином», потерпели неудачу. Вооруженные пиками, саблями, луками, камнями 130 арабских защитников крепости не только отказывались ее покинуть, но и вообще не хотели иметь никаких дел с невесть откуда взявшимися пришельцами. Тогда адмирал Тристан да Кунья, положившись на малочисленность гарнизона (и на бога), решил атаковать форт. Высадка была очень трудной, так как море было беспокойным, а берег не давал прикрытия. Алфонсу д'Албукерки на маленькой лодке сам произвел разведку побережья, «возле пальмовой рощи обнаружил бухту, где море было более спокойным, и... решил высадиться там».

«Великий Алфонсу д'Албукерки приказал своему племяннику дону Алфонсу ди Норонья привести в готовность его лодку с сорока мушкетерами, взять с собой пушку, порох для нее, ядра и двух бомбардиров, а также кабрию (подъемное устройство. – *Автор?*) и две веревочные лестницы, для того чтобы штурмовать стены форта, если это будет необходимо. Сам он собирался плыть за ними на корабельном ялике вместе с доном Антониу ди Норонья, доном Жуаном ди Лима, его братом доном Жерониму ди Лима и другими фи даль го» (Albuquerque, цит. по: Botting, 1958: 109).

День еще только занимался, когда португальцы отплыли к острову: впереди Тристан да Кунья, в арьергарде Алфонсу д'Албукерки.

Проплывая вдоль берега, д'Албукерки заметил, что море почти успокоилось и они могут высадиться около форта. Он увидел, как из крепости вышел арабский шейх с сотней людей, направляясь к частоколу, который они воздвигли ночью, чтобы помешать противнику высадиться в лагуне. Тогда д'Албукерки приказал начать высадку немедленно, но, прежде чем моряки успели это сделать, шейх заметил их и послал часть людей обратно в крепость, а сам с оставшимися решил преградить путь врагу. Согласно португальскому историку Ж. да Кошта, штурм крепости произошел в апреле – мае 1507 г.

Как писали португальские историки, 130 воинов султана «сражались за 300». Крепость арабов была «построена на камнях и утесах... схватка была только за ворота, которые находились между несколькими большими камнями, образовывавшими лишь узкий проход» (Da Costa, 1973: 75). Кстати, заметим, что именно так сокотрийцы вплоть до недавнего времени строили свои жилища, точнее – определенный тип жилищ. Португальцы отметили также, что внутри крепости были «большие цистерны с обильной хорошей питьевой водой», крепость имела рвы и башни. Она находилась в «местечке Соко» на расстоянии «арбалетного выстрела от порта Бениж». По нашим предположениям, речь могла идти о Хажре – городе, остатки которого были обнаружены и исследованы впервые нами (см. главу четвертую).

«Когда они столкнулись, между ними завязалась схватка, и были пущены в ход и абордажные крюки, и пики, и некоторые из восьмидесяти были ранены. Дон Алфонсу ди Норонья вступил в единоборство с арабским капитаном, и удары абордажных крюков уже чуть было не сразили его, как появился Алфонсу д'Албукерки с остальными своими людьми и покончил с шейхом».

Арабские воины, увидев, что их предводитель убит, бросились к крепости.

«Пока они добрались до крепости, – пишет португальский хронист, – наши люди убили восьмерых из них, остальные же обратились в бегство и, миновав крепость, скрылись в горах. Арабы, наблюдавшие со сторожевой башни, как наши люди приближаются к крепости, стали бросать сверху камни, и это утомило оборонявшихся. Алфонсу д'Албукерки ударили по темени большим камнем, и он тотчас же пал на землю в ужасном состоянии. Но при этом он не потерял сознания, приказал людям вплотную окружить крепость и послал Нуну Важа ди Кастелу-Бранку доставить ядра, подъемное устройство, лестницы, топоры и тараны, чтобы взломать ворота крепости. Когда Нуну Важ принес лестницу, Алфонсу д'Албукерки приказал приставить ее к стене, и наши люди начали подниматься. Первыми были Гашпар Диаш ди Акасери ди Сал, поднявший свой флаг, и Нуну Важ с флагом Жоба Кеймалу, а за ними последовали другие» (Da Costa, 1973: 110).

В упорной схватке на стенах и башнях форта многие из захватчиков лишились жизни. Но исход битвы был предрешен: силы были неравны. Понеся большие потери, арабы укрылись в главной башне. Португальцы же с помощью топоров и таранов прорвались внутрь форта и блокировали ведущий в башню вход, ожидая прихода Тристана да Кунья. У частокола в лагуне тот встретил лишь слабое сопротивление арабов, многие из них были уничтожены, остальные бежали в горы. Затем он присоединился к д'Албукерки, войдя внутрь форта. Из 150 арабских воинов в живых оставалось всего 25, но они были недосыгаемы в крепко запертой каменной башне. Португальцы попытались взять башню приступом, поднимаясь наверх по приставной лестнице, но вскоре поняли, что понесут большие потери, так как представляли собой отличную мишень для стрел, летящих в них сверху. Антониу ди Норонья арабы снесли бы голову, не отведи д'Албукерки удар своим щитом. И Тристан да Кунья решил вступить в переговоры с оставшимися арабами. Но они отказались от капитуляции. Битва продолжалась.

Крепость все же была захвачена, но сражение оказалось непредвиденно тяжелым. Семь португальцев были убиты, 50 ранены, арабы же потеряли 80 человек. Согласно данным да Кошта, «лишь один мавр попал в плен. Его звали Умар, он был отличным лощманом, хорошо знавшим аравийский берег, и впоследствии он оказался весьма полезен на службе у Алфонсу д'Албукерки (Da Costa, 1973: 78).

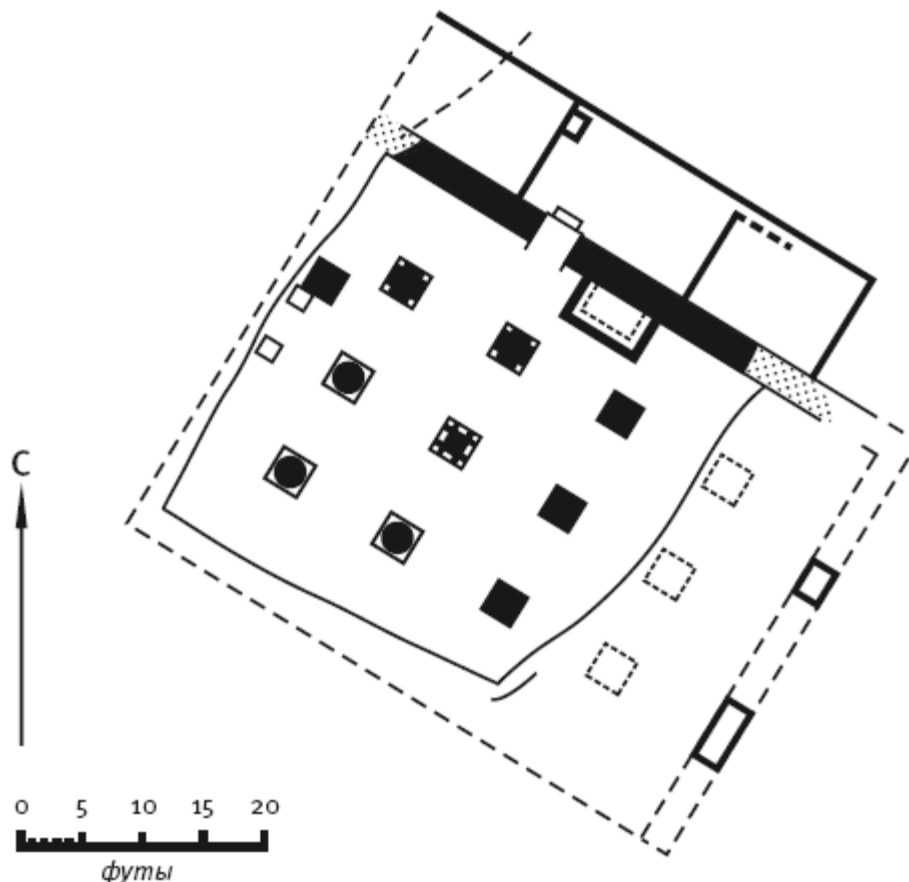
«На утро следующего дня Тристан да Кунья со всеми своими людьми отправились к “мечети мавров”; она стала главной церковью, которую они назвали именем Богоматери Победы. В ней отец Антониу ди Лоурейру, из ордена францисканцев, отслужил мессу» (илл. 3).

После богослужения Тристан да Кунья беседовал с аборигенами-христианами. Он объявил, что милостивый король послал его с воинами защитить жителей от произвола арабов и им теперь нечего бояться. Взамен этой защиты он просил островитян сохранять мир и спокойствие в отношениях с португальским гарнизоном, снабжать его продовольствием, а также изучать основы и обряды христианской веры, которые они давно позабыли. С местным населением был заключен мирный договор.

Португальцы отремонтировали крепость и назвали ее фортом Св. Михаила. Там был оставлен гарнизон в 100 человек под командованием племянника д'Албукерки д'Алфонсу ди Норонья. 1 августа 1507 г. эскадра Тристана да Кунья отплыла в Индию, а корабли д'Албукерки – в Оман и Ормуз.

Однако, к несчастью для португальцев, население Сокотры все же больше тяготело к мусульманам-махрийцам, чем к новым завоевателям – португальцам, проявляя к последним

неприкрытую враждебность. Когда через восемь месяцев Алфонсу д'Албукерки вернулся на Сокотру, он застал своего племянника серьезно больным. Четверо из его людей погибли, остальные были в тяжелом состоянии. Арабы, бежавшие в горы, убедили местных жителей в том, что «франки» пришли обратить их в рабство.

Илл. 3. Общий план церкви-мечети в Суке

Островитяне восстали против португальцев, разграбили крепость, убив нескольких человек, и прекратили снабжение гарнизона продовольствием. В результате португальцы терпели всяческие лишения: им пришлось есть пальмовую кору и дикие плоды. Лодки их сгнили, корабли нуждались в ремонте, поскольку их потрепал жестокий юго-западный муссон. Д'Албукерки разделил поровну все продовольствие, которое у него было, а также выплатил гарнизону жалованье за все месяцы.

В мае все корабли португальского флота встали на сезонную стоянку у берега Сокотры.

«Теперь Алфонсу д'Албукерки со всеми силами, что у него были, пошел войной на туземцев. Будучи изрядно побиты и приняв кару за убийство наших людей, они обратились с просьбой заключить мир.

Он согласился удовлетворить их желание при условии, что они будут ежегодно выплачивать людям в крепости контрибуцию в 600 голов овец, 20 голов коров и 40 мешков фиников» (Da Costa, 1973: 81).

По завершении карательной кампании Алфонсу д'Албукерки отплыл с Сокотры. В ноябре 1509 г. он стал вице-королем португальских владений в Индии и больше не возвращался на остров. После этой первой зимы, когда португальский флот едва не унесло в море юго-западным муссоном, гавань Сокотры уже не использовали для зимней стоянки, хотя в последующие годы португальские корабли, бороздившие океан, время от времени заходили на

остров заправляться водой.

В последующие годы португальские флоты обычно вставали на рейд у Сокотры. Доходили вести о том, что гарнизон на острове быстро угасал. В 1516 г. флорентиец Андрэ Корсали, путешествовавший с флотом Лопо Соарэса, отметил, что крепость вновь находилась в руках арабов (*De FAfrique...*, 1830: 334–335).

Надо сказать, что разбитые португальцами махрийцы вовсе не собирались уходить с Сокотры навсегда. Хадрамаутский летописец Шан-баль сообщал, что в 915 г. х. (1509/10 г.) в Кишне умер «шейх родов ат-Тау'ари и аз-Зувейди». Р. Сэрджент предположил, что речь могла идти о сыне того шейха из группы родов ат-Тау'ари, который был убит португальскими завоевателями в 1507 г. (португальские историки, описывавшие взятие махрийской крепости, называли его «коджа Ибрахим»). Другие сыновья того же шейха в 916 г. х. (1510/11 г.) совершили рейд на Сокотру и нанесли удар по португальскому форту. В «Хронике Шанбаля» также читаем:

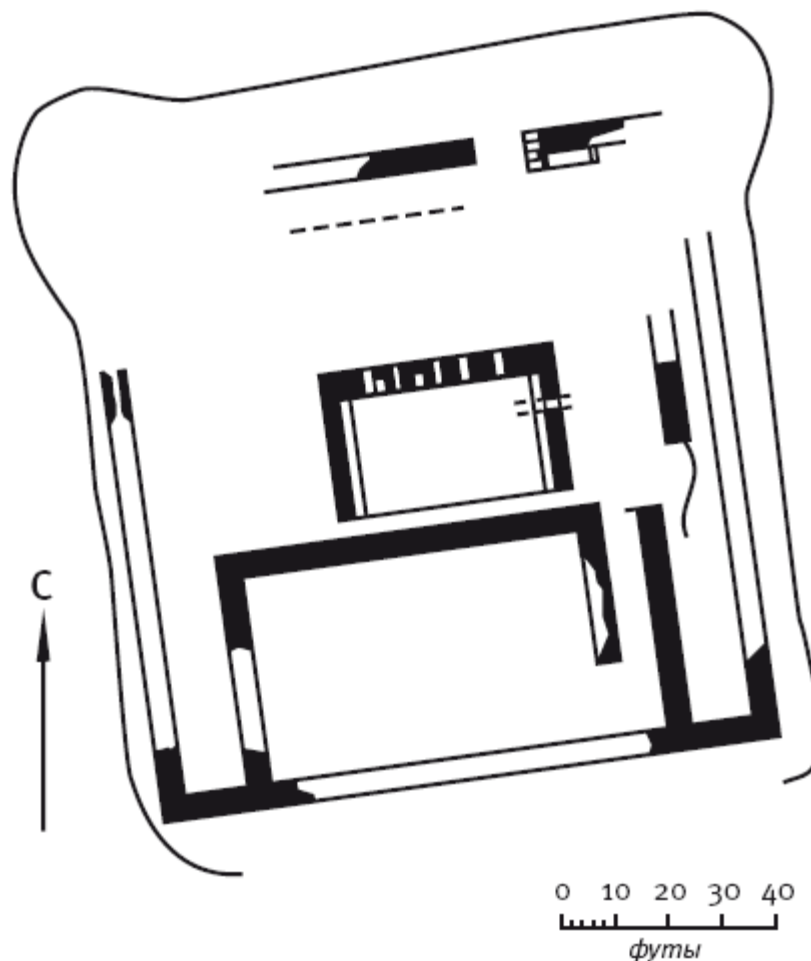
«В этом году Хамис и Амр, сыновья Са'да бен аз-Зувейди, совершили набег на Сокотру, которая была тогда в руках франков. Они вошли в страну и заключили с ними (видимо, с сокотрийцами. – *В. Н*) договор, но франки пошли против мусульман и стали биться с ними. Около десятка неверных было убито, мусульмане одержали верх над ними и захватили часть их имущества...» (цит. по: Serjeant, 1963: 46; см. также: Serjeant in Doe, 1992: 161).

Отметим, как изменился тон португальских хроник, описывавших события, связанные с оккупацией. В начальный период хронисты были полны энтузиазма по поводу перспектив оккупации, подчеркивая приверженность бедуинов христианству и, соответственно, их симпатии к португальцам и поддержку их действий. Николау де Орта Ребело сообщал, что всех местных женщин звали Мария, а всех мужчин Томе, что бедуины были очень дружелюбны, «им не терпелось встретиться с нами, и почти все в западной части острова могли говорить на нашем языке» (Da Costa, 1973: 7). Потом у хронистов стало медленно наступать отрезвление. Тяжелый климат, нехватка пищи, болезни и растущий антагонизм сокотрийцев все больше осложняли жизнь португальцев, и теперь уже Кастаньеда писал, что они оставили форт, поскольку «население страны в общем более дружелюбно относилось к маврам» и часто восставало против португальцев, «когда мавры приходили с войной» (там же). Возможно, причина ухода португальцев заключалась не только в этом, – но так или иначе, найти общий язык с местным населением им не удалось. Посетивший остров примерно в то же время Дуартэ Барбоза «говорил о нем без энтузиазма» (Barbosa, 1921: 59–63). А Де Гоиш описывал, какие страдания приходилось претерпевать португальцам из-за отсутствия продовольствия, из-за болезней и мятежей местного населения, а корабли в сезон муссонов долго не могли подойти к острову. Назначенный в ноябре 1509 г. губернатором Перо Феррейру скончался уже в августе 1510 г. (Da Costa, 1973: 85).

Теперь королю его приближенные советовали оставить остров, поскольку продолжать оккупацию было неразумным. Португальцы испытывали новые трудности из-за противостояния с турками, к чему добавилось острое соперничество между Да Кунья и д'Албукерки. Наконец, в 1511 г. король принял решение эвакуировать гарнизон, и д'Албукерки послал на Сокотру два корабля, люди с которых должны были снести крепость. Они также должны были эвакуировать всех местных христиан, которые хотели покинуть остров, включая более 200 женщин, вывезти артиллерию и все ценное, что было в крепости. Комендант должен был передать наместнику Ормуза «часовню на Сокотре, серебро, ризы и все остальное (ор. cit.:

88).

Итак, в 1511 г. португальцам пришлось покинуть Сокотру, и с тех пор главными хозяевами острова стали махрийцы, основавшие династию султанов, которая правила островом вплоть до антиколониальной революции 1967 г. Крепость они отстроили заново, а церковь Богоматери Победы разрушили. Точно неизвестно, где махрийцы возвели свою новую крепость. П. Шинни обследовал развалины крепости в Фераги, которую он посчитал махрийской, а не португальской (Shinni, 1960: 107). Оксфордская экспедиция также обследовала руины еще одного арабского форта, расположенного на склонах горы Хасун, на восточной стороне вади Манифа около Хадибо. Д. Боттинг высказывал мнение, что это и была та самая крепость (Botting, 1958: 114). А Доу предположил, что здесь находился храм, который описывал Диодор (Doe, 1992: 62–63). Томас Роу, посетивший остров в 1615 г., писал, что видел в этом месте форт, но ему не разрешили приблизиться к стенам. Стены эти, по словам Роу, казались очень толстыми, а сам форт был расположен на высоте, позволявшей контролировать всю долину (илл. 4). Он был совершенно неуязвим. В 1956 г. Шинни пытался сфотографировать остатки стен и измерить их, но ему помешал огромной силы ветер, дувший на холме. По Шинни, скорость ветра достигала 96 км/час.

Илл. 4. Крепость на холме Хасун к юго-востоку от Хадибо

Некоторые авторы считали, что португальцы все еще имели шанс вновь занять Сокотру. В 1530 г. анонимный автор «Записок» рекомендовал португальскому королю отвоевать остров у арабов и подарить его какому-либо родовитому португальцу, фидальго. Да Кошта даже писал, будто португальцы на самом деле частично восстановили контроль над островом, хотя считал

это ошибкой. В 1513 г. д'Албукерки отправился на завоевание Адена и зашел в Сук, где обнаружил «фартакских мавров, которые начали реконструкцию крепости». Они бежали в Калансию. Португальские корабли заходили на остров и в последующие годы, заправлялись там питьевой водой. «Фартакские мавры» вели себя мирно, и португальцы даже увидели в них союзников в противостоянии с «румийцами».

В 1541 г. на Сокотре побывал португальский адмирал Жоау ди Каштру, корабль которого бросил якорь на том же месте близ Сука, что и д'Албукерки. Он плывал и в порт Калансию. В своих путевых дневниках ди Каштру писал об острове:

«Жители Сокотры почитают Евангелие. По их собственному свидетельству, познакомил их с Евангелием блаженный апостол Святой Фома, благодаря ему, они исповедуют нашу религию. На острове повсеместно много церквей. Каждую из них венчает крест Всевышнего. Жители многого не знают в вероучении, но желают узнать и настоятельно просили, чтобы им рассказали о вероучении и обычаях романской церкви, которую они считают единственно хорошей. Именно учение этой церкви они хотят исповедовать.

У островитян те же имена, что и у нас: Пьер, Жан, Андре; женщин у них чаще всего зовут Мари. У жителей острова свой собственный образ жизни. У них нет ни короля, ни губернатора, ни прелата, вообще нет никого, кому бы они повиновались и от кого бы получали приказы. Они живут, как дикие звери, у них отсутствует всякая политическая жизнь и правовая организация. На острове нет ни городов, ни крупных поселений. Обитают они в пещерах, иногда в хижинах. Занимаются лесным промыслом и скотоводством. Питаются мясом и финиками. Пьют молоко, хотя чаще простую воду. Почти все носят кресты, и трудно отыскать жителя, который не носил бы крест на груди.

Это красивая раса, она имеет самую привлекательную внешность среди жителей этого региона. Жители Сокотры – прямые, высокого роста, пропорционально сложены. У мужчин загорелые лица.

У женщин лица светлее и достаточно красивы. На всем острове не отыскать оружия ни наступательного, ни оборонительного, исключение составляют лишь малочисленные небольшие ржавые железные шпаги. Мужчины ходят голыми, лишь для приличия надевая небольшие набедренные повязки, которые они называют сат-boles и которые изготавливают сами.

Земля на острове бедна, и ничего нельзя найти, кроме алоэ и дерева драконовой крови. Алоэ произрастает в изобилии и вывозится в больших количествах. Остров со всех сторон окружен горами. На нем кормятся стаи птиц, которых здесь предостаточно.

На острове не произрастают ни рис, ни зерно, ни какие-либо другие продовольственные культуры. На мой взгляд, это говорит не о бедности почв, а об отсутствии предприимчивости и об образе жизни островитян. Климат во внутренней части прохладный. Жители не занимаются ни навигацией, ни рыболовством, хотя имеются очень богатые рыбой места. На острове мало фруктовых деревьев, исключение составляет только пальма. Пальмоводству уделяется весьма много внимания: пальма дает основные продукты питания. Здесь произрастают различные огородные культуры, а также лекарственные травы. Горы покрыты базиликом и другими ароматическими растениями» (Le Routier, 1936: 38–39).

Святой Франсиск Ксавье, посетивший по пути в Индию этот остров в 1542 г., даже хотел там остаться, но не получил дозволения – опасались, как бы его не захватили в плен турки. В середине XVI в. европейские путешественники уже не обнаруживают здесь ни епископа, ни

священников или монахов, и хотя служба еще совершалась публично четыре раза в день, позиции христианства были уже чрезвычайно слабы. Островитяне лишь сохранили уважение к знаку креста. Побывавший здесь основатель ордена иезуитов Игнатий Лойола порицал сокотрийцев за слабую веру. Здесь побывало множество священников, которые пытались «помочь христианам избавиться от господства мавров» (Da Costa, 1973: 90). В то же время махрийские и сокотрийские шейхи теперь уже видели в португальцах противовес туркам.

Вскоре после ухода португальцев с острова пошатнулось господство Португалии и в районе Персидского залива. Слава ее как первой морской державы, вытеснившей из этого региона арабских, персидских и индийских мореходов, померкла. Первый сильный удар португальцам здесь нанесли войска оманского султана Насера бен Муршида бен Султана (он правил Оманом в течение 24 лет, начиная с 1624 г.). Султан Насер вынудил португальцев, находящихся в этом районе, платить ему джизью (налог, которым мусульманские правители облагали немусульман), изгнал их из ряда пунктов и ограничил их торговлю.

Тем не менее, следы христианства на острове сохранялись, согласно сообщению кармелитского монаха Винченцо, по меньшей мере, до середины XVII в. (Bent, 1900: 355). Об этом же упоминал и служащий Ост-Индской торговой компании Сэмюэл Пэрчас (Purchas, 1625). В то время о португальцах здесь еще хорошо помнили. Приведем свидетельство французского путешественника Анри Агенара, побывавшего на Сокотре в 1633 г.: «На берегу реки стоят три литые пушки на старых лафетах, здесь же можно увидеть португальское оружие. Они (сокотрийцы. – В. Н) выловили обломок корабля, потерпевшего крушение. Они – враги португальцев» (Rescueil..., 1754: 294).

К моменту моего первого приезда на остров в 1974 г. (а сейчас тем более) на Сокотре мало что напоминало о португальцах. От тех времен остались мечеть, которая когда-то была превращена ими в храм Богородицы Победы, руины форта (по арабским источникам, махрийцы разрушили крепость после того как португальцы покинули остров и построили новую в другом месте), завезенные из Португалии апельсины (по-сокотрийски они называются *тэнэже* – от португ. «ларинжа»), а также, возможно, некоторые топонимы. Сохранилось ли что-нибудь в памяти сокотрийцев от той далекой эпохи?

Нет, местные жители не вспоминают о своем прошлом, да и все историки приходят к выводу, что португальское нашествие было «проходным эпизодом» в истории острова. Однако я слышал от патриархов горных племен, которых расспрашивал об их старых песнях, что не так давно в некоторых районах острова еще знали песни, говорившие о том, что горцы когда-то жили в другом краю, где они были свободны, богаты и счастливы. Но затем их «за грехи» выселили из той благословенной земли и привезли на остров, где они и живут уже много лет. Откуда возник этот мотив в сокотрийском фольклоре? Может быть, португальцы, в соответствии с принятой в Средние века практикой, ссылали на остров опальных подданных короля и захваченных в плен пиратов?

Власть в султанате Махры и Сокотры (или Кишна и Сокотры, как еще называлось государство махрийских султанов) переходила по очереди от одной ветви махрийского племени бану зийад к другой. Столицей султаната был г. Кишн в Махре. Здесь также находились другие крупные пункты: Сайхут, Гайда. С некоторого времени султан постоянно жил на Сокотре, а в Кишне его представляли родственники. Он редко выезжал с острова, разве что для паломничества в Мекку. Из стран Восточной Африки в султанат доставляли рабов, использовавшихся и на военной службе, а также рабынь (они предназначались для гарема и для домашней работы).

В 1800 г. ваххабиты, основатели будущей Саудовской Аравии, высадились на острове, разрушили кладбище и церкви на участке побережья около Хадибо и установили контроль за

выполнением жителями требований мусульманского культа. Подробности этого нашествия, не оказавшего заметного воздействия на судьбу острова и его населения, нам мало известны, хотя где-то, вероятно, сохранились сведения об этом походе и его последствиях для местных жителей. Мы лишь знаем, что эти новые пришельцы задержались на Сокотре очень ненадолго.

Британское завоевание и эпоха независимости

В 1834–1835 гг. капитан С. Б. Хэйнс на исследовательском судне «Палинурус» (Палинурус – кормчий Энея из «Энеиды» Вергилия) по поручению Ост-Индской компании произвел замеры у побережья Сокотры для составления лоции. Он приплыл сюда от берегов Южной Аравии. Хэйнс отмечал: «Низшие классы демонстрируют полную индифферентность к религии, и многие неспособны даже произнести обязательные части мусульманской молитвы» (Haines, 1845: 111).

В 1834 г. лейтенанты англо-индийского колониального флота Дж. Р. Уэлстед и Кратенден совершили съемку острова (см.: Wellsted, 1835). В своем рапорте они отзывались о Сокотре благоприятно, и британское правительство решило открыть там базу для заправки углем кораблей, идущих в Индию. Султану предложили продать остров английской короне, но он отказался. Тогда Сокотра была оккупирована британскими колониальными войсками, но угольно-заправочная станция вскоре стала ненужной: в 1839 г. англичане захватили Аден. Через некоторое время англо-индийский гарнизон, страдая от малярии, покинул Сокотру.

По мнению лейтенанта Кратендена, который теперь был уже заместителем британского политического агента в Адене, в 1847 г. доход острова составил (в долларовом эквиваленте) 320 долл. В 1877 г. заместитель британского резидента в Адене капитан Ф. М. Хантер оценивал его уже вдвое больше.

В январе 1876 г. на остров прибыл из Адена английский политический резидент (глава колониальной администрации). Он заключил с султаном Кишна и Сокотры соглашение, по которому англичане уплатили ему единовременно (в долларовом эквиваленте) 3 тыс. долл. и обязались ежегодно давать 360 долл. при условии, что султан, а также его преемники и наследники не будут сдавать, продавать, закладывать или каким-нибудь другим способом позволять оккупировать кому-либо, кроме английского правительства, архипелаг Сокотра и, кроме того, впредь гарантируют защиту грузов и пассажиров британских кораблей на Сокотре.

В 1886 г. остров стал протекторатом Великобритании, пенсия султану была удвоена, и он избрал Сокотру своим постоянным местом пребывания. Английские авторы того времени писали, что Сокотра «вряд ли могла сохранить независимость», что ей была уготована судьба зависимой, «подзащитной» страны, поскольку султанат, не имея ни собственной армии, ни союзников, ни денег при своем малочисленном населении, все равно не выстоял бы один перед лицом опасности со стороны любого государства. Колонизаторы держали Сокотру как резервный стратегический пункт на случай войны или других экстремальных ситуаций. Вся «помощь» Великобритании своим сокотрийским «подзащитным» ограничилась редкими подачками островитянам во время голода и эпидемий – посылкой партий лекарств или продуктов.

В конце XIX в. остров снискал репутацию одного из самых опасных мест для проходящих судов. Особенно рискованным было плавание близ Рас-Муми, где скорость течения и сила ветра чрезвычайно велики. Вот почему суда, плывущие из Суэца в Индию, специально предупреждаются о том, что при обходе восточной оконечности Сокотры им следует держаться как можно дальше от берега. Сочетание течения и ветра может привести к тому, что корабль с

силой бросит на скалистый берег, который к тому же неизменно окутан туманом и облаками. Под водой скрываются мощные рифы, грядой уходящие от мыса в море. Много кораблей затонуло, напорвшись на эти рифы.

Два наиболее крупных кораблекрушения произошли в конце прошлого века. В 1887 г. в ночной тьме германский пароход «Одер» налетел на рифы у Рас-Муми. Через десять лет на том же месте произошла еще более крупная катастрофа. Первокласное английское судно «Аден» водоизмещением 3925 т, перевозившее 138 пассажиров, экипаж, ценный груз (чай, олово, шелк) и почту, вышло из Коломбо в начале июня, в разгар довольно сильного юго-западного муссона. В районе Рас-Муми «Аден» потерпел крушение, погибло 93 человека.

Во время Второй мировой войны на Сокотре находилась английская военно-воздушная база. Покидая Сокотру по окончании войны, англичане забрали все, что было на базе, даже единственный на острове движок, оставив после себя только обломки самолетов да разрушенные казармы, сложенные из необработанного камня.

Во времена британского господства на острове побывало несколько научных экспедиций.

В 1880 г. Дж. Балфур провел на Сокотре серьезные ботанические, зоологические и геологические исследования (Balfour, 1888). Петрографическая коллекция, собранная им во время поездки, была изучена Дж. Боннеем (Воппеу, 1883). В 1881 г. экспедиция Рибека, в которой принимал участие Г. Швайнфурт, более месяца обследовала окрестности Хадибо и близлежащие предгорья (см.: Schweinfurth, 1883, 1884, 1891). В 1882 г. со Швайнфуртом работал французский натуралист Ш. Манюэль. Зауэр в 1888 г. опубликовал работу по минералогии Сокотры.

В 1897 г. по острову в течение двух месяцев путешествовал Теодор Бент с супругой. Особенно их интересовали археологические объекты. Исследование Бента было посмертно издано его женой (Bent, 1900). Оно включает подробную карту Сокотры. Спутник Бентов зоолог Бенетт первым из европейцев поднялся на вершину Хагъхера. В 1899 г. это сделали австралийцы О. Симони и Ф. Коссмат. В ноябре 1898 г. по поручению Венской Академии наук в Южную Аравию отправилась экспедиция на шведском пароходе «Готтфрид», проводившая археологические, этнографические и природоведческие изыскания. В состав экспедиции входили К. Ландберг, Д. Г. Мюллер, О. Симони, Ф. Коссмат, Ян и Паулей. В Адене к ним присоединились А. Бирн, затем Г. Форбс и О. Грант, намеревавшиеся собрать зоологическую и ботаническую коллекцию для музеев Лондона и Ливерпуля. После неожиданного прекращения исследований на материке Южной Аравии часть экспедиции в январе 1899 г. отправилась на Сокотру. Здесь ученые трудились в течение двух месяцев, в первую очередь изучая малоизвестные районы юга и запада острова. Затем они совершили поездку на острова Абд-эль-Кури и Самха. Работа была плодотворной. В результате появилось много интереснейших публикаций, в том числе уже упоминавшийся труд Генри Форбса (Forbes, 1903), уникальные сокотрийские тексты Дэвида Генриха Мюллера с переводами на арабский и немецкий языки (Müller, 1902; 1905; 1907). На основе текстов, записанных Мюллером, известный семитолог Вольф Леслау в 1938 г. опубликовал до сих пор не превзойденный сравнительно-исторический словарь сокотрийского языка (Leslau, 1938). В 1918 г. вышла в свет работа по сокотрийскому языку М. Биттнера (Bittner, 1918).

Английским полковником И. Снеллом в 1955 г. составлены интересные описания судилищ над ведьмами, состоявшихся на Сокотре (Snell, 1955). В 1956 г. на острове побывала Оксфордская экспедиция во главе с Д. Боттингом, написавшим книгу «Земля драконовой крови» (Botting, 1958). Участник этой экспедиции П. Шинни опубликовал краткий археологический отчет (Shinnie, 1960).

В 1966 г. британский эксперт полковник Дж. Браун по поручению колониальных властей

проводил обследование социально-экономического состояния Сокотры с целью выявления перспектив развития экономики в выгодном колонизаторам направлении. Будучи опытным и наблюдательным специалистом и имея широкие возможности поездок по острову, Браун сумел собрать ценный материал, который он изложил в своем официальном отчете о поездке (Brown, 1966).

Наконец, в 1967 г. на Сокотре работала комплексная экспедиция английских ученых. В нее входили: Р. Бичен (биолог, университет Лидса), Д. Доу (археолог, директор Аденского департамента древностей), К. Куичард (энтомолог, Британский музей), К. Фрейзер Дженкинс (энтомолог), Т. Джонстон (лингвист, Лондонский университет), М. Томкинсон (лингвист и этнолог), Р. Сэрджент (историк-арабист, Кембриджский университет), М. Сэрджент (медик, Фонд спасения детей), А. Радклифф-Смит (ботаник, Ботанический сад в Кью), Дж. Лавранос (ботаник). Экспедиция преследовала также военные цели: в ее состав были включены представители британского министерства обороны.

По результатам экспедиции было сделано несколько публикаций. Наиболее значительной работой явилась изданная ротапринтом в США (Майами, Флорида) монография Д. Б. Доу «Сокотра. Археологическое обследование 1967 г.» (Дое, 1970). Этот труд был опубликован в 1992 г. с включенными в него статьями Р. Сэрджента, А. Радклифф-Смита и К. Куичарда (Дое, 1992). Профессор Г. Джонстон, лингвист, специалист по живым южноаравийским языкам, к сожалению, безвременно скончался и не успел обработать и издать собранные им сокотрийские материалы.

30 ноября 1967 г. на острове высадился отряд Национального фронта – организации южнойеменских революционеров, возглавившей борьбу за независимость страны. Султанат Махры и Сокотры был упразднен, а остров вошел в состав провозглашенной в тот же день независимой Народной Республики Южного Йемена (с 1970 г. – Народной Демократической Республики Йемен). В 1990 г. две части Йемена объединились в одно государство – Йеменскую Республику.

С 1983 г. на острове начал работать отряд Советско-йеменской комплексной экспедиции, с 1991 г. по настоящее время – Российской комплексной экспедиции Института востоковедения РАН. В течение отдельных полевых сезонов в его работе принимали участие российские ученые различных специальностей, перечисленные во введении. Именно российские ученые впервые начали систематическую работу по изучению археологических памятников Сокотры, ее истории, языка, фольклора, обрядов и обычаев. Автор этих строк и В.Я. Порхомовский опубликовали целый ряд очерков по этнолингвистике Сокотры и других островов Сокотрийского архипелага (Наумкин, Порхомовский, 1981, а также статьи, включенные в сборники Аравийского семинара, ежегодно проходящего в Великобритании). Не так давно к работе отряда энергично подключились лингвисты Л. Е. Коган и Д. В. Черкашин. С ними мы готовим к печати сборник сокотрийских текстов, а также обобщающие труды по сокотрийскому языку и фольклору.

В 1990-е годы, когда остров в составе теперь уже единого государства – Йеменской Республики – открылся миру, стал бурно расти научный интерес к Сокотре, особенно ее флоре и фауне. Европейские университеты, а также международные организации стали организаторами целого ряда научных экспедиций, внесших огромный вклад в изучение Сокотры и других островов Сокотрийского архипелага, включая Абд-эль-Кури, Самху и Дарсу, а также в усилия по сохранению их уникальной природной среды. Результаты этой работы были отражены в ряде интересных публикаций. Исследованиями сокотрийского языка и его диалектов занимались французские семитологи Антуан Лонне и Мари-Клод Симеон-Сенель, отразившие результаты своей работы в статьях (Simeone-Senelle – Lonnet, 1985–1986;

1988–1989; 1991; 1992). Ученый из Малайзии Халед Авад Омер бин Махашен в 2009 г. в Малайзийском университете Куала-Лумпура защитил диссертацию на тему «Морфологические и синтаксические аспекты сокотрийского диалекта Калансии», в которой была предпринята фактически первая попытка систематического описания сокотрийского языка на примере его западного диалекта (Makhashen, 2009). Следует отметить исключительно важное описание этнофлоры Сокотрийского архипелага, сделанное Энтони Миллером и Мирандой Моррис, работавших по программе Королевского ботанического сада Эдинбурга под руководством Миллера (Miller and Morris, 2004). Итоги работ многих исследователей отражены в фундаментальном труде по естественной истории островов архипелага, написанной Кэтрин Чунг и Линдоном ДеВантье (Cheung and DeVantier, 2006). М. Моррис также продолжает изучение сокотрийского языка и фольклора. Остров стал природным заповедником, и на нем появились туристы. Объектом исследования не так давно стали сокотрийские пещеры, в которых зарубежными учеными и нами были обнаружены интересные артефакты.

Глава третья

Физический тип сокотрийцев⁶

Данные одонтологии

В физико-антропологическом отношении население Сокотры, несомненно, имеет сложный состав, с трудом поддающийся точному анализу известными научными методами. Можно предположить три вероятных фактора формирования антропологического типа современных сокотрийцев: 1) наличие древнего субстрата неизвестного пока происхождения, возможно, связанного с Южной Аравией и проявляющегося в наибольшей степени в горных районах острова; 2) проникновение новых мигрантов, оседавших в основном на побережье, и смешение их с местным населением; 3) влияние изоляции и эндогамии, создававшее предпосылки для выработки черт своеобразия типа. Любое антропологическое исследование предполагает поиски путей для раскрытия картины взаимодействия названных факторов.

Выборочный одонтологический анализ населения Сокотры и соседних регионов, проведенный В. С. Шинкаренко вместе с автором этой книги в середине 80-х годов, материалы которого были впоследствии детально изучены в Москве А.А. Зубовым, к сожалению, был затруднен из-за отсутствия сравнительного материала по арабским странам, и прежде всего по Аравии. В то время сравнительные данные приходилось брать из более далеких регионов, в частности из Индии (парсы, брахманы – представители европеоидного населения Индии; каткари, санталы – веддо-дравидоидные по физическому типу группы).

⁶ Раздел «Данные одонтологии» написан в соавторстве с А. А. Зубовым и В. С. Шинкаренко, «Кожные узоры кисти у сокотрийцев» – в соавторстве с Г. Л. Хить и В. С. Шинкаренко. Раздел «Палеоантропология архипелага Сокотра» написан Ю. К. Чистовым.

Илл. 1. Автор со старым бедуином

Правда, в данном случае выбор групп для сравнения определялся не только принципом «за неимением лучшего». Дело в том, что население Индии, особенно аборигенные племена, относящиеся к веддо-дравидоидному (в широком смысле – австралоидному) физическому типу, возможно, формировались примерно тем же путем, при участии тех же компонентов, что и соседние с Сокотрой племена Аравии. Известна в этой связи работа К. Куна (Coon, 1939), в которой было показано, что бедуины Хадрамаута имеют «веддоидный» облик. По нашему мнению, точнее было бы употреблять термин «веддо-дравидоидный», как учитывающий содержание южно-европеоидных элементов. Сравнение населения Сокотры с племенами Индии, среди которых представлены дравидоязычные группы, чрезвычайно интересно, поскольку можно предполагать наличие древних связей мигрантов на Сокотру с дравидийскими народами (илл. 1; см. типы сокотрийцев на илл. 18–26 на цв. вкладке).

Интересен вопрос об африканоидном (африканском) компоненте в антропологическом составе населения острова. Африканские черты связываются преимущественно с населением побережья, т. е. как бы с более поздними миграциями, хотя в процессе метисации они проникали и в горные районы. Антропологическими методами эти черты выявляются не вполне определенно. Так, предварительное исследование показало, что, по данным дерматоглифики (см. подробнее ниже), видимых следов народов Африки на Сокотре обнаружить не удалось. Что касается первых одонтологических материалов, то они, напротив, скорее подтверждают наличие каких-то связей с Африканским континентом, главным образом с его восточными районами (Шинкаренко, Наумкин, Хить, Зубов, 1984). Новые материалы, – когда они, на что

можно надеяться, будут собраны, – должны будут уточнить предварительные данные и объяснить противоречивые результаты по разным системам антропологических маркеров.

Одонтологические данные имеют несколько ограниченные возможности в отношении дифференциации европеоидной (особенно южной) и африканской групп в населении островов архипелага, вследствие их большого сходства по многим особенностям зубной системы. В то же время одонтология позволяет по ряду признаков различить веддоидный и собственно африканский компоненты, что в данном случае особенно важно. В настоящей работе мы привлекаем для сравнения помимо индийских групп данные по народам Мали и Эфиопии.

После полевого сезона 1984 г. объем одонтологических данных по острову Сокотра существенно увеличился, что дало возможность создать более репрезентативные выборки по населению горных районов и побережья, а также особо выделить выборку индивидуумов, обладающих выраженным африканским физиономическим комплексом, для более углубленного анализа характера и происхождения экваториального компонента на Сокотре. Полученные выборки обозначены следующим образом: жители гор, жители побережья, африканоиды (африканцы), жители гор и побережья суммарно, население Сокотры суммарно (табл. 1).

Исследование проводилось по принятой в то время в России одонтологической методике (Зубов, 1968; 1963), которая много лет применялась при сборах материалов по России и другим бывшим советским республикам, а также зарубежным государствам (Индии, Монголии, Вьетнаму, Перу, Эфиопии, Мали, Финляндии, Болгарии, Польше). Результаты были вполне сопоставимы с накопленными к тому времени материалами по различным физико-антропологическим группам мира. Набор признаков, использованный в данной главе, также не выходит за пределы принятых на то время (и мало изменившихся сегодня) стандартов, для которых установлены таксономические характеристики на уровне больших и малых антропологических подразделений человечества.

В нашем анализе исследовались: форма прикуса, диастема между мезиальными верхними резцами, скученное расположение зубов (краудинг) в области верхнего латерального резца (лингвальный сдвиг последнего, проявляющийся билатерально или унилатерально), «лопатообразная» форма верхних резцов, бугорок Карабелли на первом верхнем моляре, редукция гипоконуса (дистолингвального бугорка) на втором верхнем моляре, число бугорков и тип контакта межбугорковых борозд на нижнем моляре, дистальный гребень тригониды, коленчатая складка метаконида, внутренний средний дополнительный бугорок и положение второй борозды метаконида на первом нижнем моляре, а также форма борозды *I pa* на первом верхнем моляре.

Принцип фиксации признаков описан в нескольких отечественных работах (см., например: Зубов, 1968; 1973; 1980). При сопоставлении использовались специально выделенные разграничительные критерии – фены, характеризующие в сравнительном плане наиболее важные и наиболее проверенные в таксономическом отношении морфологические особенности. Часть их получена путем суммирования отдельных баллов признаков для формирования более выразительных показателей. Так, например, фен, отражающий развитие бугорка Карабелли и используемый при сопоставлениях, характеризуется суммой баллов 2–5, фен «редукция гипоконуса» – суммой баллов 3 и 3+, фен «лопатообразность» – суммой баллов 2 и 3 на мезиальном верхнем резце. Альтернативные признаки (дистальный гребень тригониды, коленчатая складка, внутренний средний дополнительный бугорок) непосредственно используются в качестве фенов.

Одонтологический материал по Сокотре ограничен лишь мужской выборкой, что следует учитывать при сопоставлениях, так как большая часть мировых данных представлена

усредненными цифрами по мужчинам и женщинам. Однако в данном случае сравнительный материал (Индия, Эфиопия) также ограничен мужскими выборками, что облегчает сопоставления.

При сравнительном анализе использован метод средних таксономических расстояний (СТР), который не раз применялся нами в одонтологических исследованиях (Зубов, 1980). Величина СТР получается путем суммирования разниц по каждому признаку (выраженных в радианах), деленных на табличный стандарт критерия Фишера для данной численности групп, и последующего деления полученной суммы на число признаков. Статистическая достоверность на уровне 5 % по сумме признаков достигается при СТР = 1, но практически, уже начиная с СТР = 0,7, группы могут считаться достаточно сильно различающимися. Прежде всего, дадим общую одонтологическую характеристику выборок, полученных на Сокотре (см. табл. 1–8).

Таблица 1

Группа	<i>n</i>	<i>ps</i>	<i>lb</i>
		%	%
Г	62	96,8	3,2
П	108	94,4	5,6
А	29	93,1	6,9
ГП	170	95,3	4,7
ГПН	199	95,0	5,0

Прикус

Примечание. Здесь и далее приняты следующие условные обозначения: Г – жители гор, П – жители побережья, А – африканоиды, ГП – жители гор и побережья суммарно, ГПН – население Сокотры суммарно; *n* – число индивидуумов.

Таблица 2

Частоты диастемы и краудинга

Группа	Диастема		Краудинг	
	<i>n</i>	%	<i>n</i>	%
Г	61	31,1	62	22,6
П	107	31,8	107	15,0
А	28	35,7	30	16,7
ГП	168	31,5	169	17,7
ГПН	196	32,1	199	17,6

Таблица 3

Лингвальная поверхность верхних резцов (частота баллов лопатообразности, %)

Группа	<i>n</i>	<i>0</i>	<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>2 из 3</i>
Медиальный резец						
Г	58	32,8	55,2	12,0	0	12,0
П	100	37,0	53,0	10,0	0	10,0
НП	30	23,3	63,4	13,3	0	13,3
ГП	158	35,4	53,8	10,8	0	10,8
ГПН	188	33,5	55,3	11,2	0	11,2

Г	59	37,3	54,2	8,5	0	8,5
П	105	46,7	43,8	8,6	0,9	9,5
Н	30	30,0	56,7	13,3	0	13,3
ГП	164	43,3	47,6	8,5	0,6	9,1
ГПН	194	41,2	49,0	9,3	0,5	9,8

Таблица 4

Бугорок Карабелли на М1 (частота баллов выраженности признака, %)

Группа	<i>n</i>	<i>0</i>	<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>	<i>2-5</i>
Г	56	50,0	23,2	10,7	14,3	1,8	0	26,8
П	97	31,0	24,7	23,7	10,3	9,3	1,0	44,3
Н	26	50,0	23,1	11,5	11,5	0	3,9	26,9
ГП	153	37,8	24,2	19,0	11,8	6,5	0,7	38,0
ГПН	179	39,7	24,0	17,9	11,7	5,6	1,1	36,3

Таблица 5

Форма верхних моляров, %

Группа	M ¹			M ²					
	<i>n</i>	4	4-	<i>n</i>	4	4-	3+	3	3 и 3+
Г	54	85,2	14,8	33	18,2	9,1	30,3	42,4	72,7
П	94	81,9	18,1	59	27,1	30,5	10,2	32,2	42,4
Н	25	84,0	16,0	19	21,0	26,3	15,8	36,9	52,7
ГП	148	83,1	16,9	92	23,9	22,8	17,4	35,9	53,3
ГПН	173	83,2	16,8	111	23,4	23,4	17,1	36,1	53,2

Таблица 6

Форма нижних моляров, %

Первый нижний моляр (M ₁)												
Группа	<i>n</i>	+7	У6	+6	Ж6	Σ6	У5	+5	Х5	Σ5	У4	Σ4
Г	50	0	6,0	2,0	2,0	10,0	66,0	12,0	2,0	80,0	10,0	10,0
П	78	1,3	10,2	2,6	0	12,8	53,8	28,2	1,3	83,3	2,6	2,6
Н	26	0	11,5	7,7	0	19,2	57,7	23,1	0	80,8	0	0
ГП	128	0,8	8,6	2,3	0,8	11,7	58,5	21,9	1,6	82,0	5,5	5,5
ГПН	154	0,65	9,2	3,2	0,65	13,05	58,5	22,1	1,2	81,8	4,5	4,5

Второй нижний моляр (M ₂)											
Группа	<i>n</i>	+6	+5	Х5	Σ5	У4	+4	Х4	Σ4	У3	
Г	35	0	11,4	5,7	17,1	8,6	60,0	14,3	82,9	0	
П	57	1,7	17,5	5,1	22,8	10,5	52,6	10,5	73,8	1,8	
Н	16	0	31,3	6,2	37,5	6,2	56,3	0	62,5	0	
ГП	92	1,1	15,2	5,4	20,6	9,8	55,4	12,0	77,2	1,1	
ГПН	108	0,9	17,6	5,5	23,1	9,3	55,5	10,2	75,0	0,9	

Таблица 7

Дистальный гребень тригониды (ДГТ), коленчатая складка метакониды (КСМ) и т.а.т.и.

на

Группа	ДГТ		КСМ		т.а.т.и.	
	<i>n</i>	%	<i>n</i>	%	<i>n</i>	%
Г	49	8,2	49	20,4	54	24,1
П	81	6,2	80	25,0	83	20,5
Н	26	0	24	25,0	26	15,4
ГП	130	6,9	129	23,3	107	21,9
ГПН	156	5,8	153	23,5	163	20,9

Таблица 8

Ход второй борозды метаконида на M1 и форма первой борозды параконуса на M1, %

Группа	Борозда 2 <i>med</i>				Борозда 1 <i>pa</i>				
	<i>n</i>	II	fc	III	<i>n</i>	0	1	2	3
Г	44	11,4	15,9	72,6	46	0	13,0	54,4	32,6
П	76	10,5	14,5	75,0	80	1,3	12,5	62,5	23,7
Н	25	8,0	20,0	72,0	21	0	9,5	47,6	42,9
ГП	120	10,8	15,0	74,2	126	0,8	12,7	59,5	27,0
ГПН	145	10,3	15,9	73,8	147	0,7	12,2	57,8	29,3

Таблица 9

Средние таксономические расстояния между различными выборками населения Сокотры и группами, взятыми для сравнения

Группа	Жители побережья Сокотры	Африканоиды Сокотры	Эфиопы	Парсы Индии	Брахманы Западной Индии	Каткари (Западная Индия)	Санталы (Индия)	Африканоиды Мали
ГПН	-	-	0,66	0,48	0,81	0,57	1,03	1,34
Г	0,58	0,59	0,64	0,58	0,50	0,46	0,92	1,08
П	-	0,58	0,42	0,53	0,85	0,59	0,99	1,34
Н	-	-	0,68	0,65	0,73	0,54	0,57	0,82

Все три выборки сокотрийцев имеют в основном нормальный, псалидодонтный (ножницеобразный) прикус (табл. 1), повышенный по мировому масштабу процент краудинга латерального верхнего резца и уникально высокую частоту диастем (табл. 2), не обнаруженную практически больше нигде в мире. Диастема мало связана с большими физико-антропологическими подразделениями человека, и в данном случае ее высокая частота может рассматриваться как узколокальное явление, возникшее в условиях изоляции. То, что этот специфический «сокотрийский феномен» распространен одинаково во всех группах, может указывать на интенсивные процессы смешения внутри всего островного населения, способствующего его гомогенизации. По частотам краудинга население горных районов сближается с парсами Индии, а группы побережья и африканцев – с эфиопами.

Частота важного «восточного» диагностического признака (лопатообразная форма резцов) по европеоидному масштабу у всего населения Сокотры слегка повышена (табл. 3) и точно соответствует значениям, типичным для Индии. Межгрупповая вариабельность в пределах Сокотры незначительна, что опять-таки указывает на процессы выравнивания фенетических показателей у населения острова.

Бугорок Карабелли одинаково часто встречается у африканоидов побережья и в горных районах, где его процент типичен для южных европеоидов. У основного населения побережья

он существенно выше (табл. 4).

Резкие различия отмечаются между горными районами и побережьем (включая африканоидов) по степени редукции гипоконуса на втором верхнем моляре (табл. 5): сильно выделяется повышенным процентом признака горная область, на побережье частота по мировому масштабу, напротив, понижена. Вряд ли можно трактовать эти различия как результат каких-то разнонаправленных метисационных процессов, связанных с участием различных антропологических типов. Скорее всего, перед нами – отражение какого-то исторического этапа, когда группы жили в изоляции друг от друга, после чего возникшие различия по данному признаку, характеризующемуся повышенной лабильностью, не успели сгладиться.

Процент шестибугорковых первых нижних моляров повышен на Сокотре – как в горах, так и на побережье (см. табл. 6), но особенно выделяется группа африканоидов, в которой бугорок встречается чаще, чем во всех взятых для сравнения группах, включая эфиопов и санталов. Поскольку сильная монголоидная примесь здесь исключается, можно было бы говорить о значительном компоненте веддоидного характера, хотя во взятых для сравнения веддо-дравидоидных выборках частота шестого бугорка ниже, чем на побережье Сокотры. Концентрация признака могла возрасти в изоляции, что предполагает весьма долгое пребывание рассматриваемой группы населения на острове. Что касается возможности влияния африканского компонента, то здесь трудно сказать что-либо определенное: судя по имеющимся данным, частота шестого бугорка в Африке невысока (Кейта, 1977; Barnes, 1969; Chagula, 1960; Hanihara, 1976). По-видимому, в данном случае мы имеем дело еще с одним «сокотрийским феноменом».

Очень четкие локальные различия наблюдаются на Сокотре по частоте четырехбугорковых первых и вторых нижних моляров. Этот признак, отражающий процесс грацилизации нижних моляров, чаще встречается в горных районах, реже – на побережье, еще реже – у африканцев. По концентрации редуцированных четырехбугорковых нижних моляров горное население Сокотры более всего сходно с представителями южной ветви европеоидов – носителями так называемого южного грацильного одонтологического типа. Низкий процент этого признака на побережье может быть свидетельством влияния либо африканского, либо веддоидного компонента.

Один из важных «восточных» одонтологических маркеров – дистальный гребень тригониды – распространен среди островного населения довольно неравномерно (см. табл. 7), причем минимальная частота приходится на африканоидов, максимальная – на горные районы. Такой географический градиент распространения этого фена указывает достаточно четко на связь населения горных районов с южноевропейскими и веддо-дравидоидными физико-антропологическими типами, а населения побережья – скорее с жителями Черной Африки, для которых характерна очень низкая концентрация дистального гребня тригониды.

Наличие африканского компонента как будто доказывает также высокий по мировому масштабу процент внутреннего среднего дополнительного бугорка в исследованных группах острова (табл. 7). Частоты свыше 20 % до настоящего времени были отмечены только у африканоидов Мали, США и эфиопов. Правда, на Сокотре градиент частот этого фена (увеличение от африканоидов в направлении горных областей) скорее говорит о преобладании африканского компонента в горных районах, что не укладывается в рамки гипотезы более позднего проникновения этого компонента на остров и приуроченности его в основном к побережью. Объяснение следует искать либо в небольшом объеме «африканской» выборки Сокотры, либо в мозаичном характере распределения на острове физико-антропологических компонентов, что влечет за собой предположение о единстве типа, может быть, в результате

постоянного проникновения и непрерывного перемешивания всех компонентов в течение весьма большого периода времени. Подобное предположение находит подтверждение в отмеченном выше феномене гомогенизации частот некоторых признаков по всему острову. Помимо отмеченных выше маркеров так же ведет себя еще один «восточный» фен – коленчатая складка метаконида (табл. 7), процент которого равномерно повышен в мировом масштабе во всех трех выборках.

Практически гомогенно в территориальном отношении распределяются на острове также варианты 11, *fc* и III положения борозды 2 на первом нижнем моляре (см. табл. 8). Низкие частоты варианта II могут указывать на присутствие как дравидоидного, так и африканского компонента.

Высокий процент формы 3 борозды I *pa* на верхнем первом моляре говорит в данном случае скорее о наличии африканских элементов, так как частота этого признака повышена в «африканской» выборке (табл. 8). Впрочем, в горах этот маркер также встречается достаточно часто, что может быть вызвано как веддоидной, так и африканской примесью. Труднообъяснимым остается сильное понижение частоты этого «восточного» (и отчасти африканского) маркера в выборке населения побережья. Возможно, дело здесь опять-таки в мозаичном распределении различных физико-антропологических компонентов на всей Сокотре.

Суммарное сопоставление групп позволяет представить себе таксономические соотношения изучаемых антропологических типов хотя бы в самых общих чертах, сглаживая разнонаправленный характер различий по отдельным признакам и давая возможность проследить главные тенденции при мозаичном распределении фенов. Результаты сравнительного анализа изученных групп вместе с данными по соседним регионам по методу средних таксономических расстояний позволяют сделать следующие выводы.

1. По сумме одонтологических признаков сокотрийское население в целом наибольшую близость обнаруживает с европеоидными и веддо-дравидоидными группами Индии, затем – с эфиопами.

2. Все три выборки Сокотры обнаруживают большое сходство между собой, причем таксономические расстояния между каждой парой выборок одинаковы. Это свидетельствует о значительной степени гомогенности населения, «выравнивании» антропологических характеристик типа, хотя локальные варианты внутри последнего все же прослеживаются.

3. Горное население по сумме признаков наиболее сходно с западноиндийской племенной группой каткари, веддо-дравидоидной по типу. Очень близки сокотрийские группы также к европеоидам Индии (брахманы, парсы). Несколько дальше (разница незначительна) отстоят эфиопы. Группы с сильным «восточным компонентом», а также африканское население Мали резко отличны от горных групп Сокотры.

4. Население сокотрийского побережья обнаруживает чрезвычайно близкое сходство с эфиопами, менее – с парсами Индии и каткари, а брахманы отстоят от рассматриваемой группы гораздо дальше. Это означает, что удельный вес чисто европеоидного компонента на побережье ниже, чем в горных районах. Однако, несмотря на относительно большую концентрацию на побережье веддоидного либо африканоидного компонента, последний и здесь не настолько выражен, чтобы относить местное население к экваториальной группе: об этом говорят большие таксономические расстояния между выборкой сокотрийского побережья, с одной стороны, и санталами и африканоидами Мали – с другой.

5. Выборка африканоидов Сокотры на деле, конечно, не является чисто африканской. По сравнению с предыдущими выборками она, правда, несколько ближе к жителям Мали, но отличие и в данном случае все же очень велико. Наибольшую близость африканоиды

обнаруживают с веддо-дравидами Индии – каткари и сантал ами. Судя по близости к последним, экваториальный компонент у африканоидов Сокотры действительно несколько выше, чем в выборках населения гор и побережья. Однако экваториальные черты, как правило, не имеют выраженной специфической приуроченности к Африке, о чем говорит большая удаленность африканоидов от эфиопов по сравнению с населением побережья.

Одонтологический анализ показывает, что население Сокотры сформировалось не в результате двух-трех различных волн миграции: оно складывалось на протяжении длительного периода времени, в течение которого происходила постоянная гомогенизация с образованием мозаичного, присущего населению этого острова распределения одонтологических признаков.

В целом на острове преобладает южноевропейский комплекс с сильным веддоидным компонентом, подобный типу аборигенных групп Западной Индии, т. е., другими словами, дравидоидному или веддо-дравидоидному типу, так как дравидийская (или южноиндийская) малая антропологическая группа как раз занимает промежуточное положение между веддоидной и индо-средиземноморской группами (Рогинский, Левин, 1978). Данные упомянутого выше исследования К. Куна позволяют предположить наличие того же сочетания компонентов (южноевропейского, в данном случае индосредиземноморского, и веддоидного) у населения Хадрамаута. Тогда последовал бы закономерный вывод, что основной, исходный физический тип населения Сокотры имеет, бесспорно, южноаравийские корни. Конечно, для подтверждения этой гипотезы необходимы одонтологические данные по всей Аравии.

Некоторое локальное усиление экваториального элемента могло бы говорить о притоке генов извне в разные эпохи, при этом по отдельным особенностям (высокий процент внутреннего среднего дополнительного бугорка) население Сокотры как будто испытало влияние со стороны Африки и, прежде всего, Эфиопии. Однако такой вывод требует некоторой осторожности. Приуроченность высоких частот внутреннего среднего дополнительного бугорка к горным районам может быть свидетельством не только генного обмена в пределах острова, но и наличия гена упомянутого бугорка в основе исходного физико-антропологического типа сокотрийского населения (здесь опять-таки не хватает данных по Хадрамауту). Сокотра и, возможно, вся Южная Аравия могут оказаться тем самым недостающим промежуточным звеном в генетическом градиенте «запад – восток», которое ищут антропологи, отмечая разрыв ареала экваториальной группы, т. е. разрыв между африканцами (населением Черной Африки) и австрало-веддо-меланезийской общностью. Не случайно в работе Я.Я. Рогинского и М. Г. Левина Аравия упоминается как возможный ареал распространения такого промежуточного физического типа (илл. 2).

В менее крупном географическом масштабе мы имеем дело с поисками переходного звена между дравидийской группой в Индии и эфиопской в Африке. Давно замеченное сходство между этими группами наводит на мысль о существовании непрерывного генетического градиента между ними. Поскольку дравидийская группа – промежуточная между веддоидной и южноевропейской (индо-средиземноморской), постольку следующее за дравидоидами в сторону Африки звено в предполагаемом градиенте должно быть слегка измененным в сторону увеличения сходства с эфиопской группой. Именно это, возможно, мы и наблюдаем, когда констатируем на Сокотре наряду с южноевропейскими и веддоидными элементами наличие «африканской» примеси.

Илл. 2. Бабушка и внучка

На деле мы, возможно, сталкиваемся здесь с закономерным, теоретически предсказуемым, но ранее малоизвестным для антропологов комплексом черт, составляющим тот «мост», который объединяет в общий комплекс дравидийскую и эфиопскую малые группы и тем самым устраняет разрыв между западной и восточной ветвями экваториальной большой группы.

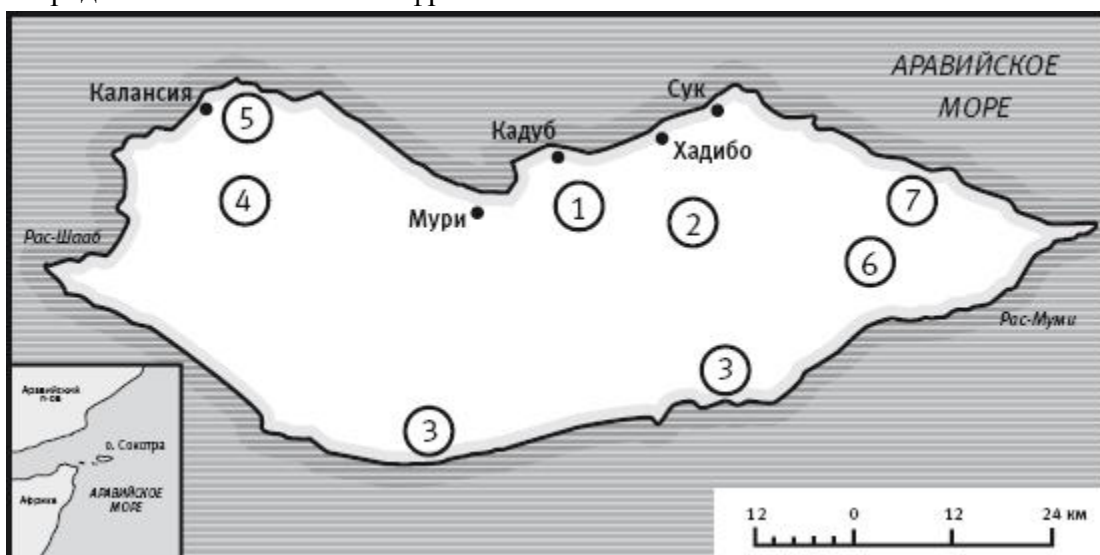
При таком подходе «африканские» элементы одонтологического типа населения Сокотры совсем не обязательно связывать с дополнительными миграциями из Африки: они могут быть составной частью исходного генофонда, уходящего корнями в Южную Аравию. Однако эта трактовка материала предполагает признание генетического единства обеих частей (восточной и западной) большой экваториальной группы, что принимается далеко не всеми антропологами. В частности, один из авторов этих строк придерживается иной точки зрения (Зубов, 1968 и 1977), базирующейся на позиции «дицентризма», сформулированной рядом исследователей, начиная с Ф. Вейденрейха. Согласно этой точке зрения, африканцы (население Черной Африки) и австрало-веддо-меланезийская ветвь экваториальной группы суть представители генетически различных больших физико-антропологических стволов. Исходя из такого подхода, регион, в котором находится Сокотра, может рассматриваться не как промежуточное звено одной цепи, а как зона контакта между генетически различными («западными» и «восточными») африканоидами, а образовавшееся здесь население – как продукт метисации. В этом случае «африканский» компонент на Сокотре должен считаться результатом притока генов из Африки.

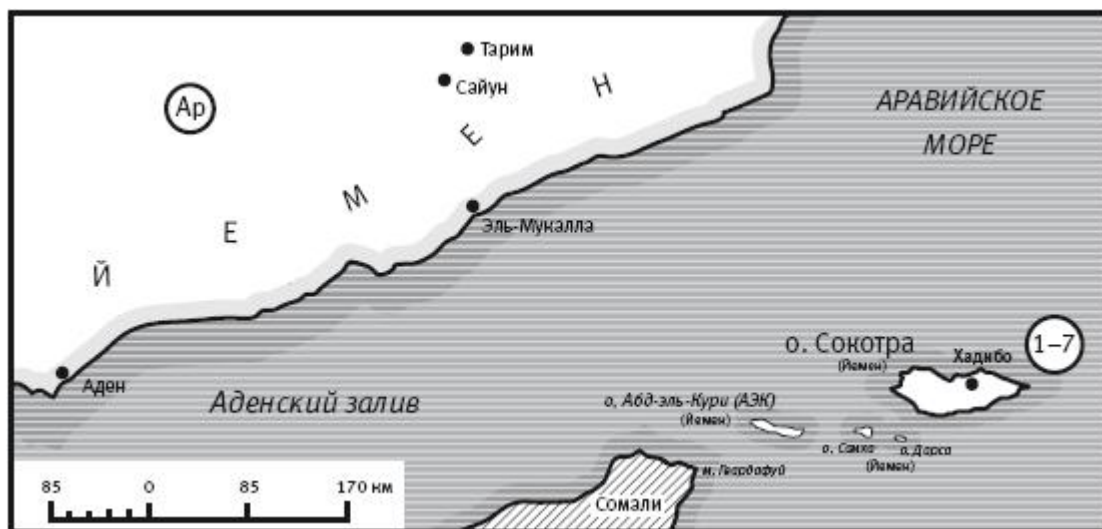
Решение вопроса об этом компоненте зависит, таким образом, от решения гораздо более крупной проблемы генетического единства или конвергентного сходства двух ветвей большой экваториальной популяционной группы. С другой стороны, материалы, относящиеся к Сокотре, могут в немалой степени способствовать разрешению этой глобальной теоретической проблемы антропогенеза человечества, особенно если они будут дополнены данными по смежным регионам, и прежде всего Аравии, Месопотамии, Сомали.

Кожные узоры кисти у сокотрийцев

Первые результаты изучения дерматоглифики населения островов архипелага Сокотра, материал для которого был собран В. С. Шинкаренко и В. В. Наумкиным в течение полевого сезона 1983 г., а потом рассмотрен в Москве Г. Л. Хить, показали сложность формирования физического типа населения острова (Шинкаренко, Наумкин, Хить, Зубов, 1984) (илл. 3).

Во время полевых выездов 1984 и 1985 гг. Шинкаренко и автор этой книги собрали новые данные, и в результате число обследованных увеличилось втрое. Были дополнительно обследованы жители северного побережья (см. илл. 3) и обширного горного района восточной части острова. Параллельно изучались жители близлежащего острова Абд-эль-Кури, а также африканоиды (африканцы) Сокотры и арабы материкового Йемена. Все эти материалы впервые дали возможность судить о морфологии кожных узоров кисти у населения обширного региона, входившего в зону формирования древней южноаравийской цивилизации и расположенного также в непосредственной близости к Африке.

Илл. 3. Карта населенных пунктов острова Сокотра и материкового Йемена, в которых проводились исследования

1 – северное побережье, 2 – центральный горный район, 3 – южное побережье, 4 – западный горный район, 5 – западное побережье, 6 – восточный горный район, 7 – восточное побережье; АЭК – о-в Абд-эль-Кури; Ар – арабы материкового Йемена

На основании предварительных данных все население Сокотры было поделено на семь территориальных групп, что позволило проследить географическую изменчивость признаков и их комплексов в разных районах острова. Перечислим мужские группы, включенные в анализ.

Сокотра: северное побережье – 167 человек, центральный район (горный массив Хагхер) – 70, южное побережье (Ноугед) – 46, западный горный район – 28, западное побережье – 25, восточный горный район – 78, восточное побережье – 22 человека. Всего обследовано 436 мужчин.

Абд-эль-Кури: 20 мужчин.

Материковый Йемен: арабы Северного Йемена, Адена, Хадрамаута – всего 84 мужчины.

Кроме того, для сравнения использованы данные об африканцах Сокотры (54 мужчины). Сюда вошли как потомки бывших рабов, так и позднейшие переселенцы из Западной Африки.

Отпечатки были обработаны по методике Камминса и Мидло, осевые ладонные трирадиусы определялись по схеме Шармы (Cummins, Middlo, 1961; Sharma, 1964). В антропологическом анализе были использованы пять ключевых признаков. Абсолютные значения признаков переводились в проценты евразийской шкалы популяционных средних путем вычитания из конкретной величины минимального лимита шкалы и деления результата, умноженного на 100, на амплитуду. На основании трансформированных величин строились полигоны изменчивости и вычислялось обобщенное дерматоглифическое расстояние (ОДР) как средняя сумма разниц по пяти ключевым признакам: дельтовому индексу $DII0$, индексу Камминса – IC , проксимальному осевому трирадиусу ладони – t , узорности гипотенара – $Hу$ и суммарному проценту добавочных межпальцевых трирадиусов – ДМТ. Достоверность различий по ОДР тестировалась при помощи t – статистики Стьюдента по формуле

$$t = \frac{d}{S \sqrt{\frac{1}{N_1} + \frac{1}{N_2}}},$$

где d – обобщенное дерматоглифическое расстояние, N_1 и N_2 – численности групп, S – стандартное квадратическое отклонение суммарного вариационного ряда внутренних различий на соответствующем уровне исследования – территориальном или этническом, в зависимости от задачи тестирования (5,14 и 6,35 соответственно). Громадное число наблюдений в объединенных рядах разниц и сходство закономерностей дифференциации внутри европеоидной и монголоидной физико-антропологических групп, исследованием которых были установлены эти закономерности, позволяет условно принять универсальный характер используемых сигм для сравнения и других групп, а также критерии оценки разниц по величине (малые, средние, большие). Взаимоотношения популяций по величине обобщенного расстояния определены методом парно-групповой кластеризации со взвешиванием.

Для суммарной оценки выраженности физико-антропологических свойств использованы величины так называемых комплексов, представляющих собой физико-антропологические модули (среднюю сумму трансформированных значений пяти ключевых признаков с учетом градиентов). Каждый из них рассчитывался исходя из гипотезы наличия двух компонентов в популяции: южноевропеоидного и индо-австралоидного (австралоидный комплекс – АК); южноевропеоидного и африканского (экваториальный комплекс – ЭК). Величина комплекса прямо связана с долей соответствующего компонента (австралоидного или экваториального) и обратно – с долей южноевропеоидного компонента. Хотя о точном содержании групповых компонентов на этом основании судить невозможно, сравнение величин комплексов позволяет сопоставлять группы между собой по условной выраженности свойств. Поскольку методическая основа вычисления комплексов была едина, их величины сравнимы друг с другом и с обобщенным дерматоглифическим расстоянием.

Все эти приемы и их обоснование описаны подробно ранее (Хить, 1983; Хить, Кейта, 1981). Градиенты различий между группами (направление увеличения признака) и пример вычисления комплексов даны в табл. 10.

Таблица 10

Расовые градиенты признаков при сопоставлении европеоидов Передней Азии (ЕПА) с австралоидами Индии (АИ) и жителями Черной Африки (ЧА) и пример расчета расовых комплексов

Признак	ЕПА — АИ		ЕПА — ЧА		Сокотрийцы суммарно			
	Градиент	0	Градиент	0	\bar{X}	1	2	3
Dl_{10}	————→	min.	←————	max.	14,18	64,8	64,8	35 2
I_c	←————	max.	←————	max.	8,04	48,7	51,3	51,3
t	————→	min.	————→	min.	52,0	15,9	15,9	15,9
H_y	←————	max.	←————	max.	35,9	74,5	25,5	25,5
ДМТ	————→	min.	————→	min.	30,0	62,4	62,4	62,4
АК	————→						44,0	
ЭК			————→					38,1

Примечание. 0 – лимит евразийской межгрупповой шкалы, принимаемый в качестве нулевого при вычислении австралоидного (АК) и экваториального (ЭК) комплексов. Значения признаков у сокотрийцев: X – абсолютные, 1 – прямые трансформированные (в % евразийской амплитуды), 2 и 3 – инвертированные для расчета величин АК и ЭК.

Таблица 11

Дерматоглифическая характеристика населения Сокотры и сравнительных групп (мужчины)

Группа	n	Dl_{10}	I_c	t	H_y	ДМТ	Tb/l	АК	Э
Сокотра									
Северное побережье (С-1)	167	13,42	7,60	57,8	31,7	27,8	6,6	47,2	47
Центральные горы (С-2)	70	13,65	8,02	58,8	37,9	25,7	7,1	41,7	39
Южное побережье (С-3)	46	15,47	8,14	35,9	42,4	30,4	9,8	38,9	22
Западные горы (С-4)	28	14,86	8,64	37,5	35,7	42,9	7,1	43,2	32
Западное побережье (С-5)	25	15,08	7,52	50,0	38,0	20,0	4,0	44,4	31
Восточные горы (С-6)	78	14,53	8,86	46,2	37,2	37,8	5,1	40,8	32
Восточное побережье (С-7)	22	15,82	8,16	61,4	40,9	27,3	4,5	49,5	30
Группы С-1 — С-7	436	14,18	8,04	52,0	35,9	30,0	6,5	44,0	38
Западные и восточные горы (С-8)	106	14,62	8,80	43,9	36,8	39,1	5,0	41,5	32
Северное побережье и центральные горы (С-9)	237	13,49	7,72	58,1	33,5	27,2	0,7	45,7	45
Южное, западное и восточное побережья (С-10)	93	15,46	7,98	45,8	40,8	26,9	7,0	42,9	27
Абд-эль-Кури (АЭК)	20	12,85	8,82	52,5	25,0	62,5	22,5	54,5	59
Африканоиды Сокотры	54	11,79	7,30	56,5	15,7	25,9	19,4	49,7	02
Арабы материкового Йемена (Ар)	84	14,01	8,03	71,5	30,9	25,6	6,6	51,6	47

Примечание. Tb/l – частота истинных узоров на тенаре/первой межпальцевой подушечке. Источники: [42; 43; 45 и новые данные].

Таблица 12

Суммарная разница между сокотрийцами в целом и сравнительными группами Азии и Африки (мужчины)

Группа	I	II	III
Европеоиды Передней Азии	43,8	3,7	1,1
Австралоиды Индии	15,2	-15,2	-12,9
Жители Черной Африки	29,1	-16,7	-29,0
Африканоиды Сокотры	28,1 ⁴	-5,7	-24,4
Арабы материкового Йемена	12,9 ³	-7,6	-8,9
Население Абд-эль-Кури	30,7 ⁵	-10,5	-20,9
Персы	10,1 ²	0,2	0,1
Каткари	8,5 ²	-4,8	-7,1
Эфиопы	29,4 ⁵	-8,9	-14,7
Белуджи	15, 6 ³	-1,0	-2,6
Евреи среднеазиатские	9,5 ²	5,1	9,5

Примечание. I – разница без учета расовых градиентов (обобщенное дерматоглифическое расстояние), II – разница в величине австралоидного комплекса, III – разница в величине экваториального комплекса. Оценка обобщенного дерматоглифического расстояния для этнического уровня: 2 – малые, 3 – средние, 4 – большие, 5 – очень большие.

Таблица 13

Обобщенные дерматоглифические расстояния между локальными группами сокотрийцев (мужчины)

Локальная группа	C-1	C-2	C-3	C-4	C-5	C-6	C-7	АЭК
Сокотра-1	–	8,1	26,7	28,9	16,8	24,1	19,3	31,1
Сокотра-2	2	–	21,3	25,8	14,8	19,4	12,7	34,0
Сокотра-3	6	5	–	15,3	17,9	18,3	13,6	44,6
Сокотра-4	6	6	4	–	24,3	9,2	25,8	29,3
Сокотра-5	4	3	4	5	–	20,5	16,1	43,8
Сокотра-6	5	5	4	2	5	–	22,0	26,8
Сокотра-7	5	3	3	6	4	5	–	43,4
Абд-эль-Кури	6	6	6	6	4	5	6	–

Примечание. Обозначения групп те же, что и в табл. 11. Справа от диагонали – расстояния в единицах измерения, слева – в оценочных баллах. Рубрикация расстояний: 2 – малые (6,5–10,3); 3 – средние (10,4–14,8); 4 – большие (14,9–18,8); 5 – очень большие (18,9–25,5); 6 – сверхбольшие (свыше 25,5). Все расстояния значимы по *t* – критерию Стьюдента ($P \leq 0,001$).

Таблица 14

Обобщенные дерматоглифические расстояния между локальными вариантами сокотрийцев и сравнительными группами (мужчины)

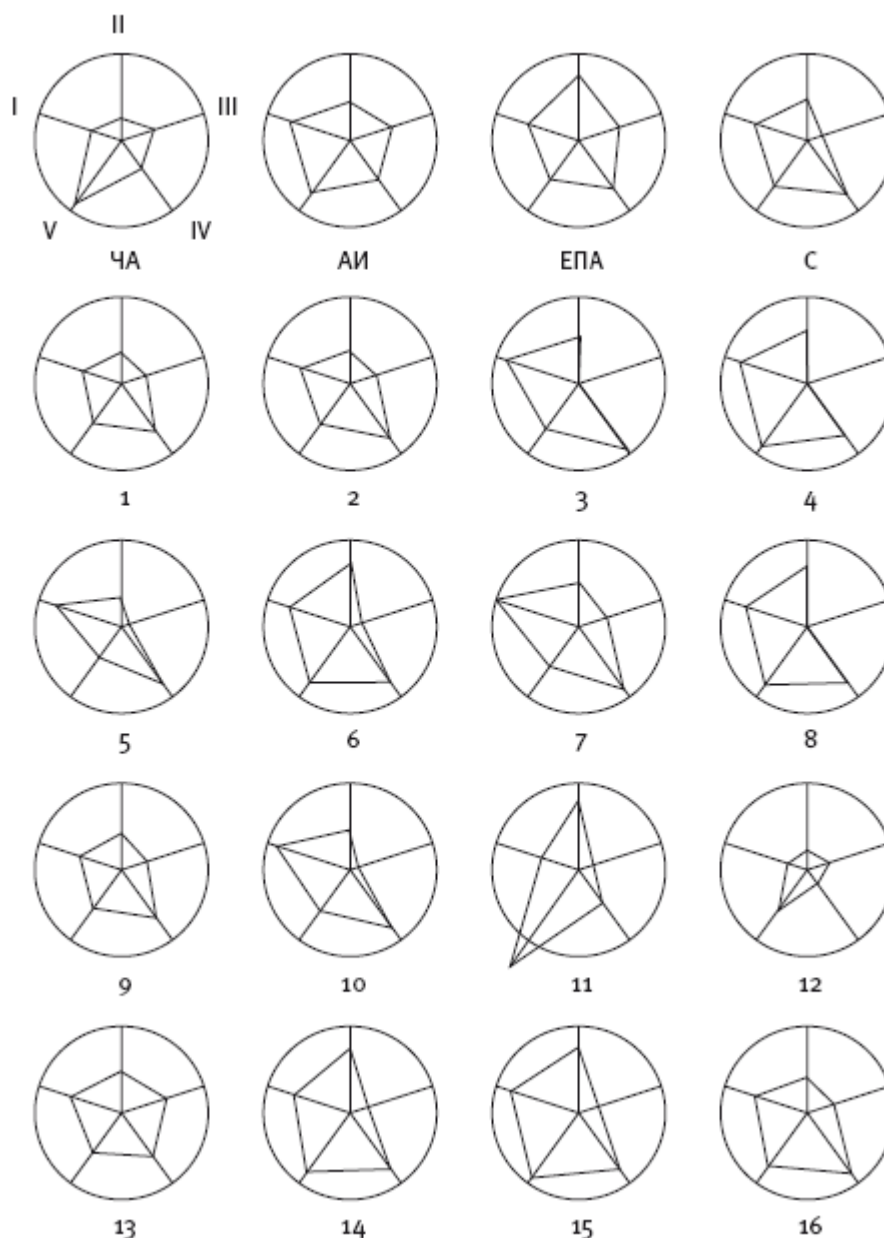
Группа	С-8	Север + центр С-9	С-10
Европеоиды Передней Азии	18,5	12,6	22,7
Австралоиды Индии	21,4	15,4	23,9
Жители Черной Африки	35,0	21,9	40,0
Арабы материкового Йемена	27,1	11,2	21,8

Примечание. Обозначения те же, что и в табл. 11.

Дерматоглифическая характеристика и таксономическое положение сокотрийцев в целом

Несмотря на значительное увеличение материалов, основные параметры суммарной сокотрийской серии почти не изменились: это крайне своеобразная группа, необычным образом сочетающая высокий дельтовый индекс с пониженным индексом Камминса, очень низкой частотой осевого проксимального трирадиуса ладони, большой узорностью гипотенара и большой частотой добавочных межпальцевых трирадиусов (табл. 11, илл. 4). Кроме того, у сокотрийцев отмечены малая узорность тенара/первой межпальцевой подушечки, а также крайне редкая частота партинга (0,9 %) и отсутствие линии *С* в 8 %.

Неповторимость дерматоглифического облика сокотрийцев прежде всего выражается в отсутствии аналогий среди крупных антропологических групп человечества. Метисный характер сокотрийского комплекса очевиден, как и преобладание в его составе южноевропеоидного переднеазиатского компонента. Это выясняется из комбинации признаков, анализа дерматоглифических расстояний и величины австра-лоидного и экваториального (африканского) комплексов (см. табл. 11 и 12, илл. 4). Так, по величине ОДР, представляющего собой среднюю сумму различий без учета групповых векторов, сокотрийцы наиболее близки к переднеазиатским европеоидам, чуть дальше отстоят от австралоидов Индии и вдвое, по сравнению с последними, – от населения Черной Африки и африканоидов Сокотры. От абдэлькурийцев коренные сокотрийцы так же далеки, как от эфиопов, африканоидов Сокотры и населения Черной Африки.

Илл. 4. Дерматоглифические полигоны мужских групп. Обозначение радиусов:

I– D110, II – /, III– t, IV– Ну, V – ДМТ. Центр окружности соответствует минимальному, конец радиуса – максимальному лимиту евразийской шкалы популяционных средних. ЧА – жители Черной Африки, АИ– австралоиды Индии, ЕПА – европеоиды Передней Азии, С – Сокотра суммарно (1 – северное побережье, 2 – центральные горы, 3 – южное побережье, 4 – западные горы, 5 – западное побережье, 6 – восточные горы, 7 – восточное побережье, 8 – западные и восточные горы, 9 – северное побережье и центральные горы, 10 – южное, западное и восточное побережья, 11 – абдэлькуррийцы, 12 – африканоиды Сокотры, 13 – арабы материкового Йемена, 14–персы, 15 – белуджи, 16–каткари)

Австралоидный компонент выражен у сокотрийцев немного сильнее, чем в переднеазиатской европеоидной выборке, и гораздо слабее по сравнению с австралоидами Индии. По величине экваториального компонента сокотрийцы практически неотличимы от переднеазиатов и чрезвычайно сильно разнятся с африканцами. Что касается соотношения обоих комплексов, то австралоидный у сокотрийцев несколько преобладает над африканским.

Интересно, что оба компонента в гораздо большей степени развиты у арабов материкового Йемена и абдэлькурийцев по сравнению с сокотрийцами. При этом арабы в общем сходны с сокотрийцами по величине признаков (исключая осевой проксимальный трирадиус ладони, часто встречающийся у арабов) и по соотношению комплексов.

Полные антиподы сокотрийцев – жители о. Абд-эль-Кури: разница между теми и другими исключительно велика и по отдельным признакам и по их совокупности. По величине обоих комплексов и их соотношению (африканоидный больше австралоидного) абдэль-курийцы сходны с африканоидами Сокотры. Правильнее всего будет определить тип этой популяции как смешанный, для которого помимо преобладающей африканской основы характерны также существенная доля индо-австралоидной примеси и незначительный южноевропеоидный переднеазиатский компонент.

Пример своеобразной смешанной группы являют собой африканоиды Сокотры, у которых типичные для жителей Черной Африки физические черты сочетаются с нехарактерными, легко объяснимыми наличием сокотрийской примеси (резкая редукция частоты проксимального трирадиуса ладони и заметное сокращение числа добавочных межпальцевых трирадиусов). Однако специфический физический облик свидетельствует об африканском происхождении этой популяции, максимально близкой к жителям Черной Африки и по величине экваториального комплекса.

Территориальная дифференциация

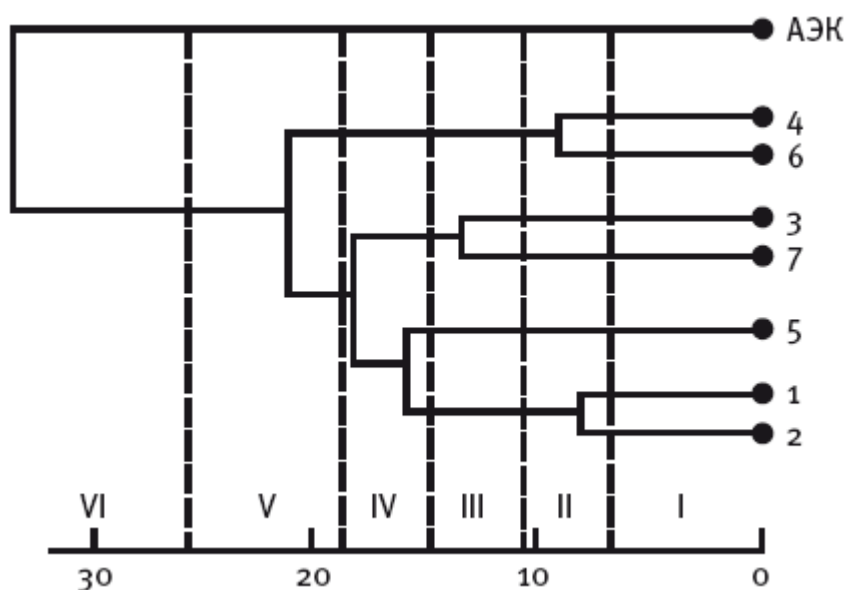
Насколько однородно население Сокотры? Семь локальных выборок, на которые был разбит материал, сильно различаются между собой по величинам и комбинациям признаков (см. табл. 11, 13 и илл. 4). Эта гетерогенность подтверждается также анализом кривой распределения дерматоглифических расстояний между ними, имеющей двухвершинную форму. Показатель среднего внутрigrуппового расстояния составляет 19,5, что значительно превосходит обычный уровень, однако среднее квадратическое отклонение почти не выходит за пределы нормы (5,72). Сильно варьируются также величины австралоидного и экваториального комплексов (39–49 и 23–47 соответственно). Максимальная австралоидность локализуется на восточном (49,5) и на северном побережье (47,2); минимальная – на южном побережье (38,9); в остальных частях острова комплекс распределяется равномерно, колеблясь от 41 до 44. Напомним, что у йеменских арабов он равен 51,6, а у абдэлькурийцев достигает 54,5. Таким образом, наибольшая доля австралоидного компонента отмечается на восточном и северном побережьях Сокотры, на территории материкового Йемена и в особенности на Абд-эль-Кури. Приблизительно также распределяется и экваториальный компонент: на северном побережье и в центре он максимален (47,3 и 39,9 соответственно); на южном – минимален (22,9); в остальных местах, в том числе и на восточном побережье, колеблется в очень узких пределах (31–32).

На фоне широких вариаций отдельных признаков особенно удивляет гомогенность сокотрийцев относительно узорности тенера/первой межпальцевой подушечки (4–10 %) – элемента, максимально изменчивого внутри группы и внутри большой антропологической группы по сравнению с остальными чертами. Средняя его частота составляет у сокотрийцев около 6 %, что резко отделяет их от популяций тропической зоны, которым свойственна гораздо более интенсивная узорность. Возможно, стойкая низкая величина признака является одним из доказательств сохранения в дерматоглифике сокотрийцев черт древнего населения острова, не испытавшего еще африканско-австралоидного влияния.

Кластеризация сокотрийцев и абдэлькурийцев по обобщенному дерматоглифическому

расстоянию показывает прежде всего исключительную обособленность последних (см. илл. 5). Однако и сами сокотрийцы неоднородны. Наиболее своеобразны западные и восточные горцы, близко сходные между собой, но отделенные от остальных групп весьма большими различиями. Население южного и восточного побережий, связанное взаимно средней степенью сходства, на уровне очень больших расстояний также практически объединяется с остальными группами. Среди последних обитатели северного побережья и центральных гор очень сходны друг с другом, почти в такой же мере, что и горцы запада и востока.

Исходя из комбинаций признаков, т. е. из формы полигонов и из дендрограммы, мы сгруппировали сокотрийские выборки, объединив их в три крупные локальные группы с новой нумерацией: Сокотра-8 (западные и восточные горы), Сокотра-9 (северное побережье и центральные горы), Сокотра-10 (южное, западное и восточное побережья).

Илл. 5. Кластеризация сокотрийцев по величине обобщенного дерматоглифического расстояния (мужчины):

1–7 – исследованные группы, АЖ– абдэлькуруйцы. Градация расстояний по [41]: I– очень малые, II– малые, III– средние, IV – большие, V – очень большие, VI – сверхбольшие

Характерны различия между ними. Сокотрийцы западных и восточных гор представляют собой гипертрофированный вариант европеоидов Ближнего Востока, сходный с евреями и персами и имеющий большие величины всех ключевых признаков, кроме редуцированного осевого ладонного трирадиуса. Сокотрийцы севера и центра находят ближайшую аналогию в каткари (австралоидная по типу группа западноиндийского побережья), но у сокотрийцев сокращено число дельт на пальцах (африканское влияние) и узорность гипотенара. Показатель расстояния между группами Сокотра-8 и Сокотра-9 исключительно велик (23,8). Что касается сокотрийцев прибрежной полосы запада, востока и юга, то они представляют собой нечто вроде перехода между двумя предыдущими группами, будучи все же немного ближе к горцам (расстояния 16,7 и 18,1 соответственно). Все эти расстояния высокодостоверны ($P < 0,001$).

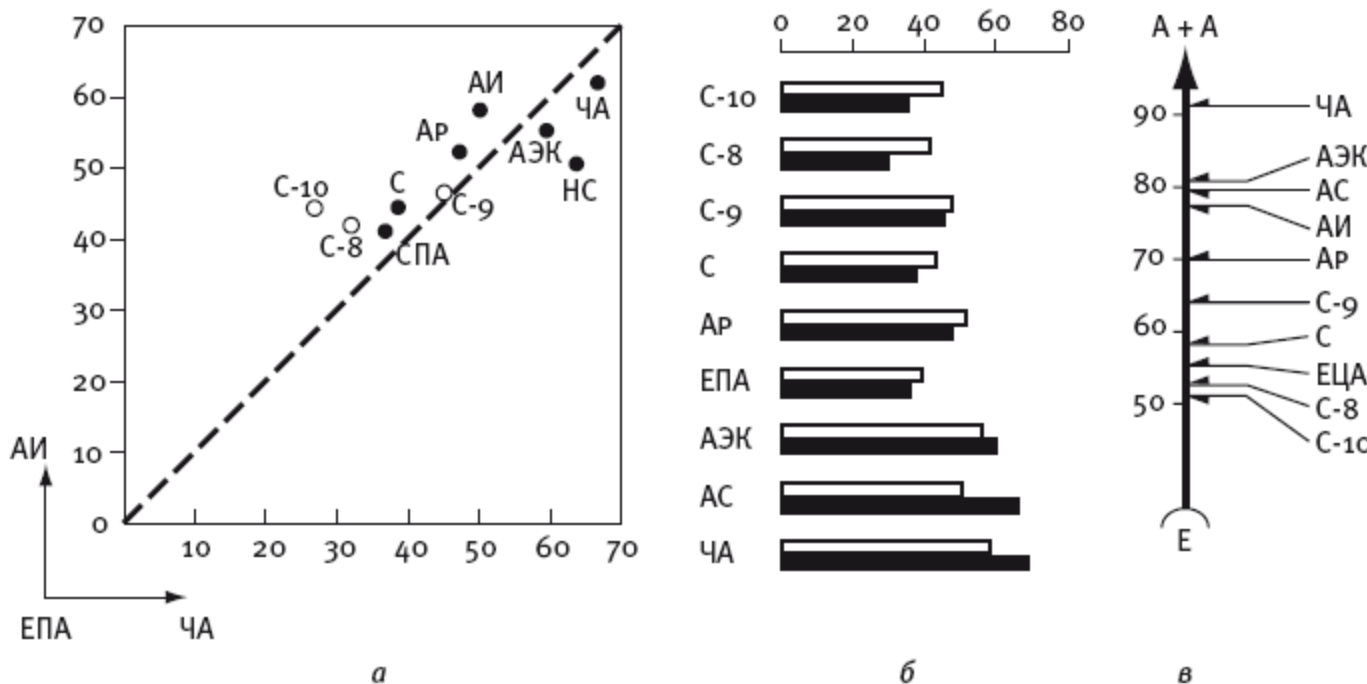
Свидетельствует ли все сказанное об отсутствии какого-либо сходства между тремя локальными группами сокотрийцев? Отнюдь нет: общее для всех сокотрийцев проявляется и в формах полигонов, и в результатах сопоставления с антропологическими группами, принявшими участие в их формировании (см. табл. 14). В последнем случае речь идет не только о количественной мере различий, но и об определенном их векторе.

Показательно, что все три сокотрийские группы по сумме признаков наиболее близки к европеоидам Передней Азии, затем к австралоидам Индии и максимально отличаются от населения Черной Африки. Само по себе это уже указывает на общность морфологической основы у сокотрийцев и на пропорцию соответствующих физических компонентов, из которых наиболее велик европеоидный и минимален африканоидный. Однако по соотношению этих компонентов и по суммарной разнице с группами сокотрийцы неоднородны. Так, население севера и центра наиболее близко к сравнительным антропологическим группам и, следовательно, представляет собой самую смешанную в физико-антропологическом отношении часть островитян.

Интересно, что с арабами материкового Йемена эта группа связана максимально тесно: обобщенное расстояние составляет 11,2, что соответствует нижней границе средних значений, т. е. сравнительно малой разнице. Сокотрийцы западных и восточных гор также теснее связаны с европеоидами, чем с австралоидами, но абсолютная величина всех различий у них значительно выше, а различие с арабами Йемена оценивается как очень большое. Сокотрийцы побережья отличаются от индийских австралоидов лишь ненамного больше, чем от европеоидов; можно сказать, что они одинаково далеки от обеих групп, но несхожесть с жителями Черной Африки еще больше. От арабов же прибрежные сокотрийцы очень отличаются.

Мы говорили до сих пор об общем различии, выражаемом величиной дерматоглифического расстояния и обусловленном всей совокупностью причин, включая и физико-антропологический состав. Интерпретация полученных результатов немало облегчается введением в анализ векторов различий, что позволяет рассмотреть особо дивергенцию, вызванную исключительно разницей в этом составе. На илл. ба представлены в системе координат соотношения групп по величине австралоидного и экваториального комплексов. Удаление от точки пересечения осей по абсциссе означает увеличение различий по отношению к европеоидам в «африканоидном» направлении, по ординате – в «австралоидном». Диагональ позволяет сориентироваться в соотношении величин обоих комплексов: справа располагается область преобладающих значений экваториального, слева – австралоидного.

Все три группы сокотрийцев попадают в левую половину корреляционного поля вместе с европеоидами Передней Азии, арабами Йемена и австралоидами Индии.

Илл. 6. Сопоставление сокотрийцев и сравнительных групп по комплексу признаков (мужчины)

а – взаимоположение групп в корреляционном поле экваториального (по оси абсцисс) и австралоидного (по оси ординат) комплексов; б – соотношение величин австралоидного (обозначен контуром) и экваториального (обозначен заливкой) комплексов; в – сравнение по степени близости к европеоидам (объяснение в тексте). Группы Сокотры: С-8 – западные и восточные горы, С-9 – север и центр. С-10 – побережье, С – Сокотра суммарно, АС–африканоиды Сокотры; АЖ– абдэлькурийцы; Ар – арабы материкового Йемена; А + А – австралоиды + африканоиды; Е – европеоиды; ЕПА – европеоиды Передней Азии; АИ – австралоиды Индии; ЧА – жители черной Африки

При этом западные и восточные горцы обнаруживают минимальную долю австралоидного и почти самую малую – африканоидного компонента. У жителей побережья австралоидная примесь чуть больше, а африканская – чуть меньше, чем у горцев. У обитателей северного побережья и центральных гор более высокие значения обоих комплексов при сбалансированном их соотношении, что означает максимальную удаленность от европеоидной точки отсчета.

Сокотрийцы в целом близки к переднеазиатской средней, причем австралоидный компонент у них больше, а по экваториальному комплексу различия с европеоидами почти неощутимы. Арабы Йемена имеют максимальную долю обоих компонентов по сравнению с любой сокотрийской группой и сокотрийцами в целом.

В правой половине корреляционного поля располагаются абдэлькурийцы, у которых экваториальный комплекс несколько выше австралоидного, а также жители Черной Африки и африканоиды Сокотры. У сокотрийских африканцев экваториальные черты выражены сильнее, чем у абдэлькурийцев, но слабее, чем у жителей Черной Африки. Более наглядно эта картина отражена на илл. 6б.

Речь шла о выраженности обоих комплексов и их соотношении, причем европеоидный компонент как бы оставался в тени. Теперь можно установить линейное положение групп в евклидовом пространстве по отношению к «европеоидной» (нулевой) точке пересечения осей путем извлечения квадратного корня из суммы квадратов обоих комплексов. Полученная величина, находясь в обратной связи со степенью близости группы к нулевой точке, т. е. с выраженностью европеоидного комплекса, позволяет судить о положении группы на оси «европеоиды – (австралоиды + африканоиды)» (илл. 6в). Мы находим, что южноевропеоидный компонент в суммарной группе сокотрийцев выражен чуть меньше, чем в Передней Азии в целом. Примечательно, что максимально (и примерно в одинаковой мере) европеоидными оказываются жители прибрежной зоны и горцы, в то время как у северо-центральной группы этот комплекс заметно меньше. Абдэлькурийцы разительно отличаются от всех сокотрийских групп резким уменьшением европеоидности и практически идентичны в этом отношении африканоидам (африканцам) Сокотры. Арабы Йемена ближе всего к северным сокотрийцам, но европеоидные черты у арабов выражены ощутимо слабее.

Кратко изложим основные итоги. Аборигенное население Сокотры отличается необычным своеобразием строения кожи кисти. Это группа смешанного происхождения, в составе которой основная роль принадлежит южноевропеоидному переднеазиатскому компоненту. Второй по удельному весу физико-антропологический компонент связывается с индийскими австралоидами. На уровне локальных групп сокотрийцев проявляется третий компонент, имеющий африканское происхождение.

Территориальное разнообразие признаков у сокотрийцев чрезвычайно велико. Тем не менее, три основных варианта, охватывающие семь групп и отличающиеся друг от друга, имеют общую основу. Представляется, что различия вариантов объясняются разной долей неевропеоидной примеси.

У сокотрийцев севера и центральных гор южноевропеоидный компонент гораздо меньше, а австралоидный и в особенности африканский заметно больше по сравнению с европеоидами Передней Азии. Это единственная группа сокотрийцев, в которой оба последних компонента почти сбалансированы при слабом доминировании австралоидности. В двух других группах ярко выражено преобладание австралоидного компонента над африканским.

В западных и восточных горах локализован тип, который максимально близок к переднеазиатским европеоидам по соотношению европеоидного и австралоидного компонентов (оба сильнее выражены у сокотрийцев), но отличается от них меньшей долей африканской примеси.

У сокотрийцев побережья (за исключением северного) европеоидный и австралоидный компоненты выражены еще сильнее, чем у горцев, а африканский – еще слабее.

Таким образом, распространение австралоидной и африканоидной примесей шло по преимуществу с северного побережья Сокотры и влияние этих компонентов постепенно слабело по мере удаления от северного (а в отношении австралоидного компонента – и от восточного) побережья, сходя к минимуму на южном побережье острова.

Население о. Абд-эль-Кури, расположенного на подступах к Сокотре со стороны Африканского континента, по-видимому, подвергалось метисации в первую очередь. В результате абдэлькурийцы наиболее сходны с африканоидами (африканцами) Сокотры по содержанию африканского компонента и с австралоидами Индии по доле австралоидного. В их дерматоглифическом типе сильнее всего выражены африканские черты. Арабы же материкового Йемена наиболее близки к северной группе сокотрийцев.

Палеоантропология архипелага

В 1984 г. В. В. Наумкиным и В. С. Шинкаренко во время работ на острове Сокотра были обнаружены и доставлены в Кунсткамеру в Санкт-Петербурге остеологические материалы из пещерных захоронений у деревни Ша'б и поселка Кадуб. Там они исследовались Ю. К. Чистовым – автором данной палеоантропологической части главы.

Палеоантропологических материалов с Сокотры, несмотря на большое количество археологических памятников, в том числе и погребальных комплексов различных эпох, до тех пор не было известно. Правда, Дуглас Боттинг писал о собранных в пещерах остеологических материалах, которые были доставлены в Лондон, но они так и не были опубликованы. В то же время очевидно, что появление и изучение краниологических коллекций с Сокотры представляет огромный интерес для решения проблем происхождения, расселения, физико-антропологической и этнической принадлежности, а также родственных связей племен, населявших как сам остров, так и в целом Южную Аравию в различные исторические эпохи. В силу ряда исторических, географических и природных условий эта территория была, начиная с древности, местом непрерывных взаимодействий археологических культур, зоной контактов представителей различных антропологических групп. В свете этого, как и всегда при решении наиболее дискуссионных в археолого-историческом отношении вопросов, данные по палеоантропологии Сокотры приобретают особое значение.

Нами были изучены два черепа без нижних челюстей с о-ва Сокотра. Костные материалы с целью выяснения их абсолютного возраста были подвергнуты Л. Д. Сулержицким

(лаборатория абсолютного возраста, Институт геологии АН СССР) коллагеновому анализу. Сделаны две пробы и получены весьма противоречивые результаты. Скорее всего, черепа с Сокотры датируются рубежом I–II тысячелетий н. э. Для образцов ШБ-2, ШБ-3, ШБ-22, которые были представлены, к сожалению, только разрозненными костями посткраниального скелета, при повторном анализе были получены следующие даты: 710 ± 40 ; 1110 ± 50 ; 1090 ± 50 .

Череп ШБ-1 из деревни Ша'б (пещера 1), по всей вероятности, – женский, костный возраст может быть определен в 30–40 лет. Череп в целом очень грацилен, характеризуется малыми размерами продольного и поперечного диаметров черепной коробки, мезокранией. По соотношению основных диаметров череп относительно высокий и неширокий, с узким лбом и крайне узким затылком. Высота лица – на нижней границе средних величин, лицо узкое, скуловой диаметр очень мал. По верхнелицевому указателю лицо относительно высокое, ортогнатное как по указателю выступания лица, так и по углам лицевого скелета, сильно профилированное в горизонтальной плоскости, переносье высокое. Орбиты широкие и средней высоты. Нос низкий и узкий, а по указателю – мезоринный. Угол выступания носа большой. Следует отметить значительный прогнатизм альвеолярной части лицевого скелета.

Череп ШБ-21 из деревни Ша'б (пещера 2) мужской, старческого возраста. При средних величинах продольного и высотного диаметров он обладает очень малым поперечным диаметром. Таким образом, по соотношению основных размеров черепной коробки – перед нами высокий, узкий, долихокраниальный череп, с узким лбом и весьма узким затылком. Высотные и широтные размеры лицевого скелета характеризуются средними величинами, скуловой диаметр при этом – на границе очень малых и малых величин. По верхнелицевому указателю лицо высокое, ортогнатное как по указателю выступания лица, так и по среднему и общему лицевым углам. В то же время следует отметить гиперпрогнатизм альвеолярной части лица. Лицо в горизонтальной плоскости профилировано достаточно сильно, но менее, чем на черепе ШБ-1, переносье высокое. Орбиты широкие, средней высоты. Нос узкий и низкий, по указателю лепторинный.

Приведенные описания и конкретные цифры (см. табл. 15) основных размеров, указателей и углов черепов с Сокотры свидетельствуют об их несомненной принадлежности к средиземноморскому антропологическому типу. Комплекс характерных для представителей средиземноморской большой группы особенностей строения мозгового и лицевого скелета выражен на этих двух черепах достаточно четко. Вспомним в связи с этим основные гипотезы о путях заселения и формирования физического типа населения Южной Аравии, и в частности на Сокотре, так как именно история древней Аравии наиболее тесно связана с древней историей Сокотры.

Таблица 15

Индивидуальные измерения и указатели черепов с Сокотры

№ по Мартину	Признак	ШБ-1	ШБ-21
1	Продольный диаметр	167	178
8	Поперечный диаметр	132	131
17	Высотный диаметр (ba-b)	127	133,5
20	Высотный диаметр (po-b)	110	112
5	Длина основания черепа	93	103,5
9	Наименьшая ширина лба	87	94
10	Наибольшая ширина лба	107	113
12	Ширина затылка	95	102
45	Скуловой диаметр	114	125
48	Верхняя высота лица	64	70
43	Верхняя ширина лица	95	105
46	Средняя ширина лица	90	96
51	Ширина орбиты от mf	41,5	44

52	Высота орбиты	33	34
54	Ширина носа	23	23
55	Высота носа	47	49
32	Угол лба (n-m) к горизонтали	82	84
	Угол поперечного изгиба лба	132,5	130,7
72	Общий угол профиля лица	87	85
73	Угол средней части лица	91	91
74	Угол альвеолярной части лица	75	69
8: 1	Черепной указатель	79,0	73,6
17: 1	Высотно-продольный указатель от ba	76,0	75,0
17: 8	Высотно-поперечный указатель от ba	96,2	101,9
48 : 45	Верхнелицевой указатель	56,1	56,0
40: 5	Указатель выступания лица	94,6	97,6
52: 51	Орбитный указатель от mf	79,5	77,3
54: 55	Носовой указатель	48,9	46,9
75(1)	Угол носовых костей к линии профиля	26	-
77	Назомолярный угол	137,4	138,2
L zm	Зигмаксиллярный угол	123,3	125,4
DC	Дакриальная ширина	17,1	20,5
DS	Дакриальная высота	10,1	13,7
DS : DC	Дакриальный указатель	59,1	66,8
SC	Симотическая ширина	8,7	10,8
SS	Симотическая высота	4,1	4,3
SS: SC	Симотический указатель	47,1	39,8

Во-первых, следует упомянуть о том, что юг Аравийского полуострова был заселен уже в эпоху палеолита, что подтверждено сделанными нашей экспедицией находками (см. об этом подробно в следующей главе). Вопрос же о времени заселения Сокотры пока окончательно не решен. Английские археологи Д. Б. Доу и П. Боксхолл, побывавшие на острове в 1967 г., считали, что он был заселен человеком довольно поздно, во времена интенсивного поиска районов импорта благовоний древними цивилизациями Египта и Ближнего Востока. В то же время это была и эпоха создания южноаравийских государственных образований – Сабейского, Минейского (Ма'ин), Катабанского, Хадрамаутского, Химьярского. Они, по всей вероятности, складывались на основе автохтонных прасемитских племен юга Аравии с возможным участием мигрантов с северной части полуострова и района древней Палестины. Однако, по мнению Наумкина, частично автохтонное население Южной Аравии, уйдя от столкновения с северными семитскими племенами, нашло приют в труднодоступных районах Махры, Дофара, а также на

острове Сокотра. Однако при этом остается открытым вопрос о возможном более раннем заселении Сокотры, о ее связях с дравидийскими и другими древними народами Востока, о чем говорилось в предыдущих разделах этой главы. В этой книге уже упоминалось о том, что в дальнейшем остров стал зоной экспансии создателей древнегреческих и древнеримского государств. Сокотру посещали жители Эфиопии, здесь жили на положении рабов и несли военную службу выходцы из Восточной Африки, сюда неоднократно в Средние века переселялись жители Махры, а с XVI в. на острове, как сказано во второй главе, находился португальский гарнизон.

Все это не могло не привести к значительной гетерогенности современного населения Сокотры. Еще по первым визуальным наблюдениям Наумкин писал о возможности разделить сокотрийцев, как минимум, на три антропологических типа (Наумкин, 1977). Участники оксфордской экспедиции, обследовавшие бедуинов острова, отмечали в качестве наиболее характерных их черт брахицефалию, невысокий рост, крепкое телосложение, темную кожу, вьющиеся волосы и редкую бороду, писали о значительном их отличии по языку, культуре и внешнему виду от большей части современного населения юга Аравийского полуострова, сходстве с населением Махры и Дофара. По мнению английских исследователей, аборигены Сокотры – это остатки неких «хамитических» популяций, когда-то широко распространенных в Южной Аравии и позже вытесненных долихоцефальной «семитской расой», пришедшей с севера (Botting, 1958: 200–209).

Исследование британскими учеными групп крови у бедуинов Сокотры (экспедиция 1956 г. собрала 100 образцов) показало, что в целом они похожи на материковых арабов, отмечено небольшое влияние со стороны популяций Восточной Африки (Lister, 1966). По данным дерматоглифики, как уже говорилось выше, у населения острова сочетаются черты индо-австралоидного и южноевропеоидного переднеазиатского комплексов. У населения внутренних горных районов, в отличие от жителей равнин и побережья, преобладает южноевропеоидный компонент, а следов африканского влияния не обнаружено. Напомним, что данные одонтологии дают основание отнести население о. Сокотра в основном к кругу форм «западного одонтологического ствола», включающего европеоидов и жителей Черной Африки. Жители горных районов при сравнении с данными по одонтологии экваториальных групп Индии и Эфиопии оказались ближе к южному грацильному европеоидному типу, представленному у популяций Северо-Западной Индии, а группа сокотрийцев побережья имеет весьма близкое к характерному для народов Эфиопии комплексу восточноафриканских особенностей строение зубной системы. Но необходимо учитывать, что выводы, сделанные коллегами на основании данных как серологии, так дерматоглифики и одонтологии, предварительны и основаны на сравнении с теми небольшими, к сожалению, характеристиками популяций соседних регионов, которыми пока располагает антропологическая наука.

Вернемся к материалам по краниологии Сокотры. Ввиду крайней фрагментарности данных, которые могут быть привлечены для сравнительного изучения древних сокотрийских черепов, все изложенные здесь соображения требуют дальнейшего уточнения. Неполнота или отсутствие индивидуальных показателей по синхронным сериям черепов из Передней Азии, Аравийского субконтинента, Восточной Африки и Индостана практически не дают возможности применить формализованные способы оценки сходства и различия древних популяций этого региона.

В табл. 16 и 17 приведены средние размеры черепов в немногочисленных древних сериях из Передней Азии, Египта и Индостана, по которым опубликованы в отечественной или зарубежной литературе данные, включающие в том числе и углы вертикальной и горизонтальной профилированности лицевого скелета. Это черепа из Киша, представляющие

население Южной Месопотамии середины III тыс. до н. э. (Алексеев, 1980); краниологическая серия из Тепе-Гиссар II–III (юго-восточный Иран, III–II тысячелетий до н. э.), измеренная Г. Ф. Дебецом в США и опубликованная В. П. Алексеевым (Алексеев, 1980); черепа из Хасанлу, поселения II–I тысячелетий до н. э. в северо-западном

Иране (Алексеев, 1984). Краниологический тип древних средиземноморцев с территории Кавказа характеризует небольшая серия черепов из могильника Джарарат (энеолит, юго-западное побережье озера Севан) (Алексеев, 1974). Материалы из Западной и Южной Индии представлены черепами из трех могильников эпохи неолита и бронзы (III–II тысячелетий до н. э., Лангнадж, Теккалакота и Неваса). Авторы публикации (Абдушелишвили, Алексеев, Махотра, 1980) относят их к средиземноморскому типу со значительным влиянием протоавстралоидного (веддоидного) элемента. Из работы В. Хауэллса (Howells, 1973) взяты данные, характеризующие египтян XXVI–XXX династий из Гизе (I тысячелетие до н. э.) и черепа африканцев из племени тейта, живущих на юге Кении. Это единственная серия черепов из Восточной Африки, данные о которой опубликованы по программе, включающей углы горизонтальной профилировки лица. Таких данных о древних сериях с рассматриваемой нами территории нет.

Таблица 16

Сравнительная таблица мужских краниологических серий

Краниологическая серия	Сокотра ШБ-21	Кюш	Тепе-Гиссар II–III	Хасанлу	Западная и Южная Индия	Джарарат	Гизе	Тейта
Nmin-max	1	2–26	58–96	12–44	1–8	2	–58	–34
1. Продольный диаметр	178	189,5	188,9	188,8	188,4	181,0	185,6	183,9
8. Поперечный диаметр	131	137,4	134,1	133,3	130,9	142,0	139,2	129,9
17. Высотный диаметр (ba-b)	133,5	132,7	135,3	135,2	132,0	134,0	133,7	129,0
5. Длина основания черепа	103,5	–	102,8	–	106,5	100,5	101,5	102,2
45. Скуловой диаметр	125	125,3	128,0	123,8	132,0	131,0	128,8	131,0
48. Верхняя высота лица	70	75,3	70,2	70,0	64,5	70,0	68,4	66,0
51. Ширина орбиты от mf	44	41,5	41,5	–	38,0	41,6	–	–

52. Высота орбиты	34	34,0	32,1	–	33,2	30,5	33,0	33,3
54. Ширина носа	23	23,8	25,4	23,6	25,8	24,3	24,8	27,9
55. Высота носа	49	57,0	50,8	52,1	47,8	51,7	51,7	50,0
72. Общий угол профиля лица	85	–	86,2	–	80,0	82,0	–	–
8: 1. Черепной указатель	73,6	71,5	71,0	71,0	69,5	78,5	75,0	70,6
48: 45. Верхнелицевой указатель	56,0	63,0	54,8	56,2	50,7	53,4	53,1	50,4
52: 51. Орбитный указатель от mf	77,3	81,6	77,3	–	86,1	73,8	–	–
54: 55. Носовой указатель	46,9	40,6	50,0	45,6	53,9	46,3	48,0	55,8
77. Назомолярный угол	138,2	137,9	135,1	136,9	147,7	143,0	137,4	138,9
L zm'. Зигмаксиллярный угол	125,4	126,1	124,5	124,6	129,7	125,0	125,3	131,9
DC. Дакриальная ширина	20,5	20,4	–	20,8	23,0	21,3	20,9	24,4
DS. Дакриальная высота	13,7	12,2	12,5	13,1	11,0	12,0	11,9	10,7
DS :DC. Дакриальный указатель	66,8	60,8	56,7	63,4	47,8	56,2	56,9	43,8
SC. Симотическая ширина	10,8	9,6	–	9,2	11,8	7,9	9,9	9,4
SS. Симотическая высота	4,3	4,4	4,7	5,1	3,7	4,3	4,6	2,0
SS:SC. Симотический указатель	39,8	44,6	49,4	55,8	31,4	55,1	46,5	21,3
75 (1). Угол выступания носа	–	32,1	–	37,5	26,0	34,0	–	–

Таблица 17

Сравнительная таблица женских краниологических серий

Краниологическая серия	Сокотра ШБ-1	Киш	Тепе-Гиссар II-III	Хасанлу	Западная и Южная Индия	Джарарат	Гизе	Тейта
Nmin-max	1	1-19	41-57	3-26	1-7	1-2	-53	-50
1. Продольный диаметр	167	178,3	180,8	182,1	182,4	180,0	175,6	174,6
8. Поперечный диаметр	132	131,8	132,0	134,3	131,2	130,0	135,6	126,4
17. Высотный диаметр (ba-b)	127	140,5	128,9	127,6	134,1	125,0	127,4	125,1
5. Длина основания черепа	93	-	97,4	-	-	98,0	95,9	96,3
45. Скуловой диаметр	114	110,0	121,2	119,5	125,0	122,0	120,1	124,1
48. Верхняя высота лица	64	62,0	67,1	67,3	66,3	65,5	64,1	61,0
51. Ширина орбиты от mf	41,5	37,0	39,9	-	38,7	40,5	-	-
52. Высота орбиты	33	34,4	31,6	-	32,3	34,3	32,8	32,2
54. Ширина носа	23	30,5	24,4	25,0	24,0	22,6	24,0	27,2
55. Высота носа	47	49,5	48,5	49,8	47,7	49,5	49,0	46,4
72. Общий угол профиля лица	87	-	86,1	-	-	83,5	-	-
8:1. Черепной указатель	79,4	74,2	73,4	74,2	71,9	73,9	77,2	72,4
48:45. Верхнелицевой указатель	56,1	56,4	57,1	56,3	53,6	53,6	53,3	49,2
52:51. Орбитный указатель от mf	79,5	93,0	79,2	-	83,8	82,7	-	-
54:55. Носовой указатель	48,9	61,6	49,8	49,7	48,6	45,7	49,0	58,6

77. Назомолярный угол	137,4	137,0	135,9	139,8	135,0	133,5	139,0	140,5
Lzm'. Зигмаксиллярный угол	123,3	121,5	123,7	125,6	136,0	124,0	125,7	133,0
DC. Дакриальная ширина	17,1	19,0	–	20,3	–	20,0	20,0	23,9
DS. Дакриальная высота	10,1	12,1	12,1	11,9	–	12,4	10,9	9,6
DS:DC. Дакриальный указатель	59,1	64,0	60,0	58,4	–	61,7	54,5	40,2
SC. Симотическая ширина	8,7	9,7	–	10,3	7,5	9,9	10,1	9,8
SS. Симотическая высота	4,1	4,4	4,0	4,3	3,8	4,8	3,9	1,7
SS:SC. Симотический указатель	47,1	47,0	43,0	42,5	50,7	48,1	38,6	17,3
75 (1). Угол выпячивания носа	26	28,5	–	25,7	22,0	29,0	–	–

Помимо описания краниологического типа, характерного для средневекового населения Сокотры – а он, как уже было сказано, без всякого сомнения, может быть определен как грацильный вариант древней средиземноморской группы – интересен вопрос, не была ли Сокотра зоной древней метисации европеоидной и экваториальной групп. В 1951 г. Г. Ф. Дебец высказал предположение, что древнейшее население Южной и Передней Азии относилось к экваториальной группе, а проникновение европеоидных элементов на эту территорию началось с IV тысячелетия до н. э. или, может быть, в еще более раннюю эпоху. В современном населении Южной Аравии, по мнению Г. Ф. Дебеца, следы древнего экваториального (африкано-австралоидного) слоя прослеживаются довольно четко (Дебец, 1951). В то же время в последние годы накопилось достаточно свидетельств, в том числе и прежде всего данных одонтологии, об отсутствии в прошлом единого пояса африканских и азиатских экваториальных групп и о существовании в древности «западного» (евро-африканского) и «восточного» (монголо-австралоидного) стволов. В связи с этим была высказана точка зрения, по которой территория Передней Азии в древности была зоной метисации евро-африканских физико-антропологических групп с экваториальными группами Азии (Гинзбург, Трофимова, 1972).

В двух имевшихся в нашем распоряжении черепах с о. Сокотра не удалось обнаружить следов каких-либо экваториальных влияний. Они отличаются от привлеченных для сравнительного анализа древних средиземноморских черепов лишь еще большей грацильностью и, возможно, несколько большей шириной орбиты и меньшей высотой носа, хотя, впрочем, это вполне может быть отнесено за счет внутригрупповой изменчивости. Интересно, что отличия сокотрийских черепов от краниологической серии из древних могильников Индии и черепов современных африканцев из Восточной Африки однотипны. В этих двух сериях черепа еще более узкие и длинные, скуловой диаметр больше, лицо ниже, нос шире, переносье ниже, лицо слабее профилировано в горизонтальной плоскости.

На основании десяти размеров, углов и указателей мозгового и лицевого скелета (продольный, поперечный, высотный диаметры, верхняя высота лица, скуловой диаметр,

носовой, дакриальный и симотический указатели, назомолярный и зигомаксиллярный углы) были подсчитаны относительные величины различий по формуле Гейнке между черепами с Сокотры и некоторыми другими краниологическими сериями, приведенными в табл. 16–17. Разность средних величин нормировалась на значения стандартных средних квадратических отклонений (Алексеев, Дебец, 1964).

Величины обобщенных расстояний также свидетельствуют о том, что по своему антропологическому типу жители Сокотры, которым принадлежали черепа, гораздо ближе к древним средиземноморцам Переднего Востока и Египта, чем к европеоидам Индии, подвергшимся смешению с древними дравидийскими племенами, или к современным жителям Восточной Африки (см. табл. 18).

Таблица 18

Величины расстояний, вычисленные по формуле Гейнке, между черепами ШБ-1 и ШБ-21 с о. Сокотра и сериями III–I тысячелетий до н. э. с территории Ближнего Востока, Египта, Южной Индии

Краниологическая серия	ШБ-21	ШБ-1
	муж.	жен.
Киш	0,997	1,519
Тепе-Гиссар	0,852	0,951

Хасанлу	0,759	0,988
Гизе	0,822	0,744
Джарарат	1,048	0,991
Могильники Западной и Южной Индии	1,431	1,524*
Тейта	1,423	1,706

* Вычислено по девяти размерам черепа; данные о дакриальном указателе в серии женских черепов из могильников Западной и Южной Индии отсутствуют.

Еще раз повторим, что речь идет о самой грубой, но единственно возможной в данной ситуации формальной оценке «сходства – различия» и очень предварительном сравнительном анализе единичных пока находок с Сокотры с малочисленными и фрагментарными материалами из контактных с Южной Аравией зон. Для более достоверных и конкретных суждений об антропогенезе населения архипелага Сокотра и в целом юга Аравийского полуострова крайне необходимы дальнейшие усилия, направленные на сбор палеоантропологического материала различных эпох с этих территорий.

Глава четвертая

Археологические памятники⁷

⁷ Первый раздел этой главы, посвященный палеолиту, написан Х. А. Амирхановым, В. Седовым, В. В.

Каменным век

Археологические работы Российской экспедиции в Республике Йемен, начавшиеся в 1983 г. и продолжающиеся поныне, во время полевых сезонов 2008 и 2009 гг. дали неожиданные и экстраординарные находки. Речь идет об открытии на острове Сокотра остатков культуры наиболее ранней эпохи человеческой истории – олдована. Для африканского континента и Ближнего Востока эта эпоха располагается в хронологических рамках от 2,5 до 1,4 миллиона лет назад. Памятники столь отдаленного от нас времени вне пределов Африки обнаруживаются чрезвычайно редко; количество известных объектов этого рода исчисляется единицами. Поэтому выявление нового района со стоянками олдована представляет большую ценность для первобытной археологии, и то что такие памятники обнаруживаются на острове, не может не вызывать особого научного интереса.

Напомним, что в климатическом отношении архипелаг Сокотра относится к зоне жарких сухих тропиков. С точки зрения ботанического районирования архипелаг – это часть Северо-Восточно-Африканской нагорной и степной провинции Палеотропического флористического царства, и на Сокотре распространены элементы растительности, характерные для Афарско-Сомалийского региона Африки, которые сильно «разбавлены» изобилием эндемичных видов древесной, кустарниковой и травянистой растительности. В зоогеографическом же отношении остров относится к Восточноафриканской подобласти Эфиопской фаунистической области.

Заметим также, что геологическая история Сокотры – это часть процессов, сопровождавших разделение единых прежде территорий Южной Аравии и Африканского Рога. Примерно 20 миллионов лет назад в районе Сокотры морской режим сменяется континентальным. В ботанико– и биогеографическом отношении Сокотра в это время была частью неразрывной территории Юга Аравии и Северо-Востока Африки. Раскрытие Аденского залива, сопровождавшееся опусканием крупных блоков суши около 15 млн. лет назад, привело к отдалению архипелага Сокотра от материковых пространств. А в плиоцене около 6–8 млн. лет назад происходит разделение островов самого архипелага и обретение ими современных очертаний. С этого же времени на острове начинает закладываться современная сеть основных долин и формируются денудационно-тектонические впадины (Beydun & Vichon, 1970; см. об этом в первой главе).

В плейстоцене геологические процессы и природные колебания на острове не проявлялись масштабно. Наиболее существенными для этого времени можно считать колебания уровня моря, вызванные глобальными природно-климатическими изменениями. Трансгрессии межледниковых эпох с размахом до 10–15 метров выше современного уровня моря были зафиксированы на Сокотре для среднего и позднего плейстоцена. Последняя из плейстоценовых трансгрессий, происшедшая около 30 тыс. лет назад, в прибрежном рельефе сформировала морскую террасу высотой 5–7 метров (Свиточ, 1982). Наиболее высокие уровни морских террасовых галечно-валунных отложений с обильным включением кораллов и раковин моллюсков достигают примерно 30–35 метров над уровнем моря.

Во время регрессий происходило существенное увеличение площади островов. На этих стадиях Сокотра сливалась с другими островами архипелага (за исключением острова Абд-эль-Кури) в единую сушу. Образовывался ли в такие отрезки непрерывный сухопутный

мост между окончательностью Африканского Рога и Сокотрой – пока неясно. Но известно, что размах крупных регрессий достигал значений выше ста метров глубины относительно современного уровня моря. И даже если в такие моменты не образовывалось сплошной перемычки между континентом и островом, на поверхности воды в пределах архипелага должно было выступать множество мелких островов и скальных гряд, деленных мелководьем.

С точки зрения общей геоморфологии остров Сокотра подразделяется на три основных геоморфологических района: прибрежная равнина, окаймляющая остров преимущественно на юге полосой до 8 км ширины, платообразная возвышенность с высотами в среднем 300–900 м и горы Хагхер (максимальная высота – 1525 м), протянувшиеся через восточную часть острова в субширотном направлении.

Четвертичные отложения на Сокотре распространены ограниченно. В виде маломощного чехла красноцветных почв они покрывают прибрежную полосу острова, а также некоторые районы плато. На северном побережье, особенно в центральной его части от Хадибо до мыса Рас Хаулаф, рыхлая поверхность обширной приморской равнины представляет собой описанные выше галечно-валунные отложения, полого опускающиеся от скального подножия плато к берегу. Заметной террасовой лестницы они не образуют. О максимальной высоте этих отложений над уровнем моря уже говорилось. Уровень же линии перегиба практически лишенных рыхлых отложений подножий плато к приморской равнине составляет около 40–45 м над уровнем моря.

На указанном отрезке побережья отмеченные отложения на всю их мощность прорезают относительно крупные вадии: Хажря (к востоку от сел. Сук), Данагхен (к западу от сел. Сук) и вадии на восточной окраине г. Хадибо. В естественных обнажениях этих вадии максимальная мощность сцементированных четвертичных галечно-валунных отложений не превышает 4 метров. Днище верховий и средних частей вадии центральной части острова на всю ширину заполнено валунногалечным материалом. В вадии этого рода обнаружить даже маломощные разрезы с каким-либо содержанием мелкозема нам не удалось.

Мы не можем точно определить, когда произошло прочное заселение острова. Как будет показано ниже, результаты наших пока еще недостаточно масштабных и нуждающихся в продолжении археологических работ позволяют судить, что заселение острова могло состояться во второй половине I тысячелетия до н. э. В пользу довольно раннего заселения говорят и упоминания острова в сочинениях античных авторов. Что же касается обитаемости Сокотры еще в каменном веке, то этот вопрос по понятным причинам ранее не ставился. Допустить хотя бы теоретически, что сюда во времена неолита, т. е. 5–8 тысяч лет назад, случайно попадали люди, приплывая на примитивных судах, еще можно было, но о заселении острова в более ранние эпохи вплоть до последних находок говорить не приходилось.

Тем интереснее было ошеломительно неожиданное обнаружение нами на Сокотре культуры наиболее ранней стадии древнекаменного века. Первые находки подобных орудий, изготовленных из окремнелого сланца, были сделаны в 1985 г. А. В. Седовым и В. В. Наумкиным неподалеку от селения Ракуф и описаны (Naumkin, 1994). Затем в октябре 2009 г. в нескольких пунктах к востоку и западу от Хадибо В. А. Жуковым, журналистом по профессиональной деятельности и археологом по образованию, энергично работавшим на Сокотре в составе нашей экспедиции, были найдены орудия. Изделия не имели геолого-стратиграфических привязок, не был ясен ни геологогеоморфологический, ни собственно археологический контекст, возникали вопросы, связанные с тафономией находок, не было определенности по поводу основных технических и типологических характеристик индустрии каменных изделий. Однако были сами каменные изделия, пусть и собранные из разных пунктов. И если отвлечься от множества частных вопросов, то принадлежность их к

одному из ранних этапов древнекаменного века представлялась допустимой.

Для исследований, связанных с обнаружением указанных материалов, в феврале 2009 г. на Сокотру специально выехали Х. А. Амирханов и В. В. Наумкин. Ввиду ограниченности времени и средств поиски решено было сосредоточить на хадибской приморской равнине северного побережья. Были предприняты также рекогносцировочные поездки к городу Калансия на западной оконечности острова, на плато и в вади Да'р'хо в центральной части острова к югу от гор Хаг'хер.

Основным результатом новых работ в части поиска материалов было установление того, что преимущественно в устьевых частях трех вади названной равнины (Хажря, Данагхен, Хадибо) сосредоточены остатки десятков, а скорее сотен, стоянок. Эти остатки стоянок выглядят как «пятна» скоплений каменных орудий на современной поверхности с повторяющимся и строго определенным типологическим составом, в котором господствуют чопперы – рубящие галечные орудия в сочетании с пиками. В отдельных случаях эти скопления совпадают с круговыми выкладками из крупных камней. Выкладки имеют разную степень сохранности. Их две разновидности – с диаметром примерно 3 метра и в виде круговой очажной выкладки. Связь этих структур со скоплениями каменных изделий невозможно доказать стратиграфическим методом, но контекстуальная и планиграфическая связь между этими двумя категориями находок представляется существующей.

Чрезвычайно много каменных артефактов сосредоточено на пространстве между вади Хажря и вади Данагхен. При этом на наиболее древних известных на острове до настоящего времени археологических памятниках (раннесредневековые селища), находящихся в одном и двух километрах от исследованного нами участка, нет каменных орудий, подобных тем, о которых идет речь. Не обнаружены таковые нами ни в каком ином контексте в других районах острова.

Бессистемный, выборочный сбор находок на данном комплексе памятников был, конечно, недопустим. Он мог бы разрушить контекст объектов. Поэтому решено было сосредоточиться на наблюдениях (без изъятия артефактов) над характером материала и его распространением на площади нескольких гектаров в сочетании с максимально подробным изучением одного, более или менее типичного скопления.

В геоморфологическом отношении подлежащий исследованию участок представлял собой линию плавного перегиба предгорной равнины к береговой полосе. Абсолютный уровень высоты здесь составляет примерно 30 м. Маломощные рыхлые отложения составляют красноцветный суглинок, обильно насыщенный валунами и галькой. В обломочном материале довольно много обломков кораллов. Встречаются раковины морских моллюсков плохой сохранности.

Избранный для исследования пункт (обозначенный нами как Вади Хажря 1) расположен на левом берегу вади Хажря, примерно в 1 км к югу от селения Сук. Площадь сбора материала представляла собой прямоугольник размерами 6х12 кв. м. На дневной поверхности здесь было найдено 26 артефактов. Среди них: нуклеус, отщепы, осколки, отбойник. Орудия представлены чопперами четырех разновидностей и одним выразительным пиком (илл. 1–7). Различий в тафономии изделий не отмечается.

Шурф размерами 2х2 м, заложенный в пределах угадываемой здесь округлой каменной выкладки (илл. 8), не принес существенных результатов. Было установлено, что мощность рыхлых отложений не превышает 35 см. Единичные артефакты в виде искусственно расщепленных камней встречались на глубине до 10 см. Всего обнаружено 8 предметов. Они представлены отщепами, чешуйкой оббивки и обломками галек. К орудиям относится лишь один предмет – скребло на массивном галечном отщепе.

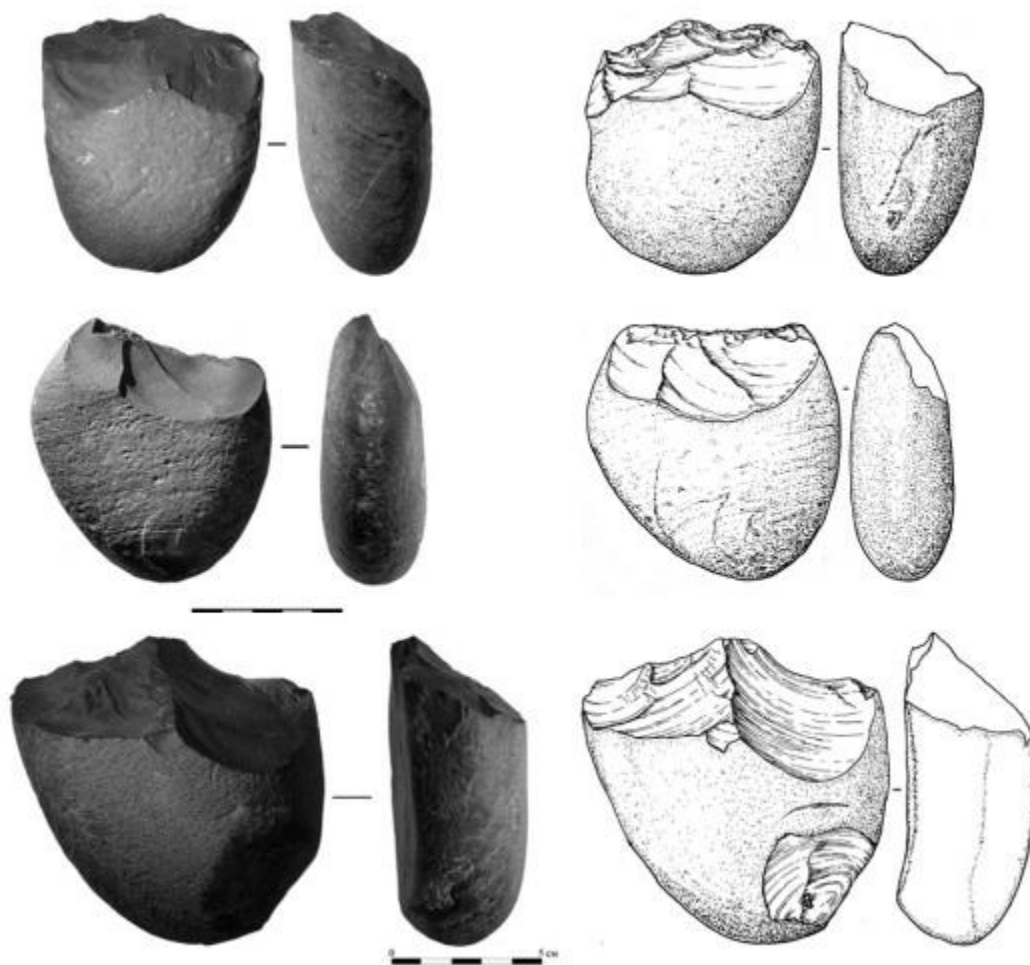

1

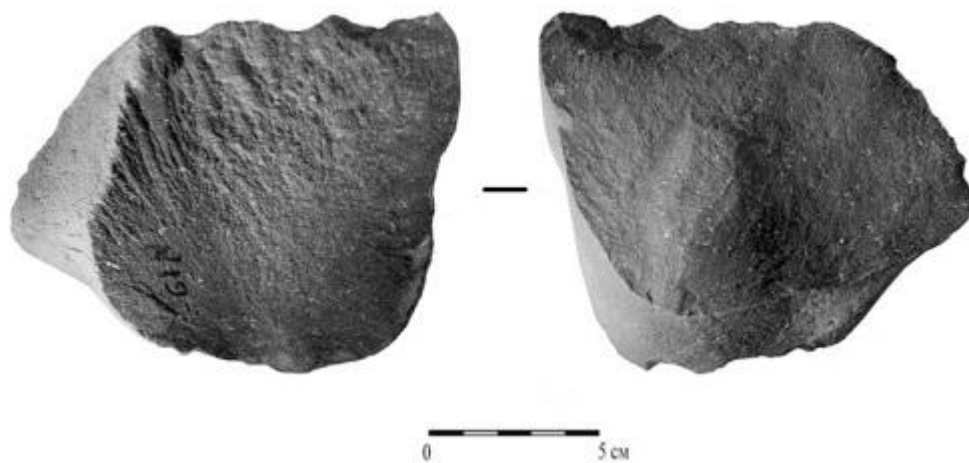

2

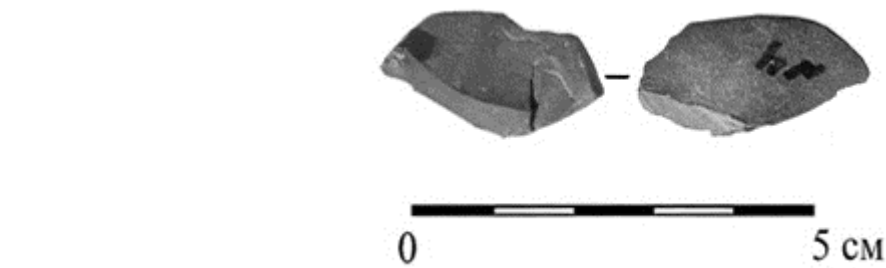
Илл. 1–6. Орудия, обнаруженные российскими археологами на северном побережье острова в 2008–2009 гг.: чопперы и скребла

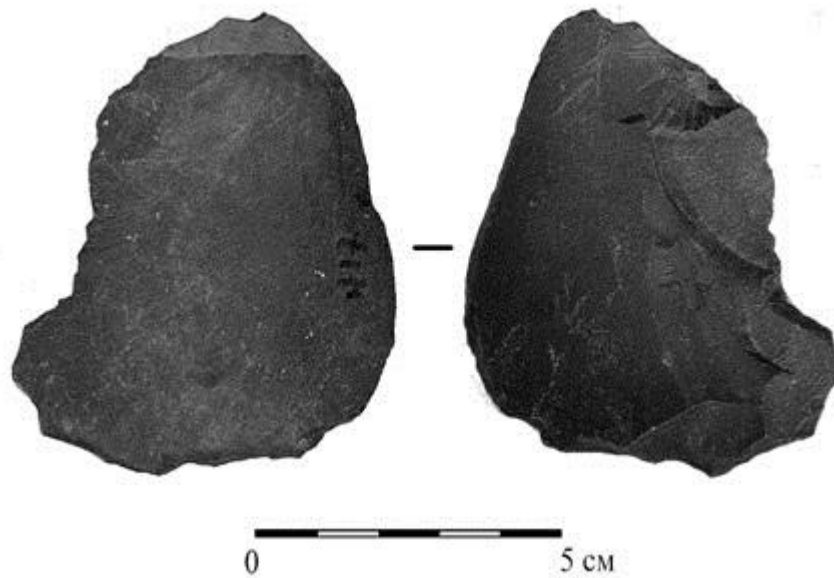
3

4

5

6

7

Илл. 7. Массивное каменное орудие – тик

Помимо сборов материала в пункте Вади Хажря 1 в качестве образцов нами было взято ограниченное количество артефактов, показательных по исходному сырью и технико-типологическим характеристикам еще с двух участков: в 200 м к западу от данного пункта (Вади Хажря 2) и в 200 м к востоку от него же (Вади Хажря 3).

Столь плотное сосредоточение памятников в изученном нами районе, конечно, не

случайно. Трудно найти какое-либо другое место на острове, где сочеталось бы столько благоприятных для жизнеобеспечения условий. Тут в изобилии и хорошее сырье для изготовления каменных орудий (кремнистый сланец), и водоносные русла с высоким стоянием грунтовых вод, и сочетание морских и сухопутных пищевых ресурсов, и приближенность друг к другу различных ландшафтных поясов.

В тот отрезок древности, к которому относятся рассматриваемые стоянки, указанные выше факторы способствовали активному освоению людьми исследованной части острова. Но самый интригующий вопрос состоит в том, как датируются эти памятники! Обычно решение этого вопроса или невозможно из-за отсутствия прямых данных, или проблематично. В нашем же случае – это несложная задача с двумя известными. Мы знаем, откуда данный тип культуры мог проникнуть на остров и откуда не мог ни при каких обстоятельствах: территорией исхода могла быть только Северо-Восточная Африка. Это следует из данных геологической истории региона, о которой говорилось выше. Что касается технико-типологических характеристик того типа культуры, который представлен открытыми памятниками, то он мог распространиться сюда из исходной территории никак не позднее примерно 1,4 млн. лет назад. В это время начальная стадия археологической периодизации истории, называемая олдваном, повсеместно в Северо-Восточной Африке, а также на Ближнем Востоке сменяется эпохой ашеля и впоследствии никогда больше не повторяется. Появляется новый, хорошо узнаваемый набор орудий со своими типами, характерными для данной эпохи. Этого набора артефактов мы не находим в сокотрийских материалах.

Илл. 8. Разборка отложений шурфа (2009 г.)

Но вопрос о том, не позже какого времени изучаемая нами культура появилась на

Сокотре, все-таки решаем, ответить на другой вопрос – как долго она здесь, на новой почве, могла существовать – мы пока не можем. Ведь применительно к территории острова нет данных о какой бы то ни было из следующих за олдваном эпохах каменного века – ашеле, среднем палеолите, верхнем палеолите и т. д. Это не значит, что какое-то время культура не могла пережить свою эпоху. Но при всегда скудных ресурсах сухих и жарких тропиков, изолированности от мира и ограниченности территории острова культура, для которой характерны примитивные формы жизнеобеспечения, вряд ли могла привести к выживанию здесь людей на протяжении десятков и сотен тысяч лет. Сокотрийцы помнят немало примеров того, когда даже в относительно благополучном XX веке при хозяйстве, основанном на производстве продуктов, голодовки и эпидемии все равно моментально уничтожали огромную часть населения острова.

Таким образом, Сокотра явно не была «обителью блаженства» для своих первых насельников эпохи олдвана. Изучаемые нами памятники являются свидетельством драмы, когда мир, ограниченный островом, оказался последним пристанищем для одного из древнейших колен рода человеческого на пути его первоначального рассеяния из своей прародины – Восточной Африки по лику Земли.

Начало археологических изысканий

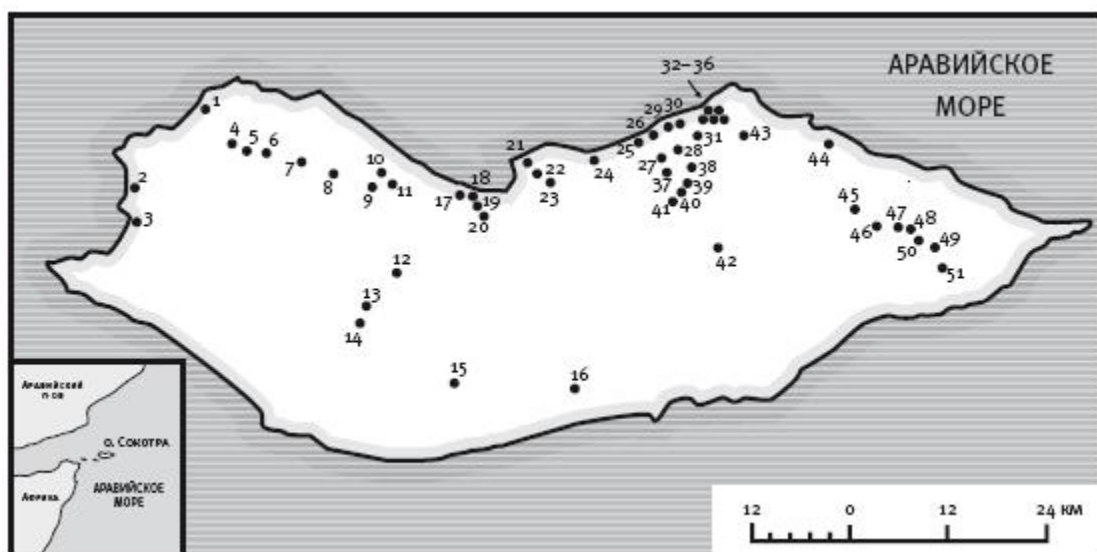
Не считая первого общего описания острова, данного в 1835 г. лейтенантом Дж. Р. Уэлстедом (Wellsted, 1835), настоящее археологическое обследование Сокотры было проведено впервые в 1897 г. Теодором Бентом, который, как уже говорилось, сообщил о существовании на острове древних памятников (Bent, 1900). За ним следует назвать уже упоминавшегося во второй главе участника оксфордской экспедиции 1956 г. Питера Шинни. Более значительный вклад в исследование археологических памятников острова внес Д. Брайан Доу, побывавший здесь в 1967 г. (см. илл. 9). П. Шинни пришел к следующему выводу:

«Результаты обследования Сокотры не давали надежды на то, что удастся найти следы классической античности. И хотя не исключено, что последующие изыскания могут обнаружить их, ясно то, что это произойдет не на голых известняковых плитах севера, где явно не аккумулируется почва. Вполне вероятно, что ранние торговцы, от которых черпал информацию автор «Перипла» (имеется в виду «Плавание вокруг Эритрейского моря» – «Le periple...» – В. //.), проводили мало времени на острове. Мы можем предположить, что они приплывали, подобно современным торговцам Южной Аравии и Индии, лишь изредка, и то на несколько дней, вытаскивали суда на берег, пополняли запасы продовольствия и воды и следовали дальше в Индию или в Красное море, едва ли что-либо оставляя после себя» (Шинни, 1960: 108).

Сегодня нам ясно, что оксфордская экспедиция – увы! – прошла мимо наиболее интересных объектов, но ведь Шинни фактически был пионером археологического изучения острова. Экспедиция уделила особое внимание изучению остатков церквей, оборонительных сооружений, жилых домов. Был детально обследован форт в долине Фераги. Шинни писал о нем:

«Форт, который расположен в самой узкой части долины, простирающейся отсюда на юг вплоть до побережья, был замечен Бентом (он сказал о нем, но не дал полного описания и не опубликовал иллюстраций). Форт находится в западной части долины, около бассейна. Похоже, что бассейн искусственно расширен и углублен; он образует подобие рва с водой, хотя ограждает лишь фронтальную стену форта. Форт сложен из красного гранита, на скальном

основании... Главная фронтальная стена построена из крупных валунов, другие стены – из обработанных блоков, что совсем не похоже на стиль местных строений с аккуратно выложенными углами. Тыловая часть строения сильно повреждена, испорчена современными укрытиями для коз и бортиками полей.

Илл. 9. Карта археологических памятников Сокотры по Доу

1 – Калансия, 2–3 – селение Ситар-Кар в Губбат-Калансийя, 4 – селение Марбун, 5 – колодец, 6 – пирамида из камней, 7 – фундамент у дороги, 8 – плотина, мощный пол и могильник, 9 – полукруг из каменных блоков, 10 – плотина у подножия г. Абальхон, 11 – усадьба, 12 – комплекс жилищ, 13 – дамба, 14 – «ступеньки» и вымостка булыжниками, 15 – селение Дихуб, 16 – селение Стер а, 17 – Бир Ди-Абр, 18–19 – поселение и развалины строений на дороге в восточном направлении, 19–20 – остатки строений и граффити на известняковой плите в Эриогие, 21–22 – фундаменты и остатки круглых построек на погребальном холме в Рас-Карма, 23 – остатки стены борта вади, 24 – селение Кадуб (стена из обработанного камня), 25 – фундамент дома у дороги, 26 – могильник, 27 – селение Дсинифирё, 28 – крепость на горе Хасун, 29 – селение Эрхина, 30 – селение Серьхон, 31 – 'Ильха (объект на южной оконечности селения), 32 – селение Сук, 33 – Сук (форт на холме), 34 – Си (старый город), 35 – Сук (церковь-мечеть), 36 – Сук (форт яфиского типа), 37 – три строения, 38 – селение Дигдур, 39 – селение Адуна, 40 – селения Тыреба-Деджалъ и Акар-Ригинхен, 41 – селения Дигам-Деляля и Шаме в вади Данахен, 42 – селение Хасын, 43 – селение Фераги, 44 – небольшой форту селения Карья, 45 – селение Дигиас, 46 – периметры у перевала Маатай, 47 – усадьба и могильник, 48 – мощная известняковая дорога, 49 – селение Ругши, 50 – селение Шзайн (так у Доу, название не удалось идентифицировать. – В. Н.), 51 – селение Калисан

Форт – треугольный в плане, с башнями по двум краям фронтальной стены, которая сама является лишь задерживающей стеной, мало возвышающейся над уровнем пола внутри самого форта».

На центральном дворе расположен колодец, вдоль одной из сторон форта – остатки нескольких помещений.

«Нет никаких данных, которые свидетельствовали бы о времени создания форта: ни керамики, ни другого материала не было найдено в форте и его окрестностях. Предшествующие нам авторы заключали, что он построен португальцами. Но я не

обнаружил ничего, что подтвердило бы это предположение, и думаю, что гораздо вероятнее, он возведен махрийскими арабами для контроля над сокотрийскими бедуинами, возможно, в XVI в., когда они восстановили свое господство после ухода с острова португальцев» (Shinnie, 1960: 107).

Во время своих путешествий в горы для взятия проб крови у бедуинов д-р Ник Опп натолкнулся на ряд домов, которые жители называли «древними» или «франкскими»⁸. Согласно работе Шинни, Опп упоминал, в частности, следующие строения:

«1. Выходящий на Кишн каменный дом с очень большими помещениями. Главное помещение – круглое, его диаметр: 4,5–6 м. Стены – из скрепленных цементным раствором камней. Четыре колонны из грубо цементированных камней поддерживают радиально расходящиеся стропила – стволы акации; стволы идут от колонны к колонне и от колонны к стене; на них держится крыша из камней и земли, 60–90 см толщиной.

2. Дом в Махадуме, юго-западный Хагъхер. Несколько «франкских» домов с оштукатуренными стенами из камней и дворами с мощеной поверхностью.

3. Дом на известняковом плато около Зериха. Старое «франкское» строение. Пол – из натурального известняка; хорошо сложенные, двойной кладки, стены. Один большой двор, длина – 9 м.

В доме – три помещения; одно из них полутемное и заросшее травой. За ним еще два двора на разных уровнях, сильно разрушены: на одном набросаны камни.

4. Несколько старых домов в Адхейне и под горой Шелале. Большая их часть встроена в защитные стены маленького поля... Столбики камней на поле и около домов. Дома – различного размера; один из них – длиной 9 м и шириной 3,6 м.

Современные бедуинские дома имеют деревянные стропила, а у старых домов крыши держатся на огромных плоских каменных плитах (некоторые достигают 1,8 м длины), покоящихся одним концом на центральной колонне и радиально расходящихся к стенам, которые в некоторых случаях наклонены в их сторону. Один камень выступает за другой – попытка создать примитивный свод. Вдоль стен – приподнятые над полом лежанки. Двери часто прикрыты небольшой каменной стенкой. К дому примыкает небольшая овчарня, используемая теперь для коров.

5. Дом на травянистом плато над Молсе, под горой Шелале. Каскад низеньких бортиков и полей, стен, часто образующих защитные парапеты. Селение – из двух домов. От прямоугольного помещения (10,8x3,6 м) осталась теперь лишь полоса камней, разделяющая его посередине на две части. С одной стороны – Г-образное строение.

В десятке метров – подобное этому строение (18x 3,6 м), поделенное на квадратные помещения.

В полусотне метров – развалины трех строений... с оштукатуренными каменными стенами двойной кладки, прямоугольные. Одно имеет хорошо сложенный очаг необычных размеров... стены с дымоходом, выходящим наружу; стена не выше 1,5 м, хорошо выложена и в хорошем состоянии. Размеры двух домов – 9x3,6 м, еще одного – 2,7x 2,7 м» (Shinnie, 1960: 106–109).

Проводя исследование острова, Д. Доу мог опираться на данные Шинни. Самое значительное, что ему удалось сделать, – это зафиксировать и описать все увиденные им

⁸ Сокотрийцы называли «франками» всех европейцев.

объекты, хотя обнаружил он поразительно мало памятников.

Пожалуй, несколько больше внимания, чем остальным частям острова, Доу уделил району Сука. Он писал, что лучшие якорные стоянки на острове, похоже, подтверждают существование объектов раннего обитания людей на острове неподалеку от Сука (Губбат-Хадибо и Бандар-Делиша), а также в районе Калансии (Губбат-Калансия). Преимущества района Сука состоят, как отметил Доу, в том, что его якорные стоянки расположены по обеим сторонам Рас-Хаулафа, и это обеспечивает ему некоторую защиту как от восточных, так и от западных ветров. Сам Сук находится в центре, что облегчает внутренние коммуникации.

«Не считая городища в Дсинифирё, где, видимо, был какой-то ранний объект религиозного назначения, все остальные объекты исследования относятся к периоду XV–XVII вв. В середине XVI в.

Сук еще был столицей, хотя Хадибо (Тамарида) уже превратился в город и вскоре занял место Сука в результате возобновившейся активности махрийцев, чему способствовало создание недолго существовавшего португальского гарнизона» (Дое, 1970: 41, 151).

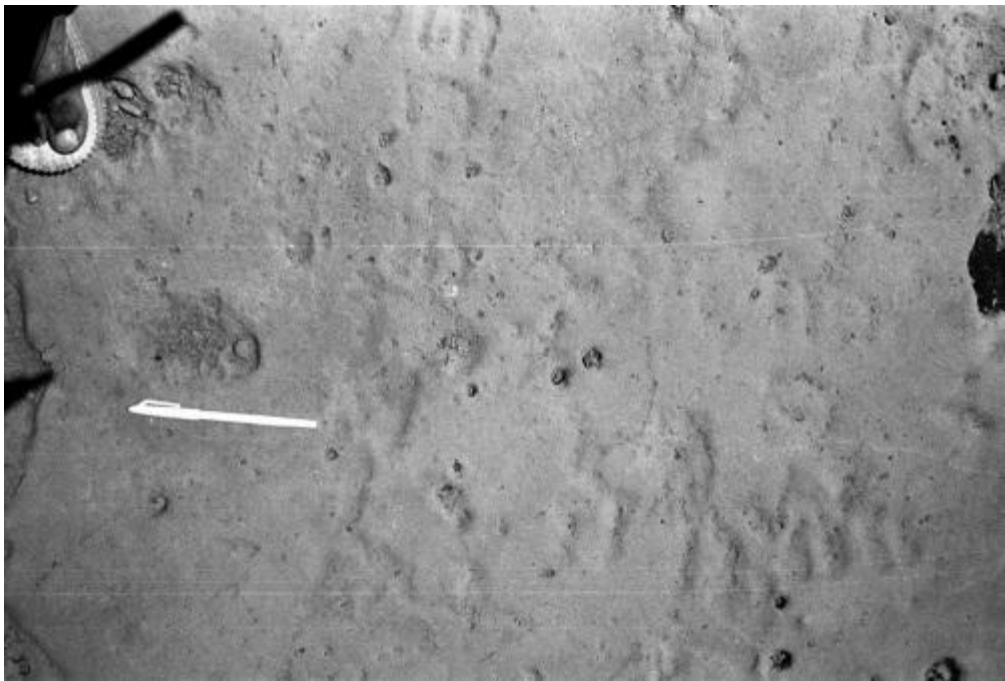
В 1615 г. португальская церковь в Суке была заброшена, а в Хадибо уже появилась мечеть, хотя, как считал Доу, вначале это было здание с плоской крышей, а купол пристроили несколько позже, одновременно с возведением купольной мечети в Калансии. Расчистка площадки церкви в Суке подтвердила возможность существования здесь более ранней постройки (начало XVI в.). В то же время северный притвор и остатки восточной стены указывали на исходные, первоначальные размеры этого здания (илл. 10). Благодаря открытию на скалах форта, выходящего на существующий город, были также выявлены некоторые особенности фортификационных сооружений в Суке (Дое, 1970: 151).

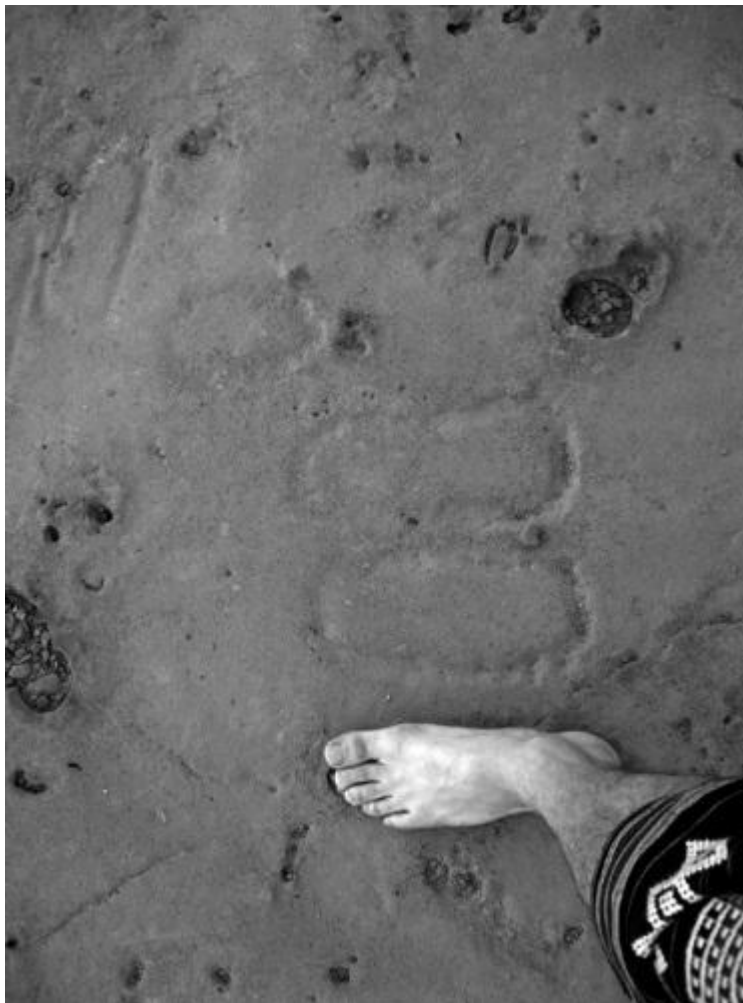
Илл. 10. Остатки фундамента и колонн церкви в Суке

После осмотра района Сука нами было сделано предположение, что корабли в древности могли заходить в лагуну вади Сук (Наумкин, 1988: 43), на берегу которой были обнаружены развалины строений. Эти догадки частично подтвердились в 1985 г., когда было открыто городище Хажря (см. об этом ниже).

На территории селения Сук и близ лагуны Доу нашел фрагменты керамики, сходные с той, что была обнаружена на побережье Восточной Африки и датирована временем с X по XVII вв. Самый ранний фрагмент – обломок края сосуда с ручкой с глазурью палево-зеленого цвета, идентифицированный с керамикой позднесанидского или раннеисламского времени. Возможно, он был завезен из стран Залива. Подобная керамика обнаружена на восточноафриканском берегу вместе с материалами X в. и встречается также в Сирафе. Сопоставление с восточноафриканским материалом проводил Н. Читик (см.: Дое, 1970: 152). Один из фрагментов (обломок керамики с граффити) датируется XI–XIII вв. Неполивная посуда, по заключению Доу, была современной, видимо, ввезенной из стран Залива.

Илл. 11. Граффити из Эриогиа

Найденные фрагменты китайской каменной посуды относятся к XIV и XVII вв., а глазурованный фрагмент керамики коричневого цвета (возможно, часть сосуда для имбиря) – к XVII–XVIII вв.

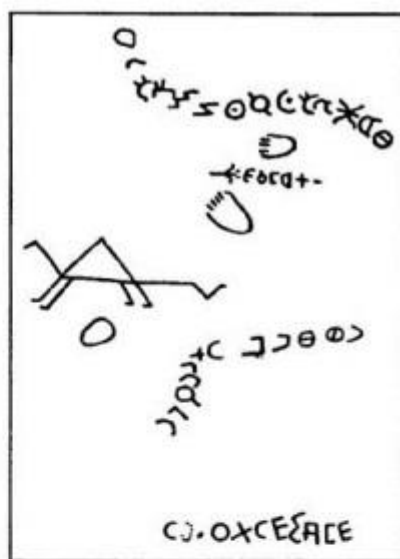
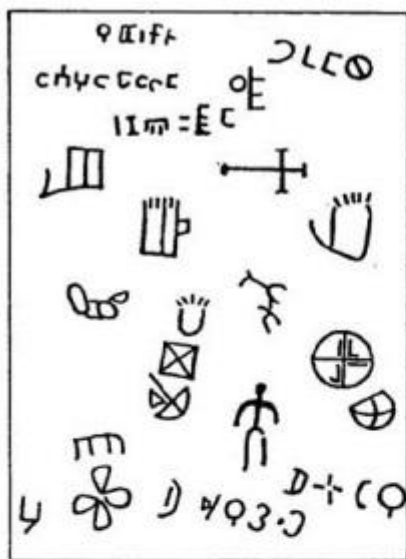
Единственным фрагментом подлинно китайской керамики (за исключением обломков каменной посуды) было тяжелое основание бледно-зеленой чаши XV–XVI вв. Интересно, что на Сокотре не обнаружено бело-голубой китайской посуды, широко распространенной на восточноафриканском берегу в Южной Аравии. А большое число найденных в Суке черепков мусульманской монохромной посуды относилось к XVI или XVII в. Подобные виды керамики часто встречаются на берегах Восточной Африки и Южной Аравии (Дое, 1970: 152).

Доу тщательно осмотрел район Эриоша, где, по сведениям Бента и Шинни, были найдены граффити. Он сообщал, что Эриош представляет собой три слегка вогнутые овальные площадки выходящего на поверхность известняка длиной около 90 м. Они образуют единый горизонтальный уровень, вытянутый с востока на запад. Граффити встречаются только на центральной площадке, с северной стороны которой прослеживаются остатки невысокой стены.

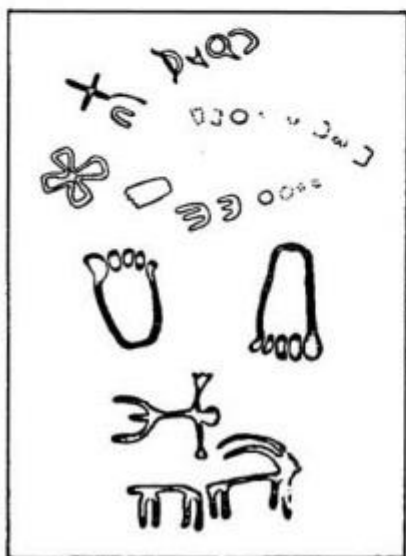
«Много граффити и рисунков выдолблено на ровной поверхности камня, в том числе рисунки, изображающие очертания стопы, чисто геометрические фигуры, фигуры животных и людей. Есть также несколько граффити (илл. 11), которые напоминают буквы древних южноаравийских надписей материка со специфическими особенностями эфиопского письма и близки знакам алфавита, найденным к северу от Дофара и описанным Бертрамом Томасом (Thomas, 1932). Зафиксировать граффити

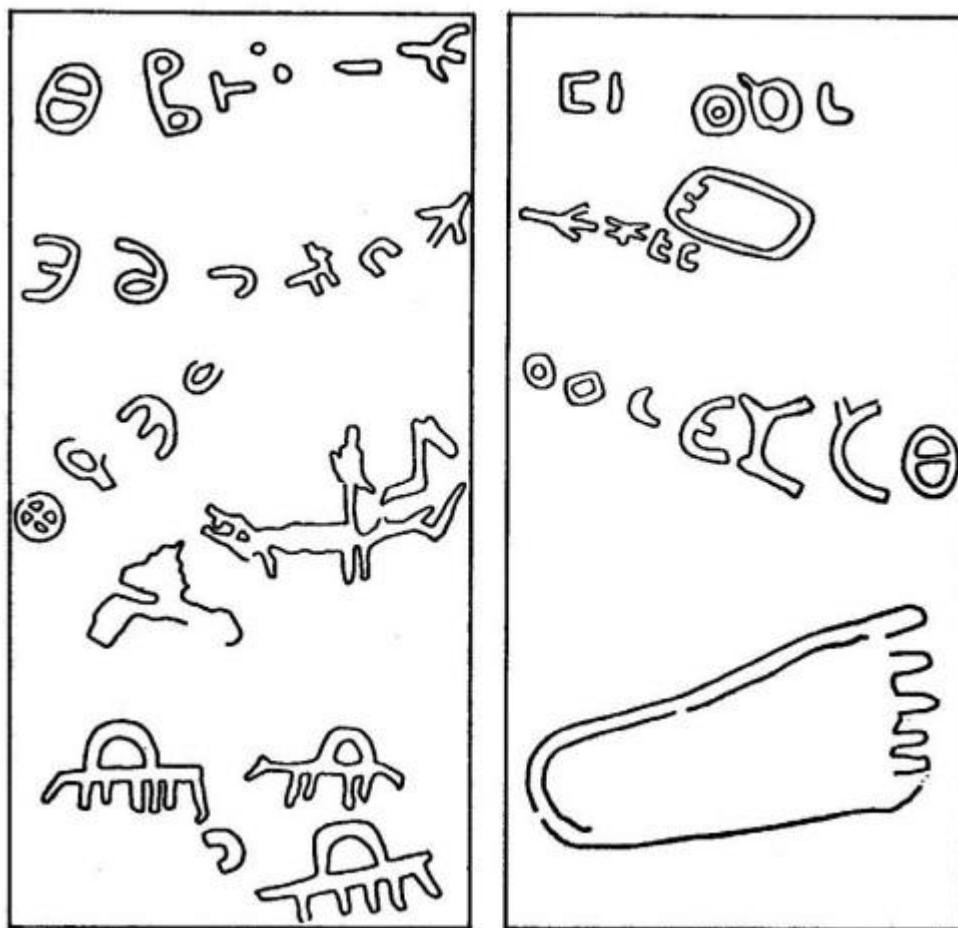
фотографически трудно, так как они выдолблены мелко и почти не дают тени. После сильного дождя в апреле вся поверхность объекта была покрыта толстым слоем грязи, которую нужно было счищать. Часть его была под 15-сантиметровым слоем воды, там поили верблюдов и коз, что, возможно, говорит об использовании этой площадки козопасами в древние времена, когда и были сделаны граффити» (Дое, 1970: 5–6).

В 180 м к юго-западу от района надписей находятся развалины построек, которые также были осмотрены Доу. Ему не удалось обнаружить ничего, что помогло хотя бы приблизительно датировать их. Археолог отметил, что кладка более совершенна, чем в современных домах, и что в плане эти строения прямоугольные. Скорее всего, именно эти строения Теодор Бент в 1897 г. и счел церквами.

(b)

Илл. 12. Прорисовки отдельных граффити, сделанные автором

К моменту посещения автором этого района развалин осталось еще меньше, чем в 1967 г. Вот почему описание, оставленное Д. Доу, представляет собой большой интерес. Изложим его сокращенно.

Длина всей группы строений составляет около 270 м. Английские археологи отметили как особо интересный факт, что большинство построек ориентировано в длину по оси север – юг. Азимут этой группы строений к району граффити на известняке – 315°. Это самая большая группа строений в долине Эриош, но и здесь не было обнаружено ни гончарных изделий, ни других предметов.

Следующий объект расположен примерно в 1,2 км на юг от Эриоша. Он включает в себя пять разрушенных сооружений, назначение которых до сих пор остается невыясненным, хотя, по мнению Доу, они могли быть жилищами, так как расположены на обитаемой ранее территории (хотя никаких находок, подтверждающих это предположение, сделано не было). Протяженность объекта – около 180 м, с востока на запад – 63 м.

Размеры и положение строений: 1) диаметр – 4,5 м, высота – 90 см; 2) 6,3 x 3,6 м, на 230° и в 27 м от № 1; 3) длина 2,7 м, 230° от № 1; 4) диаметр 1,2 м, 235° от № 3; 5) диаметр 1,35 м, 265° и в 108 м от № 1. Строения 4–5 имеют следы мелких каменных ячеек, вероятно, служивших укрытием для козлят. Таким образом, эта группа зданий могла быть заброшенной деревней.

В долине, особенно по направлению к предгорьям на юге, встречается много других групп развалин небольших строений.

Некоторые из них были зафиксированы английской экспедицией. Обычно это

разрушившиеся круглые в плане хижины, не поддающиеся датировке. Круглые каменные основания диаметром 4,5 м с монолитом в центре, на котором стоял столб, державший стропила, обнаружены на вершине кургана в Рас-Карме, а между этим курганом и берегом есть еще развалины, которые, как считают местные жители, остались от древних людей (Дое, 1970: б).

Таким образом, обследование территории близ Эриоша не помогло хотя бы предположительно датировать ни граффити, ни расположенные около них остатки поселений. Что же касается самих граффити и рисунков, то они были детально обследованы нами еще во время первых поездок на остров (на илл. 12 изображены отдельные прорисовки). Можно с уверенностью сказать, что они были сделаны методом выдалбливания в известняковой плите. Попытки идентифицировать знаки, напоминающие южноаравийское эпиграфическое письмо, ни к чему не привели. Возможно, их создатели лишь подражали этому письму, поскольку видели его, но не владели им, будучи носителями сокотрийского языка, а не южноаравийского. Граффити, вероятно, имели магический характер. Определенно это можно сказать об изображениях человеческих стоп. Вырубленные в камне так называемые следовики встречаются в различных районах земного шара. Изображение козла или барана, обожествлявшегося в Южной Аравии, также носило явно сакральный характер. Среди зафиксированных нами рисунков следует особо выделить тот, на котором, как представляется, изображен верблюд и охотящийся на него человек. Изображения верблюдов как объектов охоты встречаются среди наскальных рисунков, обнаруженных в Саудовской Аравии американскими археологами (Anati, 1970: 196).

Несколько граффити находились также недалеко от Сука. Там английские археологи обнаружили изображения креста.

Один из пунктов классификации Доу типов сооружений, описанных выше, – «пограничные ограждения» и «стены из неотесанных булыжников»; они встречаются во многих местах на Сокотре и тянутся на много километров вдоль восточной части острова и на западе вокруг Калансии. Цель каменных пограничных стен неясна. Доу считал, что они образовывали пограничные линии, ограждающие зоны частных владений, но позднее пришел к заключению, что они могли быть оградами, разделяющими участки земли и хозяйства по выращиванию ладаноносных деревьев, алоэ и драцены в древние времена (Дое, 1983: 19). Это, по-видимому, более точное объяснение назначения указанных сооружений, которые, следовательно, восходят к первому столетию новой эры или ранее; т. е. к периоду, когда Сокотра была крупным поставщиком ладана, алоэ и киновари.

Подобно Шинни и Доу, мы также обнаружили и исследовали остатки древних поселений и крестьянских дворов, равно как и прилежащих могильников, по-видимому, связанных с ними, в различных местах на острове. В районе Дихуб, например, на высоком плато выше южного побережья острова, Доу нашел руины крупного городища, укрепленного вдоль стены по периметру, и, возможно, со сторожевыми башнями. Внутри стен было, по меньшей мере, 12 построек, у некоторых из них сохранились крыши из каменных плит; по мнению местных жителей, эти постройки были доисламскими (Дое, 1992: 54). На западе острова, южнее Рас-Баду, Доу исследовал также две группы сооружений, названные им Симар-Кар, одно из которых было отмечено в 1835 г. капитаном Хейнсом (поселение Б). Другая площадка (поселение А) состояла из многих прямоугольных сооружений, стены которых построены из больших камней, уложенных неровными рядами без строительного раствора. К югу от них находилась низкая каменная платформа и поблизости – «алтарный камень», вылепленный из известняковой глыбы с двумя круговыми углублениями на ее верхней поверхности. Одна сторона глыбы имеет геометрический орнаментальный узор, «который, видимо, изображает

сокращенную надпись... на древнем южноаравийском языке...» (Дое, 1992: 45–46).

В результате археологического обследования острова Доу обобщил данные обо всех постройках, относящихся к периоду XVII в. Он выделил следующие их типы:

1. Круглые в плане строения из больших цельковых камней и валунов.
2. Пещерные жилища с защитными стенками снаружи, прикрывающими вход. Эта практика, похоже, продолжается и до сих пор, хотя пещеры использовались с древнейших времен.
3. Террасы с ограждениями из валунов и заградительные стенки из валунов на оборонительных рубежах на узких горных тропах.
4. Комплексы индивидуальных хозяйственных построек с нерегулярной планировкой. Стены, сложенные из камней, грубо скреплены с вертикальными каменными косяками дверей. Характерно использование колонн для стропил крыши. Мощные полы. Обычны небольшие загоны для скота со стенами, примыкающими к дому.
5. Комплексы хозяйственных построек с грубо выровненной кладкой стен без скрепляющего раствора, которые строились по заранее составленному плану (прямоугольные) с замерами углов. Колонны симметрично расположены группами по четыре или шесть. Дверные косяки (стойки) – из вертикально поставленных камней; полы вымощены плоскими камнями.
6. Межевые стены из грубых валунов, собранных в ходе гигантской работы по очистке территорий. Эти стены образуют границы частных владений.
7. Стены построек и стены, ограждающие «территории обитания людей», которые не связаны с указанными выше хозяйствами и схемой межевых стенок. Возможно, принадлежали скотоводам, разводящим мелкий рогатый скот в горах, а на берегу – рыбакам и ныряльщикам за жемчугом. Их можно обнаружить около берега, на городищах вроде Симар-Кара и среди построек Сука. Стены возведены из вертикально стоящих плоских камней, плоские камни лежат также в углах оснований и соединений стен. В Суке в стены из гладких плит входят поперечно лежащие камни, служащие крепежными.
8. Стены каменной кладки из грубо подобранных необработанных камней, но скрепленные раствором извести, сделанной из обожженных раковин и блоков известняка. Зеленая и синяя глазурованная (исламская монохромная) ввозная посуда найдена около стен этого типа.
9. Полы, оштукатуренные известью, встречаются главным образом в домах Сука.
10. Стены с грубо подобранной каменной кладкой, оштукатуренные раствором извести, кроме того, оштукатуренные снаружи, – тип, который характерен для мечетей Хадибо и Калансии и построек вплоть до нашего времени (Дое, 1970: 151–152).

Городища и погребения

По существу, планомерное научное изучение археологических памятников Сокотры было начато лишь нашим археологическим отрядом, хотя результаты предшественников – Шинни и Доу – были для нас полезны. На первом этапе было решено уделить внимание прежде всего восточному району острова, так как, согласно нашим предварительным наблюдениям, именно здесь находились остатки наиболее древних сооружений, мимо которых прошли английские ученые.

Достаточно упомянуть впервые обнаруженные В. В. Наумкиным и зафиксированные еще во время его первого посещения острова в 1974 г. дольменообразные сооружения, которые он посчитал надмогильными конструкциями, что и подтвердилось во время раскопок, проведенных в полевые сезоны 1985 и 1987 гг. Седовым и Наумкиным.

В живописном уголке под названием Калисан, расположенном в одноименном вади, где из скалы бьет красивейший на острове полноводный источник, в 1983 г. мы нашли руины небольшой церкви. Построенная из обработанных и необработанных камней, она четко сориентирована по сторонам света. Вход – с запада, алтарь – в восточной части. Помещение в плане – эллипсоидной формы, размером в узкой части – 5 м, в широкой – 7. Обнаружено также много сооружений из крупных камней (например, близ Калансии), не упомянутых Доу, но похожих на найденные им. В Восточном районе было зафиксировано множество тянувшихся на многие километры межей, разделявших, видимо, в древности плантации благовонных деревьев (илл. 13). Множество таких же межей было обнаружено нами и в других районах острова.

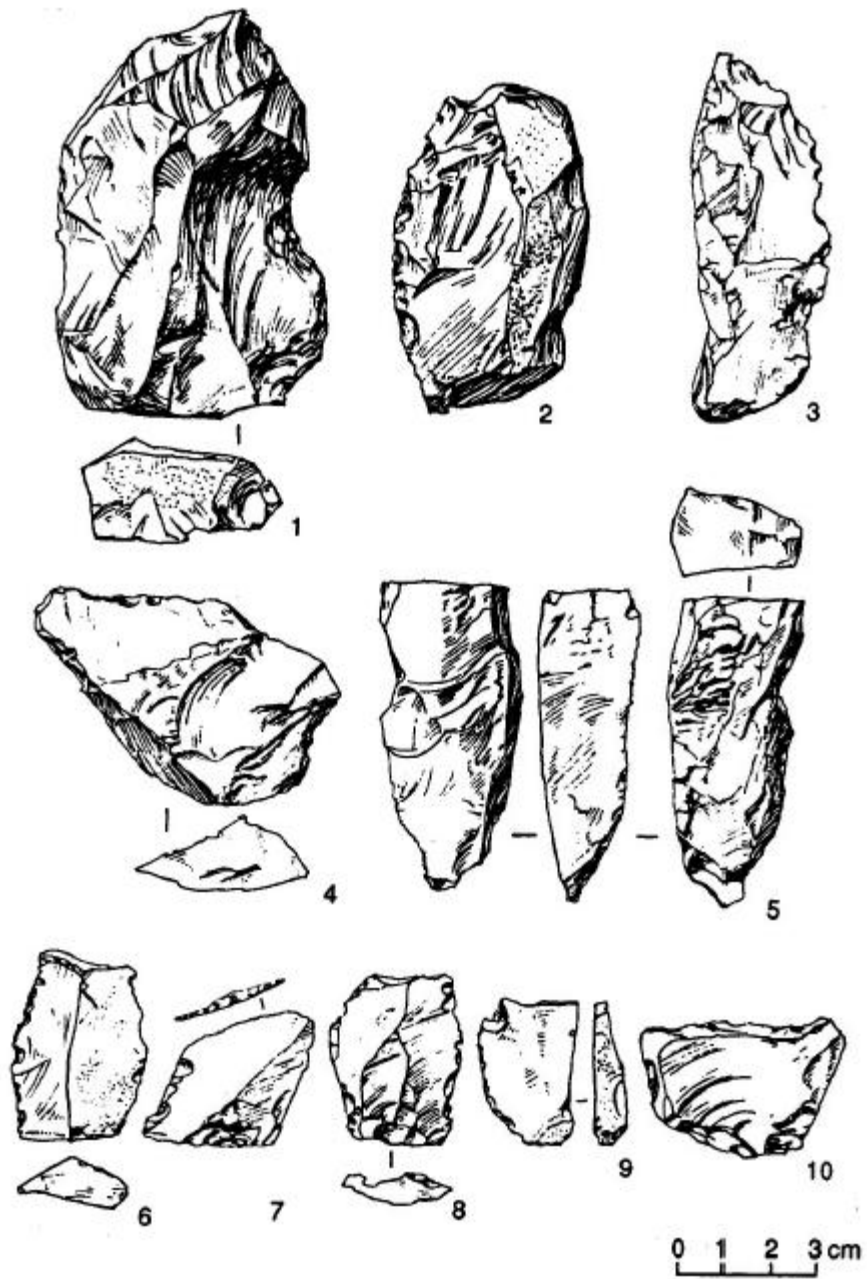
Илл. 13. Каменные межи

Видимо, один из древнейших (из известных) археологических памятников на острове расположен неподалеку от современного селения Ракуф. Здесь Наумкиным и Седовым были зафиксированы остатки мастерской по изготовлению кремневых орудий. Это единственное место на Восточном плато острова, где имеются выходы на поверхность кремня, образующего корку на наклонно залегающих известняковых плитах плато. Изделия из кремня найдены на площади примерно 400x400 м (см. илл. 14 а – в). Собрана довольно большая коллекция из 124 предметов, в состав которой входят нуклеусы, отщепы (в том числе с ретушью), пластины, орудия (скобель, острие, скребковидное орудие). Коллекция дает представление о материальной культуре древнейших обитателей острова, но вопрос о точной датировке остается пока открытым.

Здесь же, недалеко от селения Ракуф, был обнаружен и уже упоминавшийся небольшой могильник со своеобразными, но встретившимися нам позднее как в западном районе, так и на северном побережье Сокотры дольменообразными намогильными сооружениями. Могильник состоит примерно из десяти погребений, однако в непо потревоженном виде к тому времени

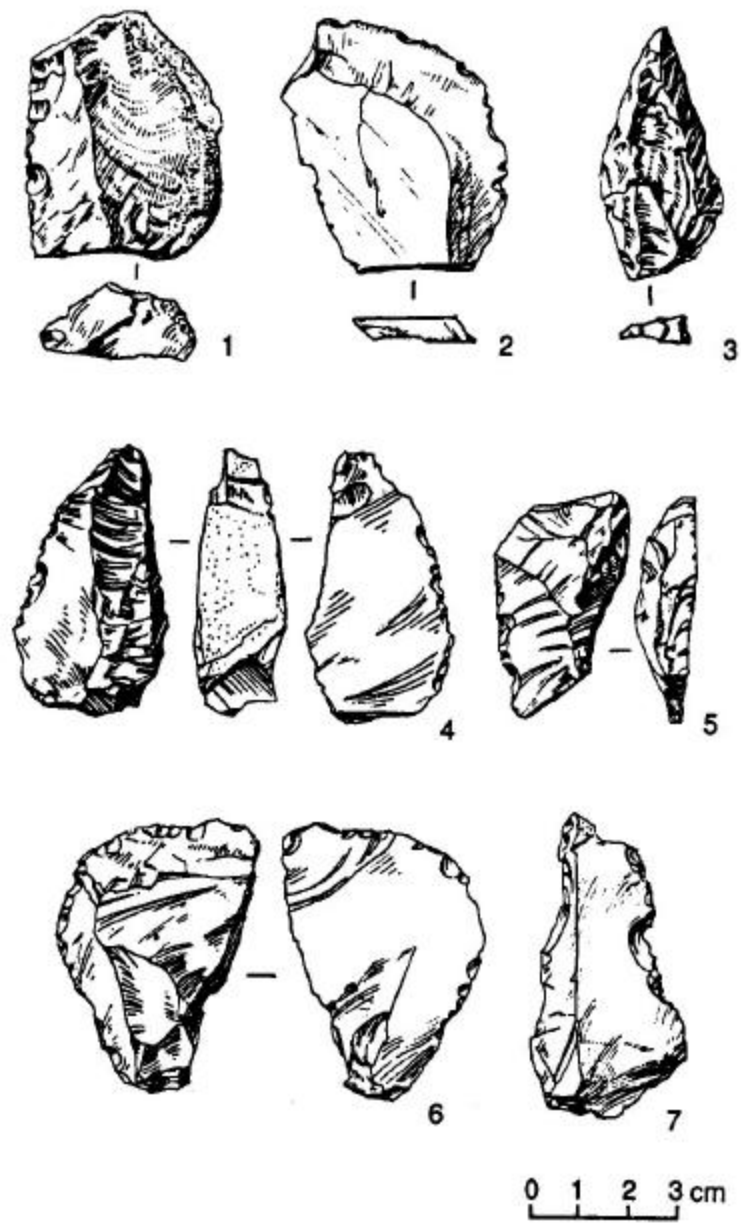
сохранилось лишь одно сооружение (илл. 15), которое впоследствии было разобрано. Оно было прямоугольным в плане, вытянутым в направлении север – юг; его размеры 1,92х2,64 м, высота 0,7–1,0 м. Восточная и западная боковые и северная торцовая стенки сложены из трех-четырёх рядов горизонтально уложенных грубо обработанных плит, щели между которыми тщательно заложены мелкими камнями. Южная торцовая стенка сооружена из вертикально врытых двух небольших плит, между которыми имеется прямоугольное отверстие 0,54х0,8 м. Перекрыто сооружение массивной каменной плитой размерами 1,92х2,64 м и толщиной 0,17–0,22 м; она тщательно выровнена по горизонтальному уровню (северная стенка по высоте несколько ниже южной). Остальные сооружения могильника разрушены, однако, судя по остаткам, они представляли собой постройки, близкие к рассмотренной по конструкции, разные по величине; единственным их отличием было, видимо, то, что их боковые стенки состояли не из плашмя уложенных плит, а из вертикально врытых.

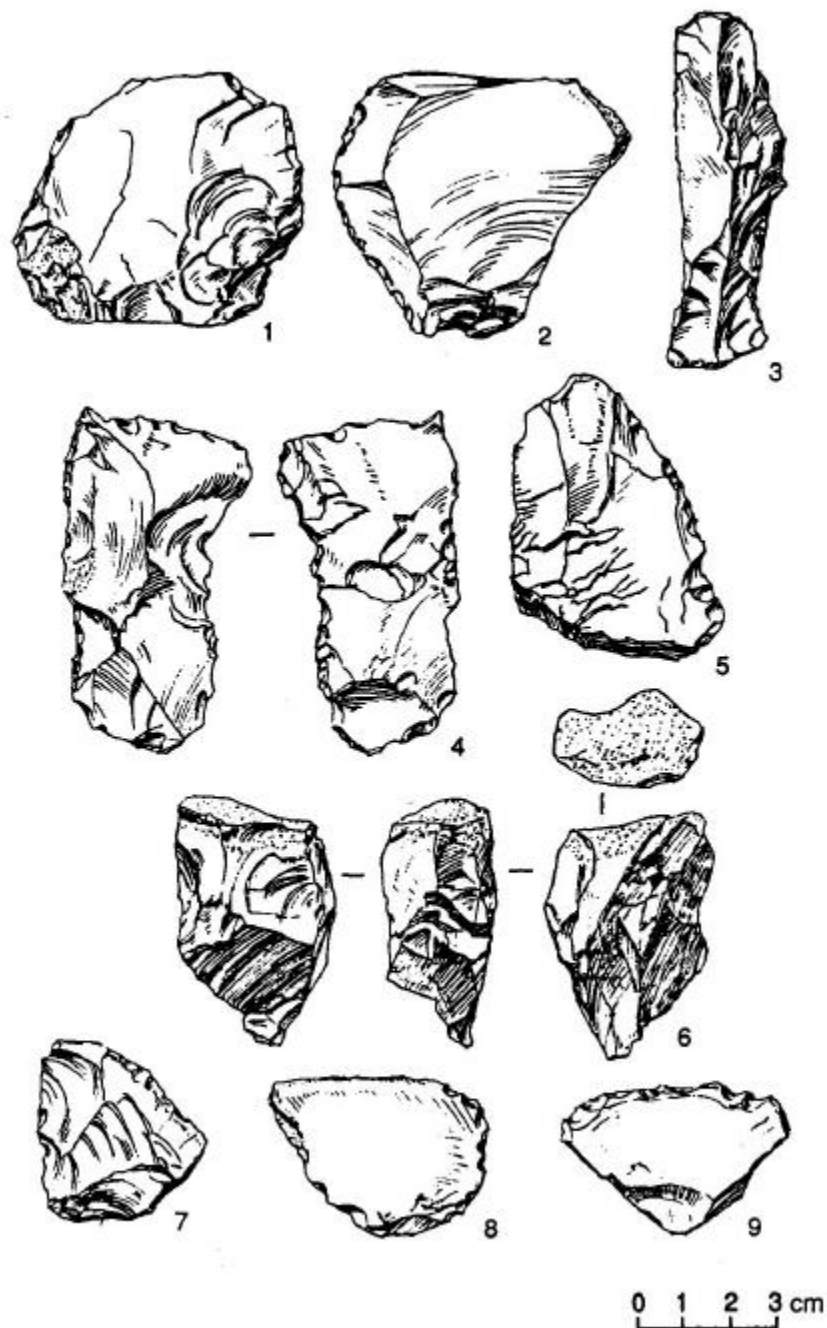
Как показали пробные раскопки (нами было раскопано пять небольших разрушенных сооружений), под наземными постройками в грунтовых ямах глубиной около 1 м из грубообработанных плит сооружались прямоугольные погребальные камеры типа «каменного ящика» с перекрытием из тщательно подогнанных плит. Четыре погребения были полностью ограблены, одно содержало коллективное захоронение, видимо, девяти человеческих скелетов: здесь были найдены девять черепов и большое количество трубчатых и тазовых костей, лежавших в беспорядке, однако полностью отсутствовали позвонки, ребра, фаланги пальцев рук и ног, явно «не хватало» нижних челюстей и др. (илл. 16 и 17). Среди костей захороненных обнаружены две костяные рукоятки (видимо, от ножей), обломки железных ножей, бронзовая булавка (илл. 18). В восточной части камеры поверх костей найден шаровидный красноглиняный узкогорлый сосуд ручной лепки.

14 a

14 a

14 в

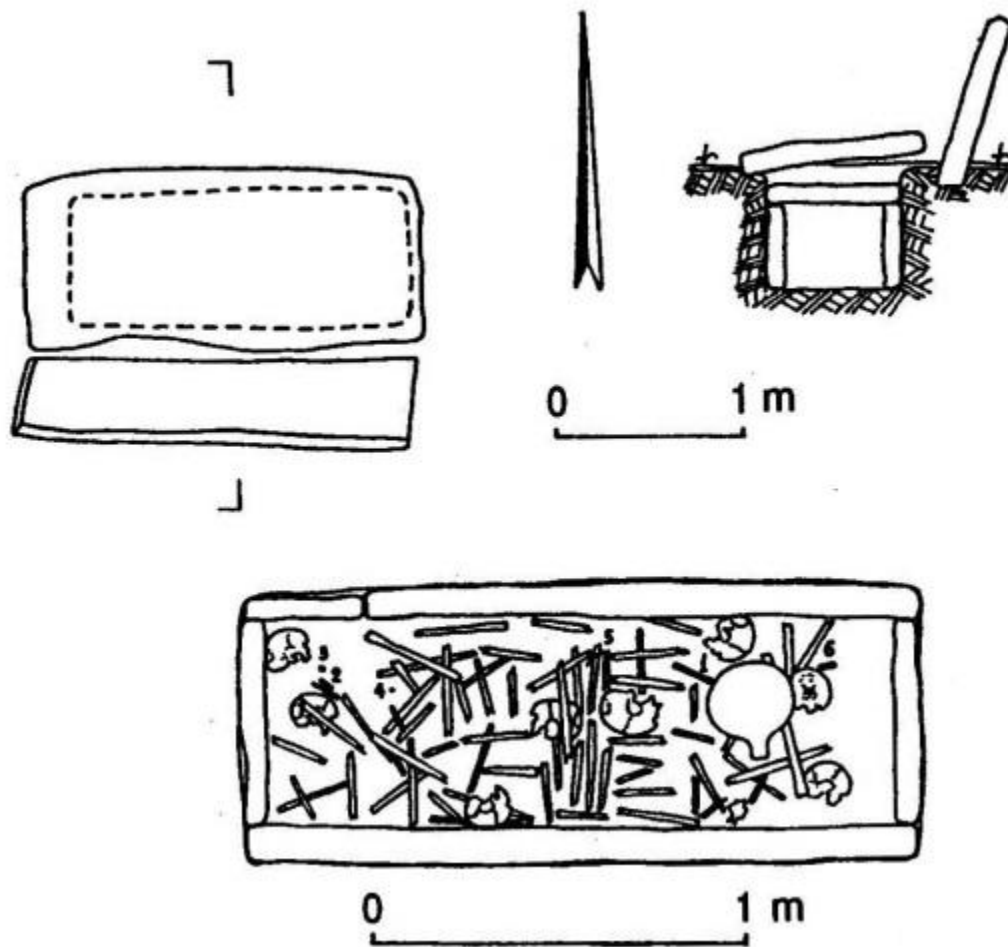
Илл. 14 а – в. Кремневые орудия каменного века эпохи олдована, впервые обнаруженные у селения Ракуф на Сокотре А.В. Седовым и автором в 1985 г.

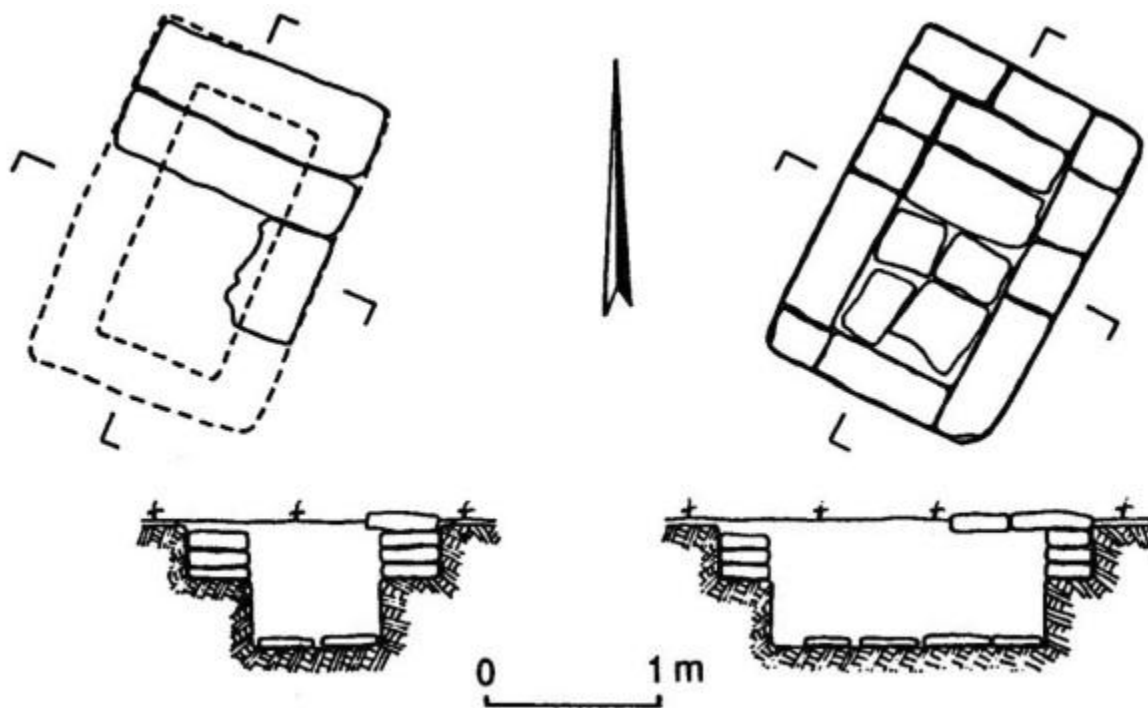
Илл. 15. Дольмен в Ракуфе

К сожалению, на основе полученного материала мы не смогли уверенно датировать раскопанные погребения. Доставленный в Москву костный материал оказался непригодным для коллагенового анализа, найденный инвентарь также не позволил дать точную датировку. Керамический сосуд, найденный в погребении 1, отличается по форме и по способу изготовления от керамики, найденной нами в других сокотрийских погребениях. Это позволяет предположить, что он был ввезен на остров. Бронзовая булавка из того же погребения, видимо, имеет то же самое происхождение. Костяные рукоятки ножей напоминают артефакт из слоновой кости, обнаруженный Шинни в погребении около Кишна (Shinnie, 1960: 106, см. также: Дое, 1992: 98).

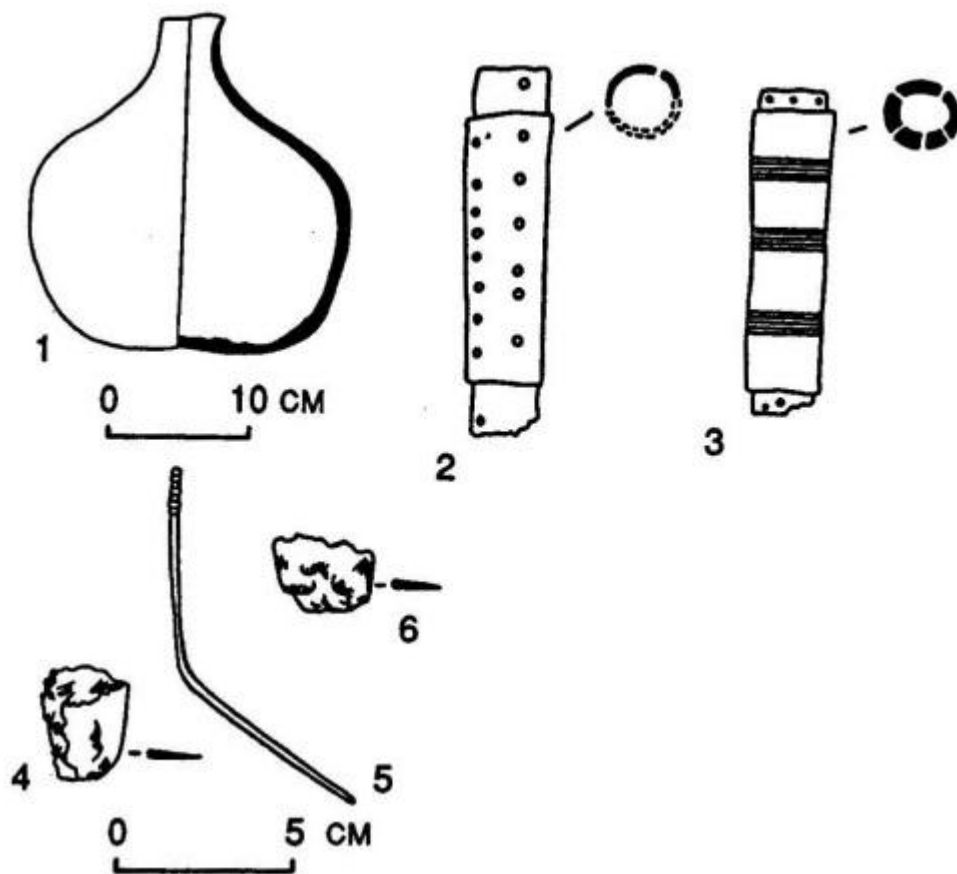
Погребения в могильнике Ракуф значительно отличались от известных нам на то время погребений в других районах Сокотры (см. об этом ниже). Однако похожие дольменообразные структуры нередко встречаются на юге Аравийского полуострова. С такими данными нас ознакомил археолог Абдель 'Азиз бин 'Акыль, в 1984 г. обследовавший район вади Хаджр в Хадрамауте. Сходство можно обнаружить и с сооружениями, найденными в Южной Индии (McIntosh, 1979: 459–468), кроме того, похожие погребальные камеры исследованы в могильниках в районе Персидского залива (Lombard & Salles, 1984) и, в частности, в Омане (Vogt, 1984: 271–284). Сопоставительный анализ дает возможность предположительно датировать могильник второй половиной первого тысячелетия до н. э. Так, сосуд из погребения 1 могильника в Ракуфе может быть сопоставлен с узкогорлым сосудом из погребения самудской культуры в Омане, который датируется периодом IV–I веков до н. э. (Vogt, 1984: 227 и рисунки 1, 3, 6, 7). Проведенный в Санкт-Петербурге радиоуглеродный анализ образцов угля из погребальной камеры погребения 5 дает датировку $720 \pm$ г. н. э. Это означает, что к тому времени погребение было уже ограблено и камера опустошена. Вполне вероятно также, что описанные выше граффити в районе Эриоша на северном побережье острова относятся к тому же периоду. Кстати, не так далеко от этого места в направлении на запад, на побережье, найдены пока не обследованные нами дольменообразные структуры (илл. 19).

Илл. 16. Некрополь в Ракуфе. Погребение 1, планы и разрезы

Илл. 17. Некрополь в Ракуфе. Погребение 2, планы и разрезы

Илл. 18. Некрополь в Ракуфе. Детали находок в погребении: глиняный сосуд, рукоятки ножей из кости, фрагменты железных ножей, бронзовая булавка, фрагменты костей

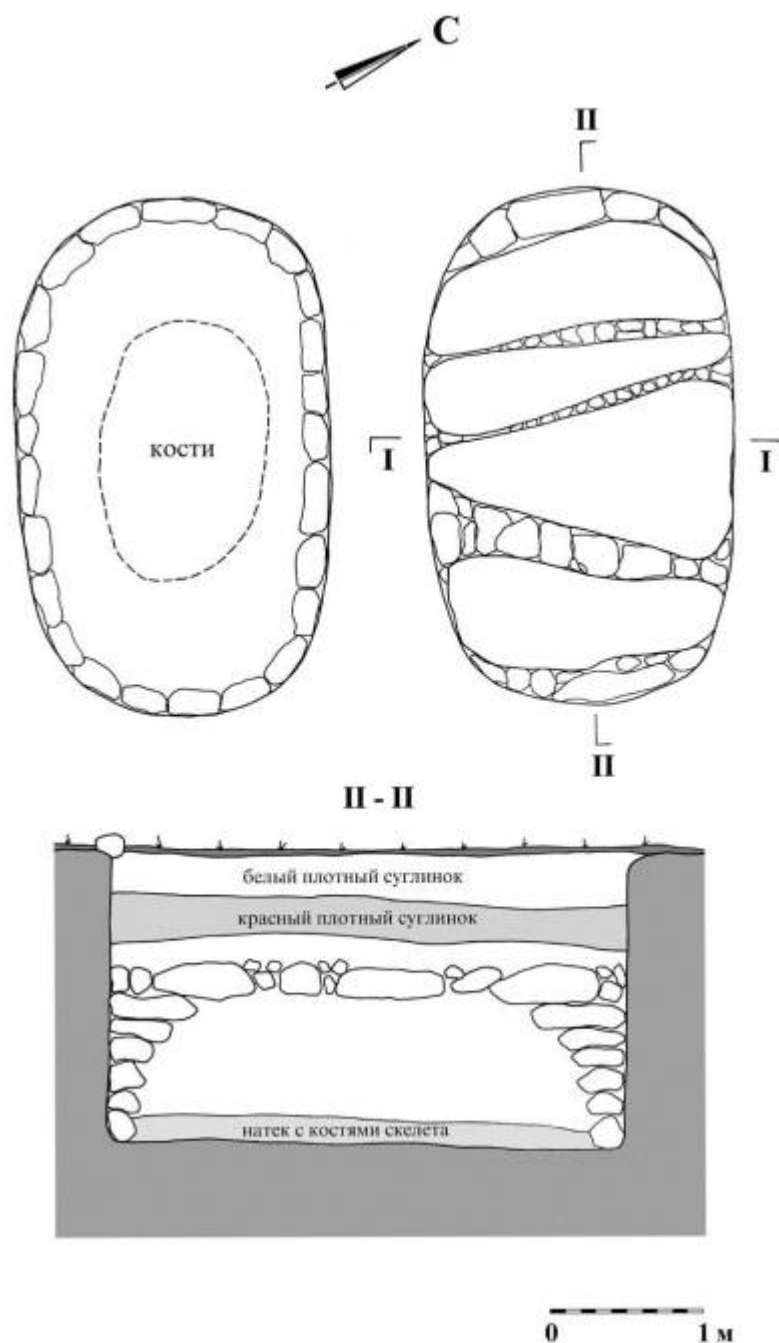

Илл. 19. Сооружение типа дольмена на северном побережье острова

Во многих пунктах восточной части острова нами были зафиксированы и предварительно обследованы остатки древних поселений и усадеб, а также могильники, расположенные в непосредственной близости от них, вероятно, связанные с ними. В местечке, которое называют Нижний Рёкиб, Наумкин и Седов в 1987 г. обследовали развалины большого поселения. Производили впечатление огромные размеры камней (камни такого размера встречаются и на других городищах, в частности – в районе селения Ди-Рисмойтен в вадии Да'рхо) и сами остатки строений, в которых крыша покоилась на двух или четырех мощных каменных глыбах (илл. 20–21). Кстати, Доу обследовал подобные сооружения с монолитами, на которых лежала крыша, в вадии Ашуль и селении Шзайн (Дое, 1992: 52, 194). Остатки некрополя обнаружены нами к востоку и юго-востоку от поселения; погребения – того же типа, что и везде на Сокотре, хотя во внутренней кладке использованы камни большего, чем в других могильниках, размера (илл. 22).

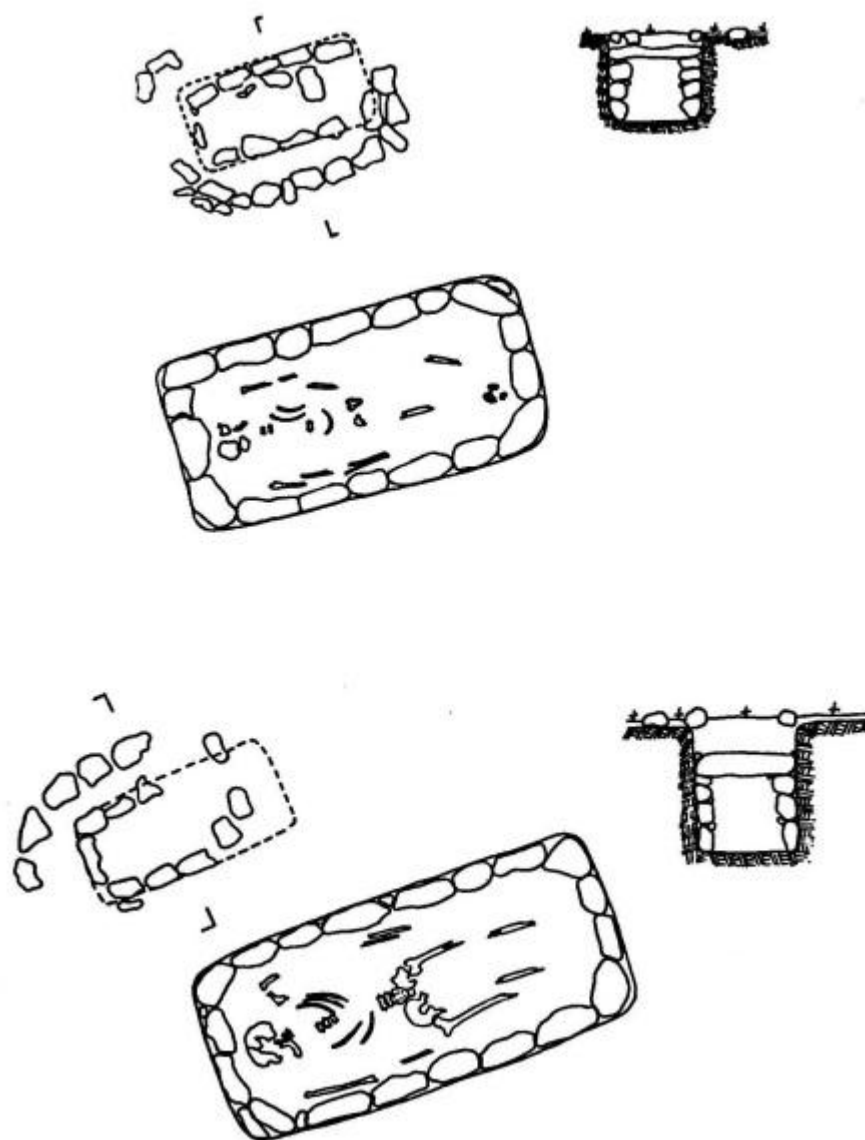

Илл. 20–21. Городище близ селения Ди-Рисмойтен в вади Даръхо

Илл. 22. Городище в Нижнем Рёкибе. Погребение

Нами были обследованы также остатки усадьбы и могильника близ селения Хасын. Могильник, состоящий из трех изолированных групп, занимает небольшой мыс, образованный слиянием двух вадь – Хасын и Макалхим. Приблизительные размеры территории могильника – 80 x 100 м. Группа Хасын-I состоит из девяти погребений, три из которых составляют цепочку, вытянутую по линии северо-восток – юго-запад, остальные шесть погребений представляют собой компактное скопление. Группа Хасын-II расположена в 30 м к западу и включает шесть погребений: две последовательные цепочки (по три в каждой) вытянуты в направлении север – юг (илл. 23 а-б). Еще одно погребение (Хасын-III) отмечено в 15 м к юго-востоку от первой группы.

Илл. 23. Некрополь в Хасыне II:

а) погребение II. 2 – план и разрезы; 1 – глиняный сосуд; б) погребение II.3 – план и разрезы

В 80–100 м к северо-западу от могильника были расположены развалины какого-то строения, возможно, усадьбы: сохранились небольшие участки каменной кладки оснований стен. Руины сильно были потревожены – на них стоит современный дом с хозяйственными пристройками, причем при его сооружении использовался материал из более древней постройки. До специальных исследований решить вопрос о назначении и характере первоначальной постройки не представляется возможным. Можно лишь априори предполагать существование на этом месте древней усадьбы, вероятно, современной могильнику.

В могильнике раскопано семь погребений: по три в первой и второй группах и отдельно расположенная крупная гробница (Хасын-III). Намогильные сооружения в тех случаях, когда они сохранились, – однотипные и представляют собой прямоугольные в плане оградки (0,9–1,0 x 1,8–2,1 м), окруженные овальными в плане выкладками из камней (2–2,3 x 2,6–2,8 м). Ориентация оградок и выкладок – по линии северо-восток – юго-запад (Хасын-I, II), либо запад

– восток (Хасын-II).

Прямоугольные оградки, выступающие над современной поверхностью на 0,1–0,2 м, сооружены из одного ряда камней, врытых по контуру неглубокой (до 1,0 м) могильной ямы, внутри которой из необработанного камня устроена погребальная камера, перекрытая крупными плоскими плитами. Стенки камеры выложены очень тщательно, щели между камнями, так же как и между плитами перекрытия, забиты мелкими камнями и щебенкой. Углы камеры с помощью камней скруглены так, что ее внутреннее пространство в плане приближается к вытянутому овалу. Каждый последующий ряд камней несколько зависает над предыдущим, сокращая таким образом необходимое для перекрытия пространство. Внутренние размеры погребальных камер: 0,7–0,8х 1,7–1,9 м, высота: 0,6–0,7 м. Поверх перекрытия камеры яма засыпалась слоем плотно утрамбованной земли со щебенкой, в который были врыты камни оградки.

На дне могильных ям, как правило, делались одиночные захоронения в вытянутом положении на спине, головой на запад либо юго-запад (в зависимости от ориентации могильной ямы). Захоронения – безынвентарные либо с очень бедным инвентарем (керамический сосуд в ногах). В одном случае (группа Хасын-I) вместе со взрослым захоронением обнаружены фрагменты челюсти и зубы детского скелета. В этом же погребении найдены кости козы (?). Второе погребение в этой группе содержало коллективное захоронение: в погребальной камере обнаружены сильно смещенные со своего первоначального положения и поврежденные кости и черепа трех скелетов, причем, судя по остаткам, один из захороненных лежал в вытянутом положении на спине, головой на восток.

Обильный сопроводительный инвентарь был обнаружен в отдельно расположенной крупной гробнице в группе Хасын-III. Внутренние размеры погребальной камеры (намогильное сооружение не сохранилось), вытянутой в направлении запад – восток: 1,6х4,0 м, ее высота: 1,4 м. Остатки одиночного захоронения обнаружены у середины как северной (череп), так и южной (скопление костей) стенки камеры. Здесь найдено шесть керамических сосудов: два находились у черепа и скопления костей, стояли в ряд у стенки в северо-восточном углу камеры.

Близкий по характеру погребальных сооружений и обряду погребения могильник был исследован к северо-востоку от современного селения Шибхон. Намогильные постройки здесь практически не сохранились, однако, судя по остаткам, они также представляли собой прямоугольные оградки из камней, врытых по контуру могильных ям. Внешние овальные выкладки, возможно, отсутствовали.

В могильнике раскопаны четыре погребения. Все они содержали захоронения в погребальных камерах из камней с плоским перекрытием, аналогичные исследованным в могильнике Хасын. Дно камер вымощено мелкой галькой. Захоронения обычно одиночные, на спине, в вытянутом положении, головой на запад. Одно из погребений содержало парное захоронение, другое – коллективное.

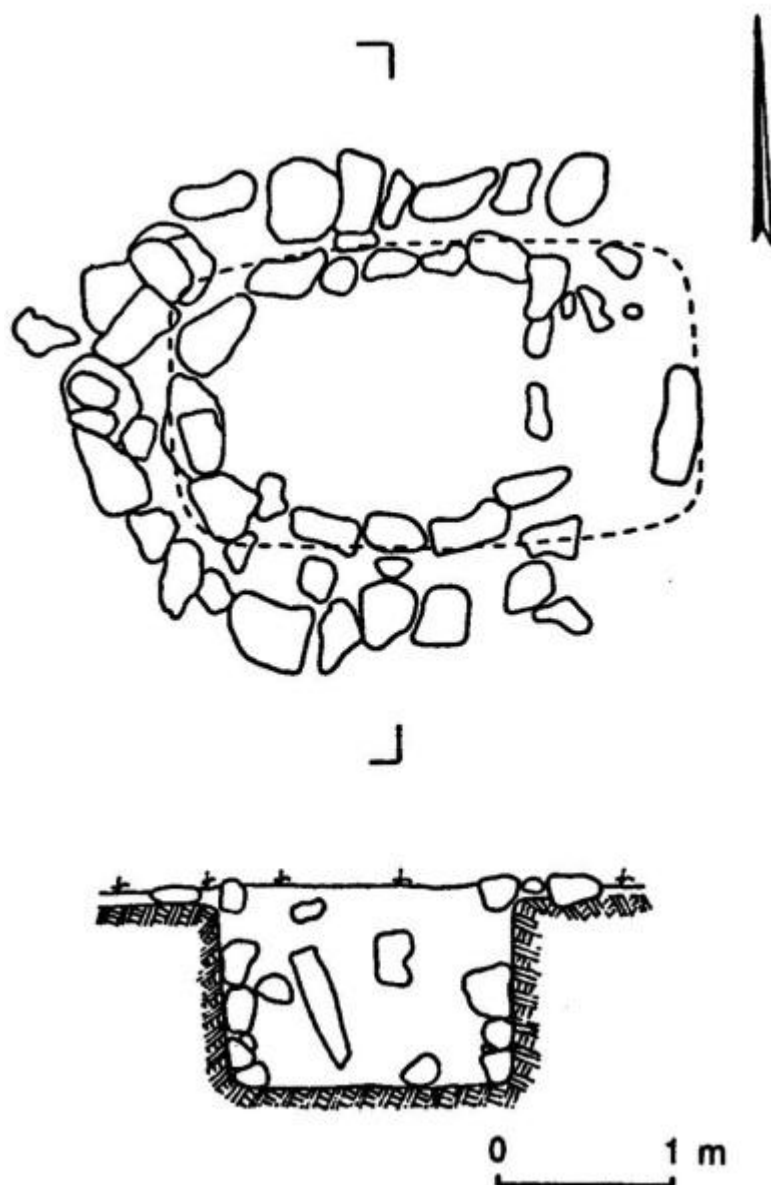
В отличие от могильника Хасын в Шибхоне обнаружен довольно обильный и разнообразный погребальный инвентарь. В его состав входили керамические и бронзовые сосуды, обломки стеклянных сосудов, железные ножи, ожерелья из каменных и стеклянных бусин, бронзовые серьги, железные браслеты. В одном погребении найдена лепешка из специально приготовленной смолы драконова дерева.

Еще в двух пунктах в восточной части острова, у современных селений Маабид и Матхёбо, обнаружены остатки поселения и крупной усадьбы Мёбрьхим с могильниками около них (илл. 24).

Остатки этой древней усадьбы представляют собой сильно разрушенное каре из построек

(сохранились только основания стен) вокруг квадратного двора площадью 15x15 м. Это, вероятно, были отдельные помещения (7x7 и 5x7 м), расположенные вплотную друг к другу, с входами со двора. В настоящее время усадьба почти полностью разрушена, в южной части развалин поставлен современный дом и помещения для скота, при сооружении которых использовался строительный материал из древней постройки.

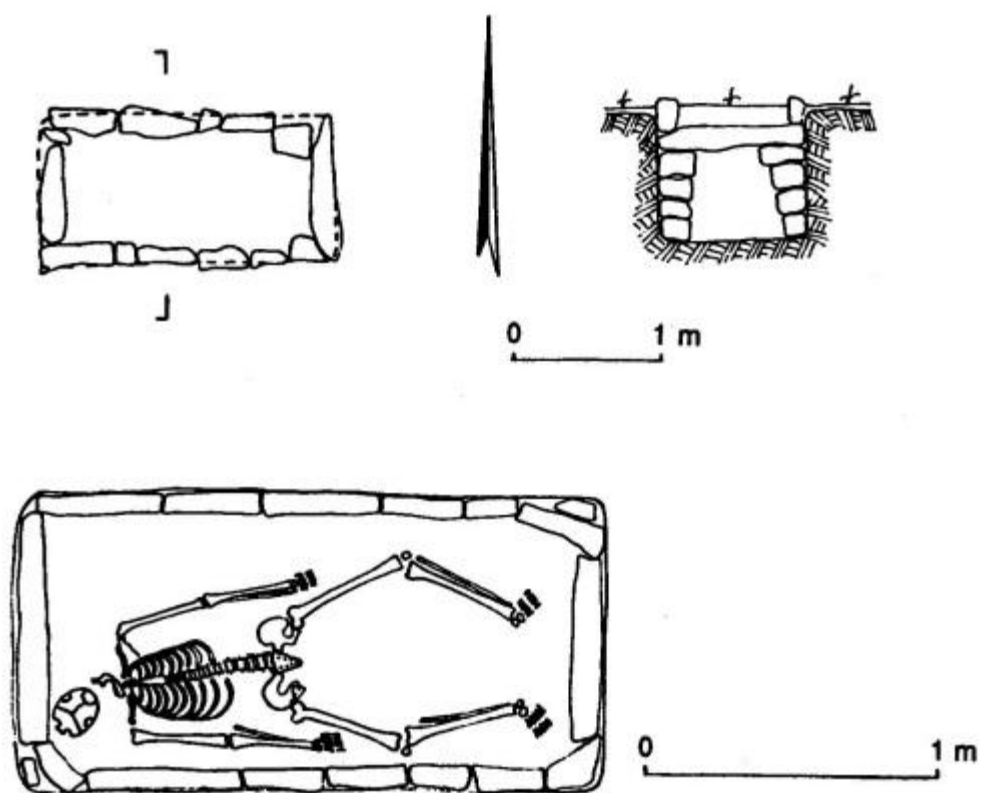
С северо-востока к усадьбе примыкает могильник площадью 15x25 м. Его территория в древности была огорожена: по краю восточной, южной и частично северной стороны прослеживается основание оградки, выложенной из камней в один ряд. Сам могильник состоит из нескольких групп погребений (каждая – из четырех-шести), вытянутых пятью цепочками по линии север – юг (илл. 24). Помимо этого с северной и южной стороны к огороженной территории могильника примыкают небольшие группы из двух-четырех погребений. Таким образом, всего в могильнике насчитывается тридцать пять – сорок погребений. Это прямоугольные в плане оградки, которые вытянуты в направлении запад – восток (иногда с небольшим отклонением к северу) и многие из которых имеют, кроме того, овальную кольцевую выкладку вокруг оградки. Нами было раскопано погребение в западной части могильника, которое в прошлом, вероятно, подверглось разграблению.

*Илл. 24. Некрополь в Мёбрьхим. Погребение**1 – план и разрез*

Городище и могильник Матхёбо расположены вдоль обеих сторон русла вади Махзулалё. Сохранились основания примерно десяти каменных построек, расположенных бессистемно. На восточном берегу вади они занимают площадь примерно 40x50 м, на западном – 15x20 м. Судя по остаткам, отдельная постройка представляла собой небольшой дом из одного-двух помещений размерами 6x8 и 8x12 м, окруженный оградой из камней. Стены построек сложены из необработанных камней без раствора. Некоторые руины имеют высоту 1–1,5 м.

Относительно небольшой могильник, содержащий около сорока погребений, расположен тремя компактными группами в 15–20 м к северу от поселения (илл. 25). Самая крупная из них состоит из двадцати пяти-тридцати погребений.

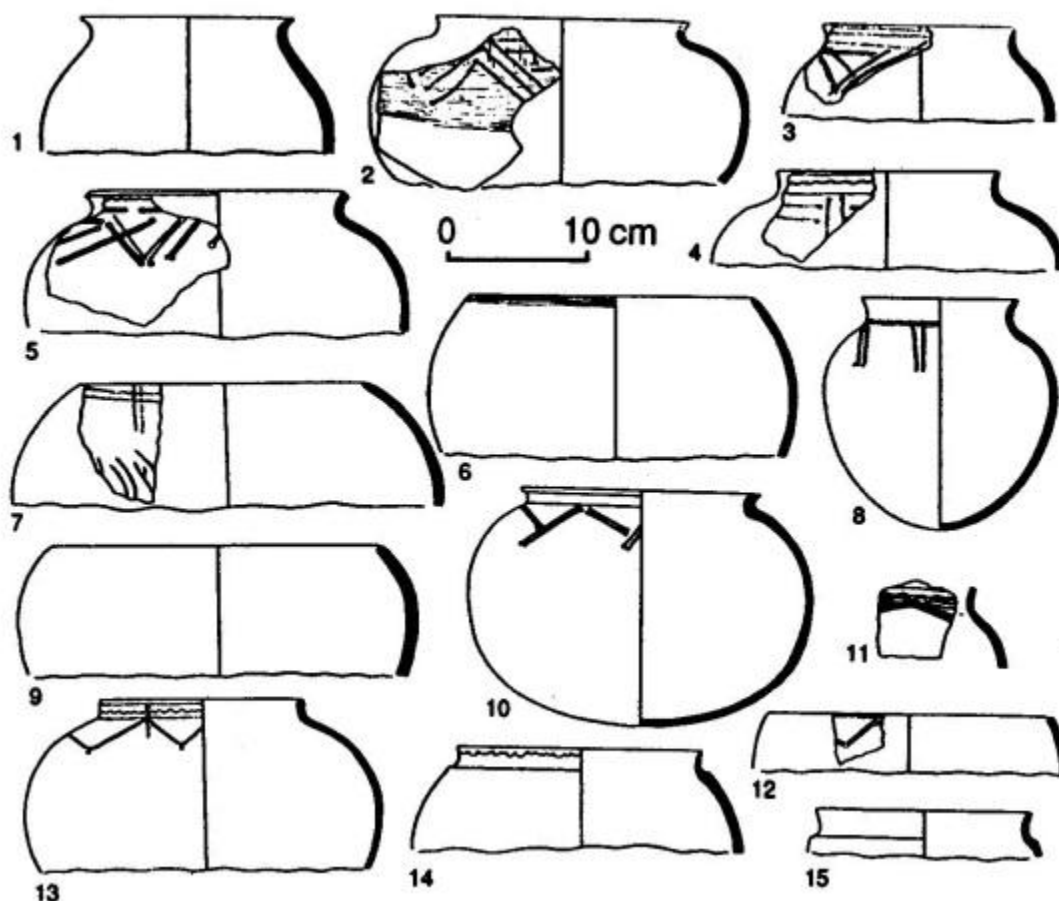
Илл. 25. Некрополь в Матхёбо. Погребение 1 – планы и разрез

К югу от нее, в непосредственной близости от руин построек – небольшая группа из трех-четырех погребений. Еще одна группа – на противоположном берегу вади, к юго-востоку от первой. Это пять-шесть погребений, вырубленных в скальном обрыве русла вади. Плоские камни перекрытия могильного сооружения у них обнажены, и почти у всех погребений один-два камня перекрытия выворочены.

Погребения в наиболее крупной, первой группе могильника расположены несколькими цепочками из трех-четырех погребений (иногда из восьми), вытянутых в направлении север – юг. Намогильные сооружения – прямоугольные в плане оградки из врытых камней высотой 0,25–0,3 м, засыпанные внутри мелкой щебенкой и землей. Размеры оградок: 1,5–1,8x 2,2–2,7 м, ориентация – по линии запад – восток, иногда с небольшим отклонением к северу. Изредка вокруг оградки имеется округлая в плане выкладка из камней диаметром до 2,8 м. В нескольких

случаях к крупным оградкам примыкают маленькие прямоугольные (0,8 x 1,4 м) с той же ориентацией.

Разведочные раскопки, проведенные в обоих могильниках (раскопано по одному изолированному погребению), выявили их близкое сходство в конструкции погребального сооружения и обряде погребения с могильниками Хасын и Шибхон. Как и в последних, здесь имелась заглубленная в землю погребальная камера из необработанных камней с плоским перекрытием. Захоронения одиночные, вытянутые на спине, головой на запад либо юго-запад, безы Inventарные.

Илл. 26. Находки из различных погребений. 1: сосуд из погребения Хасын II; 2–7: сосуды из погребения 1 в некрополе Мёбрьхим; 8–15: сосуды из некрополя и поселения в Гюзуфе

Остатки еще одного крестьянского двора с прилегающим к нему могильником были обнаружены в районе Гюзуф, в одном километре южнее нынешней деревни Карья (в восточной части острова). Руины крестьянского двора лежат на невысоком холме над склонами вадии Карья и, к сожалению, как и во многих других случаях, уже в 1980-е годы были почти полностью уничтожены современными постройками. Однако можно восстановить расположение межевой стены, на плане имеющей форму трех сторон прямоугольника и построенной из камней, уложенных неровными рядами, которые, должно быть, огораживали двор, выходивший на русло вадии. Имеются следы четырех или пяти разрушенных строений, сгруппированных вдоль стены, а развалины других строений лежат к западу от нее.

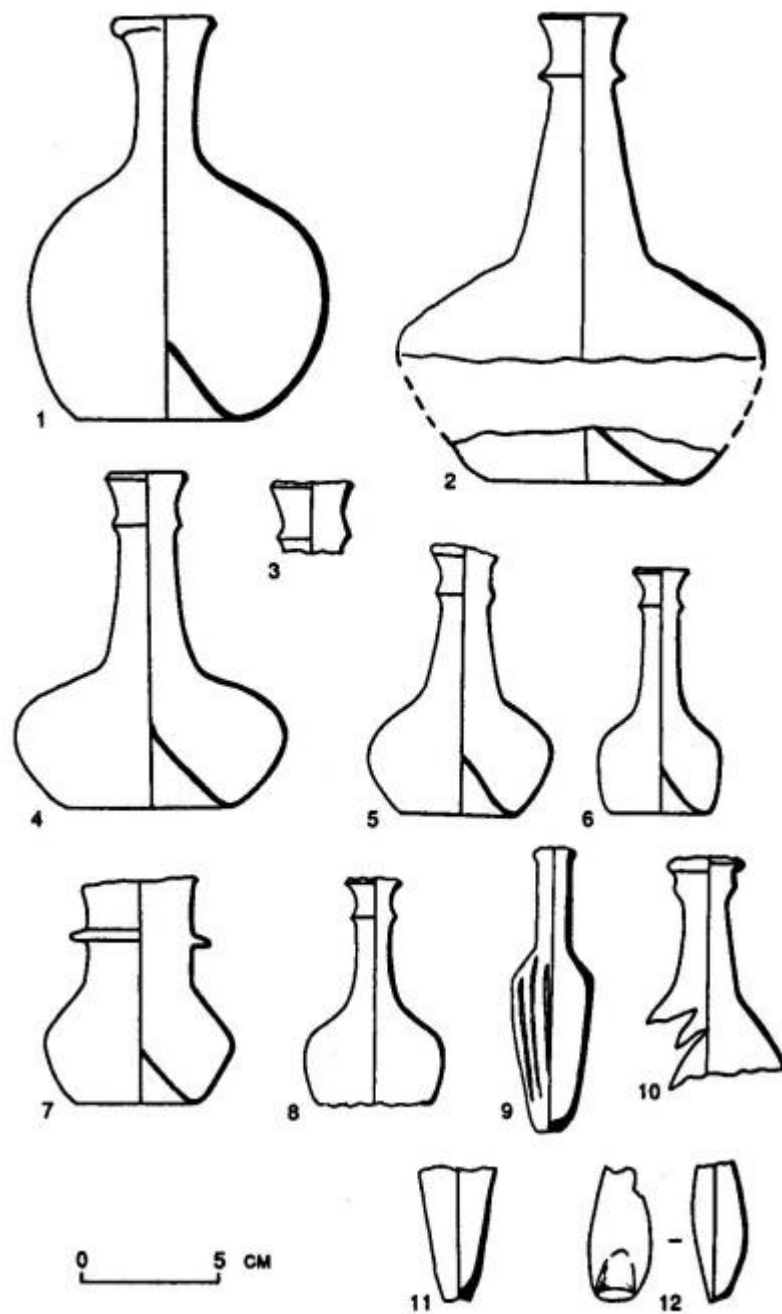
Могильник, который тоже частично разрушен, расположен юго-восточнее остатков крестьянского двора, и погребения, обращенные с запада на восток, отмечены прямоугольными каменными оградками размерами 0,8–1,0 м на 1,7–2,1 м. В южной части могильника, рядом с

одной из оград и прямо под дерном, были найдены два керамических сосуда – один захороненный кверху дном, а другой венчиком кверху – они могли остаться после погребального пира (см. находки на илл. 26). Полуразрушенное погребение в центральной части могильника было раскопано.

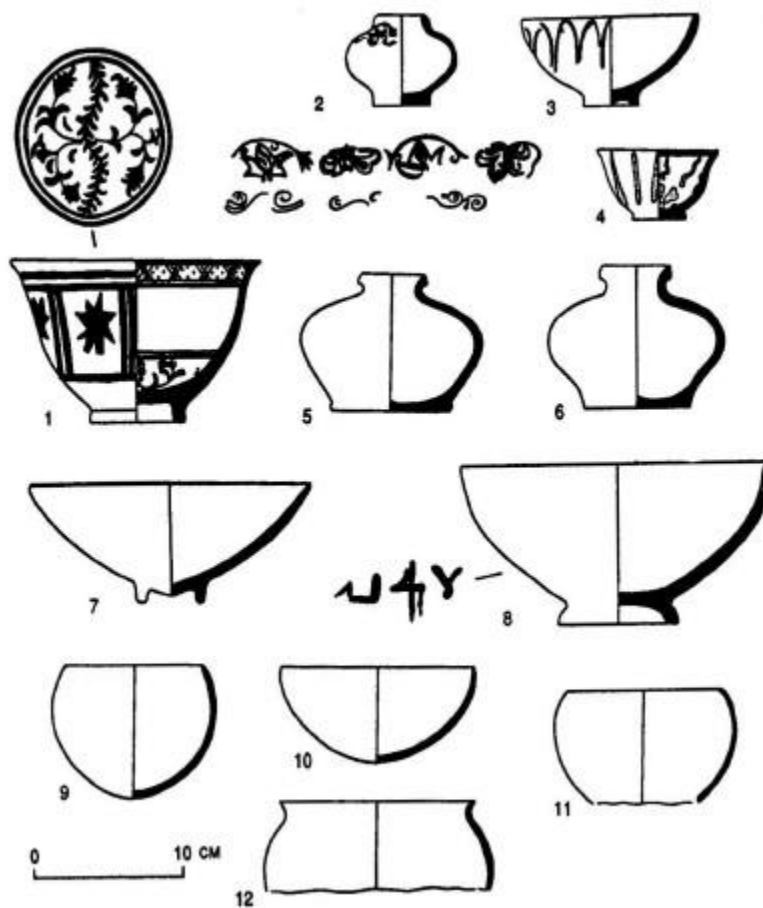
Нам удалось осмотреть и похожий могильник, расположенный на холме в 20 м к югу от селения Шибхон. Здешние погребения были обнаружены местными жителями, когда они добывали строительный камень на холме. Одно погребение было почти целиком разрушено, а еще одно – сильно повреждено, и предметы погребального обихода из них оказались разбросаны вокруг по склону холма. Четыре погребения были раскопаны, и хотя они почти не сохранились, остатки намогильных сооружений указывали на то, что когда-то они были оградами, причем каждая из них состояла из одного ряда камней.

Зимой 1989 г. в Калансии, на западном побережье острова, была обнаружена богатая коллективная гробница. На северо-восточной окраине этого города, примерно в 1 км от берега, есть место под названием Кадера, где местные жители, копавшие колодец, вышли на древнюю могилу. Крышка погребальной камеры была найдена в 0,5 м ниже современного уровня земной поверхности, но намогильное сооружение не сохранилось. Местные жители сняли один из камней с перекрытия, чтобы попасть в погребальную камеру, откуда они удалили большую часть предметов погребального обихода, потревожив тем самым само захоронение. Под массивными каменными плитами перекрытия покоилась погребальная камера типа «каменного ящика» (в форме лодки на плане) с внутренними размерами 1,0 м на 2,55 м и высотой 1,2 м. Четыре-пять рядов больших булыжников окаймляют стены, и камни верхних рядов кладки нависают друг над другом внутри камеры, тем самым значительно сужая внутреннее пространство, прикрытое четырьмя большими плитами. Длинная сторона камеры тянется с востока на запад, тогда как в восточной торцевой стене, на высоте 0,85 м от днища камеры, проделана небольшая ниша размерами 35 x 52 x 20 см глубиной.

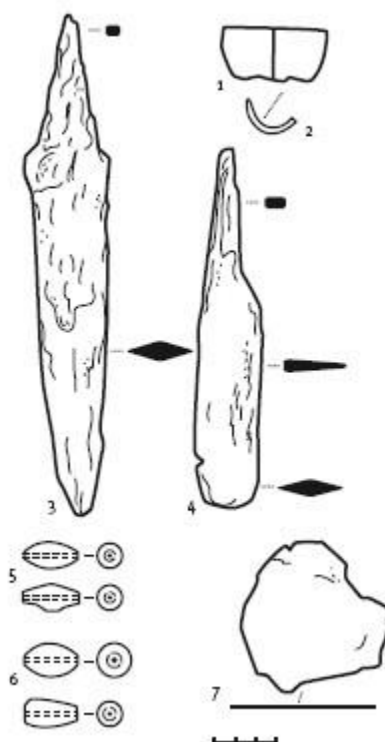
Захоронения в камере были ранее серьезно потревожены и ко времени, когда мы осматривали их, представляли собой довольно плотную (свыше 20 см) однородную беспорядочную груду целых и сломанных костей, ребер, позвонков и черепов, которыми было усеяно все днище камеры. Вероятно, это произошло вследствие проникновения местных жителей в могилу. Свидетели рассказали нам, что погребальные принадлежности прежде покоились в более вместительной восточной части камеры, что дает возможность предположить по аналогии с погребениями, исследованными на других могильниках, что они были положены в ногах умерших при захоронении. В ходе дальнейшего осмотра мы тоже сделали здесь несколько находок, откопав предметы, в числе которых были сосуды – 12 стеклянных (семь из них сохранились в целостности, а пять в осколках), восемь глазурованных керамических, шесть небольших лепных глиняных, а также железный нож, железный кинжал, каменные бусы, бронзовое зеркало, колечко и осколок чаши. На одной из глазурованных чаш нанесены коричневой краской три буквы доселе неопознанной формы письменности (илл. 27, 28, 29).

Илл. 27. Коллективное захоронение в Калансии: стеклянные сосуды (рисунки)

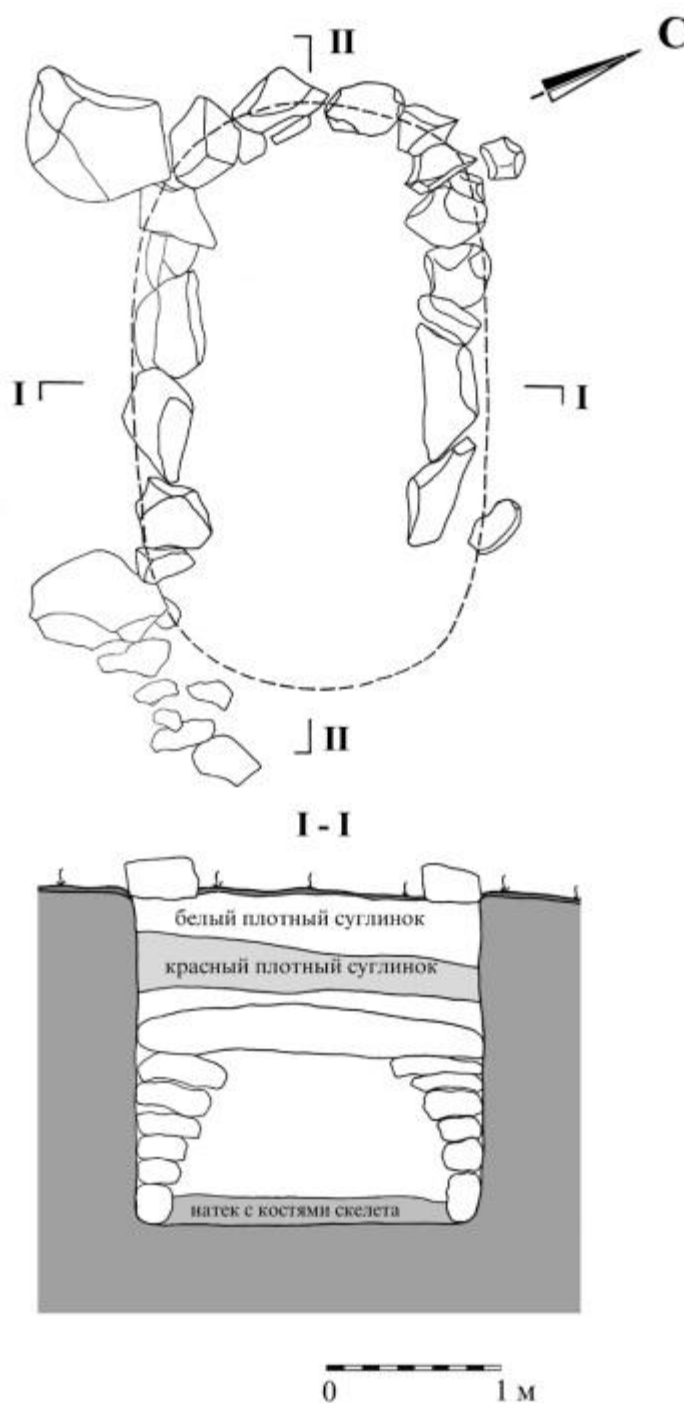
Илл. 28. Коллективное захоронение в Каланси: глиняные сосуды

Илл. 29. Находки из коллективного захоронения в Каланси: 1 – фрагмент бронзовой

чаши, 2 – фрагмент бронзового кольца, 3. железный кинжал, 4 – железный нож. 5 и 6 – каменные бусины, 7 – фрагмент бронзового зеркала

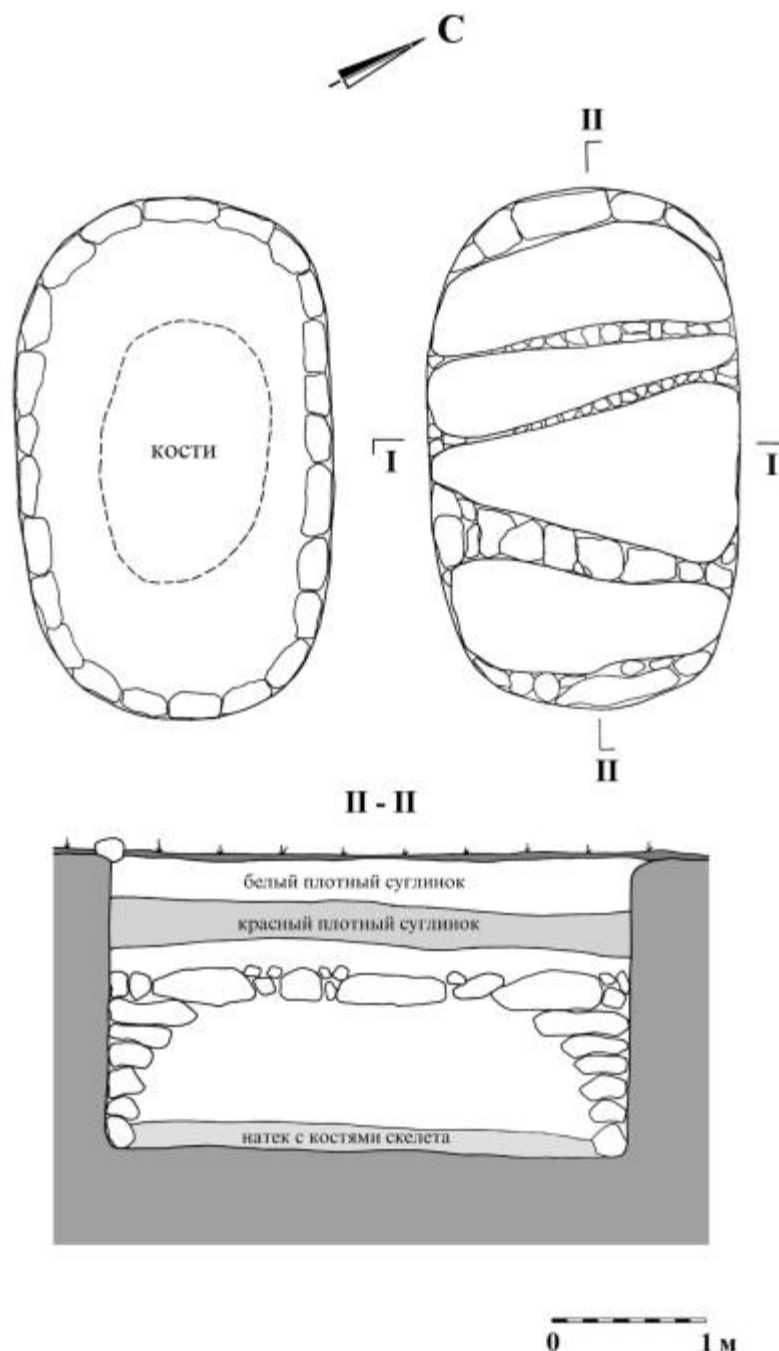
Такая обширная находка погребального инвентаря в сравнительно небольшой коллективной могиле (которая могла быть семейным склепом) необычна для Сокотры. Представляется вероятным, что здесь был расположен старый доисламский могильник, возможно, связанный с Калансией.

Илл. 30. Нижний Рёкиб, могильник, погребение 1

В 2002 г. Седов и Наумкин продолжили раскопки погребений в могильнике у древнего поселения в Нижнем Рёкибе. Это поселение (N 12°59'841"; E 54°17'157") расположено

примерно в 30 км к ЮВ от столицы острова Хадибо. Здесь, рядом с современным селением того же названия, на берегу вади нами еще в 1987 г. было открыто это древнее поселение (см. выше). Оно занимает площадь 300x400 м и состоит из полутора десятков руин зданий. На юго-восточной окраине поселения располагается могильник. На противоположном берегу вади, примерно в 500 м к юго-востоку, зафиксированы руины отдельно стоящей постройки, предположительно усадьбы, обозначенные как Нижний Рёкиб 2. К западу от них, на невысоком всхолмлении, открыт небольшой могильник, состоящий из 9 погребальных сооружений. Именно он и был объектом археологических исследований. Всего было раскопано три погребения, располагавшиеся на юго-восточной окраине могильника.

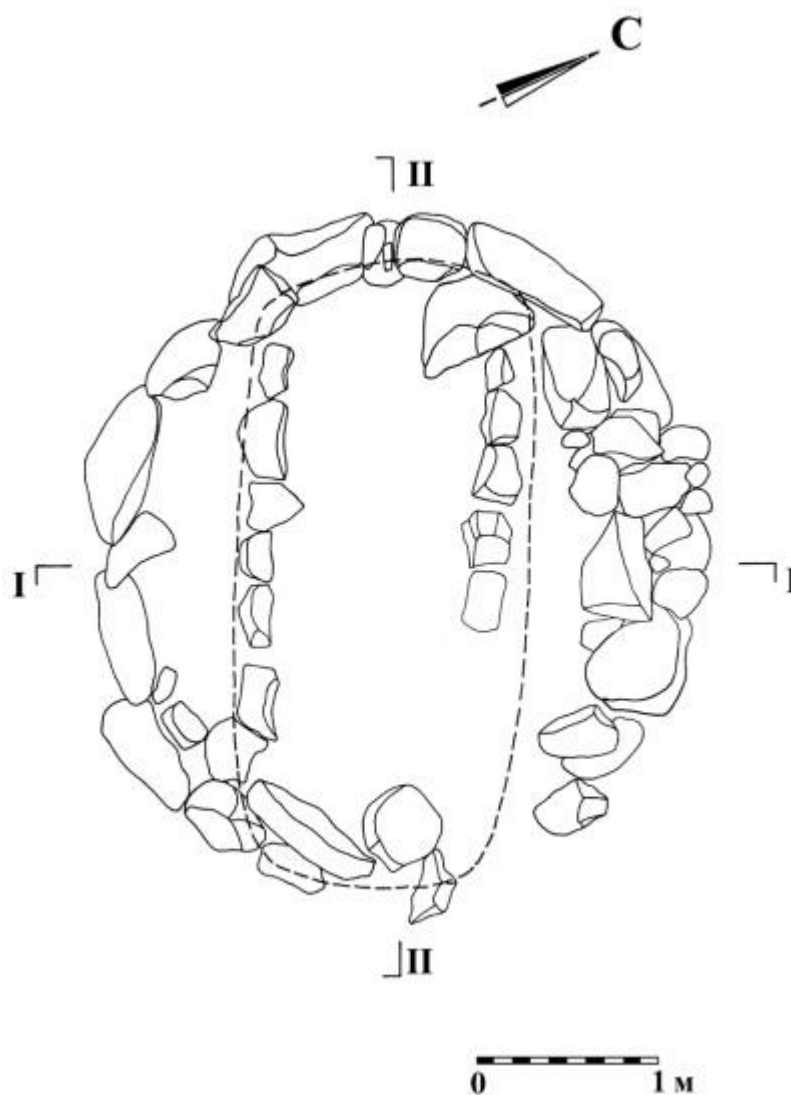

Илл. 31. Нижний Рёкиб, могильник, погребение 1

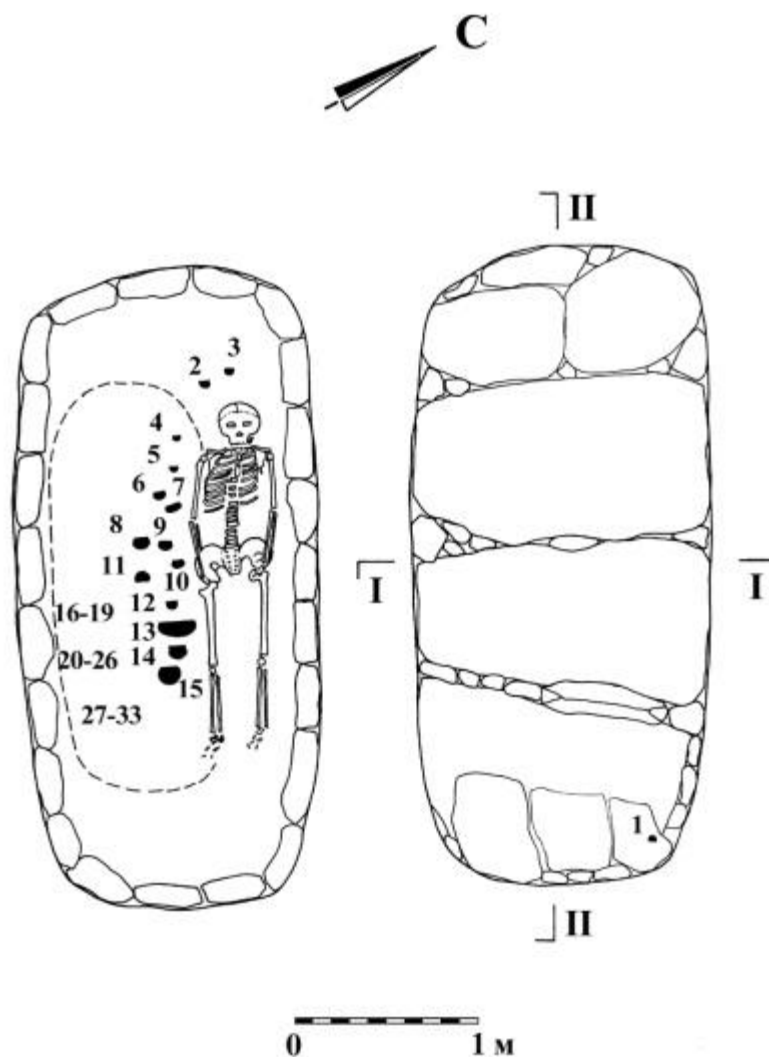
Погребение 1 (см. илл. 30, 31). Наземное сооружение представляет собой овальную в

плане каменную оградку размерами 2,1х3,7 м, ориентированную по линии СЗ – ЮВ. Подземная погребальная камера была открыта на глубине 0,9 м. Она овальная в плане, размерами 2,2х3,8 м, и ее стенки на высоту около 1,0 м выложены необработанными валунами. Перекрытие погребальной камеры состоит из четырех крупных плоских необработанных каменных плит, щели между которыми плотно забиты мелкими камнями. Заполнение верхней части погребальной ямы, общая глубина которой составляет 1,9 м от древней поверхности, – рыхлый лессовидный суглинок.

На дне погребальной камеры обнаружены разрозненные кости человеческого скелета и один фрагмент стенки керамического сосуда. Скорее всего, захоронение было разрушено дождевыми и паводковыми водами, попадавшими в погребальную камеру.

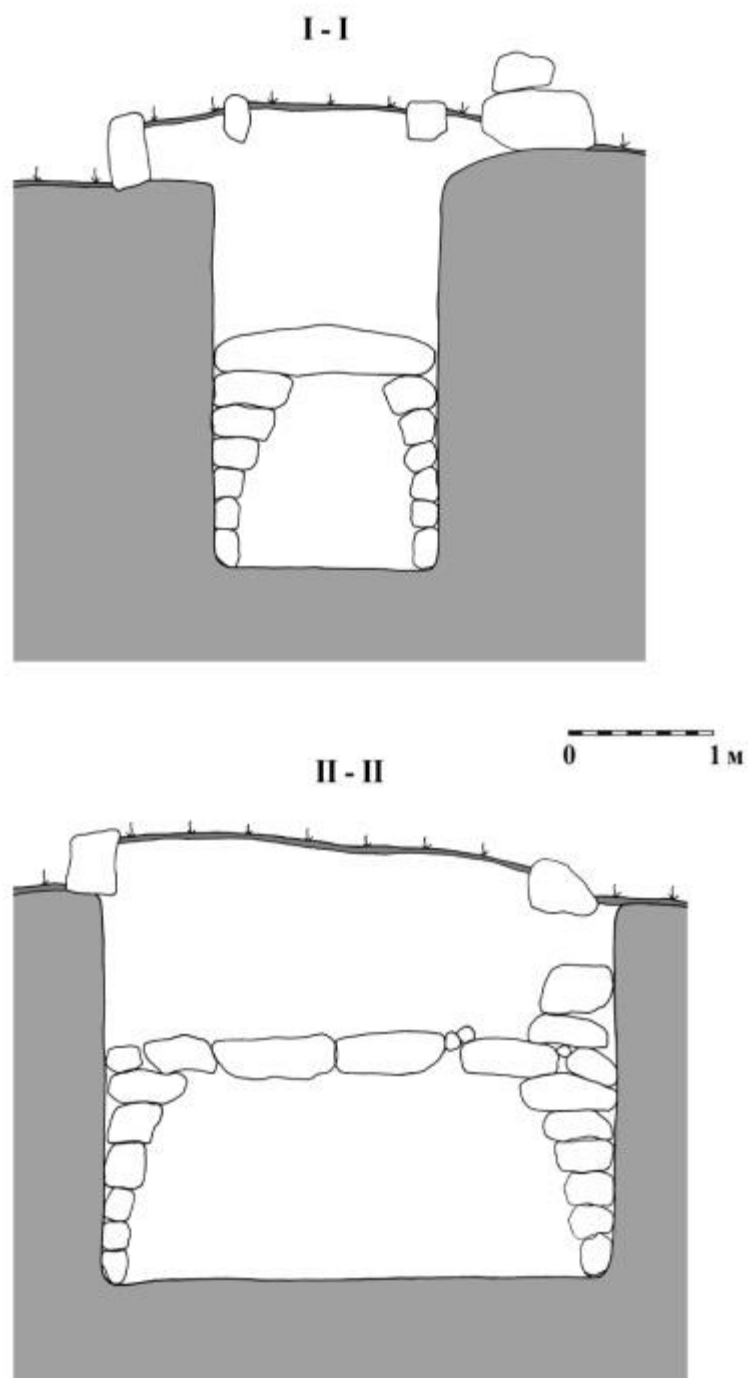

Илл. 32. Нижний Рёкиб, могильник, погребение 2

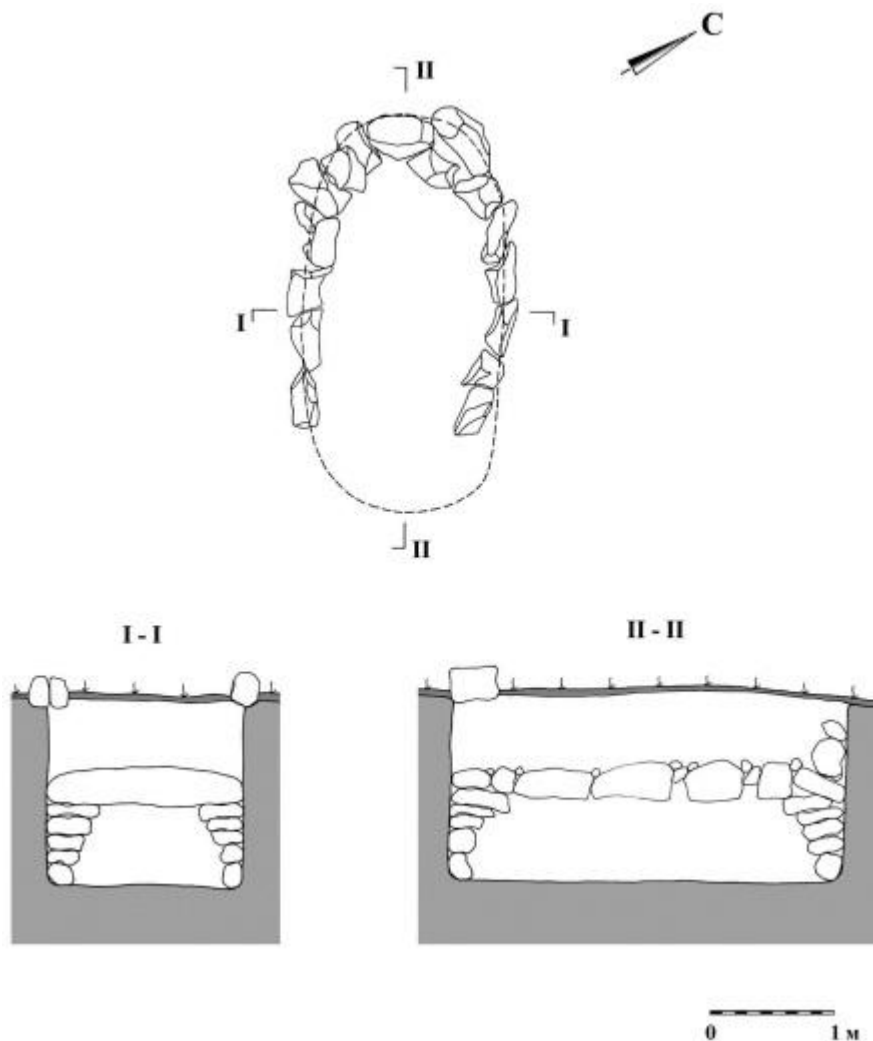
Илл. 33. Нижний Рёкиб у могильник, погребение 2

Погребение 2 (см. илл. 32–34, 41, 42). Наземное сооружение представляет собой овальный в плане холм с горизонтальной верхней площадкой, размерами 2,5х3,0 м, высотой около 0,5 м, ориентированный по линии СЗ – ЮВ. По основанию холм укреплен каменной кладкой, крепидой. В центре холма имеется прямоугольная в плане оградка из валунов, размерами 1,8х3,0 м. Подземная погребальная камера была открыта на глубине около 1 м от вершины холма. Ее стенки на высоту 1,2 м выложены необработанными валунами. Перекрытие погребальной камеры состоит из пяти плоских крупных каменных плит, щели между которыми плотно забиты мелкими камнями. Заполнение верхней части погребальной ямы, общая глубина которой составляет 2,2 м от вершины могильного холма, – рыхлый лессовидный суглинок. В юго-восточной части ямы, поверх плит перекрытия, найден археологически целый керамический сосуд (см. илл. 33, 1).

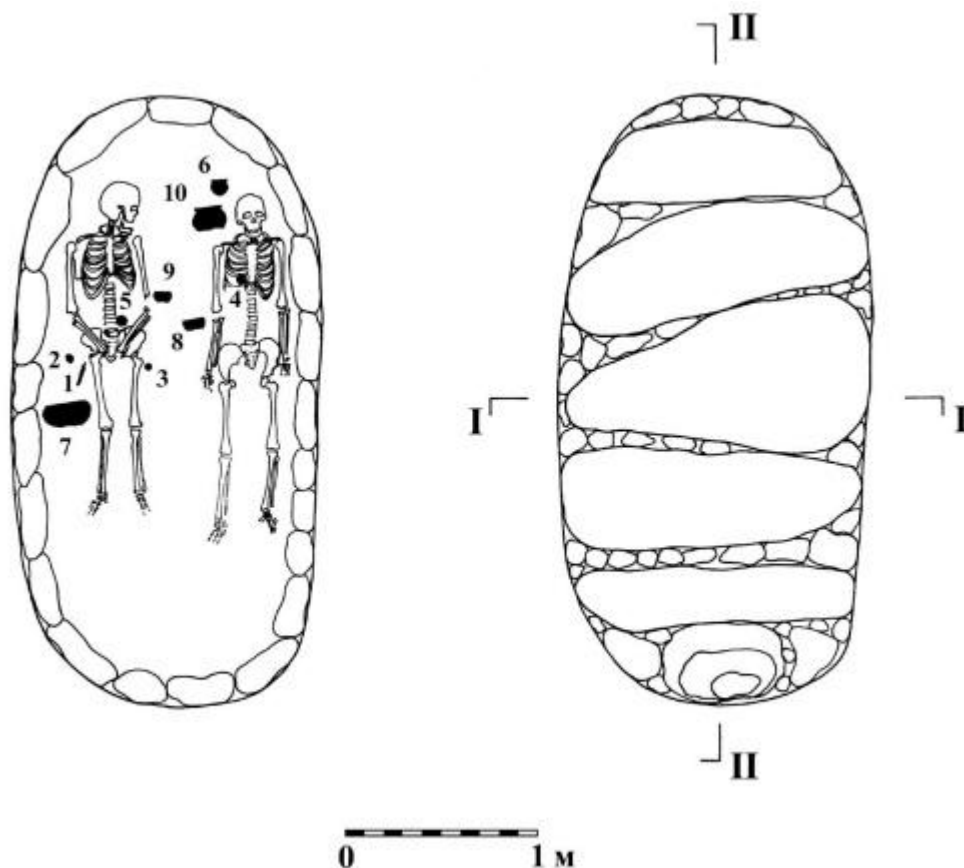
Илл. 34. Нижний Рёкиб, могильник, погребение 2, разрезы

На дне погребальной камеры, вдоль ее восточной стенки, расчищен человеческий скелет – тело было положено на спине, головой на северо-запад. К западу от скелета на дне камеры обнаружено большое количество разрозненных костей по крайней мере еще двух человеческих скелетов, лежащих вперемешку с археологически целыми сосудами и фрагментами керамики (всего, по крайней мере, 32 керамических сосуда) (см. илл. 33, 2–3h 37, 38). По всей видимости, это остатки предшествующих захоронений, потревоженные при помещении в погребальную камеру последнего захоронения, найденного неповрежденным.

Илл. 35. Нижний Рёкиб у могильник, погребение 3

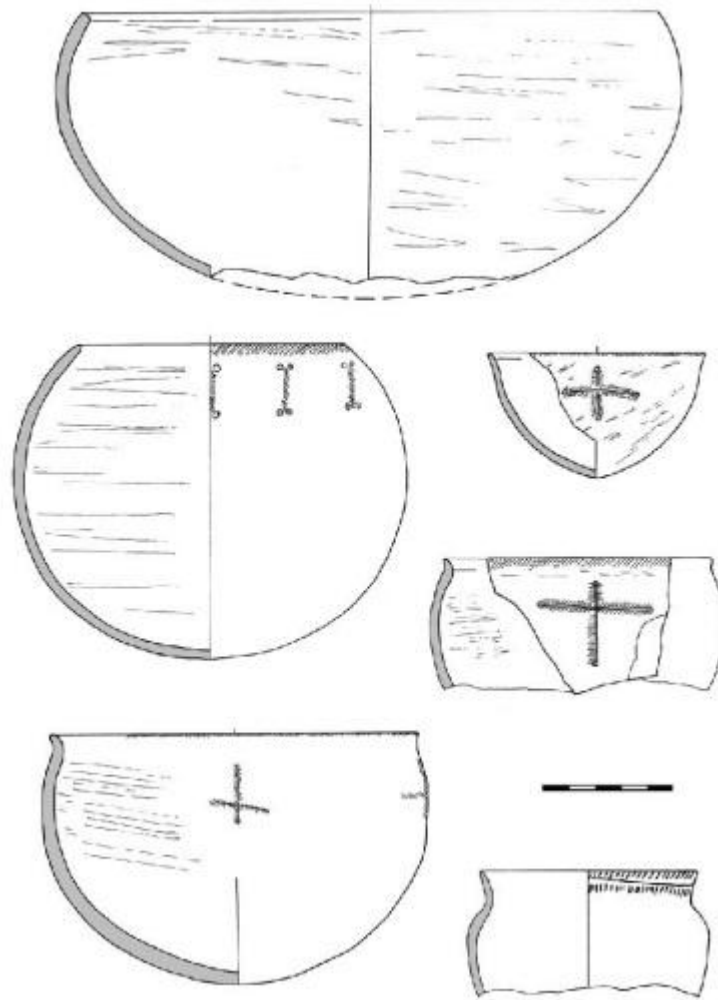
Погребение 3 (см. илл. 35, 36, 43, 44). Наземное сооружение представляет собой овальную в плане каменную оградку размерами 1,9х3,0 м, ориентированную по линии СЗ – ЮВ. Подземная погребальная камера была открыта на глубине 0,6 м. Она овальная в плане, размерами 2,0 х 3,1 м, стенки ее на высоту около 1,0 м выложены необработанными валунами. Перекрытие погребальной камеры состоит из шести крупных плоских необработанных каменных плит, щели между которыми плотно забиты мелкими камнями. Заполнение верхней части погребальной ямы, общая глубина которой составляет 1,6 м от древней поверхности, – рыхлый лессовидный суглинок.

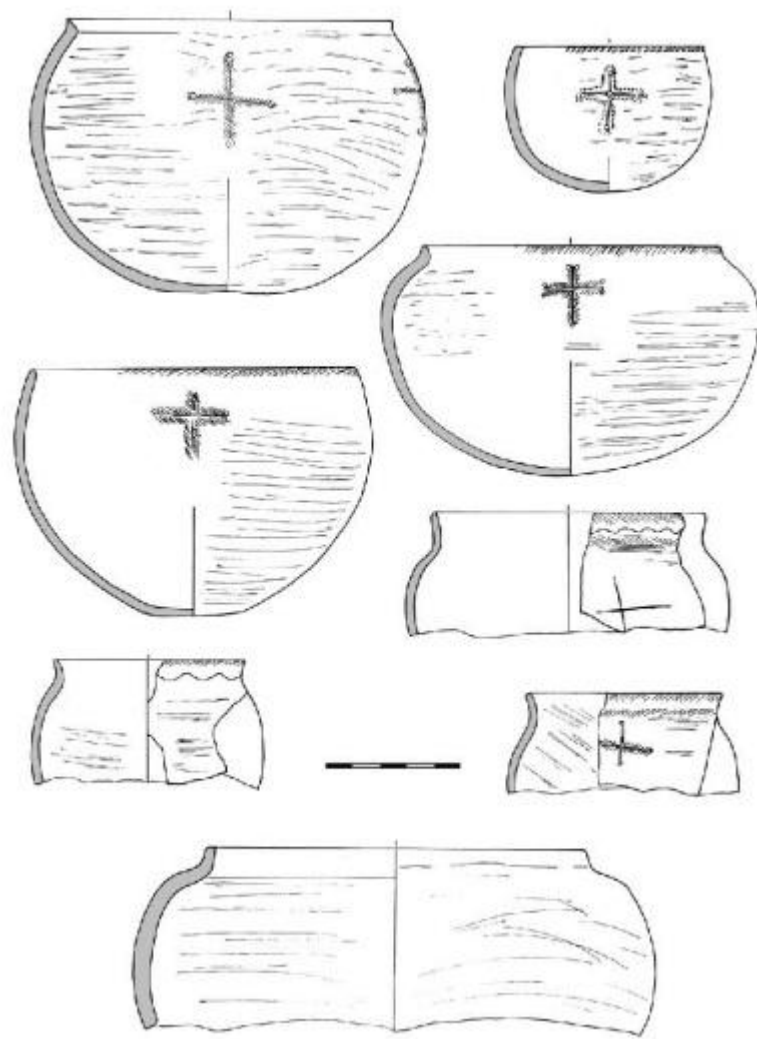
Илл. 36. Нижний Рёкиб, могильник, погребение 3

На дне погребальной камеры обнаружены два потревоженных человеческих скелета, лежавших вытянуто на спине, головой на северо-запад. Погребальный инвентарь – пять керамических сосудов (см. илл. 36, 6–10; 39, 40), фрагменты железного кинжала (см. илл. 36, 7), обломки стеклянного сосуда (см. илл. 36, 3), фрагменты бронзового зеркала (см. илл. 36, 2), целое бронзовое зеркало предположительно китайского производства (см. илл. 36, 4), бронзовая кольцевидная пряжка (см. илл. 36, 5).

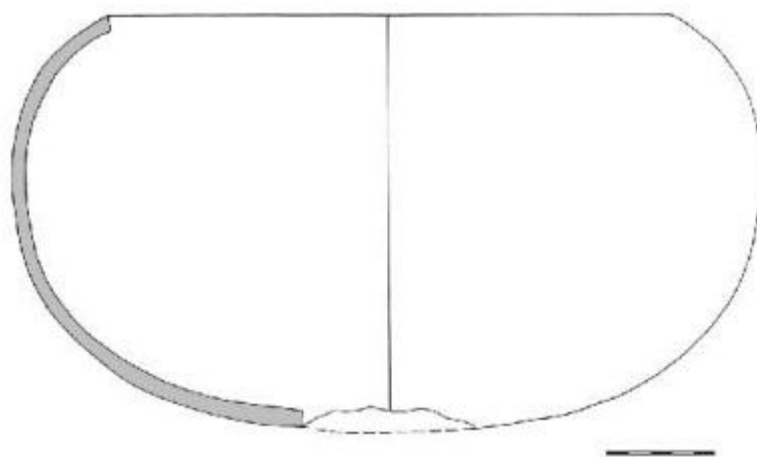
Предположительная датировка раскопанных погребений в могильнике Нижний Рёкиб 2 – VII–X вв. н. э. (предположительная датировка стеклянного сосуда и китайского бронзового зеркала – эпоха Тан). Обращает на себя внимание необычная орнаментация керамических сосудов явно местного производства: различные варианты крестов.

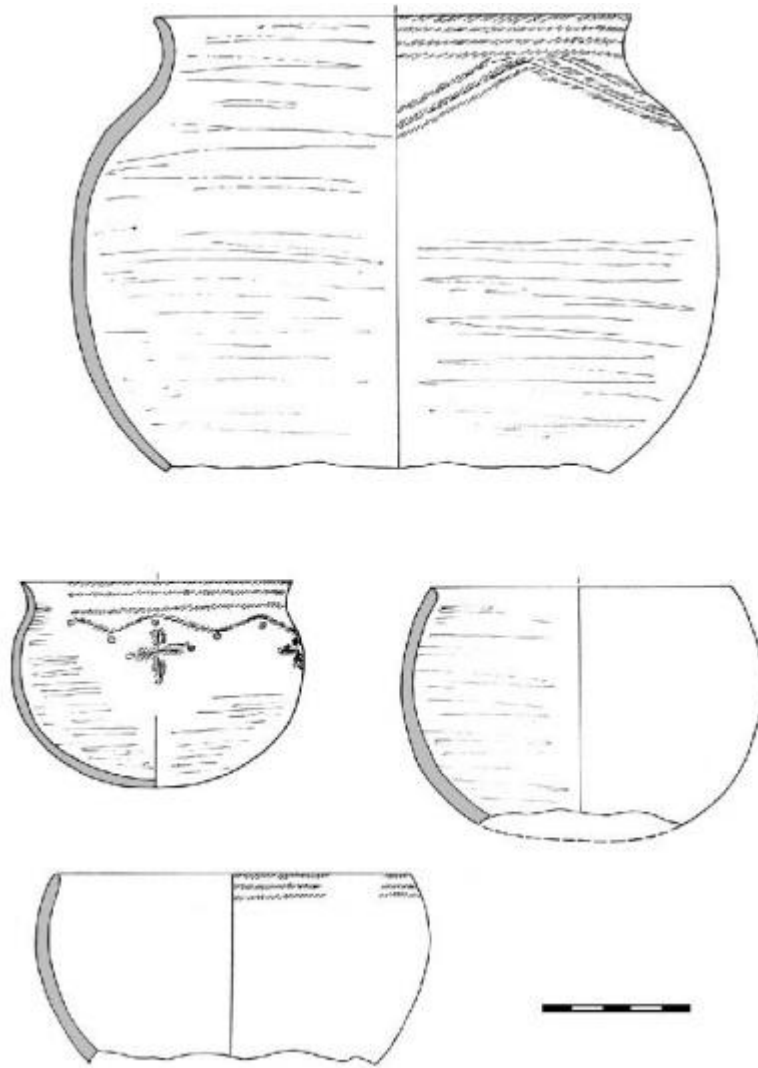
Илл. 37. Нижний Рёкиб у могильник, погребение 2, керамические сосуды (12–15, 20, 23)

Илл. 38. Нижний Рёкиб, могильник, погребение 2, керамические сосуды (8-11, 21, 22, 24, 26)

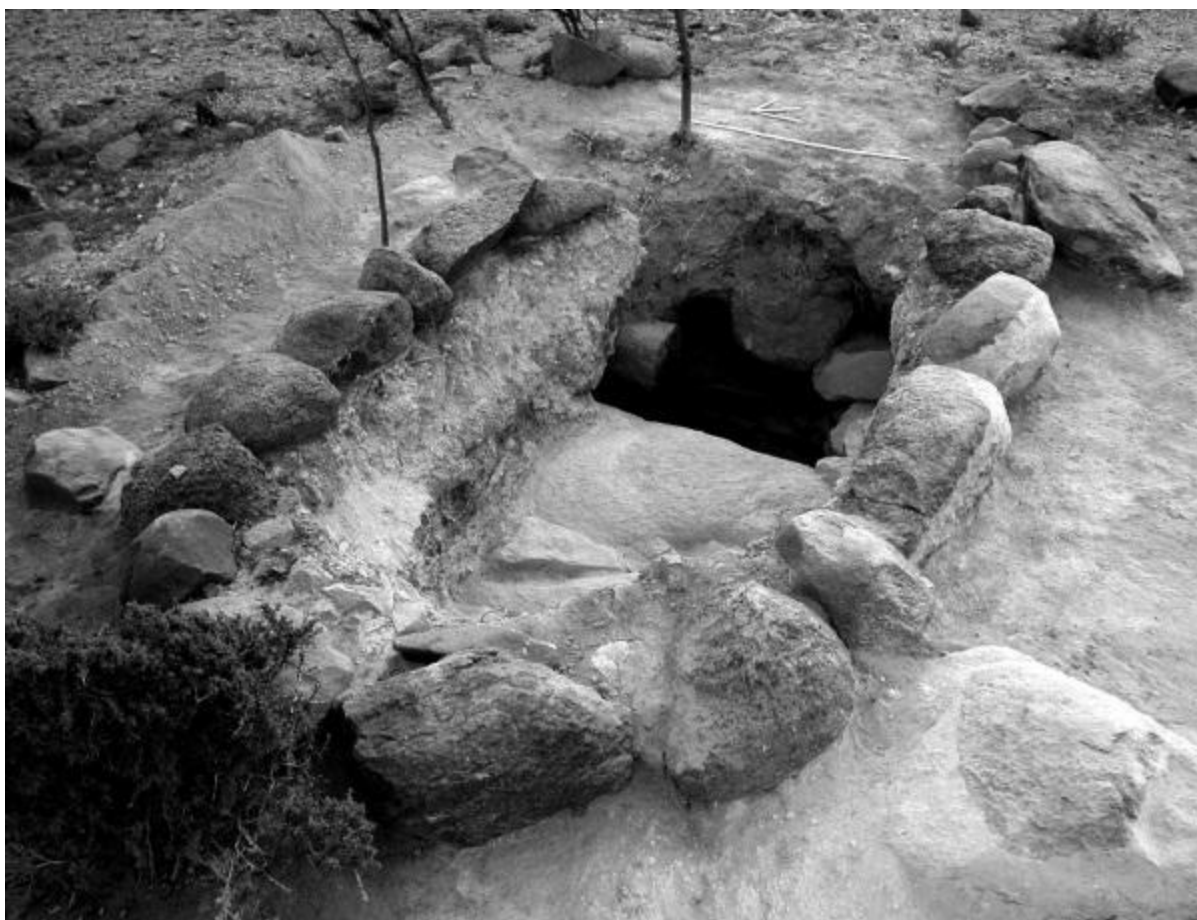
Илл. 39. Нижний Рёкиб, могильник, погребение 3, керамический сосуд (7)

Илл. 40. Нижний Рёкиб у могильник, погребение 3, керамические сосуды (6, 8–10)

Илл. 41. Нижний Рёкиб у могильник, погребение 2

Илл. 42. Нижний Рёкиб, могильник, погребение 2

Илл. 43. Нижний Рёкиб, могильник, погребение 3

Илл. 44. Нижний Рёкиб у могильник, погребение 3

Раскопки на городище Хажря

Одно из интереснейших открытий было сделано отрядом нашей экспедиции (А. В. Седов и В. В. Наумкин) в 1985 г. В 2 км южнее современного селения Сук, на правом (восточном) берегу русла вади Хажря, тянущегося к побережью и впадающего в море у восточной окраины селения, было обнаружено крупное городище (илл. 45, 46).

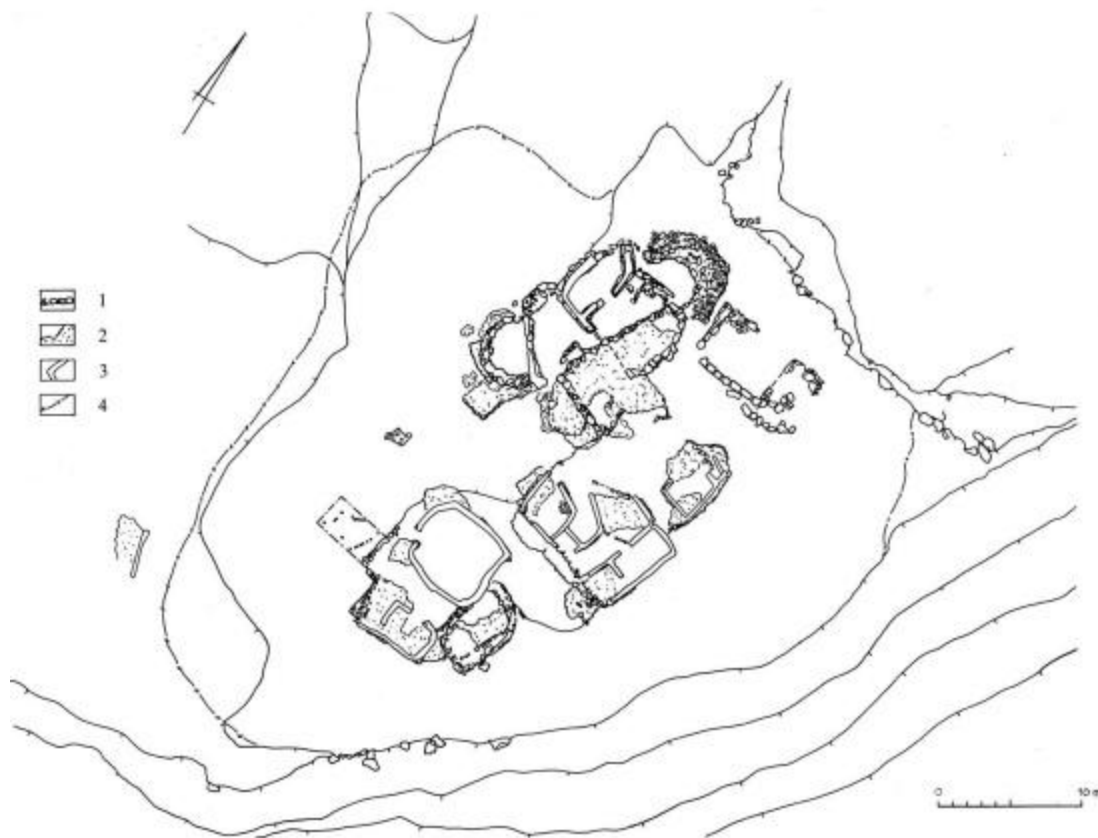
Городище в плане представляет собой неправильный четырехугольник (100x130 м), ориентированный сторонами по странам света. Оно окружено оборонительной стеной (ее толщина – около 2 м), сложенной из необработанного камня на глиняном растворе. Сохранившаяся высота незначительна; примерно 0,2 x 0,3 м, но, по сведениям информантов, еще несколько лет назад она достигала кое-где 0,7–1,0 м. Проход в оборонительной стене ввиду ее плохой сохранности четко не прослеживался, однако, вероятно, он находился у северо-западного угла. Здесь, в углу городища, имелась какая-то круглая в плане постройка (сохранилось основание каменных стен) диаметром 5 м, возможно, угловая оборонительная башня. Западная и южная стены смыкаются между собой под прямым углом. Восточная и северная стены имеют неправильную конфигурацию, с выступами и закруглениями.

Городище четко делится на две части: западную занимают жилые постройки, восточную – обширный могильник в пределах городской стены. В юго-западном углу городища расположено крупное, прямоугольное в плане здание размерами 15x30 м. Сохранившаяся высота стен – до 2 м. Постройка изолированная, отделена от других зданий «улицами» шириной 10–12 м. Стены ее (толщиной 1,0–1,3 м) сложены из грубообработанного камня на растворе: снаружи они были покрыты глиняной обмазкой слоем 5x7 см (сохранилась местами на западной внешней стене). Внутри здание состоит из прямоугольных помещений (видимо, их семь), соединенных друг с другом проходами.

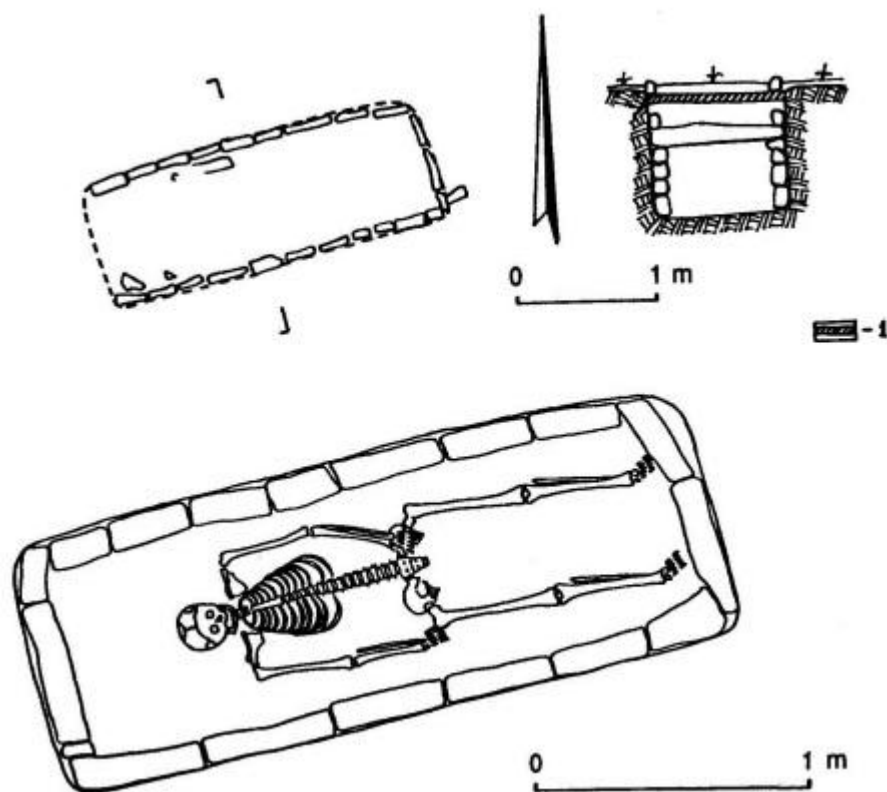
Северо-западный угол городища занят компактным массивом построек из камня, вплотную примыкающим к участку западной оборонительной стены и отделенным от северной стены и от здания, стоящего в юго-западном углу городища, улочками шириной 7–10 м. Общие размеры массива – 60x70 м. Двумя улочками шириной 5–7 м, идущими в направлении запад – восток, и перпендикулярными им переулками шириной 1,0–1,5 м этот массив разделен на десять-одиннадцать крупных домов-блоков (10–15x 30–40 м). Внутренняя планировка подобных блоков состоит из нескольких прямоугольных помещений размерами 6x 8 и 8x 10 м. Сохранившаяся высота стен построек: 0,5–0,7 м. Они сложены из грубообработанных камней на глиняном растворе. Плотная застройка примыкающими друг к другу в один ряд прямоугольными в плане помещениями (5x6 и 4x7 м) прослеживается вдоль всей южной оборонительной стены и части западной.

Восточная часть городища была занята обширным могильником, причем самые западные погребения практически подходят вплотную к постройкам. Намогильные сооружения представляют собой каменные прямоугольные в плане оградки (1,0–1,1 x 2,2–2,4 м), ориентированные по линии запад – восток, иногда с отклонением к северу. Как правило, они образуют цепочки из трех-четырех (иногда до восьми-двенадцати) погребений, вытянутые по линии север – юг. В отдельных случаях зафиксированы либо оградки, примыкающие друг к другу, либо оградки, объединенные в пару дополнительной общей прямоугольной или овальной кольцевой выкладкой. Изредка встречаются изолированные оградки, причем некоторые из них имеют еще прямоугольную или овальную внешнюю выкладку из камней. Погребения, занимающие восточную часть могильника, несколько

отличаются видом намогильного сооружения. Это относительно небольшие (1,3–1,6х 0,4–0,7 м) оградки, по форме близкие к овалу, ориентированные обычно по линии северо-восток – юго-запад, восток-северо-восток – западо-юго-запад, запад – восток (редко). Расположены они, как правило, бессистемно, лишь некоторые из них объединены в цепочки по два-три погребения.

Илл. 45. Общий план городища Хажря

Илл. 46. Погребение 1 в Хажре: планы, разрез (показан глиняный раствор)

Раскопанные в юго-западной и восточной частях некрополя изолированные погребения по конструкции могильного сооружения (камера из камней с плоским перекрытием) и обряду погребения (одиночное безынвентарное захоронение на спине, в вытянутом положении, головой на запад) оказались тождественными погребениям, раскопанным в могильниках Хасын, Шибхон, Мёбрьхим и Матхёбо.

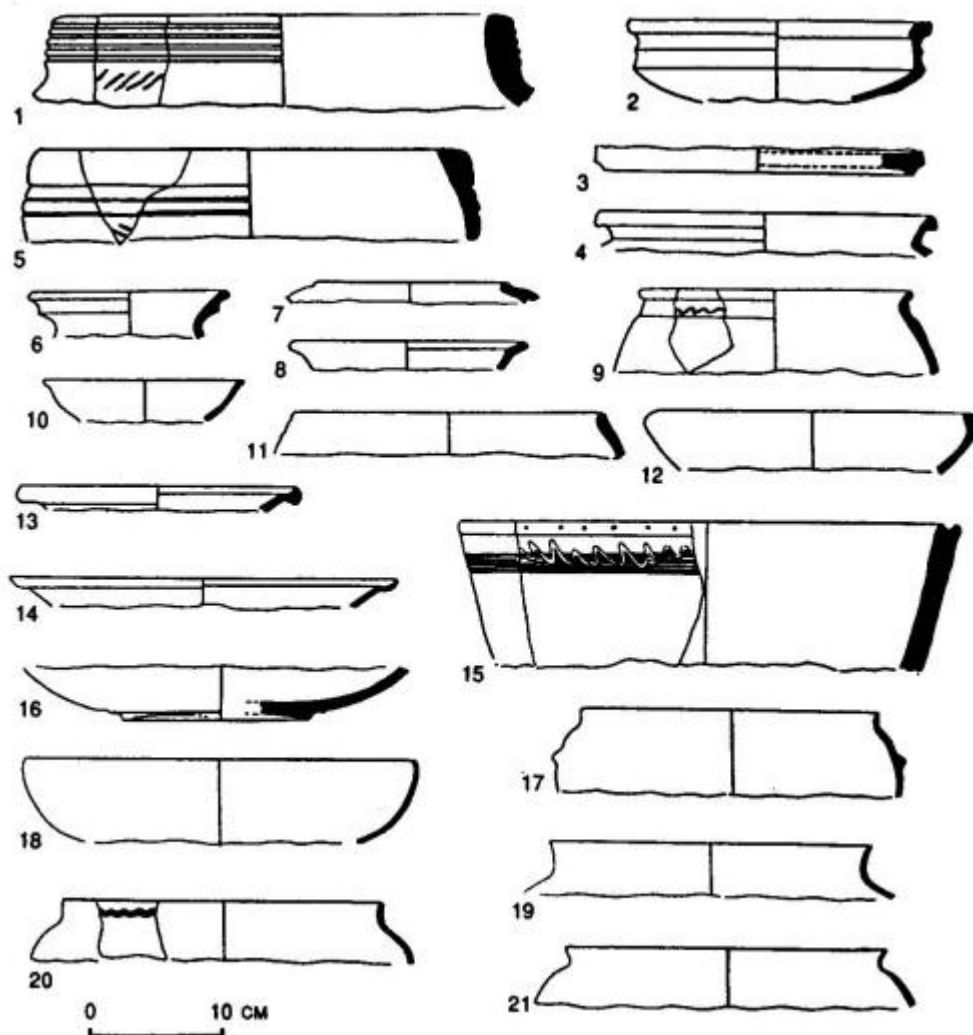
Центральная часть площади городища, занятой могильником, была свободна от погребений. Здесь находились четыре конструкции из камней, выложенных кольцом различного диаметра – от 2 до 7 м. Видимо, это остатки засыпанных колодцев либо водосборники.

Материал, обнаруженный на городище в 1985 и 1987 гг., позволял нам сделать предварительное заключение о времени существования городища. Многочисленные обломки сосудов типично сокотрийского облика были найдены как на поверхности, так и в небольших разведочных шурфах посреди развалин городища. Это фрагменты лепных круглодонных или плоскодонных горшков с тонким резным орнаментом, часто с закопченной внешней поверхностью, что указывало на их использование в качестве кухонной посуды. Сосуды изготовлены без применения гончарного круга, поверхность их тщательно выскоблена ракушками. И форма, и орнаментация, и способ изготовления этих сосудов – все сходно с традиционной посудой современных сокотрийцев (илл. 47, 48, 49).

Наряду с этой керамикой мы обнаружили и материал совершенно иного облика. Это фрагменты больших сосудов из светлой глины с глазурованной поверхностью зеленого цвета – от светло-бирюзового до темно-зеленого оттенка, а также фрагменты красно-ангобированной лощеной керамики с толстым темно-коричневым венчиком. Все эти сосуды сделаны при помощи гончарного круга. В основном, они датируются X–XIII веками н. э., а по типу похожи на керамику, найденную на Аравийском полуострове и на побережье Персидского залива.

Образец найденного в развалинах одного из домов у западной оборонительной стены древесного угля, взятый на радиоуглеродный анализ, подтвердил датировку 1190 ± 140 гг. н. э. (образец исследован в Санкт-Петербурге).

Среди находок на поверхности городища – фрагменты гораздо более ранних керамических сосудов, в том числе обломки ручки массивной римской амфоры, фрагменты краснолаковых чаш и мисок, возможно, изготовленных в Средиземноморье в первых веках н. э.

Илл. 47. Городище Хажря, фрагменты керамических сосудов с поверхности: 1–12 – местного производства, 13–21 – импортные

Здесь были обнаружены фрагменты черных и серых сосудов, вероятно, индийского происхождения, а также фрагменты толстостенных формованных сосудов, аналогичных найденным в слоях I–IV веков н. э. при раскопках в вади Хадрамаут. Отдельные фрагменты керамики имеют прямые аналоги в материале городища Кана, из слоев III–IV и V–VI вв. (раскопки древнего хадрамаутского порта Кана, находившегося в районе современного селения Бир-Али, велись Советско-йеменской комплексной экспедицией в 1985–1990 гг.). Вместе с фрагментами привозной посуды на городище оказались и обломки посуды местного, сокотрийского облика.

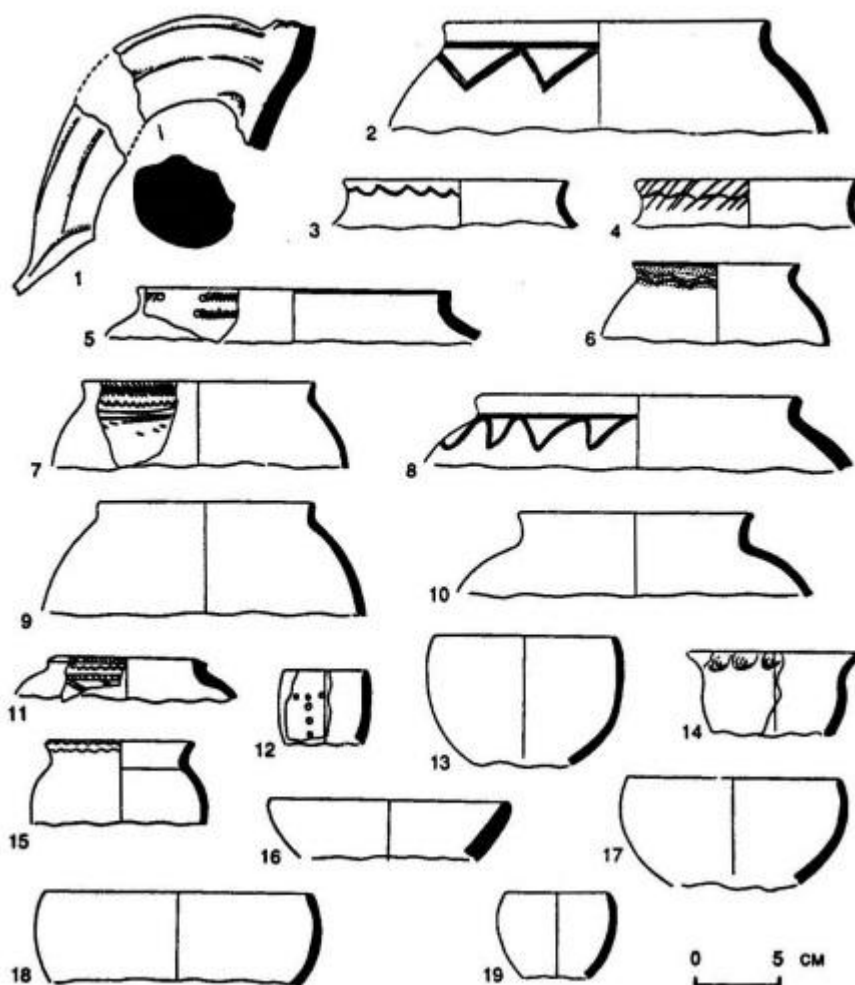
Предварительный анализ материала, полученного на городище Хажря, позволял сделать два заключения. Во-первых, городище Хажря, возможно, появилось в первых веках н. э. Его

развалины, видимо, и есть те самые «следы классической античности», обнаружить которые «на голых известняковых плитах севера» острова П. Шинни так и не удалось (Shinnie, 1960: 108). Во-вторых, городище перестало быть заселенным в XII или XIII веках н. э.

Илл. 48. Городище Хажря, фрагменты керамических сосудов с поверхности (8, 13, 14 и 16 – глазурованная керамика)

Могилы, которые были обнаружены и изучены, относятся к доисламскому периоду истории Сокотры, что подтверждается характером захоронения (позой и ориентацией захороненных, а также наличием коллективных захоронений, равно как и костей животных в могилах), моделью надгробных сооружений (камера из камней с плоским перекрытием) и наличием погребального инвентаря. Чрезвычайно трудно установить точную датировку могильников и развалин прилегающих строений, и предлагаемая хронология – чисто гипотетическая. Коллагеновый анализ костного материала, взятого в могильнике Шибхон, оставляет широкое поле для определения возраста захоронений, сделанных от 790 и до 1110 лет назад, т. е. между 875 и 1197 гг. н. э.

Илл. 49. Городище Хажря, ручки амфоры (1) и фрагменты керамических сосудов (2–19) с поверхности

Керамические сосуды из коллективной гробницы неподалеку от Калансии, вероятно, относятся к XII–XIII вв. (может быть, даже к XIV в.). Это предварительное заключение следует сделать применительно к керамическим сосудам, покрытым синей и светло-зеленой глазурью, которые вполне могли быть изготовлены в Забиде (Йемен) или в некоторых центрах Южного Ирана, а также к сосудам, которые были привезены на Сокотру из Южного Китая и стран Юго-Восточной Азии (считаем своим приятным долгом выразить благодарность за соответствующие консультации нашему коллеге Б. Лионну из Национального центра научных исследований, CNRS Франции).

Погребения, раскопанные в некрополе городища Хажря, сходны как по месту расположения, так и по устройству надгробного сооружения с раскопанными в других могильниках (Хасын, Гюзуф, Матхёбо и Мёбрьхим). Предполагаемые хронологические рамки существования городища и, следовательно, его некрополя – от ранних этапов второго тысячелетия н. э. до XII–XIII вв. Вполне вероятно, что все могильники относятся к одному и тому же периоду. Ясно, что к XII–XIII вв. – наиболее вероятной даты возникновения могильников – остров еще не подвергся влиянию ислама, поскольку это повлекло бы за собой появление могил исламского типа.

Грунтовые сооружения нынешних исламских могил на острове демонстрируют явную связь с традициями доисламских сокотрийских погребений. Современное исламское кладбище, содержащее от 80 до 100 могил, лежит рядом с древним могильником в Мёбрь-химе. Их

намогильные сооружения представляют собой небольшие оградки подпрямоугольной или вытянуто-овальной формы размерами 0,4–0,6 x 1,2–1,6 м. Длинной стороной оградки простираются по линиям: северо-восток – юго-запад, северо-северо-восток – юго-юго-запад, изредка север – юг. Внутри оградки, по ее центральной оси, установлены два или три вертикально врытых камня, часть из которых имеет грубоантропоморфную форму. Информанты сообщили нам, что на этом кладбище жителей окрестных селений не хоронят. Оно используется как место для захоронений только бедуинами с гор или из других мест, приходящими сюда на плантации пальм в соседних вади.

К югу и немного в сторону от городища Хажря имеется также небольшая группа – около десяти исламских могил, – состоящая из невысоких каменных оградок, овальных или прямоугольных в плане и тянущихся с севера на юг, которые часто окружены второй овальной линией камней (и в одном случае двумя подобными кольцами). Внутри оградки и вдоль центральной оси площадки обычно врыты один или два камня, верхние части которых нередко имеют антропоморфные очертания. Размеры таких оградок – 0,5–0,7 x 1,2–1,45 м, и внешнее кольцо окаймляет территорию 1,2–1,6 x 1,9–2,1 м. Исламское кладбище тем самым внешне сильно напоминает древние могильники, однако у его сооружений другая форма оградки (обычно почти овальная) и они отличаются по размеру (меньше, иногда намного), равно как и по ориентации (древние могильники простираются в основном с запада на восток с небольшими отклонениями в северном направлении), и внутри ограды по периметру врыты камни.

Культурно-историческое значение

Изучение предметов материальной культуры, полученных при раскопках погребений в грунтовых могильниках, равно как и сравнительное исследование самих погребений, позволяли сделать некоторые предварительные выводы культурно-исторического характера. Сходство типов погребений, изученных в различных, зачастую довольно удаленных друг от друга могильниках, свидетельствует, видимо, о культурном и этническом единстве древних обитателей Сокотры, оставивших эти могильники, во всяком случае, жителей той части острова, где известно существование подобных могильников. Среди предметов погребального инвентаря наряду с явно привозными изделиями (каменные и стеклянные бусы – например, обнаруженные в могильнике Шибхон индийские гравированные бусы цвета сердолика, а также сделанные из нефрита, коралла, алмадина, янтаря, аметиста, агата, горного хрусталя, селенита или тигрового глаза и мутного синего стекла; сосуды стеклянные, глазурованные керамические, из бронзы) есть и предметы местного изготовления. Это лепные круглодонные керамические сосуды и железные черешковые ножи с широким лезвием, найденные в погребениях могильников Шибхон, Хасын и Мёбрьхим и в могильнике возле Калансии. Совершенно аналогичные изделия до сих пор изготавливаются на острове и используются в быту современных сокотрийцев. Не исключено, что это свидетельствует об определенной культурной преемственности древних и современных обитателей острова.

В этой связи небезынтересны комментарии местных жителей – участников раскопок, сделанные по поводу некоторых предметов погребального инвентаря. Так, по сообщениям информантов, небольшие глиняные горшки типа обнаруженных в погребении могильника Хасын у современных сокотрийцев принято изготавливать к мусульманскому празднику жертвоприношения *iʿud al-adha*, когда отмечают спасение Исма‘ила от принесения в жертву его отцом Ибрагимом) специально для поминания умерших детей – по одному горшку на каждого умершего. В первый день праздника в эти горшки наливают воду и пьют ее. Затем

горшки разбивают и выбрасывают. Шейх Али Мубарак из Хасына сказал: «Может быть, в прошлом их клали в могилы с детьми или со взрослыми, у которых умерли дети, и теперь от этого обычая осталось только поминание». У современных сокотрийцев не принято класть в могилу какой-либо инвентарь, однако если в племени умирал одинокий человек, имущество которого было некому наследовать, то племя не забирало его скарб, а хоронило вместе с ним (исключая скот).

У железных ножей, находимых в погребениях, рукоятки не сохранились. Вероятно, они либо изготавливались из каких-то органических материалов, не сохранившихся в земле, либо представляли собой такую ценность для соплеменников умершего, что снимались с ножа. Современные сокотрийцы делают подобные рукоятки из козьего рога, размягчая его над пламенем очага и придавая необходимую форму. Один из найденных ножей, с треугольным вытянутым лезвием, участник раскопок сопоставил с современным ножом для удаления косточек из фиников. Другой нож, с лезвием листовидной формы, вызвал аналогии с ножом, применяемым при обряде обрезания. Действительно, современные сокотрийцы используют для этой операции ножи похожей формы с ручкой из рога, лезвие которых остро заточено с одного края.

В связи с бусами, найденными в нескольких могилах, интересны сообщения информантов об их охранительных функциях. Бусы из крупных камней белого цвета носили (сейчас носят редко, и в основном старики) на шее для заживления язв на голове. Считается, что гнойные язвы благодаря воздействию бус пройдут (это заболевание у сокотрийцев случается часто). Ожерелья из разноцветных бус носили как оберег от мухи *диасару* укусы которой, по поверьям сокотрийцев, может вызвать болезнь и даже привести к смерти (см. также главу девятую). По сообщениям информантов, детям горцев надевали на руку выше локтя веревочные браслеты с мелкими бусинами. Веревку с крупной овальной бусиной обвязывали вокруг пояса; бусина располагалась на спине, «спасая» от болей в области поясницы.

Наличие в погребениях вместе с захоронениями людей также костей домашнего животного (козы) представлялось современным сокотрийцам почти невероятным. Во всяком случае, в обозримом прошлом им подобные случаи были неизвестны.

Помимо захоронений, сделанных в грунтовых могильниках, на Сокотре были также обнаружены коллективные захоронения в естественных пещерах. Доу описывает одну такую «скалу погребений», расположенную к востоку от деревни Сук. Остатки группы зданий, которые могли принадлежать к прежнему городу (Старый Сук), раскинулись на нижних склонах хребта Джебель Хавари, и поблизости от него есть скалистое обнажение, в котором он нашел четыре узкие пещеры или расщелины, каждая из которых заслонена камнем и илом, преграждающими вход. Кости очень плохой сохранности и обломки костей были разбросаны и, возможно, принадлежали коллективным или повторным захоронениям. Предметов погребального обихода обнаружено не было (Дое, 1992: 85–88). Шинни также осматривал другую такую «пещерную гробницу» неподалеку от Кишна (Shinnie, 1960: 106).

В 1984 г. В. В. Наумкин и В. С. Шинкаренко обнаружили захоронения этого типа примерно в двух километрах к юго-востоку от селения Ша'б на склонах горы Багбага. Здесь, на расстоянии примерно 100 м от подножия, расположена большая куполообразная естественная пещера высотой приблизительно 2,3–3 м и диаметром около 4 м. Овальный вход на юго-западной стороне горы некогда был замурован стеной из ила и камня, но дети, играя, сделали пролом в стене. Внутри пещеры были беспорядочно разбросаны скелетные останки около десяти человек, а также кости коз. Примерно в 30 м юго-восточнее этой пещеры на горном склоне обнаружено еще несколько могильников, при этом входы в три небольшие пещеры были расположены на северо-западной стороне горы; каменная кладка их защитных

стен также была проломлена.

Образцы костей из коллективных захоронений на склонах горы Багбага были нами изъяты и направлены в Лабораторию абсолютной хронологии и геохимии изотопов для их коллагенового анализа. В результате анализа было установлено, что возраст костей составляет 1300 лет и, таким образом, захоронения датируются приблизительно 685 г. н. э.

Аналогичные коллективные пещерные погребения были осмотрены на перевале Хайбак возле деревни Кадуб в центральной части северного побережья острова и у мыса Рас-Баду к югу от Калансии на западном побережье острова.

Несмотря на результаты коллагенового анализа, нельзя было считать, что проблема возраста пещерных захоронений окончательно решена. Нам сообщили, что даже совсем недавно горцы порою хоронили своих мертвых в естественных пещерах, закладывая входы камнями. Это обычно делалось во времена засухи или эпидемий, когда люди были слишком слабы, чтобы выкапывать могилы. К тому же еще средневековые авторы отмечали практику сокотрийцев хоронить своих мертвых в пещерах. По мнению Доу, пещеры использовались для повторного захоронения тел, которые изначально были погребены в индивидуальных могилах в других местах острова (Дое, 1992: 85–88).

Особая группа остатков прежних поселений связана с колонизацией острова племенами махрийцев в XV–XVI вв. и кратковременным завоеванием его португальцами в первые годы XVI в. н. э. (см. обсуждение этого вопроса во второй главе).

Крепостные и религиозные сооружения

Когда на Сокотре в январе 1507 г. высадились португальцы, как уже говорилось выше, им пришлось штурмовать сильно укрепленную крепость, построенную махрийскими арабами в Суке. Уцелевшие руины на Джебель Хавари восточнее деревни Сук в точности соответствуют тому, что упоминается в описаниях атаки на форт в источниках того времени. Крепость находится на хребте горы, возвышающейся над нынешним поселением Сук с востока, и к ней можно добраться по тропе, поднимаясь на север от лагуны (см. главу вторую). У вершины Доу зафиксировал остатки укреплений, которые, должно быть, защищали вход в форт. Оборонительные стены, построенные из уложенного неровными рядами камня, скрепленного строительным раствором, отражают естественный рельеф окружающей местности и в северном углу к морю обращен полукруглый бастион. Внутри форта сохранилась большая цистерна овальной формы для хранения воды, а в юго-восточном углу – трапециевидная каменная платформа размерами приблизительно 5,2х 11,6 м, с двумя рядами ступеней, ведущими один внутрь, другой – наружу крепости (Дое, 1970: 46; 1992: 84). Башня, в которой укрылись последние защитники форта, вероятно, была расположена здесь (см. также главу вторую).

Доу считал, что крепость на Джебель Хавари была «португальской постройки», но не обосновал это утверждение. Согласно португальским хроникам, после захвата этого форта у арабов, завоеватели восстановили его и, переименовав в форт Св. Михаила, использовали его для поддержки гарнизона, который был оставлен на острове. Когда махрийцы вновь овладели Сокотрой несколько лет спустя, они, по-видимому, продолжали использовать форт, а также укрепили и достроили его оборонительные сооружения.

Мы исследовали и руины другого – «нижнего форта», который расположен примерно в 50 м южнее сегодняшних строений в Суке.

Он почти целиком разрушен, но планировка может быть реконструирована более или менее точно. Это прямоугольное сооружение размерами приблизительно 20,35х25,15 м, с четырьмя круглыми башнями диаметром около 4,5 м по углам. Шинни провел в 1956 г.

пробные раскопки ряда сооружений в стенах форта и пришел к заключению, что найденная глазурованная керамика относится к XVI–XVII вв. (Shinnie, 1960: 105).

Доу сравнивает планировку «нижнего форта» с аналогичной структурой турной схемой хадрамаутских крепостей, которые Сарджент называет *яфи* по названию местности в континентальном Йемене (ср.: Sergeant, 1963: 159), и рассматривает возможность того, что сокотрийский форт был построен после 1541 г., после того как остров был занят махри (Дое, 1992: 91 и цитируемые ссылки). Форты *яфи* – квадратные или прямоугольные в плане, с цилиндрическими башнями и бойницами на каждом углу. Сами строители называли их *хисн би маасирих* (крепости с башнями). Такие сооружения все еще сохраняются в области Яфи и в Хадрамауте, где один из лучших сохранившихся образцов – бывший дворец правителя султана Касири в Сейуне, северной столице Хадрамаута.

На южных оконечностях Сука сохранились остатки другого небольшого форта. Он прямоугольный в плане, и в его северо-восточном углу – кольцевая башня около 3,5 м в диаметре. Севернее этих руин находятся остатки еще одного прямоугольного сооружения размерами приблизительно 12x23 м. Доу задавал себе вопрос, не может ли какое-либо из двух этих сооружений быть тем арабским фортом, который в 1507 г. взяли португальцы (Дое, 1970: 47; также 1992: 90–93).

Неподалеку от Хадибо возвышается рельефный конический холм, называемый Джебель Хасун, на вершине которого наблюдаются развалины форта неплохой степени сохранности. По словам Доу, на этом месте, по всей видимости, некогда существовал великолепный храм, описанный в I столетии до н. э. Диодором Сицилийским (см. главу вторую), хотя никаких видимых признаков подобного сооружения на этой площадке не осталось. В пределах этой территории, окруженной по периметру прочными оборонительными стенами размером около 15x18 м, сохранилась цистерна величиной около 6,7x8,0 м и глубиной по меньшей мере 1,5 м. Эта твердыня занимает важную стратегическую позицию на северной прибрежной равнине по ту сторону от нынешнего города Хадибо, и все исследователи прошлого (Бент, Шинни и Доу) согласны во мнении, что она была построена после того, как остров был занят махрийцами (Дое, 1970: 41–42; также 1992: 62–63; Shinnie, 1960: 103–104).

В долине Фераги на южных склонах хребта Хагъхер находятся остатки еще одного форта, открытого Бентом в 1897 г. Рядом с ним, по-видимому, развалины деревни. Шинни описывает этот форт, стоящий в самой узкой части долины, как треугольный в плане при взгляде сверху (см. главу вторую). В нем были прямоугольные башни по двум углам, остатки небольших комнат были найдены на внутренней части одной из стен, а в одном углу двора был колодец. Шинни считал вероятным, что форт был построен махрийцами в целях управления сокотрийскими бедуинами. Похоже, это было тогда, когда они восстановили свою власть на острове после отбытия португальцев в XVI в. (Shinnie, 1960: 107). Крепость фактически держала под контролем главную дорогу, ведущую с юга на север острова, и так как форт стоял в самом центре первоначальной территории, он, должно быть, представлял собой идеальную базу, с которой махрийцы могли продвигаться дальше на остров или устраивать карательные походы против коренного населения.

Там, где ныне стоит Сук, и Шинни, и Доу исследовали остатки большого здания, которое, по их заключению, было церковью. Известно, что в день своей успешной высадки на остров португальцы справили мессу в мечети, находившейся поблизости от занятого ими форта. Мечеть была, как уже говорилось во второй главе, превращена в церковь и названа Церковью Богоматери Победы, и, предположительно, именно руины этой церкви были раскопаны Шинни и Доу соответственно в 1956 и 1967 гг., хотя планировка описываемых ими зданий не согласуется ни по размерам, ни по ориентации со стенами (ср.: Shinnie, 1960: рис. 3; Дое, 1970:

рис. 26; Дое, 1992: 87–90).

По сведениям Доу, размеры сооружения были приблизительно 12,2х 15,2 м, своей длинной стороной оно было ориентировано с северо-запада на юго-восток. Большая часть гипсового пола, на котором стоят основания девяти колонн, образующих три ряда, и секция северо-восточной стены сооружения толщиной около 0,8 м остаются в хорошей степени сохранности. Возможно, на восточной стороне была и четвертая серия из трех колонн, ныне разрушенных, что позволяет предположить, что крыша сооружения зиждилась на 12 колоннах. Основания колонн имеют поперечные сечения различной формы – квадратные, в виде восьмиконечной звезды, восьмиугольные и крестовидные. Несмотря на то, что никакие фрагменты колонн, видимо, не сохранились, Доу полагал, что они, вероятно, были из дерева. Однако среди развалин церкви в 1987 г. мы нашли кольцевидные, около 40 см в диаметре, каменные капители составных колонн.

Вплотную к приблизительной средней точке северной стены сооружения находилась довольно низкая платформа с гипсовым покрытием, которую Доу описывал как «стол» или «скамейку». Эта платформа величиной 0,9х 1,9 м могла служить алтарем. В той же стене имелся проем около 1,5 м шириной и с каменным порогом, ведущим к открытой платформе размерами 2,9х4,6 м и с загипсованной поверхностью. Северо-западнее и юго-восточнее этого входа были две симметричные конструкции, похожие на скамейки, около 30 см высотой, наподобие тех, как замечает Доу, какие часто встречаются возле современных домов в Хадибо (известно, что они бытуют и на материке, как в древних, так и в современных деревнях вади Хадрамаута, таких как городище Райбун и деревня Мешхед). Доу предположил, что на этой открытой платформе могла бы находиться отдельно стоявшая колокольня (1970: 46). Был раскопан другой, низший уровень пола, и остатки двух трехчетвертных пилястр, обнаруженных на середине северо-западной стены, оказались соединены на этом уровне. Когда здание было мечетью, они могли служить частью структуры михраба, а позднее были превращены в проход (?) или вход (Дое, 1970: 45–46).

Археологические данные, по всей видимости, подтверждают дату превращения мечети в христианскую церковь, упомянутую в португальских хрониках. Несомненно, существуют два периода, связанные с этой постройкой, один из них «исламский», когда существовал михраб у северо-западной стены, и другой, «христианский» – стадия, характеризовавшаяся значительной реконструкцией, поднятием уровня пола, разрушением (или превращением в другой вход) михраба и устройством «алтаря» у северо-западной стены.

После ухода португальцев, по-видимому, не было обратной конверсии сооружения и, безусловно, нет никаких археологических данных, дающих возможность предположить дальнейшие изменения. Доу цитирует отзыв капитана Боутона с торгового судна «Перечное зерно», который в 1615 г. видел старую церковь, направляясь в Хадибо, и, вступив в нее, нашел в ней «алтарь с изваяниями и крест на нем» (Дое, 1992: 88).

Шинни отмечает, что более ранние раскопки вокруг места, где стояла церковь, дали некоторое количество керамических фрагментов, в основном местных сокотрийских гончарных сосудов, хотя были также фрагменты привозных гончарных изделий, включая исламские глазурованные керамические сосуды и китайский селадон (вид фарфора). Все поддававшиеся датировке керамические изделия относились к XVI–XVII вв. (Shinnie, 1960: 105).

Существуют остатки того, что могло быть еще одной христианской церковью или часовней в вади Калисан, в восточной Сокотре, вероятно, построенной и служившей гораздо раньше, чем церковь в Суке. Доу связывал название Калисан с греческим словом «эκκλησία» и задавался вопросом, нет ли здесь связи с миссионерской деятельностью св. Фомы, который, как традиционно считается, основал церковь на острове в IV в. н. э. (Дое, 1970: 91; также 1992:

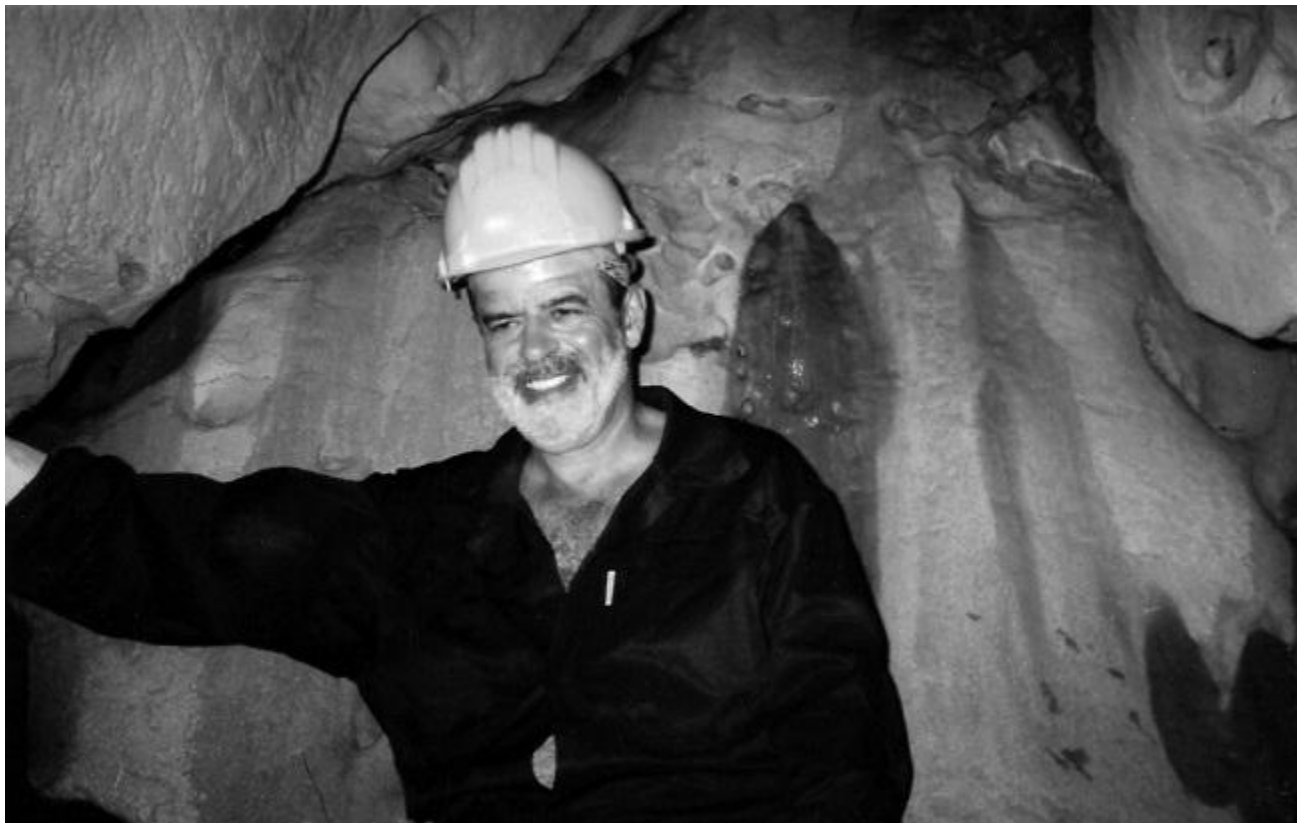
104–105). В вади Калисан, который благодаря источнику располагает обильным запасом воды, сохранились развалины небольшого древнего поселения; однако трудно оценить их возраст. Руины небольшой церкви, обнаруженные и описанные Наумкиным и Шинкаренко в 1984 г., построены из уложенного неровными рядами камня и явно ориентированы по четырем сторонам света. Эллипсоидное сооружение имеет 5 м в ширину и 5 м в длину, с входом с запада и алтарем в восточной части.

В Дсинифирё, немного южнее Хадибо, на западном берегу вади Манифо, существует группа сооружений, которые, видимо, составляли поселение, огражденное стеной: к северо-западу от них лежит небольшой могильник с погребальными сооружениями в форме небольших прямоугольных оградок по периметру. Доу (1970: 42–43; 1992: 62) полагает, что руины одного из сооружений, возможно, – остатки древней церкви, поскольку его планировка, видимо, включавшая в себя апсидальную стену на северной стороне, аналогична планировке византийских церквей в Равенне и Риме.

В 2002 г. мы совершили ознакомительную поездку в огромную карстовую пещеру Хок длиной более 3 км, ставшую к настоящему времени знаменитой благодаря открытиям, сделанным там ранее бельгийскими спелеологами во главе с Петером Де Геестом (Peter De Geest). В 2000–2001 гг. они работали на острове в соответствии с программой карстового изучения Сокотры и первыми спустились в пещеру Хок. Они обнаружили там кальцинированные глиняные курильницы, множество петроглифов на стенах на различных языках и деревянную табличку с вырезанным на ней текстом на пальмирском языке, относящуюся к эпохе королевства Тадмур (Пальмира) III века н. э. (см. илл. 50). Французский эпиграфист Кристиан Робэн вместе с Марией Гореа (Christian Robin, Maria Gorea) перевели и опубликовали этот текст (Robin, Gorea, 2002):

לְבַיְתֵנוּ אֲנִי
 כוֹסֵי כֶסֶד שֶׁלֵּךְ
 לֵךְ כֹּהֵן לְיִשְׂרָאֵל
 אֲנִי אֲבִיבִי בְּיָד
 לְבַשְׁתֶּם אֶת צִנְעוֹתֵי
 אֲנִי לְבַשְׁתֶּם אֶת צִנְעוֹתֵי
 אֲנִי כִּי שִׁיר אֲנִי לְבַשְׁתֶּם
 אֲנִי כִּי שִׁיר אֲנִי לְבַשְׁתֶּם
 אֲנִי כִּי שִׁיר אֲנִי לְבַשְׁתֶּם
 אֲנִי כִּי שִׁיר אֲנִי לְבַשְׁתֶּם

*Илл. 50. Деревянная табличка с пальмирским текстом из пещеры Хок:
1 – фото, 2 – прорисовка текста, 3 – автор в одной из пещер*

«В месяц таммуз, 25 дня года 569, я, Абгар, сын Абшмайа' из шаммара, пришел сюда, в грот страны Ниши, где Бог, что расположил нас здесь, да пусть благословит тебя, человека, который прочитает эту табличку/дошечку (лаух), и пусть он благословил тех, которые оставят эту табличку на этом месте».

Предположительно, Абгар был моряком, торговцем, либо паломником, который посетил место, называемое Ниши, 25 июля 258 г. н. э.

Из того, что он просил оставить табличку на месте, следует, что пещера часто посещалась. Очевидно, что в пещере Хок было святилище, широко известное в регионе. Предварительное изучение граффити показало, что среди многочисленных посетителей пещеры были южно-аравийцы, индийцы (из Западной Индии), эфиопы, армяне и пальмирцы. Как пишет Де Геест, «одно совершенно ясно – в первых столетиях н. э. Хок был известен в обширном регионе среди торговцев, путешествующих между Африкой, Индией, Ближним и Дальним Востоком» (Cheung, DeVantier, 2006: 230).

Мы, вслед за бельгийскими спелеологами, обратили внимание на сталагмит высотой в человеческий рост, на нем находилась керамическая курильница с остатками благовоний, края которой подверглись кристаллизации. Мы предположили, что это место в древности служило алтарем (илл. 51). Именно сюда поклониться божеству и совершил паломничество оставивший свое имя в истории Абгар. Нами были осмотрены расположенные неподалеку граффити на брахми и южноаравийском эпиграфическом языках (илл. 52), а также многочисленные рисунки, среди которых выделяется рисунок корабля. Эти объекты были сняты французской телевизионной группой в сопровождении Робэна.

Илл. 51. Алтарь на сталагмите

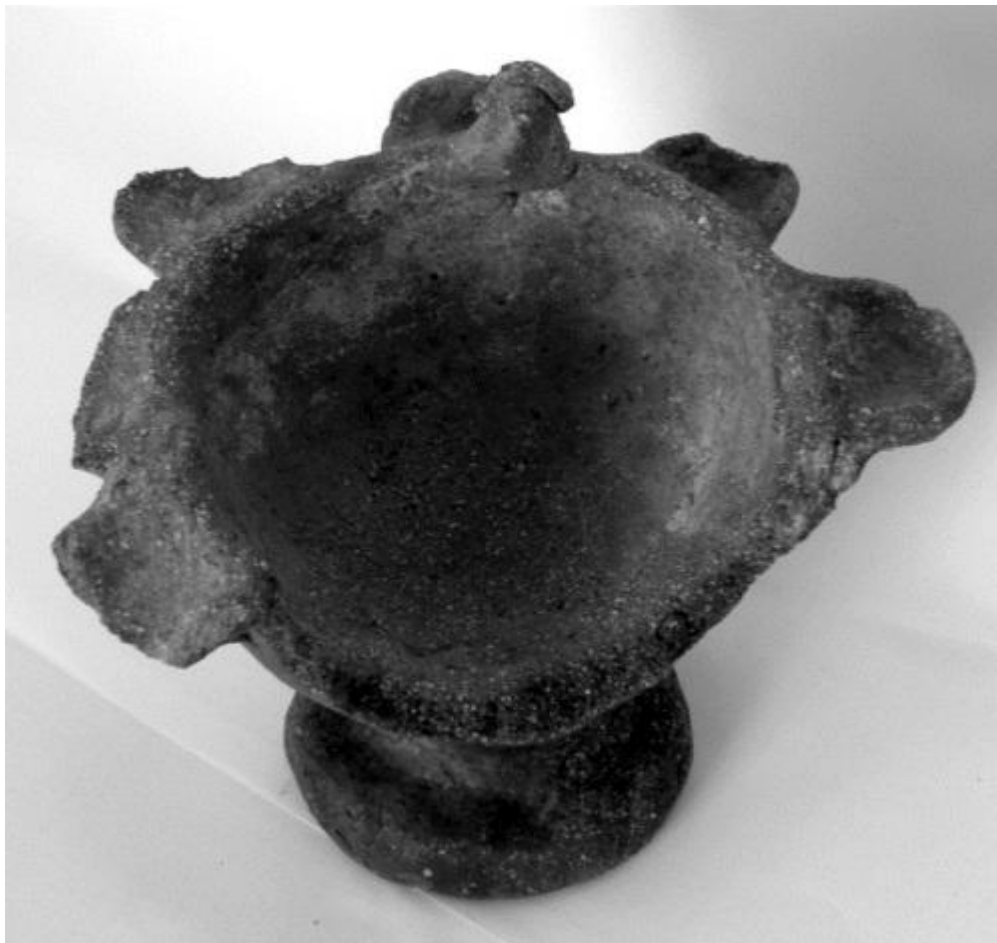

Илл. 52. Граффити на эпиграфическом южноаравийском языке

Илл. 53. Сталагмиту на котором находился алтарь

Илл. 54. Древняя курительница

При дальнейшем продвижении по пещере мы обратили внимание еще на два аналогичных сталагмита, на которые также были водружены курительницы и которые, следовательно, могли выполнять ту же роль алтаря, что и первый (илл. 53). Кроме того, при осмотре пещеры на расстоянии примерно 250 м от входа мы нашли у стен брошенную курительницу (илл. 54) и фрагменты керамики, которые были взяты нами для исследования. Найденная курительница, по нашему предположению, стояла на втором сталагмите и была снята с него кем-то из современных посетителей пещеры.

Ясно, что пещера в древности служила святилищем, в котором совершались моления и другие обряды как древними насельниками острова, так и торговцами, мореплавателями и паломниками. Обращает на себя внимание сходство древних курительниц с современными, которые до сих пор изготавливают островитяне (илл. 27 на цв. вкладке).

Итоги археологических работ в вадии Хажря 2006, 2008–2010 гг

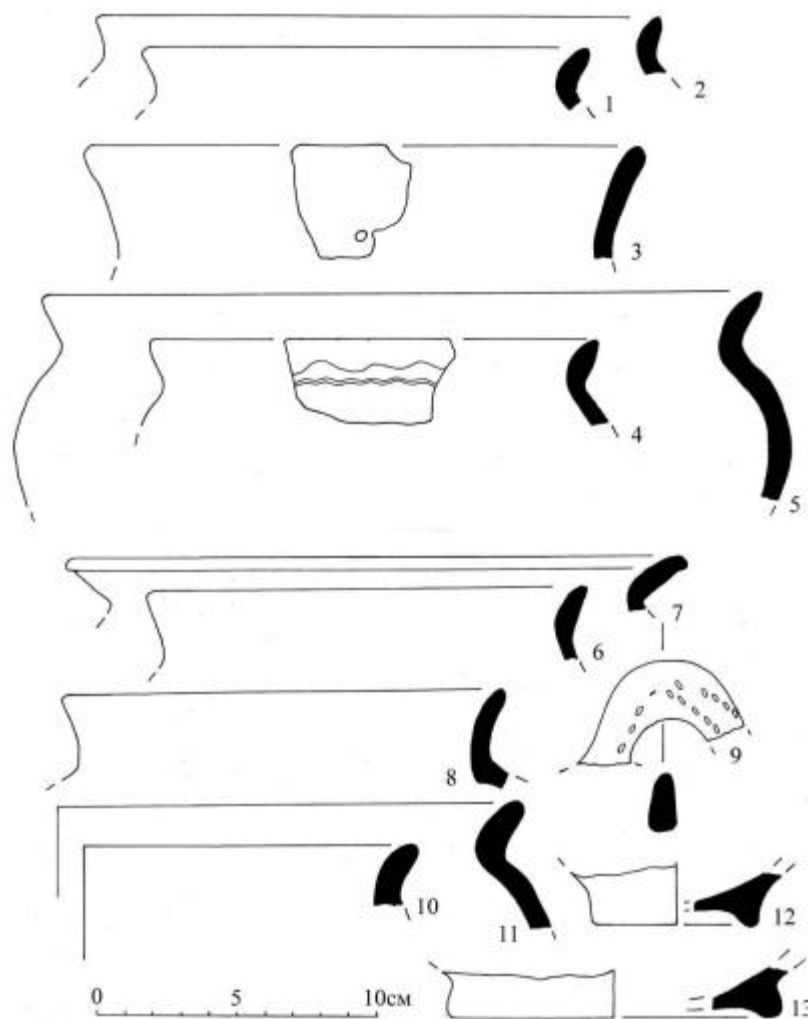
В указанные годы группа археологов по главе с Ю.А. Виноградовым исследовала ряд открытых археологических памятников, а именно, расположенные небольшими скоплениями поселения и могилы. Полученные результаты излагаются ниже по четырем группам памятников.

Хажря-1. Данное небольшое поселение (35x20 м) расположено приблизительно в 1 км к югу от современной деревни Сук, на восточном берегу вадии. Вся поверхность памятника покрыта сплошным слоем ракушек. Небольшой раскоп (4x2,50 м) был заложен в восточной

части поселения, рядом с современным загоном для коз. Около этого загона на поверхность выступала стена какой-то более ранней постройки. В результате проведенных исследований было выяснено, что культурный слой около стены составляет 0,20 м в толщину, в других частях раскопа он достигает лишь 0,10 м. Этот слой состоит из желтого или сероватого суглинка, насыщенного золой и содержащего фрагменты керамики, морские раковины, мелкие обломки костей животных и пр. Вполне очевидно при этом, что упомянутая выше стена перекрывает этот слой, т. е. является относительно поздней.

При зачистке поверхности материка по всей площади раскопа были выявлены небольшие ямки, многие из которых явно остались от корней деревьев. Среди них, однако, в восточной части раскопа привлекает внимание череда восьми ямок, расположенных в одну линию (СЗ – ЮВ). Длина этой линии – 1,80 м; диаметр ямок – 0,10– 0,15 м, их глубина от поверхности материка – 0,10–0,15 м, расстояние между ними – 0,15–0,20 м. Вполне возможно, что все они были оставлены конструкциями на небольших столбах, вкопанных в землю и предназначенных для крепления палатки или навеса.

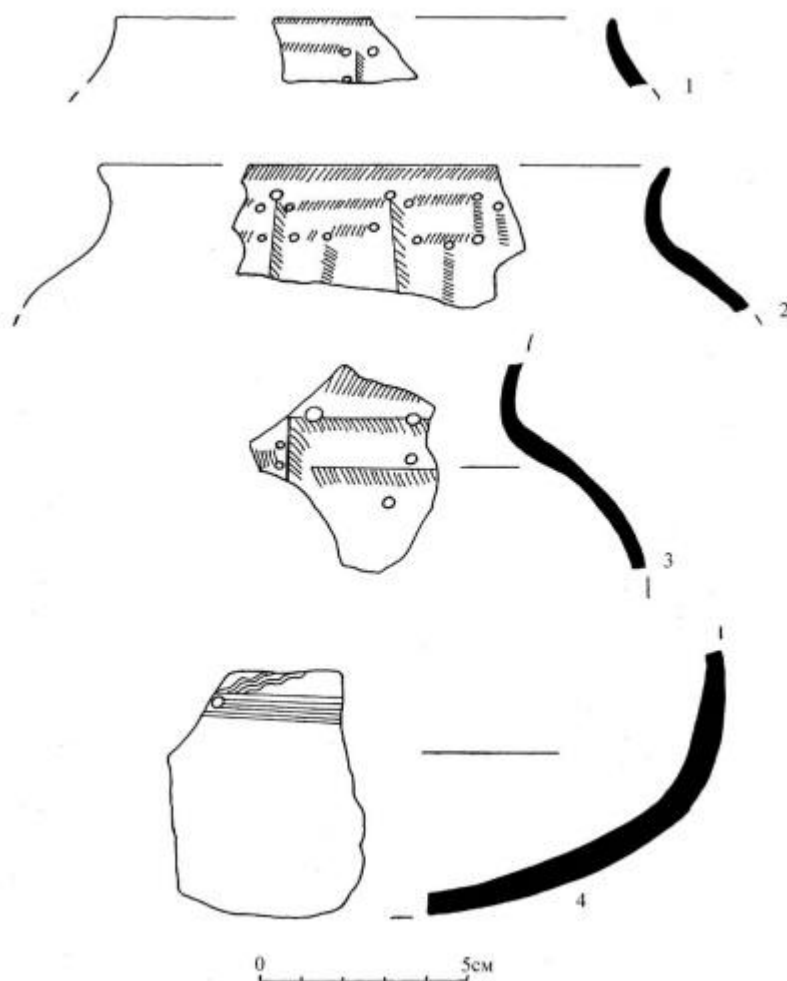
Находки из культурного слоя, однако, не дают оснований для предположения об особой древности этого сооружения. Кроме большого количества раковин, здесь обнаружены фрагменты красноглиняных сосудов с выделенным горлом и отогнутым наружу венцом, поверхность которых слегка подлощена (илл. 56, 1–13) . Вся керамика имеет неплохую выделку, хотя изготовлена без использования гончарного крута. Основной тип – круглодонный сосуд, однако среди находок представлены и фрагменты доньев в виде кольцевых подставок (илл. 56, 12–13), что в сокотрийской посуде встречается крайне редко. На одном фрагменте имеется сверлина (илл. 56, 3), что позволяет считать, что сосуд был разбит и затем отремонтирован. Любопытно, что орнаментированная керамика среди находок с Хажри-1 очень редка и представлена, в основном, прочерченными по сырой глине волнистыми линиями (илл. 56, 4). Вообще же, сокотрийская посуда довольно часто имеет весьма пышную орнаментацию, состоящую из наколов, насечек и прочерченных линий (см.: Naumkin, Sedov, 1993: 595 fig. 13; 1995: 219, fig. 13). В этом отношении немало внимания заслуживает обломок подковообразной ручки, украшенной неглубокими наколами (илл. 56, 9).

Илл. 56. Хажря-1. Находки керамики (1–13)

Среди находок, обнаруженных во время раскопок, представлены также небольшие фрагменты фарфоровых и стеклянных сосудов. Данное обстоятельство позволяет считать, что Хажря-1 относится к весьма позднему, возможно, даже Новому времени.

Хажря-2. Южнее поселения Хажря-1 были открыты *две могилы*, обозначенные нами как Хажря-2. Обе они оказались ограбленными. Их устройство вполне типично для Сокотры (см.: Naumkin, Sedov, 1993: 585 ff.; 1995: 210 ff.): тела усопших помещали в довольно глубокие грунтовые ямы, стенки которых были обложены необработанными камнями, а перекрытие состояло из крупных каменных плит. В обеих могилах были найдены лишь разрозненные человеческие кости и фрагменты керамических сосудов (илл. 57, 1–4). В типологическом отношении керамика, происходящая из погребальных комплексов, не отличается от поселенческой, однако она имеет более пышную, можно сказать, изощренную орнаментацию.

Илл. 57. Хажря-2. Керамические находки из могил (1–4)

Сосуды украшались наколами и прочерченными по сырой глине вертикальными и горизонтальными линиями. Очень характерным элементом орнамента являются ряды «насечек», т. е. коротких отрезков, прочерченных под венцом и по тулову сосудов острым предметом. Еще одно отличие этой посуды от поселенческой – плохое качество изготовления: у нее ломкий черепок. По этой причине есть основание считать, что часть керамики на Сокотре изготавливалась специально для использования в погребальном ритуале.

Хажря-3. Это поселение (50x50 м) расположено недалеко от Хажри-1, на западном берегу вади. Для исследований на нем было выбрано небольшое всхолмление (15x10 м), представляющее собой руины какой-то постройки, которая была сооружена из крупных гранитных камней.

Длинной осью эта постройка была ориентирована по линии восток – запад. Можно с уверенностью судить, что она состояла из первоначальной (центральной) конструкции и серии пристроенных к ней впоследствии помещений. Общая площадь, вскрытая на памятнике, – около 40 кв. м, при этом были исследованы лишь два пристроенных помещения.

Стратиграфия напластований на памятнике весьма проста. Сверху залегает ракушечный слой, на вершине всхолмления имеющий всего 5 см в толщину, а у основания достигающий 0,30 м. Под ним находится желтоглинистый слой с большим количеством завальных камней (слой разрушения); его мощность достигает 0,45 м. Самый нижний, насыщенный золой, сероватый, глинистый слой можно назвать слоем обитания; его толщина – 0,10 м. Общая мощность напластований составляет около 0,60 м.

Как уже отмечалось, на памятнике были раскопаны два помещения. *Помещение /* (2,50 x 1,50 м) имеет овальную форму (илл. 58). Оно примыкает к стене основной (центральной) конструкции с юга. Эта стена прямая, она сложена довольно аккуратно из грубо отесанных камней. Ее длина – 2,30 м, ширина – 0,30–0,50 м, сохранившаяся высота – 0,50 м. Все остальные стены помещения имеют криволинейные очертания; их высота достигает 0,65–0,70 м, ширина – 0,40–0,45 м. Они сложены из крупных, необработанных камней гранита (0,45x0,65x0,70 м и 0,45x0,70x0,50 м), снизу укреплены камнями небольших размеров.

Помещение имело глинобитный пол, представляющий поверхность красноватого материкового суглинка с выступающими из него небольшими камнями. Остатков интерьера не зафиксировано, за исключением небольшого сооружения типа лежанки или скамьи около северной стены. Это сооружение сложено из небольших камней в один ряд; его длина – 1,35 м, ширина – 0,25 м, высота от пола – 0,20 м.

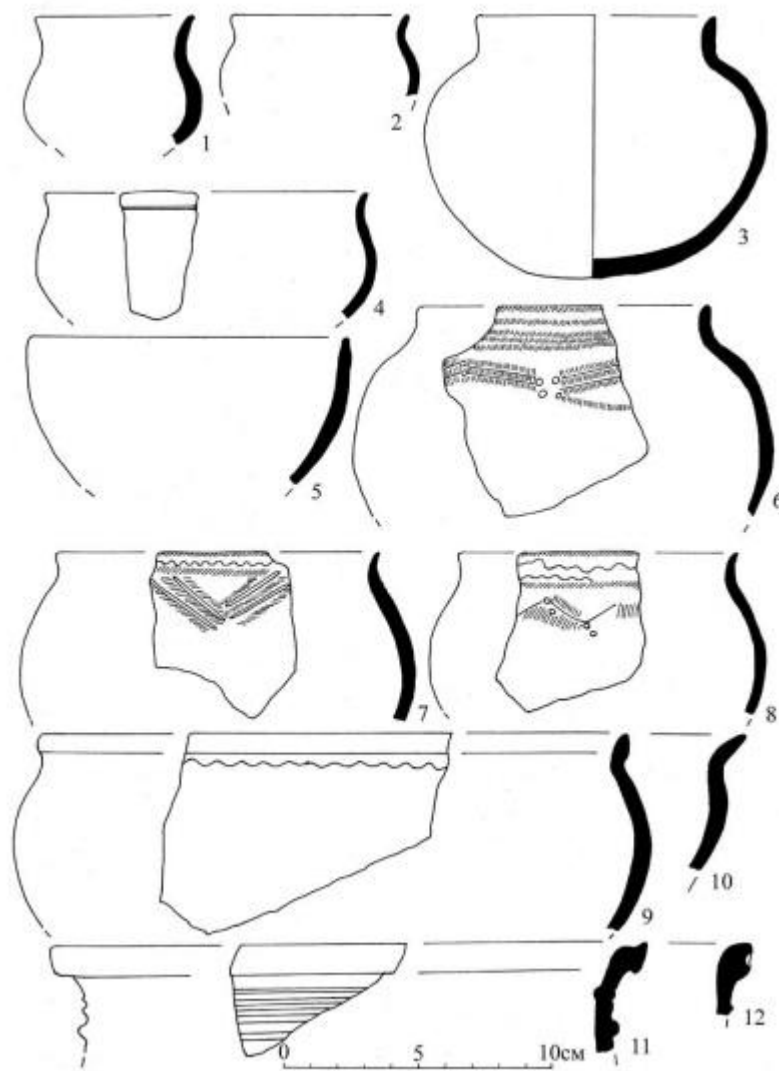
Помещение // (2,75x2 м) пристроено к основной конструкции с запада (илл. 59). С ним оно было соединено посредством дверного проема шириной 0,80 м. Проем находится приблизительно посередине западной стены центральной постройки, которая, как и описанная выше южная стена, построена по прямой линии из больших камней гранита. Один из них, оформляющий дверной проем с юга, – весьма крупного размера: 0,64x0,20x0,77 м. Остальные стены сложены небрежно и неровно; их сохранность в высоту составляет от 0,15 до 0,45 м, толщина – 0,25–0,30 м. Все они состоят из камней, уложенных в один ряд. В южной части помещения использованы довольно крупные камни (0,45x0,25x0,33 м и 0,45x0,27x0,44 м), в северной, напротив, преобладают некрупные (0,27x0,26x0,13 м; 0,28x0,25x0,14 м). Пол помещения глинобитный. Никаких остатков интерьера не открыто, лишь в юго-восточном углу зафиксировано зольное пятно диаметром 0,40 м. Возможно, здесь находился очаг.

Илл. 58. Хажря-3. Помещение I, вид с запада

Илл. 59. Хажря-3. Помещение II, вид с северо-востока

Илл. 60. Хажря-3. Керамические находки (1–12)

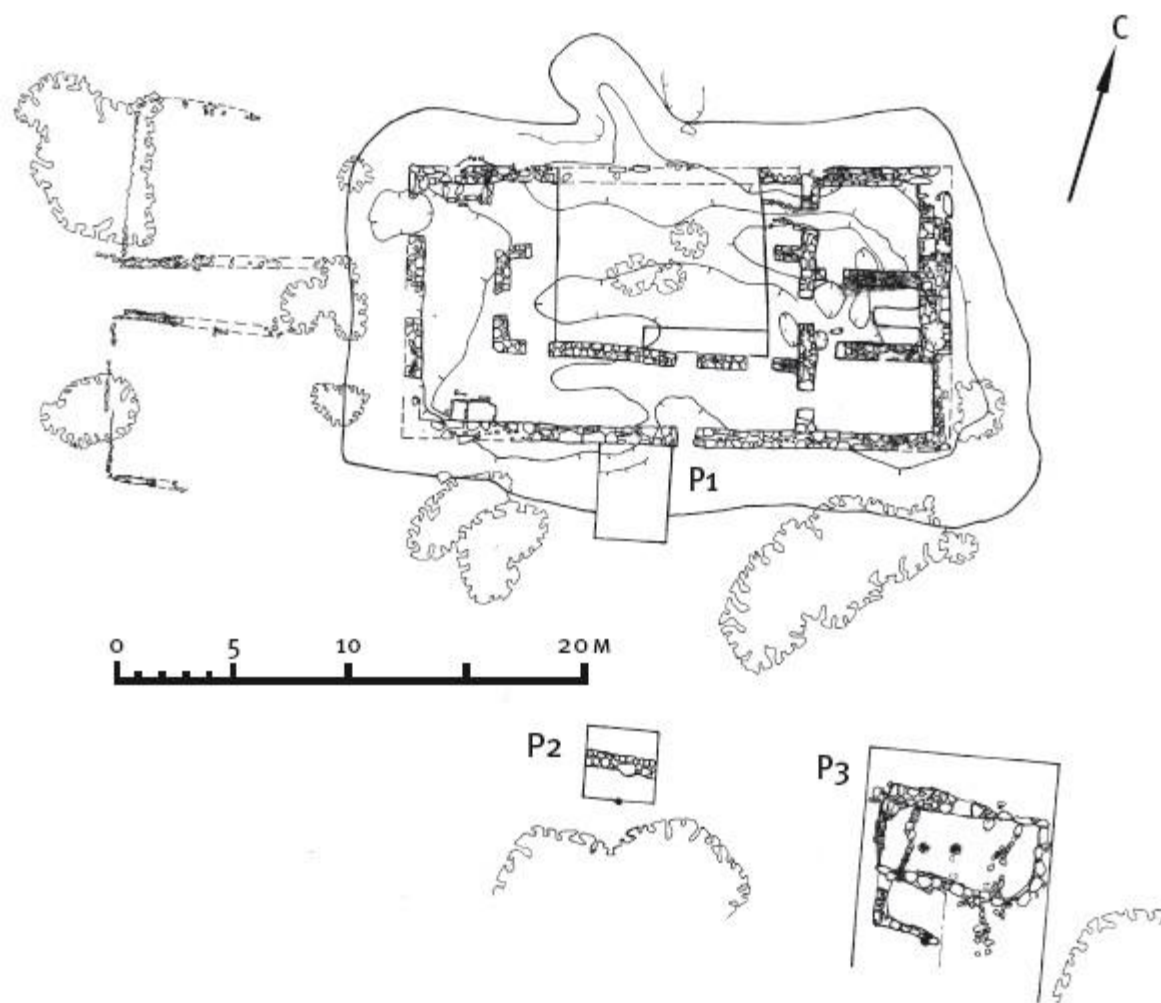
Все слои Хажри-3 дали весьма богатый археологический материал. В основном он состоит из фрагментов керамических сосудов местного производства, доминируют круглодонные сосуды с отогнутым наружу венцом (илл. 60, 1–4, 6–10), но представлены и миски (илл. 60, 5). Круглодонные сосуды имеют различные, но чаще небольшие размеры. Вся керамика изготовлена без использования гончарного круга, на поверхности (чаще – внутренней) порой имеются своеобразные «расчесы». Некоторые сосуды были украшены наколами, прямыми и волнистыми линиями, прочерченными по сырой глине. Для сокотрийской посуды, как уже говорилось, очень характерны фризы из наклонных или горизонтальных отрезков, прочерченных опять же по сырой глине (так называемая «насечка»), что представлено на керамике, происходящей с Хажри-3 (илл. 60, 6–8). Привозная посуда очень немногочисленна; в ее составе представлены обломки красно-глиняных сосудов со сложной профилировкой венца (рис. 60, 11–12), найдены также фрагменты поливной посуды и китайского бело-голубого фарфора. В районе Персидского залива подобные иноземные изделия появляются в начале XIV в. (Hansman, 1985: 29). Для датировки поселения важное значение имеют также находки двух фрагментов стеклянных браслетов. Известно, что стеклянные браслеты производились в окрестностях Адена вплоть до XVI в. (Monod, 1978; Whitcomb, 1988: 201–202), а самые ранние из них в районе Персидского залива относятся к второй половине

XIV в. (Hansman, 1985: 80). По всей видимости, Хажря-3 существовала в обозначенных хронологических пределах.

Хажря-4. Как отмечалось выше, этот важный памятник был открыт и обследован участниками нашей экспедиции в 1985 г. (Naum-kin, Sedov, 1993: 600–605; 1995: 224–229). Сразу же было установлено, что он представляет собой целую серию археологических объектов, расположенных на площади 1,36 га: остатки зданий, некрополь, обводная стена, окружающая как поселение, так и некрополь. На всей площади был произведен сбор подъемного материала, а на некрополе Седов и Наумкин провели раскопки нескольких могил. Основная часть собранных керамических материалов, как посчитали авторы исследований, относится к X–XIII вв., но среди них имеются и фрагменты сосудов, которые можно датировать I–IV вв. (Naumkin, Sedov, 1993: 605; 1995: 229) или II–IV вв. (Наумкин, 1989: 160).

В 2008–2010 гг. на Хажре-4 были предприняты более систематические исследования. Раскопки охватили три участка (илл. 61): самое крупное здание поселения (Р 1), участок обводной стены (Р 2) и объект, расположенный к юго-востоку от главного здания (Р 3).

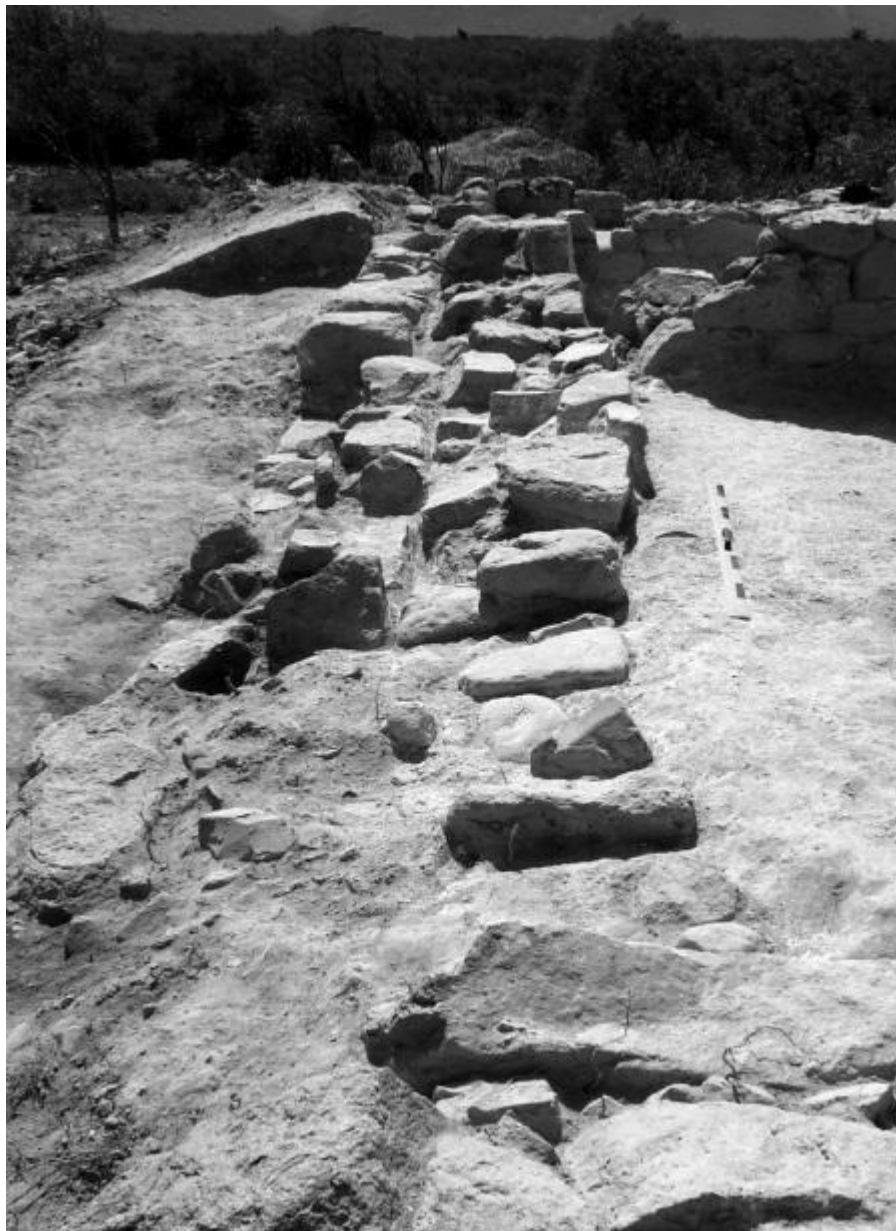
Несколько нарушая последовательность изложения, прежде всего обратимся к результатам исследования *обводной стены поселения* (раскоп 2). Ее следы на поверхности памятника выступают в виде полосы шириной до 2,50 м, возвышающейся приблизительно на 0,30 м. Эта полоса прослеживается в северной, восточной и южной частях поселения. С запада, где находятся обрывы вади, трасса стены не фиксируется. Раскопки были произведены на южном участке стены (3х3 м). В результате было открыто каменное основание стены, ориентированной по линии В – 3; верхний уровень ее кладки фиксируется на глубине 0,20 м от современной поверхности. Выявленная длина стены составляет 3 м, ширина – 0,70–0,80 м, сохранившаяся высота – 0,25 м.

Илл. 61. Хажря-4. План площади исследований

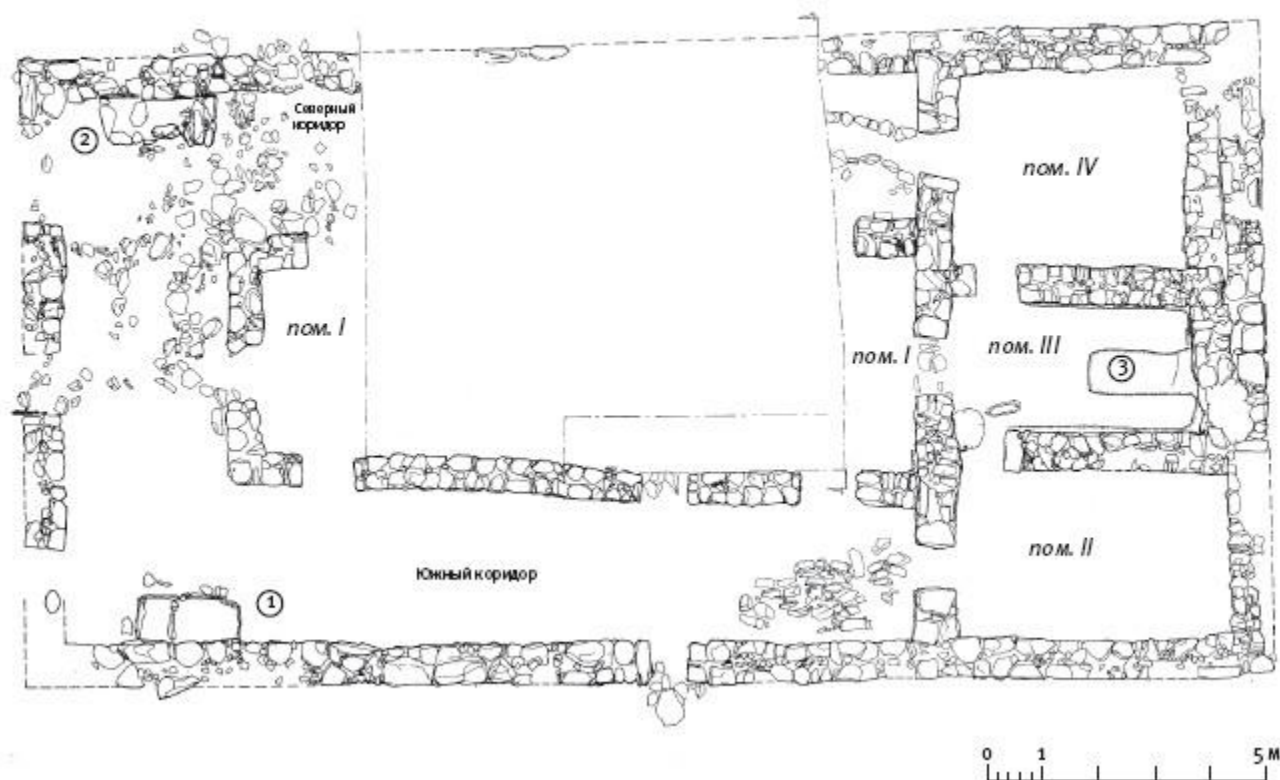
Кладка постелистая, иррегулярная, двухслойная, двухлицевая. Она состоит из необработанных камней, уложенных на глинистом растворе; размеры камней: 0,25x0,21x0,16; 0,28x0,25x0,15; 0,32x0,17x0,19; 0,80x0,41x0,25 м. В одном метре к югу от стены был обнаружен камень, стоящий вертикально на ребре (ширина – 0,30 м, высота – 0,40 м). Есть веские основания считать его стелой, установленной здесь специально. В пользу такого предположения свидетельствуют данные, полученные во время исследований на участке 3 (см. ниже). Находки на раскопе 2 были представлены немногочисленными, маловыразительными керамическими фрагментами.

На раскопе 1 были проведены исследования самого крупного и, очевидно, главного здания Хажри-4 (илл. 62). Это здание размерами 24 x 12 м длинной осью ориентировано по линии В – 3. Стены сложены из необработанных камней на глинистом растворе, их ширина составляет 0,60–0,70 м, сохранившаяся высота достигает 1,50 м. Своими монументальными размерами выделяется восточная стена здания: она двойная, и ее ширина составляет около 1,40 м (илл. 62). Внутренняя часть этой стены вполне обычна для конструкции здания, тогда как внешняя (толщина – 0,65 м) сложена из крупных каменных блоков (0,48x0,44x0,30; 0,48x0,38x0,28; 0,62x0,55x0,30 м).

Илл. 62. Хажря-4. Р1, восточная стена здания, вид с севера

Несмотря на то, что здание раскопано не полностью, его планировка в основных деталях теперь уже вполне понятна (илл. 63). Главный вход в него вел с запада; на поверхности земли хорошо различима дорожка длиной 10 м и шириной около 2 м, с обеих сторон обложенная стенками из некрупных камней (ширина кладок – около 0,50 м). За входом располагался внутренний двор; далее следовали три помещения, вытянутые по оси 3 – В, центральное из них во время раскопок было названо помещением I, а боковые – северным и южным коридорами; в восточной части здания расположены три помещения – II, III и IV. Следует сразу обратить внимание, что помимо своей монументальности данное здание выделяется тем, что его стены с внутренней стороны были покрыты белой известковой штукатуркой, толщина которой составляет 2,5 см. Во время раскопок фрагменты штукатурки встречались повсеместно, иногда образуя целые завалы (особенно в помещениях II–IV).

Илл. 63. Хажря-4. P1, план: 1 – южный каменный ящик, 2 – северный каменный ящик, 3 – алтарь

Перейдем к описанию этих объектов в обозначенном порядке.

Главный вход в здание, как уже говорилось, вел с запада. Несмотря на плохую сохранность западной стены, можно считать, что в ней был не один дверной проем, а три. Северный находился около северо-западного угла; в ширину равный 1,90 м, проем по бокам был обложен крупными гранитными глыбами (0,84x0,25x0,77 м; 0,52x0,33x0,30 м). Центральный дверной проем сохранился плохо, но можно предполагать, что его ширина достигала 1 м. Южный проход шириной около 0,80 м находился около юго-западного угла.

Еще один вход в здание вел с юга. Дверной проем, расположенный приблизительно посередине южной стены, в ширину составляет 0,75 м. Следует отметить, что он находится напротив центрального прохода, ведущего из южного коридора в помещение I (см. ниже). Учитывая характерную для здания симметричность планировки, возможно, что подобный вход существовал и с северной стороны.

Илл. 64. Хажря-4. Р1, южный каменный ящик, вид с востока

За западной стеной здания расположен внутренний двор, имеющий размеры 10х3 м. На нем около северной и южной стен здания симметрично по отношению друг к другу расположены конструкции, условно названные нами каменными ящиками.

Из них раскопан один, южный (илл. 64). Он был сделан из плит, поставленных на ребро.

Естественно, что длинной осью конструкция ориентирована в широтном направлении; ее размеры – 1,75х0,67-0,85 м, глубина – 0,60 м. Северный борт обложен тремя плитами (0,70х0,10х0,58 м; 0,62х0,04х0,56 м; 0,39х0,06х0,56 м), восточный – двумя плитами (0,41х0,03х0,58 м; 0,26х0,03х0,57 м), обкладка западного борта состояла из одной плиты (0,75х0,06х0,60 м). Есть веские основания предполагать, что сверху конструкция перекрывалась горизонтально положенными каменными плитами, во всяком случае, на верхнем уровне вертикально поставленных плит в западной части ящика сохранились три плоских камня (0,36х0,17; 0,37х0,21; 0,35х0,18 м). Кроме того, в этой же западной части поперек конструкции была поставлена еще одна необработанная каменная плитка (0,52х0,06х0,11 м), вероятно, сохранившаяся здесь *in situ*. Следует отметить также, что напротив западной части ящика, в 15–20 см к северу от вертикально поставленной плиты, в грунт была вкопана небольшая плитка 0,25х0,07 м, высотой 0,12 м.

О заполнении ящика следует сказать особо. Поверх горизонтальных плит шел слой очень плотного грунта, сильно насыщенного известью; его толщина – 0,15 м. Ниже плит заполнение

состояло из плотного желтоватого суглинка с многочисленными вкраплениями извести. В этом грунте были найдены всего два керамических фрагмента и небольшой обломок тонкостенного бронзового сосудика (ср. илл. 75, 1–5). Логично было бы предположить, что ящик использовался для захоронения, но ни малейших остатков костей здесь не обнаружено. Смущает, правда, большое количество извести в заполнении, которая могла уничтожить всю органику.

Северный каменный ящик (илл. 65) расположен около северной стены здания; любопытно при этом, что на внутреннем фасаде стены здесь сохранился слой известковой штукатурки толщиной 8 см. По устройству этот ящик вполне идентичен южному, но, в отличие от него, – сложен не из плит, а из крупных необработанных камней, уложенных в один ряд. Общие размеры ящика: 2–2,10 x 0,70–0,90 м, высота конструкции от поверхности двора – 0,15 м, ширина стенок – 0,30 м. В западной половине на поверхности поперек сооружения поставлен необработанный камень (0,46x0,25x0,15 м). С юга на расстоянии 5 см от ящика параллельно с его южной стеной (практически напротив «поперечного» камня) зафиксированы два небольших камня, поставленные на ребро. Общие размеры этого сооружения – 0,46x0,10 м, высота – 0,16 м. Заполнение ящика не было исследовано, однако вполне очевидно, что оно состояло из плотного желтоватого суглинка с многочисленными вкраплениями извести.

Илл. 65. Хажря-4. P1, северный каменный ящик, вид с востока

С площади описанного двора вдоль южной и северной стен шли длинные коридоры, а

между ними находилось помещение I.

Очевидно, что в структуре здания это помещение играло важную роль. К настоящему времени раскопаны лишь небольшие части его площади с восточной и западной сторон. Достоверно установлено, что ширина помещения I составляла 3,40 м в западной части и 3,90 в восточной, а длина достигала 12 м. Пол помещения был глинобитным.

Со стороны двора сюда вел вход шириной 1 м. С южным коридором (о нем см. ниже) помещение было связано тремя проходами: западный был расположен в 1,60 м к востоку от юго-западного угла и имел ширину 0,95 м; следующий – находился в 5,20 м к востоку от него (ширина – 0,90 м), восточный проход – всего в 2,10 м к востоку от центрального, его ширина 1 м. С площади северного коридора (о нем см. ниже) в помещение, скорее всего, вели тоже три входа, расположенные симметрично с входами в южный коридор. Из них почти полностью раскрыты всего два, западный и восточный, которые, как представляется, были той же ширины, что и симметричные им входы в южный коридор. Помещение I сообщалось также с более восточным помещением III, которое, как будет сказано ниже, в структуре комплекса имело принципиально важное значение; ширина прохода, соединяющего эти два помещения, – 1,05 м.

При исследовании помещения I был обнаружен довольно обильный археологический материал, состоящий, в основном, из обломков керамической посуды местного производства. На полу в восточной части находился крупный фрагмент круглодонного сосуда, украшенного наколами и волнистыми линиями, прочерченными по сырой глине (илл. 72, 10). Особого внимания заслуживает находка обломка тонкостенного бронзового сосуда (илл. 75, 2).

Илл. 66. Хажря-4. РI, помещение II и южный коридору вид с востока

Илл. 67. Хажря-4. P1, жернов в помещении II, вид с запада

Южный коридор (илл. 66) вытянут вдоль южной стены здания на 12,50 м, его ширина неодинакова – 2,55 м в восточной части и 2,80 м в западной. Как уже говорилось, южный коридор сообщался тремя проходами с помещением I. Кроме того, из него вел проход в помещение II (о чем см. ниже) шириной около 0,70 м.

Северный коридор был вытянут вдоль северной стены здания и, подобно южному, вероятнее всего, имел длину 12,50 м, но к настоящему времени изучить удалось лишь незначительные части его площади с западной и восточной сторон. Ширина коридора составляет 2,60 м. Помимо того что, подобно южному коридору, он, по всей видимости, сообщался тремя проходами с помещением I, он был соединен другим проходом шириной 0,70 м с помещением IV (см. ниже).

В восточной части здания расположены три сравнительно небольшие по площади помещения: II, III и IV. Вполне очевидно, что для выяснения функциональной принадлежности данного комплекса они имеют самое принципиальное значение.

Помещение II (илл. 66) – 5х3 м. Вход в него из южного коридора, как уже говорилось, составлял в ширину около 0,70 м. Дверной проем был обложен очень крупными глыбами

гранита – 0,71x0,52x0,58 м; 0,65x0,49x0,53 м. В северной стене помещения, непосредственно около северо-западного угла, существовал проход шириной около 0,85 м, который вел к северу, в помещение III.

Можно уверенно судить, что за время функционирования помещения образовалось несколько уровней полов, из которых изучены только два верхних – оба глинобитные. На самом позднем (верхнем) полу около восточной стены, приблизительно возле ее середины, был обнаружен каменный жёрнов (илл. 67). При расчистке этого уровня наряду с другими материалами был обнаружен фрагмент тонкостенного бронзового сосуда (илл. 75, 1). На глубине около 0,20 м ниже верхнего пола выявлен уровень второго пола. Этот уровень четко обозначен двумя сосудами, положенными вверх дном в северо-восточном и юго-восточном углах. В обоих случаях эти сосуды представлены лишь крупными обломками (илл. 72, 6), причем сосуд из северо-восточного угла был даже без венца.

Следует обратить внимание на то, что при изучении помещения II найдено относительно много кухонной керамики. При этом ее процент среди находок возрастает по мере углубления в нижние слои: 35,9 % – в слое разрушения, 45,1 % – на уровне верхнего пола, 50,1 % – на уровне второго пола. Эти наблюдения позволяют достаточно уверенно считать, что помещение II в комплексе здания служило кухней. Конечно, не случайно здесь был обнаружен жёрнов.

Помещение III (илл. 68) – центральное в восточной части здания. Его размеры – 4,40–4,50x2,40 м; сохранившаяся высота стен – до 1,35 м. Сюда можно было попасть через три входа. С юга находится дверной проем, ведущий в помещение II; с запада помещение III связано с помещением I, третий проход ведет к северу, в помещение IV, его ширина равняется 0,75 м. Дверные проемы во всех случаях оформлены крупными камнями, часто уложенными во всю ширину стены (0,70x0,35x0,46; 0,60x0,35x0,38 м).

В слое разрушения помещения был обнаружен весьма обильный археологический материал, состоящий, в основном, из обломков керамических сосудов. Среди находок представлены также обломки железных предметов, прежде всего – железных гвоздей (см. илл. 75, 7–11), и 13 фрагментов тонкостенных бронзовых сосудов (илл. 75, 3–4). О подобных находках уже не раз упоминалось выше, и следовательно, такие сосудики были важной особенностью данного комплекса, что, несомненно, объяснялось его функциональной принадлежностью. Это были небольшие круглодонные чашечки типа пиал, диаметром приблизительно 10 см.

Илл. 68. Хажря-4. P1, помещение III (уровень позднего пола), вид с запада

Илл. 69. Хажря-4. P1, алтарь в помещении III, вид с запада

Илл. 70. Хажря-4. Р1, помещение IV, вид с запада

Илл. 71. Хажря-4. Р1, помещение IV, вид с севера

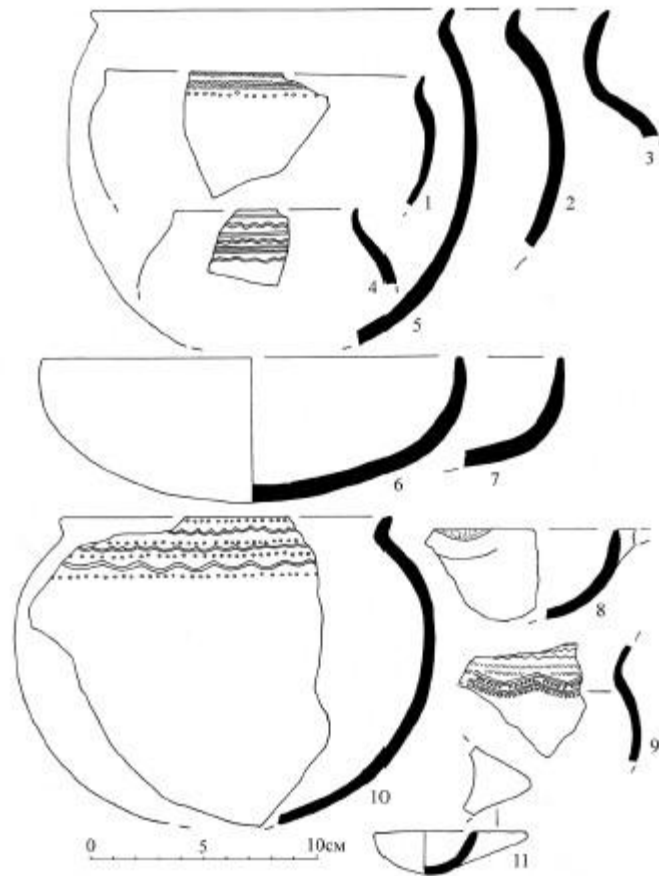
Слой заполнения помещения III подстилался грунтовым (глинобитным) полом. При его зачистке выявились два пятна: одно сероватое, а другое белое (известковое). Прокопка этих пятен привела к открытию двух ям. Одна из них – в юго-западном углу, практически в проходе между помещениями III и IV. Эта яма – цилиндрическая по форме, размерами 0,60x0,50 м, глубиной от уровня пола – 0,35 м. Заполнение состояло из рыхлого сероватого суглинка с примесью золы. При его разборке было обнаружено всего 5 керамических фрагментов от сосудов обычного сокотрийского облика. Вторая яма, выкопанная неподалеку от первой, всего в 15 см к северо-востоку, была четырехугольной формы со скругленными углами; размеры – 0,60x0,22 м, ориентация практически точно по линии В – 3 с некоторым отклонением к северу. Глубина ямы от уровня пола не превышала 0,18 м. Заполнение состояло из слоя чистой извести, для получения которой вполне очевидно здесь использовались морские кораллы. Можно отметить, что вторая яма по форме напоминает могилу ребенка, но никаких остатков костей в ней не зафиксировано.

В помещении III были изучены все уровни полов, образовавшиеся за время его функционирования; в общей сложности их оказалось четыре. На верхнем, самом позднем, были зафиксированы пятна двух описанных выше ям. Второй пол (тоже глинобитный) залегал на глубине 0,12 м от первого, их разделял слой серовато-желтого суглинка. Любопытно, что в северо-восточном и юго-восточном углах помещения на этом уровне лежали крупные фрагменты двух мисок (илл. 73, 2–3). При расчистке пола были также обнаружены: тарелочка, изготовленная из обломка нижней части круглодонного сосуда (илл. 73, 1), фрагмент сосуда, украшенного прочерченными линиями и «насечкой» (илл. 73, 4), и практически целая бронзовая чашечка (илл. 75, 5).

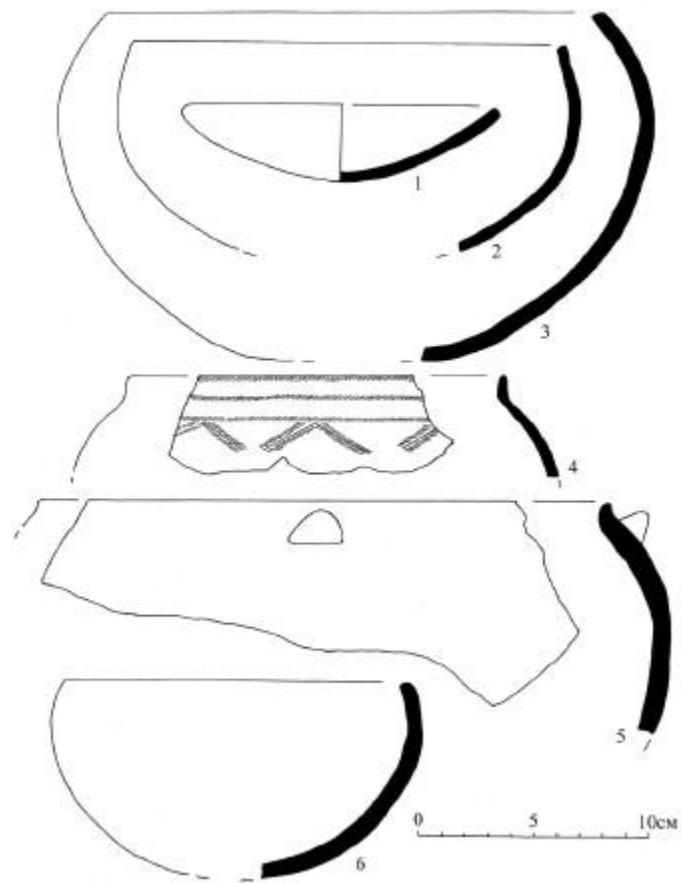
Третий пол был тоже глинобитным, он залегал на глубине 0,11 м от второго. Их также разделял слой серовато-желтого суглинка, при снятии которого в северо-восточном углу был найден круглодонный сосуд местного производства (илл. 73, б), а рядом с ним – часть сравнительно большого горшка с налепом под краем (илл. 73, 5); такая рельефная орнаментация на сокотрийской керамике встречается крайне редко. Из этого контекста происходит также грубое железное кольцо (илл. 75, б). Четвертый или самый ранний пол находился на глубине 0,12 м от третьего, таким образом, общая толщина напластований между ранним и поздним полами составляла 0,35 м. Ранний пол отличается от всех других тем, что он был покрыт известковой промазкой толщиной около 1,5 см. Вполне очевидно, что она сделана одновременно с известковой обмазкой (штукатуркой) стен, о чем свидетельствует характерная «выкружка» в местах, где пол примыкает к стенам. В серовато-желтом глинистом слое над ранним полом были найдены немногочисленные фрагменты керамических сосудов, в основном, местного производства.

На уровне раннего пола в помещении III сохранились остатки важнейшей детали интерьера. К центральной части восточной стены примыкала конструкция, представляющая возвышение четырехугольной формы со скругленными углами (илл. 69). Эта конструкция была ориентирована по линии восток – запад; ее размеры составляют 1,98x0,83 м, сохранившаяся высота от уровня раннего пола – 0,16 м. В своей основе она состояла из материкового суглинка. Однако по бокам, точнее, с трех сторон – северной, южной и западной, конструкция была покрыта известковой промазкой, сделанной одновременно с промазкой пола (восточной стороной она примыкает к стене). Остатки известковой промазки, сохранившейся на восточной стене, позволяют считать, что первоначально это сооружение достигало в высоту 0,40 м и сверху тоже было покрыто штукатуркой.

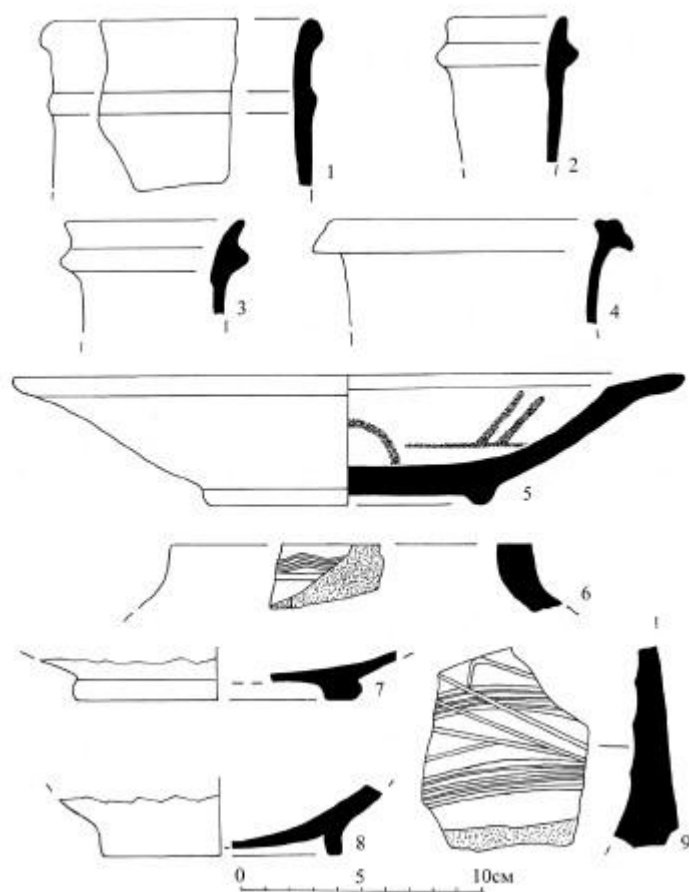
Исследования помещения III приводят к важному заключению относительно функциональной принадлежности не только данного помещения, но и всего здания в целом. Есть веские причины полагать, что конструкция, расположенная около его восточной стены, служила основанием алтаря, и соответственно, всё здание было, скорее всего, христианской церковью, вероятно, несторианской, – но подробнее об этом будет сказано чуть ниже.

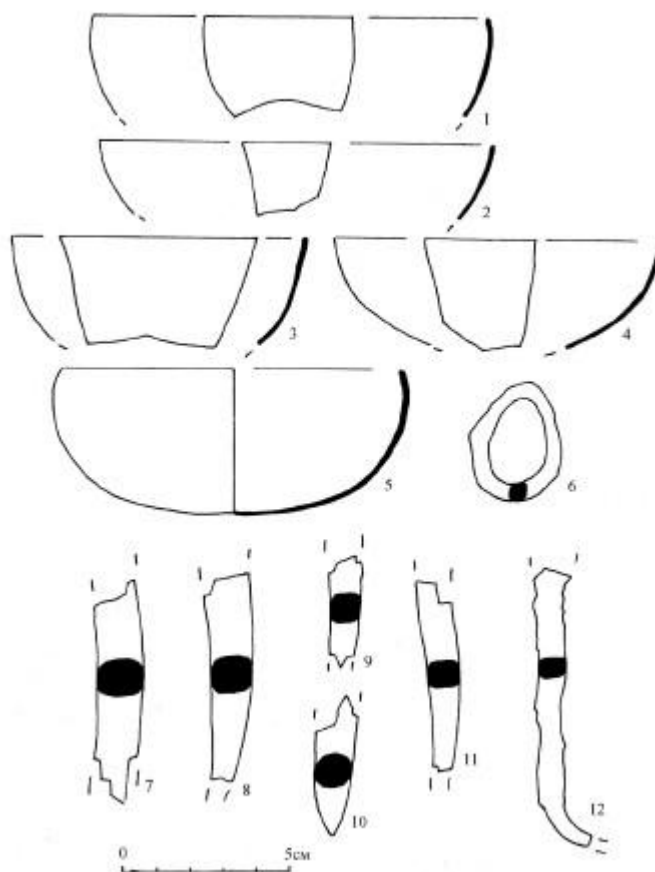
Илл. 72. Хажря-4. P1, керамические находки (1-11)

Илл. 73. Хажря-4. P1, керамические находки (1–6)

Илл. 74. Хажря-4. Р1, керамические находки (1–9)

Илл. 75. Хажря-4. Р1, металлические находки (1–5 – бронза, у 6–12 – железо)

Помещение IV (илл. 70–71) находится в северо-восточном углу предполагаемой церкви, его размеры составляют 4,20x3,50 м. Напомним, что оно было связано с помещением III через проход в южной стене, а второй проход соединял его с северным коридором. Дверные проемы опять же оформлены очень крупными, грубо околотыми камнями. В помещении IV исследования доведены до уровня позднего пола, но, судя по разрезу напластований в проходе, ведущем в помещение III, здесь существовало тоже четыре уровня полов.

При снятии слоя разрушения обнаружено множество предметов – в основном, обломки керамических сосудов. Среди этих находок выделяется археологически целый обломок крупного китайского селадонного блюда (илл. 74, 5), на внутренней сероватой поверхности которого сохранился орнамент, сделанный более темным цветом: кольцо в центре, а выше него – концентрическая линия, от которой отходят двойные лучи (ср.: Hansman, 1985: 25; Kennet, 2004: 46).

Вообще же за время раскопок здания был собран огромный археологический материал: обломки железных гвоздей и штырей (см. илл. 75, 7–11), фрагменты бронзовых сосудиков (см. илл. 75, 1–5) и прочее, но наибольшая часть находок, безусловно, приходится на керамику. Это в основном обломки изделий местного производства (илл. 72, 1–11; 73, 1–6), среди которых преобладают круглодонные сосуды с отогнутым наружу краем, миски же довольно редки. Некоторые находки имели орнаментацию обычного для Сокотры типа: наколы, прочерченные по сырой глине линии, «насечка». В наборе местной керамики представлены всего две находки, которые сейчас представляются уникальными, – это небольшие открытые сосуды с плоской ручкой, прикрепленной к краю. Маленький сосуд (илл. 72, 11) можно

назвать ложкой, а более крупный (диаметр – 12 см) – черпаком (илл. 72, 8).

Привозная посуда, о б наруженная при раскопках здания, немногочисленна, но она имеет важнейшее значение для его хронологической атрибуции. Кроме фрагментов стеклянных сосудов и китайского селадона (крупный, практически целый сосуд такого рода описан выше – см. илл. 74, 5), здесь встречаются фрагменты поливных сосудов, в основном зеленого или голубоватого цвета. Красно- и сероглиняная столовая посуда представлена обломками кувшинов (илл. 74, 1–4, 7–8). На некоторых обломках толстостенных сосудов представлен орнамент, прочерченный по сырой глине, порой весьма сложный (илл. 74, 6, 9). Особого внимания заслуживает фрагмент привозного сероглиняного сосуда со сложной профилировкой венца – по форме его можно сопоставить с так называемыми маленькими серыми сосудами, которые производились в Иране с VII–VIII по конец XI – начало XII вв. (Kennet, 2004: 94). Показательно, что во время раскопок не было обнаружено ни единого фрагмента китайского бело-голубого фарфора и ни одного обломка стеклянного браслета. Все эти наблюдения позволяют предположить, что здание на поселении Хажре-4 существовало в хронологических пределах VII/VIII–XII вв. Более точная датировка станет возможной после детального изучения всех полученных материалов.

Выше мы предположили, что исследуемое здание было христианской церковью, и для такого предположения, действительно, существуют веские основания. Прежде всего, весь облик этого строительного комплекса, его размеры, монументальность стен, отделка внутреннего пространства и другие черты заставляют считать его общественной постройкой, наиболее вероятно, связанной с отправлением религиозного культа. В этом отношении для возможных интерпретаций выбор невелик, – здание могло быть либо мечетью, либо церковью, но никаких признаков мечети (михраб и пр.) здесь не существует (ср.: Whitehouse, 2003). Оценивая планировку здания со всеми охарактеризованными выше «помещениями» и «коридорами», следует признать, что оно представляет собой обычную трехнефную церковь с алтарной частью, расположенной, как того требуют все каноны, с восточной стороны. Заметное отличие от обычной планировки заключается в том, что сокотрийское здание не имеет апсиды и центральный неф отделен от боковых не привычными колоннами, а стенами. Наличие этих стен позволяет считать его особым помещением (помещением I). Однако именно такое разделение нефов характерно для несторианских церквей в Месопотамии и районе Персидского залива. Эти церкви к тому же часто не имеют апсиды (см.: Fiey, [1959]: PL II, VI–X; Whitehouse, Williamson, 1973: 42). В археологическом изучении ранних христианских церквей в районе Залива, относящихся, в основном, к VII–IX вв., было многое сделано в последние десятилетия XX в. (см.: Potts, 1990: 241 ff.; Bernard et al, 1991; Langfeld, 1994; Eiders, 2001; 2003).

Известно, что после смерти ересеарха Нестория, последовавшей вскоре за его осуждением на вселенском соборе в Эфесе (431 г.), сторонники этого учения вынуждены были бежать в Персию. Период формирования несторианской церкви здесь приходится на конец V – начало VI вв. С VIII в. начинается ее миссионерское движение, направленное в Центральную и Юго-Восточную Азию, а также на Индийский субконтинент. Несторианская церковь сохраняла свою активность и осязаемое влияние в регионе вплоть до конца XII в. (Elders, 2003: 234). Совсем не удивительно, что в VII–VIII вв. миссионеры достигли Сокотры и основали здесь церковную общину. Более того, христианство несторианского толка стало господствующим на острове (Наумкин, 1988: 29).

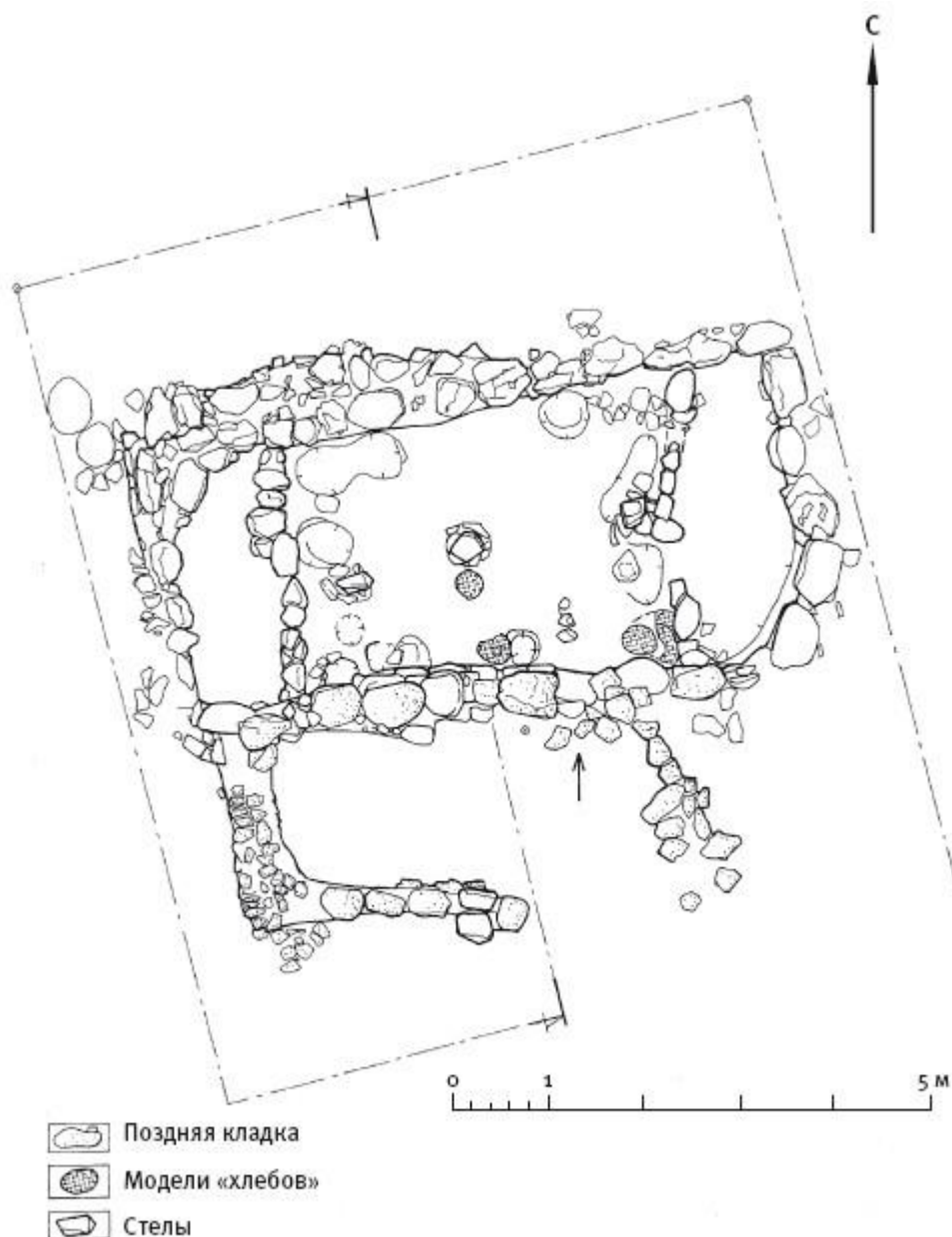
В убранстве древних несторианских церквей в районе Залива обычно встречаются изображения крестов и прочие христианские символы (King et al, 1995: 69–70; Potts, 1994), чего в Хажре-4, к сожалению, пока не зафиксировано, однако вряд ли это должно препятствовать предложенной интерпретации открытого здесь здания, поскольку его план может быть

сопоставлен только с несторианскими церквами. Показательно, что по ширине сокотрийское здание полностью соответствует церквам, открытым в районе Залива – 12 м (Elders, 2001: 55). Наличие в культурных слоях здания бытовой керамики – тоже не повод для смущения. Подобные находки зафиксированы при исследованиях церквей и в районе Персидского залива (Bernard, Salles, 1991: 12), к тому же вполне можно предполагать, что сокотрийская церковь со временем утратила свою первоначальную функцию.

Раскоп 3 (илл. 61) был заложен в 9 м к юго-востоку от Р2, на участке, где до начала исследований располагалось поросшее кустарником зольное всхолмление. Из зольного грунта выступали гранитные глыбы, составлявшие основания стен какой-то постройки. Это всхолмление лежало на трассе стены, ограждающей поселение, о которой уже говорилось выше.

Основным результатом исследований на участке стало открытие постройки (илл. 76–78), четырехугольной в плане с округленными углами (6,30x2,60–3,00 м), длинной осью, ориентированной по линии В – 3. Почти нет сомнения, что обводная стена поселения примыкала к этому сооружению. Во всяком случае, часть каменной кладки толщиной 0,75 м была зафиксирована около северо-западного угла данного строительного комплекса. С юга эта постройка перекрывалась другой, более поздней, о которой речь пойдет ниже.

Открытый строительный комплекс возводился в неглубоком котловане, вырытом в красноватом материковом суглинке (глубина – до 0,20 м). Вдоль бортов этого котлована были сооружены стены, состоящие из крупных необработанных гранитных глыб, поставленных на ребро. Толщина стен составляет 0,20–0,40 м, высота достигает 0,60 м; размеры камней: 0,52x0,21 x0,63; 0,52x0,27x0,87; 0,55x0,41 x0,56 м. Внутри постройки были возведены две стенки, ориентированные с некоторым отклонением по линии С – Ю и разделившие помещение на три части (восточную, центральную и западную).

Илл. 76. Хажря-4. P3, план постройки

Восточная из этих стенок постройки находится на расстоянии 0,75–1,05 м от восточной стены помещения; ее толщина в среднем составляет 0,25 м, высота от пола – 0,35 м, сложена в один ряд из небольших необработанных камней величиной 0,25х0,23х0,31; 0,27х0,24х0,28 м. Западная стенка построена на расстоянии 0,60-1,00 м от западной стены помещения. Она имеет ширину до 0,30 м, высоту – также до 0,30 м. Стенка, как и первая, сложена из необработанных камней размерами: 0,30х0,24х0,15; 0,35х0,23х0,18; 0,49х0,23х0,18 м. В западной части постройки, отделенной этой стенкой, обнаружено несколько очень редких на городище находок: обломки поливных сосудов, фрагмент края сосуда из китайского селадона, несколько обломков стекла.

Центральная часть постройки (3,75-4,00х2,75-3,00 м), ограниченная с востока и запада описанными стенками, выделяется тем, что здесь в пол были вкопаны три необработанных камня, поставленные на ребро вертикально. Эти камни или стелы создавали центральную ось всего строительного комплекса по линии В – 3 (илл. 77–78).

Илл. 77. Хажря-4. РЗ, постройка, вид

Илл. 78. Хажря-4. РЗ, постройка, вид с востока с запада

Илл. 79. Хажря-4. РЗ, центральная стела и «лепёшка», вид с востока

Первая из стел, восточная, по существу примыкает к восточной стенке с запада, приблизительно по ее середине. Размеры вкопанного камня в сечении составляют 0,24x0,27 м, высота от пола – 0,53 м. В нижней части стела укреплена посредством небольших камней, обмазанных глиной. На расстоянии 1,50 м от нее к западу в пол была вкопана вторая или центральная стела (илл. 79). Она тоже представляет собой необработанный камень, в сечении составляющий 0,27x0,24 м, высотой от уровня пола – 0,53 м. Нижняя часть сооружения обложена маленькими камешками и обмазана глиной. Крайняя западная стела расположена в 0,80 м к западу от центральной (или в 0,30 м к востоку от западной стенки). Она представляет собой каменную необработанную плиту, размеры которой в сечении составляют 0,36x0,17 м, высота от уровня пола – 0,60 м. Нижняя часть плиты, как и в двух описанных случаях, обложена камешками и обмазана глиной, высота этой грубой обкладки составляет около 0,20 м.

В связи с охарактеризованными деталями интерьера напомним, что одна стела была обнаружена на раскопе 2 к югу от окружавшей поселение стены. Необходимо также отметить, что еще одна стела была открыта на раскопе 3, вне характеризуемого помещения. Она расположена в 1,80 м к югу от него или в 3,50 м южнее центральной стелы помещения. Вместе с ней они создают как бы еще одну линию стел, на сей раз ориентированную по линии С – Ю и перпендикулярную описанной выше. Данная стела любопытна тем, что она двойная, т. е. сделана из двух каменных плит, поставленных вплотную друг к другу; расстояние между плитами всего 5 см. Размеры первой в горизонтальном сечении – 0,40x0,21 м, ее высота – 0,61 м; сечение второй составляет 0,38x0,23 м, высота – 0,46 м. У основания оба камня для укрепления обложены камешками и обмазаны глиной. Эта двойная стела была включена в структуру кладки южной стены более поздней постройки, речь о которой пойдет несколько ниже.

Как ни мало мы знаем о ранней архитектуре Сокотры, есть основания считать, что

стоявшие здесь стелы довольно типичны. Подобные детали интерьера зафиксированы внутри здания, исследованного на поселении Ди'Асмо в районе деревни Фидид (Weeks et al., 2002: 104–105, fig. 8). Общая планировка здания при этом очень напоминает планировку постройки, открытой на Хажре-4. Авторы публикации не дали хронологической привязки этого комплекса, посчитав его «старым», но надстроенным в недавнее время. Относительно «старинности» этого здания теперь уже вряд ли можно сомневаться.

В функционировании характеризуемого строительного комплекса выделяются четыре периода. От самого раннего на дне котлована сохранился культурный слой толщиной 5 см, состоящий из темного, почти черного золистого (сажистого) слоя. На этот слой были уложены камни двух разделительных стенок, о которых говорилось выше. По периметру центральной части почти повсеместно выявляются вырытые в материке ямки, всего их можно насчитать 12. Диаметр этих ямок, в основном, составляет 0,40-0,55 м, глубина от уровня пола – 0,20-0,25 м. Иногда две ямки сливаются в одну, образуя конструкцию в виде овала или восьмерки. В одном случае ямка по периметру обложена небольшими камешками. Все ямки заполнены черным золистым грунтом, который содержал некоторое число керамических находок обычного облика. Некоторые из ямок, расположенных в южной части помещения, перекрываются стеной, что еще раз дает основание предполагать неоднократные перестройки данного комплекса. Иными словами, ямки следует относить к начальному периоду функционирования, когда постройка распространялась к югу на большее расстояние, во всяком случае, открытая нами южная стена была возведена позднее их.

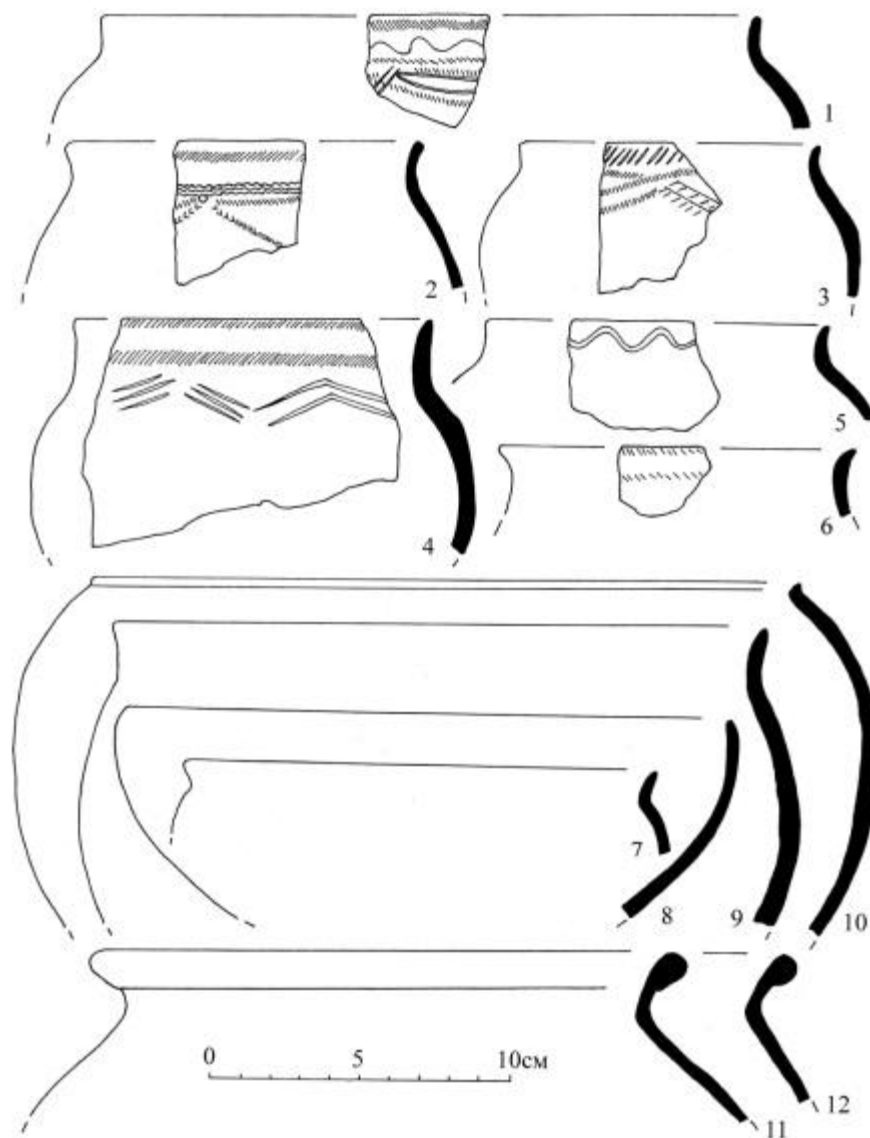
Второй строительный период отмечен возведением южной стены и двух описанных выше разделительных стенок. Как было сказано, они покоятся на культурном слое толщиной до 5 см. С этим периодом функционирования связаны также весьма необычные объекты, обнаруженные на полу помещения в его центральной части. Это изделия из светлой необожженной глины, имеющие круглую или овальную форму, мы условно называем их «лепёшками». Всего таких изделий найдено три. Первая «лепёшка» лежала около центральной стелы, с юга от нее (илл. 79); ее диаметр – 28 см, толщина – 2 см. В 0,43 м к югу от этой «лепёшки», около южной стены помещения найдена вторая. Точнее, здесь две «лепёшки» – нижняя и лежащая на ней верхняя. Нижняя имеет овальную форму (0,33x0,27 м), ее толщина – 2 см. Верхняя – тоже овальная, но она имеет сравнительно небольшие размеры (0,16x0,14 м) при толщине, которую можно считать стандартной, 2 см. Третья глиняная «лепёшка» была обнаружена в юго-восточном углу центральной части помещения. Она круглая (диаметр – 33 см, толщина – 2 см) и отличается от других тем, что у нее не плоская поверхность, а несколько вогнутая, углубляющаяся к центру, блюдцеобразная; эта вогнутость достигает 4 см.

Назначение «лепёшек» не вполне понятно, и сравнивать их на Сокотре с чем-либо подобным мы пока не имеем возможности. Тем не менее, есть основания полагать, что предложенное их условное название («лепёшки») может соответствовать действительности. Они могли служить моделями реальных лепешек, т. е. старинных сокотрийских хлебов. Такое предположение закономерно влечет за собой другое, основанное на том, что изучаемый строительный комплекс, вероятнее всего, был предназначен для отправления культа.

Черный слой, лежавший на материковом полу строительного комплекса, был перекрыт желтоватой глинистой прослойкой толщиной до 5 см, которую можно считать вторым, поздним полом помещения. Его формирование следует отнести к третьему этапу функционирования помещения. Второй пол перекрывался более светлым золистым слоем (толщина – 0,65-0,70 м). О четвертом, самом позднем этапе функционирования постройки речь пойдет чуть ниже.

Исследование комплекса дало большое количество археологических находок, в основном, керамических фрагментов. Подавляющая часть керамики относится к посуде местного

производства, иногда орнаментированной «насечками» и проведенными по сырой глине прямыми и волнистыми линиями (илл. 80, 1–10). Привозная посуда очень немногочисленна (не более 2,5 % от общего керамического комплекса), но именно она позволяет делать какие-то заключения о времени функционирования постройки. Среди этих керамических находок – фрагменты красноглиняных (илл. 80, 11–12) и сероглиняных гончарных сосудов, но особенно показательны обломки поливной керамики и китайского селадона. И снова отметим отсутствие белого фарфора и стеклянных браслетов.

Илл. 80. Хажря-4. РЗ, керамические находки (1–12)

В слое заполнения было обнаружено несколько кусочков древесного угля, которые были подвергнуты радиоуглеродному анализу в радиоуглеродной группе Лаборатории геохимии изотопов и геохронологии Геологического института РАН. В результате получены три калиброванные даты: (ДИН – 14–122) 1140 ± 100 ВР, (ДИН – 14–120) 1300 ± 100 ВР, (ДИН – 14–121) 1380 ± 70 ВР. Нетрудно заметить, что все они в совокупности укладываются в хронологический диапазон VII–IX вв. В этих пределах, скорее всего, существовал охарактеризованный строительный комплекс. Возможно, что он был возведен одновременно с церковью и служил при ней как подсобная постройка.

Охарактеризованное выше сооружение перекрывалось руинами какой-то более поздней постройки, стены которой были сложены из камней весьма небрежно. Эти руины находятся южнее описанного помещения, южная стена которого частью послужила фундаментом для северной стены новой постройки, тогда как другие ее стены покоились на культурном слое толщиной 0,60 м. При этом, как уже говорилось, в структуру южной стены была включена двойная стена, которая, соответственно, отчасти служила для нее фундаментом.

По планировке поздний строительный комплекс схож с ранним; это четырехугольная в плане постройка с округленными углами, но гораздо меньшая по размеру – 4,00х 1,60–1,75 м. Стены толщиной от 0,30 до 0,50 м сохранились на высоту от 0,10 до 0,30 м; они сложены из камней в один ряд, при этом здесь, в основном, использованы небольшие камни (0,25х0,23х0,10; 0,32х0,30х0,15; 0,42х0,32х0,25 м).

Лишь кладка северной стены состоит из камней крупных размеров: 0,65х0,52х0,38; 0,51х0,45х0,35 м; соответственно, и толщина этой стены самая большая – около 0,50 м. Вероятно, камни для ее возведения были взяты из кладки стен более ранней конструкции. Никаких остатков интерьера, которые можно было бы связать с этой конструкцией, не зафиксировано. В сероватом, золистом, довольно рыхлом слое, который перекрывал строительные остатки, был обнаружен весьма значительный археологический материал, состоящий, в основном, из фрагментов керамических сосудов местного производства. Керамические находки позднего этапа практически не отличаются от более ранних (см. илл. 80, 1–10). Они характеризуются фрагментами сосудов сходных типов, очень близких по орнаменту. Импортной керамики из позднего слоя, к сожалению, очень немного, и представлена она не очень выразительными фрагментами гончарных сосудов.

Заключая характеристику постройки, открытой на раскопе 2, следует признать, что, скорее всего, она была культовым комплексом, вероятно, связанным с церковью. Три этапа ее функционирования (до возведения поздней постройки), по данным радиоуглеродного анализа, приходится на VII–IX вв. Любопытная особенность интерьера этого строительного комплекса – вкопанные в пол каменные стелы. Выше говорилось, что подобные конструкции не являются исключительными или уникальными для ранней архитектуры Сокотры. К сожалению, сейчас невозможно судить с уверенностью, были ли стелы деталью только культовых сооружений или же использовались также и в жилых постройках.

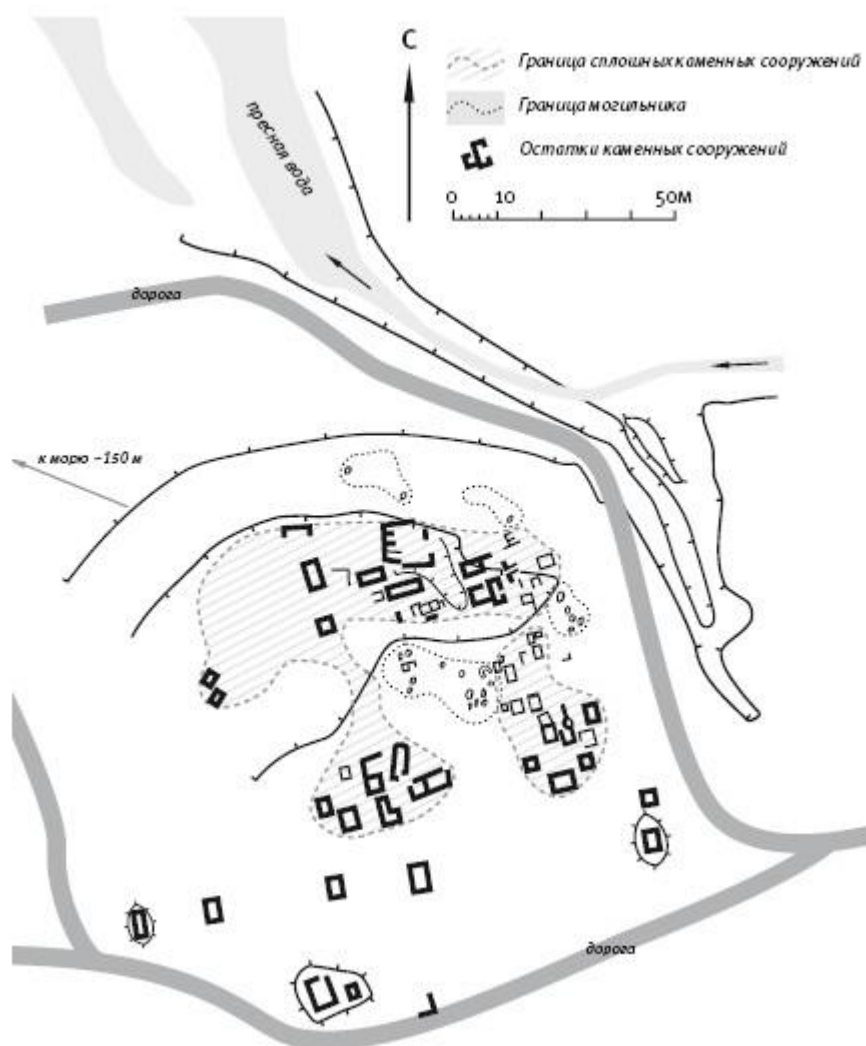
Еще один важный вывод, следующий из результатов раскопок 2008–2010 гг., сводится к тому, что открытая на Хажре-4 церковь, прилегающие к ней постройки, вероятно, жилого назначения, а также и некрополь существовали в VII/VIII–XII вв. Рубежа XII–XIII вв. весь этот археологический комплекс не пережил (ср.: Naumkin, Sedov, 1993: 605; 1995: 229). Вместе с тем, среди находок, происходящих с поселения, представлены керамические материалы, относящиеся к более раннему времени, по-видимому, к первым векам новой эры. Исходя из этого, поиски здесь более раннего культурного слоя следует признать вполне перспективными.

Поселение Кош в Западном районе Сокотры

Одна из важных задач нашей экспедиции состояла в поисках археологических материалов, связанных с развитием международной торговли в бассейне Индийского океана в первые века новой эры. Информация, содержащаяся в «Плавании вокруг Эритрейского моря» (§ 30–31), позволяла считать, что Сокотра (Дио скури да) играла важную роль на торговых путях из Средиземноморья в Индию (см.: Бухарин, 2007: 111, 121, 123–126, 128, 178, 240, 245, 260, 282; Дое, 1992: 41). Однако, несмотря на многолетние целенаправленные поиски, никаких археологических материалов, которые бы бесспорно относились к этому времени, на острове

практически обнаружено не было⁹. Более 50 лет назад П. Шинни, оценивая такую ситуацию, пришел к следующему заключению: «Следует предположить, что те ранние торговцы, от которых автор “Перипла” получал свою информацию, мало времени проводили на острове. Мы можем хорошо представить себе, что они прибывали туда... каждый раз всего на несколько дней, возможно, втаскивали свои лодки на берег, пополняли запасы пищи и воды и уплывали в Индию или в Красное море, мало что оставляя после себя» (Shinnie, 1960: 108). Это заключение сохраняло силу вплоть до 2010 г.

В ноябре 2010 г. Ю. А. Виноградов, Е. М. Виноградова, В. А. Жуков, Е. А. Куркина, А. В. Сарабьев посетили древнее поселение, расположенное поблизости от прибрежной деревни Шу‘аб на крайнем западе Сокотры. Название ему было дано по близлежащей местности – Кош. Площадь поселения составляет около 2 гектаров (илл. 81); перед ним с севера лежит широкая полоса песчаного пляжа, с востока его огибает неширокий родниковый ручей с прекрасной пресной водой.

Илл. 81. Кош. План поселения

Культурный слой Коша состоит из песчаных отложений с большим количеством морских раковин. На поверхности видны остатки каменных стен древних построек (илл. 82–83). В основном они невелики. Более крупными размерами отличаются руины постройки,

⁹ Естественно, кроме упомянутых выше находок Седова и Наумкина при их первых раскопках на Хажре.

расположенной в центральной части памятника, в которой просматриваются возможные остатки общественного сооружения.

На поверхности поселения нами было собрано множество обломков керамических сосудов. По составу в этой коллекции четко выделяются две неравные количественно группы: первая, которую можно считать местной, представлена обломками круглодонных сосудов с вертикальным горлом и слегка отогнутым наружу краем (более 85 %); вторая состоит из фрагментов разнообразных импортных сосудов – амфор, кувшинов, светильников, прочего (менее 15 %).

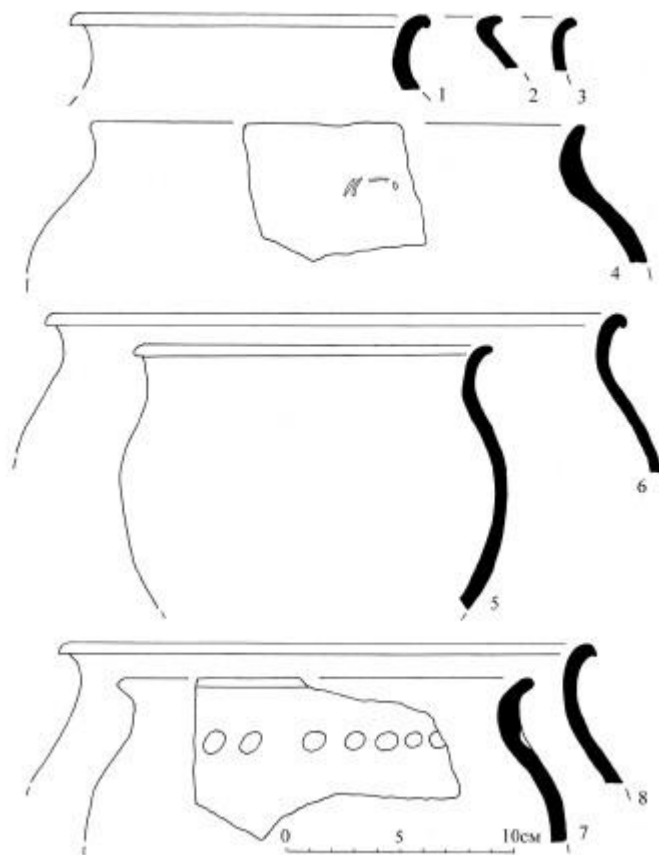

Илл. 82. Кош. Вид поселения с юго-востока

Илл. 83. Кош. Остатки каменной стены в центральной части поселения

Сосуды первой группы в основном были изготовлены на гончарном круге (илл. 84, 1–8). У них красноватый или буроватый цвет поверхности, в керамическом тесте в качестве примеси часто использовался кварцевый песок. Типологически эта группа схожа с традиционной сокотрийской керамикой, но есть и весьма существенные различия.

Илл. 84. Кош. Керамика местного производства (1–8)

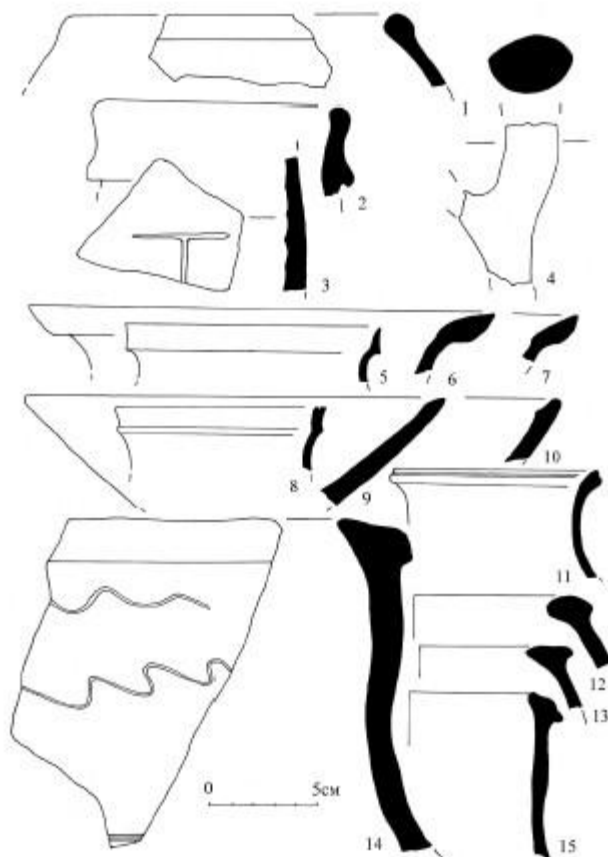
Во-первых, сокотрийская керамика лепная, а фрагменты, происходящие с Коша, в основном относятся к сосудам, изготовленным с использованием гончарного круга; во-вторых, у них более крупные размеры; в-третьих, по существу они лишены орнаментации, столь типичной для керамики Сокотры, нет здесь и характерных «расчёсов» на стенках. Во всей коллекции, происходящей с Коша, лишь один тонкостенный фрагмент можно признать типично сокотрийским. Остальные под эту категорию подходят лишь с некоторыми оговорками. В высшей степени показательно, что на одном фрагменте имеется граффити, чего ни разу не было замечено на традиционной сокотрийской посуде (илл. 84, 4). Столь же любопытно, что во всей коллекции лишь один фрагмент украшен орнаментом в виде фриза из пальцевых вдавлений под горлом (илл. 84, 7). Вообще же орнаментация сокотрийской посуды очень богата и разнообразна, но ей не свойственны пальцевые вдавления.

Своеобразие группы круглодонной посуды с поселения Кош позволяет предположить, что она относится к раннему этапу формирования местного керамического комплекса. Не исключено, что такая посуда появилась здесь в результате влияния Индии, где круглодонная керамика была распространена очень широко. Благодаря торговым связям она проникала в район Персидского залива (Kennet, 2004: 69–71), а также на Юг Аравии, где подобные

керамические формы представлены в культурных слоях порта Кана (ср.: Sedov, 2010b: 267, fig. 114, cat. 1168; Vinogradov, 2010a: 36, fig. 13, cat. 87, 92–94; Vinogradov, 2010b: 161, fig. 69, cat. 630–632; 181, fig. 77, cat. 751–753). Руины этого южноаравийского порта исследовались нашей экспедицией на протяжении нескольких лет, и полученные там археологические материалы, безусловно, дают некоторые отправные точки для хронологической атрибуции керамических находок, сделанных на поселении Кош. Во время раскопок было установлено, что культурные слои Каны четко делятся на три горизонта (Седов, 2005: 318 сл.): «нижний» (вторая половина I в. до н. э. – конец I в. н. э.), «средний» (II–V вв.) и «верхний» (VI – начало VII вв.). Попытаемся соотнести кошские находки с обозначенными горизонтами.

Вторая группа находок в типологическом отношении резко отличается от первой. В ее составе сразу же привлекают внимание материалы керамической тары, т. е. сосудов, предназначенных для перевозки различных товаров (прежде всего, вина и оливкового масла) на кораблях. Таких находок не так много, и они, в основном, представлены маловыразительными фрагментами стенок, но в собрании имеется фрагмент красноглиняного сосуда с венцом, оформленным в виде муфты (илл. 85, 2). По материалам Каны, такие находки относятся к позднему этапу (см.: Vinogradov, 2010: 44, fig. 16, cat. 142; Vinogradov, 2010b: 157, fig. 67, cat. 605; ср.: Kennet, 1998: 112, fig. 6, 22). Весьма показателен также фрагмент амфорной стенки с граффити в виде буквы Т (рис. 85, 3), что явно свидетельствует о связях поселения с миром Средиземноморья. Кроме того, в коллекции представлен обломок амфорной ручки (илл. 85, 4). К сожалению, о типе сосуда, к которому она принадлежала, судить очень затруднительно.

Находка фрагмента венца сосуда типа «Торпедо» (torpedo jars) также чрезвычайно показательна (илл. 85, 1); они тоже были тарными.

Илл. 85. Кош. Импортная керамика (1–15)

Такие сильно вытянутые сосуды со слегка выделенным венцом и ножкой в виде усеченного конуса широко представлены на Кане (Виноградов, 1993: 74, 79, рис. 3, 3–5; Седов, 2005: 345, рис. 202, 5–7; Akopian, 2010a: 78, fig. 32, cat. 344; Sedov, 2010a: 107, fig. 46, cat. 428; Vinogradov, 2010a: 45, fig. 16, cat. 149, 150, 153; Vinogradov, 2010b: 159, fig. 68, cat. 608–611). Д. Кеннет считает, что их датировка укладывается в пределы III–V вв. (Kennet, 2002: 159–160; 2004: 63).

Среди керамических находок, обнаруженных на Коше, представлены фрагменты крупных, широко открытых сосудов, которые можно считать светильниками (илл. 85, 6–7, 9–10). Происхождение их не вполне ясно, поскольку аналогичные материалы встречаются как в Нубии, так и на Индийском субконтиненте (Седов, 2005: 341).

В материалах Каны они наиболее характерны для среднего культурного горизонта (Седов, 2005: 339, рис. 198, 12, 14, 15; Akopian, 2010a: 83, fig. 34, 387–391; Akopian, 2010b: 139, fig. 139, cat. 521–523; Sedov, 2010b: 273, fig. 117, cat. 1202–1212; Vinogradov, 2010a: 36, fig. 13, cat. 90–91; Vinogradov, 2010b: 181, fig. 77, cat. 747–748; ср.: Kennet, 1998: 112, fig. 6, 18).

В наборе столовой посуды представлены фрагменты красноглиняных кувшинов с пористой структурой и темной поверхностью стенок (илл. 85, 5, 8, 11). Д. Кеннет называет подобные материалы, происходящие из района Персидского залива, *dinky fired earth ware*, датируя их V в. и позднее (Kennet, 2002: 157–158; 2004: 62). На Кане фрагменты таких сосудов зафиксированы в слоях того же самого времени (Vinogradov, 2010a: 48, fig. 17, cat. 175).

В коллекции имеются также обломки сосудов, которые по форме схожи с небольшими южноаравийскими *зирами*, хотя, если судить по керамическому тесту, они были изготовлены не на Юге Аравии. Стенки таких сосудов сужаются к краю «клювовидной» формы (илл. 85, 12, 13). Подобные находки, происходящие из раскопок Каны, в основном относятся к среднему периоду функционирования порта (см.: Akopian, 2010a: 81, fig. 33, cat. 365; Akopian, 2010b: 137, fig. 58, cat. 508; Vinogradov, 2010a: 36, fig. 13, cat. 102; Vinogradov, 2010b: 165, fig. 71, cat. 672–673).

Чрезвычайно показателен также большой обломок горла толстостенного сосуда с характерным красным керамическим тестом и крупными порами, образовавшимися от выгорания извести (илл. 85, 14). Сосуд был украшен двумя волнистыми линиями, прочерченными по сырой глине, ниже которых проходила горизонтальная полоса, прочерченная гребешком. В позднем слое Каны керамика с таким гребенчатым орнаментом представлена довольно широко в его «верхнем» слое, хотя на этом памятнике, как правило, сосуды, близкие по типу кошскому, были все-таки меньших размеров (см.: Виноградов, 1993: 74, 79, рис. 3, 6; Седов, 2005: 346, рис. 203, 3–4; Vinogradov, 2010a: 22, fig. 7, cat. 21, 22; Vinogradov, 2010b: 159, fig. 68, cat. 618–621; 161, fig. 69, cat. 622–623). Кроме того, в материалах Каны представлены неорнаментированные керамические изделия подобного рода (см.: Vinogradov, 2010b: 159, fig. 68, cat. 620), но и на Коше обнаружен фрагмент сравнительно небольшого сосуда, на котором нет орнамента (илл. 85, 15).

Подводя итог сказанному, необходимо подчеркнуть, что керамика, происходящая с поселения Кош, имеет несомненное сходство с находками из «средней» Каны. Показательно, что здесь нет керамики, прежде всего амфор с характерной для поздней Каны реберчатой поверхностью. Более того, весь набор в целом, судя по всему, схож с керамическими находками из Абу Даби. Авторы публикации соотносят их с периодом C и D в эд-Дуре и датируют от I до III/IV вв. (King, Tonghini, 1998: 132, fig. 3; 135). На мой взгляд, датировка вполне может захватить и начало V в. Если эти сопоставления и хронологические атрибуции верны, то следует признать, что в Коше обнаружено древнее поселение II–V вв., связанное с

международной торговлей в бассейне Индийского океана. Полученные материалы позволяют даже предполагать, что основной вектор торговых связей шел сюда не из Средиземноморья, а из Индии. Все эти выводы, однако, – сугубо предположительные. Только когда на поселении Кош будут проведены систематические археологические раскопки, а в других частях побережья предпринята целенаправленная разведка, значение Сокотры в системе международной торговли в регионе может быть оценено более объективно.

Глава пятая

Социальная организация, типы и формы хозяйства

В этой главе рассматриваются различные аспекты социальной организации и формы хозяйства современных сокотрийцев, в основном – по материалам полевых сезонов 1983–1987 гг. и записей, сделанных мной на Сокотре в 1974 и 1976 гг., с ограниченным привлечением современного материала. Учитывая, что за истекшие четверть века сокотрийское общество утратило многие свои прежние черты и обрело новые, материал, собранный в то время, представляет особую важность для фиксации и изучения традиционного уклада местной жизни, мало менявшегося на протяжении веков. Об этом, в частности, свидетельствуют этнолингвистические данные, особенно те, что были накоплены за время первых поездок. Например, некоторой части специфической хозяйственной лексики, во-первых, нет в текстах, записанных (как уже упоминалось выше) Давидом Генрихом Мюллером, и, соответственно, в словаре Вольфа Леслау, во-вторых, – она постепенно утрачивается по мере социальнохозяйственных изменений. Кроме того, планомерное, хотя и ограниченное исследование острова стало вестись лишь с конца 1990-х годов, а в 1970–80-е годы здесь кроме российских ученых никто не работал. Естественно, ввиду ограниченных возможностей полевых исследований в то время не удалось составить полную картину по всем районам острова, поэтому предлагаемые наблюдения и констатации сделаны на примере тех населенных пунктов, где автору удалось побывать, и тех групп населения, с которыми ему довелось общаться. Ввиду ограниченности материала и отсутствия возможности тщательно перепроверить данные, полученные от информантов, не исключены отдельные неточности, которые еще можно устранить в процессе дальнейшей работы и в результате сопоставления с ценными материалами, собранными в прошлом английскими учеными.

Население Сокотры, его территориальное распределение, социальная организация и влияние на нее природно-климатических условий

По данным Европейского Союза, население острова на 2000 г. составляло около 45 тысяч. Сокотрийцы говорят на одном из древнейших семитских языков афразийской семьи, входящем в одну подгруппу с живыми южноаравийскими – махри, харсуси, джиббали-шхаури и др. Все эти языки не имеют письменности и до сих пор недостаточно описаны, но меньше остальных – сокотрийский. К настоящему времени собрано довольно много нового материала, относящегося к этому уникальному языку, что позволяет надеяться на существенный прорыв в его изучении. Конечно, арабизация (все преподавание в местных учебных заведениях ведется только на арабском) гипотетически создает угрозу его исчезновения в будущем, но пока он хорошо сохраняется в качестве основного разговорного языка.

Для сокотрийцев сегодня, как и в прошлом, характерна родоплеменная структура. Всего

на острове насчитывается около сотни племен, большинство из которых делятся на роды, или кланы, расширенные семьи, но есть совсем малочисленные группы, состоящие из 10–25 человек. Во главе племен стоят шейхи, или мукаддамы (илл. 28 на цв. вкладке). Не входят в родоплеменные объединения лишь потомки бывших рабов, некогда прибывших сюда из Восточной Африки, занимавшиеся со времени обретения независимости в 1967 г. преимущественно рыболовством (илл. 1), а также йеменцы, поселившиеся здесь в последние десятилетия (особенно во второй половине 1990-х – 2000-е годы). Племена, как правило, называют себя по району своего обитания, например: *дарьхо* от одноименной долины Да'рьхо, и соответственно человек, живущий в этом районе и принадлежащий к этому племени, называет себя *дарьхи* (илл. 29, 30, 31 на цв. вкладке). Однако есть племена, которые называют себя по имени предка (реального или мифического), например – *бени малек* или *бал махмуд*.

Уже мое первое знакомство с островом в 1974 г., а затем вторая поездка – в 1976 г. дали возможность сделать вывод о наличии здесь, как минимум, двух хозяйственно-культурных типов: скотоводов и рыбаков (жители соответственно внутренних и прибрежных районов). Однако дальнейшие полевые исследования выявили существование у жителей внутренних районов еще одного хозяйственно-культурного типа – смешанного.

Илл. 1. Потомки африканцев на ночном празднике («рамса»)

Во время моей работы на острове подавляющее большинство сокотрийцев жили в его внутренних районах, занимаясь отгонным скотоводством, но в последние годы население все более концентрируется в районе столицы – Хадибо и прибрежных рыбацких селениях (Miller,

Morris, 2002: 6). Учитывая, что именно эти скотоводческие племена и являются носителями наиболее традиционных форм социальной и экономической жизни, а также хранителями древней культуры, обрядов и обычаев, устного и песенного фольклора, они и были главным объектом наших исследований. Скотоводы разводят коз, овец и коров на мясо и молоко. А верблюдов и ослов – как вьючных животных (в отдельных районах верблюдов предназначают также на мясо и молоко).

Прежде чем перейти к собственно классификации хозяйства сокотрийских скотоводов, обратимся к работе одного из российских авторов о неоседлом населении мира (Андрианов, 1985), в которой анализируются практически все системы классификации и рассмотрена вся сумма соответствующих критериев. В частности, обратим внимание на один из типов, входящих в систему классификации экспертов ФАО (Андрианов, 1985: 77–79), а именно: пастушеское скотоводство, не связанное с земледелием, или так называемый трансюманс / трансьюманс (transhumance), т. е. отгонное скотоводство, основанное на сезонных перегонах скота.

Видимо, этот тип больше всего подходит для характеристики хозяйства горцев Сокотры, хотя на острове почти все скотоводы занимаются еще и культивированием пальм. Но можно ли относить хозяйство горцев к другому типу из той же классификации, а именно к «пастушескому скотоводству, связанному с земледелием», или «скотоводству с отгонными пастбищными формами, сезонно сочетающемуся с земледелием»?

Представляется, что разведение горцами пальм по ряду причин не дает оснований характеризовать их как земледельцев. Во-первых, не очень большое время требуется на обработку земли, уход за деревьями, сбор урожая и прочее по сравнению с затратами времени на уход за скотом, пастьбу, изготовление продуктов животноводства и т. д. Во-вторых, количество пальм, находящееся в собственности одной семьи, в среднем невелико. В-третьих, горцы-скотоводы не знают никаких других форм земледелия, кроме пальмоводства, по своему характеру им чуждо земледелие, они считали (во всяком случае, до недавнего прошлого) обработку земли делом недостойным мужчины, т. е. обладают культурным комплексом, скорее, характерным для кочевников. Тяготение к определенному месту, существующее у горцев, объясняется их привязанностью не к собственности на землю, которая используется под пальмовые насаждения, а преимущественно к собственности на пастбища.

Если использовать приведенную выше классификацию, то образ жизни сокотрийских скотоводов можно описать как тот, для которого характерна оседлость с сезонной миграцией всего населения, т. е. сезонная подвижность. Возделывание пальм вносит специфический элемент в сокотрийский тип хозяйства. Однако к этому хозяйству не подходит характеристика, согласно которой «время пребывания скотоводов-полукочевников в постоянных поселениях превышает время сезонных перекочевков, и скотоводы занимаются земледелием». Образ жизни скотоводов нельзя назвать оседло-кочевым, его нельзя также безоговорочно определять и как полукочевое и отгонное пастушеское скотоводство, при котором у них существуют постоянные поселения, свидетельствующие о переменном-оседлом образе жизни. Сокотрийцам не подходит и такая характеристика, как «годовая оседлость с сезонной миграцией части населения», поскольку в рассматриваемом нами случае откочевывает все население.

Таким образом, совмещение отгонного скотоводства с культивированием пальм при преобладании первого составляет особую черту уклада хозяйства сокотрийских горцев. Для жителей долин и равнин в некоторых районах характерно преобладание пальмового хозяйства, совмещаемого со скотоводством, не связанным с кочевками (например, в районе Рас-Муми).

Исходя именно из этих показателей, следует и классифицировать хозяйство сокотрийских скотоводческих племен, принимая также во внимание еще один критерий – преобладание в нем

того или иного животного (корова, овца, коза).

Я не имею возможности в данной работе расставить все точки над «i», жестко размещая различные варианты хозяйственно-культурного функционирования сокотрийских скотоводов на тех или иных ступенях принятой систематики: хозяйственно-культурный тип, подтип, класс, род, вид. На данном этапе стоит задача адекватного общего описания сокотрийского хозяйства (в соответствии с имевшимися возможностями для полевой работы). Именно этой задаче подчинена и предложенная разбивка скотоводов на группы и подгруппы. Все же, по нашему мнению, можно говорить о существовании здесь, по меньшей мере, двух культурно-хозяйственных типов: чисто скотоводческого и смешанного, а называемые варианты рассматривать как подтипы каждого из этих типов.

Полукочевые отгонные скотоводы имеют относительно постоянные места обитания, но пастбищ, расположенных около этих мест, недостаточно, чтобы обеспечить питанием весь скот, которым они владеют. Дело в том, что, во-первых, ресурсы территории при отгоне позволяют иметь более многочисленные стада и, во-вторых, существует потребность в гораздо большем объеме продукции животноводства (в последнее время и для рынка), чем способно дать хозяйство, в котором скот пасется у домов круглый год. Возможности хозяйства зависят от наличия воды. Того, что имеется в природных источниках, недостаточно, поэтому скотоводы используют природные водосборники, либо строят их сами. После сезонных перемещений скотоводы возвращаются в места своего обитания.

Стратегия отгона зависит от погодно-климатических условий, в которых есть постоянные и временные составляющие. Среди постоянных, к примеру, сильные ветры, юго-западные муссоны, которые дуют на острове почти пять месяцев – с мая по сентябрь. Скорость их достигает 30 узлов, или седьмой степени силы ветра. Поэтому в летний сезон остров полностью закрыт для рыболовства и плавания. Естественно, что мощный летний муссон мешает любой хозяйственной деятельности, а северо-восточный муссон, дующий с ноября по март, – гораздо более мягкий и не создает для нее никаких неудобств.

Среди непостоянных составляющих – объем воды, которую приносят дожди, – главный ее источник. Периодически случающиеся засухи являются подлинным бедствием для скотоводов и, соответственно, для всего населения острова. Зимний сезон в целом более благоприятен для жизни и хозяйственной деятельности. Климат в это время более мягкий, прохладный, в нормальные годы идут дожди.

Скотоводам приходится приспосабливаться к изменениям климатических условий. Ими выработаны особые социальные нормы и приемы выживания в засушливые годы, периоды бескормицы для скота, о чем пойдет речь ниже.

Население различных районов Сокотры, занимающееся скотоводством как основным или одним из основных занятий, делится на несколько групп, различающихся по хозяйственно-культурным особенностям, хотя четких границ между ними нет, так как везде существуют переходные, промежуточные формы. Собранные мной материалы позволяют дать краткую характеристику основных групп, хотя многие аспекты их хозяйственной деятельности, традиционной культуры и образа жизни пока еще остаются неосвещенными. Мне было трудно установить даже примерно численность населения, принадлежащего к той или иной группе. Поэтому очередность, в которой приводятся группы населения, – не показатель степени их многочисленности. Но прежде чем перейти к более подробному рассмотрению этого вопроса, необходимо представить природно-географическое районирование острова, учитывая выводы, к которым пришли детально занимавшиеся этой проблемой Миллер и Моррис (далее по: Miller, Morris, 2002: 55-108).

Природно-географические зоны

Британские эксперты выделяют следующие природно-географические зоны, или районы острова: 1 – северные равнины, 2 – южные равнины, 3 – внутренние долины, 4 – центральное плато, 5 – восточный район, 6 – восточные внутренние равнины, 7 – западный район, 8 – западные внутренние равнины, 9 – горы Хагъхера, 10 – западноцентральные горы и равнины. Эта довольно дробная классификация отражает основные природно-климатические и географические особенности той или иной зоны, которые, естественно, сказываются на жизни и хозяйстве сокотрийцев. Однако по культурно-языковым различиям можно сгруппировать все зоны в три более крупные, основные: Центральный район, Западный и Восточный. Ниже следует краткая характеристика этих районов.

Илл. 2. Традиционное жилище на песке в Ноугеде (1983 г.)

1. Северные равнины

Ширина этого равнинного пояса, лишь кое-где пересекаемого горными вкраплениями, – от 100 м до 8 км. Здесь расположены столица острова – город Хадибо, а также другие населенные пункты – Сук, Ди Лиша, Кадуб, Ди Хамд, Кедах, Карья и проч. Жители занимаются рыболовством, разводят преимущественно коз, реже овец, имеют пальмовые плантации. Сейчас здесь живут сокотрийские племена, которых раньше было гораздо меньше, а также потомки рабов. В столице перед революцией 1967 г. жил султан Махры и Сокотры, но ранее его

резиденцией были сначала Сук, потом Хоулаф, Гё, 'Ильха, потом опять Гё. Он также проводил некоторое время в селении Ди Хоуками («Двух правителей») над южной равниной Ноугед.

2. Южная равнина

Южная равнина тянется на 80 км вдоль южного побережья, ее ширина – до 6 км. Восточную часть равнины называют Ноугед, западную – Ка'ря. Во время моей работы на острове я обнаружил в Ноугеде несколько деревушек, стоящих прямо на песке, построенных из ракушечника и пальмовых веток (илл. 2). Местные жители занимаются преимущественно рыболовством. Моррис упоминает, что британцы, посещавшие Ноугед в 1944 г., видели там лишь два поселения, в которых жило 38 человек. Мной проводилась полевая работа в некоторых селениях Ноугеда: Хальми, Стерё, Хэйф. Среди племен, живущих в районе Ка'ри, – тербак, бет 'эйле, самхо и др.

Илл. 3. В гостевом доме в селении Агемено в вади Дар'хо (фото 1985 г.)

3. Внутренние долины

Это район, непосредственно соседствующий с горами Хаг'хера. Моррис называет его «долинами», поскольку сокотрийцы иногда обозначают его как *ши'б* (*shib* или ед. ч. *sh a B*), соответствующее арабскому *вади* (мн. ч. *вуд'йан*). Однако населенные пункты располагаются и на небольших возвышенностях, плато – *иглисо* (мн. ч. *игалис*), и на склонах. Четыре главные вади, спускающиеся на юг, в Ноугед, – Да'р'хо, Ди 'Асмо, Ша'б, Ди Элофи. В скотоводческом племени да'р'хо я с 1974 г. и проводил в основном сбор материала (причем успехом в этой работе, как говорилось в предисловии, я обязан моим друзьям из этого племени, о котором еще будет говориться далее; илл. 32 на цв. вкладке). Я пользовался гостеприимством да'р'хо в течение многих лет в селениях Ди Рисмойтин, Ахемено, Ба'а и др. (илл. 3). Здесь мы с

коллегами-археологами первично обследовали развалины древних поселений.

Среди основных поселений Ди 'Асмо – Фийдид, Хадерхен, Ризхум. Главное племя – херёухин, которое делится на два рода, или клана – Кельмхо и За'бибхан. Дуальная организация вообще довольно часто встречается в сокотрийских племенах, причем иногда племена делятся на «черных» и «белых». По легендам всегда считается, что основателями двух кланов были братья, сыновья предка всего племени.

Ша'б (Долина) делится на несколько частей, называемых *ша'б ди Альф* (одно из местных селений – Фириги), *ша'б ди Фа'рьхо* (здесь расположено и селение Ди Фа'рьхо), *ша'б ди А'абер'ё*, к северу от Фириги (здесь мне удалось побывать в селении Кидийни), *ша'б ди Шидихер* (также называется одно из селений), *ша'бди Азерхо* (здесь мы побывали в селении Кеце), *ша'б ди Элофи* (среди местных селений – Мереша). Здесь обитает племя меркхо.

4. Центральное плато

Это район, который лежит к югу от северной равнины, западнее Хагьхера, и выходит на южную долину. Он фактически представляет собой несколько плато (*игалис*), вытянутых в направлении север – юг. Одно из основных плато носит название Диксам. Здесь обитают несколько племен, в том числе бени малек, в котором мне удалось в середине 80-х годов побывать и собрать материал, а также кэрбеб, бедэбо, рээш и др. Плато Диксам – более обширная территория, которую называют Тьйде'е (или верхнее Тьйде'е). Иногда самую высокую часть Диксама, Хийрехе, относят к Хагьхеру (возможно, не только из-за высоты, но и ввиду обилия дождей), хотя фактически она расположена у подножия гор Хагьхер. В Диксаме бьют из-под земли несколько источников, есть большие водосборники, называемые *лим*, и другие, более мелкие сооружения, которые сохраняют дождевую воду (мы к ним еще вернемся). Среди местных селений – Хагефено, Мигхелитен, Ди Зойхир, Зийрег и др.

Еще одна часть района называется Шибехон, среди племен которого – ба соуэр, б ад махмуд, ремхи и др. Среди селений – Ди Са'д-хифетин, Гирехем, Мгелидо и др.

Моррис выделяет район, выходящий на южную долину, и район небольших возвышенностей, называемых *игалис де тете'н*, т. е. «овечьи плато», поскольку здесь много травы, пригодной для овец. Среди местных селений – Керамхам, Таребено, Дигдеге, Ди Хамерено, Тимири, Терекхетен и др.

5. Восточный район

Восточную часть острова часто называют Муми по имени его восточной оконечности – Рас Муми. В нее входит плато – Шибере и низменность – Мшильхи. По более подробной классификации, это: собственно Муми, или Рас Муми, засушливая восточная оконечность острова, район возвышенности – Шибере, район низменностей, прибрежная равнина – Халля, долина, тянущаяся с прибрежной равнины в глубь острова, – Хомхиль, низменная западная часть Восточного района – Хантехиё (здесь есть один населенный пункт – Зирегэхен) и лагуна Матьяф. Мне удалось посетить многие населенные пункты Восточного района, в некоторых из них, как уже отмечалось, были проведены раскопки древних городищ и захоронений, изучались особенности хозяйственной деятельности местных племен, их фольклор, обряды и обычаи. Это такие населенные пункты, как Карья (на побережье), Фаляки, Галясено, Кадамено, Калисан (по имени одноименного вади и обильного источника, около которого был обнаружен фундамент древней церкви), Тэрбек, Зэфеле, Хагефено, Ди Казказ, Багёбиг, Шибхон, Ракуф, Дийнихо и некоторые другие (илл. 8).

Есть район засушливых возвышенностей, состоящий из двух частей – Исале и Фелинг. Здесь расположены населенные пункты Хэмере, Ди Зафакано, Тербак, Зэнегхен, Михидидо и

другие. Среди обитающих племен – бин йакут, ди фиргхиль, за‘бихи, шиххи и другие.

6. Восточные внутренние равнины

Британские эксперты относят к этому району, в котором равнины перемежаются с холмами, так называемые *шетэ* (см. об этом в следующем разделе главы), в том числе Дифсир, Менодиб, Гоумехер. А низкие холмы вокруг Карьи называются Рёкиб, Ма‘абаз, Кам, Лахаз, Эрхино (на границе с равниной Хадибо). Здесь лежит несколько населенных пунктов – Шиллихин, Дишас и др.

7. Западный район

Он включает в себя следующие части: западное побережье, называемое Б идо (здесь расположен главный город Западного района – Калансия, а также селения Коудэхер, Нийт и др.); равнина к востоку от Калансии, или шете (селения Мибдилё, Идрехен и др.); возвышенность Шибере и прибрежные равнины под ней (селения Каземено, Катана, Бит ‘Або-дэ и др.); Роукэб; Катн; горный район Ма‘ла; Ди Миди (это известняковое плато, выходящее на Ноугед). Среди равнинных племен – ди мури, бенрогиг, ‘агмхи, харси, бал хэйхер, фергхо и др. Среди горных племен Ма‘лы – зейдхи, макелал, мерьхо, ди ба‘а и др. В этом районе есть свои горные пики.

8. Западные внутренние равнины

Они включают в себя районы Рийед (это слово буквально означает «равнины») и Мейха. Среди племен Мейхи – гизельхо, зангхо, замдид, хамерьхо и др. Селения: Залекено, в котором я провел некоторое время, изучая хозяйство местных жителей, оказавших мне гостеприимство, Коудэ, Ди Казказ, Рикебо и др. Скотоводы равнинных районов владеют в горах и предгорьях пещерами, где живут во время откочевок. Селения в Маале – Хайф, Каф, Кизмено и др. На низменности Тер Дитрер (букв. «дверь дверей») находится несколько поселений.

9. Горы Хагьхера

М. Моррис делит эту область на три части: западный Хагьхер (Хагьхер Бит Хаги), центральный Хагьхер (Хагьхер Даадхе) и восточный Хагьхер (Хагьхер ди-д-Фехед) (Miller, Morris: 2002: 95). Более других заселен восточный Хагьхер, однако в меньшем по территории западном Хагьхере больше богатых травой пастбищ. Самые высокие пики Хагьхера – Ди Ша‘р, Ди Фи и, Скан ди Сканд, Микзэ ди Ша‘р. Среди племен центрального Хагьхера – бин ‘алиян, бин магид, бин калынит, за‘банот, фа‘мхи; селения – Адехен, Ди-Негехен, Тийхен и др. У многих жителей есть дома в Да‘рьхо. Среди племен восточного Хагьхера – бин хабши, хазмхо, ремхо и другие; селения – Кодэ, Ибдехур, Зибархе, Бин ‘Афрар (по названию племени, к которому принадлежал султан), Сайфи, Ре’ и др. Племена западного Хагьхера включают иль меро, хардхо; селения – Ди Хакок, Мишфет, Ди Наха и т. д. По данным Моррис, племена западного Хагьхера отгоняют скот в Рёкиб ди Фирьмхим или в Рэйгед, некоторые, как хадэрхо, остаются в своем районе. Племена центральной части переходят в долины или на север в свое поселение Ма‘нэфо.

10. Западно-центральные горы и равнины

Моррис выделяет в этом районе несколько частей – Рэйгед, Айхофт. Среди местных племен – кэрбеб, шидерхо, хадерхи, баль соуэтэр и др. Селения – Рэйгифт, Кэлемо, Стэр, Рохо и др.

Времена года, откочевки и пространственная ориентация скотоводов

Природно-климатические условия и вытекающие из них особенности хозяйственной деятельности скотоводов (в том числе и в пальмовом хозяйстве) определяют особое представление о сезонности, традиционно существующее у сокотрийцев. Они различают четыре основных сезона года. Первый из них – *qiyat* (*килт*), который длится примерно с декабря по февраль. В это время осадки, как правило, редки. Второй – *d'oto* (*дото*), с марта по май – это сезон дождей. Третий – *hogf* (*хорф*), с конца мая по август, сезон сильных ветров. В это время собирают урожай фиников. Четвертый – *sereb* (*сэреб*), с сентября по декабрь. Есть еще краткие промежуточные периоды, межсезонья, которые имеют свои названия.

Отгон обычно бывает вертикальный – из долин на холмы и обратно, как в пределах территории своего племени, так и с выходом за ее границы. Он вызван, в первую очередь, необходимостью переместиться в район, где на пастбищах есть корм для скота и вода (в том числе в сезон дождей, когда прежнее место обитания не дает таких возможностей). Но есть и другие причины – необходимость перебраться с жаркого места в более прохладное или с холодного в более теплое, укрыться от сильных ветров. Кроме того, отгон скота происходит тогда, когда скотоводы идут на пальмовые плантации для сбора урожая фиников или – в отдельных случаях – в прибрежные районы для ловли рыбы.

Как правило, у сокотрийских племен есть принадлежащие им территории основного обитания и территории отгона, где существуют временные жилища. Помимо основных маршрутов отгона есть и альтернативные – для экстремальных сезонов. В каждом районе откочевки имеют свои особенности, в одних случаях территории расположены близко друг к другу, в других – далеко. Во время моих первых поездок на остров мне рассказывали, что племена Восточного района лишь иногда совершали откочевки, причем на близкие расстояния (хотя вообще они очень мобильны), а племена Центрального района или соседствующих с ним территорий регулярно откочевывали со скотом на горные пастбища. Так делали, например, жители селения Рёкиб. У них есть два поселения: одно – постоянное, другое – временное, куда жители перебирались на сезон сбора фиников (расстояние между двумя поселениями очень небольшое).

В связи с этим необходимо упомянуть о крайне интересной системе ориентации сокотрийцев по сторонам света, неотделимой от их полукочевого образа жизни. Сами сокотрийцы делят все откочевки на три вида: *mezхирё* (*mezhire*), *меркиё* (*merqiyu*) и *матино* (*mat'ino*). Два первых, главных вида – это регулярные сезонные откочевки. Сначала из разговоров, которые я вел с сокотрийцами на эту тему, мы никак не могли уяснить суть этих терминов, хотя чисто теоретически система откочевок представлялась понятной. Наиболее исчерпывающее объяснение информантов было следующим: «*Мезхирё* – это такая откочевка, когда из одного места, расположенного в *меде*, люди отправляются в другое, расположенное в *тете*, а когда люди переходят из *тете* в *меде*, это уже *меркиё*». Остается выяснить, что такое *меде* и *гете*.

Леслау объясняет данные слова следующим образом: *mede ветер с юга* (Leslau, 1936: 238), *sete север, ветер с севера* (Leslau, 1936: 435). При этом в семитских языках фиксируется удивительное явление, касающееся данных терминов, явно восходящих к одному прасемитскому корню. В махри *medid ветер с севера* (а не с юга). В аккадском *sutu юг*, *ветер с юга*. Отсюда арамейское *shuta юг*. В языке гезз *samen юг*, в амхарском *север*. Иначе говоря, налицо противоположность значений одного и того же термина в разных семитских языках. Т. Нёльдеке обратил внимание на это явление и пытался объяснить его (Nöldeke, 1910:

62–63, а также 81 и далее).

Но как связаны понятия *mede* и *guete* с ориентацией сокотрийца по сторонам света? А может быть, не только сокотрийца и не только по сторонам света? Существование равнозначных (пусть и поменявшихся местами) понятий у древних семитов, в частности аккадцев, дает основание полагать, что у сокотрийцев они весьма архаичны, а по опыту мы уже знаем, что многие пласты общесемитской лексики в сокотрийском сохранили свое если не изначальное, то изменившееся в меньшей степени, чем в других живых семитских языках, содержание. Не попытаться ли найти здесь некие общие закономерности, которые могли бы предопределить такое расхождение одних и тех же семитских терминов? Далее. Странно, что в этой паре терминов идет противопоставление только по двум сторонам – югу и северу, а восток и запад отсутствуют, хотя ориентироваться на восток и запад было бы легче в связи с движением Солнца. Кстати, древние погребальные сооружения, культовые и другие постройки у сокотрийцев были ориентированы именно по оси восток – запад. Напомним, что в других семитских языках слова этого корня имеют значения, связанные с иной системой понятий, а именно с сезонами (в частности, арабское *sitā'*).

Можно предположить, что пара противопоставленных друг другу в сокотрийском языке терминов связана с дихотомией не только север – юг, но и зима – лето (или холод – тепло, хотя изменение температуры не обязательно прямо ассоциируется со сменой сезонов, где решающее значение для их различия имеет присутствие дождя и ветра), а также верх – низ (горы – равнины).

Сделанное предположение подтверждается тем, что разница между откочевками *mezхирё* и *меркиё* непосредственно не определена противоположностью их направленности по оси север – юг. Первый вид откочевки – сверху вниз, с гор на равнины, из холода в тепло, из безводной зоны в зону, где есть вода и корм (в данный сезон), т. е. на зимние пастбища. Второй вид – снизу вверх, с равнин в горы, из жары в прохладу, из засушливой зоны в зону, где есть вода и корм (в данный сезон), т. е. на летние пастбища. Сезонные откочевки лишь в большинстве случаев (но не во всех) совпадают с направлением север – юг; кроме того, на зимние пастбища можно переходить как в северном, так и в южном направлении.

Сезонная откочевка с гор или предгорий Хагъхера вниз в северном направлении (окрестности поселков Хадибо, Кам, Карья, Делиша и др.) действительно называется *d-sete*. Этим же термином обозначаются сами лежащие внизу, на севере земли. Однако откочевка на юг не именуется ни этим, ни противоположным термином из рассматриваемой пары – в этом случае просто указывают место, говорят, что откочевывают в Махферхен, Хальми и т. п. Откочевка в Хадибо называется также особым термином – *siḥa*, но этимология этого слова неизвестна. Соответственно, движение с северных равнин вверх, на юг называется *dī-medē*, то же слово применяется и для обозначения самих этих районов.

К этому надо добавить, что в сокотрийской культуре противопоставление верх – низ, горы – низины вообще имеет гораздо большее значение, чем многие другие пары. Об этом, в частности, говорит другая пара терминов, указывающих направление: *d-sa'anhen* в сторону гор – *d-gāti* в сторону долин. Возникновение этой дихотомии обусловлено наличием на острове двух культур, двух образов жизни, двух типов хозяйства, наконец, двух основных групп населения – горцев-скотоводов и жителей прибрежных районов.

На южном побережье, в Ноугеде откочевка с гор вниз, на прибрежную равнину, т. е. в южном направлении, называется *minged Nouged*, так же именуются сами прибрежные районы. Перемещение вверх называется *dī-medē* и этим же термином обозначают сами районы, находящиеся на возвышенности, т. е. на север от побережья.

Как уже говорилось, сокотрийские скотоводческие племена в обычных условиях (т. е.

исключая экстремальные ситуации: засуху, эпидемии, болезни скота и т. п.) откочевывают на одни и те же используемые ими в течение многих веков и, следовательно, принадлежащие им сезонные пастбища. Как правило, в районе этих пастбищ они имеют дома (или пещеры), где живут с семьями в течение нескольких месяцев.

Но иногда возникает кризисная ситуация, когда выпас скота на своих пастбищах по той или иной причине невозможен. В таком случае возникает необходимость третьего вида откочевки, называемого *mat'ino*. *Mat'ino* может иметь место в любое время года и на любую территорию. Племя, род или семья, находящиеся в бедственном положении, просят племя или род, которому принадлежит пастбище, где есть корм, о помощи. Обычно хозяева разрешают пострадавшим от засухи поселиться у себя и пасти скот на своих пастбищах, пока «Аллах не осчастливит их и не прольет на их земли дождь». Рассказывали, что просители платили дань тем, кто оказывал им гостеприимство. Дань, называемая *mezbedo*, выражалась в деньгах или в натуре (скот, масло, финики).

Хотя в системе пространственной ориентации сокотрийцев Калансия с окрестностями именуется *fotk*, а откочевка в этот район, естественно, – не то же самое, что откочевка на Юг или Восток (эти районы резко отличаются по природным условиям), любая случайная, или, по сути, «аварийная», откочевка во всех случаях называется одинаково. Так, мне приходилось слышать, что бедуины племени бени малек из Диксама (на границе между Центром и Западом) называли *mat'ino* неожиданные откочевки и в Калансию, и в Ноугед, и в Рас-Муми, т. е. соответственно на Запад, Юг или Восток.

И *mezхирё*, и *меркиё* – это откочевки в строго определенные районы, куда и спускаются, и поднимаются. Откочевывали сверху на один-три месяца, в зависимости от района и конкретных погодноклиматических условий, и обычно в ноябре – декабре, когда наверху становится холодно и нет травы. Жители Хагъхера имели постоянную территорию для *mezхирё* в долинах Восточного района. Одно из широко распространенных направлений – также с гор Хадибо (*d-sete* – в шете) и обратно (*d-medede* – в меде). Жителей столицы именуют *seytho гуетцы* (от слова шете). Аналогично: *nigdho ноугедцы* (жители Ноугеда), *qadbho кадубцы* (жители Кадуба), но бедуины всегда *soqatri!* В то же время и с учетом этого факта нельзя утверждать, что *sete* – именно северное направление, так как Кадуб тоже расположен к северу от Хагъхера, но кадубцев не называют шетцами.

Британский эксперт Дж. Браун, инспектировавший Сокотру в 1966 г., отмечал, что обычной практикой выпаса на Сокотре являлись локальные сезонные миграции, всегда на ограниченной территории и на ограниченное расстояние: обычно на 1–2 мили (1,6–3,2 км), «с горки или на горку». Браун не обнаружил скотоводов, которые бы владели скотом или пастбищами на далеко отстоящих друг от друга территориях, хотя в отдельных случаях это имело место благодаря вступлению в брак либо получению наследства. Право на выпас было жестко определено. В частности, владельцы крупного рогатого скота из округа Хадибо в периоды сильнейшей засухи имели право пасти коров на пастбищах гор Хагъхер, где они в обычное время не могли этого делать. Это право предусматривало выпас только коров вместе с маленькими телятами, но постоянные жители Хагъхера имели право и этот выпас им запретить. Как бы в противовес этому жители другого населенного пункта Северной прибрежной равнины, которые не обладали четко определенным правом пасти скот на склонах холмов непосредственно к югу от прибрежной равнины, тем не менее, всегда делали это, и горцы (точнее, жители предгорий) не могли отказать им в этом, равно как и жители равнин не могли отказать в праве выпаса скота горцам на равнинных пастбищах в сезон дождей, как, например, в Данисе. Верблюдоводы, обитающие близ Хадибо, обладали абсолютным правом пасти скот на пастбищах в одной из долин (Аяхт?), где также могли пасти скот в сезон дождей (долина

является «дождевым пастбищем») бедуины с плато Тайнире. В то же время в областях, лежащих на запад от Хадибо, существовала практика выпаса верблюдов только с согласия жителей, имеющих право на эту территорию (см.: Brown, 1966).

Общая характеристика скотоводческого хозяйства

Даже оценочный подсчет численности поголовья домашнего скота на Сокотре был всегда затруднителен ввиду многих причин, в том числе недостаточного участия человека в выпасе части поголовья. Но сегодня можно дать более точные, чем прежде, оценки. Конечно, полевые наблюдения важны, однако, к примеру, на склонах какой-либо из гор Хагъхера может в свободном выпасе бродить, пощипывая кусты, 500 коз, а вы не увидите ни одной. Тем не менее, по данным консультанта Европейского Союза, проводившего полевые наблюдения на Сокотре, в 2000 г. на острове насчитывалось (Miller, Morris, 2002: 303): коз – 29 300;

Илл. 4. Каменная изгородь

Илл. 5. Овцы на пастбище

овец – 7300;
коров – 500;
верблюдов – 400;
(число ослов не упоминалось).

Сравним эти цифры с теми приблизительными оценками, что приводил Дж. Браун в 1966 г. (Brown, 1966: 25).

Коз – 19 000 (они были в избытке лишь на ограниченных территориях худших для пастушеского хозяйства районов острова, т. е. на равнинах, в больших вади, в анклаве Хадибо, а на западе и особенно в Хагъхере потенциальные пастбища для коз недоиспользовались).

Илл. в, 7. Козы – самый распространенный вид домашнего скота

Овец – 26 000 (в силу непонятных сегодня причин это была явно избыточная численность, создававшая предельную нагрузку на кормовую базу, однако точность подсчета невозможно проверить; илл. 4, 5).

Коров – 1800 (в то время почти все поголовье, за исключением не более полутора ста животных, находилось в пределах Хагъхера, потом коровы стали появляться и в других районах; илл. 33 на цв. вкладке).

Верблюдов – 350 (тогда они разводились только бедуинами востока и юго-востока, в последние годы же этих животных явно больше: мы встречаем их и на холмах Северной прибрежной долины и в Центральном районе (илл. 34 на цв. вкладке).

Ослов – 500 (по наблюдениям Дж. Брауна в 1966 г., их держали только бедуины восточной и южной части острова, которые были более других склонны к миграциям и имели что перевозить).

На естественных пастбищах, считал тогда британский эксперт, поголовье крупного рогатого скота не могло быть увеличено. В целом поголовье скота на острове было небольшим, на голову приходилось приблизительно 8 га пастбищ (но на горных овечьих пастбищах – в среднем 2,4 га), на востоке – не менее 1,6 га. Единственными экономичными животными, которых на Сокотре могло быть гораздо больше, – это козы.

Эксперт не нашел объяснений тому факту, что козы, которым ничто не угрожало со стороны хищных животных и людей, не размножились в числе, адекватном возможностям пропитания, как это можно было бы ожидать, хотя они могут размножаться и без контроля человека, что доказано существованием большого числа диких коз, иногда образующих немалые стада там, где пастбища не заняты домашним скотом (илл. 6, 7).

Дикие козы, которых горцы называют *tahrir*, в прошлом в изобилии водились на Сокотре, но сегодня их на острове практически не осталось (один информант предположил, что если таковые где-то и сохранились, то, возможно, в горах над Калансией). Еще живы горцы, которые любят похвастать, как они некогда гонялись по горам за дикими козами и как им удалось

поймать одну из них. Такие козы одного вида внешне практически не отличались от домашних, но жили на свободе и убегали от человека при его приближении. Можно легко предположить, что это была не какая-то особая порода коз, а одичавшие домашние, что подтверждалось и легкостью их приручения, о которой рассказывали информанты. Другой вид дикой козы назывался *tahrir di zimezehen*. По утверждению информантов, эти козы и бегают по горам быстрее и внешне якобы несколько отличаются от домашних, причем всегда бывают бело-коричневого цвета. Диких, точнее, одичавших коз ловили сетью, веревку от которой протягивали на большую длину к спрятавшемуся ловчому. Скотоводы рассказывают и о существовании одичавших овец: их просто отпустили в благополучный год, так как было невыгодно ими заниматься. Логично предположить, что одичавший скот, поживший на воле, а может быть, и родившийся от уже одичавших животных, становится крепче, сильнее, а то и крупнее своих домашних сородичей.

Нельзя согласиться с утверждением Брауна, будто бы на острове не было каких-либо эпидемий, приводивших к массовому падежу скота: я слышал от пастухов о таких эпидемиях и собрал о болезнях домашнего скота некоторую информацию (которую, к сожалению, трудно проверить у специалистов по ветеринарии, кои на острове пока отсутствуют). В частности, сокотрийцы называют в качестве губительной для коз одну из болезней, чесотку, по-сокотрийски *garb*. Моррис отмечает, что под ней, возможно, имеется в виду «саркоптическая чесотка», *sarcotic mange*, и что горцы считают, будто эту болезнь завезли с континента во времена правления последнего султана 'Исы бин 'Али (Miller and Morris, 2002: 347). Пастухи утверждают, что есть две формы этой болезни. Первая из них – «внешняя», когда шкура козы белеет и дубеет, шерсть выпадает, животное часто чешется, шкура расчесывается и появляются кровоточащие язвы. На первоначальном этапе пастухи мажут эти места жиром, надеясь, что он поможет, но коза обречена, и ее, как правило, убивают и закапывают или закладывают камнями. При второй, «внутренней» форме проявления болезнь напоминает корь, считается, что если хворь выходит наружу, через появляющиеся пятна, то коза может выздороветь. Не исключено, что этим же словом *garb* обозначаются также другие сходные, неэпидемические болезни коз.

Еще одно, более легкое заболевание называется *тэвзэгк*. Пораженное им животное тяжело, с хрипом дышит. Эту болезнь традиционно лечат прижиганием раскаленным железом с двух сторон шеи. Тем же способом у домашних животных лечили и заболевания желудочно-кишечного тракта. Симптом одного из них помимо поноса – падение удоя. Такое заболевание называется *kabt* и лечат его прижиганием на животе. В другом случае, не сопровождаемом падением удоя и называемом *masrah*, или *mahrüg*, животному делают прижигание на затылке. На животе делают прижигание и при других заболеваниях – *talhim*, при котором коза или овца слабеет и худеет, и *kila*, с похожими проявлениями. У коров случается болезнь, называемая *ge'f*, при ней корова «трясет головой, как сумасшедшая», тогда ей делают прижигание на затылке. Распространенное желудочно-кишечное заболевание скота – *'uqäba*, при котором животное тоже худеет и часто страдает от поноса. Заболевших животных забивают.

Английский ученый сообщал также, что ранее на Сокотре будто бы не воровали скот, но и тут он был не совсем прав: о таком явлении упоминается в записанных нами фольклорных текстах. Правда, воровство, которое наблюдалось лишь в периоды засухи, вызывало решительное осуждение. «Видимо, – замечал английский исследователь, – козопас стремится ограничиться минимальным количеством скота, – которое он способен доить, с легкостью забивая приплод на мясо. Это претит правилам любых других пастухов, особенно в отношении приплода женского пола».

Браун считал, что только разведение коз имело перспективы на острове с точки зрения и «улучшения» породы, и увеличения численности поголовья. Он выдвинул тогда идею заняться здесь разведением каракульских овец – что сегодня абсолютно неактуально ввиду отсутствия спроса на каракуль. С разведением таких овец, по его мнению, бедуины могли бы легко справиться: шкурки каракуля не подвергаются порче, их легко транспортировать. Он писал: «Если в Южной Африке фермеры могут с выгодой для себя разводить каракульских овец в условиях пустыни Калахари, то почему бы этого не сделать на Сокотре, ведь в Калахари овцы живут лишь подножным кормом?» (Brown, 1966: 26).

Мы имеем возможность убедиться, что за истекшие с тех времен более четырех десятилетий численность коз действительно возросла, а овец – резко упала. Во время моей жизни на острове в 70–80-е годы у меня не было возможности определить численность поголовья домашнего скота, но можно было сказать с определенностью, что овцы и тогда уже уступали по числу козам, и эта тенденция, видимо, активно развивалась в дальнейшем.

Скот на Сокотре разводили и сейчас разводят в основном на молоко, служащее не только одним из основных продуктов питания, но и сырьем для изготовления масла и – главное – масла *хами*, основного товарного продукта сокотрийских скотоводов, на который они могли выменивать практически все, что они не были способны произвести сами: от сахара и риса до железа и тканей. На мясо всегда шел преимущественно мелкий рогатый скот, который вполне удовлетворял потребности людей в этом продукте; коров забивают на мясо крайне редко, так как у них период лактации может длиться дольше, и, соответственно, их ценность как источник получения молока намного выше. Этот период у коров длится более 300 дней, если не прерывается новой беременностью; теленок же до трех месяцев питается исключительно молоком матери, после чего он в состоянии дополнять питание и из других источников (Miller and Morris, 2002: 305).

Что же касается сокотрийской козы, то у нее период лактации весьма короток – всего около 4 месяцев (для сравнения: у специально выведенных пород молочных коз он длится при хороших кормах до 2 лет), а доить ее начинают через несколько недель после окота, в течение которых козленок питается исключительно молоком матери. Он начинает жевать траву и жесткие листья кустарника в возрасте 2–3 недель, а через 10 недель после рождения – может питаться любой твердой пищей (см.: Miller and Morris, 2002: 304). Именно для того чтобы получать в этот короткий период лактации максимальное количество молока для своего потребления, пастухи режут большую часть козлят мужского рода в возрасте от 10 дней, когда коза уже хорошо доится, до одного месяца. На Сокотре можно часто видеть стоящую на задних ногах у деревца козу, объедающую нижние листья. Более удивительное зрелище – бродящие по улицам Хадибо и других прибрежных поселков козы, которые поедают любую валяющуюся на земле бумагу и даже картонные ящики (иногда и с заметными следами стирального порошка).

В семьях сокотрийских скотоводов существовало традиционное разделение труда. Когда я впервые посетил остров в 1974 г., доением всех видов домашних животных занимались исключительно мужчины, женщины вообще не имели права доить. Можно с уверенностью предположить, что это стойко укоренившееся в сокотрийском обществе правило восходило к древним табу, ритуальным запретам, связанным, очевидно, с мифическими гендерными представлениями, согласно которым женщина ассоциировалась с вредоносным или колдовским началом. Однако уже в 80-е годы этот запрет, по моим наблюдениям, нарушался, не в последнюю очередь под воздействием социалистической идеологии установившегося в Южном Йемене левого режима, при котором проповедовалось равноправие полов и размывались старые родоплеменные социальные и культурные нормы. В наши дни под воздействием модернизации запреты такого рода постепенно уходят в прошлое, но в некоторых местах, прежде всего

Центрального и Западного районов, женщинам по-прежнему не позволяют доить. Информанты рассказывали мне, что иногда мужчины отказываются пить молоко или даже употреблять изготовленные из него продукты, если подозревают, что доила женщина. Эрозия запрета касается, в первую очередь, доения овец – животных менее престижных, чем считающиеся благородными козы, которыми в большей мере владеют женщины. В некоторых местах, как я видел, женщины доят уже и коров, и коз, но только не верблюдиц. Доить верблюдиц – повсеместная привилегия мужчин. Кроме того, женщины не имели и не имеют права резать скот. Но женщина сбивает масло и занимается приготовлением масла *хами* (см. о технологии его приготовления в шестой главе), пасет скот, приносит для него воду.

Обеспеченность водой – главное условие успешного функционирования пастушеского хозяйства. Засуха всегда была подлинным несчастьем для сокотрийских племен. Мне самому пришлось быть свидетелем огромных трудностей, переживаемых скотоводами, когда я жил на острове в пору засухи (удивительно, но гостеприимство сокотрийцев не иссякало и в это трудное время, а их высокое достоинство оставалось столь же непоколебимым). Однако в исторической памяти сокотрийцев сохранились воспоминания о страшных бедствиях, постигавших островитян в ту эпоху, когда они находились практически в полной изоляции от мира: бескормица, нехватка воды, массовый падеж скота, болезни, смерть большого числа людей от голода. Именно в те времена сокотрийцы не успевали хоронить всех умерших – так их было много, а здоровых людей и сил мало, а потому, согласно обычаю, трупы складывались в пещерах, входы в которые закладывались камнями. Не случайно в сокотрийском языке до сих пор существуют названия (конечно, их знает только старшее поколение) тех страшных лет, которые одновременно показывают нам, как горцы старались выживать, используя скудные возможности природы. Назову те наименования, которые мне довелось записать.

'eno di mindo' – год, когда стервятники склевывали тела умерших; 'eno di halqa – год, когда люди «сгибались» от голода; 'eno di misibili – год, когда люди ели солому от проса;

'eno di gem'ano – год, когда вымерли все козы, кроме тех, которые еще не родили;

'eno di ummat – год, когда умерли все люди [в племени], кроме одного;

'eno di artah – год, когда для еды ничего не оставалось, кроме козлятины;

'elo di megeris – год, когда приходилось переходить с оставшимся скотом с места на место, где были остатки травы;

'eno di kidihir – год, когда ели сердцевину пальмового ствола; 'eno di mahtighebeten – год, когда от голода ели беременных коз, своих или сворованных.

Конечно, внутриплеменная солидарность и взаимопомощь племен – главное, что помогает выживать скотоводам в трудные годы. Выше упоминалась, в частности, откочевка *мат 'ино*. Есть и более специфические механизмы. Один из них – система устойчивых дружеских связей людей, живущих в разных климатических зонах и занимающихся разной хозяйственной деятельностью. Партнер по такой дружеской связи именуется *mahrif* (ma'rif). *Махрифы* приезжают или приходят в гости друг к другу, обмениваются подарками, помогают друг другу и выручают в случае необходимости. Как мне рассказывали мои друзья из племени да'рьхо, если кто-либо из них имеет махрифа в Хадибо, он может привезти ему в подарок козу, бурдюк фиников, жир, одежду и т. п. Махриф из Хадибо приходит к нему помогать снимать урожай фиников, тоже приносит подарки. Они питаются друг у друга, в частности, горец у горожанина – рыбой.

Особая роль коз

Козы и овцы у сокотрийцев различаются по месту в иерархии домашнего скота. Коза имеет значительно более высокий статус, чем овца. Этот «аристократический» статус наверняка объясняется традиционным для древней Аравии культом этого животного, подкрепленным многочисленными мифами. Однако современные сокотрийские скотоводы дают высокой статусности козы сугубо практическое толкование, вовсе не лишённое смысла. Овцы – глупые животные, они не отзываются на свою кличку, в отличие от коз, каждая из которых знает свое имя и идет к хозяину, если он ее подзывает. Козы дают больше молока. Их фактически не надо пасти: утром можно выпустить из загона на целый день, и они все равно вернуться. Овец же надо на ночь непременно собирать в загон, иначе они разбегутся. Козы узнают своих хозяев. Коза может дольше, чем овца или корова, обходиться без воды, если вокруг есть достаточно кустарника, листья которого она общипывает; в отличие от нее овцам и коровам нужна трава. Овцы сильно загрязняются, в отличие от коз, поэтому раза два в год их обязательно приходится купать.

Реминисценцией обожествления козы можно считать существование среди коз животных особо высокого статуса. Первый тип подобного животного – *махзаза* (mahzaza). Один из моих сокотрийских информантов уподобил махзазу среди коз «мудрецу среди людей». Дойка коз, принадлежащих к этой категории, является исключительной привилегией мужчин, кроме того, женщины не могут пить их молоко, его запрещено заливать в бурдюки и хранить в них, сбивать из него масло, продавать. Кипятить это молоко (а сокотрийцы кипятят его перед употреблением в пищу) также позволено лишь мужчинам, но женщине разрешается взять в руки таз, в котором молоко стояло на огне. Сакральным молоко, получаемое от махзазы, считается и по сей день, хотя это представление и несколько размывается по мере модернизации жизни и ослабления традиционных обычаев (например, сегодня в случае острой необходимости козу осмеливается подоить и женщина). Подразумевается, что с молоком пьющему передается некая благодать, дается благословение.

На мясо махзазы подобное табуирование не распространяется, его разрешено употреблять в пищу всем. И здесь довелось слышать от информантов логичное объяснение: «А почему же его не едят все? Ведь коза уже не живая, зарезанная!» Иначе говоря, сакральность покинула козу вместе с жизнью. Само же заклятие не противоречит сакрализации, так как перед ним исполняется обряд *дуа* (du‘ā’) – моления, обращенного к Богу, чтобы он простил умерщвление этого животного и даровал благополучие. Дуа совершается перед закланием не всех, а лишь статусных коз. При этом мужчина, присев на корточки, держит животное за рога. Во время исполнения дуа козе нельзя показывать нож, чтобы она не поняла, что будет зарезана. Правда, информант с явным сочувствием к страданиям животного сообщил, что мудрая коза, к сожалению, догадывается, что ее ожидает, и иногда дрожит во время дуа. Обряд, безусловно, является реминисценцией доисламского жертвоприношения (оно в измененном виде сохранилось и в исламе), о чем свидетельствует использование в тексте слова *qaninhin* (букв. «хозяин», некий аналог известного семитского *bal*). Ясно, что когда-то здесь (см. текст дуа в главе девятой) использовался лишь этот термин, в процессе же исламизации к нему было добавлено *Allah*, но это парное обращение явно не аутентично. Мясом махзазы угощают почетных гостей, это наивысшая честь. Из шкуры махзазы разрешается изготавливать бурдюк (опять же потому, что она «уже не живая»). Животных этой категории содержат в отдельном загоне. Козлятам мужского пола из потомства, полученного от махзазы, не дают дожить до зрелости, так как они не должны покрывать коз, их режут в младенческом возрасте. Махзазу может покрывать любой козел. Иначе говоря, сакральная наследственность, как верят сокотрийцы, передается «по женской линии»; понятно, что при такой системе разведения махзаза внешне ничем не отличается от остальных коз.

Второй тип статусной козы – *мегредо* (*megredo*), или *ди уэхеб* (*di we-heb*). В отличие от молока махзазы, ее молоко разрешено греть на огне и даже пить женщине. Однако табуируется сбивание из него масла и продажа этого молока. Женщинам позволено доить мегредо наравне с мужчинами, за исключением периода *heza* – буквально «излияния», «нечистого состояния» (дней менструального цикла). При этом мегредо, так же как и махзазу, доят в специально отведенных для этого местах, отдельно от других коз, но держат в загоне вместе с другими. Из всего этого следует, что статус мегредо ниже, чем махзазы, но выше, чем обычной козы («рядовых» коз называют *ди гизхер* /*di gizher*/), они – животные «второго класса». Козлятам мегредо, как и представителям коз «первого класса», придается особый статус: козлики также должны быть зарезаны до наступления половой зрелости.

Любопытно, как толкуют сокотрийцы само происхождение коз с привилегированным статусом. Этот миф сам по себе – часть явно древнего культа. Одно и то же объяснение в разных версиях повторяли несколько информантов, что свидетельствует о широком распространении легенды.

Один мужчина лег спать и в сумерках увидел тень. Это был *дид-бахт* (*di-d-baht*), дух, или джинн. Дидбахт прыгнул на одну из коз, хотел загрызть ее, но успел лишь отхватить зубами кусочек плоти, – ей удалось убежать. У козы остались шрамы, хозяин сохранил ее и завещал перед смертью относиться к ней по-особому. Так и появились запреты, которые по сей день соблюдаются в отношении к махзазе и мегредо, ведущих свое происхождение, как считается, от той козы.

Этот рассказ очень напоминает легенды о происхождении того или иного сокотрийского племени от мифического предка, а также рассказы о людях, якобы спасшихся от нападений джинов и колдуний.

Один из моих основных информантов и сокотрийских друзей – сын шейха, моего уже давно покойного первого сокотрийского друга и знатока сокотрийского фольклора 'Амера Ахмеда. После смерти своего отца он и сам – шейх племени да'рхо 'Иса Алмер, состоятельный хозяин, в большом стаде которого – лишь незначительное число статусных коз: 20 махзаз и 15 мегредо. По его признанию, культ статусных животных постепенно уходит в прошлое и вскоре, наверное, совсем исчезнет. Многочисленные табу лишь осложняют жизнь молодого поколения сокотрийских скотоводов – исламизированного и модернизированного, не склонного соблюдать старинные обычаи и бояться их нарушения. Уже есть хозяйства, в которых практически не осталось коз с привилегированным статусом.

Социальные отношения, наемный труд, разделение труда

Сокотрийские племена в течение долгих веков сохраняли поразительно стойкие традиции взаимопомощи и сотрудничества, кооперации, помогающие островитянам выживать в самые трудные времена. Что же касается наемного труда, то во время первых сезонов моей полевой работы на острове он в скотоводческом и пальмовом хозяйстве применялся весьма ограниченно и преимущественно в традиционных формах: здесь натуральный и товарный обмен и наем рабочей силы совмещаются с отношениями традиционной родоплеменной и семейной бескорыстной взаимопомощи, существующими наряду с весьма специфической системой разделения труда. Эти формы в немалой степени сохранились и поныне, вопреки неуклонной модернизации и развитию рыночных отношений. Фактически упомянутая выше система *махрифов* вписывается в общую картину социально-трудовых отношений.

В семье бытовало жесткое разделение труда: для мужчин, женщин, девочек, мальчиков и

стариков существовал строго определенный репертуар обязанностей, прав и функций. На мужчину возлагались основные хозяйственные обязанности – пастьба, дойка и т. п. Всех животных ныне доят один раз в день, раньше овец доили дважды (редко бывает, что коз доят через день). Если воды достаточно в водоемах и ручьях, животные пьют сами (их надо отводить к водоему или источнику), если нет – их приходится поить. Женщина занимается приготовлением пищи, уборкой жилища, воспитанием дочерей, приносит воду и хворост, занимается овцами (как правило, овцы находились во владении женщин), в том числе в некоторых районах – их дойкой. Девочки во всем помогают матерям. Мальчики проводят время с отцом, помогают работать на плантациях пальм, пасти скот, строить жилища и хозяйственные объекты. Старики помогают женщинам по дому, смотрят за домом и охраняют его, присматривают за маленькими детьми.

Приведем некоторые примеры обычаев, основанных либо на взаимопомощи в чистом виде, либо на ее сочетании с натуральным обменом. Например, термин *темпах* (*semnah*) означает следующее. Человек, не имеющий коз, которые давали бы ему молоко, иначе говоря, находящийся в бедственном положении, просит у соплеменника или человека из другого племени в долг несколько животных (обычно 10–15 коз). Получив их, он в течение определенного времени использует молоко, а потом возвращает коз обратно. Никакой оплаты при этом не требуется. Остро нуждающимся при возможности дают немного сливочного масла или масла *хами*. Есть термин *маатобо* (*ma'tobo*), относящийся к другой ситуации. Человек, к примеру, взял пасти к себе в стадо 5 коз, принадлежащих другому хозяину. Козы хорошо кормятся, набирают вес. За это их пастух имеет право одну козу зарезать для собственных нужд.

Существует термин *шельфа* (*selfa* или *sersit*), означающий следующее. Когда у человека по какой-либо причине не осталось коз, он обходит людей и у каждого просит безвозмездно и получает по одному животному, таким образом набирается маленькое стадо. *Шесраде* (*sesräde*) – когда бедный человек вечером ходит по домам, просит дать ему жира, все дают по *финджану* (араб, *чашка*), пока не наберется некоторое количество. Есть и такой обычай: когда мальчик достигает возраста примерно четырех лет, старший в семье (обычно дед) дарит ему козу или корову, которая считается в стаде его собственностью.

Если в семье есть маленькие дети, и она испытывает материальные трудности, глава семьи может попросить у сородичей, соплеменников или соседей молока, чтобы накормить детей. В этом случае ему могут выделять сколько-то молока после каждой дойки или могут приглашать его самого принять участие в дойке, с тем чтобы он мог набрать столько молока, сколько хозяева согласились давать для его детей без ущерба для себя.

Один из видов помощи – разрешение владельца пастбища нуждающемуся человеку пасти на нем какое-то время своих коз, за что тот человек отдает одну козу, либо режет ее, чтобы устроить праздничную трапезу для семьи хозяина пастбища, и это называется особым словом – *гизбид* (*gizbid*).

Очень важен статус земельного угодья, которым владеет то или иное племя. Если землю эту называют *маашар* (*ma'sar*), значит, ее не имеет право использовать никто, кроме членов данного племени. Существует такой вид угодья, который называется *мебдэхель* (*mebdehsel*): это земля, расположенная между загонами и скотными дворами разных хозяев, которые соответственно в равной степени имеют право использовать ее для выпаса скота. Они могут разрешить выпас на ней и постороннему человеку, который расплачивается за это парой коз, теленком, маслом или деньгами, но бедняка могут освободить от платы.

Таким образом, обедневшему или попавшему в затруднительное положение родственнику, соплеменнику, соседу помогают либо скотом, либо молоком, либо маслом хами,

либо деньгами, либо предоставлением возможности пасти скот на не принадлежащей ему территории. Конечно, нуждающийся человек может и наняться на работу.

В относительно «чистой» форме наемный труд применяется в пальмоводстве (илл. 8), но компенсация за эту работу даже сегодня часто предоставляется в натуральном виде. Если семья владеет, например, 50 пальмами, ей нужно нанять не менее пяти помощников в сезон прививки и в сезон сбора урожая. За это помощникам отдают одну пятую урожая фиников – *хумс* (араб.), т. е. плоды с десяти пальм.

Илл. 8. Финиковая плантация

Как мы видим, «пятерина» в нескольких случаях – натуральная плата за услуги. Если помогают только срезать ветки с финиками во время сбора урожая, за это дают ветку с плодами, что называется *ди кесихи* (di kes'ihī). Иная ситуация – *ди шани* (di šāni): когда на чьей-либо земле другой человек сажает и полностью выращивает пальмы, то урожай делится пополам. Есть еще система *хали* (ḥāli): если есть место, – посадить дополнительные пальмы на той же земле, рядом с теми, что входят в *ди шани*, независимо от того, согласен на это хозяин земли или нет.

Загоны для животных и водосборники

Сокотрийские пастухи возводят различные хозяйственные сооружения из камня, которые используются как загоны для скота и предназначены для различных целей.

Сооружения для коров, коз и овец отличаются друг от друга, и этих животных почти нигде, за исключением отдельных территорий северо-востока, не смешивают. Взрослые коровы вообще не нуждаются в загонах, погодные условия позволяют им и день и ночь находиться на воздухе. Однако пастухи все же делают для них огороженный бортами из камня большой по

площади загон (*mannas di-se'litin*), в котором они при необходимости могут оставаться и в котором их доят, поэтому его еще называют *mahlīb*. Иногда этот загон делают крытым, чтобы дать животным согреть друг друга в очень холодную ночь или, наоборот, закрыться от палящего солнца в жаркий день. Созывают коров на дойку, зажигая «костер для дойки» – *mseqtāreh di mahlīb*: корова идет на дым и огонь (коз призывают голосом, они не идут на огонь, хотя и любят запах дыма, идут на него). Телят же надо непременно укрывать в специальном загончике, называемом *микээ* ('*mike'e*) или *хор* (*hōr*). В Хагъхере из камня строят домик *муфди* (*mufdi*), в котором корова телится и там же оставляют на первое время теленка.

Для коз делают круглый каменный загон, называемый *миж'хер*, *гшз'ьег*, стены которого выше, чем у такого же загона для овец, поскольку козы могут прыгать выше, чем овцы. Высота стен обычно не ниже 1,5 м. Если в *миж'хере* отгораживают часть специально для дойки, это пространство называют *гусф* (*gusf*). Делают также крытый загон для того, чтобы укрыть коз от сильного солнца, – иногда внутри *мижхера*. Крыша покоится на столбах-колоннах. В Центральном районе загон этого типа называется *тирбок*, *tirbok*, а в Западном *ходур*, *hodur*. Коз также могут укрывать в пещере – *тыреба*, *tireba*. Козлят, которые могут стать легкой добычей для диких котов, укрывают в маленьких домиках из камня, вход в который на ночь закладывают камнями. Такой домик называется *мехилё*, *mehilo* или *хор*, *hōr*. Маленький домик для козлят или ягнят, в том случае, когда его сверху накрывают одним большим камнем, называют *мирзиф*, *mirzif*.

Для овец загон делают с более низкими бортами, чем для коз, в среднем 1 м и выше, причем борта часто складывают не из камней, а из веток.

Как уже говорилось, главная проблема для скотоводов – обеспечение их хозяйственной деятельности необходимым количеством воды. Она необходима, во-первых, для того, чтобы домашние животные могли напиться и, во-вторых, чтобы на острове росло нужное количество травы и кустарника, которые служат пищей для животных. Разные виды животных нуждаются в разном количестве пищи (об этом уже упоминалось выше) и воды. Корове требуется намного больше воды, чем козе, овце или верблюду. В полузасушливых зонах животные в случае свободного доступа к воде потребляют ее в следующих объемах:

овца – 4–5 л раз в два дня;

коза – 4–5 л ежедневно;

осел – 10–13 л ежедневно;

корова – 30–40 л один или два раза в день;

верблюд – 60–80 л один раз в 4–5 дней (Miller and Morris, 2002: 303).

Источники воды можно разделить на несколько видов. Прежде всего, это *riho di Alla*, «вода Аллаха», т. е. вода естественного происхождения (ручьи, питаемые дождями и текущие в вади, или родники, исходящие из-под земли, природные водоемы). Она не может быть присвоена отдельными людьми. Обычно пользоваться такой водой имеют право те племена, на территории которых она находится, но в засуху она доступна всем. Миллер и Моррис, в частности, выделяют следующие виды естественных источников:

qeyrh, 'аун, *halmi* – источник, им пользуются все, кто имеет право пасти скот в этом районе; они могут не позволять чужим возделывать поблизости землю или строить постоянные жилища;

'*ižeh* – водоем, болотистое место; все, кто имеет право около него пасти скот, могут им пользоваться (илл. 9);

gehi d-iqāfid – поток текущей воды; действуют те же правила; *hōr* – лагуна, лиман с соленой водой; действуют те же правила, что и в отношении пресной воды.

Британские авторы, исследовавшие все районы острова специально под углом зрения

обеспеченности водой, выделили несколько самых больших естественных водных комплексов, в том числе:

Тэр ди Трер (Дитрер) – в Центральном-Западном районе, течет к северной долине, около Ди Хамда;

Гехи ди Калансийя – в Западном районе, течет к лагуне в Калансии;

Илл. 9. Водосборник

Тэр ди Фа‘ар – в Центральном районе, течет в южную долину (Ноугед);

Калисан – в Восточном районе, течет в южную долину (Ноугед);

Гехи ди Мирсирё – в Восточном районе, течет к Карье на восточном побережье;

Гехи ди ‘Ийхур – на востоке; течет к Халле на восточном побережье (Miller and Morris, 2002: 34).

Другие правила существуют в отношении той воды, которая собирается при помощи построенных семьями сооружений и тогда принадлежит, естественно, им. В этом случае вода уже не рассматривается как чисто *рихо ди Алла*, и хотя она тоже дается Аллахом, но сохранена она благодаря труду людей.

В число таких видов источников воды входят колодцы *‘убехур* (*‘ubehur*). Собственность на них передается по наследству. Бывает, что собственники позволяют пользоваться ими нуждающимся соседям. Есть очень давно вырытые колодцы, которые уже стали общественными. В Восточном районе все имеют право поить скот в период засухи, в это же время не нужно разрешения для того чтобы набрать воды для молитвенного омовения, чтобы приготовить пищу или напиться. Если воды мало, ее владелец договаривается с гостями о времени пользования. Еще один вид подобного источника – *‘ātim di riho d-iqāfid*. Это сделанный человеком отвод воды от ручья, который можно использовать для полива пальм. Понятно, что это возможно только там, где такой ручей есть, например, в горах Хагьхера. Термином *мхеши* (*mḥeši*) называют небольшие ямки, вырытые, чтобы дойти до воды в русле реки или глубокого места в период дождей (там же).

Гораздо более сложные сооружения – резервуары, построенные для долговременного удержания дождевой воды. Наиболее традиционное сооружение такого вида представляет собой *лим* (*lim*). Лимы строили в далекую старину, не на памяти живущих, но служат они

потомкам тех строителей и сегодня. Обычно это большой естественный резервуар, куда вода направляется при помощи выложенного из камней желоба, огороженного стенками. Лимы различаются по степени сложности, они могут включать отводные каналы, стенки, ступеньки. Считается, что вода из такого резервуара не очень хороша для человека и используется она преимущественно для поения скота. Водой из лимов могут пользоваться все люди, за исключением случаев, когда резервуар находится на территории непосредственного обитания племени, или известно, что его построили предки ныне живущих здесь людей, которые имеют на него исключительное право. Если лим очень интенсивно используется для поения скота, – для животных делают специальную выгородку из камней (*maqä'ah di riho*), чтобы во избежание излишнего загрязнения не позволить им топтаться везде (Miller and Morris, 2002: 35). Лимы периодически приходится очищать.

Для удержания воды используются также естественные углубления и расщелины в скалах, к которым зачастую подстраиваются стенки, прикрываемые камнями или деревянным настилом. Эти сооружения называются *кот*, *qot*, более крупные – *гимзахур*, *sizahur*, совсем маленькие – *'антэк*, *'anteq*. Резервуарами пользуются те семьи, которые живут на этой территории, но они разрешают пользоваться здесь водой и тем, кто пригоняет скот из других районов. Иногда для того чтобы скрыть такой маленький резервуар от чужих глаз, его обкладывают камнями, и издалека он выглядит как горка камней (тогда его называют *миссур*, *missur*). Чтобы из тех резервуаров, которые предназначены для потребности самих людей, не пила скотина, их обкладывают камнями так, чтобы животные не могли пройти к воде. они обычно называются *'айн*, *'аун*, или *gabiya* (араб. *джабия / габия*). Пастухи считают, что животные вообще не должны напиваться воды вдоволь, когда они пьют слишком много, это ухудшает качество мяса, делает его водянистым.

В 1980-е годы я был свидетелем того, как на острове начинали строить современные водосборники с использованием строительного камня, песка и цементного раствора, это так называемые *кат*, *qat*, или *кариф*, *karif* (йем. араб.). Когда-то так называли естественные бассейны (иногда даже просто углубление в скале). Вода в них может сохраняться довольно долго, и горцы рассказывали мне, что большой кариф кое-где не высыхает лет пять. На острове появились водопроводные трубы, снабжающие деревни чистой питьевой водой. Однако периодически случающиеся засухи остаются бедствием, наносящим большой урон скотоводческому хозяйству.

Теперь рассмотрим несколько более подробно хозяйство скотоводов трех макрозон, или крупных районов Сокотры – Центрального, Западного и Восточного.

Скотоводы Центрального района

Жители горного района – Хагъхера и примыкающих к нему долин в хозяйственном отношении образуют две подгруппы населения. Между ними существуют незначительные различия. И те и другие разводят коров, коз и реже овец, но жители плато – более «чистые» скотоводы, чем те, что обитают внизу, т. е. жители долин, которые больше занимаются пальмовым хозяйством.

На район Хагъхера в прошлом приходилась наибольшая часть поголовья крупного рогатого скота. По приблизительным подсчетам Дж. Брауна, из общего числа в 1800 голов в 1966 г. в Хагъхере насчитывалось 1650 (Brown, 1966: 26), т. е. более 90 %. Скот содержался на выгонах, лишь в исключительных случаях коров запирали в загоне – обычно же они свободно паслись. Во время моих первых поездок по острову ситуация вряд ли была иной.

Сокотрийские короткорогие коровы чрезвычайно низкорослы: высота в холке у них не более 1 м, на вид они выглядят мельче осла. Эта порода неприхотлива и вынослива, хорошо переносит жару, не требует много воды, иногда довольствуется грубыми кормами. Британские специалисты из экспедиции Эдинбургского Королевского ботанического сада считают, что короткорогие коровы были, возможно, когда-то завезены мореплавателями из Западной Азии, независимо на Африканский Рог, восточное побережье Африки и расположенные у Африканского континента острова. Я имел возможность видеть, что такая же порода коров встречается на континенте у пастухов горных районов Махры и Дофара (Оман), родственных сокотрийцам и ведущих сходный образ жизни. Есть данные, что таких коров в исторические времена вплоть до 1920-х годов держали на острове Пемба, и столь же мелкая короткорогая порода существовала на Мадагаскаре, пока ее не вытеснили зебувидные сородичи. Британские ученые называют существующий на Сокотре подвид этой короткорогой породы «карликовым хамитическим» (Miller and Morris, 2002: 305).

Сокотрийская корова, как я тогда мог убедиться, дает мало молока – если пользоваться мерами объема жидкостей и сыпучих тел, существовавшими в то время на Сокотре – в среднем в день не более 1,5 *сайга* (sayg, мн.ч. suuḡ, равен десяти чашкам – *fiṅgän*). Если учесть, что 1 сайг жидкости примерно соответствовал весу английской пятифунтовой гири, а именно равнялся 2,25 кг, – максимальный надой от здешней коровы составляет 3,4 кг, а за 280 дней лактации, т. е. в среднем за год, это около 1 т молока. Правда, в некоторых сокотрийских источниках нам встречалась цифра 3 сайга в день (6,8 кг), но, по мнению информантов, даже корова-рекордистка на Сокотре не может давать столько молока.

Правда, Браун обнаружил, что суточный надой от одной коровы составлял еще меньше указанного нами, лишь 2,85 кг, однако все обследованные им животные находились либо в середине периода лактации, либо в самом его конце, когда молоко иссякало, поэтому он допускал, что в начале лактации и при хорошем корме животное могло быть и вдвое продуктивнее (Brown, 1966: 20). Думаю, что сведения моих информантов все же правильные. Около половины всего годового количества молока идет телятнику, половина – хозяевам.

Быков здесь было на удивление мало. В прошлые годы мне они попадались чрезвычайно редко, что, видимо, соответствовало давно сложившейся традиции. Это отмечал еще представитель британских колониальных властей. На одной обследованной им территории в стаде из 343 голов было только 3 быка, из которых два – четырехлетки и один – трехлетка. Брауну сказали, что держать быков старше четырех-пяти лет было «не принято» – их резали. То, что на 343 коровы приходилось всего 3 достигших зрелости быка, было, как считал Браун, очевидной причиной того, что обычно не более половины коров телились каждый сезон. Практика забивать быков сразу же, как только они достигнут зрелости, тоже препятствовала, считал Браун, «распространению хорошей крови» и соответственно улучшению породы. Показательно, что ни тогда, ни во время моей работы на острове сокотрийцы не ценили быков (не ценят и сейчас). Так, редким владельцам быков хозяева коров, которых те покрывали, ничего не платили. Быков было так мало, что иногда к ним водили коров, а не наоборот.

В некоторых частях Хагъхера приходилось тогда по 1,6 га земли на животное. В Хагъхере есть два типа растительного покрова: травяные террасы и *бугимэт* (букв. «ковёр из кустарника») – чрезвычайно густой и спутанный покров жестких низких кустарников. Так назвал эту растительность Браун, чтобы отличать ее от кустарников низменных районов. Бугимэт не выше 1,8 м, чаще ниже. Растения, как правило, не имеют колючек, но ранят ноги и руки. Поскольку в нашей экспедиции не было специалистов по ботанике, ни я, ни мои коллеги не сумели уделить должного внимания сокотрийской растительности, в том числе и той, которая служит пищей домашнему скоту островитян. Однако этот недостаток нашей работы

был блестяще компенсирован упомянутыми специалистами из Эдинбургского ботанического сада, работавшими на острове.

Скот щиплет кустарник в основном тогда, когда пробирается к воде. Обычные травяные лужайки способны прокормить примерно одно животное на 1,2–1,6 га, а территория, покрытая бушмэтом, – в среднем одно животное лишь на 32,5 га. Бушмэт устойчив против пожара, местные жители говорят, что пожар возникает случайно в траве или сорняках нижних склонов, но никогда не захватывает бушмэт.

Он не растет колониями. Старики утверждают, что когда-то они жили на земле, где росли деревья. Но вряд ли леса здесь были сведены. Если бы они в прошлом существовали, то какие-нибудь рудиментарные участки их должны были сохраниться, но таких следов не нашел ни Браун, ни мы с коллегами. Видимо, бушмэт мог быть древним естественным покровом любой крутой гористой поверхности, когда почва находится в «карманах» и расщелинах. Сомнительно, чтобы что-нибудь еще росло под таким «ковром»: ведь там мало почвы и труд по расчистке требуется гигантский. Сокотрийская корова щиплет листья только тогда, когда отчаивается отыскать траву, и ей этого корма недостаточно.

Трава растет на склонах, где есть слой почвы. Горы в форме террас или длинных гряд в основном покрыты травой, но бушмэт снова появляется там, где поверхность сильно изломана скалами. Даже на них около четверти поверхности выше 900 м занято кустарником этого типа. Таким образом, в то время как в горах в среднем приходилось на животное до 3,5 га, собственно пастбищных участков животному доставалось до 2,5 га, а в некоторых хозяйствах – до 1,6 или даже до 1,4.

Наиболее распространенная трава, гетеропогон (*heteropogon*), имеет колючие верхушки; обычно коровы его не любят, и его преобладание зачастую – признак истощения пастбищ. Но местный крупный рогатый скот охотно ест именно эту траву.

Во время пребывания Брауна скот здесь часто пасся прямо вокруг источников, где травяной покров лучше, не пренебрегая, однако, и гетеропогоном. Очевидно, гетеропогон является естественной доминантой в условиях существующей почвы и уровня осадков. Если это так, заключал Браун, то никакого улучшения пастбищ ожидать нельзя: они меняются моментально, в три недели, – от зеленого луга до коричневого майдана. Даже при том, что в мое время земля еще не была истощена перевыпасом, оставалось мало возможностей для увеличения поголовья скота, и ни одна корова, которая не может питаться гетеропогоном, не выжила бы на Сокотре.

Поскольку примерно две пятых земли в этом горном районе покрыто кустарником и три пятых – травами, я полагал, что коров здесь было больше, чем считал Браун, т. е. около 2 тыс. голов, однако получить точные данные не представлялось возможным.

В ходе моей работы на острове обследовать хозяйства сокотрийцев на предмет выявления того, какое поголовье мелкого рогатого скота было во владении семей, также было невозможно при свободном содержании животных. Поэтому я опирался на данные опроса информантов и по возможности перепроверял их у других пастухов. Проверка показала, что опрашиваемые зачастую сообщали неточные данные, искажая их в основном в сторону занижения. Это объяснялось как стремлением скрыть подлинные размеры собственности, руководствуясь врожденным чувством осторожности и характерной для бедуинов подозрительностью, так и иногда действительным незнанием: хозяева часто не представляли точно, сколько голов коз и овец находится в их владении (за исключением тех случаев, когда их было мало). Иногда опрашиваемые завышали количество скота, когда это были молодые люди, явно стремившиеся прихвастнуть состоятельностью своей «подлинно бедуинской» семьи. Поголовье крупного рогатого скота было подсчитать легче: здесь информанты не пытались ввести нас в

заблуждение, поскольку их коровы наперечет и всем известны – так их мало.

В Хагъхере, как я выяснил, коровы были почти у каждой семьи. Кроме того, у жителей собственно гор, где находятся лучшие пастбища, коров было больше, чем у жителей горных долин, а именно каждая семья в горах, как правило, владела 10 коровами и более. Собственники такого стада одновременно имели еще несколько десятков, а то и сотен голов мелкого рогатого скота (со значительным преобладанием коз). Например, информанту № 328 кроме 70 коров принадлежало 200 коз и овец, а также около 300 пальм, хотя пальмовые плантации были нетипичны для Центрального района. Однако исключение составлял не он один. У информанта № 434 было 3 коровы и 30 коз, а также 40 пальм в долине (плантации племен «верхних» горцев, естественно, расположены только в близлежащих долинах). Некоторые горцы владели и верблюдами. Например, информант № 298 имел 5 коров, столько же верблюдов, более 100 коз и несколько пальм. У жителей горных долин, т. е. «нижних» горцев, наблюдалась иная картина: коров у одной семьи, как правило, меньше десятка, но много коз и у всех – пальмы.

Мной было обследовано 21 хозяйство в районах Да'рьхо (горная долина) и 'Асмо.

Ниже приводятся данные опроса информантов. Из них явствует, что большинство информантов в то время предпочитали не уточнять ни численность принадлежащего им стада, ни число своих пальм. Но даже оценки «много», «есть» и «нет» показательны. Владельцы двух последних хозяйств были сиротами, не получившими наследства. Среди обследованных хозяйств все расположенные в долине владели пальмовыми деревьями, не имели пальм лишь некоторые хозяйства 'Асмо. Понять приблизительные оценки поможет представление о состоятельности хозяйства, которое, конечно, не остается одинаковым с течением времени, особенно при изменениях, происходящих в сокотрийском обществе. Сегодня, по опросам информантов в селении Да'рьхо, бедным хозяином будет определенно считаться тот, у кого примерно 25–30 коз и 20–30 пальм, средним хозяином – владеец 100 коз, 15 коров и 100 пальм, богатым – собственник 500 коз, 40 коров, 200 овец, 20 верблюдов и 500 пальм. В 70–80-е годы, по моим наблюдениям, богатыми по этим меркам хозяевами были либо единицы, либо таковых не было вовсе.

Данные опроса информантов в 1985 г.

Хоз-во	Коровы	Верблюды	МРС (в осн. козы)	Ослы	Пальмы
№ 1	10	2	500	1	Много
№ 2	10	2	Более 100 коз	Нет	Несколько
№ 3	6	1	Много	1	?
№ 4	6	1	Немного коз	Нет	Немного
№ 5	5	3	Много	1	Нет
№ 6	5	Нет	Много коз	1	Нет
№ 7	4	Нет	Много	Нет	Нет
№ 8	2	2	Есть	Нет	Нет
№ 9	2	1	Есть	Нет	Немного
№ 10	2	1	Есть	Нет	Немного
№ 11	2	Нет	Есть	Нет	Есть
№ 12	1	Нет	Много	Нет	Есть
№ 13	1	Нет	Много	Нет	Есть
№ 14	1	Нет	Много	Нет	Есть
№ 15	1	Нет	Много	Нет	Есть
№ 16	Нет	1	Много	Нет	Много
№ 17	Нет	Нет	Много	1	Много
№ 18	Нет	Нет	Есть	Нет	Нет
№ 19	Нет	Нет	Есть	Нет	
№ 20	Нет	Нет	Есть	Нет	Нет
№ 21	Нет	Нет	Есть	Нет	Нет

Жители долины Да'рхо составляют единое племя да'рхо, делящееся на два рода: *саабхо*, *sab'ho* (в основном живут в нижнем селении Агемено) и *гердэфхо*, *gerdaefho* (верхнее селение Ба'а). По сведениям информантов, племя имеет общие пастбища, где может пасти скот любая семья, владеющая лишь загоном для скота. Жители Ба'а всю зиму проводят в селении Ди Рисмойтен, расположенном в нижней части долины, на полпути между Ба'а и Агемено (в 40 мин. ходьбы от Ба'а); там пасется их скот. На февраль – апрель они переходят в Ба'а, где прохладнее и иногда дождит; козы щиплют там листья кустарника. На сезон дождей жители вновь возвращаются в Ди Рисмойтен, а часть сезона сильных ветров проводят в расположенных в четверти часа ходьбы вниз от Ба'а пунктах Хасэхон и Катэхон, где они собирают урожай фиников со своих пальмовых плантаций. Одни горцы считают своим основным поселением Ди Рисмойтен, другие – Ба'а. Если лето очень знойное, скот можно отгонять вверх, в горы над долиной, где у племени да'рхо есть «летовки» – небольшие домики, сложенные из камня.

Род *sab'ho* живет в Агемено в течение всего зимнего сезона. На сезон *кият* *qiyat* жители перемещаются на нижние пастбища, в селение Масабэ (в 45 мин. ходьбы от Агемено), но могут остановиться и в Ба'а. На *домо* *d-oto* они возвращаются в 'Агемено, а на сезон уборки урожая фиников откочевывают в Ди Рисмойтен, где в это время собирается все племя.

Система перекочевков у племени *бени малек* сходна с рассмотренной. Это племя обитает в горном районе Диксам, примыкающем к Хагхеру с запада. В течение всего зимнего сезона они живут в собственно Диксаме, на небольшом плато, в пещерах. Во время *кият* они либо остаются в Диксаме, либо перемещаются примерно на 2 км к югу в селение Хагефено, если там уже выросла трава. Сезон дождей они проводят в Хагефено, которое и считают своим главным поселением, а на сезон сбора фиников перекочевывают на север, в Дирхеметен (в 3 км от

Диксама), где в это время наиболее благоприятные условия для пастбы скота. Кроме того, бени малек еще владеют пальмами в долине Ди 'Абальхон, на запад от горного района Диксам, вверх к Хагхеру.

Племя бени малек делится на три рода: ramlhal, kerbeb и sebebo. Их общий предок Малек, как они утверждают, – выходец из района Яфи' в континентальном Йемене, а начало трем родам положили три его сына. Между пастбищами трех родов нет границ, у них также общие источники воды, главный из которых – крупный водосборник (*кариф*), способный удерживать воду в течение нескольких лет даже в периоды засухи. Горцы разводят коров; одна семья в среднем владеет десятью коровами; их содержание абсолютно свободное. В 10–11 часов утра они идут на водопой к водосборнику, а хозяева приходят проверить, все ли животные на месте, всё ли в порядке. Второй водопой – в 15–16 часов, и горцы еще раз приходят посмотреть на своих коров.

Свободное содержание домашнего скота возможно, прежде всего, потому, что на острове практически нет хищников. Единственное животное, угрожающее скоту, – одичавшие домашние кошки, охотящиеся за козлятами и ягнятами. Раньше сокотрийцы ставили на них западню (*mahzere*), представлявшую собой небольшое укрытие из камней с отверстием сверху, из которого выступал конец длинного камня, поставленного на кусок мяса. К верхушке камня был приставлен другой, плоский камень, который запирает отверстие, если кошка брала приманку, сдвинув длинный камень. Теперь горцы используют фабричный железный капкан – *mahnab*.

В то время как культивирование финиковых пальм здесь, как и повсеместно, – чисто мужское занятие, – скот пасли как мужчины, так и женщины, хотя доить было позволено в этих районах исключительно мужчинам. Даже в том случае, когда в семье не было мужчины, для дойки нанимали работника.

Интересно, как в беседах со мной некоторые информанты в Центральном и Западном районах объясняли этот обычай: женщине доить нельзя, так как ей якобы стыдно сидеть на корточках, ведь чужие могут увидеть ее в такой некрасивой позе. Но уже в 70–80-е годы в Восточном районе, где господствовала смешанная экономика, женщины доили, так что данный запрет даже тогда соблюдался лишь в чисто скотоводческих районах и, очевидно, был характерен для классического скотоводческого хозяйства, где мужчина несет все самые главные трудовые функции.

Обследование хозяйств показывало наличие здесь и в те годы значительной имущественной дифференциации, которая сглаживается прочными традициями взаимопомощи. Тем не менее, неимущие и малоимущие вытеснялись из района и подыскивали работу на стороне. Среди рабочих и ополченцев (тогда это была так называемая «народная милиция») Хадибо нам встречались выходцы из малоимущих семей гор Хагхера. Например, информант № 63 рассказал, что у его семьи было лишь 20 коз и несколько пальм. Выходцы из малоимущих семей обычно нанимались тогда ухаживать за пальмами к состоятельным владельцам или же к тем, кто не имел возможности работать сам (вдовы; лица, не жившие в районе, в том числе находившиеся в Хадибо, на континенте или в эмиграции).

Самая небольшая степень имущественного расслоения характерна для жителей плато Хагхер – «чистых» скотоводов. Называя их образ жизни оседло-кочевым, оговорим условность применения к ним этого термина, поскольку границы между различными укладами жизни весьма расплывчаты.

Скотоводы гор Хагхер большую часть года жили в постоянных жилищах и не только не кочевали, но практически не пасли свой скот, предоставляя ему возможность пастись свободно. Однако и в этот период оседлости в распорядке существования сокотрийских бедуинов

проявлялись элементы бродячего образа жизни: они иногда отправлялись за скотом и ночевали в горах, спали прямо на земле, с легкостью совершали пешие переходы по хозяйственной необходимости и т. д. Маршруты и время сезонных откочевок зависели от конкретных погодных условий и различались в засушливые и плодородные годы. Выбор маршрута и времени откочевки определялись, во-первых, состоянием растительного покрова, во-вторых, обеспеченностью пастбищ питьевой водой (для скота и для людей) и, в-третьих, климатическими условиями. В обычные годы племена долин откочевывали на горные летние пастбища, где у них сезонные жилища, так что этот образ жизни и в благополучные периоды можно охарактеризовать как переменнно-оседлый.

Горцы, живущие на самом плато, иногда в ноябре – декабре, когда наверху бывает очень холодно, спускаются вниз, в долины Нижнего Хагъхера. Однако эта разновидность откочевки не типична: ее практикует лишь небольшая часть населения.

Многие скотоводы в годы засухи были вынуждены совершать дальние откочевки. Последствия засухи были не так суровы в тех районах, где находились непересыхающие источники воды, орошающие пастбища, и где имелись резервуары, в которых сохранялся запас дождевой воды, достаточный для того, чтобы напоить скот. Здесь могли принять часть населения из районов, наиболее пострадавших от засухи. Некоторые племена в такие годы кочевали всеми семьями и со всем скотом, причем маршруты таких «форсмажорных» перекочевок были оговорены бедуинским обычаем. В частности, горцы Центрального района во время засухи обычно перебирались в долины Восточного района, более благополучные в этом отношении: на востоке нет перевыпаса скота и пастбища не истощены. Работая на Сокотре в 80-е годы, я сам был свидетелем таких перекочевок: тогда остров поразила засуха.

На протяжении полевого сезона 1983 г. в селениях Да'рхо еще все было благополучно, а на следующий год (сезон 1984-го) в восточной части острова (несколько дней перехода), в селении Шибхон мы уже встретили наших друзей из Да'рхо, отправившихся сюда со скотом на поиски кормов. Один из них, год назад развлекавший нас игрой на латунной «флейте», рассказал, что в горах – бескормица, начался падеж скота. Он отправился кочевать, благо мог себе это позволить: в его семье достаточно людей, чтобы обеспечить переход, есть три верблюда, которые могут везти на себе весь скарб. Но те семьи, в которых мало здоровых людей, есть больные и старики, остались переживать беду в горах.

Я обратил внимание, что пришедшие в Шибхон горцы чувствовали себя уверенно, не выглядели униженными просителями. Мне не удалось выяснить, была ли помощь, оказанная им шибхонцами, безвозмездной, или горцы за нее как-то расплачивались.

Западный район

Скотоводов, населяющих известняковые горы Западного района, также можно условно поделить на две подгруппы: обитателей гор и жителей горных долин.

Еще Браун отмечал, что в горах Западного района совершенно иная, чем в Хагъхере, экологическая система. Плато и нижние склоны гор безводны: за пределами долин Калансии и Губбат-Ша'б источников и колодцев мало. Наверху расположены известняковые купола либо террасы, поросшие дерном и кустарником, внизу – скальные основания или осадочные породы, покрытые кустарником. Вода собирается лишь там, где есть скальное основание, образующее глухую перегородку через вадии. Кое-где вверху, там, где известняк лежит на граните, встречаются небольшие источники, но они имеют только узколокальное значение. Видимо, и в древности здесь не хватало воды, так как в этой части острова обнаруживаются остатки

построенных много веков назад каменных резервуаров. Впрочем, в те времена почвенное покрытие должно было быть намного лучше, о чем свидетельствуют древние поселения и загоны. Есть свидетельства того, что здесь разводили много скота.

«В отличие от Хагъхера, – писал Браун, – в этом районе видны все признаки того, что в прошлом его пастбища долго и сильно истощались. Если бы за последние несколько столетий произошло какое-либо катастрофическое изменение климата, то оно обязательно оставило бы где-то след. Это сотворенная человеком пустыня» (Brown, 1966: 17).

На известняковой вершине лежит дерн, под которым кроется тонкий слой почвы; кое-где сквозь него проглядывают скалы. Однако Браун не мог найти на террасе площадью 64 кв. км ни единого семечка, чтобы идентифицировать росшую там траву. Она была использована до предела. Овцы, казалось, съели все.

Склоны гор и основания долин зелены от кустарника, за исключением тех мест, где рядом с долинами остается аллювиальный запас некоторой глубины. Кустарник легко проходим для людей и верблюдов во всех направлениях. Он состоит главным образом из пород *шикейт* > *зейдиру* и *тифут* и в особенности из кустарникового дерева *митерер*, которое встречается в изобилии на обширных территориях. У всех этих растений, особенно у последнего, быстро растут их маленькие листья.

Жители Западного района держат не много скота. Овцы, по подсчетам Брауна, в его время превосходили численностью коз в соотношении 4:3. Одни семьи – преимущественно овцепасы и жили главным образом на высотах, другие – козопасы и обитали в основном в долинах. Когда я находился на острове, и овец там уже было гораздо меньше прежнего, часть жителей, населяющих склоны холмов, разводили поровну оба вида этих животных, и проблема воды была разрешима. Средний показатель поголовья мелкого рогатого скота на человека составлял 35; обычно в стаде одного хозяйства было по 120–150 голов. Владелец 264 овец считался очень состоятельным человеком. Самое большое стадо, которое видел Браун, находилось в собственности одной семьи из семи человек и состояло из 322 коз, самое маленькое, принадлежавшее одному старику, – насчитывало 43 овцы. На единицу мелкого рогатого скота приходится в среднем по 7,3 гектара земли, при этом в горах овца кормится с площади от 0,4 до 4,25 га, а в долинах коза соответственно – с 0,4 до 9,3 га. На горе Гизеле каждые 2 гектара кормят по 15 овец, а на горе Мехоли в Хагъхере такая же площадь обеспечивает содержание 20 коров. По расчетам Брауна, общая численность поголовья скота в Западном джебеле составляла 5700 овец и 4300 коз, т. е. всего 10 тыс. голов мелкого рогатого скота.

Зеленая трава на вершинах гор делает возможным доить некоторых животных в течение всех сезонов. Благодаря этому семьям пастухов не требуется много питьевой воды и они лишь по случаю спускаются к колодцам. Но козы благоденствуют, видимо, в полной мере тогда, когда могут не только пастись, но и вдоволь напиться, чтобы давать молоко и в сухой сезон; возможно, и их хозяева, живущие в гораздо более жарком климате внизу, нуждаются в большом количестве жидкости. Какова бы ни была причина, коз содержат только в достаточной близости к колодцам, и большие пространства низинных пастбищ используются лишь во время дождей. Таким образом, численность поголовья скота зависела не только от обилия подножного корма, но и от непосредственной близости скота к воде. Снабжение этой территории водой в то время могло бы решающим образом облегчить положение, однако ситуация начала меняться к лучшему лишь в последние годы.

У Брауна, хотя он и не располагал точными данными, создалось впечатление, что надои в этом районе были гораздо выше, чем в Хагъ-хере, однако это могло объясняться тем, что молодняку здесь просто оставляли меньше молока. При намного большем поголовье овец и коз кажется возможным, что при обилии дождей средняя семья, хотя она существует всецело за

счет продукции этих животных, могла бы вырабатывать более 35 кг масла хаами. Масло хаами, действительно, было трудно купить, и британский эксперт лишь один раз видел, как его делают, и то в семье «богача» – владельца 264 овец.

Большая часть козлят и ягнят мужского пола непременно предназначается для потребления семьи, писал британский эксперт, наряду с некоторой частью взрослых животных, которых режут (предполагая, что можно найти кого-то, кто пожелает купить тушу): «...Житель Запада может выручить еще около 10 динаров от продажи мяса. Общий денежный доход семьи может составить 22 динара в год. Это обеспечивает ежедневно по два с лишним килограмма зерна в день в течение трех-четырех месяцев» (Brown, 1966: 22). У этого автора создалось впечатление, что бедуины гор Западного района использовали даже меньше зерна, чем жители Хагьхера, и были мало знакомы с чаем и сахаром. Казалось, временами они приготавливали немного жира лишь потому, что боялись остаться без одежды, или, когда все вокруг высохло, резали овцу на мясо. Иначе говоря, они просто жили благодаря своему стаду, ничего не предлагая на продажу и ни в чем не нуждаясь. Однажды, когда потребовалось перерезать горло овце, Браун обнаружил, что из шести присутствовавших мужчин он был единственным обладателем ножа. А как-то он подсчитал, что примерно у половины встреченных им мужчин не было при себе ножей. Часто у семьи, живущей в пещере, есть лишь один общий нож. Хозяйство, в котором простой железный нож был предметом роскоши, представляло собой яркий образец натурального.

Во время работы на Сокотре в Западном районе мной было обследовано несколько скотоводческих хозяйств, в том числе как в предгорьях, далеко отстоящих от побережья, так и в близких к нему районах, связанных с рыболовством.

У скотоводов Запада, как я обнаружил, не было ни коров, ни верблюдов, ни ослов: они разводили исключительно мелкий рогатый скот. Обращало на себя внимание наличие большего, чем в Центральном и Восточном районах, числа овец, но далеко не в пропорции 4 овцы на 3 козы.

Большинство опрошенных информантов владели лишь несколькими десятками голов мелкого рогатого скота (примерно у двух пятых стадо состояло преимущественно из коз). Почти у половины опрошенных нами горцев было некоторое число пальмовых деревьев, другие вовсе их не имели, но, учитывая ограниченность выборки, мы не стали делать из этого факта обобщающих выводов.

Аналогичная картина наблюдалась у жителей селения Кайсу, расположенного недалеко от Калансии, но они занимались прежде всего пальмовым хозяйством, поскольку в Кайсу, где с гор стекают ручьи и есть много колодцев, расположены, как и в самой Калансии, обширные пальмовые насаждения (в каждом хозяйстве – в среднем 150–200 деревьев).

Население Западного района, живущее в суровых природных условиях, больше других страдало от последствий засухи. В первую очередь это сказывалось на пастбищном скотоводстве, особенно в тех местах, где оно велось традиционными методами. Эта проблема для сокотрийских скотоводов всегда усугублялась тем, что у них хозяйство не имело товарной направленности, будучи целиком ориентировано на удовлетворение их основных потребностей в продуктах питания. Поскольку это было натуральное хозяйство, стихийный падеж скота непосредственно влек за собой голод, болезни, гибель людей. Об этом свидетельствовали и специфическая лексика сокотрийского языка, отражающая эти явления, рассказы очевидцев, переживших страшные годы засухи, пещерные групповые захоронения, указывающие на то, что истощенные голодом, но оставшиеся в живых люди уже не могли рыть для умерших могилы согласно ритуалу.

В 1984 г. мне довелось также наблюдать последствия засухи на группе скотоводов

Западного района, живущих в сухих предгорьях, в вади Залекено.

Мы провели ночь в пещере гостеприимного Ахмеда Гамута Ахмхи из племени агмхо. В его хозяйстве содержалось 70 коз, 10 овец.

Женщины ткали одеяла из овечьей и козьей шерсти. У жены Ахмеда был свой ткацкий станок. Первая его жена умерла, оставив сына и пять дочерей. Сын в то время находился на военной службе, четыре дочери были замужем и жили у мужей, пятая развелась с мужем и вернулась к отцу с маленьким ребенком. Она в той же пещере работала на собственной швейной машинке – шила платья. Ахмед женился вторично, от второй жены родился его младший сын. Пещера Ахмеда довольно бедна, утвари очень мало, хотя он был шейхом одного из родов племени.

В Залекено не хватало воды, и жители вади не возделывали пальмы. Здесь разводили коз. Овец было очень мало. Пастбища демаркированы. Все отношения, в том числе и отношения собственности, регулировались нормами обычного права. При вступлении в брак жители Залекено обычно предпочитали выбирать супругов за пределами племени (правда, Ахмед женился на дочери брата отца), вероятно, потому, что Залекено был одним из наиболее бедных районов, с ограниченными возможностями для ведения хозяйства и избыточное население отсюда вытеснялось.

В годы засухи здесь всегда возникали конфликты (в благополучные годы не наблюдаемые) из-за *джабий/габий* Сауп). Владеть габией – значит быть застрахованным от всех бед, связанных с безводьем во время засухи. Но габия не всегда находится там, где есть пастбища, часто она расположена в скалах, где трава почти не растет. Так и в Залекено: у племени ‘агмхо, обитающем в вади, была габия, однако ему не хватало пастбищ. На протяжении многих веков сложился определенный порядок пользования пастбищами. Люди ‘агмхо в сезон засухи имели право пасти скот в горах, а племена шитхо и хагьихо, живущие выше, над ними, владели пастбищами внизу, в соседней с Залекено вади, куда в сезон откочевывали со скотом. Верхние племена не имели габий, зато владели большим карифом.

Во время моего прибытия в Залекено племя ‘агмхо шумело: старейшина Ахмед и его сородичи бурно выражали недовольство тем, что «верхние» племена не дают их козам, пасущимся наверху, пить из своего карифа. По существу, мы попали в Залекено лишь благодаря тому, что нам удалось уговорить одного из руководителей администрации острова, который направлялся туда улаживать конфликт по жалобе, захватить нас с собой. Суть жалобы и состояла в том, что в эту тяжелую для людей и скота засуху, когда источники иссякают, трава сохнет, «верхние» племена не разрешают пастухам из ‘агмхо пить самим и поить скот из карифа. Я не прислушивался к тому, о чем говорил представитель власти с бедуинами, но мне показалось, что он был недостаточно внимателен к их жалобам. Как же я ошибался! Только зная бедуинов, их сложный, скрытный, упрямый характер, можно было догадаться, что дело не в соседях ‘агмхо, а в них самих.

Оказывается, конфликт разгорелся между двумя родами самого племени ‘агмхо (байдерё, к которому принадлежал Ахмед, и гидид) из-за пользования габией, в которой вода действительно почти иссякла. Шейх племени, еще молодой человек, не пользовавшийся достаточным авторитетом у соплеменников, не сумел уладить дело, вот и пришлось обратиться к властям. Но ведь стыдно выносить сор из избы, вот и пошла в ход версия о «верхних», будто бы обижающих ‘агмхо. А вась приехавший начальник поправит дело.

Я мог только догадываться о той сложной психологической игре, которую вели бедуины с начальником, разгадавшим их хитрость. В результате жалобщикам была обещана помощь (собственно, на это они и рассчитывали), и уже через день после нашего возвращения в Хадибо в Залекено отправилась машина с цистерной воды. Это было своевременно: ведь безводье

особенно тяжело сказывалось на жителях долин, где нет карифов.

В прошлом на острове существовала немалая разница в имущественном положении между племенами Центрального и Западного районов (что, однако, не приводило к заметному расслоению населения). В горах Хагъхер человек, имевший 20 га травяных пастбищ, 10 коров, 1 быка, около 140 коз, считался зажиточным. В районе горы Гизеле (Западный район) хозяин, владевший 264 овцами, уже был богачом.

Утварь типичного дома в Хагъхере, где обитала семья в составе мужа, жены и двоих детей (сына и дочери), во времена Брауна включала: шесть коровьих и четыре козьи шкуры, три одеяла, три циновки (одна рваная), топор, несколько ножей, три глиняных горшка, четыре алюминиевые чашки, две большие кастрюли, один алюминиевый чайник для заварки, шесть маленьких «арабских» чашек, пять бурдюков в хорошем состоянии, несколько кусков веревки, пять отрезков хлопчатобумажной ткани. Что касается одежды обитателей дома, то у каждой женщины было как минимум одно выходное платье. Хозяйка и ее дочь носили серебряные украшения.

Это нехитрое добро все же выглядело богатством сравнительно с имуществом обитателей пещеры около Губбат Ша'б (Западный район), где жили старик, его сын, жена сына и их трое детей (двое юношей и один маленький мальчик). У них было всего четыре овечьи и две козьи шкуры, одно одеяло, два отреза ситца, три деревянные и две алюминиевые чашки, одна тарелка, одна кастрюля, два бурдюка, один нож в ножнах. Женщина украшений не имела, а одежды, помимо той, что была на обитателях жилища, в пещере не было (Brown, 1966: 13). Британец отмечал, что бедуины и жители долин мало контактировали, но разрыв в положении был не столь ошутим, как в Хадрамауте.

Зерновых в то время на острове не было, кроме возделываемого на террасах сорго (по-сокотрийски *бамба*). Оно использовалось бедуинами только для приготовления масла хам'и, а также как резервная пища в голодные годы. Во время моего пребывания на острове в 80-е годы сорго уже почти не возделывалось, так как остров регулярно снабжался рисом и мукой.

В годы засухи сокотрийцы покупали минимальное количество зерна, в хорошие годы – не покупали вообще. «Это, наряду с их статичным образом жизни, – писал Браун, – приводит к тому, что в Центре и на Западе острова они совсем не держат вьючных животных: ни верблюдов, ни ослов» (Brown, 1966: 14). Верблюды, которых иногда можно встретить в Западном джебеле, принадлежат не местным жителям, а разводящим этих животных хозяевам из долин. Бедуинам Хагъхера иногда было нужно отвезти тяжелый груз жира, но только вниз, обычно же они не покидали пределов своего района по несколько месяцев. Бедуинам Запада, которым приходилось откочевывать на несколько миль в сезон, было нечего везти. Хагъхерский бедуин покупал зерно только в таком количестве, которое ему было удобно донести до дому в горах. То же самое относилось и к жителям Запада, хотя было неясно, на какие средства они могли зерно покупать.

За пределами Калансии во времена Брауна интерес к деньгам вообще был невелик. Он встретил однажды человека, которому не смог объяснить, как можно потратить десятишиллингую купюру, поскольку тот никогда не имел столько денег. Большинство сделок совершалось на основе прямого натурального обмена, хотя жители Хагъхера благодаря контактам с Хадибо привыкли обращаться с деньгами.

Скотоводы Западного джебеля часто использовали для жилья пещеры, равно как и племена гор Хагъхера, но не горных долин, где преобладали постройки из камня и пальм (см. шестую главу).

Поскольку в Западном районе скотоводство фактически и в 70–80-е годы, и позже, вплоть

до нашего времени могло обеспечить племенам лишь жизненно необходимый продукт, – зона смешанного хозяйства захватывала здесь не только прибрежную полосу, но и предгорья. Племена жили лучше благодаря заработкам на стороне и помощи государства. В Западном районе меньше, чем в Центральном и Восточном, был распространен наем рабочей силы в скотоводстве (и культивировании пальм), что также объяснялось бедностью хозяйств.

Восточным район

Горцы-скотоводы этого района жили в условиях, отличных от условий как Центрального, так и Западного джебеля. Здесь нет высоких гор, спуск от Восточного плато плавный, много горных равнин и пологих склонов, покрытых густым травяным покровом. Восточное плато напоминает горы Запада своими овечьими пастбищами, но на Западе они занимают не более шестой части всей территории, а здесь – почти весь район. Есть источники воды и вади. Климат в основном схож в разных частях внутренней части района, будь то равнины, вади, собственно горы. Поэтому различия между скотоводами плато и горных долин незначительны, и горцев Восточного района можно было рассматривать почти как одну гомогенную группу. Для нее была характерна практически круглогодичная оседлость, а также относительная состоятельность хозяйств.

Уже в те годы здесь гораздо более глубоким, чем в других районах, было влияние исламской культуры, многие хорошо знали арабский язык, читали Коран, регулярно молились. Это, возможно, объяснялось более тесными контактами с Заливом, куда жители Восточного района чаще, чем их соседи, выезжали в 1970-1980-е годы на заработки.

Наиболее состоятельными были скотоводы некоторых местностей, соседствующих с Центральным районом, где добротные пальмовые насаждения вади находятся рядом с хорошими пастбищами предгорий и равнин, лежащих к востоку.

В 1985 г. я обследовал 48 скотоводческих хозяйств из различных частей Восточного района. Они были поделены мной на пять групп.

I. Шестнадцать хозяйств: менее 50 голов мелкого рогатого скота. В девяти из них стадо состояло только из коз, в семи – из коз и овец с преобладанием коз; в двух – имелись еще ослы (один и два). Кроме того, у двух владельцев скота не было пальмовых насаждений, восемь хозяев имели менее 50 деревьев, четыре – от 50 до 100, один – от 100 до 150 и один – от 150 до 200.

II. Двенадцать хозяйств: 50–100 голов. У всех стадо состояло из коз и овец с преобладанием коз. Из этих хозяев трое имели менее 50 пальмовых деревьев, пять – от 50 до 100, четыре – от 100 до 150 пальм.

III. Шесть хозяйств: 100–150 голов. У половины владельцев стадо было смешанным с преобладанием коз, а один из них приобрел еще 2 верблюдов. Один хозяин имел менее 50 пальмовых насаждений, два скотовода – от 100 до 150, три – свыше 200.

IV. Четыре хозяйства: более 200 голов. Все стада смешанные с преобладанием коз. В одном хозяйстве было 250 голов скота и более 100 пальм, в другом – соответственно 400 и 100, в третьем – 500–600 и 250, в четвертом – более 500 животных и 800 деревьев.

V. Десять хозяйств, владеющих крупным рогатым скотом. Из них в двух хозяйствах было по 10 коров, а также около 200 коз и пальмовые деревья; одно – имело 5 коров, более 100 коз и пальмовые деревья; четыре – по 4 коровы (в одном также телка, осел, более 100 коз и овец, в другом – несколько ослов, около 100 голов мелкого рогатого скота и несколько десятков пальм, в третьем – 40 коз и более 100 пальм, в четвертом – 40 коз и менее 50 пальм), три хозяйства – по

1 корове (в двух также по несколько десятков коз и овец и несколько пальм, в одном – несколько коз и овец).

Ослы и верблюды здесь, в районе, далеко отстоящем от столицы, весьма ценились. Осел бедуину, да и жителю долин и прибрежных районов, был необходим для перевозки тяжелых грузов, например, больших мешков с продовольствием, камней (напомним, что в те годы на острове практически не было дорог, а автомобильный транспорт был редкостью). Осел к тому же неприхотлив в еде. Обычно им владели совместно несколько человек, а когда бывал приплод – делили по договоренности.

Сдавая осла в аренду, его хозяин мог неплохо заработать. За сутки в середине 80-х годов аренда осла стоила 10 динаров и даже более. Продажная цена осла достигала 250 динаров (для сравнения: козла продавали за 5 динаров, козу – за 10–15). Дороже осла ценился только верблюд, который стоил примерно 600 динаров. В недавнем прошлом верблюд приравнялся к 40 козам, но потом цена на него повысилась. Наш погонщик верблюдов Али рассказывал, что ему предлагали за верблюда 700 динаров, но он отказался его продать.

Что касается прав бедуинов на землю, то еще Браун рассматривал бедуинов как владельцев наследственных прав на ее использование, что обеспечивалось консенсусом населения и поддерживалось авторитетом султана, но в то же время уместно оговаривался, что их неверно было считать и «держателями земли короны», своего рода скваттерами. Султан лишь разрешал возникавшие между бедуинами споры, которые были чрезвычайно редки. Однако права султана на часть пастбищ были, по Брауну, определены нечетко.

Права на землю действительно были закреплены за племенами обычным правом и соответственно передавались от поколения к поколению. Носителем обычая выступало коллективное знание шейхов племен, а не письменные документы.

В то же время регламентация прав на землю различалась от района к району. Она была более жесткой там, где пастбища скуднее и воды меньше. Кроме того, в одних племенах не было границ между территориями родов, в других они были демаркированы.

У скотоводческих племен Восточного района не было принято разграничивать пастбища, находившиеся во владении отдельных семей. Четко были определены лишь племенные территории. В пределах одной племенной территории семья может пасти скот везде. По сообщению информантов, не будет большой бедой, если скот забредет и на территорию чужого племени. Так что племенные территории, скорее, – условное понятие. Это районы обитания племен и их преимущественного права на выпас здесь скота. Так что фактически право собственности на землю носило здесь в то время условный характер. Однако селиться, строиться на чужой земле просто так нельзя. Это допускается лишь при условии вступления желающего в другое племя. Для этого нужно договориться: вступивший в племя принимает на себя все вытекающие отсюда обязательства, в частности помогать соплеменникам, хранить им верность, в любой ситуации защищать их от чужих и т. п. Несмотря на кажущуюся легкость такого поступка, переход в другое племя происходил довольно редко, и в основном тогда, когда само племя, принимающее новичка, было заинтересовано в этом (например, из-за сокращения числа «своих» мужчин). Так, мужчину со стороны, желавшего взять жену из чужого племени, уговаривали перебраться к ее родичам, даже помогали построить дом. Он шел на это, как правило, в том случае, как поясняли информанты, если испытывал экономические или финансовые затруднения.

Как уже говорилось, перекочевки всегда подчиняются особому климатическому циклу Сокотры, который адекватно отражен в том, как островитяне делят год на сезоны. Это деление, в свою очередь, связано не только с климатическими сезонными различиями, но и с хозяйственными факторами, в частности с жизненным циклом финиковой пальмы.

Возможно, именно необходимость искать новые источники пропитания главным образом делала сокотрийцев полуномадами. Некоторые хозяйства могли совершать сезонные передвижения вверх на расстояние до 40 км, и всегда на заранее обусловленную территорию, т. е. ту, на которую они имели право. Фактически это было лишь очень далеко расположенное летнее пастбище. Обычно люди удаляются во время кочевок на гораздо меньшие расстояния. Например, никто далее чем за 15 км от плантации финиковых пальм в районе Ка'ри на Южной прибрежной равнине не имел на нее никаких прав, за исключением султана, писал Браун. На самом деле он ошибался: нами были отмечены случаи, когда именно финиковые насаждения в долинах оказывались во владении далеко от них обитающих племен, причем «верхних» скотоводов, которые когда-то, видимо, господствовали над этим районом и сохранили здесь право распоряжаться землей (так было, в частности, в окрестностях селения Ма'абид в западной части Восточного района). Теперь, с учетом новых возможностей заработка, бедуины неохотно отправлялись собирать финики на дальние расстояния и предпочитали сдавать пальмовые деревья в аренду.

Рыбаки прибрежных районов и скотоводы, ведущие смешанное хозяйство

У жителей прибрежных районов Сокотры преобладал иной хозяйственно-культурный тип, нежели у горцев; основным занятием для большей части населения этих районов (и подсобным для другой части) было рыболовство.

Среди «чистых» рыболовов, для которых это занятие было единственным источником существования (хотя и они, как правило, имели небольшое количество мелкого рогатого скота), большой процент составляли потомки бывших рабов африканского происхождения, или, как их тогда называли, *муваллады*. Однако рыболовством занимались и исконно сокотрийские племена, хотя скотоводы относились к ним свысока.

Ловля рыбы велась в основном с деревянных лодок, в том числе оснащенных моторами. Главным объектом промысла были акулы. Мясо акулы в сушеном виде может храниться годами. Оно высоко ценилось во всем Йемене, странах Восточной Африки и Африканского Рога. В далеком прошлом большая часть продукции сбывалась в Сомали и Эфиопии или менялась там на зерно. Дж. Браун сообщал, что в 1966 г. цена сушеной акулы на острове зависела от размера кусков. Тушка длиной менее 45 см стоила до 1 дин., кусок длиннее – от 1,25 до 15 динаров. Сушеная королевская макрель продавалась партиями по 100 кусков из расчета 0,25 динара за кусок. В данном случае под куском подразумевался вполне определенный размер – 1 *хут*. Хутом называлось расстояние от левого плеча до пальцев вытянутой правой руки, примерно равное 1 м. Куски меньшего размера подбирались одной длины и измерялись в хутах. Так, куски примерно 55–60 см приравнивались по цене к 30 хутам и продавались соответственно за 7,5 динаров (Brown, 1966: 38). Сегодня сушеная акула на сокотрийском рынке стала большим дефицитом. Во время моей работы на острове эта продукция реализовалась в основном в материковых районах Йемена, где она по-прежнему пользовалась большим спросом, особенно в Хадрамауте. Другим важным объектом улова была королевская макрель (йем. араб, *дайрак*), мясо которой вялят (см. об этом в шестой главе). До 1967 г. сокотрийские рыбаки, кроме того, занимались добычей жемчуга, но потом это занятие практически исчезло: сбыт жемчуга в Южном Йемене был запрещен.

В 70-х годах на Сокотре еще была в ходу старая система оценки рыбной продукции, но в 80-е годы в хутах рыбу уже не измеряли. Выросли и цены: на сушеную и вяленую рыбу – примерно в три раза, на свежую – и того больше. Небольшой окунь весом 1,5–2 кг на рынке в

Хадибо продавался за 10 шиллингов (1 шиллинг = 0,05 динара). Примерно такова же была и государственная закупочная цена. Браун же покупал примерно 5 кг королевской макрели (наиболее ценный вид рыбы) за 3 шиллинга.

В те времена рыбак еле-еле сводил концы с концами. По подсчетам того же английского автора, он мог обеспечивать себя и свою семью необходимым количеством рыбы для пропитания и заработать при этом еще 40–50 динаров в год, из которых после затрат на другие продукты продовольствия у него оставалось лишь 5–15 динаров.

Но в 70–80-е годы рыбаки жили уже гораздо лучше – и благодаря не только повышению спроса на рыбу, которое началось после притока на остров большого числа служащих с материка, но и применению при промысле новых транспортных средств и орудий лова – лодок с моторами, больших сетей. Часть рыбаков объединялись тогда в кооперативы. Большая доля продукции приходилась и на единоличников, выходящих на промысел в основном маленькими семейными бригадами. Среди них появилось и несколько собственников больших лодок с моторами, приобретенных в странах Персидского залива; эти люди создавали рыбацкие артели, фактически работавшие у них по найму. Сегодня частный рыболовецкий промысел продолжает свободно развиваться.

Рыбаки до 1967 г. использовали любую возможность дополнительного приработка. Британский археолог П. Шинни сообщал, что жители маленького рыбацкого селения (видимо, Дишас), находившегося на северном побережье, близ урочища Эриош, принимая гостей, вскипятили для них очень соленую воду и накормили финиками, за которыми они ходили на южное побережье, в Ноугед, поскольку сами ничего не выращивали, и покупали их по шиллингу (0,05 динара) за 2 фунта (примерно 900 г). Потом они подали англичанам еще и пресную воду, которую им приносили с гор бедуины и продавали по 1 динару за бочку. За все это хозяин дома попросил у гостей 1 динар, а проводнику, согласившемуся довести их до места, англичане заплатили 5 шиллингов, т. е. 0,25 динара (Botting, 1958: 152).

Выходить в море можно лишь во время безветренного сезона, продолжающегося около полугода и именуемого *фитах* (fitäh). В остальную часть года, называемую *кафаль* (qafal), сильные ветры препятствуют рыболовству.

Приведу несколько примеров из опросов, проведенных мной в рыбацких поселках в середине 80-х годов.

Али Анинхи Сыйака, 50 лет, житель Хадибо, из *мувалладов* (потомков африканцев). Работал плотником, в сезон занимался ловлей рыбы (в прошлом был только рыбаком). Имеет свою лодку *хури*. Ему помогает один из сыновей.

Хусейн Али Амер, 30 лет, житель селения Хальми в Ноугеде. Живет один в доме умершего отца (мать вышла замуж вторично), рыбак, работает «на лодках, принадлежащих другим людям», своих орудий лова у него нет. (Ясно, что в этом случае весь доход шел на потребление.)

Салем Иса Салем, 20 лет, житель Хальми, рыбак, женат, имеет дочь. Отец занимался скотоводством и культивировал пальмы, но его наследство было поделено между шестью братьями и двумя сестрами, поэтому Салему пришлось стать рыбаком.

Абдалла Салем Али, 37 лет, житель Хальми. Получив свою долю наследства после смерти отца (пальмы, много овец, три верблюда), стал жить с семьей отдельно, купил лодку, занимается рыбной ловлей. Считает себя рыбаком.

Яхья Салем Али, 20 лет, единокровный брат Абдаллы, вместе с которым владеет лодкой и ходит в море на рыбный промысел; у него 25 овец, пальмы. Считает себя рыбаком и скотоводом.

Абдалла Мухаммед Хиляль, 35 лет, житель селения Беедхоля в Ноугеде, такой же рыбак,

как его предки. Работает на моторной лодке вместе с двумя сыновьями, живет зажиточно.

Мубарак Гардад Миннах, 21 год, житель Хадибо, из мувалладов, рыбак, владеет *хури*, обеспечивает себя и семью (жена и сын), другой собственности не имеет.

Ахмед Хиляль Ахмед, 20 лет, житель селения Захак в Ноугеде, рыбак, женат. Сначала состоял в кооперативе, потом обзавелся лодкой с мотором на паях с двоюродным братом, вышел из кооператива и стал рыбачить вдвоем с братом. Приобрести лодку ему помог брат, который выезжал на заработки в Объединенные Арабские Эмираты.

Мубарак Тани Али, 16 лет, житель Калансии. Его отец был рыбаком, семья жила бедно. Когда отец умер, ему пришлось пойти работать по найму к владельцам лодок; заработка едва хватает на жизнь ему и матери.

Мухаммед Димраф Зитнан, 17 лет, житель селения Саалоти на северном побережье. Отец был рыбаком. После его смерти мать вышла замуж вторично, а Мухаммеда взял жить к себе дядя, брат отца, тоже рыбак, у которого двое детей. Теперь все они вместе занимаются рыбной ловлей.

Абдалла Мухаммед Абдалла, 16 лет, с северного побережья, рыбачит вместе с отцом и одним из четырех братьев на лодке *хури*; остальные братья уехали на заработки в столицу.

Приведенные примеры показывают разницу в социальном и имущественном положении рыбаков. С одной стороны, рыболовством были вынуждены заниматься скотоводы, которые не могли прокормить семью только за счет продукции своего хозяйства. С другой – рыбаки, не имевшие собственных современных орудий лова, зачастую едва могли обеспечить себя и свою семью, и вынуждены были искать приработки на стороне.

Как уже отмечалось, часть скотоводческих племен занималась в сезон *фитах* рыболовством (смешанное хозяйство), что особенно широко было распространено в Восточном районе. В этом случае довольно трудно установить четкую грань между «чистыми» рыбаками и рыбаками-отходниками. На северном побережье, близ горы 'Абальхон, мы были в домах рыбаков-скотоводов, в равной степени занимающихся обоими видами хозяйственной деятельности и извлекающих из каждого вида примерно равный доход. Предки этих людей были скотоводами.

В 80-е годы на Сокотре начала развиваться мелкая частная торговля, которую вели в основном родственники тех, кто уехал на заработки в богатые нефтедобывающие государства Залива. Это были главным образом жители прибрежных районов, в прошлом занимавшиеся рыбной ловлей. Работающим за рубежом было выгоднее переправлять своим родственникам товары на специально зафрахтованных для этого самбуках, чем переводить им деньги через банк. Режим, существовавший в то время в Южном Йемене, испытывая трудности в обеспечении острова необходимыми товарами, предоставлял некоторые льготы частникам, но запрещал им поднимать цены выше уровня, установленного специальной комиссией. Разложение рыболовецкого хозяйства шло и вследствие перехода немалой части населения в более выгодные отрасли хозяйства. Бывшие рыбаки становились грузчиками, строительными рабочими.

В группу скотоводов, ведущих смешанное хозяйство, можно было включить несколько подгрупп, которые объединяют лиц, сочетающих скотоводство с каким-либо другим видом хозяйственной деятельности (рыболовством, земледелием и т. п.). Это имело для них важное значение, так как обеспечивало продуктами питания или было источником дополнительного дохода. Сюда не следует относить хозяев пальмовых насаждений, поскольку пальмами и тогда, и сегодня занимаются почти все скотоводы и это занятие служит исключительно для удовлетворения внутренних потребностей; излишки продукции лишь в очень редких случаях реализуются на рынке.

Наиболее многочисленной подгруппой были жители Северной прибрежной равнины, где расположена и столица Сокотры Хадибо. Гораздо меньше людей жило на другой, покрытой песками Южной прибрежной равнине, в Ноугеде.

Из всех природно-климатических зон Сокотры Северная и Южная прибрежные равнины менее всего пригодны для выпаса скота: здесь мало пастбищ, бедный растительный покров, грунтовые воды залегают глубоко; только на Северной прибрежной равнине есть участки, густо поросшие митерером и шикейтом. Исключение – анклав Хадибо, который обильно орошается потоками воды, стекающими с гор Хагхер.

Тем не менее, несмотря на неблагоприятные условия, и жители Северной прибрежной равнины занимались скотоводством. Они разводили преимущественно коз. Коровы редко встречались в Хадибо, в селениях этой равнины и лежащих к югу от нее холмов. Они и сегодня есть у жителей селения Кедха (недалеко от столицы, внутренняя часть равнины), принадлежащих к роду сейидов абу б акр. Информант № 267 из Кедха, в частности, владел 10 коровами, верблюдом, несколькими десятками коз и овец. (При этом абу б акр занимались и земледелием, выращивая табак и овощи на небольших участках земли около домов.) Зажиточные хозяйства встречались и в селении 'Аду-на, к югу от Хадибо, тоже во внутренней части Северной прибрежной равнины. Так, информант № 73 имел 5 коров, 5 верблюдов, осла и несколько десятков коз и овец.

В рыбацких поселках Северной прибрежной равнины, т. е. непосредственно на побережье, коровы встречались крайне редко. В селении Сук, где абсолютное большинство населения составляли тогда потомки бывших рабов – выходцев из Восточной Африки, в прошлом вообще не имевших права владеть землей и пользоваться пастбищами, лишь в одном хозяйстве была 1 корова и 15 коз, в других же – лишь по несколько коз. В Хадибо и в селении Кадуб на северном побережье коровами владели только единичные семьи, но коз у некоторых семей было довольно много.

В восьми отобранных мной в Хадибо хозяйствах разного социального статуса было соответственно: I. 120 голов мелкого рогатого скота (везде с преобладанием коз), 20 пальм; II. 60 голов, несколько пальм; III. 20 голов, 10 пальм; IV. 10 голов, более 100 пальм; V. 10 голов, около 100 пальм; VI. 10 голов, 20 пальм; VII. нет скота, 400 пальм (?); VIII. нет собственности.

Собственность восьми таким же образом выбранных семей в Кадубе составляла: I. 50 голов мелкого рогатого скота, около 100 пальм; II. 50 голов, нет пальм; III. 30 голов, 100 пальм; IV. 10 голов, примерно 10 пальм; V. 10 голов, около 60 пальм; VI. 10 голов, 10 пальм; VII. 5 голов, около 60 пальм; VIII. нет скота, около 20 пальм.

Жители Кадуба, основным занятием которых было рыболовство, в большинстве своем владели козами. Зимой они пасли их около поселка, а летом, когда выходить в море нельзя, перебирались на горные пастбища, расположенные к югу от Северной прибрежной равнины.

Двигаясь на запад по равнине, я смог определить границу ареала разведения коров и верблюдов, за которой начиналась другая зона (только мелкий рогатый скот). Последним пунктом, где я видел коров, было селение 'Абальхон. В одном из его хозяйств (информант № 15) имелось 3 коровы, около 50 коз и овец и до 10 пальм.

Жители Северной прибрежной равнины сочетали разведение скота и пальмоводство с рыболовством, выращиванием овощей (в основном это помидоры, лук, стручковый перец, кабачки), табака (этим занимались, в частности, жители селения Кедха), занятием ремеслами (изготовление глиняной посуды, обжиг извести). Источником дополнительного дохода служила и сдача внаем вьючных животных.

Начавшееся в 70-е годы более или менее заметное развитие острова породило необходимость в рабочей силе, прежде всего в строителях, поэтому многие скотоводы в

течение сезона нанимались на работу грузчиками, каменотесами и т. д.

В песчаной полосе Ноугед встречались лишь островки растений, которые щиплет мелкий рогатый скот; а здешние верблюды поедают даже соленый кустарник. В восточной части Ноугед а довольно близко к поверхности подходит слой грунтовых вод. У местных жителей были здесь колодцы с абсолютно пресной водой, что позволяло выращивать на этой песчаной почве великолепные арбузы. Их получают до сих пор в небольшом количестве и предназначают исключительно для продажи, так как дают дополнительный источник дохода. Вес одного арбуза достигает подчас 25 кг. В середине 80-х годов 1 кг стоил примерно 1 шиллинг.

На каменистой части равнины, лежащей за Ноугедом и переходящей в предгорья Западного джебеля (его южные склоны), кормовые условия для мелкого рогатого скота более благоприятны. Экономика этой зоны также смешанная, как и в Ноугеде, однако в последнем преобладает рыболовство, а здесь – скотоводство, рыболовство же остается побочным занятием. Из одиннадцати осмотренных мной в середине 80-х годов в селении Ка'аря хозяйств в одном было всего 3 верблюда, – в этом отношении рассматриваемая зона походила на Ноугед и отличалась от Западного района. То же можно сказать и о преобладании коз в Ка'ре. Разница между хозяйствами невелика: во всех имелось от 70 до 130 голов мелкого рогатого скота, в семи не было пальмовых деревьев и лишь четыре семьи владели небольшим числом пальм. В семи хозяйствах стадо состояло только из коз, в четырех – из коз и овец с преобладанием первых.

В Ноугеде, как и в других зонах смешанного хозяйства, – в отличие от горных районов Центра и Запада – женщинам не запрещалось заниматься доением скота. Здесь и пасла и доила не только овец, но и коз женщина. Мужчина занимался ткачеством, плетением, иногда даже выполнял чисто женские, по понятиям горцев, обязанности: готовил еду, приносил воду. Хворост собирали и мужчины и женщины. За пальмами, как и везде, ухаживал только мужчина, что объяснялось особенностями трудовых процессов, требующих силы и особой сноровки, в частности – лазанье по стволу.

Для Ноугед а было характерно сочетание скотоводства и пальмоводства (в том числе, благодаря наличию кормовой базы разведение верблюдов) с рыболовством, бахчеводством. Источником благосостояния семей в те годы здесь стал отхожий промысел, прежде всего хорошо оплачиваемая работа, связанная с добычей и транспортировкой строительного камня на северном побережье.

Экономически большая часть Восточного района (за исключением «чистых» скотоводов, составлявших меньшинство) характеризовалась сочетанием скотоводства с сезонным рыболовством. Это была еще одна подгруппа населения в рассматриваемой социальной группе, ведущей смешанное хозяйство.

Положение в зоне смешанной экономики значительно изменилось со времен Брауна: одни занятия исчезли, другие нашли более широкое распространение или стали более прибыльными. Для сравнения полезно еще раз обратиться к свидетельству того же британского наблюдателя:

«Наряду с двумя разновидностями чистых пастухов есть много таких, у которых хозяйство смешанное, т. е. они еще получают финики, рыбу или и то, и другое и в некоторых случаях зарабатывают деньги сдачей в аренду вьючных верблюдов. Там, где постоянные источники делают ирригацию простой, некоторые хозяйства также выращивают зерновую культуру – сорго. Смешанное хозяйство простирается на все районы прибрежных холмов, Восточного плато, Южной прибрежной равнины и нижнего бассейна Хагъхера. Около двух третей всех бедуинов живут тем или иным вариантом этого хозяйства. Его самый примитивный вариант – вероятно, принятая в Калансии практика менять вязанки хвороста, которые можно унести на голове, на рыбы головы и другие отходы. Оно получает свое завершение в Хамхире,

в районе Восточного плато. Здесь люди имеют: отличные места для прогулки овец; постоянный источник, который поддерживает орошаемые участки; даже немного крупного рогатого скота; хороших верблюдов и хорошие пастбища на нижних склонах; финики в вади и лодки на берегу. Они относятся к числу процветающих бедуинов острова. Существуют бесконечные градации между ними. Пастухи с Восточного плато владеют лодками на мысе Рас-Муми и спускаются по скалам и утесам, чтобы работать на них (также принести для себя воду, а овцы утоляют жажду в основном росой). Самые большие финиковые рощи в районе Ка'ри (Южная прибрежная равнина) занимают площадь около 73 га и находятся во владении племен, за исключением пары сотен пальм, принадлежащих султану Исе. В то же время в Карье (восточная часть северного побережья) финики почти целиком принадлежат его брату Абдалле. Люди ухаживают за его деревьями на основе издолящины: две трети урожая идет Абдалле и одна треть – им. Эти люди вылавливают также много рыбы, но пастбищ у них мало, и они бедны. Стер а и Захк на Южной прибрежной равнине имеют хорошие верблюжьи пастбища и хорошие условия для рыболовства, но там нет фиников. Население Кайсу (близ Калансии в Западном районе. – В. Н) выгоняет овец в горы, имеет пальмовые сады, орошаемые водой источников, но оно никогда не занимается рыболовством» (Brown, 1966: 18).

К моему появлению на острове здесь уже не существовало собственности султана, и никто не менял хворост на рыбы головы, но зоны смешанного хозяйства оставались теми же.

Уход части населения на отхожие промыслы в поисках дополнительных источников дохода породил изменение социальных отношений, в частности вследствие расширения практики найма рабочей силы. Примером мог служить Западный район, где отходничество было распространено лишь в местах, расположенных недалеко от Калансии, куда скотоводы спускались для ловли рыбы.

«Отходник» в Калансии нанимал в аки ля (посредника) для ухода за козами и овцами, расплачиваясь с ним либо скотом, либо деньгами. Например, у информанта Ахмеда Абдаллы Мубарака (35 лет, из племени алсас, жил в Калансии, уроженец Шети д-Алсас, в предгорьях недалеко от Калансии) отец был «чистым» скотоводом, но нужда заставила его заняться рыболовством. Ловить рыбу он научился «у чужих людей». Отец оставил Ахмеду в наследство стадо овец. У него своя лодка, ловил рыбу он только в безветренный сезон, когда можно выходить в море. На время своего отсутствия пасти и доить овец он поручал *вакилю*, давая ему за это иногда овец, иногда деньги.

Смешанная экономика обеспечивает племенам возможность противостоять тяжелым последствиям стихийных бедствий (засух, ветров и т. п.) и эпизоотии, а также позволяет улучшить и разнообразить свое питание (мясо-молочные, рыбные, растительные продукты). Считается, что наличие смешанной экономики приводит к большей плотности населения на территориях, где распространен этот тип хозяйства, чем на чисто скотоводческих. Это совершенно естественно, так как плотность населения в скотоводческих районах предопределяется соответствием площади пастбищ численности скота и увеличение нагрузки вызывает либо отток населения, либо его сокращение из-за голода, болезней и т. п. Поэтому, когда Браун писал, что «существованием смешанной экономики объясняется тот факт, что на всех этих территориях проживает больше населения, чем в Западном джебеле, хотя и не всегда больше скота», он ошибочно полагал, что скота в этом случае должно быть больше, – на деле же совсем напротив: именно там его должно быть меньше.

По подсчетам этого автора, по сравнению с Западным джебелем в районе на юг от залива Карья, где ландшафт примерно такой же, только без горных овечьих троп, плотность населения была примерно в 11 раз выше; на Южной прибрежной равнине – в 6 раз; на Восточном плато, похожем на горы Запада, – в 8 раз. В отношении последнего сопоставления Браун

предположил, что причина зафиксированной разницы заключалась в том, что почти весь район Восточного плато представляет собой горные овечьи пастбища в противоположность Западному джебелю, где верхняя часть гор занимает не более шестой части всей территории, а «альтернативные источники существования» являются второстепенным фактором.

«Они, однако, будут становиться все более и более значимыми: тот факт, что там возможна большая концентрация людей, привел к росту поголовья скота. В результате вся территория чрезвычайно истощена перевыпасом и находится на пути к полной деградации. Перевыпас – общий признак для территорий со смешанным хозяйством, и людям придется все больше и больше обращаться к другим средствам существования, если этот признак будет сохраняться» (Brown, 1966: 19).

Перевыпас правильнее было бы назвать не признаком, а причиной появления смешанного хозяйства, поскольку именно в результате истощения пастбищ скотоводческие племена обратились к поискам «альтернативных источников» существования.

Некоторые оценки

Кто же такие сокотрийские бедуины и как можно было в целом охарактеризовать их уклад жизни?

Многие исследователи впадали в ошибку, считая уклад жизни скотоводов острова перенесенным с континента, поскольку сокотрийские бедуины были переселившимися на остров кочевниками континента. Тем самым игнорировалась самобытность жизненного уклада местных племен, который формировался длительное время в своеобразных, отличающихся от континентальных, природно-климатических условиях. Конечно, как мы знаем, имели место переселения крупных племенных групп с континента (из Махры), но зачастую махрийское название того или иного сокотрийского племени восходит к единственному махрийскому предку, потомки которого смешивались с другими, уже жившими на острове племенами. Что же касается первой волны заселения острова в историческую эпоху (исключая заселение в доисторическое время), то нам точно неизвестно, во-первых, откуда было переселение, во-вторых, когда оно произошло и, в-третьих, каким оно было (как количественно, так и качественно). По одной из версий, коренных сокотрийцев, изначально возделывавших благовонные деревья, заниматься скотоводством заставило то, что завоеватели оттеснили их в горы. Однако у нас нет убедительных данных, которые подтверждали бы, что именно торговля благовониями составляла главный источник существования тех первых поселенцев.

Как бы то ни было, уклад жизни сокотрийских скотоводов отличается самобытностью, особенно проявляющейся в весьма специфическом сочетании черт оседлости и кочевничества. Собственно говоря, полными кочевниками на столь небольшом острове и в таких условиях (далеких от условий аравийских пустынь) сокотрийские бедуины и не могли быть. В середине 60-х годов Браун был прав: на естественных пастбищах поголовье крупного рогатого скота не могло быть увеличено, этого и не произошло. Он был прав и в другом: на острове в целом было не много скота, на голову приходилось приблизительно 8 га угодий (на овечьих пастбищах в среднем – 2,4 га), на востоке – не менее 1,6 га, но единственным экономичным в отношении нагрузки на природную среду животным, чье поголовье на Сокотре допускало увеличение, была коза. Мы видим, что так это и произошло.

Одно из важных отличий скотоводов острова от кочевых племен континента – то, что они держат верблюдов лишь как транспортное средство, тогда как на континенте, где традиции верблюдоводства распространены повсеместно (Йемен, Саудовская Аравия, Оман), у этого

животного – универсальное назначение.

Еще одна важная отличительная черта сокотрийского общества – то, что до сих пор отношения индивидуальной и семейной частной собственности сочетаются здесь с элементами общинного хозяйства, например, сохраняются коллективное владение пастбищами, источниками воды (как в пределах одного или нескольких племен, так и всего сообщества сокотрийцев), возможность передачи права использования ресурсов одним родоплеменным бедуинским коллективом другому (например, в случае засухи), четко регламентированная система актов взаимопомощи и т. п.

Вопрос о происхождении сокотрийского скотоводства мы оставим открытым. Можно лишь высказать мнение, что сокотрийцы занимаются им достаточно долго, о чем свидетельствуют их характерный для пастушеского общества архаический фольклор, многие обычаи и обряды, сохранившиеся захоронения мелкого рогатого скота рядом или вместе с людьми (относящиеся к древней доисламской эпохе), типично пастушеская культура, свойственная большей части островитян.

Не подлежит сомнению, что здесь когда-то было развито земледелие, а именно выращивание благовонных деревьев и алоэ на плантациях, следы которых мы встречаем в разных частях Сокотры. В те времена остров, видимо, переживал период расцвета, активно участвовал в международной торговле. Однако, учитывая природные условия, здесь вряд ли когда-либо существовало земледелие, связанное с возделыванием зерновых. Но поскольку в данной главе рассматривается преимущественно скотоводство, главный для нас интерес представляет вопрос, в каком состоянии находилась в прошлом эта отрасль хозяйства.

Еще раз обратимся к свидетельству упомянутого выше британского чиновника колониального времени, который не без оснований замечал:

«Имеются убедительные свидетельства того, что остров был некогда заселен гораздо более многочисленным, более предприимчивым и имеющим лучшее управление, чем сейчас, населением. Довольно большая часть зеленых долин Хагхера представляет собой старые террасные системы полей, чаще всего предназначенные для орошения. В других долинах можно видеть остатки аналогичных систем. Остров покрывают многочисленные развалины домов или заброшенные жилища... Как холмы, так и низменности пересекаются тянущимися на сотни миль выложенными из старых камней межами, которые когда-то были границами территорий расселения общин. На острове обнаруживаются остатки древних плотин со стенами толщиной до 40 футов (около 12 м. – *В. Н*) и т. п. Даже в гранитных выходах около Губбат-Ша'б эти следы хорошо видны сверху» (Brown, 1966: 9).

Заметим, что в результате засух, падежа скота и эпидемий население острова периодически сокращалось, вновь росло, возвращаясь к прежнему или близкому к нему уровню. Но в течение длительного времени на Сокотре поддерживался такой уровень численности населения, который позволял ему существовать, не увеличивая нагрузку на окружающую среду. Ограниченность природных ресурсов, натуральный характер хозяйства, почти полное отсутствие внешних хозяйственных связей (особенно у жителей внутренних районов), отсталость сокотрийской экономики – все это приводило к тому, что экологические факторы играли в недалеком прошлом определяющую роль в жизни сокотрийцев. Иначе говоря, если бы численность населения поднялась выше существующего уровня, это вызвало бы экономический кризис.

Количество домашних животных соответствовало возможностям обеспечения их кормом.

Если попытаться охарактеризовать сокотрийских скотоводов в целом, то следует отметить, что одна их часть по типу принадлежит к скотоводам пустынь жаркого пояса, у которых в стаде преобладают козы и овцы, а другая, разводящая крупный рогатый скот, – к скотоводам горных и предгорных районов. Преобладание у них оседлости вызвано не тем, что доля земледелия значительна (напротив, пальмоводство здесь связано с сезонной подвижностью части населения), а прежде всего спецификой условий среды обитания. Тип подвижности варьируется от нулевого до переменного-оседлого (преимущественно вертикального типа с выгоном скота на летние пастбища) и даже оседло-кочевого (в засушливые годы). Характерны перемещения как всего населения, так и только мужчин, т. е. сезонные миграции части населения при годовой оседлости. Пастушеское хозяйство даже и сейчас ведется традиционными методами, с сохранением общинно-родовой социальной организации.

Вследствие господства традиционных методов ведения хозяйства сокотрийские пастухи остро переживают пагубные последствия колебаний климата, особенно периодических засух. В некоторых районах в результате интенсивного перевыпаса пастбища деградировали: сочные травы были вытеснены грубыми.

Сокотрийские скотоводы вплоть до 90-х годов вели натуральное или полунатуральное хозяйство и продолжают в некоторой степени вести его сегодня. До 1967 г. оно совершенно не имело товарной направленности, будучи всецело ориентировано на удовлетворение потребностей самих скотоводов в продуктах питания и сырье для изготовления самой необходимой утвари.

Определяя среднюю продуктивность одной коровы в год 1365 л, Браун находил, что хозяевам оставалось 682 л молока. Из этого высококачественного молока можно было приготовить примерно 34 кг масла хаами. С учетом цен того времени, даже при 25 кг хозяева могли выручить за масло около 9 динаров, а если прибавить возможную дополнительную выручку за продажу бычков, – то около 10 динаров в год (Brown, 1966: 15).

К 80-м годам цена хаами, который оставался основным видом товарной продукции, возросла в несколько раз, так что сокотрийские скотоводы могли получить за аналогичное количество не 9, а по меньшей мере 25 динаров, а всего выручить – около 30. Но возросли потребности людей, стали более многолюдными семьи, а средняя численность поголовья скота, принадлежащего одной семье, не увеличилась, скорее наоборот. Подорожали товары, в которых теперь нуждались сокотрийцы. Традиционное женское платье стало обходиться как минимум в 17,5 динаров (около 25 долларов).

Гораздо шире стало применение овечьих и козьих шкур, из которых делались бурдюки и «ведра» для колодцев, хотя уже тогда их стали вытеснять пластмассовые и жестяные канистры.

На рынок в 1966 г. поступало мало мяса и совсем не поступало молоко. В 70–80-е годы положение не изменилось, если не считать сильного повышения цен на скот, что объяснялось резким возрастанием спроса на мясо в связи с появлением на Сокотре немалого числа служащих – выходцев с континента. Скот больше продавали на мясо в годы засухи, когда часть его все равно погибало. Цены при этом несколько снижались, но мне и в годы засухи не приходилось видеть, чтобы взрослая коза продавалась дешевле, чем за 7,5 динаров.

Фактически топленое масло хаами оставалось единственным товарным продуктом скотоводческого хозяйства на Сокотре. Некоторую товарную ценность имели коровьи шкуры. Хотя и мелкие, они были умело сняты, хорошо выделаны и во времена Брауна стоили очень дешево – 4,5 шиллинга, или 0,225 динара за штуку. В тех условиях их могло быть вынесено на рынок не более 150 шт. Ко времени моих путешествий по острову цена коровьей шкуры возросла в 8–10 раз. Кстати, сами сокотрийцы коровью шкуру иногда используют как

подстилку, но основное применение находит выделанная коровья кожа: из нее, в частности, плетут специальные приспособления для лазанья по пальме (см. главу шестую).

Одним из видов товарной продукции у скотоводов были тканые из овечьей и козьей шерсти одеяла, называемые по-арабски *гамля*, *samla*, а по-сокотрийски *хальхель*, *halhel*, о которых будет рассказано в следующей главе. В 80-е годы ареал их производства сокращается, поскольку продавать их на рынке, как и сейчас, стало невыгодно: цены (определяемые, естественно, спросом) за последние годы на эти изделия остаются неизменными, а затраты труда велики. В 80-е годы они стоили от 1,5 до 7,5 динаров (последняя цена – за плотные белые одеяла с цветными нитями, т. е. самого высокого качества); на изготовление одного одеяла затрачивается не менее восьми суток. Правда, сравнительно с уровнем 1966 г. цены возросли, тогда эти изделия стоили 0,45–0,9 динара. Сегодня такие одеяла можно купить на Сокотре практически по бросовой цене – примерно за 3 тысячи реалов (не более 15 долларов).

Типичное хозяйство горской семьи Хагъхера в середине 60-х годов располагало примерно 32,5 гектара земли; из них более 22 га составляли пастбища, на которых хозяин держал десять коров и одного быка. Пять из коров были с телятами, каждая могла приносить хозяевам по 10 динаров в год, т. е. весь возможный доход от них не превышал 50 динаров. Иными словами, 1 гектар пастбища обеспечивал примерно 2,3 динара (сам хозяин этого не знал, равно как и не знал, сколько именно молока дадут коровы). В семье чаще всего было шесть человек. Если бы они питались продукцией, скажем, лишь двух коров в течение девяти месяцев, рассуждал британский наблюдатель, они сэкономили бы 30 динаров. В оставшиеся три месяца им нужно было ежедневно потреблять 1,8 кг зерна, на что они израсходовали бы 18 динаров; таким образом, в излишке оставалось лишь 12 динаров.

«Почти замкнутый цикл, – заключал Браун. – Прибавьте какое-нибудь одеяло или кусок материи на одежду, немного чая и сахара, и цикл замкнется. Небольшой излишек в течение года, на который, допустим, можно купить серебряное украшение, будет поглощен в плохой год. Так что бедуин Хагъхера, занимаясь только разведением крупного рогатого скота, способен лишь удовлетворить свои нужды».

В середине 80-х годов, как я подсчитал во время работы на острове, подобное хозяйство, с учетом выросших цен на продукцию животноводства, могло дать в год 150 динаров, а средняя семья стала более многочисленной: уже не шесть человек, а восемь-десять. Возросли цены и на другие продукты питания, изменились потребности бедуинов, поэтому излишек по-прежнему поглощался потреблением.

Но в той же семье в Хагъхере держали еще и коз (и, как мы видели, немного овец, которых, должно быть, стали разводить здесь лишь в 70-е годы, поскольку, если верить Брауну, раньше овец здесь не водилось). Среднесуточный надой с козы составлял около 1,2 л; из них половина шла козлятам, остальное потреблялось в хозяйстве. Хозяин стада коз в 80 голов, из которых половина были молочными, в середине 60-х годов мог рассчитывать на получение в год около 40 кг козьего масла ценой 6,5 шиллингов (0,325 динара) за 1 кг, т. е. имел возможность выручить 13 динаров. Хотя козлят мужского пола в хозяйствах и тогда, и впоследствии обычно забивали на мясо для семьи (так делают и сейчас), в случае необходимости их можно было продать по 6 шиллингов (1 динар равнялся 20 шиллингам) за голову, и если их 10 – то получить еще 3 динара. Если прибавить сюда возможную продажу шести взрослых животных по 1,5 динара за голову (всего 9 динаров), то общий доход от коз мог составить максимум 25 динаров. Таким образом, при упомянутой численности стада коза приносила доход в денежном измерении в среднем 6,25 шиллинга в год, и чем меньше стадо,

тем меньше был доход с головы.

Таким образом, общий доход крупного хозяйства, в котором было 10 коров и 80 коз, составлял 75 динаров, из которых за вычетом всех необходимых затрат в обычный (не засушливый) год могло оставаться до 35 динаров чистого дохода.

Я попытался подсчитать доход хозяйства, с учетом цен на мелкий рогатый скот, в сезоны нашей полевой работы в середине 80-х годов. За 40 кг козьего масла (принимая эту цифру, хотя для Хагьхера более типично стадо не в 80, а в 100 голов) хозяин выручил бы 40 динаров, за продажу 10 козлят – 50 динаров, за 6 взрослых животных – 60 динаров, т. е. всего 150 динаров. Итак, общий доход хагьхерского хозяйства того времени в денежном исчислении составлял 300 динаров, но за вычетом всех необходимых затрат (при существовавшем уровне цен и потребностей) семья могла получить от 50 до 100 динаров чистого дохода. Это делало хозяйство очень устойчивым, но не давало оснований для вывода об изменении его направленности или доходности.

Здесь было рассмотрено наиболее состоятельное и прибыльное на то время хозяйство. Большая же часть семей находилась тогда в гораздо худшем положении, а некоторые бедуины были едва способны за счет своего хозяйства удовлетворять самые минимальные потребности в продуктах питания. Именно это и побуждало их искать альтернативные источники существования.

Как уже говорилось, в настоящее время Сокотра переживает огромные изменения в своей экономической, социальной и культурной жизни, которые затрагивают и скотоводство, и уклад жизни скотоводческих племен. В развитие острова вкладываются большие средства. Построено много дорог, становится все больше автомобилей, налажено регулярное снабжение населения продовольствием, ведется масштабное строительство домов из камня с применением цементного раствора, современной техники. Города и крупные поселки снабжаются электричеством, водой. Введены в строй холодильные установки для рыбы. Прорываются новые колодцы; безводные районы снабжаются питьевой водой, развозимой в цистернах; на существующих колодцах ставится все больше насосов, в некоторые селения вода подается по трубам; колодцы делаются крытыми. Построен аэропорт, куда ежедневно совершают рейсы самолеты с континента, построены причалы для судов. Дети скотоводов учатся в школах и в университете, семьи имеют возможность лечиться у врачей. На острове работают представительства международных организаций, осуществляющих проекты развития острова с учетом необходимости сохранения хрупкой природной среды. Сокотра стала объектом внимания европейских туристов, а также американских военных.

Многие сокотрийцы выезжают на заработки в арабские страны Залива или в различные провинции Йемена. Для других основной источник существования – государственная служба. В результате улучшения условий жизни сокотрийцев и создания системы здравоохранения снизилась смертность; в семье становится больше детей. Многие семьи скотоводов, не желая дробить собственность, сохраняют единое хозяйство. В патриархальных семьях, например, один сын остается дома, продолжая дело отца, другой идет на государственную службу, поступает учиться или эмигрирует. При этом сохраняются экономические связи между ними, они оказывают друг другу помощь, так что жалование одного фактически делится на всех, так же как масло, мясо и финики, произведенные другим.

Вместе с тем намечаемое экономическое развитие пока не подкреплено расчетами безопасных норм изъятия ресурсов из существующей природной системы. Новое активное и одностороннее вмешательство в хрупкую экологию острова может привести через несколько лет к подрыву его биологических ресурсов. Особенно быстро это может произойти, если будут превышены разумные нормы лова рыбы, выпаса скота, рубки деревьев и кустарников и даже

при избыточном, бесконтрольном строительстве дорог, чрезмерной автомобилизации, дальнейшем загрязнении природы мусором (особенно – упаковочными материалами), который пока никак не утилизируется. Опасным для природной и социальной среды может стать и чрезмерное развитие туризма.

Наша экспедиция первой выдвинула идею объявления острова природным заповедником с тем, чтобы сохранить наиболее ценные ландшафты Сокотры как неповторимого, уникального природного комплекса. Остается надеяться, что необходимость сохранения неповторимой природной среды, а также условий для продолжения традиционной хозяйственной деятельности сокотрийских пастухов не будет принесена в жертву потребностям развития острова и модернизации – между этими задачами может быть установлен гармоничный баланс.

Глава шестая

Материальная культура

Материальная культура различных групп сокотрийцев во многом зависит от типов и видов их хозяйственно-экономической деятельности, а также от того, в каком районе и в какой природно-климатической зоне они обитают. Основным объектом исследования я избрал скотоводческие племена Сокотры, хозяйство которых было направлено почти полностью (и во многом остается таковым и сегодня) на удовлетворение потребностей самих производителей в продуктах питания и предметах первой необходимости. Оно было комплексным: разведение скота при многостороннем использовании домашних животных (молока, мяса, шерсти, костей, кожи) в сочетании с паль-моводством, а иногда и овощеводством и даже рыболовством (смешанный тип хозяйства). Параллельно с исследованием собственно экономической стороны жизни сокотрийцев, задачей было собрать как можно больше относящихся к ней терминов.

Общая характеристика

1. Система названий и мечения домашнего скота

О значении животноводства для сокотрийцев свидетельствует обширная, разветвленная система названий домашнего скота. Помимо общевидовых названий животных (o'oz, коза, te'e, овца, illihe, корова и др.) существуют наименования, образуемые по трем признакам: масти, породе и каким-либо особенностям конституции. Встречаются и названия, которые в современном языке ничего не означают, а выступают как имена собственные. В результате обилия названий хозяин стада обычно дает каждому животному, кроме овец, свое имя, даже если стадо насчитывает более сотни голов.

Наиболее обширна система названий скота (в основном, коз) по масти. Вот некоторые из них:

ḥagwuhe – черный

ḥāhar – черный

lib'hon – белый (крупный рогатый скот)

rakšēš – пятнистый

'āfer – рыжий, красный

dirkek – пятнистый

ḥalhel – коричневый с белым
 žid'əher – светло-коричневый
 ḥabded – пестрый: черный с белым
 šažriher – кирпичный, рыжий (не применительно к животному – зеленый)
 ḥabšeš – то же
 qarqaher – рыжий или пятнистый (темный с белым)
 ša'beb – кремовый, бежевый, желтоватый (о человеке – смуглый)
 (di)ḥabir – (животное) любого цвета с белыми пятнами
 'abdhar – коричневый с пятнами

Примером названий, образующихся в зависимости от особенностей породы животного, в том числе формы ушей, могут служить следующие слова:

šamoʔe – овца с короткими скрученными ушами
 semaḥ (или sema') – баран с короткими ушами
 fided – безрогий
 refrit – коза с длинными ушами (в Западном районе ее называют sa'lehel)
 kek'āna – молодая коза с ушами среднего размера
 tāye – коза с маленькими ушами
 towḥa – маленькая козочка с маленькими ушами
 qaš'ehe – коза с ушами среднего размера (в Западном районе – kaktš'ehe)
 la'šiš – овца, почти не имеющая ушей
 simi'i – овца с очень маленькими ушами
 sowma'u – детеныш последней
 kiš'ehe – коза с белой нижней частью уха

коза, не достигшая зрелости или не в период лактации, называется *харшиши* (ḥaršiš), а коза без молока (т. е. примерно синоним предыдущего слова) – *кашлехель* (kašlehel). коза, откликающаяся на зов, называется *махгага хишара* (maḥgaga hišāra), а приходящая на зов – *ри'ими* (ri'imi).

С особенностями конституции связано название mikbaz (см. подробно: Наумкин, Порхомовский, 1981: 14–15).

Существует система сокотрийских наименований ягнят и козлят в зависимости от их возраста. Нами отмечено четыре подобных названия:

'ifif – в возрасте до одного месяца
 sēred – в возрасте от одного до двух-трех месяцев
 'ežyah – в возрасте от трех месяцев до года
 tsa'aḥ – годовалый

То же можно сказать и относительно телят:

šāter – годовалый
 folhi – старше года

Есть и такие названия:

mal'ez – очень маленький, слабый детеныш
 la'ab – детеныш, которому позволяется сосать мать в любое время

Наличие разнообразных названий, относящихся к одному виду домашних животных, объясняется, прежде всего, потребностью владельцев различать их, что особенно важно при свободной пастьбе на острове. Этой же цели служит система, по которой каждую особь метят особым образом. Общее название меток – ‘алм. Мелкому рогатому скоту их делают на ушах. Существует несколько видов меток. Один из них – надрезы в форме прямых линий под углом к кромке уха, которые называются *ребекхон* (rebekhon, ед.ч. rebek, отмечен также вариант *гйуак*), или *махозхель* (mahozhel); их может быть одна, две или три, расположенные параллельно. Такой надрез еще называют *гиа-хан* (sahan). Если надрезы очень короткие, – метка именуется *махзийфо* (mahziyfo, мн.ч. ma‘özif). Другой вид, вертикальный, называется *гиа тф* (satf). Еще один вариант – когда из верхней части уха как бы выщипывается маленьким полукругом часть его края; такая метка – *гиа тла* (satla), если она расположена ровно посередине, и *гиа тла мигатенефо* (satla mistenefo) – если смещена в сторону. Есть метка, когда с верхней части уха по ровной линии отрезается кусочек, это *мигрихим* (migrihim), или *гиа тла мигромо* (satla migrömo). Когда кусочек кромки уха выщипывается сбоку, – это *накас* (naqas). Бывает метка в виде дырки в ухе – *хальта* (halta), причем ухо не прокалывают, иначе дырка зарастет, а вырезают из него кусочек, сложив ухо. Встречаются немеченые козы, те, которые не уходят далеко от дома – *хисаре* (hisareh, мн.ч. hisareheten), или *мальхе* (malhex, мн.ч. malheten).

Верблюдов и ослов горцы клеймят на шее, плече или бедре. Местные жители говорят, что раньше клеймили и коров, однако теперь клейменные коровы не встречаются. Некоторые из этих клейм зафиксировал Теодор Бент, полагавший, что они напоминают знаки древней южноаравийской письменности, хотя сходство весьма отдаленное. Есть несколько видов клеймения. Одно клеймо – *марика*, оно по форме напоминает каплю. Клеймо в виде точки называется *маркяз*, или *вахта*, в виде одной вертикальной черты *махтар* (mahtar) или двух – *махтарайНу* в виде креста – *саувак*, в форме перекрещивающихся линий – *макасс* (maqass), потому что действительно напоминает ножницы. Существуют метки в виде букв – даль, нун и лам-мим.

2. Содержание скота

Как уже упоминалось в предыдущей главе, сокотрийцы в течение дня свободно содержат мелкий рогатый скот, запирая животных в загон лишь в случае особой нужды. О связанных с этим особых производственных операциях пастухов говорят следующие скотоводческие термины:

г-s – собирать животных вместе

’-г-z – отделять детенышей от взрослых животных

‘-г-г – запирает животных в загоне

Главная забота пастуха – вовремя подоить животных. Это особенно важно в условиях острова, где животное может поранить переполненное вымя об острые камни или колючки и погибнуть. Горцы регулируют воспроизводство потомства и вскармливание ягнят и козлят, применяя различные примитивные, но эффективные приспособления. Одно из них – своего рода контрацептив для самцов, представляющий собой доску из коровьей кожи (илл. 1), которую привязывают к нижней части живота. Это приспособление называется *qa-rsa*. Другое устройство предназначено для того, чтобы сохранять молоко, не давая ягнятам и козлятам сосать мать в неположенное время. Это – палочка, изготавливаемая из дерева *митерер* и вставляемая детенышу животного в рот наподобие удила. Палочка *скаф* (skaf) крепится двумя повязками из шерстяной нити (sirher), которые завязываются сзади головы.

Когда животное приносит потомство, главная забота пастуха – уберечь его от гибели:

детеныш может заблудиться, разбиться, упав сверху на камни, стать добычей хищников. Как уже говорилось, диких хищников на острове нет, но водятся одичавшие домашние кошки, которые нападают на ягнят и козлят, а также вороны, которые могут сначала выклевать им глаза, а потом умертвить.

Илл. 1. Приспособление для лазанья по пальмам (в районе Хадибо) и «контрацептив» для козла

Илл. 2. Каменная поилка для молодняка

Для того чтобы сохранить молодняк, строят специальные убежища из камней *хор* (*hor*), в которые его на время запирают. Похожие укрытия делают для овец и коз, готовящихся принести потомство. Из камня изготавливают и поилки для мелкого рогатого скота, именуемые *макоо* (*maqo'o*) (илл. 2). Загоны, в которых содержат животных, называются *димижхер* (*di mizher*).

Из ягнят и козлят мужского пола, которых обычно режут для потребления, в стаде оставляют минимум. Пастухи особенно стараются выкормить наиболее сильных и жизнеспособных самок, чтобы они выросли крупными и жирными, способными давать много молока, а в случае необходимости могли бы дать и добротное мясо. Для этого принято подкладывать новорожденную самочку сначала не к матери, а к другой овце (или козе), у которой одновременно с ней родился детеныш мужского пола; его сразу же режут, мать признает чужого детеныша своим, и он сосет обеих. Эта процедура имеет специальный термин – *bē'e* (вскармливать у двух матерей).

С коровами у пастухов больше забот. Приведем рассказ одного горца из Хагъхера, хорошо иллюстрирующий жизнь пастуха:

«Вспомнил я тот год, когда мы кочевали. В такое время, как сейчас, дото (*d-oto*), дождало. И зимой тоже в тот год дождало. Коровы тогда уже были покрыты. Две коровы были покрыты: Чернуха и Рыжуха – обе. Пошли мы на откочевку как раз

тогда, когда зачали коровы. Весна была, потом сменилась она жарким сезоном, наступила засуха. Собирали мы для коров листья деревьев, драли луб с пальм, давали им. Так все время приходилось нам листья искать. Дождались мы времени, когда кончился зной. Начался холодный сезон *sereb*. Разрешились от бремени обе коровы, принесли каждая по телке: одна – пеструю – черную с белым пятном, другая – коричневую. Какая же родила пеструю? Пеструю родила Чернуха, а коричневую – Рыжуха. Поймали мы здесь, в Мсёухере, этих двух коров. Пошли мы с дедом Туманом доить коров, а они паслись, как хотели, до самого утра. А телочки играли там, где мы доили.

Так и заведено – телкам играть, коровам – пастись. Потом как-то в один день одна корова приходит в полдень на дойку, а другая не приходит. Думаем: сглазили, видно, эту корову. Чтобы не устать от них, не пошли мы к ним в полдень в дальнее место: ждали их.

А теперь надо было искать корову там, где они паслись. Надо было искать в пещерах, где она могла спрятаться, да подоить ее».

Горцы занимаются также бортничеством. Найдя дупло с пчелами, они выкуривают их и собирают мед, который идет на продажу. Ценится он весьма высоко.

3. Молочные и мясные продукты

Главный продукт хозяйства скотоводов – молоко (*shaf*). Молоко, которое сразу идет из вымени козы с началом дойки, «первое», имеет свое название – *шхаш д-бекхалб* (*shaf d-bekhalb*), затем идет «второе» молоко, которое называется *шекер* (*seker*), а такое же молоко от коровы – *арьез* (*'aryez*). Парное молоко называется *шхаш макбаз* (*makbaz*), его иногда пьют, но в основном кипятят и пьют кипяченым. Пена на молоке называется *кибибо*, а сливки, образующиеся на поверхности молока после того, как оно постоит, – *этлифо*.

Молоко, полученное от нескольких доек, сливают в *гизхер мишхалиб* (*gizher mišħalib*) – большой бурдюк. Члены семьи, занимающиеся дойкой животных, приносят из *махлиба* (места, где доят коров) и *мижхеров* (места, где доят коз и овец) маленькие бурдюки; в них там же, на месте, сливают молоко из горшочков, в которые доят. Если молоко предназначается для питья, его обычно кипятят. Горцы называют кипяченое молоко *мигхим* (*mišħim*), а жители прибрежных районов – *лябан* (*laban*, араб, *молоко*). Некипяченое молоко вечерней дойки, простоявшее ночь, к утру становится немного подкисшим; его обычно пьют на завтрак. И для этого продукта существует особое название – *маатылихим* (*ma'tilihim*).

Молоко, предназначенное для приготовления сливочного масла, масла хами и других молочных продуктов, заливают в бурдюк, в котором обычно сбивают *qas'er* – сливочное масло. В это молоко кладут немного закваски, которую готовят из *хэлоб* (*helob*) – пахты. Для того чтобы получилась закваска, пахту держат сутки, и она становится очень кислой, получая название *микбир* (*mikbir*). Молоко заквашивают в доме, накрыв шерстяным одеялом, несколько часов: полученное от нескольких доек вчерашнего дня – с утра до полудня; полученное от вчерашней вечерней и сегодняшней утренней дойки – с полудня до вечера. Чтобы проверить, готово ли молоко для сбивания, у бурдюка развязывают узкое отверстие (*hanzeher*) и всовывают внутрь два пальца. Если на них есть слой сметаны (*libeke*), – значит, можно сбивать.

Бурдюк надувают через маленькое отверстие, чтобы в нем был воздух, без которого молоко не будет сбиваться в масло. Затем его подвешивают на веревке (*temimo*) на сук дерева и начинают трясти. Трясут примерно два-три часа. Чтобы проверить, можно ли заканчивать процедуру, развязывают отверстие и заглядывают внутрь: если в жидкости, как говорят сокотрийцы, плавают много белых хлопьев (*ser*), значит, масло готово, если же хлопьев нет или

их недостаточно, операцию продолжают.

Когда сливочное масло готово (жители прибрежных районов называют его *никята* – *nikāta*), приносят горшки (*eqdohor*) и сливают в них сыворотку, потом снимают бурдюк с веревки, берут за узкий конец бурдюка двумя пальцами и немного надавливают, пока не вытекут остатки сыворотки с первыми кусочками масла. Теперь масло имеет минимум примесей.

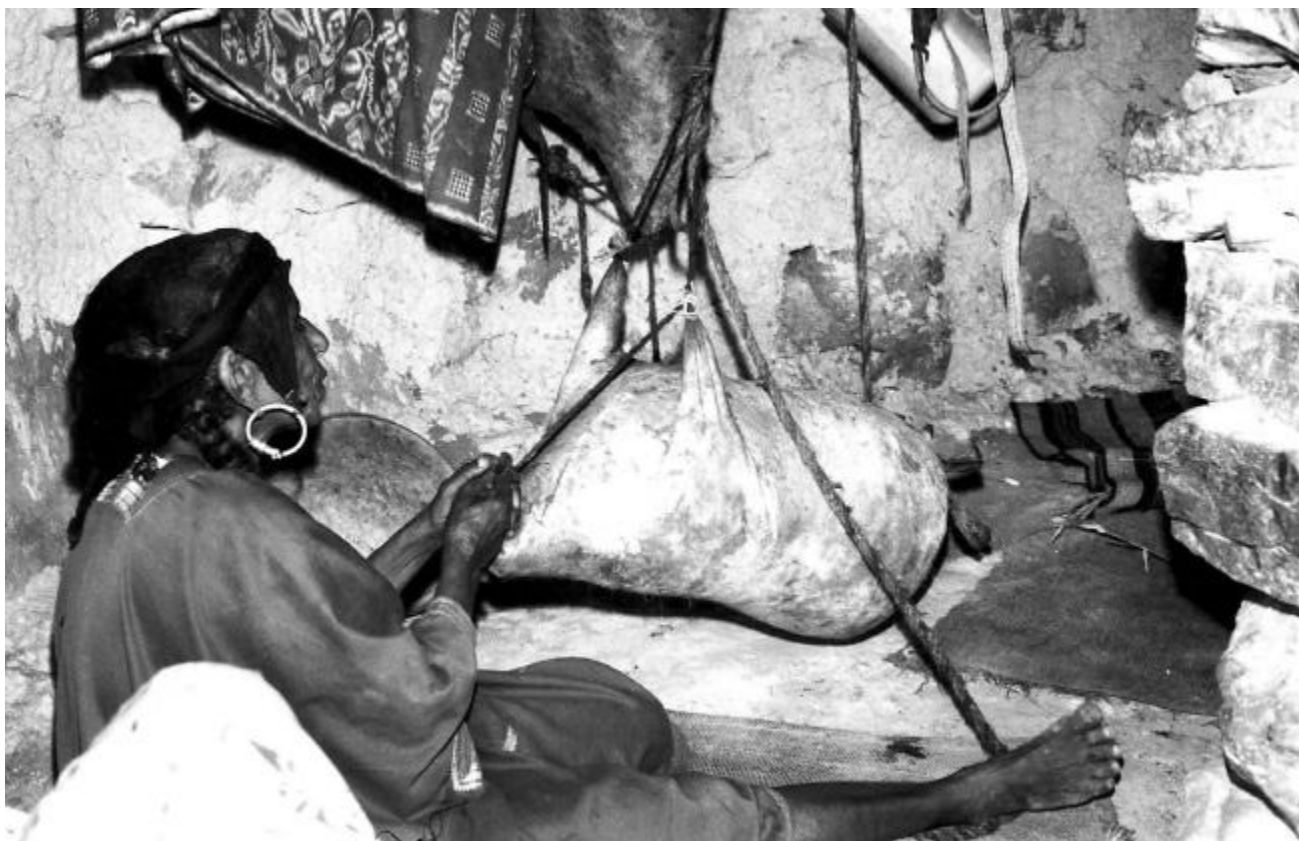
Затем приступают к самой ответственной операции. Развязав широкий конец бурдюка (*he* – букв, рот), начинают выдавливать руками масло в специальный, напоминающий чашку сосуд, именуемый *мегито* (*megito*). Иногда масло в этом сосуде немного нагревают и снова остужают. Потом руками его перекалдывают из нескольких мелких сосудов в большой сосуд *маасыро* (*ma'siro*), или *гоме* (*göme*). Этот сосуд расширяется книзу, а устье его *уже*, но позволяет просунуть в него руку. После перекалдывания масла на дне сосуда *megito* остается немного пахты. Каждая из этих операций представляет собой одно из звеньев в цепи действий, направленных на очистку сливочного масла от примесей. В большом сосуде собранное масло держат несколько дней – до недели. Когда образуется достаточное количество масла, приступают к приготовлению масла *хами* (*ham'i*), напоминающего индийское *ги*.

Толкут кукурузу, пшеницу, ячмень, рис или пажитник (араб, *духн duhn*). Толченое зерно кладут в посудину, предназначенную для приготовления хами, вместе с маслом. Ее ставят на медленный огонь, постепенно подкладывая в очаг хворост. Жидкости надо дать вскипеть два-три раза, после чего огонь следует уменьшить. Держат посуду на огне до получаса, затем ее снимают с огня и ставят на землю, чтобы жидкость остыла.

Полученное хами сливают в другую посуду. Это либо глиняный сосуд, называемый *kibhin*, либо жестяная банка или пластиковая канистра (*martabän*). То, что остается после сливания этого чистого масла, представляет собой густой осадок (*sero*), который подается «к столу» и считается большим лакомством. Долго хранить этот продукт нельзя, поэтому его съедают сразу – едят досыта сами, зовут гостей. Что же касается хами, то его можно держать неограниченно долго.

На континенте считают, что сокотрийское масло хами – чудесный продукт как в силу своих отменных вкусовых качеств, так и потому, что он не портится в течение длительного времени, даже оставаясь под палящими лучами солнца. Секрет неподверженности хами порче кроется в тщательнейшей его очистке, которая зависит от многих факторов и обеспечивается строгим соблюдением традиционной технологии приготовления. Горцы различают два вида хами. Один похож на известное нам топленое масло, полученное посредством обычного кипячения сливочного (так его готовят тогда, когда не предназначают для длительного хранения или когда масла мало, а при тщательной очистке некоторая его часть ушла бы в отходы), он еще содержит примесь пахты и именуется у горцев *margihi*. Другое, полностью очищенное масло называют как *ham'i*, так и *himisi*.

Хами – богатство сокотрийской семьи. Оно является средством обмена, им можно покрыть долг, внести вклад в общий праздник, оно обязательно входило в состав продуктов, которые семья жениха поставляет на свадьбу. Если у кого-либо из сокотрийцев заканчивалось масло, он обращался к соседям, родственникам, соплеменникам, получая этот незаменимый и высококалорийный продукт в долг. Когда хами кладут в вареный рис, считается, что оно заменяет собой мясо. Лучшее по качеству хами – коровье, за ним следует овечье, на третьем месте стоит козье.

Илл. 3. Сбивание масла (фото 1984 г.)

Не менее важна *helob* – пахта – продукт повседневного потребления. Ее пьют на Сокотре везде и всегда. Из нее же готовят сыр.

Для этого пахту долго варят, от одного до двух часов, помешивая, пока она не загустеет. Постепенно в жидкости образуются твердые куски сыра – *хэнеке* (*heneke*). Тогда на землю насыпают слой золы, чтобы в продукт не попали пыль и камешки, на нее кладут кусочек ткани, в которую вываливают варево. Из него постепенно выходит жидкость. Чтобы ускорить процесс, ткань с варевом отжимают.

Полученный сыр (*hamdiher*) выдерживают от полумесяца до месяца. Сыр твердеет, и перед подачей к столу его режут на куски. Оставшаяся после выхода сыра жидкость называется *макдиф* (*maqdif*). Этот продукт хранится один-два дня, в пищу людьми не используется, но им можно кормить маленьких козлят и ягнят. Для этого его сливают в посуду, а затем в бурдюк; одно из отверстий бурдюка, *сабель* (*sab'el*) – там, где была нога (см. илл. 3) – развязывают и вставляют детенышу в рот как *мальхо* (*malho*), соску.

Мясо животных сокотрийцы едят вареным. Его срезают с костей, а кости подают в начале трапезы. Их кладут на камень и разбивают другим камнем, а затем обсасывают, это бедуинская закуска. Лишь после этого подают мясо с рисом на блюде. Оно ставится на пальмовую циновку, вокруг которой садятся мужчины и мальчики (женщины и девочки едят отдельно), иногда перед этим отдельно подают печень. Съедается все мясо. В недавнем прошлом сокотрийцы использовали в пищу *макиит* – сушеное мясо. Его готовят следующим образом. Сначала мясо варят, сливают воду, режут кусочками над тазом с коровьим или козьим жиром, потом тушат над огнем, пока оно не станет сухим, остужают. Такое мясо может храниться довольно долго. В более давнем прошлом так же готовили *мигикак*. После того как животное резали, всем раздавали по куску мяса, один кусок оставляли, нанизывали на палочку и коптили над огнем (поэтому его еще называли *мишкак меказ*). Такое мясо могло храниться день-два.

Меня также часто угощали еще одним блюдом – отдельно сваренным на огне желудком козы – *адуг* ('ādug). Его разрезали пополам и бросали в воду со всем содержимым, не очистив, после варки пили образовавшийся кислый бульон и ели сваренный желудок. По объяснению доктора Шинкаренко, это блюдо было очень полезным для пищеварения. Ведь бедуины в то время были отрезаны от мира, у них не было ни приправ, ни специй, ни овощей, еда была очень пресной, и такой бульон был жизненно необходим для лучшей ферментации, хотя особого аппетита у гостя не вызывал. Можно лишь лишний раз восхититься тем, как в сложных условиях существования сокотрийские бедуины умели мобилизовать все ресурсы для выживания.

4. Изготовление утвари

Шкуры мелкого и крупного рогатого скота используются по-разному. Поэтому шкура с животных снимается разными способами; для обозначения этих процессов есть такие термины:

dīḥiṣ – снимать шкуру с овцы или козы чулком, без разреза, чтобы из нее можно было изготовить бурдюк;

gizhil – снимать шкуру с коровы, сделав для этого разрез на животе, так, чтобы шкура получилась ровной и ее можно было расстелить.

Коровья шкура растягивается, прибавается к земле колышками, сверху ее присыпают пылью или птичьим пометом и оставляют сушиться на солнце в течение двух-семи дней. В сокотрийском языке есть глагол *sadah*, что означает «раскладывать коровью шкуру сушиться на солнце». Из этой шкуры делают приспособление для лазанья по пальме, называемое *habhol* (илл. 1). Широкую часть его плетут из полосок, нарезанных из свежей коровьей кожи, предварительно

очищенной от волос при помощи золы и затем высушенной. Узкую часть свивают, как веревку, из узких полосок кожи, растянув их на колышки, и сушат.

Несмотря на дифференцированность терминов, обозначающих различные способы снятия шкуры, все виды шкур называют одним словом *ḡab'e*. Овечьи и козьи шкуры в отличие от коровьих используются в основном для изготовления бурдюков.

Существует несколько видов бурдюков:

muzlig – для воды (у горцев)

gizher – для молока

miṣḥalīb – большой для молока

'āni – бурдюк, предназначенный для хранения впрок (на зиму) очищенных фиников

qaṣ'ir – большой (из крупного взрослого животного)

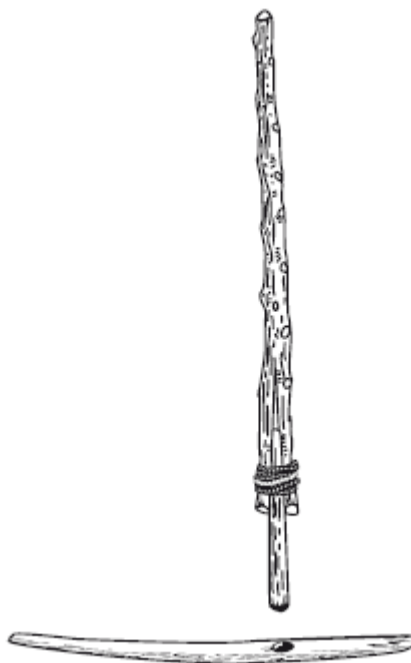
Для изготовления бурдюка снятую с животного кожу выворачивают наружу волосом, кладут внутрь золу с водой и оставляют на сутки. Затем волосы легко счищаются. Кожу дубят с использованием коры различных деревьев: *it'ib*, *lagham*, *im'ire* (ладан) или *tek*. Если бурдюк предназначен для молочных продуктов, кожу дубят один день, если для фиников или для воды – три-четыре дня. Бурдюк надувают, высушивают и смачивают водой – теперь он готов к употреблению.

Бурдюки, которые использовались на острове как ведра для воды, в настоящее время вытесняются пластмассовыми и жестяными канистрами, поэтому их производство падает. Теперь в хозяйствах редко можно увидеть этот тонкий до прозрачности бурдюк с широкой горловиной. Другие же виды бурдюков остаются в хозяйстве незаменимыми.

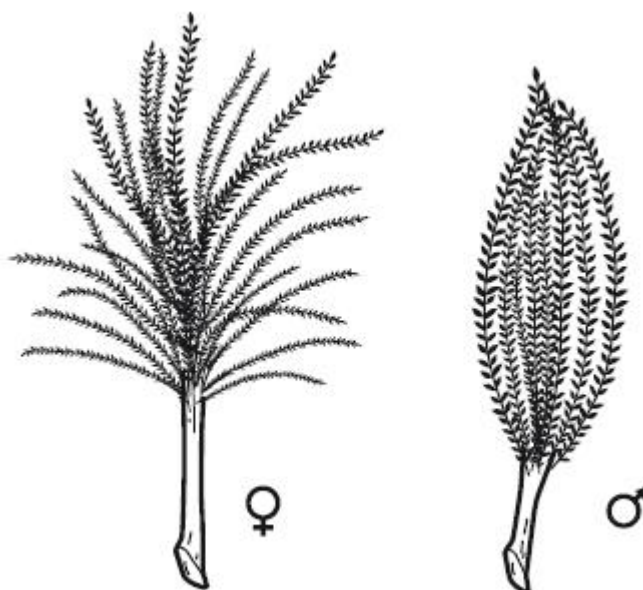
В горных районах Сокотры во время моих поездок по острову в 70-е и начале 80-х годов еще сохранялся ныне ушедший в прошлое примитивный способ добывания огня – трением двух деревянных палочек. Он выручает пастухов в дождливую погоду, когда спички отсыревают.

Это приспособление называется *игхар* (ishar). Верхняя палочка, которая раскручивается руками, делается из дерева *митерер*, отличающегося большой твердостью. В ее расщепленный конец вставляется кусочек дерева более мягкой породы, который помещается в отверстие нижней палочки, причем вставной кусок и нижняя палочка должны быть обязательно из дерева одной породы (илл. 4). Для этих целей используется древесина следующих пород деревьев: *it'ib*, *ikša*, *'ūbab*, *kirillo* (илл. 35 на цв. вкладке).

У многих народов, применявших способы добывания огня, аналогичные или сходные с описанным выше, соответствующие орудия осмыслились в эротических терминах, например ведийские *asvattha самец*, *samī самка* для обозначения соответственно верхней и нижней палочек, порождавших *agni* огонь. Такие же представления существуют и у сокотрийцев: верхняя палочка именуется *'agg мужчина*, нижняя – *'aze женщина*.

Илл. 4. Приспособление для добывания огня

Илл. 5. Соцветия пальмы

Пальмоводство, табаководство, выращивание овощей и фруктов

Скотоводство у сокотрийцев почти повсеместно сочетается с пальмоводством – одним из основных видов хозяйственной деятельности жителей острова. Пальмы произрастают в основном в вади, а также близ источников и в меньшей степени на равнинах, где их приходится часто поливать. Размножение финиковой пальмы производят в основном посадкой корневых отпрысков (реже посадкой семян). Саженец пальмы, еще не имеющий листьев, высаживают в специально подготовленную для него лунку. Три дня его обильно поливают по утрам и вечерам. Затем эту процедуру сокращают: растение получает воду через день. Если в течение полутора месяцев саженец не примется, его на целую неделю лишают воды. Это, как правило, помогает, после чего полив возобновляют. Главное, чтобы у растения выросла центральная ветвь, без которой оно не может существовать. Эта длинная ветвь тоньше, чем обычные ветви: листья ее расположены по отношению к ней под более острым углом, поэтому она выглядит уже обычной, несколько напоминая верхушку колоса. Центральная ветвь тянется вверх, а вокруг нее в стороны прорастают и раскрываются обычные ветви. По мере роста дерева образуется ствол, а рядом с материнским деревом прорастают отпрыски, которые используются как саженцы.

Пальмовые деревья в зависимости от их сорта начинают плодоносить на четвертом-шестом году жизни. Когда наступает пора цветения, проводят искусственное опыление, или доопыление. Существуют женские и мужские пальмовые деревья. Обычно на средней плантации (примерно 100 пальм) держат не более 1–2 мужских деревьев. С мужского дерева обрезают ветку с соцветием, разрезают листья около цветника и вынимают оттуда соцветие с пыльцой. Если оно большое, то его разделяют на части, затем пыльцой посыпают цветки на женском дереве (илл. 5).

Опыление, пожалуй, – одна из наиболее трудоемких операций в уходе за финиковой пальмой. В результате образуется ветка и на конце ее на тонких гибких стебельках вырастает гроздь фиников. Для того чтобы очистить пальму от неполноценных плодов (которые, как считают, забирают питание и тем самым вредят другим, нормальным плодам), дерево трясут, и мелкие финики падают. Лишние соцветия с листьями обрезают. Эту чистку проводят через несколько дней после опыления. Примерно через два месяца после опыления фиников ветви с гроздьями подвязывают к стволу, лишние грозди обрезают, оставляя лишь две-три на каждом дереве – так плоды лучше войдут в силу. Если гроздей слишком много, финики не получают достаточно питания и будут невысокого качества. Еще через месяц грозди закрывают мешковиной, для того чтобы предохранить плоды от опадения, повреждения насекомыми, склевывания птицами, сдувания ветром.

Наконец, примерно через пять месяцев после опыления (в зависимости от сорта пальмы и погодно-климатических условий) наступает пора созревания плодов. Полив в этот период приводит к существенному повышению урожайности. Затем начинается сезон сбора урожая. Ветки с гроздьями фиников срезают у основания, складывают в мешки и уносят в селение, где приступают к их обработке.

Пальмоводы используют в работе два инструмента: первый, называемый *musrih*, предназначен для копки, рыхления и разравнивания земли; второй, *fās*, – вид топора, применяемый для обрубания стволов деревьев и веток.

На Сокотре с пальм в зависимости от сорта и района можно собирать один или два урожая фиников в год. Мои друзья из Да'рхо собирают два. Деревья зимнего урожая (qayithi) опыляют в сентябре – октябре, летнего (harfi) – в январе – феврале. Преобладают летние сорта пальм.

За сбор урожая с четырех-пяти пальм наемному рабочему платили в 80-е годы 3 динара (около 10 долларов). Урожай с одной пальмы давал в среднем 10 динаров. Бурдюк, наполненный финиками, стоил в середине 80-х годов 7,5–15 динаров.

Различные виды финиковых пальм отличаются по качеству плодов и урожайности. Наиболее урожайные виды дают до 50 кг с одного дерева.

После сбора урожая проводят обрезку сухих ветвей, готовя дерево к следующему сезону. Собранные финики очищают от косточек, разрезают каждый плод на две половинки и раскладывают для просушки на специальной площадке, обнесенной невысоким бортиком из камней, поверх которого кладут ветки с колючками, чтобы на площадку не забрались животные. Финиковые косточки, оставшиеся после очистки плодов, вываривают и используют как корм для мелкого рогатого скота.

Плоды сушатся под солнцем примерно две недели. Затем их топчут ногами, пока не образуется вязкая масса, которой и набивают бурдюки. В плотно завязанных бурдюках финиковая масса может храниться довольно долго благодаря бактерицидным свойствам, которыми обладают засахаренные плоды. Когда настает время употреблять их в пищу, бурдюк разрезают поперек. Сокотрийцы предпочитают засахаренную финиковую массу свежим плодам. Излюбленное лакомство сокотрийцев – финиковая масса, размешанная в воде (marls). Этим сладким сиропом коричневого цвета принято подкармливать грудных детей буквально с первых недель их жизни.

Сама лексика сокотрийцев, относящаяся к пальмовому хозяйству, дает ясное представление о производственных процессах, сопутствующих выращиванию фиников:

žilba, мн. ч. žileb – лунка для посадки пальмы

timre, мн. ч. timher – пальма

ħāgib, мн. ч. ħeggub – отросток

mišna – саженец

sarma – саженец

dem – сажать

eyh – поливать

del'aun – центральная, верхняя ветвь

mižrid, мн. ч. mižrud – ветвь с листьями

ħeṣ, мн. ч. ħoṣ – лист

ška'o, мн. ч. ška' – ствол ветви (основание)

kirba, мн. ч. kirab – боковой отпрыск, вырастающий рядом с материнским деревом

godi' – ствол дерева

'iška, мн. ч. 'išuok – ветка с гроздью фиников

fōtir – собственно ветка

šamraḥ, мн. ч. šamāriḥ – гроздь фиников

ħalhol, мн. ч. ħilhēten – финики

'ilbe, мн. ч. 'ileb – шип

'ileb – уколиться шипом

nebut – опылять

ekre, мн. ч. ekarihen – завязь

gāqaḥ ekre – образоваться (о завязи)

nēbut – соцветие
 rimid – пыльца
 gedelhen – маленький цветок
 eblo'o – открыться (о завязи)
 di sti'o – цветение
 efkak, so'of – тереть, чистить завязь женского дерева egiḥ, neḡig – трести ветви
 a'ad – укладывать ветви с гроздьями
 taršo – привязывание к стволу
 'ofin – закрывать (гроздья мешком)
 eqṣaṣ – обрезать (ветку)
 qasi – сбор урожая (обрезка веток)
 resi – взбираться (на пальму)
 hila – зеленый (неспелый) финик
 qidyib – белая сердцевина дерева
 nūsa – пальмовое волокно
 ḥtmi – веревка из пальмового волокна
 sfif – плетеная лента из листьев для циновок
 sōfe – черенок (от листа)
 kambib – гладкая, стройная пальма
 mustaḥ – площадка для сушки фиников
 bkr – сушиться (о финиках)
 ḥusem – снимать (финики с ветки)
 tebil – собирать (здесь: финики)
 kudad – утаптывать, мять (финики)
 kunus – складывать (финики в бурдюк)
 'egah – взбираться на дерево
 'afaš – выварить (косточки)
 fere – сухой хворост
 'eḏaḏ, мн. ч. 'uḏaḏ – косточка финика

В сокотрийском языке существует несколько слов для обозначения различных видов пальм и сортов фиников. Они образуются по разным признакам. Так, hukam, название одного из лучших сортов, связано с формой финика; metakeno происходит от слова metak *сладкий*; di-halhel (di-halhul) – букв. *тканый*, как одеяло, что указывает на волокнистую ткань плода. Вот еще термины для обозначения различных типов и сортов фиников, записанные от сокотрийцев – их производителей: sirafāne, beni si'nhin, gela'āno, fritit. Совсем незрелый финик, который выбрасывают, если случайно сорвут, называется hiris, le'em – плохие финики, которые годятся только на корм скоту. Название kil wuskut происходит от араб. *ешь и молчи*. Финики, заготовленные впрок в бурдюке, именуется msorheq. С самим названием пальмы связано слово semerah *свежий финик*. В этом же значении употребляется термин mse'eb, а по Леслау, ma'abhereti. В текстах Мюллера встречаются и другие названия:

bišre – очень спелый финик
 heyle, be'i, halole – неспелый финик

šog – сорт финика зеленого цвета, который созревает поздно

ža'fher – плод дикорастущей пальмы

В некоторых селениях острова занимались также выращиванием табака и овощей. Табак, завезенный сюда из Хадрамаута, сажали в небольшом количестве для местного потребления. Курили сокотрийцы раньше, до появления на острове сигарет, редко и мало. Для курения они использовали маленькие трубки – мундштуки (sa'rher), сделанные из глины. Иногда эту глиняную трубку вкладывают как чубук в полую деревянную трубочку, через которую курильщик и всасывает дым, чтобы не обжигать рот. Табак (tembeke) – чисто товарная культура, его выращивали исключительно на продажу, но высокого дохода он не обеспечивал.

В селении Кедха, где жил род сейидов абу бекр, земледелие уважали: у каждого дома существовал огород, что в 1970–1980-е годы было редкостью. Многие разводили табак. Информант Али Салем Мухаммед рассказал мне, как выращивают табак:

«Сначала мы готовим семена (deri). Потом выкапываем лунки (matire) и их туда сажаем. Семя прорастает, появляются всходы. Через месяц после посадки мы переносим (sube) растения на новые места, рассаживаем их в лунки. Здесь мы обильно поливаем (suZa) каждое растение в течение трех дней. Затем начинаем поливать через день, и так продолжается три месяца. Через месяц вносим удобрение, удобряем навозом (idlne). Чем лучше унавозишь, тем сочнее будут листья. Через три месяца начинаем поливать еще реже: сначала раз в три дня, затем раз в неделю. Когда листья нальются соком (sinta), снимаем урожай (nizrob): срезаем их и сушим (kusa'). Продаем табак на рынке связками».

На маленьких участках во дворе дома в те времена овощи выращивались людьми исключительно для удовлетворения собственных потребностей (сейчас их выращивают и на продажу, хотя очень немного). Лишь изредка в Хадибо можно было встретить человека, продающего лук или помидоры. Это сегодня, когда морские и воздушные коммуникации хорошо связали остров с другими частями Йемена, прежде всего – Хадрамаутом и Саной, на рынке Хадибо всегда есть овощи и фрукты, привезенные с материка. Правда, в одном месте – в восточной части Ноугеда, где достаточно пресной воды, еще в 80-е годы выращивали на продажу арбузы.

Плетение и ткачество

Пальма имеет самое разнообразное применение, оно не ограничивается сбором урожая фиников. Практически повсеместно сокотрийцы используют пальмовую древесину как материал для плетения. От пальмы берут центральную ветвь, делят ее вдоль гвоздем или ножом на две части и сушат. Эти полоски служат сырьем для плетения. Сначала выплетают длинную полосу (длиной 40–50 bäg, т. е. «на всю длину комнаты»), которая называется в Хадибо и у горцев sfif, в Кадубе – qafa'. Затем из нее сшивают циновки нужной формы (как прямоугольные, так и круглые) и корзины. Для шитья используется сделанная из рога mahyeto иголка. Назову зафиксированные мной виды названия плетеной утвари:

hāšir – прямоугольная циновка, которую подстилают в комнатах или во дворе для сидения

meraht – круглая циновка, на которой подают еду

musfi – корзина для хранения и переноски продуктов (встречается редко)

Из пальмового волокна плетут *qayd* *веревки*, а стволы, ветки и листья используют в строительстве (см. ниже). Кроме того, пальма идет на изготовление вьючного снаряжения верблюда. Этот вид ремесленного производства довольно редок.

Среди основных предметов, которые служат для навьючивания верблюда, приведем следующие (обмеры сделаны мной в селении Ди Фа'рхо):

na'fa – подстилка из прошитой шерстяной нитью мешковины (100x55 см)

gunie – подстилка, представляющая собой сшитый из шерстяных

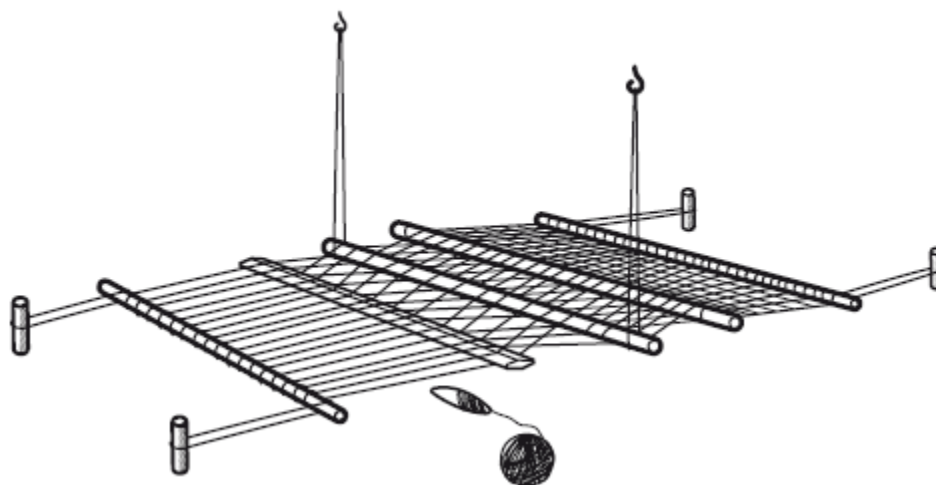
одеял мешок, внутри которого проложены пальмовые волокна (120x95 см)

maqtaf – подстилка, сплетенная из пальмового волокна (110x35 см)

kitib – сделанная из кожи и дерева накладка размером в основании

30x30 см, к которой можно привязывать вещи определенной формы

mišadda – веревка с плотной, привязанной к ее концу тряпичей, используемая для навьючивания (тряпица подкладывается под хвост животного, чтобы веревка не натирала).

Илл. 6. Схема ткацкого станка

Илл. 7. Бедуинская женщина расчесывает и прядет шерсть

Одно из широко распространенных на Сокотре ремесел – ткачество, точнее, изготовление женщинами с помощью самодельного ткацкого станка (илл. 6) одного вида продукции – шерстяных одеял, пользующихся большим спросом в Йемене. По-сокотрийски они называются *halhel*, используется также слово *habsas*, по-йеменски – *samla*. Одеяло хорошего качества из шерсти молодого животного называют *mezdeuge*, одеяло белого цвета – *bigde*, или *begede*, или *sazer*, *di rowkäbi* – разноцветное полосатое, *di hit'ohor* – то же самое с более узкими полосами. В колониальном прошлом английские экономисты отмечали возможность сбыта на внешних рынках шерстяных одеял (при условии некоторого улучшения качества их изготовления) наряду с жемчугом.

Илл. 8. Бедуинская женщина, прядущая шерсть

Илл. 9. Сокотрийское одеяло из шерсти – «шамля»

Овечью или козью шерсть сначала расчесывают на циновке при помощи смычка, называемого *mafatk*, а затем из нее крутят и прядут нить (илл. 7, 8). На станке ткнут полосу одеяла шириной в среднем около 20 см. Несколько продольных полос сшивают вместе. Ширина готового изделия в среднем около 120 см, длина – около 250 см, но бывают одеяла и больших размеров. Отдельные нити красятся в белый, желтый, зеленый, коричневый, красный цвета, образуя цветные продольные полосы. Иногда для украшения одеяла в него добавляют хлопковую нить. Существует несколько типов ткани – от редкого до плотного плетения нитей. Обычно основным цветом одеял служил черный (илл. 9). Но ткнут и белые одеяла, самые дорогие, их цена в 1980-е гг. доходила до 7,5 динаров (около 25 долларов).

Рыболовство. Добыча жемчуга

Рыбу ловили в основном с *хури* (*hüri*) – небольших лодок (илл. 10), управляемых короткими веслами с круглыми лопастями. На них выходят в море вдвоем. Ловят либо сетями (*luyüh*), либо переметом (*sakka*), последним способом – обычно акул. Перемет состоит из веревки (*qayd*), поплавок – *buta* и крючков – *eklhe* (мн. ч. *akali*).

Илл. 10. На таких лодках-плотах сокотрийские рыбаки плавали в XIX и XX веках

Во время ловли переметом лодка стоит на якоре – *barrüsi*. Поднятую на поверхность акулу бьют гарпуном – *msalla*. В качестве наживки используют мелкую рыбу, которую ловят на крючок с насадкой из *‘öta* – червей. Рыбу на мелководье, у берега, ловят также прибегая к ловушке (*qarqür*), которую плетут из волокон дерева *хефу*. Используется и маленькая сеть, известная у рыбаков как «закидушка».

Мясо акул – *ляххим* (*lahhim*) – сушат следующим образом. Туловище рыбы разрезают вдоль, внутренности вычищают, головы отрезают. Затем туши хорошо просаливают,

складывают и оставляют на день в тени, после чего их промывают и раскладывают сушиться на солнце под навесом из сети, защищающей мясо от птиц и иных хищников. Через две недели сушеное мясо акулы готово к употреблению. Сейчас эта процедура редко практикуется на острове.

Королевскую макрель – *таник* (tānik) ловят сетями. Для приготовления hanit – вяленой макрели в землю закапывают железную бочку, обкладывают ее камнями и хворостом и разводят огонь, поддерживая его до тех пор, пока бочка как следует не нагреется. Затем рыбакам отрезают головы, вычищают внутренности, чуть подсаливают и складывают их слоями в бочке. Бочку накрывают мешками, и все засыпают песком. В бочке рыбу держат одни сутки, пока она не прокоптится.

Илл. 11. Здесь сушат королевскую макрель

Затем, так же как и акулу, ее вынимают и помещают на солнце под защитной сеткой (илл. 11). Мясо макрели готово через три-четыре дня; чтобы оно не пересохло, его убирают в тень. Нежное мясо вяленой макрели в отличие от жесткого и грубого мяса просоленной сушеной акулы не подлежит столь длительному хранению, но все-таки не портится в течение нескольких месяцев. Сокотрийцы продают его, как и акулье мясо, на континенте.

Эти виды рыбной продукции, вероятно, изготавливаются островитянами с давних пор. Еще Марко Поло сообщал: «Много тут славной, большой рыбы соленой» (Марко Поло, 1955: 201).

Когда макрель разделывают, ее сначала режут на две половины вдоль позвоночника. Каждая из них называется *amt*. Эту половину, в свою очередь, делят на два больших продольных куска, каждый из которых именуется *sere*. Затем этот кусок разрезают поперек на две части – *qatba*. Если нужно, то и эту часть разделяют на поперечные ломтики: *pa'se* (мн. ч. *in'es*).

Приведем названия некоторых часто встречающихся на Сокотре рыб и морских животных:

ṣōde – рыба (общее название)

qansa'a – султанка

bedbode – камбала

qafa'ōno – манта

sati'o – скат

d-zunak – рыба-луна

girhom – рыба-молот

hareb – кефаль

širo – рыба-игла

qahalhen – мерлан

di lami – прилипала

ker – вид акулы

fezahyon – окуни

tibib – вид окуня

tirboḥo – каракатица

šaryah – лангуст

hemše – морская черепаха

'irho – медуза

maglif – коралл

'atrhe – осьминог

siḥata – кит

Особым лакомством считается акулья печень. Хорошего качества и годная для традиционного приготовления, она называется *sayfa*. Ее складывают в бочки, посыпают солью и выдерживают десять дней, а потом варят, после чего она может долго храниться. Другой способ приготовления печени: в очищенный акулий желудок (*qadal*) складывают с солью нарезанную кусками сырую печень, и все это подвешивают на воздухе. Так она может висеть несколько месяцев, вплоть до года. Печень низкого качества (у определенных видов акул) не годится для такого приготовления; она имеет особое название – *tahla*.

Ловцы жемчуга (*gamas*) в весенне-летний сезон выплывали в море на крупных лодках – *самбуках*, с которых ныряли в воду на довольно большую глубину. Ныряльщик сначала осматривал дно моря сверху, опустив в воду жестяную банку, в которой вырезано окошко, прикрытое стеклом. Увидев жемчужину, ныряльщик зажимал нос прищепкой из бараньего или коровьего рога (*gasm*), набирал в легкие побольше воздуха и, взяв груз, чтобы быстрее уйти на дно, бросался вниз. Ловлей жемчуга занимались, как правило, сокотрийцы африканского происхождения. За мизерную плату их нанимал владелец лодки, он же торговец, продававший жемчуг крупным скупщикам из Персидского залива, которым и доставался основной барыш.

В хозяйстве сокотрийцев была незаменима глиняная посуда местного производства. На острове до сих пор сохраняется чрезвычайно архаичный способ ее изготовления – лепкой, а не на гончарном круге. В конце XIX в. гончарное производство Сокотры было детально описано побывавшим на острове английским натуралистом Генри Форбсом. Поскольку это описание сохраняет свою актуальность для большей части районов и сегодня, мы позволим себе привести его здесь.

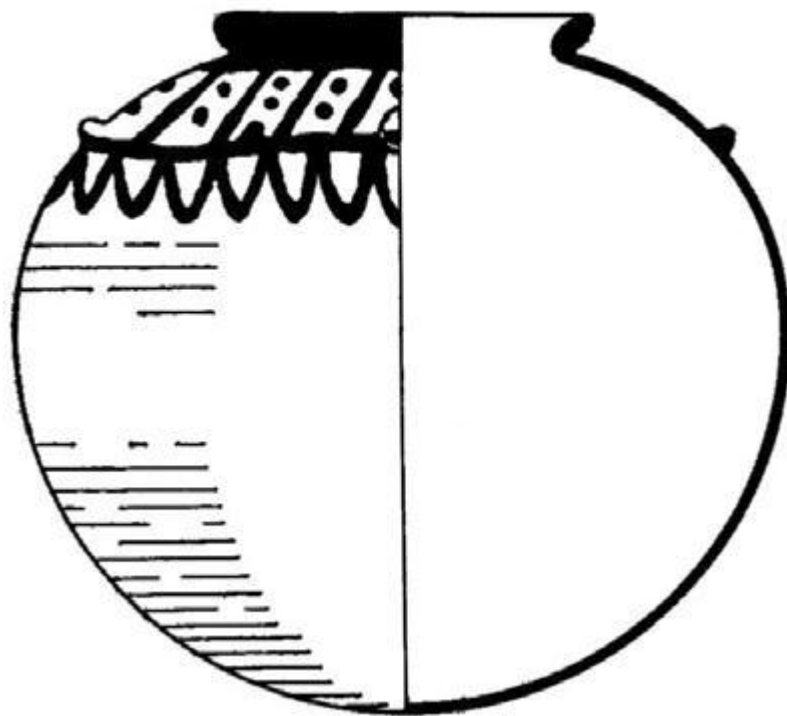
«В Хадибо в равнинных селениях широко производилась керамика, но весьма примитивным способом вопреки длительным связям, существовавшим между Сокотрой и странами, которые изготовляли первоклассную глиняную посуду. Посуду делали руками, так как гончарный круг был совершенно неизвестен. Гончарами были женщины, а глину брали из ложбин в известняковых скалах, где этот материал ярко-красного цвета скапливался после дождя, а также у основания центральных утесов и в некоторых ручьях, где в значительных количествах собирали глину серо-желтого цвета, более вязкую... Оба сорта растирались вместе, к ним добавлялся порошок тщательно растертого известняка. Из одной этой пасты при помощи пальцев и гладкого камня вылепляли маленькие горшки и тарелки.

Более крупные сосуды делали по кольцам, начиная с основания, достигая нужного размера и профиля, правили и разглаживали внутри и снаружи большими пальцами, ладонями и галькой, которую макали в воду. Маленький изогнутый диск из оболочки привезенного на остров кокосового ореха или половина двустворчатой раковины служили для того, чтобы соскрести с поверхности сосуда лишнее до необходимой толщины. После того, как горшки высушивались на солнце, их обжигали на костре из поленьев. В результате тщательного обжига посуда приобретала ярко-красный цвет с темными пятнами в тех местах, которые недостаточно подверглись воздействию огня, так как соприкасались с пеплом. Многие маленькие горшки, которые постоянно используются для хранения молока, имели темно-марганцевый цвет, как будто во время обжига воздух не достигал их поверхности.

Искусство глазуровки явно было неизвестно. Орнаментом обычно пренебрегали; в тех же случаях, когда он имелся, он никогда не был вырезан или оттиснут, а просто нарисован сверху, и рисунок я не мог бы воспроизвести. В качестве краски использовалась в основном камедь драконова дерева, но добавлялись ли к ней другие ингредиенты и как она наносилась, я не имел возможности наблюдать. Изготовление глиняной посуды явно не было прерогативой отдельных семейств: в каждом хозяйстве, насколько мне известно, производилась собственная посуда. На исследованных мною образцах я нигде не обнаружил клейма, и совершенно очевидно, что ни один из них не был изготовлен для продажи» (Forbes, 1903: XXIV–XXV).

К этому описанию на основе виденного нами в различных районах острова процесса производства керамической посуды можно добавить следующее. Гончарным производством традиционно занимаются женщины, но далеко не во всех селениях. В одном случае в селении Ма'нефо красную глину не смешивали с иной. А в Ди Фа'рьхо в глиняную массу – to'ohor добавляли вовсе не известняк, а иной минерал (e'etib), который предварительно растирали (илл. 3б на цв. вкладке). К камеди драконова дерева в качестве красителя не добавляется никакое другое вещество. Лишнюю глину изымают при помощи половинки двустворчатой раковины

(d-kala), а поверхность сосуда шлифуют наружной поверхностью той же раковины. (С такой же раковины в прошлом поили новорожденных детей.)

Илл. 12. Глиняная посуда (по Форбсу)

Илл. 13. Орнамент из камеди драцены на современном сосуде

Форбс зарисовал несколько видов глиняных сосудов и дал их описание:

«Сосуды 1 (называемый *sahan*), 4 и 5 применялись для хранения молока, жира или сока алоэ, при этом два последних специально предназначались для варки или подогрева содержимого. Сосуды 6–8 и 10 используются под воду: 6-й предназначен для совершения ритуального омовения, поскольку лишь из него можно сливать воду небольшими порциями; 7-й (называемый *saflaha*), 8-й и 10-й служили для хранения воды дома. Сосуды 3 и 9 применялись для пищи. Сосуд 2 (называемый *makorseieh*) вешали на стену для украшения (как мы вешаем декоративную тарелку в кабинете), когда он не использовался для воскуривания благовоний» (Там же: XXV) (илл. 12).

Исследованная мной на острове посуда по форме весьма близка той, которая изображена на зарисовках Форбса.

На посуду наносится довольно однообразный рисунок краской из камеди драконова дерева (илл. 13). Большинство горшков не имеет основания, на котором они могли бы стоять, и поэтому их вдавливают в землю, а пустые сосуды хранятся перевернутыми.

Система названий для различных типов горшков в соответствии с их назначением и размерами в основном одна во всех районах Сокотры (илл. 37 на цв. вкладке). Мной зафиксированы следующие типы:

qōme, *ma'šīro* – горшок для хранения масла хам'и с маленьким отверстием *megīto* – чашка для масла *mik'hel* – большой горшок для хранения воды
gisfe – большой горшок, в котором носят воду из колодца, а также хранят
saf'a – маленький горшок для жидкости
qoudeher – самый маленький горшок для жидкости, ранее использовавшийся также в ритуальных целях
foti – горшок для доения мелкого рогатого скота (его размер позволяет поместить его под выменем)
ke'r – сосуд с носиком для приготовления чая, кофе
naḥf – треснувший горшок, используемый для хранения любых мелких предметов
kibhin – высокий сосуд для жира
ṣaflaḥa – самый крупный горшок для варки риса и мяса
safi'a – сосуд для мытья, стоящий на полу; может использоваться и для варки мяса
sirbad – большой сосуд для хранения воды
megmefa – сосуд для воскуривания благовоний
Некоторые сосуды изображены на илл. 12.

Кузнечным ремеслом занимались на острове единицы. Сокотрийцы фактически всегда нуждались лишь в ножах, да жители Хадибо, Калансии, Кадуба – еще в гвоздях, поскольку в их домах были деревянные детали, в основном двери (правда, и они могли крепиться без гвоздей). Большой нож универсального назначения в Центральном и Восточном районах называется *sa're*, в Западном – *hasihin*; маленький нож, предназначенный для совершения обрезания, – везде *mūs*.

Я посетил старого кузнеца, работавшего в деревушке близ Хадибо. в его маленькой хижине находились все нехитрые инструменты и приспособления. Сама кузня называется *maṣya'a*, кузнец – *ṣāye'*. Меха (*menfaḥ*) сделаны из бурдюка, ими кузнец раздувает огонь (*yinafaḥ šiyāṭ*) в печи (*tannār*). огонь поддерживается с помощью древесного угля – *ḥamho!*. для приготовления древесного угля используется древесина Митерера, акации (*zā'ad*), пальмы и

других деревьев. главные инструменты кузнеца: наковальня – mezubra, молот – maṭraqa, щипцы – maqaṣṣ (араб. ножницы). длина щипцов – около 30 см. После того как заготовка разогреется, станет красной (ya'firir), кузнец бьет по ней молотом, кует (yiṣāyha'), придавая ей нужную форму.

Основная продукция кузнеца – гвозди (masāmīr), орудия для рубки веток и очистки стволов пальмы (fās), хозяйственные ножи (ḥang'her), орудия для обработки земли вокруг пальмы (muṣriḥ), большие гвозди (baqaṣ) для закрепления деревянных дверей. Последний вид изделий кузнец закаливает в воде: yikasim bih be-riho.

Сокотрийское платье и прически

Своеобразие сокотрийцев ярко проявлялось в женской одежде.

Сокотрийское платье (илл. 14) имеет чрезвычайно оригинальный покрой. Оно характерно лишь для острова и не встречается более нигде, отличаясь и от хадремаутского и от махрийского платья. Его задняя половина, почти в два раза превышающая по длине переднюю, позволяет запахнуть эту часть платья, обвернув ее вокруг бедер. При этом край платья (4) оказывается у женщины спереди на талии, куда привязывается декоративная связка ключей, с помощью которой его закрепляют (илл. 15). Характерная черта сокотрийского платья – вышивка серебряной нитью полосами в пять, шесть, семь и десять нитей (в зависимости от места вышивки). Полосы прямые или зигзагообразные. Платья кроют из легкой материи черного (для повседневной носки), красного, зеленого, сиреневого, коричневого или желтого цвета. Покрой и рисунок вышивки обычно строго одинаковы. Не всегда встречается лишь шитье у обреза талии передней части (haris).

Названия деталей платья (halaq): 1 – faqar; 2 – mitfio (мн. ч. mi-thoti); 3 – danabhan; 4 – fer; 5 – ma'tebo; 6 – dalat; 7 – maqdema.

Полоса, шитая одной нитью, называется tarha (мн. ч. tarhät), шитье кружками – zirär.

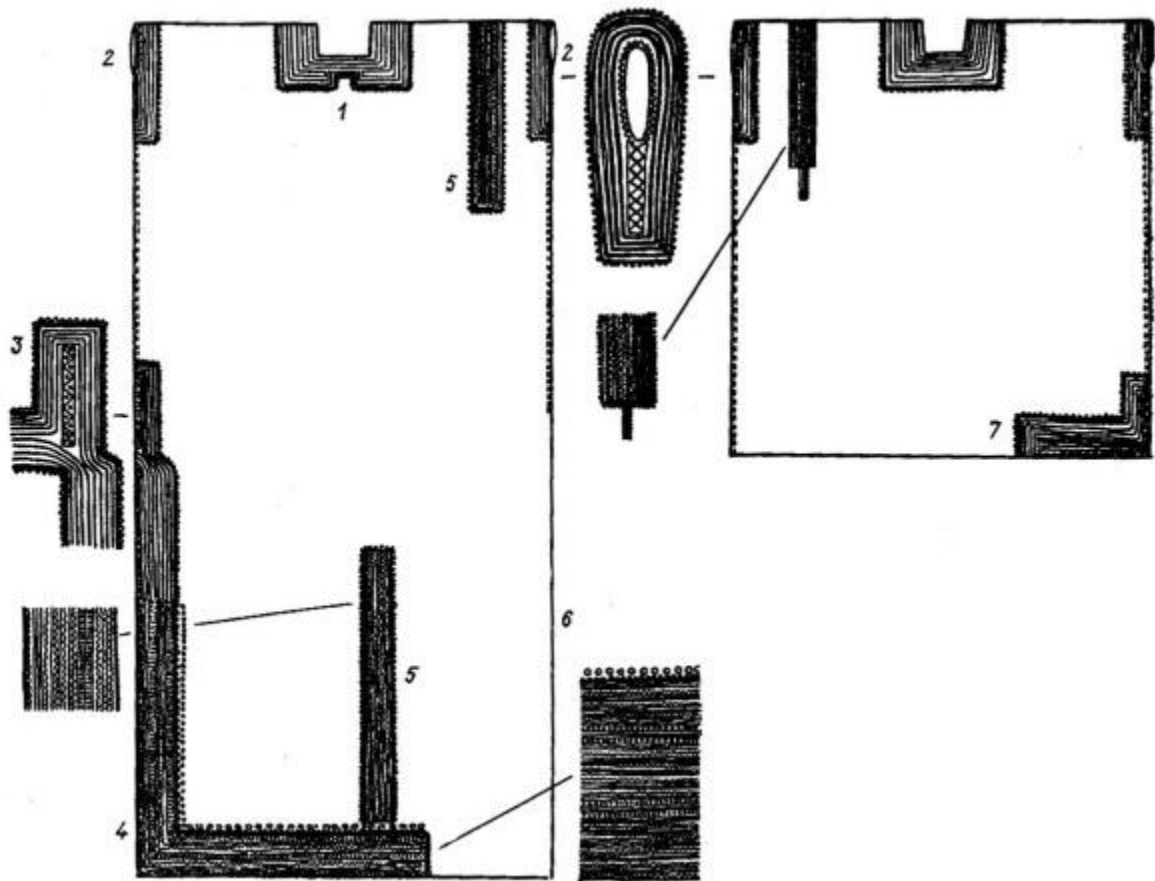
Под платье обычно надевали короткую нижнюю юбку (füta), носили лифчики (kansari). Запахнув платье, женщины складывали за пазуху мелкие вещи (qadi).

Голову сокотрийки обычно повязывали черным газовым платком с золотыми или серебряными сердечками либо точками (nuqba). Они закутывались в накидку темно-красного цвета (masär).

Платье маленькой девочки отличалось от женского тем, что его перед и спина одинаковой длины и оно не запахивалось, а носилось как распашонка (илл. 16).

Мужское платье проще: это цветная юбка (füta, naqf), иногда saka' – так называли запашные мужские юбки из одноцветной светлой материи (напоминавшие набедренные повязки) до того, как на острове появились саронги фабричной работы из Юго-Восточной Азии, накидка (sä) поверх плеч и чалма ('imäma).

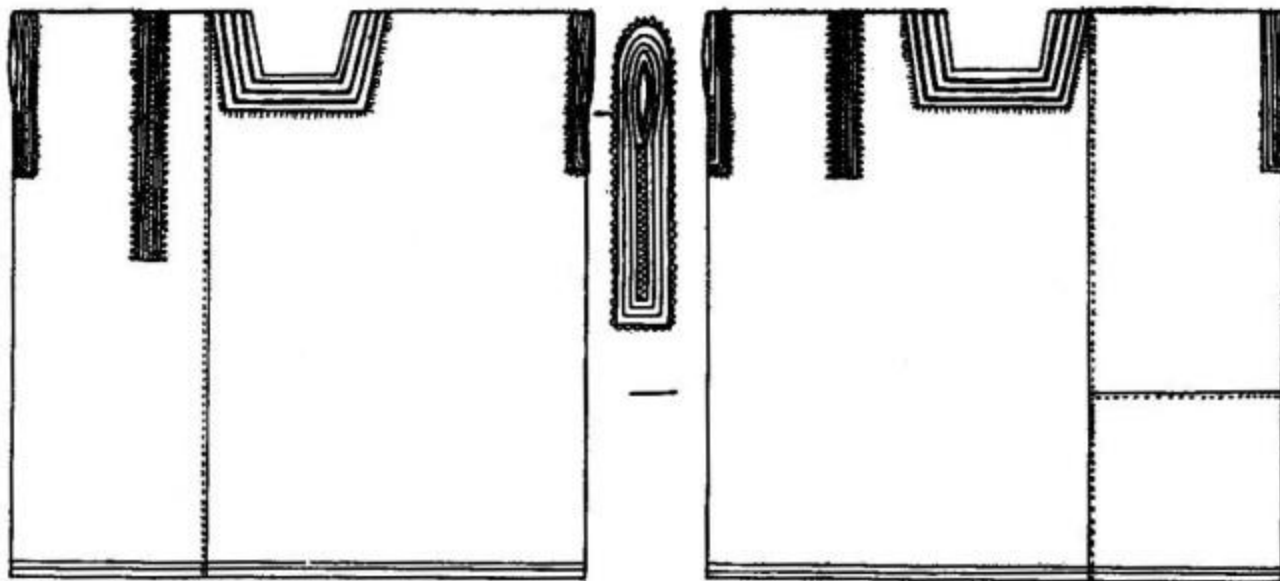
Сейчас почти все сокотрийские женщины перешли на современную одежду в исламском формате, большинство носит никаб. Во время моей работы на острове в 70–80-е годы они всегда ходили с открытым лицом и не покрывали сверху традиционные цветные платья ничем, кроме цветной накидки.

Илл. 14. Традиционное сокотрийское женское платье

Илл. 15. Молодая сокотрийка в традиционной одежде, со связкой ключей в качестве украшения (фото 1976 г.)

Илл. 16. Платье для девочки

Илл. 17. Стрижка ребенка – прорисовка

Сокотрийки любят украшения. Вплоть до 80-х годов было принято носить в ушах по несколько пар серег – мне довелось насчитать их до восьми! Потом этот обычай ушел в прошлое, но я еще встречал немало пожилых женщин с многочисленными проколами в ушах. После того как сокотрийцы начали выезжать на заработки в арабские государства Персидского залива, их женщины стали носить массивные золотые украшения: кольца, серьги, браслеты, ожерелья.

На швейной машинке, которую можно было встретить даже в отдаленных селениях, сокотрийки шили платья и делали на них строчку серебряной нитью. Ткани издавна привозились из стран Персидского залива. Платье, украшенное серебряным шитьем, в начале 80-х годов стоило дорого – в среднем 17,5 динаров, и те женщины, которые имели машинки и

владели искусством шитья, могли этим неплохо заработать.

Во время ожидания в приемной у врача нам удалось разглядеть прически женщин. Оригинальная прическа была у матери девочки Фатмы: волосы на висках и затылке были пострижены очень коротко, прямой пробор пересекался с другими, сделанными поперек головы; волосы от проборов были сильно затянуты и заплетены в три косы – две сзади, тут же за ушами, и одна на затылке. Необычная для нас прическа была и у пациентки по имени Шейха: сзади и спереди – небольшие короткие челки, остальные волосы туго заплетены в косы.

Вообще большей частью сокотрийские женщины заплетали волосы в косы (обычно в две). В состоятельных семьях женщины красили лицо и тело, как правило, желтой краской, а волосы смазывали маслом, чтобы они блестели. В большинстве семей женщина делала это только по праздникам.

Своеобразной была стрижка маленьких детей: у них состригали все волосы, оставляя лишь узкий венчик вокруг головы и хохолок на затылке (илл. 17, 38 на цветной вкладке).

Собирательство. Обжиг извести. Приготовление пищи

В прошлом важным занятием сокотрийцев был сбор благовонных смол – ладана и мирры, а также камеди драконова дерева. Однако ко времени моего появления на острове это занятие стало не только неприбыльным, но и почти ненужным, так как Сокотра долгое время была практически отрезана от мира. Правда, цена на благовония на рынках Южной Аравии оставалась довольно высокой, но спрос на них мог быть удовлетворен и за счет производства в Хадрамауте и в Махре. Огороженные каменными межами участки земли в Восточном районе, которые в древности явно были плантациями благовонных деревьев, к тому времени опустели, остались лишь редкие деревья. Местные жители иногда собирают с них смолу. Сбор происходит обычно летом. На взрослом дереве делают 10–12 глубоких косых надрезов, кору над ними надрывают.

В небольшом количестве продолжают собирать и алоэ – *тайф* (tayf). В прошлом затвердевший сок алоэ (эффективное слабительное) экспортировался даже в Индию, теперь он использовался лишь самими сокотрийцами. Кучу листьев складывают на коровью шкуру, и под собственным весом этой массы из нее вытекает сок.

Что же касается драконова дерева, о котором упоминалось в главе первой (*дам аль-ахавейн*), а'ḡiyob, то спрос на его смолу, да и то минимальный, существовал только на местном рынке. Поразительно, что древняя традиция заготавливать камедь в двух видах, о чем сообщал еще И акул, сохранилась до сих пор. Первый вид – камедь в чистом виде, натеками – называется emzelo. Для его получения делают, так же как для получения ладана, глубокие надрезы на дереве, и через несколько дней натекающая из надрезов смола застывает. Второй вид – приготовленная камедь. Ее натеки толкут и варят, слепив в лепешки, при этом масса включает и частички коры дерева. Этот вид называется id'hah. Поразительно, что в доисламском захоронении в Шибхоне (Восточный район) мы нашли точно такую же лепешку сваренной камеди, какие делают сокотрийцы сегодня, притом она хорошо сохранилась.

Смола драконова дерева использовалась как лекарство от кожных и глазных болезней, ее порошком присыпали глаза при трахоме (di 'ihonte), а также применяли его как краситель для нанесения узоров на глиняные горшки. Их красили после обжига горячими, затем заворачивали в тряпку и держали в ней до остывания.

Массовым занятием на то время был обжиг коралловых рифов (hseba или ganasa) для получения извести. Этим ремеслом занималось население прибрежных районов, но встречались

ямы для обжига и в населенных пунктах, отстоящих от берега на довольно большое расстояние.

Для обжига вырывают в земле *māhriqa* – яму, стенки которой (*marsūs*) выкладываются камнями. В яму накладывают поленья пальмового или другого дерева, сверху – обломки коралловых рифов, из которых после обжига получается пйга, используемая для побелки помещений. У селения Кедха, недалеко от Хадибо, где живет род сейидов абу-бекр, я встретил жителей селения, которые постоянно занимались этим промыслом. Старший из них, Тани Саид Али, рассказал мне о том, как ведется обжиг:

«Расскажу, как в ямах делают известь, как кладут камни, как копают и строят и как готовят хворост. Чтобы начать обжиг, сначала надо натаскать камней. А для этого надо наколоть куски от рифов. Если нам привозят слишком большие обломки рифов, их приходится мельчить на месте, разбивать, иначе они не прогорят. А если они не прогорят как следует, то и извести не будет. Привезли камней – можно их закладывать в яму и обжигать. Только сначала надо яму вырыть, но это несложно, а вот стенку сложить да хворост уложить так, чтобы он хорошо горел, а на него камни, так чтобы не мешали, – для этого нужно мастера звать, каменщика. Приходит известный мастер со своими рабочими, они и стенку выложат, и хворост, и рифы уложат как надо. Потом зажигают хворост и рифы обжигают. Как прогорят дерево и все куски рифов, – ждут от одного до трех дней и потом заливают все это водой. Затем надо дать извести высохнуть – на это еще уходит пять-шесть дней. Как только высохнет известь, собирают ее в мешки и уносят. Мы ее продаем, чтобы люди белили ею потолок, пол, стены. Известь мы делаем втроем, пайщики все мы, продаем вместе и доход между собой делим».

В наши дни обжиг *нуры* почти исчез.

Питание сокотрийцев было однообразным. У скотоводов, как уже говорилось, основную роль в рационе играли молочные продукты и финики, у рыбаков – рыба и финики. Раньше зерно употреблялось в пищу крайне мало, горцы выращивали только сорго, называемое у них *б амба* ; в 1980-е бамбу уже не выращивали, но повсеместно употребляли в пищу рис, естественно, завозимый с континента. Сокотрийцы стали потреблять чай, сахар, овощи, печь лепешки. Однако кое-где еще жили люди, для которых чай оставался редкостью.

Заклание животного всегда связано с тщательно соблюдаемым ритуалом. Овцу или козу свежуют следующим образом. Сначала животное заваливают набок и перерезают ножом горло, повернувшись в сторону Мекки, как того требует исламский ритуал. Затем его подвешивают на дереве и спускают всю кровь. Далее отрубают голову и подрезают шкуру у лодыжки по кругу, потом вдоль ноги, просовывают под шкуру руки и отделяют ее от мяса. Снимают шкуру чулком в сторону головы. После этого тушу разделяют на части. Печенку и почки обычно слегка обжаривают на камнях или угольях костра и едят полусырыми. Голову разрубает, как правило, вдоль, предварительно опалив ее на костре. Разделанное мясо варят в котле. Из толстых кишок пальцами выдавливают содержимое, набивают их жиром и также варят. Тонкие кишки варят без предварительной подготовки, иногда связав в пучки. Желудок горцы считают особым лакомством и, разрезав пополам, варят его в тазу вместе с содержимым, отдельно от остального мяса.

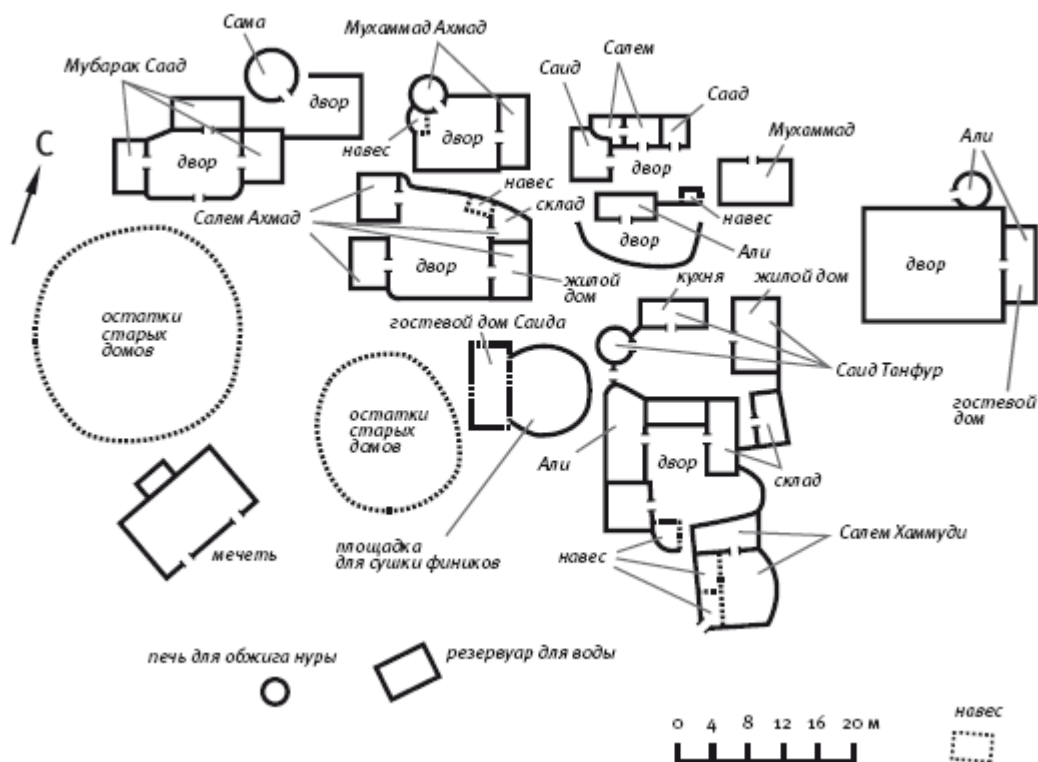
Сваренное мясо отделяют от костей, и все кости вместе со сваренной головой сначала подают до мяса в качестве закуски. Для того чтобы разделаться с ними, сокотрийцы используют два камня, благо ходить за ними далеко не надо: чего-чего, а их здесь изобилие. Разбитые камнями кости тщательно обсасывают, сдирая зубами оставшиеся на них кусочки мяса, так что ничто не пропадает, все идет в дело. Изрядно потрудившись над костями, начинаешь чувствовать огромный аппетит. После «закуски» приносят бульон, а вслед за ним и вареное мясо с рисом.

Сокотрийское селение: структура, типы построек, устройство жилища

Каждое сокотрийское селение в основном представляет собой место обитания одного клана, рода. Если род велик, он может расселиться в нескольких селениях, но тогда, как правило, делится дальше на колена. В отличие от материковой части Йемена, где населенные пункты иногда именуются по названиям живущих в них родов, на Сокотре эти названия не совпадают. Селения обычно невелики: самые крупные состоят из нескольких десятков домов (илл. 18, 39 на цв. вкладке).

Илл. 18. Сокотриец в гостевой комнате своего дома (2009 г.)

Илл. 19. План селения Хасын (в 1984 г.)

В качестве эталона я избрал селение Хасын и детально его обследовал (илл. 19). Оно было невелико (лишь около 50 человек), но играло важную роль, будучи центром одного из подрайонов, в которые объединяется на Сокотре группа населенных пунктов, расположенных близко друг от друга. Житель этой деревни Али Мубарак Али был шейхом группы племен, населяющих район Хасына.

Хасын – поселение в долине, расположенной в центральной части острова, на середине пути от северного к южному побережью. На примере Хасына можно было проследить один из вариантов того, как складывались сокотрийские поселения. Здесь осели выходцы из разных племен, которые прежде были связаны с этой территорией и которые со временем вошли в группу хаснхо (хасынцы). Коренных хасынцев почти не осталось (вероятно, племя, располагавшееся здесь ранее, почти вымерло). Часть жителей происходит из Серьхона, находящегося в горах над Хасыном. Там проживают три близких друг другу рода: махферихин, бар ‘абодихил и каши.

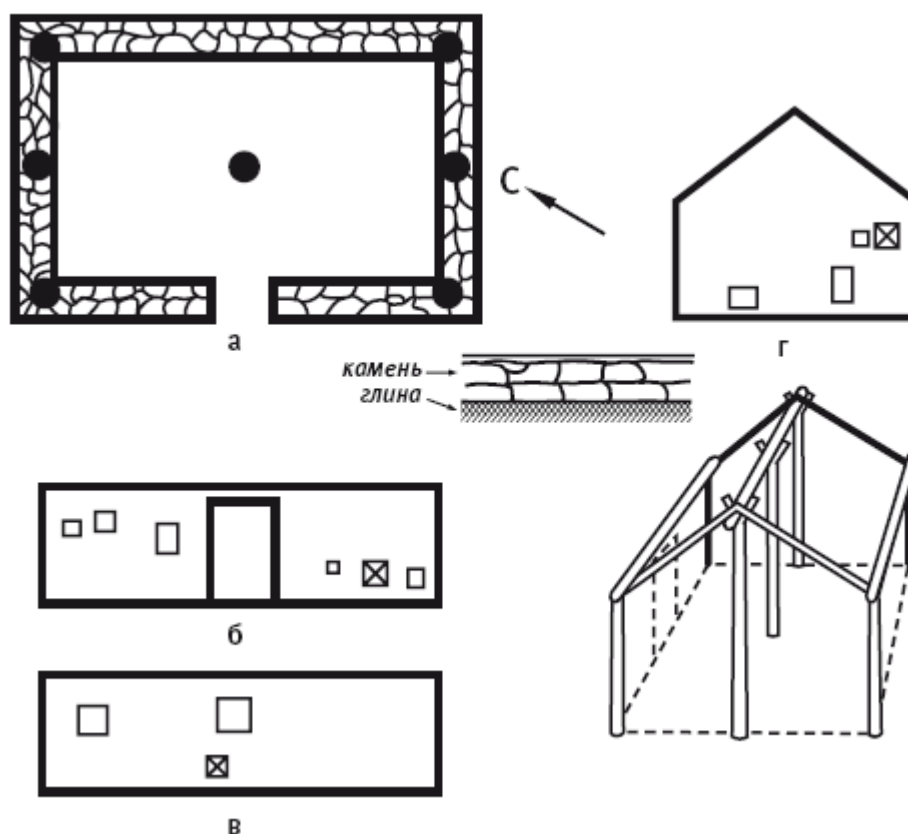
Рассмотрим поселение, описывая его так, как я фиксировал это в 1984 г. В поселении рода бар ‘абодихил жили Мубарак Али с женой Халямхон (Халима). В конце 40-х годов, после рождения первого ребенка – Али, Халямхон ушла от Мубарака, выйдя замуж за хасынца Саллюма и поселившись в Хасыне. От него она родила сына Саида. Вскоре ее новый муж умер, и, переждав *‘идду* (срок, в течение которого в подобной ситуации вдова, по шариату, не имеет права вернуться к прежнему мужу), она возвратилась к Мубараку. Затем они переехали в Хасын, поскольку там оставалось имущество, полученное Саидом в наследство от отца (скот, дом, пальмы). В результате Мубарак с женой стали членами племени хаснхо. Халямхон родила от Мубарака еще шестерых детей, трое из которых умерли.

Хотя переселение Мубарака в Хасын вроде бы и было вызвано особыми обстоятельствами его жизни, все же здесь сыграли роль и объективные факторы миграций как родов, так и отдельных семей. Дети Мубарака предполагают, что переселение произошло в период

бескормицы, падежа скота, когда пришельцы в поисках пастбищ заняли освободившееся место, которое ранее было занято другими племенами. Кроме того, племена Серьхона издавна контролировали долину, владели в ней пальмами, и уйти из своего селения семья могла лишь ввиду избыточного давления на пастбища, наблюдавшегося, напротив, в благополучные годы, когда смертность была ниже обычной и численность населения росла.

От Мубарака, скончавшегося в 1984 г. в возрасте примерно 72 лет, осталось четверо сыновей: Али, Салем, Мухаммед и Саад. Семья Мубарака жила в доме, расположенном на северном конце селения; когда сыновья обзавелись семьями, двое из них построили себе дома рядом с отцовским, а двое остались жить в доме отца.

Этот дом имел два крыла, расположенные под прямым углом друг к другу и образующие две стороны двора. Сокотрийское жилище непременно имеет двор (в селении Хасын дворы, согласно сделанным замерам, занимали площадь от 50 до 100 кв. м), и строения расположены по его периметру, образуя ограждение, как правило, с двух сторон (углом или напротив друг друга), реже с трех. Юго-западное крыло, представлявшее собой одну большую комнату, занимал Мубарак с женой, оставшейся там и после его смерти. С ней в комнате жил и ее сын Саид Саллюм. Он был холост, в детстве болел, видимо, полиомиелитом и остался калекой. В северо-западном крыле две комнаты занимал 25-летний сын Салем с женой (из племени, живущего за Ди Фа'рхо, неподалеку от Хасына на юг) и четырьмя детьми (трое сыновей и одна дочь), одну комнату – 19-летний Саад с женой (она происходила из племени ширбхи, обитающего в долине неподалеку от Хасына) и двумя сыновьями.

Илл. 20. Гостевой дом шейха Али Мубарака на 1984 г.

С юго-восточной стороны к отцовскому двору примыкал дом старшего сына Али, и при нем отдельный двор, а также площадка под навесом. Али на момент обследования селения было 36 лет, он был женат на дочери дяди по отцу – Салема Хаммуди Али, имел восьмилетнего

сына. На северо-восточной оконечности селения Али построил себе также гостевой дом (maq'ad), ставший как бы главным строением Хасына того времени (илл. 20). Это впечатление усиливалось еще и оттого, что он стоял на пригорке. Перед гостевым домом был большой двор, на краю двора стояла маленькая хижина, крытая пальмовыми листьями ('arse).

К отцовскому двору с северо-западной стороны примыкал дом Мухаммеда, не имеющий двора и представляющий собой одно большое помещение, которое служит как для приема гостей, так и для сна. Мухаммед называл его mahadra, т. е. *гостевая комната*. Это, видимо, объяснялось тем, что Мухаммед, который служил в «народной милиции» в Хадибо, имел в столице свой дом и бывал в поселке только наездами. Жена Мухаммеда Мохой Хатыб – из рода шетхи племени ша'рхо (у горы Туф, к северу от Хасына); у них было четверо дочерей.

Когда Мубарак переселился сверху в Хасын, он привел с собой скот, унаследованный от отца, и стал пасти его на пастбищах в долине Хасын. Однако пальм в долине Хасын у Мубарака не было. Полсотни унаследованных им от отца деревьев росли далеко, в районе Диштана (вади Диттхол), дорога к ним из Хасына и обратно занимает целый день. Сначала весь скот и пальмы были в совместной собственности этой большой патриархальной семьи, затем, когда Мубарак достиг преклонного возраста, функции главы семьи были переданы старшему сыну Али. Когда сыновья женились, отец выделил каждому в качестве свадебного подарка небольшую часть семейного стада в собственность. После смерти отца его стадо было поделено на две равные части: одну половину, по договоренности, получили Салем и Саад, живущие в одном доме и ведущие одно хозяйство, другую – Али и Мухаммед. Каждая часть состояла из 150–200 голов мелкого рогатого скота (преимущественно коз). Мать сохранила за собой свою часть стада, которая после ее смерти также должна была быть поделена между сыновьями. Али и Мухаммед, хотя и вели раздельное хозяйство, так как их семьи жили отдельно и вдали друг от друга, имели общую собственность и поровну делили всю продукцию или деньги, вырученные от ее продажи, а также все другие доходы, в том числе заработную плату Мухаммеда (на то время 50 динаров), выделяя определенную часть на питание семей и содержание дома, одежду и прочее, но предпринимая все крупные покупки совместно.

Рядом с домом Мубарака ранее жил Тануф Саад Али, переселившийся в Хасын из племени боудерхон, обитающего неподалеку от Арь-бхо, в горах южной части острова. После смерти Тануфа в его доме, отделенном узким проходом на юго-восток от дома Али Мубарака, остался жить его сын Саид, 25 лет, с женой из того же племени и четырьмя детьми (одним сыном, тремя дочерьми). Жилище Саида включало четыре постройки: одно жилое помещение типа *каар* (ka'ar), гостевую комнату (mahadra), кладовую (mahzan) и кухню (matbah). Посередине двора находился очаг. Саид имел также площадку для сушки фиников (mustah), рядом с которой строился гостевой дом. В наследство от отца Саид получил 70–80 пальм близ селения, в долине Хасын, и 60 голов мелкого рогатого скота. Мать Саида, родом из горного района Гисфо, к югу от Хасына, после смерти Тануфа вышла вторично замуж за брата Мубарака – Салема Хаммуди Али, дом которого находился по соседству с домом Саида, на юго-восток от него. От этого брака родился сын Али, который жил здесь же с женой и сыном. Жена Али Салема была родом из селения Хасалено в горах над вади Хасын (племя бет хабва), ее отец недавно поселился в Хасыне (см. ниже). Фактически отец и сын имели отдельные дома и разные дворы, хотя и смыкавшиеся друг с другом. Дом Али, отделенный от дома Саида изгородью из пальмовых веток, включал два жилых помещения, склад и площадку под навесом, а дом Салема – одно жилое помещение и две площадки под навесом. У Салема вместе с Али было 60 пальм в вади Хасын, стадо в 60 коз; жена Салема владела несколькими десятками пальм в вади Гисфо.

В следующем ряду домов крайней с северо-запада стояла островерхая хижина *стэре*

(stere) умершего несколько лет назад Ахмеда, переселившегося в Хасын около 60 лет назад из племени шизбхо (обитает в восточной части острова) после женитьбы на женщине из Серьхона. Теперь в отцовском доме жил старший сын Мухаммед Ахмед, 40 лет, с женой и детьми (двое сыновей, четыре дочери). Его жилище состояло из жилого дома типа ка'аг, островерхой хижины и площадки под навесом, был двор. От него отстоял дом младшего брата Салема Ахмеда, 26 лет, женатого, имевшего двоих сыновей и двух дочерей. Отец оставил сыновьям 70 пальм в вади Хасын и стадо в 50 голов мелкого рогатого скота, кроме того, мать имела несколько своих деревьев в районе Серьхона. Жена Салема Ахмеда «принесла» в семью приданое – 30 пальм, растущих в вади Хасын, и 20 голов мелкого рогатого скота. Две семьи помогали друг другу, хотя и вели хозяйство раздельно.

На западной оконечности деревни был расположен дом Мубарака Саада Хасни – единственного здесь коренного хасынца, предки которого жили в этом селении. Он женат, у него два сына и две дочери. Мубарак служил в полиции в Хадибо, где у него был свой дом и где он постоянно жил. Дом Мубарака в Хасыне состоял из трех жилых помещений типа ка'аг, образовывавших три стороны двора (юго-западную, северо-западную и северо-восточную). Мубарак пустил жить в свой дом дядю по матери – Гум'ана Саида Хабву из племени бет хабва (Хасалено). Гум'ан имел 15 голов мелкого рогатого скота и владел 30 пальмами в вади Хасын. У Гум'ана была репутация чужака, соответственно этому он и вел себя, мало общаясь с жителями селения. Али Мубарак посоветовал нам не входить в дом Гум'ана, когда мы опрашивали всех жителей, объяснив это следующим образом: «Они люди чужие, будут стесняться». У Гум'ана четверо детей: двое женатых сыновей жили не здесь; из двух дочерей одна замужем за Али Салемом из Хасына, другая – за йеменцем из Хадрамаута, который уехал на заработки в ОАЭ; во время моей работы на острове она вместе с двумя дочерьми жила здесь у родителей, получая, видимо, от мужа денежную или натуральную помощь.

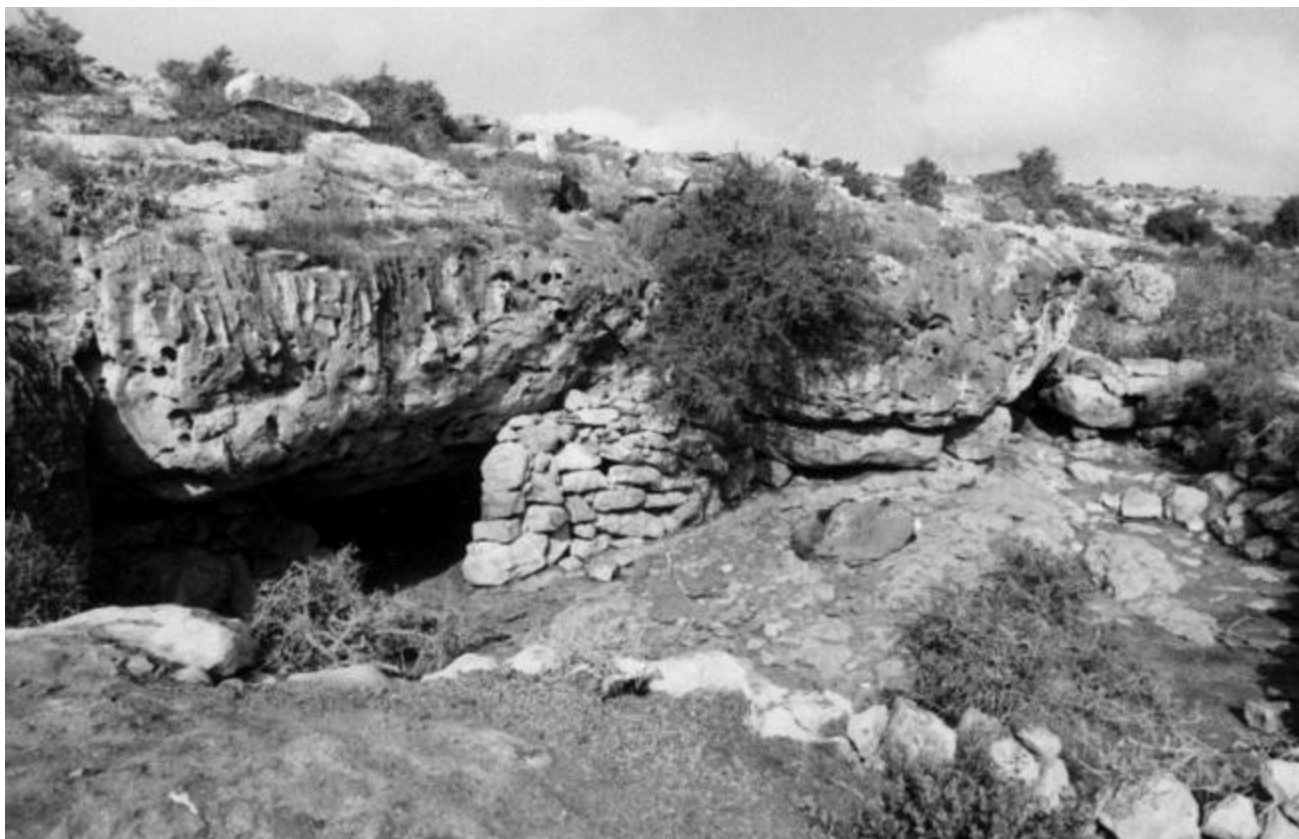
Продолжу описание поселения, каким я наблюдал его в 1984 г. Рядом с домом Мубарака Саада Хасни стояла островерхая хижина, принадлежавшая женщине по имени Сама Суэнхен, отец которой в прошлом переселился в Хасын из Ка'рьхо, что на юго-западе Сокотры. Муж ее умер, от брака остался один сын. В описываемое время он служил в народной милиции в Хадибо, имел там дом, где жил со своей семьей и с матерью. Сама Суэнхен бывала в Хасыне лишь наездами. Здесь, в вади Хасын, она вместе с сестрой (которая жила постоянно в Хадибо и в Хасын не приезжала вовсе) владела по наследству двумя десятками пальм и небольшим количеством мелкого рогатого скота. Пас скот и ухаживал за пальмами сын ее дяди по матери из племени бет хабва. Она приезжала в Хасын лишь для того, чтобы получить причитающуюся ей долю продукции, в основном финики и масло. Старый семейный дом Самы разрушился, так как в нем давно никто не жил; для наездов в Хасын Саме хватает и хижины.

В юго-западной части селения находились развалины старых, заброшенных когда-то домов хасынцев. Можно лишь предполагать, что деревня запустела как раз в ту пору, на которую приходилась волна переселения в Хасын выходцев из соседних племенных районов.

Вплоть до 1984 г. местом совершения молитв для жителей деревни служила площадка под навесом, находившаяся к юго-востоку от деревни, на одной линии с гостевым домом Али Мубарака. Но в 1984 г. на средства одной из бывших жительниц селения, давно проживавшей в ОАЭ и разбогатевшей там, в подарок хасынцам был проведен водопровод из прорытого близ селения колодца, из которого наполнялся резервуар, и была построена мечеть. В селении, кроме того, существовала печь для обжига коралловых рифов на известь, используемую в строительстве.

Построенный из камня и глины сокотрийский дом как на побережье, так и в горах называется *каар* (ка'аг). У горцев бывает еще дом типа сарая прямоугольной формы с крышей

из пальмовых веток и венцом. Он именуется 'arīs, если он маленького размера, и harābī, если большого. И у горцев, и у прибрежных жителей бывают пальмовые хижины типа африканских; имея цилиндрическую форму, они низкие, но с высокой конусообразной кровлей из пальмовой соломы. Это stere. Хижина большого размера называется stere d-qamblul. Горцы, когда пасут овец, в качестве временного жилища используют естественные каменные пещеры (илл. 21, 22). Маленькая пещера носит название hakak, большая – tīreba или tīriba. У домов горцев обычно бывает mustah – круглая площадка, огороженная забором из камней и колючих веток (чтобы туда не проник скот), для очистки от косточек и сушки фиников.

Илл. 21. Пещерное жилище

Илл. 22. Пещерное жилище

Илл. 23. Опорный столб со стропилами

В селении Хасын нами был обследован гостевой дом Али Мубарака. Он большой: 5,9 х 3,6 м (более 21 кв. м). Стены были выложены двумя рядами крупных необработанных камней (*binouwa zafuri*), подобранных по размеру и переложённых мелкими; изнутри стены оштукатурены глиной. Глину (*käs*), которую приносят из долины Мисера (где растут пальмы), смешивают с водой и набрасывают на стены, так что поверхность остается неровной, бугристой и пористой. В углах дома – стояки из дерева *кенхор*, по центру – три столба из стволов дерева *игихаб* каждый из которых имел форму рогатины (илл. 23). Дом был крыт стволами дерева *митерер*, на них положены пальмовые ветки, а сверху все покрыто матами из пальмовых листьев.

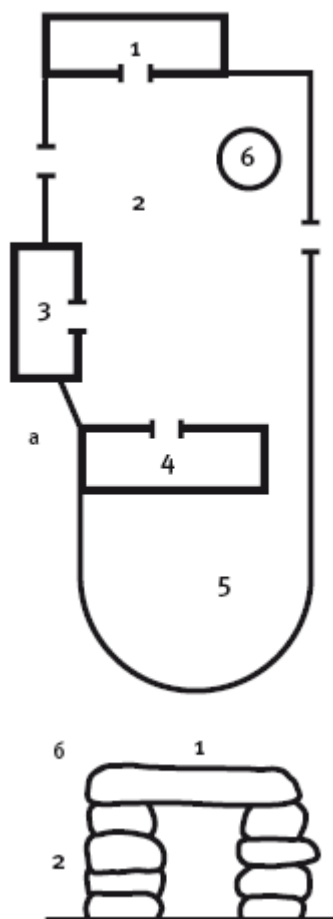
Кладка стены – в два ряда камней. Камни неровные, необработанные, но хорошо подобраны, крупные кое-где переложены мелкими, изнутри помещение оштукатурено глиной.

Столбы-опоры и стропила изготовлялись из разных видов древесины. В Восточном районе во многих домах для этого использовали пальмы. На стропила, опирающиеся на перекладыны, лежащие на каменных стенах и столбах-опорах, помещали обрешетку из пальмовых веток, которые в местах пересечения со стропилами перевязаны с ними пальмовым волокном. Сверху все покрыто вязанками пальмовых листьев.

Таков был, в частности, дом в селении Багёбиг (Восточный район) площадью 7х4 м. В селении Седейхон (здесь женщины предлагали на продажу множество тканых одеял) гостевая комната была прямоугольной, 8х4 м, с двумя столбами-опорами и плоской кровлей.

В селении Ди Фа'рьхо, находящемся в часе ходьбы на юг от Хасына, мы осмотрели ряд домов местных жителей. Они представляли собой усадьбы с жилыми и хозяйственными постройками. Султаны из бану 'афрар обычно брали себе в жены двух-трех женщин из Ди Фа'рьхо, часто навещали этот район, оставаясь там на некоторое время. В это селение они обычно отдавали на вскармливание своих детей. На илл. 24 изображен план типичной для селения усадьбы – *a*: 1 – *mahadra* гостевая и общая комната; 2 – *hagiyo* двор; 3 – *stere* спальня (днем – помещение для женщин); 4 – *samhal* помещение, объединяющее кухню и кладовую (в нем можно и спать); 5 – *mustah* площадка для сушки фиников; 6 – *sakiya* (*ska*) подвеска на столбах из пальмовых веток (ее используют как полку для хранения одежды; *b*: Каменные «ворота» в дом, состоящие из двух частей: 1 – *ma'eufu* перекрытие из плиты; 2 – *ma'zar*, мн. ч. *ma'ozig* столбы, составленные из нескольких камней. Проход закрывается дверью из пальмовых веток (*zifna*), сплетенных так же, как *sakiya* (илл. 25). В закрытом состоянии дверь крепится к стойке (*ma'zarh*).

Жилое помещение было сложено из камня (в данном случае гостевая комната и кухня построены одинаково). По центральной оси – два каменных столба-опоры (*mer'ibi*), на которых лежали деревянные столбы-перекрытия (*mesidak*, мн. ч. *mesedik*).

Илл. 24. Усадьба в селении Ди Фа'рьхо

В 1984 г., следуя для изучения селений из Ди Фа'рьхо далее на юг, я выехал на Южную прибрежную равнину и попал в ту ее часть, которая покрыта песчаными дюнами. Это Ноугед. Здесь сразу бросалось в глаза резкое отличие селений от всех виденных на острове. Среди строений преобладали хижины с конусообразными крышами из пальмовых листьев, стены также были сооружены из пальмовых веток. Построек из камня здесь почти не было.

Пальмовые дома, стоящие на песке, имели весьма своеобразный и живописный вид: серый цвет пальмовых веток контрастировал со светло-желтым песком и темно-зеленым кустарником, и все это на фоне сине-голубого океана. Такую картину можно было наблюдать на всем протяжении песчаной части долины, затем, когда песок сменялся каменистой поверхностью, тип жилища становился другим.

В селении Ка'ря, расположенном в западной части Южной прибрежной долины, перед мысом Катанахан, все дома были сложены из коралловых рифов. Большинство домов – отдельно стоящие, без усадьбы, лишь некоторые из них имели обнесенные стеной дворики. Один из домов, в котором мы побывали, представлял собой овальное в плане строение с двумя каменными, сложенными без скрепляющего раствора столбами-опорами по центру высотой около 2 м, площадью 5x4 м. Поверх стен и столбов из камней настланы стволы дерева митерер, на которые набросана глина. Так образуется кровля. Дверной проем размером 150x80 см прикрывается дверью из пальмовых веток.

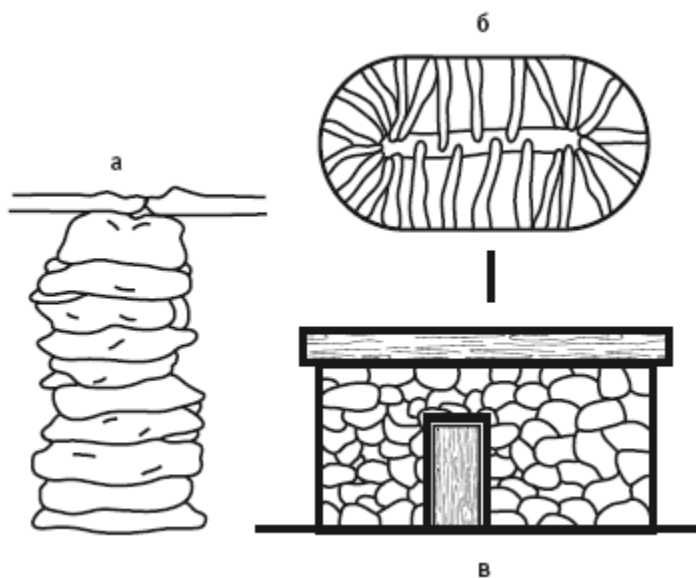

Илл. 25. Дверь из пальмовых веток во двор усадьбы

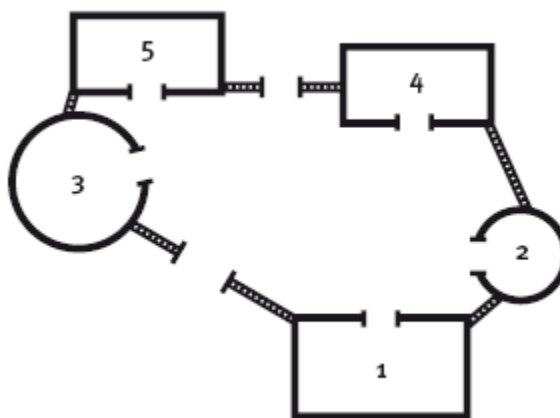
Помимо построек этого типа здесь, как и повсеместно на острове, были хижины с конусообразными крышами.

Один из жителей Ка'ри, Иса, имел жилище усадебного типа с двором и хозяйственными постройками (илл. 26–27). Самое большое (21 кв. м) помещение – *darfin* (1) служило гостевой комнатой. В ней только два центральных каменных столба возвышались над уровнем стен, поэтому крыша была двускатной, а не плоской. Из двух хижин (2 и 3) большая служила кухней, меньшая – жилым помещением для женщин. Остальные два помещения (4 и 5) также были жилыми.

Что касается домов горцев, живущих в Хагъхере и горных долинах Центрального района, то там преобладали прямоугольные в плане дома, сложенные различными способами из необработанного или обработанного камня, а также круглые в плане, сложенные из камня хижины с высокими коническими крышами. На илл. 28 изображена усадьба горца, состоящая из трех помещений: 1 – дом типа *hāžer*; 2 и 3 – хижина, стены которой построены из камня, а не из пальмовых веток (*stere d-qamblul*). Каждый тип дома имел свое название, но это соответствие не всегда жесткое. Например, островерхая хижина могла использоваться и как жилое, и как хозяйственное помещение. Усадьба горца Яхьи из селения Агемено (племя да'рхо) схематично изображена на илл. 29–30.

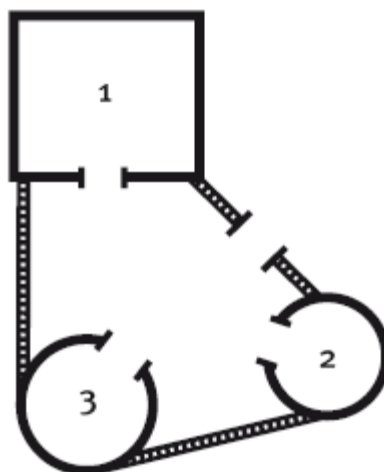

Илл. 26. Дом в селении Ка'ря

Илл. 27. Дом Исы из Кари:

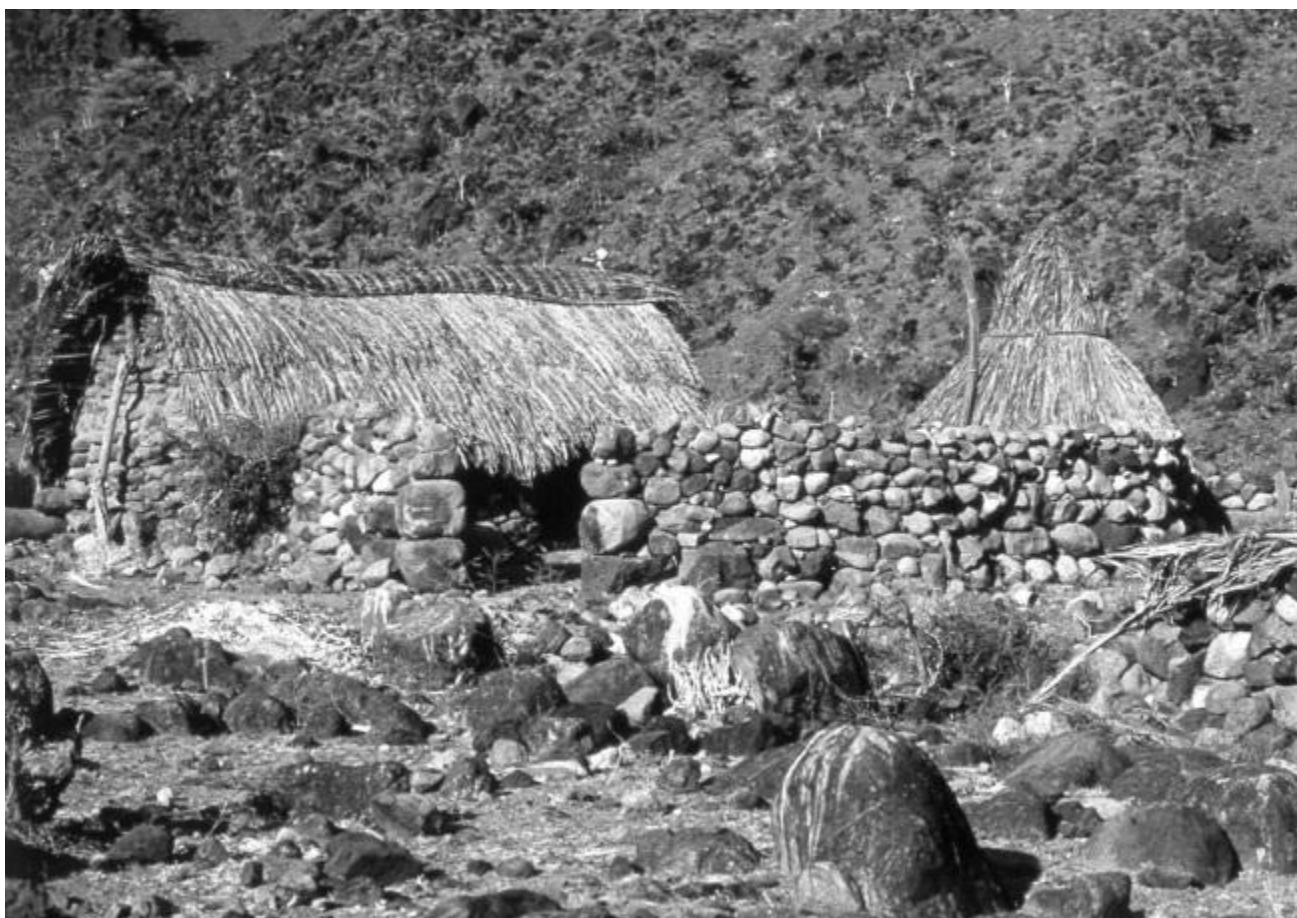
1 – гостевая комната оарфин » 2 – хижина, 3 – хижина, используемая как кухня, 4–5 – жилые помещения

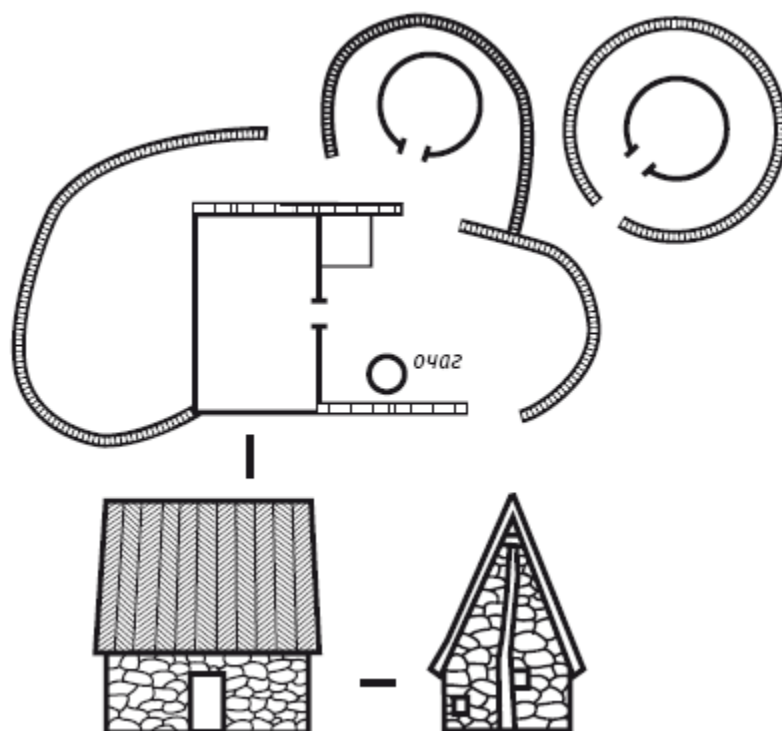
Илл. 28. План усадьбы горца из Хагъхера: 1 – дом типа «хасэр», 2–3 – хижины

У горцев часто встречались тогда жилища в естественных пещерах. В этом случае перед пещерой ставилась стенка, сложенная из камней. Пещеры в одних случаях служили основным, постоянным жильем, в других – сезонным, использовавшимся в период откочевки в данный район со скотом.

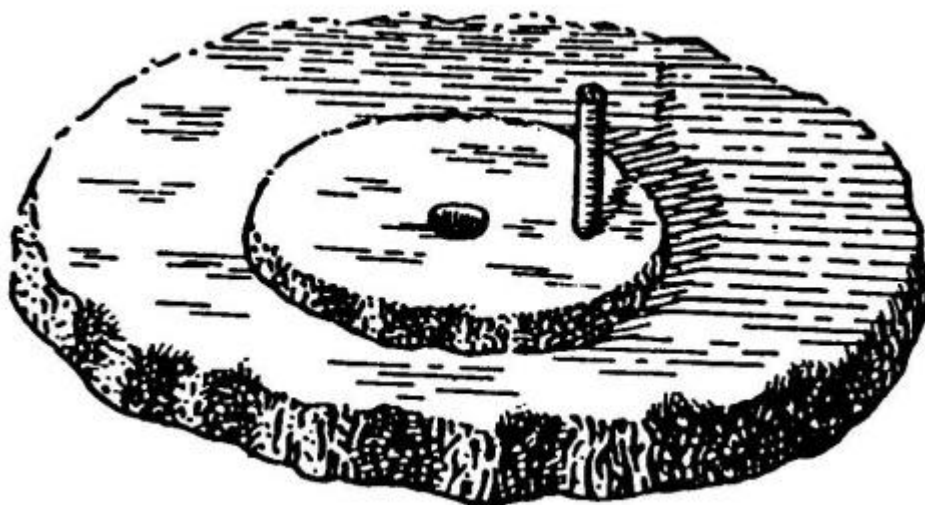
По в то время как у горца жилище было в основном усадебного типа, – при доме жителя прибрежных районов обычно не было много дополнительных построек. Он состоял из огороженного стеной комплекса. Семья жила в помещении, называемом *darfin* (Лес л ау приводит это слово в значении «оружейная палата» *salle d'armes* (Leslau, 1936: 136). Существовал также гостевой дом. Отдельно расположены кладовая и кухня. Там был умывальник (*mugastal*), туалет (*basūra*), колодец (‘еЫшг). Во дворе обычно росли пальмы, иногда был небольшой *besten di m'iseh* огород. Вся усадьба была огорожена забором из ракушечника (‘arāba). Вход в дом, сделанный в его стене, закрывался *ther* дверью. В прибрежных районах стены домов обмазывались глиной или известью, получаемой путем обжига коралловых рифов. В селении Ка‘ря и других селениях юго-запада основное жилое помещение называется *mkoti*.

Илл. 29. Дом Яхьи из Агемено

Илл. 30. План усадьбы Яхьи из Агемено

Илл. 31. Тип каменной зернотерки

Об умении сокотрийцев обрабатывать камни свидетельствовали изготавливаемые ими каменные зернотерки (гаһа) (илл. 31, 40 на цв. вкладке).

Кровля домов также была различной. Это могли быть вязанки пальмовых листьев, сложенные поверх обрешетки и сверху обмазанные глиной, но лишь в том случае, если крыша плоская, если же она двускатная или коническая, то обмазка не нужна. Встречалась и каменная кровля. Камни выкладывали поверх плотно примыкающих друг к другу стволов деревьев. Сверху их залепляли слоем глины. Такая кровля не пропускала воду даже во время длительных, многодневных дождей.

Уже в 80-е годы в Хадибо, Калансии, поселках северного побережья становилось все больше домов из грубообработанного камня, построенных с применением цементного раствора.

Под стены дома закладывался фундамент: камнем засыпалась канава, вырытая по периметру на глубину 30 см. Стену (sabk al-bina) складывают из двух рядов камней (zafūri). Раствор для обмазывания стен готовили в следующей пропорции: одна часть песка, пять частей извести. Он называется halta (hallät), а место, где его размешивают, – mahleba.

В стенах оставляли проемы для дверей (warqa) и окон (di-rise). Вертикальный ряд крупных камней, стоящий рядом с косяком, называется ma[^]az; на них покоится верхняя перекладина (teyäsir). Каменщик кладет камень на камень (yi[^]äqal oben thar oben). Перед тем как делать кладку, он обтесывает камни (yatifin oben). Особое название имеет деревянный замок на дверях – maglaq.

Строительство обычного дома для семьи, когда мастер и двое рабочих возводят его за пять дней, обходилось в то время его владельцу в среднем в 650 динаров.

Строительство было делом прибыльным, и наблюдался большой приток в эту сферу деятельности рабочей силы. Заработки рабочих-строителей, занятых в частном секторе, по тем временам были высоки: 7,5 динаров в день и более. Немало получали и каменотесы, добывавшие и подвозившие на строительную площадку камень. По сравнению с прошлым, когда единственным транспортным средством служило вьючное животное (выбирать можно было только между ослом и верблюдом), в 1980-е годы положение на острове было уже совсем иным: здесь действовало несколько десятков грузовых машин, некоторые из них находились в частном владении, и их хозяева промышляли подвозом строительного камня. Добыча и подвоз на площадку в Хадибо одной автомашины камня обходились в 6,5 динаров. Аренда автомобиля стоила 10 динаров в день (без стоимости бензина), за один мешок извести платили от 3 до 5 динаров в зависимости от ее качества.

Богатые люди, которые стали тогда уже появляться на острове, регулярно покрывали все стены домов белоснежной известью, что символизировало достаток. Во время нашего пребывания на острове подрядчик, который вел строительство водопровода в Хадибо, пожертвовал на возведение мечети 150 мешков извести.

Поскольку за истекшие годы остров неузнаваемо преобразился, быстро развивается и о нем сегодня столько пишут, – тем более важно знать, какой была Сокотра три десятилетия назад.

Глава седьмая

Брак и система родства¹⁰

Семейно-брачный аспект жизни сокотрийцев имеет для них особую значимость, так как семья здесь не только социальный институт, но и трудовой коллектив, базовая ячейка рода – основного звена их социальной организации. В 1983–1986 гг. в сокотрийских племенах мной исследовались семейно-брачные отношения, которые в то время, когда еще не проводилась политика активного распространения исламской культуры и образования, сохраняли множество архаичных элементов. Это позволило частично реконструировать черты, присущие ячейке общества сокотрийцев, в далеком историческом прошлом.

Передо мной не стояла задача проанализировать все аспекты проблемы. Прежде всего,

¹⁰ Раздел о системе и терминах родства написан в соавторстве с В.Я. Порхомовским

приходилось исходить из того, что семейная организация и отношения родства у сокотрийцев никем никогда не изучались. По отдельным наблюдениям, встречавшимся в книгах путешественников, нельзя было судить о предмете. Соответственно, данные, изложенные в настоящей главе, были получены в результате опросов и анкетирования сокотрийцев по методике, учитывавшей реальные возможности работы на острове и личность информанта. Кроме того, были использованы собранные фольклорные материалы, рассказы местных жителей, путевые заметки, сделанные во время моих поездок по острову.

Записанные на Сокотре термины дали также возможность исследовать существующую здесь систему родства.

Вступление в брак

Как и везде в странах распространения ислама, вступление в брак считается необходимым. Безбрачие здесь – явление крайне редкое, однако оно не подвергалось на Сокотре резкому общественному осуждению, статус неженатого мужчины и незамужней женщины не считался унижительным. Как мужчины, так и женщины оставались неженатыми и незамужними только в том случае, если у них были явные физические недостатки, либо если они не хотели или не могли (например, по возрасту) вступить в повторный брак после развода или смерти супруга (илл. 1). Даже люди, страдающие тяжелыми заболеваниями, такими, как эпилепсия или психические расстройства, и инвалиды часто вступали в брак с нормальными партнерами.

В общей сложности мной была опрошена группа из 547 мужчин. Лишь 60 из них, т. е. 10,96 %, на момент опроса в браке не состояли. Из этих 60 человек 13 были прежде женаты, в том числе двое не женились после смерти своих жен. Таким образом, вдовцы составили 0,37 % опрошенных, а 11, т. е. 2,01 %, развелись, из них 1 развелся дважды, 1 – трижды; 47 мужчин (8,59 %) не состояли в браке, но они главным образом принадлежали к возрастной группе 17–20 лет, т. е. лишь недавно вступили в брачный возраст.

Илл. 1. Сокотрийская семья

В группе опрошенных женщин (519 человек) незамужние составили 50 человек, или 9,63 %, из которых 34 были прежде замужем, в том числе 15 вдов (2,89 %) и 19 разведенных (3,66 %). Число женщин, никогда не состоявших в браке, гораздо меньше, чем мужчин, – всего 16 (3,08 %), однако это во многом объясняется тем, что среди опрошенных было меньше лиц, находящихся у нижней границы брачного возраста.

В целом даже просто визуальное наблюдение позволяло заключить, что безбрачие здесь чрезвычайно редко. И еще реже холостые люди остаются одинокими: они входят в состав большой патриархальной семьи, и в старости о них заботятся племянники или другие родственники (исключения из этого правила встречаются на острове Абд-эль-Кури – см. главу десятую). Таким образом, уровень брачности у сокотрийцев был очень высок (в опрошенных группах 89,04 % мужчин и 90,37 % женщин состояли в браке).

Вплоть до времени опросов на Сокотре благодаря введенному в действие в НДРИ законодательству нижняя граница брачного возраста была повышена до 16 лет для девушек и 18 – для юношей. Еще относительно недавно эта граница была гораздо ниже, и нередко браки заключались между мальчиками и девочками в возрасте 12–13 лет.

Ранние браки были вызваны стремлением заранее, до совершеннолетия жениха и невесты обеспечить новую хозяйственную ячейку большой семье, нуждающейся в полноценных работниках. Однако семья могла отдать девочку замуж и в другое племя, если сватовство было выгодным. Экономическими причинами объяснялись и браки между людьми с большой разницей в возрасте, причем бывало, что юноша женился на женщине намного старше его.

По обычному праву, для того чтобы девушка могла выйти замуж, необходимо было засвидетельствовать, что она уже достигла зрелости и могла жить половой жизнью. Этим

традиционно занималась специальная пожилая женщина – *sibab*, буквально *старуха*. Одновременно она должна была засвидетельствовать и девственность невесты. Если «старуха», осмотрев девочку, говорила, что она не может вступить в брак, родственники будущей невесты (конечно, в случае их принципиального согласия на брак) договаривались с родственниками жениха, чтобы они некоторое время подождали, пока девочка созреет. Возраст в данной ситуации не имел никакого значения: ведь матери затруднялись назвать возраст даже маленького ребенка («то ли год, то ли полтора»), не говоря уже о 12–13-летних. Естественно, со «старухой» можно было договориться, и она с легкостью шла на фальсификацию, зачастую делая это бескорыстно, так как понимала, что в ином случае семья девочки может потерять возможность хорошо пристроить дочь: жених ждать не станет, и родители найдут ему другую невесту.

Многие семьи, пытаясь обойти ограничения, установленные законом, прибавляли возраст дочерям, чтобы их поскорее выдать замуж (паспортизация и регистрация рождения начали вводиться только в 1980-е годы). Так что ранние браки совершались, несмотря на все преграды. Эта практика существует там и в наши дни, хотя и намного реже. Врач госпиталя в Хадибо Аля ас-Саллями рассказывал нам, что нередко девочки начинали вести половую жизнь еще до половой зрелости, а наступление половой зрелости совпадало с началом беременности.

Я зафиксировал, например, как сокотрийские информанты в нашем присутствии сватали невесту. Друг жениха Саад и его брат Мубарак пришли к отцу невесты Мукаддему:

Саад и Мубарак: Ас-салям алейкум ва рахматулла.

Мукаддем: Ва алейкум ас-салям. Добро пожаловать. Да будет вам добро.

Саад: Добро вам. Как поживаете?

Мубарак: Слава Аллаху Как вы поживаете?

Саад: Да хранит тебя Аллах. Мы просто так зашли. Ищем для Ахмеда жену. Может, нам повезет и удастся посвататься к твоей Фатме. Если ты не будешь возражать, мы хотели бы посватать ее.

Мукаддем: Добро пожаловать. Я-то согласен, и да будет вам добро, много за девочку я не запрошу, вы ведь свои люди. Только мала еще девчонка, вы-то знаете, надо поискать «старуху», пусть она посмотрит ее. Парень ваш нам известен, свой он нам, не будет ему отказа. Но «старуху» мы все-таки поищем: вдруг девчонка еще мала.

Саад: Ну и что, что мала?! Ахмед не чужак какой-нибудь, не араб – сокотриец настоящий. Ты хорошо знаешь, что, если девочка мала, он ее не обидит и ничего ей не сделает. Он родной нам и потерпит, главное, чтобы ты согласился и дал нам слово, только окончательно.

Мукаддем: Ну ладно, пойду поговорю со своей старухой и родичами.

Через некоторое время Мукаддем возвращается.

Мукаддем: Поговорил я и со старухой, и с дядями – все они как раз собрались, они тоже все согласны. А когда вы хотите назначить помолвку?

Таким путем удавалось обойти запрет на вступление в брак девочки, не достигшей половой зрелости. Наступление половой зрелости и является нижней границей брачного возраста согласно обычному праву, с которым теперь вело борьбу новое законодательство. У нас были основания полагать, что раннее вступление в брак представляло собой вполне устойчивую традицию (об этом свидетельствует и опыт других народов, сохраняющих исконный хозяйственный уклад), и ее было трудно поколебать.

Различие в возрасте между брачащимися не было одинаковым. Обычно в 1980-е годы юноши женились в возрасте 17–20 лет, иногда раньше, девушки выходили замуж в 14–17 лет. Запреты на браки были сведены к минимуму. Невозможны брачные союзы между родными братьями и сестрами. Запрета на браки свекра со снохой, зятя с тещей, отчима с падчерицей и мачехи с пасынком не существовало, однако такие браки, вероятно, здесь и не были приняты, поэтому подобных случаев нам обнаружить не удалось. Зафиксирован, правда, пример брака между опекуном и опекаемой, что не возбранялось.

К запрету на супружество между родными братьями и сестрами добавляется лишь существующий до сих пор запрет на брачный союз и между молочными братьями и сестрами. Родство между теми, кто вскормлен одной женщиной, приравнивается к кровному по прямой линии (это характерно для мусульманских народов и для многих других народов Азии и Африки), а если учесть распространенность обычая передавать ребенка на вскармливание в бедуинские семьи, то запрет на такой брак становится заметным ограничителем. Ребенок называет женщину, кормившую его грудью, мамой, ее детей – братьями и сестрами. Есть и особые термины для обозначения этого типа родства (см. об этом ниже).

Кроме того, при заключении браков проявляются определенные закономерности, которые свидетельствуют о том, что в прошлом у одних родов существовали запреты на браки с другими, однако, поскольку сохранились лишь пережитки таких запретов, их полная реконструкция не представляется возможной.

Выбор брачного партнера

В выборе партнера для брака традиционно принимают участие не только родители жениха, но зачастую и целый род. В отличие от большей части арабских стран, где в сельских районах юноша не имел возможности видеть свою будущую избранницу, на Сокотре девушки вплоть до начала 90-х годов (начала глубокой исламизации) пользовались малоограниченной свободой, вплоть до вступления в интимную связь, и юноша, принимавший активное участие в выборе будущей жены, почти всегда знал возможных невест. Немалая часть союзов заключалась по желанию самих брачащихся, питавших друг к другу симпатию, а то и любовь. Однако в расчет в основном принимались деловые соображения, и юноша не мог игнорировать мнение родителей и сородичей.

Обычно родители жениха выбирали невесту, но бывало, что инициатива исходила от родителей невесты или же брак являлся результатом договоренности двух сторон. Дело в недалеком прошлом облегчалось тем, что фактически круг людей, которые могли вступить между собой в браки, был ограничен традицией. Речь идет не о запрете, а о предпочтительности брака между детьми двух братьев. Еще 15–20 лет до наших опросов, как показывали информанты в середине 80-х годов, брак между патрилинейными ортокузенами – двоюродными братом и сестрой по отцовской линии безраздельно господствовал по всему острову.

Ортокузенные патрилинейные браки, характерные для племен, которые ведут счет родства по отцовской линии, преобладают у арабов и некоторых других народов. Но, сравнивая полученные нами данные, касающиеся арабов, с данными о прошлом сокотрийцев, мы можем заключить, что и у островитян ортокузенный патрилинейный брак всегда считался в такой же степени предпочтительным. Есть основания полагать, что, во всяком случае, у части племен брак между детьми братьев был ультимативным императивом. Естественно, что договоренность о таком браке заключалась в пределах одной сложной семьи или отцовского

рода, составлявшего одну хозяйственную единицу, поскольку братья в большинстве случаев не делили отцовское наследство, даже если и проживали отдельно.

В литературе достаточно подробно описаны факторы, обусловившие появление этой формы брака. Он не наносит ущерба имущественному состоянию большой патриархальной семьи, так как выкуп, отдаваемый за невесту (а он имел в основном натуральную форму – скотом), равно как и часть собственности ее родителей, которую они дают за дочь, не уходит за пределы семьи. Российский этнолог Д. А. Ольдерогге, исследовавший эту проблему, приводит в этой связи африканскую поговорку: «Женись на дочери брата отца, чтобы скот мог вернуться в тот же крааль» (Ольдерогге, 1983: 123).

Однако против такого объяснения существуют и возражения. В частности, суть одного из них изложил тот же ученый:

«Принимая за основу всей структуры родового общества запрет инцеста, т. е. экзогамию, мы должны логически вывести за пределы понятия рода весьма распространенный у арабов или, точнее, у многих народов семитской группы языков обычай брака на дочери брата отца (*bint 'amm*). Подобный брак нарушает принцип экзогамии, так как при этих порядках вступают в брачные отношения члены одного и того же патрилинейного рода, а признавая экзогамию основным признаком рода, получаем противоречие в самой дефиниции. Делались попытки объяснить браки такого типа экономическими соображениями – родители жениха не платят выкупа родителям невесты. Такое объяснение находит своих сторонников, но при этом забывают, что сторона невесты теряет ровно столько же, сколько выигрывает сторона жениха. Поэтому довод этот нельзя считать основательным» (Ольдерогге, 1983: 21).

Причина, как представляется, действительно заключалась не только в том, что при подобной форме брака родители жениха не платили выкуп в чужой род, поскольку родители невесты соответственно теряли возможность получения выкупа от чужого рода, но и в стремлении к укреплению хозяйственного единства семьи, что обеспечивалось обязательством брака в пределах отцовского рода. Тем самым и усиливалась изоляция рода, который исключал экзогамию.

Естественно, что отмеченное явление нельзя рассматривать в отрыве от традиции, распространенной в регионе. М. А. Родионов в связи с этим пишет:

«Обычно происхождение ортокузенного брака связывается с имущественными отношениями, сложившимися в большой патриархальной семье или в более широкой отцовскородовой группе... Согласно ближневосточной традиции, *ибн амм* (сын дяди по отцу) рассматривался как “естественный” жених своей патрилинейной кузины. Ибн амм освобождался от уплаты брачного выкупа целиком или частично. Отец девушки мог выдать ее за другого претендента только с согласия патрилинейного кузена, которому в качестве компенсации за отказ от брачных прав передавалась часть выкупа, вносимого новым женихом» (Родионов, 1982: 74).

С постепенным приобщением островитян к современной жизни тенденция к изолированности рода стала ослабевать. Несмотря на живучесть традиции ортокузенных патрилинейных браков, их процент стал уменьшаться. Однако наряду с факторами, действовавшими против сохранения этой традиции, в 80-е годы появился новый фактор, действующий и сегодня в ее пользу. Это – возрастание суммы выкупа за невесту в связи с изменением имущественного положения семей и общим процессом модернизации,

происходившей на острове. Теперь возможность жениться на дочери брата отца без выплаты выкупа или с выплатой символической суммы означала для жениха и его родителей избавление от неизбежных издержек, которые могут нанести немалый урон семейному бюджету. Конечно, родители невесты теряют возможность получить за дочь равновеликую сумму, зато соблюдаются интересы сложной семьи, общая солидарность.

Информант из селения Хасын в Восточном районе Али Мубарак тогда рассказал мне, что в Хасыне и окрестных селениях вступают в брак в основном со «своими», платить большой выкуп за невесту не принято. Когда брак заключается между двоюродными братом и сестрой, выкуп вообще не выплачивается (как и везде на острове), но иногда его не требуют и в других случаях. Вместо выкупа ограничиваются дорогими подарками: невеста получает золотые или серебряные украшения, ее семья – несколько голов скота, масло, финики и т. п. После того как у молодых появится ребенок, им дарят козу, корову, пальму или еще что-либо, как говорят, «для поощрения».

Проведенные нами на острове опросы показали, что в то время около четверти вступавших в брак мужчин брали в жены дочь дяди – брата отца. Многие женились на дочери дяди по матери, дочери тети по отцу (кросскузенный брак) и на дочери тети по матери (ортокузенная матрилинейная форма). Хотя, как показали опросы, брак на дочери дяди по матери по частоте следовал за браком с дочерью брата отца, этих данных не доставало для того, чтобы делать какие-либо обобщения (выборка недостаточно репрезентативна). Не было повода делать заключение и о существовании пережитков материнского рода. Ведь в результате браков между ортокузенами в нескольких поколениях отцовская и материнская линии совпадают и матрилинейный кузен одновременно является и патрилинейным (Першиц, 1952: 53).

По полученным мной тогда объяснениям самих информантов, в том случае, когда у молодого человека нет двоюродной сестры со стороны брата отца, он все равно предпочитает жениться на любой другой кузине, лучше – на дочери сестры отца, если же и это невозможно, то на дочери брата матери и только в последнюю очередь – на дочери сестры матери. При этом следует учитывать, что когда родители жениха и невесты – двоюродные брат и сестра по отцовской линии (такая «обменная» форма ортокузенного брака встречается нередко), то дочь сестры отца одновременно является дочерью брата матери, и этот брак не означает выхода за пределы отцовского рода. В этом случае кузены даже не всегда делят имущество родителей, которые, в свою очередь, сохранили неделимым имущество деда. Только дети ортокузенов непременно отделяются, сохраняя тесные связи с другими ответвлениями рода.

Некоторое число молодых людей вступали в брак с дальними родственниками – чаще отца, реже матери. Брак с соплеменницей теперь стал столь же распространен, как и ортокузенный патрилинейный, ранее перевешивавший все другие формы. Обратимся к результатам проведенного опроса.

Из 392 опрошенных нами мужчин 127, или 32,4 %, не ответили на некоторые поставленные вопросы. Среди давших ответы браки 265 мужчин распределились следующим образом:

Брак, степень родства с невестой	Число	Дали ответы, %	Всего опрошенных, %
дочь брата отца	69	26,04	17,60
дочь сестры отца	3	1,13	0,77
дочь брата матери	17	6,42	4,34
дочь сестры матери	5	1,89	1,28
родственница отца	10	3,78	2,56
родственница матери	3	1,13	0,77
дальняя родственница	8	3,02	2,04
соплеменница	69	26,04	17,60
жительница того же населенного пункта	11	4,15	2,80
«чужая»	70	26,42	17,86

Итак, на родственницах женились более двух пятых давших ответы мужчин, на родственницах и соплеменницах – более двух третей (около 70 %). Женидьба на «чужой» тоже включала в себя несколько вариантов (различать которые в процессе опроса не представлялось возможным), в том числе женидьба на девушке, живущей в определенном географическом районе, за пределами которого его жители вступали в брак еще реже. Но были и браки, заключаемые выходцами из районов, расположенных на большом удалении друг от друга и между собой не связанных. Особо выделялись браки с партнером – не жителем Сокотры, – выходцем из Хадрамаута, Махры, Омана, северных районов Йемена и др.

Брак сыновей был делом, решение по которому принималось в сложной семье прежде всего ее главой. При этом, естественно, соблюдалась определенная очередность, когда учитывается не только старшинство сыновей, но и другие обстоятельства, например, возможности для женидьбы в данное время и т. д. Глава семьи как распорядитель единого семейного бюджета решал вопрос, можно ли выделить сыну требуемую сумму денег и необходимое количество скота для выкупа за невесту. В обсуждении этого вопроса принимали участие и мать, и другие члены сложной семьи. Если даже брак заключался по желанию сына, согласие отца все равно было необходимо.

Отмеченная нами новая тенденция к заключению таких браков, когда сокотрийки из внутренних районов выходили замуж за жителей столицы и крупных поселков, а часто и за приезжих с континента, которых на острове становилось все больше, встречала осуждение бедуинов. Это настроение отражено в записанной нами поэме бедуинского поэта Али Абдаллы Ригдхи, сетующего на то, что юношам уже недоступны их двоюродные сестры, которые, увы, уходят к чужим, соблазвившись «легкой жизнью» (см. главу девятую).

Браки и пережитки дуальной родоплеменной организации

Исторически с системой брачных отношений связано деление сокотрийских племен, оставшееся вне внимания моих предшественников.

Во время путешествий по селениям Восточного района мной было выявлено, что все племена этого района делятся на два рода: *sa'beb белые* и *höhar черные*. Иногда люди,

отвечая на вопрос о своей племенной принадлежности, говорят: «белый», «черный» и лишь после дополнительных расспросов называют собственно племя. Фактически «белые» и «черные» стали самостоятельными племенами, в некоторых случаях связи и между этими двумя фракциями одного племени почти не поддерживаются, но мной отмечены и противоположные случаи, когда сохраняются элементы хозяйственного единства между «белыми» и «черными». Для них характерно раздельное расселение. Например, в селении Фалячи обитают «белые», а в Шибнхо – «черные» из племени шибнхо. В племени гизбхо, непосредственных соседей шибнхо, «белые» живут в селении Багёбиг, «черные» – в Галасено.

Посетив селения гизбхо, я заметил, что «белые» (из Багёбиг) жили более замкнуто и изолированно, чем «черные» в Галасено. Они боялись отвечать на вопросы, больше лгали. В их домах было грязно, валялись затасканные циновки, посуда, драные одеяла. Их утварь была беднее. Кузенные браки здесь преобладали. Создавалось впечатление, что род «белых» был некогда подчиненным по отношению к роду «черных».

Дж. Брауна, инспектировавшего остров в 60-е годы, поражало то, что бедуинам благодаря какой-то неизвестной ему традиционной системе удавалось избежать дробления собственности (переходящей в мусульманских странах, согласно светским или шариатским законам о наследовании, в руки многочисленных наследников). Это, как писал исследователь, превозносивший британскую систему наследования собственности, служило «главным препятствием на пути развития фермерства». Он писал: «Я не пытался разобраться, каким путем именно это достигается, но было так, что владение оставалось неделимым на протяжении жизни многих поколений. Это очень важный факт, если думать о каком-либо развитии» (Brown, 1966: 5).

Такая неделимость и по нашему мнению действительно существовала. Главной ее причиной было, видимо, то, что благодаря бракам между кузенами или сородичами, которые тщательно продумывались большими патриархальными семьями с учетом экономических интересов рода, удавалось избегать деления, скажем, стада между наследниками. Да и многочисленных наследников в основном не было ввиду высокой детской смертности на острове. Кроме того, единство хозяйства поддерживалось всей родоплеменной структурой общества, и в особенности преобладанием расширенных и фратриальных семей. То, что муж и жена раздельно владели скотом, также способствовало сохранению родовой собственности: при разводе жена возвращалась в тот род, из которого она пришла к мужу.

В тех редких случаях, когда в семье было много наследников мужского пола, дети, получавшие слишком мало скота и пальм, вытеснялись за пределы хозяйства. Они иногда переселялись на берег, где начинали заниматься рыболовством или каким-либо другим делом, если его удавалось найти; некоторые из них выбирались на континент, уезжали на заработки в страны Залива. Во всяком случае, подобные примеры автору были известны. В поселках северного побережья мы встречали немало пожилых людей – выходцев из горских племен; гонимые нуждой, они становились ловцами жемчуга, рыбаками, некогда служили у султана, бывали на заработках в Саудовской Аравии, Омане, эмиратах Персидского залива. Такова, в частности, была судьба одного из наших информантов, Саада Саида из племени бени малек, который в середине 80-х годов жил в селении Кадуб на северном побережье острова.

Аналогичное деление на «белых» и «черных» существовало и в Хагъхер е (но не у всех племен – см. главу пятую), а также в Западном районе, где, по моим данным, было меньше всего племен, делившихся на две названные фратрии. «Белые» и «черные» племени фирьгхо (Западный район) жили в разных селениях, но близко друг к другу.

Информанты из многих таких племен, как только что упомянутое гизбхо, объясняли мне деление на «белых» и «черных» на удивление единообразно: когда-то у некоего предка –

основателя племени было два сына, один смуглый, другой светлокожий – от них будто бы и повелись два рода. По внешнему виду «белых» и «черных», однако, никак не скажешь, что дело тут в цвете кожи. Но другой версии сами аборигены предложить не могли.

Конечно, было бы заманчиво найти такие факты, которые бы свидетельствовали о том, что в наличии у сокотрийских племен двух видов – «белых» и «черных» сохранились пережитки разделения их на два больших экзогамных рода. Но увы, таких материалов обнаружить не удалось. В наше время никаких особых правил для вступающих в брак из этих родов не существовало: люди старшего поколения говорили о господстве в прошлом ортокузенного патрилинейного брака, теперь же обычно браки заключаются по свободному выбору.

Очевидно, данная дуальная организация давно утратила связь с браком, хотя, несомненно, восходит к древней фратриальной экзогамии, когда мужчина из одной фратрии выбирал себе жену из другой. Пути развития этой системы прослежены достаточно полно в научной литературе на материале многочисленных народов самых разных районов мира. Здесь уместно вспомнить мнение российского этнолога

А. М. Золотарева по поводу аналогичного явления у африканских народов:

«В Африке отсутствуют примитивные формы дуальной организации. В большинстве случаев дуальная организация потеряла свое первоначальное значение и связь с браком. Фратрии утратили экзогамию, превратившись в культовые, церемониальные, общественные и военные единицы. У некоторых племен они были использованы в качестве формы для процессов классообразования, сделались эндогенными группами, связанными с социальными и имущественными различиями» (Золотарев, 1964: 209).

В результате размышлений я пришел к выводу, что здесь мы имеем дело с двумя типами дуальной организации. При организации одного типа «белые» и «черные» поддерживают друг с другом тесные связи, зафиксированы случаи браков между представителями разных родов; однако тенденция заключать браки внутри одного рода все же преобладает. В этой ситуации и имущественные, и социальные, и культурные различия между двумя родами сведены к минимуму.

Иначе обстоит дело в племенах, имеющих деление второго типа. Образец такого деления – племя гизбхо, где «черные» богаче «белых» и пользуются более высоким по сравнению с ними статусом. В некоторых других племенах мне удалось наблюдать еще и проявления отчужденности и даже враждебности в отношениях между этими двумя подразделениями.

Рискуя повторить известные истины, все же вновь обратимся к мнению А. М. Золотарева, отмечавшему на африканском материале вслед за другими исследователями (в частности, за голландским этнографом Люттигом):

«...Тенденция к исчезновению фратриальной экзогамии... со временем приводит к возникновению совершенно особого типа социальной организации, еще мало изученного и исследованного, но, несомненно, характерного для многих африканских племен. Этот тип, будучи прямой противоположностью дуальной организации, тем не менее, генетически восходит именно к ней. Суть его заключается в разделении племени на две эндогамные, обособленные, часто враждебные части» (Золотарев, 1964: 207).

На основе исследований организации племени гереро Люттиг предложил интерпретацию

превращения одной из экзогенных матрилинейных фратрий племени скотоводов в «высшую», другой – в «низшую», в чем немалую роль сыграл такой фактор, как стремление сохранить имущество, и прежде всего скот, за семьей (Luttig, 1933: 56).

«Эта тенденция пришла в противоречие с экзогамией и скоро уничтожила ее, – писал Золотарев. – Имущественные различия между фратриями обусловили переход их к эндогамии. Дуальная организация оказалась удобной формой для возникновения классовых различий. Чувство тесной солидарности, объединявшее членов каждой фратрии, представления о физических и психических различиях между людьми разных фратрий, полуритуальная вражда между ними – все это служило прекрасной идеологической формой для возникающих классовых и имущественных различий» (Золотарев, 1964: 208).

Не считая это идеологизированное мнение полным и вполне удовлетворительным объяснением происхождения и эволюции рассматриваемого явления, отметим, что утверждение информантов относительно чернокожего и светлокожего сыновей предка, обусловивших различия между двумя родами, чем-то напоминало изложенную выше мысль.

Постановка вопроса о пережитках материнского рода у сокотрийцев с учетом выводов современной науки так же вряд ли правомерна, но тогда казалось, что об этом можно говорить, учитывая не только трансформировавшуюся и даже переросшую в свою противоположность дуальную организацию, но и отдельные элементы социальных, семейных отношений, обычаев и фольклорных сюжетов, речь о которых пойдет ниже и которые могут быть интерпретированы исходя из этого предположения.

К рассматриваемой проблеме имеет непосредственное отношение еще одно зафиксированное мной явление. Это распространенный в отдельных племенах обычай женить юношей на девушках из другого племени, резиденция которого находится на небольшом расстоянии от данного (случайно или нет, но постоянные брачные связи нередко существуют между племенами, одно из которых живет в горах, а другое в долине, ниже первого). В частности, весьма часты были браки между племенами да'р'ххо и 'асмхо, обитающими в горах Центрального района, бишмхо и сайдхо – на Западе, гидид и саанхен – на Востоке.

Локальность брака

У сокотрийцев патрилокальный брак – абсолютная норма, отклонений от которой почти не было (редко резиденция молодых супругов бывала неолокальной). Когда молодой человек вступает в брак, он всегда приводит невесту в родительский дом, причем это событие освящено обычаями и сопровождается соответствующими обрядами. Дальнейшая судьба молодых зависит от того, в какой местности они проживают и какую жизненную дорогу выберет муж. В столице и прибрежных поселках существовала тенденция к отделению молодых от патриархальной семьи, тенденция, которая, однако, со временем проявляется все менее заметно, поскольку стало труднее обзаводиться жилищем (растут цены на стройматериалы и транспорт, ослабевают узы между соплеменниками, а значит, не так просто привлекать бесплатную рабочую силу для строительства).

Аналогичная тенденция наблюдалась и в некоторых рыбацких поселках, где сохранение большой семьи не стимулировалось необходимостью сохранить семейное стадо и собственность на пастбища, а также в других местах, где семьи не владели большим

поголовьем скота и построить дом не составляло труда (например, на Южной прибрежной равнине, где хижины возводили тогда из пальмовых веток и листьев). Хорошие условия в родительском доме также становились причиной того, что молодые оставались жить в нем.

Мной была опрошена 341 семья на предмет выявления локальности брака. Из них в 238 случаях брак был патрилокальным (69,79 %), в 98 – неолокальным (28,74 %) и лишь в 5 случаях – матрилокальным (1,47 %).

Если молодой муж, родители которого живут во внутреннем, бедуинском районе, работал в Хадибо, то он лишь в том случае стремился поселить жену в столице и создать там свой дом, если его работа или служба была постоянной и у него была гарантия сохранения занятости. В противных случаях – речь идет о временной службе (например, в полиции) или временной работе (в частности, строительным рабочим по найму) – он, как правило, приводил жену в родительский дом.

Когда молодожены начинали жить самостоятельно, сыну выделялась его доля отцовского наследства, к которой присоединялось приданое жены. Нередко отделение от семьи бывало частичным. Молодые лишь строили себе отдельный дом по соседству с жильем родителей мужа, при этом муж не забирал свою долю наследства из отцовской семьи; ведется совместное хозяйство, но в одних случаях молодые питаются вместе с родителями и другими членами патриархальной семьи, в других – самостоятельно. Дом молодоженов мог быть построен не близко от родительского (как в пределах одного населенного пункта, так и вне его), но и в этом случае сын нередко не забирал свою долю наследства.

На время отсутствия мужа (по причине: военной службы, учебы, работы на континенте или в эмиграции) молодая жена возвращалась в дом своих родителей, а не оставалась жить одна или с родителями мужа.

Известны факты, когда молодые люди из горных районов переезжали в прибрежные, стремясь жить «по-современному». Например, информант Мухаммед Абдалла Сальмин, 26 лет, перебрался из селения Трёмо в горах Центрального района в прибрежный поселок Дихамд, «чтобы быть культурным». Это – свидетельство изменения шкалы ценностей у определенной части горской молодежи, которая считала, что традиционный образ жизни горцев-скотоводов с его тяготами и лишениями, оторванностью от многолюдных мест, изолированностью и постоянной борьбой за существование, не отвечал новым запросам молодых. Прежде статус горца-скотовода был для сокотрийцев наиболее престижным, ныне же он заметно поколебался.

Раньше, когда женился взрослый мужчина, имевший свой дом (т. е. уже отделившийся от большой семьи), жена переселялась к нему. То же и при вступлении в новый брак после развода: разведенный муж приводит в дом другую жену, а прежняя возвращается в дом своих родителей. Мне известны лишь редкие случаи, когда разведенной жене доставался дом бывшего мужа.

Матрилокальные браки были для сокотрийцев исключением. В целом, как мы заключаем из обзора собранных данных, брак мог быть матрилокален при следующих обстоятельствах: 1) родители жены старые, и за ними некому ухаживать; 2) у родителей жены некому ухаживать за скотом и пальмами; 3) родители жены богаты, а мужа – бедны; 4) такое условие было поставлено родителями жены при сватовстве.

Крестьянин-пальмовод Иса Сани Ганем, 54 года, жил в Хадибо. Он по понятиям того времени для Сокотры был состоятелен: имел 300 пальм, много коз, 8 коров, которых пас в Хагьхере наемный работник. Из трех его дочерей одна жила в браке своим домом, вторая – в семье родителей мужа, третья привела мужа, который был беден, в семью отца. Судя по моим наблюдениям, хотя в последнем случае муж фактически был в семье работником, поскольку он привнес в хозяйство лишь несколько голов мелкого рогатого скота, его экономическая

зависимость не ощущалась, во всяком случае, она не оказывала видимого воздействия на его статус, и он считался полноправным членом новой большой семьи. Но, по обычаю, его дети могли рассчитывать только на его личную собственность и на ту часть имущества, которая пока не была выделена из общего хозяйства большой семьи, но считалась долей его жены. Иначе говоря, его дети в случае будущего раздела фактически получали гораздо меньшую долю, чем дети троих братьев его жены.

Информант Абдалла Салем Феденхен, 45 лет, житель селения Ка'ря (западная часть южного побережья), имел на момент опроса трех сыновей и трех дочерей, одна из которых была замужем и жила в семье мужа – уроженца селения Стера (к востоку от Ка'ри, на Южной прибрежной равнине). Причины матриликальности этого брака так и остались для меня неясны – ни одна из перечисленных причин не подходила к данному случаю.

В отдельных случаях матриликальность брака была следствием какого-нибудь особого обстоятельства, сопутствующего той или иной ситуации. Например, на Абд-эль-Кури зафиксирован матриликальный брак, который информант объяснил тем, что в его селении в колодце соленая вода, а в селении жены – пресная.

Нур Мухаммед Б ал лук, дочь одного из наших информантов, 25 лет, акушерка из Хадибо, была замужем, имеет одну дочь, жила с мужем в доме матери, которая была первой женой отца (оба родителя после развода еще два раза вступали в брак). Причина матриликальности брака Нур заключалась, видимо, в бедности мужа, который происходил из нубийских рабов, не имевших собственности, и служил в армии. В доме матери жило несколько детей Нур. Сама она владела 20 пальмами, стадом в 100–120 голов мелкого рогатого скота – все это было получено от матери, кроме того, отец подарил ей к свадьбе несколько коз и 5 пальмовых деревьев (и своих животных Нур не выделяла из общего стада).

Разводы

Одной из наиболее существенных черт, отличавших сокотрийскую систему семейно-брачных отношений, была в не столь давнем прошлом нестабильность брака и распространенность разводов. Несмотря на изменения, которые появлялись в сфере семейно-брачных отношений при новом укладе жизни, эта характерная для сокотрийской семьи черта и в 80-х годах не была преодолена.

Свидетельства информантов о частоте браков и разводов до завоевания Южным Йеменом независимости, на первый взгляд, создавали картину крайней распущенности мужчин, превосходящей все, к чему готов исследователь, знакомый с ближневосточными традициями. Развод для сокотрийца был настолько прост, что муж расставался со спутницей жизни не задумываясь. Во-первых, это не влекло никаких для него обязательств, и, во-вторых, новый брак требовал минимальных затрат. Прежде всего, именно этим сокотрийцы и объясняли ту легкость, с которой они разводились и вступали в новый брак. Действительно, выкуп за невесту в то время не превышал 5 динаров (чуть более 15 долларов), а женитьба на разведенной или вдове вовсе ничего не стоила. Частая смена жен не осуждалась общественным мнением. В целом это явление было характерно для людей определенных социальных слоев: торговцев, шейхов племен и старейшин родов. Гораздо реже оно встречалось среди простых рыбаков и скотоводов. Мы знали, например, старика, который женился более 60 раз, а таких, кто вступал в брак 20 раз и более, встретить было нетрудно, причем, как правило, в прибрежных районах. Мужчины, часто вступавшие в брак, рассказывали, что, согласно существовавшим тогда правилам, они имели право при разводе даже забрать у жены выкуп, который они платили при

вступлении с ней в брак, оставив ей только свадебные подарки.

По утверждению Брауна, многие бедуинки становились сожительницами горожан, получая за это одновременно от 5 до 15 динаров, содержание и платье. «Такие союзы не являются браком, – сообщал английский чиновник, – женщина может уйти тогда, когда она хочет. А когда мужчина захочет прервать эту связь, не нужно никакого развода». Эта система в то время была признана как социальный институт; женщина, вступившая в такой союз, не подвергалась осуждению. Браун писал, что ничего не знает о судьбе детей, родившихся от такого союза. «Подлинно смешанные браки (между выходцами из различных районов. – *В. Н.*) очень редки, но это не следствие каких-либо общинных или племенных различий, а просто образ жизни» (Brown, 1966: 9).

Согласно пояснениям, полученным мной от информантов, союз, о котором Браун писал, рассматривался все-таки как брак, но в «упрощенной» форме, поскольку не предполагал соблюдения всех предусмотренных шариатом правил, а дети от него пользовались всеми правами законных детей (как и дети от наложниц). Мы не знаем, насколько широко этот обычай был распространен, но, по-видимому, говорить о существовании на Сокотре в прошлом некоего особого института конкубината все же нельзя. Скорее, речь идет об особой форме брака, все признаки которого налицо: общее хозяйство, материальные обязанности мужа, права наследования детей и т. п. Главное, почему нельзя считать подобных женщин наложницами, это то, что они не сосуществовали с какими-либо «полноправными женами». Здесь могут быть проведены параллели между рассматриваемой и некоторыми другими особыми формами брака, которые допускаются исламом, например, институт «временного брака» у шиитов.

Но самой поразительной чертой сокотрийской системы семейнобрачных отношений в глазах йеменцев с континента была не распространенность разводов, а возможность для разведенной женщины вновь выйти замуж, что она, как правило, без промедления и делала. Иные женщины выходили замуж по нескольку раз, что никем не порицалось; общественное мнение относилось к этому даже одобрительно, и подобная женщина не теряла ни своей репутации, ни общественного статуса. Сама процедура развода здесь была еще проще, чем по шариату, так как фактически не предусматривала никаких формальностей.

В какой-то мере эти порядки напоминали бедуинские, характерные для некоторых кочевых племен Аравии, однако здесь они получили свое крайнее выражение.

После завоевания Южным Йеменом независимости в 1967 г. любителей часто менять жен стало гораздо меньше, однако нестабильность брака сохранялась. Изменения стали наблюдаться лишь со второй половины 70-х годов. Брак становился несколько более стабильным, чему в первую очередь содействовало распространение на острове светского гражданского законодательства, а также включение острова в систему хозяйственных связей и как следствие этого – возрастание суммы выкупа за невесту.

Тем не менее, многие племена по-прежнему руководствовались нормой обычного права – адата, а прежние, складывавшиеся веками этические нормы, такие как отношение к браку и разводу, сохраняли свои силы.

При полном отсутствии статистики на острове было невозможно провести точные подсчеты, которые позволили бы выявить число разводов на 1 тыс. человек (согласно принятой методике) или соотношение числа браков и разводов. Однако в ходе проведенного мной обследования были получены данные от 537 мужчин и 519 женщин, позволявшие составить представление о степени распространения разводов. При этом следует оговориться, что значительная часть опрошенных (более половины) принадлежала к возрастной группе 17–20 лет и поэтому некоторые из них либо еще не успели вступить в брак, либо вступили недавно, следовательно, развод еще был возможен, тем более что высокий процент разводов, по нашим

наблюдениям, приходился не на первые годы супружества. Сделаем поправку и на то, что отдельные информанты давали неправильные ответы.

В результате опроса было выявлено, что 300 мужчин и 300 женщин состояли в первом браке. С учетом того, что 125 мужчин и 135 женщин не ответили на поставленные перед ними вопросы, этот показатель равен соответственно 72,82 и 78,13 % числа представивших ответы и 55,87 и 57,8 % общего числа опрошенных. Если предположить, что многие опрошенные не дали ответа, поскольку не хотели сообщать данные о разводах и повторных браках как затрагивающие сферу интимных отношений, то этот процент будет ниже. Число разведившихся мужчин (включая как вступивших в новые браки, так и не вступивших) составило 49, или соответственно 11,89 и 9,12 %, число разведившихся женщин – 36, или соответственно 9,38 и 6,94 %.

Причины развода обычно не уточнялись. Женщина, требуя развода, говорила мужу: *al 'Ika ya tebya ne hochu*, не давая при этом никаких объяснений. Сокотрийские информанты, имевшие подобный жизненный опыт, даже жаловались на строптивость бывших жен, поскольку подлинные мотивы развода так и остались для них неясными. Некоторые из них объясняли развод капризностью жен. Попытки провести небольшое социологическое исследование ни к чему не привели: ответы как бывших мужей, так и в особенности бывших жен на вопросы анкеты (а именно, предлагалось указать свой мотив развода из перечня предложенных) были явно неискренними. Однако опросив большое число разведенных, удалось выяснить, что в основном разводы объяснялись все-таки экономическими причинами. Одна женщина, инициатор развода, сказала, что ее бывший муж тратил слишком много денег на детей от первого брака (брак с ней был для него вторым), а для новой семьи оставалось мало; другая сообщила, что бывший муж не покупал ей и ее дочерям новую одежду (а традиционные расшитые сокотрийские платья были весьма дороги) и т. д.

Возможно, экономические претензии лишь прикрывали подлинную причину развода, которая либо не осознавалась, либо о ней было не принято говорить в силу ее интимности, например, – о сексуальном несоответствии супругов. Впрочем, этой стороной семейной жизни некоторые сокотрийцы легко делились, она не была табуирована (один из информантов даже сравнивал достоинства своих жен). Тем не менее, отсутствие полной сексуальной гармонии не выдвигалось как мотив, объяснявший развод. Учитывая чрезвычайно большое число разводов на Сокотре и ту легкость, с какой расторгался здесь брак в недавнем прошлом, можно было предположить, что развод во многих случаях фактически не был мотивирован. Иначе говоря, и экономическая мотивация не объясняла истинного положения, а суть его заключается в укоренившейся допустимости нестабильного брака, при которой было достаточно любого, самого ничтожного повода, чтобы расторгнуть супружество. Здесь относительная экономическая независимость женщины, а также благоприятная перспектива ее вступления в новый союз – то, что способствовало сохранению этой традиционной непрочности брака. Эта ситуация резко изменилась с начала 90-х годов с распространением на острове норм шариата и исламской этики.

Говоря о разводах, сокотрийцы иногда отмечали, что особенно непрочным бывал брак между кузенами, который заключался по чисто меркантильным соображениям. Действительно, отдельные информанты рассказывали, что женились на двоюродных сестрах, поскольку «не надо было платить выкуп», но потом совместная жизнь не складывалась. И инициатором развода во многих подобных случаях выступала жена. Такие разводы наблюдались часто, однако нельзя сказать, что они преобладали. Существовала и обратная тенденция, когда мужчина разводился с женой из «чужих» и брал в жены двоюродную сестру. Некоторые информанты говорили, что кузенные браки и вообще браки между родственниками бывают

крепче, так как люди «хорошо знают друг друга и не встретят никаких неожиданностей».

В отличие от арабов, которые объясняют развод чаще всего отсутствием детей (в Законе о семье, принятом в Народно-Демократической Республике Йемен в 1974 г., существовало даже специальное положение, разрешавшее в этих случаях развод и даже, в качестве исключения, брак со второй женой), сокотрийцы не считали эту причину существенной. Вероятно потому, что сокотрийцы жили в основном расширенными семьями, когда бездетная семья – лишь ячейка сложной семьи и принимает участие в воспитании детей других ее членов; кроме того, не было и проблем передачи наследства, так как хозяйство общее.

Легкость, с которой женщина шла на развод, не в последнюю очередь обуславливалась ее экономической самостоятельностью. После развода она возвращалась в родительскую семью, забрав с собой принадлежащее ей имущество – часть скота, пальм, утвари – и имея реальный шанс в скором будущем вновь выйти замуж. Судьба разведенных женщин подтверждала это.

Хотя ни сексуальная, ни духовная дисгармония между супругами никогда не называлась причиной развода, на деле именно эти мотивы, видимо, часто были определяющими, когда один из супругов говорил: «я тебя не хочу».

Информант Мухаммед Б ал лук Сайяки, рыбак из Хадибо, 50 лет, рассказал, что в первый раз он женился в юности. Жена родила ему четверых детей. Затем он развелся (причин не объяснил), привел в дом другую жену, которая родила ему шестерых детей. Не разрывая это супружество, он вступил в брак с еще одной женщиной и стал отцом одиннадцатого и двенадцатого ребенка. Первая его жена – Фатма Мухаммед Саид из Кадуба после развода с четырьмя детьми на руках вышла замуж вторично (за выходца из Омана) и родила еще двоих детей. Затем, воспитывая шестерых, она развелась и вступила в третий брак – за мужчину из Хадибо, от которого также родила ребенка.

В этом случае обращает на себя внимание тот факт, что быстро и, видимо, без затруднений дважды снова выходила замуж уже немолодая и обремененная детьми женщина. Вероятно, экономический фактор играл не последнюю роль в решении судьбы Фатмы. По данным, полученным от дочери Фатмы, только ей мать выделила из своего стада 100 голов мелкого рогатого скота, подарила 20 плодоносящих пальм.

Однако экономический фактор нельзя признать определяющим: в повторные браки вступали не только состоятельные женщины.

Мухаммед Ахмед Сулейман, 30 лет, служащий таможни в Хадибо, рассказал, что его отец, пальмовод, женился часто, «не менее шести раз», а его мать после развода с отцом потом снова выходила замуж, но из рожденных ею в двух браках 22 детей в живых осталось лишь шестеро.

В этом и многих других случаях разводились супруги, состоявшие в браке не менее десяти лет, причем мужчина затем далеко не всегда брал в жены более молодую, как этого можно было бы ожидать.

Что же касается мужчины, то возможности его вступления в повторный брак были предопределены его ценностью как работника, а поскольку многие сокотрийцы могли выезжать на заработки за пределы внутренних районов острова, – также и как «добытчика», способного обеспечить семье денежный доход.

Я не встречался со случаями, когда брак расторгался бы по причине неверности жены, хотя свободное положение женщин на Сокотре в то время позволяло думать, что это было не исключено. Сокотрийцы иначе относились к интимным отношениям между полами, чем жители континента. В частности, здесь допускались добрачные связи, не считавшиеся для женщины позором и не мешавшие ей потом вступить в брак. Для любой арабской страны практически невероятна возможность многократного вступления в брак женщины, да еще обремененной многочисленными детьми (часто от нескольких мужей). Нам даже рассказывали

о случаях, когда сокотрийка за время долгого отсутствия мужа, уезжавшего на заработки, рожала ребенка, а вернувшийся супруг признавал его своим. Ссылка на то, будто когда-то сокотрийцы верили, что беременность женщины по воле Всевышнего может длиться неопределенно долго, не слишком убедительна: мотивация свободного поведения женщины, безусловно, более сложна, она определялась как экономическими реалиями, так и закрепленными традицией этическими нормами.

Один из информантов рассказывал нам о странном обычае. По его словам, некоторые мужчины, поставив цель овладеть женщиной, будто бы подкарауливали ее вечером в вади, куда она спускается по нужде, и пытались добиться своей цели силой. Женщина ожесточенно сопротивлялась, но если мужчине все-таки удавалось добиться своего, то она успокаивалась и никому об этом не рассказывала. Если же он терпел фиаско, то его ждал позор: женщина устраивала скандал на всю округу и шла жаловаться на обидчика, а ее семья требовала от него искупления вины. Судя по всему, мужчина стыдился не того, что нарушил закон, а того, что проявил несостоятельность. Ввиду щекотливости и даже некоторого неправдоподобия сюжета у меня не было возможности проверить, не было ли это выдумкой, но сам факт появления такого рассказа показателен.

Распаду семей способствовал уход мужчин на работу из внутренних районов в крупные поселки и города на побережье, а также выезд на континент. Те, кто работал в Хадибо, Калансии, часто не брали с собой семьи не из-за трудностей с жильем в этих городах (они всегда могли временно поселиться у соплеменника, а построить скромное жилище не составляло большого труда), а потому, что дома оставалось хозяйство, которое надо было кому-то вести. Лишь иногда семья переезжала к своему главе, а пасти скот и ухаживать за пальмами в таких случаях поручалось либо родственникам, либо наемным работникам.

Повторные и полигамные браки

Итак, вступление в новый брак не составляло проблему ни для мужчины, ни для женщины.

Из опрошенных 537 мужчин (напомним, что 125 из них не ответили на некоторые вопросы) во второй раз были женаты 33 (в том числе после смерти первой жены – 9 и после развода – 24); в третий раз – 8 (в том числе после смерти жены – 3, после смерти одной и развода с другой – 1, после развода с одной и с другой – 4); женился многократно – 1 мужчина; не вступали в брак после развода 11 мужчин и после смерти жены – 1. В полигамном браке состояли 10 человек (по две жены было у 5, по три – у 4 и четыре – у одного). Таким образом, во второй раз были женаты 8,01 % давших ответы, или 6,15 % опрошенных; в третьем – соответственно 1,94 и 1,49 %; многократно женился лишь один респондент, не вступал в новый брак после смерти жены также лишь один, а после развода – 2,67 и 2,05 %; в полигамном браке состояли 2,43 и 1,86 % мужчин соответственно.

Из опрошенных 519 женщин (135 не дали ответов) во второй раз вышли замуж после смерти первого мужа 19 и после развода с первым мужем – 12 (из них 3 были инициаторами развода); в третий раз – 3 женщины (в том числе после двух разводов – 2 и после смерти одного мужа и развода с другим – 1); не вступали в брак после развода 19 женщин и после смерти мужа – 15 (полигамные браки в этой группе нами не выделялись). Таким образом, во второй раз вышли замуж 8,07 % давших ответы и 5,97 % опрошенных; в третий – соответственно 0,78 и 0,58 %; не вышли замуж – 8,85 и 6,55 %.

Илл. 2. Дети – будущее Сокотры

Сопоставление этих показателей свидетельствует о том, что процент живших во втором браке мужчин и женщин был примерно одинаков. Меньший процент женщин, состоящих в третьем браке, и больший – не вышедших замуж, однако, не говорит о том, что шансы мужчин на третий брак выше. Это относится лишь к определенной возрастной группе: зачастую возраст дважды разведенных женщин был таков, что не предполагал уже их вступление в брак (часть опрошенных принадлежала к возрастной группе старше 50 лет), в то время как для мужчины практически не существовало возрастных ограничений так как дряхлых стариков на Сокотре очень мало. Если женщина была разведена второй раз, еще не достигнув верхней границы брачного возраста, сам статус дважды разволившейся ни в коей мере не считался препятствием к заключению нового брака.

Хамис Фарагалла Иса – 65 лет, из Сука, бывший ловец жемчуга, сын получившего свободу раба султана, – вступал в брак трижды. Первая жена умерла, оставив ему двоих детей. Женился вторично, затем развелся. Жена с дочерью ушла к своим родителям и вскоре вновь вышла замуж. Тогда он женился в третий раз; с третьей женой (она родила ему восьмерых детей) продолжал жить. Говорит, что, если бы все дети выживали, у него их было бы 30.

Мной не было зафиксировано ни одного случая возвращения к прежней жене, что часто происходит в арабских странах, где шариат даже устанавливает специальную процедуру для тех, кто поспешил расстаться с женой и имеет намерение вернуться.

Полигамных браков было мало. Это, казалось, можно было бы объяснить тем, что Закон о семье от 1974 г. запрещал многоженство. Но браки, заключенные до 1974 г., считались в Южном Йемене действительными, а обследование той возрастной группы, которая имела право сохранить полигамный брак, показывало, что многоженство не имело широкого

распространения и до 1974 г. Полигамных браков было несколько больше до 1967 г., при султанском режиме, но они встречались в основном среди зажиточных слоев населения. Поскольку разводы совершались с легкостью, постольку те, кто проявлял «склонность к переменам», расставались со старой женой и брали новую, а не создавали полигамную семью. Распространению полигамии мешала и свобода интимных связей: женатый мужчина мог иметь связь с женщиной, не вступая с ней в брак.

География полигамных браков показывала, что многоженство встречалось не только в Хадибо и крупных прибрежных поселках, но и у горцев, где оно, скорее всего, тоже объяснялось экономическими соображениями, а именно стремлением «прирастить» стадо или не допустить дробления хозяйства (как минимум одна из жен была кровной родственницей главы семьи). Жены при этом размещены в разных домах, которые, однако, строятся рядом и входят в один хозяйственный комплекс.

Салем Матур Абдалла, 40 лет, полицейский из Хадибо, рассказал, что у его отца было две жены, от первой он не имел детей, от второй (его матери) – имел двоих. После смерти отца мать вышла замуж вторично, и в новом браке родила еще семерых.

Дети от разных жен, живущих в полигамном браке, считали себя по сути родными братьями и сестрами. Их всегда связывали отношения дружбы и взаимопомощи. Об этом говорит следующий пример. Шейха Сани Али, 18 лет, учительница из Хадибо, рассказала, что отец ее мужа, уроженец Хадибо, раньше служил у султана, затем стал торговцем-посредником. У него было три жены, живших в одном доме, и от них – восемь сыновей и три дочери. Из дочерей две замужние жили отдельно, у своих мужей, остальные дети – в доме отца, в том числе три женатых сына и два внука. После того как свекор, которого Шейха Сани Али называла дядей (братом отца), умер, главой дома стал его старший сын от первой жены. Все члены семьи питались вместе, вели совместное хозяйство, поддерживали между собой хорошие отношения. Единокровные братья и сестры называли себя двоюродными (детьми брата отца). Не только мать мужа, но и двух других жен покойного свекра она называла тетями (сестрами матери); так же к ним обращался и ее муж. У семьи было много пальм, большое стадо мелкого рогатого скота.

У сокотрийцев не существовало жестких правил, устанавливающих, с кем должен быть ребенок после развода родителей. Однако в большинстве известных нам случаев дети оставались с матерью, а не с отцом; редко родители делили детей; иногда их воспитывали родители отца, чаще – родственники матери. Как правило, дети (или часть их) оставались с отцом или его родственниками в том случае, если мать создавала новую семью, однако, как уже говорилось, дети, сколько бы их ни было, не представляли препятствие для вступления матери в новый брак (илл. 2).

В случае смерти матери дети оставались с отцом и, если он женится, – воспитывались мачехой. В случае смерти отца заботу о детях брал на себя его брат, а когда такового не было – дед по отцу, если же не было и деда – то другой отцовский родственник. Вдова, у которой остались сыновья, при новом замужестве, как правило, растила мальчиков вплоть до их выхода из так называемого младшего возраста (10–12 лет), после чего сыновья переходили в дом брата покойного мужа или деда по отцу, дочери же оставались с матерью.

И при живых родителях порой дети воспитывались «по очереди»: в *фатрат аль-хадана* (араб.), т. е. младшем возрасте, матерью, затем отцом.

Нур Салех Саид, 21 год, медсестра из Хадибо, сообщила, что ее родители разошлись, когда она была совсем маленькой, и оба создали новые семьи; в семье отца родилось трое детей, в семье матери – четверо. До 12 лет Нур воспитывалась матерью, затем перешла в семью отца.

Уже упоминавшийся Салем Матур Абдалла из Хадибо был женат на дочери своего дяди по матери. У него четверо детей, а после того как его родная сестра умерла, он взял на воспитание и ее ребенка. Затем, когда умер один из его единоутробных братьев, он взял в свою семью и его четверых детей. Говоря «взял в семью», Салем имел в виду, конечно, материальное содержание детей, так как переход из семьи в семью чисто условный: все братья с семьями жили в деревне в доме, принадлежавшем матери и отчиму, только один Салем переселился в столицу. Тем не менее, он связан с большой семьей узами взаимопомощи: половина воспитываемых им детей живет с ним в городе, половина – в деревне. Но было ясно: если вдова брата вновь выйдет замуж, то дети останутся с ним.

Судьба самого Салема также демонстрировала торжество традиций семейной взаимопомощи. Когда его отец умер и он был еще маленьким, то несколько лет воспитывался матерью, а распорядителем отцовского наследства остался брат отца. Когда же Салем вырос, дядя взял его в свою семью и воспитывал вместе с собственным сыном.

Мной были зафиксированы и случаи, когда отец и мать делили между собой своих детей.

Ахмед Яхья Мурад, 24 года, медбрат госпиталя в Хадибо, родом из Восточного района. Брак с матерью Ахмеда у его отца второй. С первой женой он развелся, от брака осталась одна дочь, которая воспитывалась мачехой. Мать Ахмеда родила еще десятерых: пять сыновей и пять дочерей; все они, кроме младшего брата и младшей сестры, были женаты и замужем. Братья с семьями жили в доме отца и вели общее хозяйство. Ахмед был женат, развелся, женился во второй раз. Жил своим домом в Хадибо. Из его двоих детей от первой жены дочь жила с матерью, сын – с ним, но иногда подолгу гостил у матери. У отца Ахмеда были пальмы, принадлежавшие всей семье, мелкий рогатый скот; доля Ахмеда составляла 40 овец и коз, которые паслись в общем стаде.

Когда дети оставались с матерью, они обычно навещали отца, независимо от того, были у их родителей новые семьи или нет.

Саад Али Ахмед, 36 лет, учитель из Хадибо, сын торговца, был женат, затем развелся, как он говорит, «по объективным причинам», оставив жене двух сыновей и двух дочерей. Женился вторично, во втором браке имел двух сыновей и четырех дочерей. Его первая жена также вторично вышла замуж, родила еще нескольких детей. Дети от первого брака «часто бывали в гостях» у отца.

Фатма Али Ахмед, 20 лет, уроженка Восточного района, медсестра из Хадибо, рассказала, что ее отец, скотовод, женился на ее матери после того, как развелся с первой женой (его первая жена умерла, оставив одного сына, который воспитывался у ее родственников, сейчас он взрослый). Сначала мать Фатмы родила сына, а затем ее. Отец умер во время беременности жены Фатмой, а мать – когда девочке было 2 года. Ее растила сестра матери, жившая в Хадибо. У тетки было четверо детей: два сына и две дочери. Через несколько лет умер ее муж, а позже, когда Фатма выросла, умерла и сама тетя. Тогда Фатма взялась воспитывать ее детей, которым на момент опроса было 15, 12, 10 и 7 лет. Три месяца Фатма была замужем за жителем Адена, работавшим здесь, но он оставил ее; своих детей у нее не было.

Илл. 3–5. Сокотрийские бедуины

Илл. 6–8. Сокотрийские бедуины

Фатма владела в Хадибо 250 пальмами, стадом в 500–600 голов мелкого рогатого скота (в основном коз); их пас в горах брат матери, который доставлял ей все необходимые продукты питания. За пальмами ухаживал наемный рабочий, получавший за труд на выбор: долю урожая фиников, что-то из одежды, коз и продукты животноводства или часть денег, вырученных от

продажи фиников. Несколько лет здесь работал один и тот же человек, теперь он отказался, сославшись на нездоровье, и Фатма договорилась с другим.

Следующий пример показывает, что ребенка в случае смерти матери и родного отца мог воспитывать и отчим. Али Саад Али, 20 лет, государственный служащий из Хадибо, уроженец селения Хала (восточная часть северного побережья). Отец был рыбаком, умер, мать вышла замуж во второй раз, умерла. Али воспитывался у отчима. Отец оставил ему в наследство пальмы. За ними ухаживает сестра матери, а Али теперь живет в Хадибо своим домом.

У сокотрийцев сохранился левират. Правда, браки вдов с братьями умерших мужей встречались очень редко, но все же они существовали.

Мубарак Саид Али, 45 лет, скотовод из Галасено (Восточный район, племя гидид), рассказал, что его мать, родом из племени коутар и селения Гиб и, расположенного в долине ниже Галасено, осталась вдовой с одним ребенком. «Чтобы поддержать ее», на ней женился младший брат покойного мужа, затем она родила Мубарака и еще одного ребенка.

В подобных случаях, как можно судить по косвенным показаниям информантов, обычно левиратный брак заключался ввиду необходимости сохранить в семье единое хозяйство, прежде всего поголовье скота. Правда, стада при этом могли быть и небольшими. Например, Мубарак имел всего 35 коз и 5 овец; столь же невелики были и стада его братьев.

Салем Саад Ахмед, 19 лет, учитель из Хадибо, родом из Восточного района, племени бен кархан, рассказал, что его мать, родившая в браке с отцом кроме него еще двоих детей, после смерти отца вышла замуж за его, Салема, двоюродного брата (сына брата отца), который взял ее второй женой, «чтобы поддержать семью». Его первая жена была двоюродной сестрой матери Салема (их отцы – родные братья) и имела шестерых детей. Мать во втором браке родила еще двоих детей. Отчима Салем называл по обычаю дядей, его первую жену тетей (как они ему, впрочем, и доводились). Тетя жила в доме, расположенном рядом с их домом, т. е., по-видимому, в доме дяди, дети (а их было 11) воспитывались вместе, и два дома составляли единое хозяйство.

Здесь, вне всякого сомнения, брак был предопределен исключительно экономическими соображениями: семье надо было сохранить единое хозяйство. По словам Салема, члены семьи совместно владели большим числом пальм, стадом в 250 голов мелкого рогатого скота.

Али Салех Ахмед, 21 год, скотовод из селения Адуна (недалеко от Хадибо), – выходец из знатной семьи. Его отец был из рода хашимитских сейидов, мать – из махрийского племени бену афрар (бену африр), к которому принадлежал султан Махры и Сокотры. Сначала мать была замужем за двоюродным братом отца, после его смерти осталась с тремя детьми, вышла замуж за отца Али, бывшего гораздо моложе ее, родила еще троих детей. Эта состоятельная семья владела пятью коровами, пятью верблюдами, ослом, большим стадом мелкого рогатого скота, множеством пальм. Брак был, вероятно, вызван не только экономическими, но еще и сословно-престижными соображениями: сейиды, отличающиеся высокой степенью солидарности, стремились сохранить вдову и ее детей в своем роду.

Система наследования имущества

Порядок наследования имущества в семьях сокотрийских бедуинов (илл. 3–8) в целом определялся законами шариата, однако он во многом исходил из норм обычного права. Под влиянием обычного права подверглись трансформации даже основные правила шариатского законодательства – раздел наследства между детьми в пропорции «сыну – две доли дочери», хотя в большинстве случаев этот принцип соблюдался.

Изучение порядка наследования имущества у сокотрийцев представило довольно сложную задачу, поскольку я столкнулся здесь с тремя различными вариантами его передачи: а) предоставление доли имущества отделившимся сыновьям и вышедшим замуж дочерям и последующее распределение между ними той части, которая осталась у родителей после смерти последних; б) раздел имущества умерших родителей между наследниками без предварительного выделения доли; в) переход родительского имущества в руки наследников без раздела, при сохранении его в общей собственности семьи. Когда после смерти главы семьи оставалась вдова, ей либо выделялась доля имущества (если она не имела своего), либо она вела совместное хозяйство со всеми детьми, частью их или с одним ребенком.

Выходя замуж, женщина приносила в семью унаследованную ею или выделенную родителями собственность (скот, пальмы), которая всегда оставалась за ней. Если она разводилась с мужем, то забирала обратно свою часть имущества, но пока она жила в семье, ее собственность составляла часть хозяйства всей семьи. После ее смерти или тогда, когда она пожелает, ее имущество должно было делиться между ее родными детьми. Дети ее мужа не имели прав на ее наследство. Если у нее не было родных детей, – имущество доставалось ее кровным родственникам. Кроме того, иногда при разводе муж выделял бывшей жене часть «своего» имущества (одну-две головы скота), говоря при этом: «Это – твое».

Дети, отец и мать которых развелись и которые при этом жили с матерью, даже когда она состояла в повторном браке и они воспитывались отчимом, имели право на соответствующую часть наследства отца. Его имущество делилось между всеми его родными детьми поровну, но с соблюдением шариатского принципа «сыну – две доли дочери».

По словам сокотрийцев, сыновья и дочери для них равноценны. Лишь в тех случаях, когда в семье вовсе нет сыновей, рождение еще одной дочери рассматривается как невезение. Видимо, отсутствие характерного для многих народов пренебрежительного отношения к младенцам женского пола было predeterminedено и большей ролью женщины в хозяйственной жизни, и ограниченными экономическими возможностями, когда семья была не в состоянии обеспечить всех сыновей, когда их было много (в последние годы это обстоятельство, естественно, изменилось). С учетом того, что еще недавно выкуп за невесту был весьма невелик, родители не получали большой выгоды, выдавая дочь замуж. Тем более что исполнение лежащих на ней традиционно хозяйственных обязанностей (пастба, обработка продуктов животноводства, ткачество и т. д.), конечно, если домашнее хозяйство нуждалось в рабочих руках, было семье более выгодно, чем уход дочери. Вопрос о том, какую именно часть семейного стада выделить дочери в приданое, решал отец, который при этом не обязательно придерживался норм, утвержденных шариатом, – учитывались все сопутствующие обстоятельства, в частности материальное положение своей семьи и семьи жениха дочери, а также договоренность со сватами. Дочь могла получить долю и большую, и меньшую той, которая причиталась бы ей при разделе имущества после смерти отца согласно законам шариата.

Амина Мухаммед Хадид, 17 лет, учительница из Хадибо, уроженка селения Тамир в Восточном районе, незамужняя, рассказала, что ее отец – скотовод, но занимается в сезон и ловлей рыбы. У нее три брата, все женаты, и две незамужние сестры. Все братья (один состоит на действительной военной службе) – скотоводы, живут с семьями в доме отца, где все имущество – довольно много пальм и стадо коз – общее. Раньше у семьи были и коровы, но они пали от бескормицы. В общем стаде каждому члену семьи выделена его доля: по пять голов несемейным и по десять голов семейным. Когда отец ловил рыбу, коз пасла мать. Так же была выделена каждому и доля деревьев из пальмового сада. Амине досталось несколько пальм и пять коз, которые ей подарил отец, но пока она не вышла замуж, все было общим, включая и ее

заработок. Потом же Амина получит свою долю, причем отец может и увеличить ее до десяти голов.

Таким образом, в 80-х годах обычай, воплощенный в праве главы сложной семьи решать вопросы выделения имущества, играл в сокотрийском традиционном обществе роль не меньшую, чем шариатское законодательство.

Мной были зафиксированы и случаи, когда раздел имущества происходил точно по законам шариата.

Информант Мухаммед Харун Мухаммед, 30 лет, родился и жил в Калансии, рыбачил, как и его отец, но своей лодки не имел, на момента опроса работал в Хадибо электриком, жил у друга. Отец его после развода с первой женой был женат во второй раз, и от этого брака имел двух детей – сына, Мухаммеда, и дочь. Первую жену отца он и сестра звали тетей (сестрой матери). После смерти отца Мухаммед получил 16 пальм, сестра – 8. Ему также досталось 8 коз, еще несколько голов купил сам. Был женат, жена родила ему двоих детей, затем ушла к другому. На момент опроса он был холост.

Широко распространенные разводы осложняли не столько проблему наследования имущества, которая решалась в основном однозначно, сколько проблему содержания и воспитания детей, поскольку в этой области не существовало жестких правил. Родоплеменной обычай не обязывал отца принимать материальное участие в воспитании ребенка, оставшегося с матерью (доля наследства ему была гарантирована лишь в случае смерти родителей).

Часто в прошлом, когда женились и разводились состоятельные люди, они при женитьбе заранее обеспечивали воспитание будущих детей на случай развода выплатой большого выкупа, который и оставался в семье жены, куда она с детьми возвращалась. В случае развода даже султан не оставлял у себя детей.

Рода Иса Али, 19 лет, акушерка госпиталя в Хадибо, дочь последнего султана Махры и Сокотры. Мать Роды – Хадиджа Иса происходила из северных районов Йемена, но жила на Сокотре и до замужества. Рода рассказала, что у ее отца было много жен. С одними он разводился, с другими жил в полигамном браке. Ко времени опроса на острове жило 27 ее братьев и сестер – 11 единоутробных, 15 единокровных и один родной брат.

Наличие столь многочисленных родных, казалось бы, должно было создавать немало поводов для конфликтов, тем не менее, это случалось редко: братья и сестры почти всегда поддерживали между собой хорошие отношения, мирно решали спорные вопросы, хотя бывали и исключения.

Информант Салем Абдалла Али, 20 лет, фельдшер из Хадибо, рассказал, что его отец, скотовод из махрийского племени бену афрар, развелся с его матерью, которая родила ему кроме Салема еще троих сыновей и двух дочерей, и женился во второй раз. От второго брака была одна дочь, но она умерла. Салем с братьями и сестрами воспитывались в доме матери. Когда отец умер, *уккаль* ('uqqäl) – старейшины поделили его имущество между всеми наследниками. Мать вышла замуж во второй раз, привела мужа в свой дом, дети называли его дядей (братом отца). Она родила от него еще двух сыновей. Эти единоутробные братья Салема ничего не получают из наследства первого мужа матери, но имущество второго мужа, их отца, достанется им, а не Салему и его братьям и сестрам. Но все братья и сестры от обоих браков жили вместе в одном доме, в Хадибо. В сезон дождей они уходили в горы, чтобы пасти коров, делать масло и т. п. Салем был женат, имел сына и дочь. От отца унаследовал часть принадлежавших ему пальм и скота. Пас скот и ухаживал за пальмами его молочный брат. Дело в том, что после рождения Салем был отдан «на вскармливание» женщине из бедуинского горского племени, у которой воспитывался до 7 лет; его молочная мать получала за это вознаграждение, но не фиксированное, а «по мере возможности». У Салема было три молочных

брата, с которыми он поддерживал тесные отношения. Один из молочных братьев, пасший скот Салема, получал за это молоко, масло хама и другие продукты, не считая подарков.

Система и термины родства

Термины родства в основном одинаковы для всех сокотрийцев, существуют лишь незначительные, преимущественно фонетические, отличия между диалектами. Кроме того, в собранных автором на Сокотре текстах встречается ряд архаичных терминов, которые понимают горцы, но не понимают жители прибрежных районов (некоторые из этих слов приводятся ниже).

Для обозначения родственников первой степени:

bebe, дв. ч. bebehī, мн. ч. babayhon, 'отец'. В сочетании с именами употребляется с генитивной частицей di: bebe di muhammad 'отец

Мухаммада'. В сочетании с личными местоимениями принадлежность выражается с помощью конструкции [di + местоимение] в препозиции: diho bebe 'мой отец', di'e bebe 'твой отец' и т. д.;

biууо, дв. ч. biууöti¹¹, 'мать'. Это слово, по Биттнеру (Bittner, 1913: 24), образовано как ж. р. от Ы-(beu)-(a)Ы 'отец'. Принадлежность выражается так же, как и для bebe: diho biууо 'моя мать', di'e biууо 'твоя мать' и т. д.

В текстах, записанных от горцев, встречаются berhe 'отец' и bëge 'мать'. Жители прибрежных районов этих слов даже не понимают. У горцев они малоупотребительны. Они восходят к общесемитскому корню, от которого в сокотрийском образованы: bëge 'родить', а также термины родства mibrhe, bar, 'ibrihi, 'imboriye (см. далее). Так что точнее переводить berhe как 'родитель', bëge как 'родительница'. Что касается корня этих слов, то это, по всей вероятности, b-r-' со значением 'творить, создавать из ничего' (например, арабский бага'а)¹². Отсюда значение 'родить, произвести на свет'.

В текстах Мюллера встречается еще одна пара терминов для обозначения родителей. Это 'iif 'отец' и 'em 'мать'¹³. Они образованы от общесемитского корня (ср. араб, 'ab и 'umm, махри heub и häm, шхаури eu и еш, евр. 'ab и 'еш(ш) и т. д.). Эти слова неизвестны жителям прибрежных районов и, видимо, неупотребительны или малоупотребительны в горах. Однако широко распространено слово 'e'fo (или 'e'fu) 'родители, семья, старшие родственники, люди', где – о придает 'iif значение собирательности (см.: Rhodokanakis, 1915) (аналогично этому в шхаури образовано iуо 'родители' от eu 'отец'). Это основное слово, употребляющееся в сокотрийском в значении 'люди' (можно предполагать, что оно является вторичным). На архаичность 'iif и 'em указывает не только тот факт, что они вышли из употребления со времен экспедиции Мюллера, но и то, что эти слова, в отличие от bëbe и biууо, для обозначения принадлежности могут присоединять к себе местоименные суффиксы. Конструкция имя +

¹¹ У Леслау приводятся несколько отличающиеся формы: ед.ч. bioh, дв.ч. bioti (см.: Leslau, 1936: 81). В наших материалах форма множественного числа отсутствует. Леслау приводит форму mamheten, связанную с корнем 'em (см. ниже), т. е. также не дает формы множественного числа для этого корня.

¹² Об этом корне см.: Landberg, 1920: 142 и далее.

¹³ см.: Leslau, 1936: 68–69, 62–63. Леслау рассматривает f в 'iif как спирализацию b. два гласных Леслау объясняет как отражение древнего долгого гласного.

местоименный суффикс имеет архаичный характер и в современном сокотрийском почти не встречается, будучи вытеснена конструкцией [dī + личное местоимение + имя]. Исключения составляют как раз некоторые термины родства (см. также ниже). Для обращения детей к родителям не существует специальных слов, а употребляются *bebe* и *biyo* со звательной частицей *e* (а): *e bebe!* ‘Отец!’ и *biyo!* ‘Мама!’¹⁴.

В словах, обозначающих братьев и сестер, различаются наименования старших по отношению к говорящему, младших или одинаковых с ним по возрасту. Для обозначения самого старшего брата или самой старшей сестры не существует особых слов, все старшие называются одинаково. Для обозначения младшего брата или сестры говорящего или одного с ним возраста употребляется одно слово *qāqa* (без различия в роде), дв. ч. *qāqī*, мн. ч. *qaqaḥon*. Принадлежность выражается посредством конструкции [dī + личное местоимение]. В то же время для обозначения старшего брата и старшей сестры употребляются разные слова одного корня: *nīnhi*, дв. ч. *nīnīhi* ‘старший брат’; *’ēppa* ‘старшая сестра’. Принадлежность выражается с помощью *dī*.

Употребляются также слова, восходящие к общесемитскому корню *’-h:*

’a’ha (или *’a’ha*), дв. ч. *’e’hi* (*’e’hi*), мн. ч. *’o’ho* (*’o’ho*) или *o’ho’ou* (в некоторых бедуинских говорах) ‘брат’ (вообще, т. е. и старший и младший) и *’e’het* (или *’e’het*) ‘сестра’¹⁵ (ср.: махри *ḡa* и *ḡayt*, шаури (*e*)*ḡa* и *ḡit*, харсуси *ḡa*, араб., *’ah* и *’uht* (см.: Leslau, 1936: 56; Johnstone, 1977: 7)). Эти слова принадлежат к числу немногих сокотрийских терминов родства, образующих принадлежность при помощи присоединения местоименного суффикса. Например:

’e’hi (*’e’hi*) ‘мой брат’

’e’haš (*’e’ahš*) ‘его брат’

’ehoyhi (*’ehoyhi*) ‘мои братья’ и т. д.

В «Легенде о Иизхамитин» (см. главу девятую) встречается форма *’ohokī* в значении “твои братья” (мн. ч.)¹⁶.

opokī в значении твои братья (мн. ч.)

В сочетании слова *’e’het* с местоименными суффиксами были выявлены некоторые фонетические различия между говорами:

’e’heti (Хадибо) ‘моя сестра’

’e’idti (калансия) ‘моя сестра’

’e’idti (Хагьер) ‘моя сестра’

’e’ḡidti (западный бедуинский говор) ‘моя сестра’

’e’hedk (западный бедуинский говор) ‘твоя сестра’

’e’hetš (западный бедуинский говор) ‘его сестра’ и т. д.

Несколько терминов употребляется в сокотрийском для обозначения детей. Основные из них:

mugšim (произносится *mukšim*; вариант *mugšam*), дв. ч. *mugšimi*, мн. ч. *megāši*¹⁷, ‘мальчик,

¹⁴ Точно так же образуются формы обращения ко всем другим родственникам, так что далее мы к этому возвращаться не будем (варианты *’e* и *’a* в зависимости от окружения, например *’a qāqa* ‘мой брат’).

¹⁵ По нашим наблюдениям, *h* произносят жители прибрежных районов, *h* – горцы (точнее, их часть).

¹⁶ В связи с употреблением аналогичной формы (*’ehoke*) в текстах Мюллера Леслау пишет, что, «хотя это слово выглядит как множественное число, речь идет о двух братьях» (ор. cit.: 56), но нам кажется, что информант вполне мог употребить мн. ч. вместо дв. ч.

¹⁷ Корень этого слова: *g-š-m*. По Мюллеру (см.: Bittner, ор. cit.: 20, примеч. 2), этот корень соответствует

сын' 18. Это слово чрезвычайно широко употребляется в сокотрийском как в значении 'мальчик, подросток, юноша', так и в значении 'сын'. Принадлежность выражается с помощью частицы *di*: *diho mugšim* 'мой сын', *mugšim di hamed* 'сын Ахмеда'.

*firhim*¹⁹, дв. ч. *firlmi*, мн.ч. *ferham* (горек, *foyrhem*), 'девочка, девушка, дочь' столь же широко употребительно в двух значениях, как и *mugšim*. Корень этого слова – *f-r-m*. Биттнер сопоставляет *firhim* с махри *firhin* 'кобыла' (в арабском в этом значении употребляется *faras-*) (Bittner, op. cit.: 13, примеч. 1; 2; 9). Леслау указывает, что исходное значение этого семитского корня, отраженное в арабском, еврейском, арамейском, – 'разрывать, резать, раскалывать, рассекать', отсюда 'создавать' (ср. корень *b-r-* 'резать, создавать', о котором говорилось выше, и другие корни); таким образом, *firhim* означает 'творение, существо' (Leslau, op. cit.: 341). Можно, однако, предложить иное объяснение. Возможно, сокотрийское слово *фирьхим* *firhim* «девочка» от этого корня связано непосредственно со значением 'резать'. Дело в том, что этот термин относится к девочке, достигшей возраста половой зрелости, когда ей должно было делаться обрезание. Отсюда и значение *firhim* как 'той, что достигла возраста обрезания'. По данным информантов, девочка, не достигшая этого возраста, называется на Сокотре другим словом ('*awgeno* – см. ниже), что подтверждает наше предположение. Принадлежность для слова *firhim* также выражается при помощи частицы *di*: *dyhe firhim* 'дочь'.

Слово *firhim* в сокотрийском часто употребляется вместе с заимствованным из арабского *bint* с тем же значением, образуя единую лексическую единицу. По некоторым наблюдениям, сочетание *firhim bint* употребляется в основном как раз тогда, когда необходимо указать на девушку, достигшую возраста вступления в брак (см. текст о сватовстве и женитьбе).

Для обозначения детей употребляются также термины:

'*awyeghen* (димиутив от '*agg* 'мужчина, человек, муж' – см. ниже) 'мальчик', дв.ч. '*oygeni*, мн. ч. '*oygigihon*;

'*awgeno* (димиутив от '*āže* женщина, жена' – см. ниже) 'девочка', дв.ч. '*awgentöti*, мн. ч. '*awgehemin*.

Эти слова обозначают, как правило, детей младшего возраста²⁰. Принадлежность также выражается посредством частицы *di*.

В сокотрийском есть еще слово *mibrhe*, дв.ч. *mebroy*, мн.ч. *emboriye* (или '*imburiyo*), 'ребенок' (м. и ж. р.). Употребляется в единственном и двойственном числе для обозначения маленьких детей, например: '*egdoho mibrhe* 'она родила ребенка'. Однако во множественном числе это слово может обозначать не только детей, но и всех членов семьи, включая жену, т. е. имеет значение 'семья'. В этом смысле его употребляют жители прибрежных районов. Горцы чаще используют другое слово – *māsin*, которое помимо значения 'семья' имеет еще значение 'жена' (см. текст о сватовстве и женитьбе).

Принадлежность для слова *mibrhe* образуется при помощи частицы *di*.

От этого же корня образовано слово, существующее во многих семитских языках, – *bar* 'ребенок' (м. и ж. р.; ср. махри *habre*, шхаури *beg*, араб., *bar* и т. д.). В отличие от *mibrhe* это

арабскому *gism* – тело.

¹⁸ Леслау приводит также форму димиутива *mgešhem*, дв.ч. *mgešemi*, мн.ч. *mgišimihon* (op. cit.: 117), которая нами не зафиксирована.

¹⁹ Леслау дает форму *firehim* (op. cit.: 341).

²⁰ Леслау дает еще одну форму димиутива от '*agg* и '*āže*: *eyeg*, дв.ч. *eyege*, мн.ч. *eyogehen*, 'мальчик'; *eugoh*, дв.ч. *eugöti*, мн.ч. *eugheten*, 'девочка' (op. cit.: 307). Нами эти последние две формы не зафиксированы.

слово не указывает на младенческий возраст, а имеет скорее общее значение 'сын, дочь' (Leslau, *op. cit.*: 95). Кроме того, *bar* употребляется в нескольких специфических значениях (об одном из них см. ниже). Леслау приводит еще два случая применения: одно из них – указание возраста, другое – для обозначения молодого животного: *ber-'esed* 'молодой лев'.

Существует особое слово для обозначения близнецов: *sekli*, дв.ч. *saukali*, мн.ч. *saklho*.

Для обозначения старших родственников во втором, третьем колене и далее по восходящей используются следующие термины:

mä'a, дв.ч. *mä'i*, мн.ч. *ma'hin* 'дедушка'. Леслау приводит *moo*, дв.ч. *mo'ohi*, мн.ч. *m'emaḥon* 'предок' (Leslau, *op. cit.*: 248). Мюллер возводит его к *miho* (*mi'ho*) 'внутренности, кишки', сравнивая с евр. *mime'ekä yäs'u* 'вышедшие из твоих внутренностей (кишок)' (Ibid).

Слово *mä'a* обозначает в сокотрийском и деда по отцу, и деда по матери. Для того чтобы различать их, используются описательные конструкции: *bebe diho d-bēbe* 'отец моего отца' и '*bebe diho d-biyyo* 'отец моей матери'. Принадлежность для *mä'a* выражается частицей *di: diṣe mā'a* 'ее дед'. Описательным способом образуются и названия предков старших поколений, например, *mä'a di d-bēbe* 'прадед', *mä'a di d-mä'a* 'прапрадед' и т. п. Существует еще выражение *mä'a ma'hin* – букв. 'дед дедов', т. е. 'предок, прародитель'.

habba, дв.ч. *habbeti*, мн.ч. *hobub*, 'бабушка'²¹. Принадлежность образуется посредством частицы *di*. В отличие от *mä'a*, от *habba* образуется специальный термин *bebēbo* – 'прабабушка', а для более далеких степеней родства уже используется описательный способ. Если необходимо уточнить, с какой стороны доводится данному лицу бабушка или прабабушка, это делается так же, как в случае с *mä'a*: *biyyo diho d-bēbe* 'мать моего отца', *biyyo dyhe d-mä'a* 'мать его деда', *biyyo d-bēbe diho d-biyyo* 'мать отца моей матери'.

В сокотрийском нет специальных терминов для обозначения внуков и внучек, с этой целью используются описательные конструкции: *mugsam diho de mugsam* 'мой внук (сын моего сына)', '*embogiye dyhe de mugsam* 'его внуки и внучки (дети его сына)', *firhim di'e de firhim* 'твоя внучка (дочь твоей дочери)' и т. д. Обращаясь к деду или бабушке, внуки говорят: '*a mā'a!* или *e habba!* Дед и бабушка называют внуков и внучек по имени или же обращаются к ним, как к детям ('сын' или 'дочь').

Специальные термины существуют для обозначения братьев и сестер родителей:

dēdo, дв.ч. *didoy* (мн.ч. от этого корня не образуется), 'дядя по отцу'. Это слово, имеющее окончание женского рода, относится к общесемитскому корню, и ему соответствуют в махри *hadid*, в шхаури *did* и *edid*, в евр. *dōd* 'дядя', в магрибинском арабском *dāda*, в сир. *dādā* 'любимец, ребенок', в южноаравийском *dd* (Leslau, *op. cit.*: 123). Чтобы различать старших и младших братьев отца, употребляют описательный способ: *ninhi diho de bēbe* 'старший брат моего отца', *qāqa diho de bēbe* 'младший брат моего отца'. Принадлежность выражается как применением местоименных суффиксов, так и посредством конструкций *di* + местоимение.

halele, дв.ч. *halili*, мн.ч. *halelehon* 'дядя по матери'. Принадлежность здесь выражается исключительно при помощи частицы *di*. Вероятно, этим словом вытеснено (во всяком случае, в прибрежных районах) более архаичное *hei* (мн.ч. *tholehi*), от которого оно образовано. Слово *hei*, встречающееся в текстах Мюллера, может присоединить к себе местоименные суффиксы: *helhi* 'мой дядя', *helek* 'твой дядя', *holke* 'твои дяди'²². От семитского корня, лежащего в его

²¹ У Леслау приводится *habbeli* 'хозяйка, бабушка' (*op. cit.*: 159).

²² Леслау сообщает о встречающемся у Мюллера *dodhi* 'мои дяди' (так же переводит и Биттнер, *op. cit.*: 29), указывая, что ранее это слово считалось формой ед. ч. (Leslau, *op. cit.*: 123).

основе, образованы: в махри *hei*, в шаури *hil*, в араб, *hāl*, в сир. *hālā*, в тигре *hāl* (Leslau, op. cit.: 166). Записанные автором тексты слово *hei* не содержали, опрос информантов из прибрежных районов выявил, что им это слово неизвестно (в горных районах такой опрос не проводился).

В то время как дядя по отцу и дядя по матери называются в сокотрийском разными словами, – тетка по отцу и тетка по матери именуются одним словом:

helo (в другом варианте – *hāla*), дв.ч. *heloti*, мн.ч. *helot*, ‘тетка’. Это слово может выразить принадлежность как посредством местоименных суффиксов (например, *helōti* ‘моя тетка’), так и конструкций *dī* + личное местоимение (*dise helo* ‘ее тетка’). Правда, Леслау приводил единичный случай употребления в текстах Мюллера *dedoh* в значении ‘тетка по отцу’ (Leslau, op. cit.: 123–124), но, по словам Биттнера, такого слова в сокотрийском не существует и в этом значении употребляется *heloh* (Bittner, op. cit.: 28).

Приведенным выше терминам соответствуют обозначения племянников и племянниц: *’ibri* (или *’ibrihey*) ‘племянник’. Это слово относится к тому же корню *b-r-*, что и *berhe* ‘отец’, *bēge* ‘мать’, *mibrhe* ‘ребенок’; оно употребляется только с местоименными суффиксами. Удалось записать лишь одну фразу с изолированным употреблением этого слова: *’o’o ’ibrihey min muhammad?* ‘Где племянник Мухаммада?’. Однако здесь обращает на себя внимание использование предлога *min* (‘о’), хотя следовало бы ожидать вместо него *dī* или примыкания имен. Скорее всего, *min* отделяет конструкцию [имя + местоименный суффикс] от другого имени, подтверждением чему служит следующий пример с тем же значением: *’ibrihis min muhammad* ‘племянник Мухаммада’ (букв, ‘племянник его, Мухаммада’). Это позволяет считать, что *’ibrihey* представляет собой не изолированную форму слова (таковой, видимо, не существует), а его сочетание с местоименным суффиксом 3-го л. м. р. ед. ч. Чаше всего встречается *’ibrihi* ‘мой племянник’²³ (у Леслау *’ibrihi* как сочетание *bar* с местоименным суффиксом, т. е. ‘мой ребенок’²⁴), *’ibrihiš* ‘его племянник’ и т. д.

Существует и аналогичный термин женского рода: *’ibrit* ‘племянница’. Он тоже употребляется только с местоименными суффиксами: *’ibrīti* (или *’ibrihidti*) ‘моя племянница’, *’ibrihits* ‘его племянница’ и т. д.

Помимо этих слов используется описательный способ выражения данных понятий. Он нужен тогда, когда необходимо различать линию родства племянника:

mugsam di’hi ‘сын моего брата’

firhim de’heti ‘дочь моей сестры’²⁵.

Описательный способ употребляется в сокотрийском и для обозначения двоюродных братьев и сестер:

mugsam diho di dedo ‘двоюродный брат (сын моего дяди по отцу)’ *firhim diho di halele* ‘двоюродная сестра (дочь моего дяди по матери)’ и т. д.

Помимо терминов *mugsam* и *firhim* в этих конструкциях встречается слово *bar*:

bar dedo ‘сын дяди по отцу’.

Видимо, от *bar dedo* образовано собирательное *bar-did* (произносится как одно слово) ‘двоюродные братья и/или сестры’. Для пояснения может употребляться с *mugsam/firhim*. Например, *ilha ferham bar-did* ‘эти двоюродные сестры’. Это один из немногих образцов

²³ При обращении со звательной частицей *ya*; *ya ’ibrihi!*

²⁴ Leslau, op. cit.: 95. Этот перевод вряд ли адекватен.

²⁵ Леслау (op. cit.: 95) почему-то приводит *ber dido* ‘племянница’. Не исключено, что оговорился информант.

архаичного *status constructus* в сокотрийском.

Слово *bar* часто встречается в притяжательных конструкциях: *bar diho dedo* (или *bar diho di dedo*) ‘сын моего дяди по отцу’.

В текстах Мюллера эта конструкция имеет другой вид:

diho ber dedo ‘сын моего дяди по отцу’

di'e ber dedo ‘дочь моего дяди’ (Leslau, *op. cit.*: 123).

Опрос информантов из прибрежных районов показал, что там этот порядок неупотребим. Обращаются к двоюродному брату/сестре как к родным, различая старших и младших. Старшего двоюродного брата/сестру (как по отцу, так и по матери) называют *ninhi'enna*. К младшему обращаются по имени, лишь совсем маленьких можно называть *qāqa* при обращении.

Теми же словами, что и дядей/теток по отцу, называют отчима и мачеху наряду с описательным способом. Так, ‘*āže di bēbe* жена отца’ называется *helo*, ‘*agg di biyuo* муж матери’ *dedo*. Сводные братья/ сестры обращаются друг к другу так же, как родные, но при необходимости различения добавляют название общего родителя с предлогом *min*:

diho qāqa min bebe ‘мой брат/сестра по отцу’

diho qāqa min biyuo ‘мой брат/сестра по матери’.

Если оба родителя умирают, то детей обычно забирает отец матери, который в первую очередь обязан позаботиться о них, а в дальнейшем нести ответственность после их вступления в брак. Если он не может воспитывать внуков – их должен взять старший брат матери, или другой брат, или сестра. Про такого приемного сына говорят, например: *mugsam tharmin 'e'idti* ‘сын, который остался от моей сестры’.

Если сокотриец скажет, что у него умерла сестра, его спросят: *'ini meke min 'emboriyo SA* кто остался из детей?’

Для обозначения родственников по браку используются следующие термины:

'agg (‘*ag*), дв. ч. *'aggi*, мн.ч. *'iyug* (‘*eyug*, *'iyug*) ‘муж, человек, мужчина’. У Леслау *'aig* (‘*ag*), дв.ч. *'aigi*, мн. ч. *'eyug* (‘*iyog*), *'eyog* (Leslau, *op. cit.*: 307). Этому слову соответствует в махри *gaug*, в шхаури *gaug*. Оно, видимо, связано с глаголом *'ayeg* ‘родить’²⁶;

'āže дв. ч. *'āžeti*, мн.ч. *'egheten* (‘*ighetin*) жена, женщина’. Это слово одного корня с *'agg*.

Родителей мужа / жены, по данным информантов из прибрежных районов, называют *dedo* и *helo*, но можно обратиться к ним и описательно, например: *bebe diho di 'āže* ‘отец моей жены’. Теща может называть зятя не только по имени, но и *ya 'ibrihi* ‘племянник!’ (правда, зять действительно часто бывает племянником).

Существуют и специальные термины для обозначения родственников по мужу/жене, восходящие к общесемитскому:

ham (*hem-*), мн. ч. *hom-* ‘тесть, свекор, зять, шурина, свояк’ и т. п. Этому слову соответствует в махри *haum*, в шхаури *hiyen* и *hem*, в евр. *ham*, в араб. *ham*, в геэз *ham*, в аккадском *em*, в южноаравийском *hm*;

hamit ‘теща, свекровь, невестка, свояченица’ и т. п. (Приводится по: Leslau, *op. cit.*: 178).

Эти слова для обозначения принадлежности присоединяют местоименные суффиксы:

hems ‘его зять’ и т. д. *hamke* (*homke*) ‘ваши зятья’ и т. д. *hamits* ‘его невестка’ и т. д. *hamets* ‘ее невестка’ и т. д. (*Ibid*)

Эти слова связаны с глаголом *hami* ‘выдавать замуж’ (см.: Leslau, *op. cit.*: 180). Отсюда каузатив-рефлексив *shame* ‘посвататься’. Например: *min o'o shama'k?* ‘Где ты посватался?’

shama'k ken muhammad ben selim ‘Я посватался у Мухаммада бен Селима’.

²⁶ См. этимологическое объяснение в Leslau, *op. cit.*: 306–307.

Отсюда же происходит то́мно ‘сваты’ (собирает.), ‘люди рода жениха’. В имеющихся у нас текстах встречаются hamiti ‘сестра моей жены’ и другие аналогичные формы. Опрос информантов из прибрежных районов показал, что они вместо hem– употребляют sahr (заимствовано из арабского – sihr– ‘зять, шурина, деверь, свояк’). В одном из текстов встречается hamiti в значении ‘муж сестры жены’, однако это могло быть и оговоркой.

Кроме того, нами зафиксировано еще одно слово, не встречающееся у Мюллера – Леслау. Это hameteno ‘жена брата мужа, жена брата жены’. Обращаются ко всем деверям, шуринам и зятям по имени. Существуют специальные названия нового супруга для прежнего. Прежний муж называет нового мужа своей бывшей жены sorik, прежняя жена новую жену – sorika. Это слово заимствовано из арабского, в котором его основное значение – ‘соучастник, партнер’.

Есть специальный термин для обозначения не только женщины, принимающей роды, т. е. повитухи, – sa‘bhor, но и того, кто первым после рождения ребенка подает ему воды или молока, – м. henakhen, ж. hankhon (этимология этого слова связывает его с названием одного из молочных продуктов: когда пахту оставляют до утра, в ней выпадает осадок, более густая фракция, которая называется haneki, поднявшаяся вверх жидкость, сыворотка, называется giho d-helob ‘вода от пахты’).

Это, возможно, реминисценция понятий, существовавших в эпоху христианства с его отношениями крестник/крёстная. Эти люди на всю жизнь сохраняют свойственные отношения с ребенком, которому помогли появиться на свет или «крестили». Сохраняют отношения и молочные братья и сестры: ‘a‘ha min todi и ‘e‘het min todi (букв, ‘брат/сестра по груди’). Они говорят о себе: edokki tahidhi («Мы вскармливались вместе»).

Несколько терминов относятся к бездетности:

makteta‘ – ‘бездетный’, maktet‘o– ‘бездетная’, мн.ч. maktete‘henen– в значении ‘вымершие’, о семье, племени, от которых или не осталось никого, или осталось 1–2 человека;

sifher – ‘бездетный’, мн.ч. safyer, sifhere – ‘бездетная’, мн.ч. siferheten.

Приведем еще несколько собранных В. В. Наумкиным специфических терминов:

farh или fowrah, дв.ч. farhi, мн.ч. froh ж. fawriho (fowriho bar gir-bak – котенок), мн.ч. fawrihheten – 1. ‘незаконнорождённый’, 2. (мн. ч.) ‘детеныш мелкого животного (мышонок, котенок)’.

Это слово употребляется как ругательство: ‘ублюдок’ (объяснение информанта – bisi sih bebe ‘нет у него отца’), но: fereheho – ‘та, которой родители не дали имущества или средств’ – bisi mel min tse e’efu – ‘нет у нее имущества от ее родителей’.

Еще одно ругательство: e’hen ber sa‘riher ‘ты не мужчина’, букв, ‘ты – сын sahriher’. sahriher – 1) ‘финик без мякоти, который выбрасывают, бесполезный’, 2) ‘глиняная трубка’.

Другое ругательство: ‘ehen al berowek 1-tis’a ‘недоношенный’, букв, ‘ты не родился через 9 месяцев’ (ср. hteliyo ‘āže ‘женщина выкинула’).

Сокотрийские термины родства

В схеме в круглых скобках приведены варианты соответствующего термина, связанные с возрастом денотата, различиями между горскими и прибрежными говорами и т. п.; в квадратных скобках приводятся уточняющие описательные термины; в случае, если описательный термин является единственно возможным, он дается без скобок. Термины, обычно не употребляющиеся без местоименных суффиксов, даются с показателем 1-го л. ед. ч.

1	bēbe (bērhe, 'iif)	
2	biyyo (bēre, 'em)	'efo
3	mā'a [bēbe diho di bēbe]	
4	ḥabba [biyyo diho di bēbe]	
5	mā'a [bēbe diho di biyyo]	
6	ḥabba [biyyo diho di biyyo]	
7	dēdo	
8	ḥelo	
9	ḥalēle	

10	ḥelo	
11	ninhi↑, qāqa↓, 'a'ha	
12	'enna↑, qāqa↓, 'e'het	
13	ḥamitti	
14	ṣahri	
15	'enna↑, qāqa↓ [firhim diho di ḥelo]	bar-did
16	ninhi↑, qāqa↓ [mugšam diho di ḥelo]	
17	'enna↑, qāqa↓ [firhim diho di ḥalēle]	
18	ninhi↑, qāqa↓ [mugšam diho di ḥalēle]	
19	ninhi↑, qāqa↓ [mugšam diho di dēdo]	
20	'enna↑, qāqa↓ [firhim diho di dēdo]	
21	ninhi↑, qāqa↓ [mugšam diho di ḥelo]	
22	'enna↑, qāqa↓ [firhim diho di ḥelo]	
23	'āže	
24	mugšam ('awyeghen)	bar
25	firhim ('awgēno)	
26	ḥamit ('ibrīti)	
27	ḥam (ṣahr, 'ibrihi)	
28	'ibrīti [firhim diho di 'e'hēti]	
29	'ibrihi [mugšam diho di 'e'hēti]	
30	'ibrīti [firhim diho di 'e'hi]	
31	'ibrihi [mugšam diho di 'e'hi]	
32	mugšam diho di firhim	
33	firhim diho di firhim	
34	mugšam diho di mugšam	
35	firhim diho di mugšam	
36	ḥam (dēdo) [bēbe diho di 'āže]	
37	ḥamit (ḥelo) [biyyo diho di 'āže]	
38	ḥam (ṣahr)	
39	ḥamit	
40	ḥebēbo [biyyo diho di ḥabba]	

41	bēbe diho di ḥabba	
42	ḥebēbo [biyyo diho di mā'a]	
43	bēbe diho di mā'a	
44	ḥebēbo [biyyo diho di ḥabba]	
45	bēbe diho di ḥabba	
46	ḥebēbo [biyyo diho di mā'a]	
47	bēbe diho di mā'a	
48	ṣahr (ḥam)	
49	ḥametēno	

В основу типологического анализа сокотрийской системы терминов родства мы положили схему, учитывающую прежде всего противопоставление двух независимых пар признаков: прямой и коллатеральной линий родства, а также отцовской и материнской линий. Пересечение этих двух групп параметров позволяет выделить четыре основных типа.

А. Бифуркативно-сливающий (австралийский, ирокезский, турано-ганованский) тип, когда различаются отцовская и материнская линии родства, но смешиваются прямая и коллатеральная. При этом подходе системы родства омаха и кроу – это варианты бифуркативно-сливающего типа.

Б. Генерационный (гавайский, малайский) тип. Здесь нет противопоставлений ни отцовской и материнской, ни прямой и коллатеральной линий родства.

В. Бифуркативно-коллатеральный (арабский) тип. Здесь есть противопоставления и по отцовской/материнской, и по прямой/коллатеральной линиям.

Г. Линейный (описательный, английский). В данном случае представлена оппозиция прямой и коллатеральной линий родства, но нет противопоставления отцовской и материнской.

При данном типологическом подходе особенно важны термины, относящиеся к первому восходящему поколению.

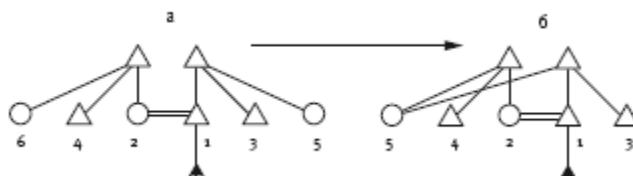
В сокотрийском языке в первом восходящем поколении для лиц мужского пола имеется три термина: отец (bēbe), дядя по отцу (c!ēc!o), дядя по матери (halele). В то же время для лиц женского пола существуют лишь два термина: мать (Byo) и тетка (helo), т. е. здесь отцовская и материнская линии не различаются. Таким образом, сокотрийская система терминов родства для первого восходящего поколения оказывается смешанного арабско-английского типа (III–IV), т. е. аналогична, например, современной польской системе.

Однако внутренняя реконструкция, а также указанное выше единичное употребление в текстах, записанных Д. Мюллером, слова dedo 'тетка по отцу' позволяют с уверенностью предположить следующую исходную систему обозначений сиблингов родителей²⁷:

Родство	м. р.	ж. р.
линия отца	ded-	dēdo
линия матери	ḥel-	ḥelo

²⁷ См.: Наумкин, Порхомовский, 1981: 89 и далее.

Следовательно, сокотрийская система терминов родства для первого восходящего поколения развивается от III («арабского») к IV («английскому») типу:

а) Реконструированная система

1. bebe 3. ded– 5. dedo

2. biyo 4. hei– 6. helo

б) Современная система

1. bebe 3. dedo 5. dedo

2. biyo 4. halele

При этом характерное отличие современной сокотрийской системы от сходной с ней польской состоит в том, что в польском языке с утратой общеславянского терминологического противопоставления между сестрой матери и сестрой отца были утрачены и соответствующие термины, замененные новым, нейтральным (сохранились их корреляты мужского рода для обозначения братьев отца матери). В сокотрийском языке в аналогичном случае был обобщен термин, обозначающий сестру матери.

Изменения в сокотрийских терминах для обозначения сиблингов родителей мужского пола, видимо, объясняются тенденцией к удлинению односложных слов *ded–* и *hei–*, не употреблявшихся без притяжательных суффиксов. В первом случае для этой цели была использована форма женского рода *dedo*, оказавшаяся «свободной» после утраты противопоставления *dedo – helo* и обобщения термина *helo* в значении ‘сестра отца/матери’. Форма *hei*, еще встречающаяся в текстах австрийской экспедиции, оказалась подверженной редупликации второго корневого согласного, что в результате дало форму *halele*.

В связи с терминами родства для первого восходящего поколения отметим также, что собирательное обозначение для детей сиблингов родителей – *bar-did* – является производным от термина, обозначающего «дядя по отцу». Таким образом, в утраченной оппозиции «сестра по матери» – «сестра по отцу» «победителем» оказался термин по материнской линии, а в сохранившейся оппозиции «брат по матери» – «брат по отцу» «более сильным», видимо, стал термин по отцовской линии, что проявляется в обозначении детей сиблингов родителей, а также отца мужа/жены (см. об этом ниже). Для сравнения можно упомянуть латинскую систему, где в обоих случаях «победителем» оказался термин по материнской линии.

В первом нисходящем поколении различаются прямая и коллатеральная линии: *bar* (и другие термины) для обозначения прямых потомков, *'ibri–* (ж.р. *'ibrit–*) – для детей сиблингов. Производность слова, обозначающего племянников, от корня со значением «сын», может быть, указывает на первоначальное неразличение прямой и коллатеральной линий в этом поколении²⁸. Как и в случае нулевого поколения, здесь есть уточняющие описательные термины, различно обозначающие детей брата и сестры.

Для типологической характеристики сокотрийской системы терминов родства

²⁸ Ср. замечание М. В. Крюкова о том, что при превращении «ирокезской терминологии» в «арабскую» наиболее консервативными оказываются термины первого нисходящего поколения (Крюков, 1972: 280).

существенно и смешение отношений кровного родства и свойства (связи по браку): родители мужа/жены могут обозначаться как сиблинги родителей – *dedo* ‘тесть, свекор’, *helo* ‘теща, свекровь’. Так же обозначаются и муж матери и жена отца, в том числе отчим и мачеха. (Попутно отметим, что в этих случаях употребляется слово *dedo* ‘брат отца’, но не *halele* ‘брат матери’.) Одинаковое название родственников по крови и по браку характерно для систем бифуркативно-сливающего типа, в то время как бифуркативно-коллатеральные системы строго разграничивают тех и других. Для современной сокотрийской системы вопрос о том, имеет ли в ней место пережиток «арабской» системы (под влиянием *р аспр о стр аненно го* на Сокотре кузенного брака), остается открытым. В пользу второго решения свидетельствует наличие в сокотрийском языке специальных терминов для наименования родственников по браку: *ham* ‘тесть, свекор, шурин, деверь’ и другие, ж.р. *hamit*, которые восходят к общесемитскому. Возможно, эту черту сокотрийской системы терминов родства, так же как и смешение прямой и коллатеральной линий в нулевом и, может быть, в первом восходящем поколениях, следует трактовать как некоторое вторичное развитие в сторону терминологии гавайского типа в условиях вынужденной эндогамии, естественной для изолированной островной популяции.

Также отметим, что во втором восходящем поколении сокотрийская система имеет неописательный (элементарный) термин лишь для женского пола – *hebebo*, для лиц же мужского пола этого поколения используется описательный термин. Это, возможно, указывает на некогда имевшее место главенствующее положение женщины в роде (если только не отражает большую среднюю продолжительность жизни или более ранний возраст вступления в брак для женщин по сравнению с мужчинами).

Сравнение сокотрийской системы родства с данными других современных южноаравийских языков подтверждает нашу реконструкцию. Например, в махрийском языке, как мы обнаружили, отмечается противопоставление отцовской и материнской линий для сиблингов родителей (т. е. в первом восходящем поколении).

Таким образом, можно сделать вывод, что современная сокотрийская система родства (в том, что касается первого восходящего поколения) занимает переходное положение от бифуркативно-коллатерального типа к линейному, в то время как в других южноаравийских языках сохраняется бифуркативно-коллатеральный тип. Предложенная нами реконструкция терминов родства в сокотрийском языке для первого восходящего поколения отражает этот процесс. Более архаичные ситуации в «континентальных» южноаравийских языках могут частично объясняться арабским влиянием. Арабская система терминов родства представляет классический вариант бифуркативно-коллатерального типа, который иногда даже называется «арабским».

Переход от бифуркативно-коллатерального типа к линейному отмечается во многих семито-хамитских (афразийских) языках. Причем промежуточным этапом оказывается ситуация, аналогичная сокотрийской, когда в терминах мужского рода сохраняется противопоставление отцовской и материнской линий родства, тогда как в женском роде эта оппозиция утрачивается.

На основании предварительного анализа базы данных по семито-хамитским терминам Д. Ибришимова и В.Я. Порхомовского можно высказать предположение, что подобная эволюция систем родства типична для семито-хамитских языков, и это позволяет выделить три основных варианта системы родства в рамках настоящего анализа. Первый вариант включает языки, в которых оппозиция отцовской и материнской линий родства в первом восходящем поколении представлена как в мужском, так и в женском роде, например, в семитских языках: адари (харари), тигринья, неоарамейском (в данном случае на примере одного из восточных неоарамейских диалектов Северной Сирии), а также на противоположном краю

семито-хамитского ареала в чадских языках: хауса, болева, нгизим, хиги, магри, килба и др.

Второй вариант включает языки, в которых представлена ситуация, аналогичная современной сокотрийской, а именно, сохранение оппозиции терминов родства по отцовской и материнской линиям в первом восходящем поколении для мужского рода и ее утрата женским родом, как, например, в чадских языках нгизим, каре-каре, нга-мо гуди. Наконец, к третьему варианту относятся языки, в которых вообще отсутствует противопоставление отцовской и материнской линий, как, например, в амхарском языке (эфioseмитская подгруппа семитских языков).

Эту эволюцию можно проследить даже на одном языке. Так, в кушитском языке оромо представлен как первый вариант (например, в диалекте шоа), так и второй (во многих других диалектах). Причем во всех этих случаях имеет место противопоставление прямой и коллатеральной линий родства.

Разумеется, типологическое исследование на основе данных только первого восходящего поколения и только по двум группам параметров ограничено и требует дальнейшей работы по всей системе терминов родства. Тем не менее, даже такой анализ позволяет не только выделить некоторые типологические характеристики отдельных языков и групп близкородственных языков, но и дать некоторое представление о ситуации в семито-хамитском ареале в целом²⁹.

Особая роль женщины

Итак, в 70–80-х годах XX века для сокотрийского общества были характерны активная социальная роль и большая степень свободы женщины. У этого явления, безусловно, есть глубокие исторические корни. В мои задачи здесь не входит рассмотрение сложных теоретических вопросов, связанных с проблемой так называемых «матрилинейных обществ» или их пережитков в современном мире, хотя сокотрийское общество того времени в духе эволюционизма было принято рассматривать именно в таком ключе. Для того чтобы понять остроту споров, ведущихся по этой проблеме, достаточно ознакомиться с некоторыми специальными исследованиями, в частности, интересной работой А. В. Коротаева. Для иллюстрации приведу лишь одну цитату из нее: «В целом выяснилось, что матрилинейные общества встречаются достаточно редко... Нельзя сказать, что здесь вообще не наблюдается никакой закономерности. Но закономерность эта прямо противоположна той, что постулировалась эволюционистами-классиками – для архаических обществ чем более общество развито, чем оно сложнее, тем более (а не менее) вероятно, что оно будет матрилинейным» (Коротаев, 2003: 22). Моя задача – обобщить и проанализировать материал, который удалось собрать и который ранее был в основном неизвестен науке.

Назову одно важное для понимания социальной природы сокотрийского общества и системы семейно-брачных отношений у сокотрийцев явление, пока еще не получившее удовлетворительного объяснения. Речь идет о широко распространенном в прошлом и не забытом по сей день обычае отдавать маленьких детей на выкармливание и воспитание до определенного возраста (чаще всего до 7–8 лет) в чужие семьи, причем всегда в бедуинские.

Этот обычай был упомянут некоторыми из путешественников, посетивших Сокотру. По

²⁹ Полевые исследования на Сокотре в области системы родства были продолжены На-умкиным и Порхомовским в 2001 г. в соответствии с научной программой университета г. Майнца (SFB 295 “Kulturelle und sprachliche Kontakte: Prozesse des Wandels in historischen Spannungsfeldern Nordostafrikas/Westasiens”. J. Gutenberg-Universität, Mainz), руководители программы – М. Кропп и В. Бизанг.

их замечаниям, сделанным иногда вскользь, и по сообщениям информантов, можно было предположить, что отдавали детей всегда только жители прибрежных районов (причем крупных населенных пунктов), давно ведущие оседлый образ жизни. Однако, по нашим наблюдениям, случалось, что одна бедуинская семья отдавала ребенка в другую бедуинскую семью (илл. 4), причем без каких-либо видимых причин. Не могли привести убедительные доводы в необходимости такого поведения и сами сокотрийцы, отдававшие на воспитание ребенка, в том числе и те, кто это делал. Приводимые ими объяснения явно придумывались с ходу.

Илл. 4. Ребенок в люльке

Передо мной встала задача попытаться по мере возможности выявить степень распространенности этого обычая, его географию, направления передачи детей и его подлинные мотивы. Проведенные опросы показали, что в то время этот обычай, видимо, практиковало не более 5–10 % семейств, но в прошлом – гораздо больше, о чем свидетельствовало сопоставление данных по различным возрастным группам. Число случаев передачи детей на кормление и воспитание в другие семьи обнаружило устойчивую тенденцию к снижению. Недостаточно репрезентативный охват населения опросами не позволял сделать вывод о географии этого обычая.

В то же время даже небольшая выборка давала возможность судить о том, что

семьи-реципиенты не связаны с родом отца, а в тех случаях, когда отец и мать ребенка принадлежали к разным племенам, они относились к племенам или родам, стоявшим ближе к матери. Это позволило сделать предположение, которое выглядело правдоподобным на фоне известных фактов, говоривших в пользу существования пережитков приоритета материнского рода. Не может ли рассматриваемый обычай интерпретироваться как реликт (естественно, в сильно трансформированной форме) авункулокальности брака, когда дети жены, поселившейся в доме мужа, переходили в ее семью? В конечном счете в такой интерпретации это явление вписывается в общую картину сокотрийских брачно-семейных отношений с сохранившимся влиянием материнско-родового права и относительной самостоятельностью женщины.

Это соответствовало аравийской традиции вообще, исследованной в одной из работ бельгийского сабеиста Ж. Рикманса: «Помимо общего наблюдения, что некоторые названия подразделений племен повторяют названия органов женского тела, например: *batn* [чрево] или *rahim* [детородный орган], имеется много других черт, которые обычно принято связывать с системой матрилинейного родства или ее рудиментами. Среди главных черт: использование матронимов вместо патронимов; роль дяди со стороны матери; взаимно свободный выбор партнера в браке; большая социальная и сексуальная свобода женщины в браке; локация пары молодоженов с семьей жены (матрилокально или уксорилокально) и, наконец, полиандрия» (Rusk-mans, 1983: 3).

Нетрудно заметить, что некоторые из названных выше черт в той или иной мере обнаруживались в уже сильно изменившейся к настоящему времени традиционной сокотрийской системе семейно-брачных отношений.

Например, хотя ни один из сокотрийских родов непосредственно не возводил себя к женщине-прародительнице, однако в племенных преданиях мы обнаруживаем немало следов матрилинейного родства. Явной реминисценцией такого родства представляется, например, легенда о франкской женщине, давшей якобы начало племени кешн (см. главу девятую).

О рудиментарной роли дяди по матери говорят некоторые названные в главе факты, например то, что брак с дочерью брата матери по частоте следует за браком с дочерью брата отца.

Из названных черт особенно заметной была характерная для сокотрийского общества в недавнем прошлом социальная и сексуальная свобода женщины. Конечно, нельзя утверждать, что выбор партнера в браке был взаимно свободным, так как по внешним признакам правом выбора вроде бы обладал лишь жених, но на практике девушка почти никогда не выходила замуж против своей воли, а иногда и сама выбирала себе жениха.

Что касается совместного проживания супругов с семьей жены, то, как уже говорилось, оно наблюдалось крайне редко. Полиандрии не было, но было узаконенное адатом право женщины многократно вступать в брак (при этом она не теряла хорошей репутации).

По данным некоторых информантов, сокотрийская женщина в те времена будто бы не только могла позволить себе вступить во внебрачную связь с мужчинами, но зачастую даже выступить инициатором подобной связи.

Показательно, что Ж. Рикмане, рассматривая случаи передачи имущества по наследству от женщины к женщине в доисламской Аравии, отмечает, что именно с этим связан обычай *tarh*, или *gīfd*, распространенный в Йемене, а также соответствующий обычай сокотрийцев (со ссылкой на работу: Наумкин, Порхомовский, 1981). Он пишет, что это «вид ссуды, которая дается родителями невесты, с тем чтобы она была возвращена во время свадьбы дочери той, кто ссужает деньги» (Ruskmans, 1983: 11–12). Можно добавить, что в том же русле допустимо толкование раздельной собственности мужа и жены в сокотрийской семье, а также раздельной передачи собственности в наследство детям.

Свобода женщины в какой-то мере проявляется и в семейном разделении труда, где за сокотрийкой, во всяком случае, в некоторых районах, закреплены «чисто мужские» виды деятельности. Для сравнения заметим, что эта черта еще более ярко выражена у махрийцев, где мужчина иногда ходит за водой, за хворостом и даже стирает белье и готовит обед. Поэтому некоторые махрийцы предпочитают жениться на сокотрийках, которые родственны им, но не так независимы, как махрийки.

В заключение подчеркну, что брачные отношения сокотрийцев говорят об устойчивой патриархальности этого общества, ведущей роли мужчины и отцовского рода. Однако в системе этих отношений в реликтовой форме прощупываются следы такой восходящей к древности социальной организации, в которой женщина и материнский род играли роль более важную, чем на последующих этапах истории сокотрийского общества.

Глава восьмая СОКОТРИЙСКАЯ СЕМЬЯ

Выявить особенности семейной организации сокотрийцев, основные типы семьи и направление их эволюции представляло собой трудную задачу – автор был ограничен рамками собранного в середине 80-х годов материала. Рассматривая вопросы типологической характеристики сокотрийской семьи, я в целом исходил из концепций, разработанных российскими учеными. Ввиду конкретной цели данного исследования оно не касается проблем типологии семьи, многие из которых пока еще не нашли окончательного, всеми принятого решения.

Простая семья

Простая, или малая, семья – тип, менее распространенный на Сокотре, чем семья сложная. По данным обследования, из 237 семей лишь 101, или 42,6 %, относились к простому типу, а в прошлом, судя по рассказам сокотрийцев, их было еще меньше.

В простой сокотрийской семье выделяются два подтипа: 1) малая моногамная и 2) малая полигамная. Первый подтип, на наш взгляд, целесообразно разбить на следующие варианты (исходя из трех признаков – наличия детей, происхождения детей и полноты семьи): а) супруги без детей; б) супруги с общими детьми; в) супруги с общими детьми и с детьми мужа от другого брака; г) супруги с общими детьми и детьми жены от другого брака; д) супруги с общими детьми и детьми мужа и жены от других браков; е) отец с детьми; ж) мать с детьми.

Простая семья могла образоваться при отделении женившегося сына (или женитьбе уже отделившегося, хотя даже молодые люди, перебравшиеся, например, из внутренних, бедуинских районов в Хадибо, чаще всего, несмотря на раздельное проживание, оставались членами большой семьи). Отделялись они очень редко, о чем уже можно было судить по данным о локальности брака: в них случаи перемены места проживания не преобладали. Простая семья возникает и при повторном браке мужчины, оставившего прежнюю семью, или вдовца. Были отмечены и случаи образования простой семьи в результате женитьбы на сокотрийке выходца с континента, поселившегося на Сокотре постоянно или временно (некоторые лица, по давней традиции, рассматривали такой брак как временный и перед отъездом с острова разводились; например, среди рассмотренных в работе случаев – брак сокотрийки с аденцем, продолжавшийся всего три месяца).

Среди моих информантов было довольно много людей, ушедших от традиционного

образа жизни, традиционного хозяйства, оторвавшихся от сложной семьи, поэтому можно было бы ожидать, что процент простых семей окажется выше среднего показателя.

Однако в действительности простых семей даже меньше того числа, которое можно вывести из данных опроса. Рассмотрим различные варианты простых семей на Сокотре, согласно опросам 1983–1986 гг.

Браки без детей (вариант *а*) встречались редко – всего 7,6 % общего числа семей и 17,8 % всех зафиксированных простых семей. Поскольку на острове не было контроля за рождаемостью, супружество молодых людей без детей не могло долго продолжаться, однако из-за все еще высокой детской смертности некоторые молодые пары оставались бездетными в течение нескольких лет. До 1970-х годов детская смертность была ужасающе высокой и нами в расчет не принимается, но и по данным 1970–1980 гг., случалось, когда в семье один за другим умирали пять-шесть детей. Приведем примеры.

Хамис Убейд Али, 55 лет, рыбак из селения Сук на северном побережье, из мувалладов, жил вдвоем с женой – все их пятеро детей умерли в младенческом возрасте от болезней.

Саид Салем Али, 32 лет, шофер из селения Хальми (Южная прибрежная равнина). Был женат на родственнице, у них родилось двое детей, которые умерли в младенческом возрасте от болезней. Жена жила в Хальми, он работал в Хадибо и лишь изредка навещал ее.

Встречались и молодые бездетные семьи.

Мусаллям Сидун Пух, 25 лет, скотовод из селения Кабхетен (западная часть северного побережья), был женат, детей нет.

С другой стороны, некоторые сокотрийские женщины, несмотря на раннее старение, довольно долго сохраняют способность к деторождению, и поэтому в повторных браках дети рождались и у женщин, находившихся уже на пределе фертильного возраста.

Супруги со своими детьми – наиболее частый вариант моногамного подтипа простой семьи (47,5 %; от общего числа семей – 20,3 %). Такая семья появляется либо в результате развития первого варианта (*а*), либо вследствие распада сложной семьи.

Рассмотрев примеры этого варианта, обратим внимание на причины, приведшие к отпочкованию молодой четы.

Абдалла Салем Али, 37 лет, рыбак и скотовод из селения Хальми (Южная прибрежная равнина). У него четыре брата, в том числе два единокровных (до заключения брака с его матерью отец был женат, потом развелся). Абдалла женат, у него трое детей (еще трое умерли). После смерти отца он отделился, получив свою долю наследства (несколько пальм, трех верблюдов, коз и овец), купил себе лодку и сам рыбачил.

Али Мубарак Хами, 50 лет, рыбак и пальмовод из Сука (Северное побережье). Шестеро детей: четыре сына и две дочери. Дочери вышли замуж и ушли жить к мужьям. Сыновья женились и отделились, построив себе дома из камня; таким образом образовались четыре моногамные семьи с отдельным проживанием.

У этой семьи было мало имущества – лишь несколько пальм и несколько коз, т. е. не было стимула для сохранения единства.

Саид Сулейман Абдалла, 32 лет, рабочий-строитель в Западном районе, из племени замед. Он разделился с братом, так как в родных местах у них почти ничего не было (он и при опросе владел лишь пятью козами), стал жить отдельно. Имел троих сыновей и трех дочерей добрачного возраста. Выезжал на три года на заработки в ОАЭ. На паях с другими рабочими владел грузовиком для перевозки камней. Дом построил себе сам.

В этом примере к распаду единой семьи привели бедность хозяйства, отсутствие собственности. Выезд информанта на заработки в ОАЭ привел к его отрыву от традиционного уклада жизни. В то же время показательно, что семейно-родовые традиции взаимопомощи и

сотрудничества перенесены здесь на другой коллектив, который ведет себя как коллектив родственников, не будучи таковым. Грузовик был куплен эмигрантами, соседями Саида, долгое время работавшими в странах Залива, и передан во владение Саиду и его друзьям с условием, что часть заработанных на нем средств они будут отдавать живущим на Сокотре родственникам этих эмигрантов.

Простая семья, которая появляется в результате отделения молодой пары от родителей и разрастается затем благодаря рождению детей, дает начало образованию сложной семьи. Она, в свою очередь, после смерти главы, патриарха, может превратиться в братскую семью, из которой в следующем поколении выделятся сыновья, вступающие в брак и вновь создающие малые моногамные семьи (илл. 1,2). Таким образом, и первый и второй варианты (а и б) этого подтипа (которые могут быть и двумя этапами его развития) входили в единый жизненный цикл сокотрийской семьи.

Илл. 1. Ныне покойный друг и помощник автора шейх Амер Ахмед Да'р'хи (фото 1974 г.)

Илл. 2. Шейх Амер с соплеменниками (фото 1974 г.)

Чета с общими детьми и детьми мужа от первого брака образует вариант *в*, который из-за широко распространенных разводов и повторных браков встречался, хотя и гораздо реже, чем другая разновидность – вариант *г* – брачная чета с общими детьми и детьми жены от прежнего брака. Дело в том, что после развода – главной предпосылки образования этих вариантов малого моногамного подтипа – дети чаще оставались с матерью. Другая предпосылка – смерть одного из супругов – давала меньшее число подобных семей, но именно в случае смерти жены и появлялся такой вариант, как супружеская пара с детьми мужа от другого брака. Во время нашей поездки в Ноугед в одном из селений после родов умерла молодая женщина – мать пятерых детей. Родственники пояснили нам, что дети останутся с отцом, который постарается поскорее привести в дом новую жену.

Я различаю два варианта, поскольку эти две разные ситуации неодинаково сказываются на дальнейшей судьбе семьи. Дети от прежнего брака отца, живущие в его новой семье, пользуются теми же правами, что и его дети от нового брака, т. е. получают равные с ними доли наследства, что способствует их объединению, и в данном случае, скорее всего, возобладает тенденция к сохранению единства хозяйства и единства семьи (хотя единокровные братья, естественно, и не так близки друг другу, как родные).

Что же касается детей жены от прежнего брака, то они не могут претендовать на наследство отчима и тяготеют к родному отцу, часть собственности которого после его смерти обязательно перейдет к ним. Поэтому их отделение от общего очага в будущем фактически предопределено: братская семья лишь в редких случаях образуется из единокровных братьев, хотя их родственная близость велика. Рассматриваемые два варианта составляли соответственно 6,0 и 5,8 % всех простых семей.

В семье с общими детьми супругов и их детьми от других браков (*д*), составляющей

5,8 % всех простых семей, заложены обе тенденции: и к развитию ее в сложную, и к образованию на ее базе новых простых семей.

В таких семьях тенденцию к отделению проявляют дети отца и матери от прежних браков. Если же в семье есть несколько братьев, рожденных от последней жены отца (с которой он жил перед смертью), то они, бывает, не делятся, а образуют братскую семью даже в случае отделения единокровных (и, естественно, единоутробных) братьев. Приведем пример.

Яхья Салем Али, 20 лет, рыбак и скотовод из селения Хальми (Южная прибрежная равнина), имел пятерых братьев: троих единокровных (от первого брака отца, до его женитьбы на матери), одного единоутробного (от первого брака матери) и одного родного.

Илл. 3. Бедуинка из племени дарьхо (фото 1974 г.)

Ранее Яхья был женат на двоюродной тете (дочери дяди матери) из Восточного района, развелся, жена забрала принадлежавшее ей имущество и вернулась к себе. В семье после смерти родителей Яхья и его родной брат остались в отчем доме, единоутробный брат получил долю наследства от своего отца и отделился, трое единокровных забрали каждый свою долю и также отделились. Яхья с братом совместно владел лодкой, 25 головами овец (их было больше, но многие погибли от бескормицы) и пальмами.

Возвращение овдовевшей или разведенной дочери с детьми или без детей в отцовскую семью было явлением довольно типичным. Иногда овдовевшая или разведенная сестра возвращалась в братскую семью (особенно в том случае, если жива была мать).

Разведенной сестре в семье приходилось много работать. Во время посещения селения Залекено в Западном районе я побывал в пещере скотовода Ахмеда Гамута Агмхи (из племени агмхо), 56 лет. Первая жена Ахмеда умерла, оставив сына и пятерых дочерей. Ахмед снова женился, у него маленький сын. Старший сын был на военной службе, четыре дочери жили у мужей, пятая разошлась и вернулась домой с маленьким ребенком. Она вместе с другими женщинами семьи ткала одеяла из шерсти (во владении семьи было 70 коз и 10 овец) и, кроме того, работала портнихой на собственной швейной машинке – брала заказы на пошив платьев.

Доля двух последних вариантов, представляющих собой неполные семьи, т. е. отец с детьми или мать с детьми (*ей* ж), в общем числе простых семей составляет соответственно 2,0 и 5,8 %. Этот небольшой процент объяснялся легкостью вступления в брак, существовавшей на острове в то время, и хозяйственной необходимостью расширения неполной семьи до полной.

Второй подтип простой семьи – малая полигамная (илл. 3). В главе седьмой уже говорилось о том, что полигамных семей на Сокотре насчитывалось немного, а в колониальном прошлом их было несколько больше. Нами было обследовано лишь десять таких семей (т. е. 10 % от всех простых). Пять из них включали мужа и двух жен с детьми, четыре – мужа и трех жен с детьми; одна – состояла из мужа и четырех жен с детьми. В этих семьях в целом больше, чем в моногамной семье, давали о себе знать центробежные тенденции, что объяснялось не столько спецификой взаимоотношений между братьями от разных жен, сколько чрезмерной величиной семьи.

Ахмед Иса Амер, скотовод из Восточного района, имел трех жен, одну дочь от первой и трех сыновей от третьей жены. В хозяйстве – четыре коровы, много коз, овец, пальм, три осла. Он, как и его братья, отделился от отцовской семьи по достижении зрелости.

Взрослые сыновья (как женатые, так и холостые) в такой полигамной семье отделялись чаще, чем в средней простой.

Рассмотрим обстоятельства, сопутствующие процессу отделения сыновей и образования простой семьи.

Раздел семьи становится целесообразным в трех случаях, обусловленных экономической необходимостью: 1) собственность семьи уменьшается и не может обеспечить потребности всех ее членов; 2) семья разрастается настолько, что ее собственности уже недостаточно; 3) величина семьи уже превышает оптимально необходимый для ведения хозяйства размер.

В первом случае раздел происходит во время засухи, бескормицы, эпизоотии и т. п. Семья уже не в состоянии прокормить себя, и часть ее членов вынуждены покинуть хозяйство и искать работу на стороне, наниматься куда-либо или уезжать с острова на заработки. Это не обязательно приводит к окончательному разделу семьи, но нарушает ее единство и провоцирует ее членение. В то же время именно в этих обстоятельствах и проявляется семейная солидарность: те, кто уехал, никогда не порывают с семьей связи, а в большинстве случаев уехавшие члены семьи (в зависимости от их семейного статуса) не стремятся к экономической самостоятельности.

Второй случай характерен для малоимущих семей. Когда семья без достатка увеличивается (женитьба сыновей, рождение детей, возвращение под родительский кров разведенных женщин с детьми или без таковых, переход на жительство престарелых родственников или малолетних детей родственников, нуждающихся в опеке), она также не может удовлетворить потребности всех ее членов за счет хозяйства. Выход из этого положения – тот же, что и в первой ситуации.

Третий случай предопределен естественными пределами роста самого хозяйства и числа работающих в нем, а также размерами традиционного сокотрийского жилища. По нашим наблюдениям, семьи с числом членов более 30 делились независимо от степени родства образующих их людей и размеров собственности. Даже богатая семья (владевшая, например, стадом в несколько десятков коров или в несколько сот голов мелкого рогатого скота и сотнями пальмовых деревьев), способная прокормить гораздо больше людей, чем она кормила, разделялась, потому что уже превышала оптимальные размеры, а это мешало вести единое хозяйство и управлять им.

Кроме того, существует и некий качественный предел разрастания семьи, – и тогда она сокращается за счет отделения своих членов наиболее дальней степени родства. Например,

двоюродные братья еще могут жить в одной семье, но их сыновья, достигнув совершеннолетия, забирают принадлежащую им часть собственности и отделяются, – в крайнем случае оставаясь в сложной семье до женитьбы. Однако в исключительных ситуациях семья может объединять и далеких родственников.

Тенденция к отделению сыновей была более всего характерна для рыбаков, особенно в тех районах, где хозяйство – не смешанного типа, а относительно «чистое» (семья не имела большого стада). В этом случае не было скотоводческого хозяйства, а значит и стимула к объединению родственников, рыболовство же таким стимулом стать не может: рыбу ловят обычно вдвоем на лодке *хури* и для этого достаточно отца с сыном.

Сложная семья

Сложная семья – преобладающий тип семейной организации сокотрийцев. Этот тип семьи составил 57,4 % общего числа обследованных (вместе с разделенной семьей).

Сложная семья на Сокотре была представлена на время проведения мной опросов двумя известными в литературе подтипами – однолинейным и многолинейным, а также выделяемым мной самостоятельным подтипом – разделенным.

Однолинейный подтип представляет собой совокупность прямых родственников в нескольких поколениях, но не более одной супружеской пары в каждом.

Многолинейный подтип – это семья, которая включает коллатеральных родственников с несколькими супружескими парами (см.: Бромлей, Кашуба, 1982: 83 и далее). В этом подтипе можно выделить несколько вариантов, включая семью из лиц одного поколения и нескольких поколений. В этом же подтипе необходимо особо рассмотреть разделенные семьи, в которых не все члены имеют общую резиденцию, но сохраняют общность потребления, а частично и общность производства. В связи с этим закономерен вопрос о тех критериях, которые определяют семью, точнее, позволяют объединять группу родственников или несколько простых семей либо группу семей и родственников в единую семью.

Среди этих критериев (применительно к условиям Сокотры) назовем следующие: 1) совместное проживание (но, как мы видели, это условие может и не соблюдаться); 2) общее производство (совместное владение средствами производства, строениями, скотом и т. д., совместная производственная деятельность, что также не является обязательным условием); 3) общее потребление (совместное пользование суммированными доходами семьи вплоть до совместного питания); 4) единство управления (в условиях сложной семьи, например, право главы семьи – отца, старшего брата и т. п. – распоряжаться бюджетом семьи, решать все вопросы, связанные с производством и статусом членов семьи); 5) отношения солидарности, взаимопомощи и взаимной поддержки членов семьи (илл. 42 на цв. вкладке).

Рассмотрим однолинейный подтип сложной семьи. К нему относилось 10,1 % опрошенных мною сокотрийских семей. Этот подтип, в свою очередь, представлен в двух вариантах: семья, включающая два поколения и включающая три поколения. В каждом из вариантов выделяются разновидности: а) старшая супружеская пара либо один отец плюс женатый сын; б) старшая супружеская пара либо один отец плюс женатый сын и неженатый сын (или сыновья). Кроме того, вместо сына может быть зять, поселившийся в семье жены, если у ее родителей нет сыновей.

Приведем несколько примеров, обращая внимание в частности на то, в силу каких обстоятельств образовался данный вариант семьи.

Саад Саид Малик, 55 лет, уроженец Диксама (в горах на границе Центрального и

Западного районов), племя бени малик, житель Кадуба (северное побережье), бывший скотовод, затем рыбак и ловец жемчуга, в момент опроса – курьер администрации округа Сокотра. В прошлом перебрался с гор на побережье из-за засухи, выезжал на заработки в Саудовскую Аравию, построил дом в Кадубе на северном побережье. Женился дважды на соплеменницах и разводился, детей не было. На момент опроса состоял в третьем браке, имел четверых детей, не достигших брачного возраста.

В данном случае бескормица, голод вытеснили бедуина на побережье, где он начал самостоятельную жизнь, создав (с третьей попытки) моногамную семью. В поселке Кадуб, где население занималось в основном рыболовством, а также различными работами в столице, недалеко от которой расположен этот поселок, дети стремились отделиться от родителей, братья обычно не создавали единой семьи, – это не диктовалось ни хозяйственной необходимостью, ни традициями, ни образом жизни в целом.

Салех Мухаммед Абу Бекр, 35 лет, из рода сейидов абу бекр, скотовод из селения Кедха (недалеко от Хадибо), женат на женщине из того же рода. У него три сына (холостых и не достигших брачного возраста) и четыре дочери, из которых одна замужем и живет в семье мужа. Отделился от родителей, когда женился, имеет десять коров, верблюда, много коз и овец, пальмы.

Хадид Абдалла Мухаммед, 40 лет, рыбак и скотовод из селения Стера (Южная прибрежная равнина), родители умерли. У него шесть братьев, в том числе трое родных и трое единокровных (от второго брака отца, женившегося после смерти матери). Все братья женаты, кроме одного, оставшегося в доме отца; они поделили наследство и живут своими домами, имеют детей. Хадид женат на дочери брата матери, у него два сына (трое его детей умерли). Владеет более 200 коз и овец, но много скота погибло от бескормицы во время засухи.

В приведенном примере семья распалась, несмотря на немалую собственность. В районе Южной прибрежной равнины выделение было распространено больше благодаря как преобладанию рыболовства, так и легкости строительства жилища из пальм.

Среди семей, состоявших лишь из двух супружеских пар разных поколений, больше всего таких, в которых сыновей несколько, но женат пока только один, старший.

Особняком стоят семьи, где муж поселяется у родителей жены. Такие примеры легко объяснимы, если у родителей нет сыновей, но бывают и другие случаи (о причинах матрилокальных браков говорилось ранее).

Абдалла Салем Феденхен, 45 лет, скотовод из селения Ка'ря (западная часть южного побережья). Его братья и сестры умерли, не оставив потомства. Женат, отец трех сыновей и трех дочерей, из которых одна замужем, живет с мужем в доме Абдаллы (муж – из селения Стера, расположенного недалеко от Каари). Причина матрилокальности брака неизвестна. Владелец стада мелкого рогатого скота.

По обычаю отец, патриархальный глава семьи, имел полное право решать, выделять ли сыну, пожелавшему жить отдельно, его долю имущества. Бывали случаи, когда сын с отцом не могли договориться, о чем свидетельствует следующий пример.

Салем Ахмед Мухаммед, 53 года, пальмовод из Хадибо, отец трех сыновей и пяти дочерей; все дети его в браке, кроме младшего сына и младшей дочери. Старший сын давно выделился, у него семеро детей; он сам купил пальмы, ничего не получив из семьи (получит долю только после смерти отца), работает в кооперативе. Средний сын с семьей и младший сын живут дома. В хозяйстве семьи около 400 пальм.

Многолинейный подтип сложной семьи встречается чаще всего: 30,8 % обследованных случаев. В нем можно указать на следующие основные варианты: а) супружеская пара или отец с женатыми сыновьями, без детей; б) супружеская пара или отец с женатыми сыновьями и их

детьми (оба варианта – отцовская семья); в) женатые братья с детьми или без детей (братская семья); г) семья более сложного состава (включает племянников, дядьев, иногда и более дальних родственников, в том числе и со стороны жен).

Первые два варианта (отцовская семья – 14,3 % всех обследованных) представляют собой этапы развития исходно простой семьи (они появились в результате того, что выделился женившийся сын либо женился уже выделившийся или живущий самостоятельно мужчина – разведенный, овдовевший и т. п.). Учитывая то, что сокотрийцы не ограничивали рождаемость, первый вариант следует считать лишь промежуточной фазой, но его в результате смерти детей зачастую сменяет второй (о высокой детской смертности уже говорилось в связи с простой семьей). Встречались семьи, в которых часть женатых сыновей выделилась, а часть осталась. Это всегда было обусловлено хозяйственными причинами и происходит тогда, когда собственности семьи недостаточно для обеспечения всех братьев. Единая семья распадается, с отцом остаются, как правило, один-два сына.

Информант Фараг Салем Убейд, 22 года, рыбак кооператива из селения Хала (Восточный район), рассказал нам, что имеет пятерых братьев и двух сестер. Все взрослые братья состоят в браке, выделились и живут своими домами, кроме старшего, единокровного брата (от первого брака отца; первая его жена умерла, и отец женился на матери Фарага) и его самого. Они с братом живут в доме отца. Фараг женат на дочери брата матери, от матери ему осталось небольшое стадо коз; кроме того, он владеет пальмами.

Таким образом, от семьи, главой которой стал старший брат, отделились все, кроме одного, причем не родного брата старшего. Здесь наличие хозяйства, объединяющего унаследованную собственность отца и матери, предопределило сохранение братской семьи в составе семей двух единокровных братьев.

Следовательно, экономическая устойчивость и хозяйственная необходимость в большей мере, чем степень родственной близости (как мы видели на примере объединения двух единокровных братьев), определяли судьбу развития той или иной семьи.

Иса Мухаммед Хияль, 48 лет, рыбак и скотовод из селения Бедхоля (Южная прибрежная равнина), жил вместе с тремя женатыми сыновьями и их детьми. Имел лодку.

Его брат Абдалла, тоже рыбак и скотовод, разделился с ним после смерти отца, жил также вместе с женатыми сыновьями и их детьми. Он более зажиточен, чем Иса, владел большой лодкой с мотором. Наследство отца Исы и Абдаллы было ничтожным, и братья разделились. Для сохранения единства семьи Абдаллы – стимул обладание большой лодкой, поэтому его сыновья вряд ли выделятся – скорее всего, после смерти отца они образуют братскую семью. Их же дети, видимо, уже выделятся из семьи.

Следующий пример: семья, где двое сыновей уже женаты, а остальные еще холосты. Учитывая тот факт, что некоторые братья неродные (есть и сводные), а также характер их хозяйства (основное занятие – рыболовство), можно предположить, что после смерти отца семья распадется.

Саид Ахмед Осман, 19 лет, государственный служащий, уроженец селения 'Арирхен на северном побережье, имел троих братьев и трех сестер, в том числе одного брата и двух единокровных сестер (от первого брака отца) и единокровных двух братьев и одну сестру (от первого брака матери; в браке с отцом, втором для обоих, был рожден один ребенок – Саид). Родители живы. Один из братьев женат. Замужем одна из сестер, она живет в доме у мужа. Саид также женат – на дочери брата отца. Жили и он, и другой женатый брат, и все остальные (не состоявшие в браке) братья и сестры вместе в доме отца-рыбака. В семье десять человек. Владели стадом коз и пальмовыми деревьями.

Братская семья, образующаяся после смерти отца в сложной семье, – весьма

распространенный вариант на Сокотре. Она составляла 10,5 % всех обследованных случаев, а с учетом числа разделенных семей, которые фактически были братскими, – 16,5 %. Характерная для большой отцовской семьи высокая степень единения, основанная на хозяйственной общности и традициях солидарности, взаимной помощи, поддержки, взаимовыручки, защиты и коллективизма, сохранялась и после смерти родителя. Функционируя как единый хозяйственный организм, когда это оправдано с точки зрения целесообразности совместного ведения хозяйства и возможности прокормиться за его счет (без такой возможности возникает вариант, описанный в следующей части главы), братская семья представляла собой одну из основных форм организации семьи на Сокотре в 80-е годы.

Ахмед Саид Мухаммед, 35 лет, скотовод из Хагьхера. Женат на дочери брата отца, имел двоих сыновей и двух дочерей. После смерти отца остался жить вместе с единственным братом и его семьей. Вели общее хозяйство.

Скорее всего, когда дети Ахмеда и его брата вырастут и вступят в брак, – дочери уйдут жить к мужьям, а сыновья отделятся после смерти отца, образовав либо братские семьи (т. е. оба сына Ахмеда могут не отделяться друг от друга, но наверняка отделятся от двоюродных братьев), либо малые моногамные (отделившись друг от друга).

Яхья Мурад Саид, 49 лет, скотовод из селения Шамльхен. После смерти отца остался жить в его доме вместе с младшим братом, до сих пор жили семьями вместе, вели совместное хозяйство. У брата двое сыновей, один – на заработках в Заливе без семьи (жены и ребенка), второй еще холост. Яхья был женат дважды, оба раза разводился, одна из его жен умерла. У него девять детей от двух браков: четыре сына и пять дочерей. Три дочери замужем, жили в доме мужей, две – незамужние, живут дома. Из сыновей один холост (служил в полиции в Хадибо), трое женаты (в общей сложности у них восемь детей). Все жили вместе в доме отца, все заняты в домашнем хозяйстве. У них более 1 тысячи пальм, верблюдов, осёл, много коз и овец. В семье всего 23 человека. Как поясняли они сами, если умрет один из братьев, то второй возьмет на себя функции главы семьи, и ее единство непременно сохранится, пока не вырастут внуки.

В некоторых районах, например, на южном побережье, где дома строили из пальм и камней, большие семьи живут в нескольких рядом стоящих хижинах, которые фактически представляют собой одно жилище, хотя внешне выглядят как отдельные дома.

Ахмед Абдалла Сулейман, 30 лет, рыбак из селения Рехен (Южная прибрежная равнина). Родители умерли. У него два родных брата, а также один брат и три сестры от второго брака матери, в который она вступила после смерти отца. Из всех лишь он сам и его родной брат были женаты. Все жили своими домами рядом друг с другом, но скот оставался общим. Фактически это братская семья.

Существуют примеры и более сложных вариантов рассматриваемого подвида семьи. Есть семьи, где большая семья включала отца, его взрослых женатых или неженатых сыновей и взрослых женатых или неженатых племянников.

Такая ситуация типична для братской семьи и предопределена причинами, описанными применительно к другим народам. Однако нельзя механически переносить всю сумму факторов, характерных для жизни одного народа, на другой. Поясним это на примере также проведенного в первой половине 80-х годов исследования семьи у одного из малых народов российского Севера – селькупов:

«Понятно, что в этих ситуациях племянники объективно могли быть сыновьями только более старшего, чем глава семьи, человека (сыновьями старшего брата, которого уже не было в живых). Значит, сыновья (даже старшего брата в семье) не получали наследства и должны были жить со своими дядьями, которые и являлись наследниками, точнее, продолжали владеть

собственностью, принадлежавшей ранее им совместно с покойным братом. В свое время поколение сыновей-племянников сменило поколение отцов-дядьев (в связи со смертью или физической немощью последних). Именно этим объясняются уже упоминавшиеся частные случаи совместного ведения хозяйства коллатеральными братьями» (Гемуев, 1984: 29).

Это объяснение лишь частично подходило к сокотрийской ситуации: наследственное право у сокотрийцев не предполагало перехода собственности к детям умершего под «управлением» брата. Здесь дело не в том, что сыновья умершего «должны быть со своими дядьями», а в хозяйственной целесообразности, которую определяет бедуйский обычай и которой всегда руководствуются члены сложной семьи.

В редких случаях узы совместного хозяйства могли связывать родителей мужа и родителей жены, даже принадлежащих к разным племенам. В следующем примере эта ситуация обусловлена тем, что отец и единственный брат информанта находились в эмиграции, а сам он, будучи служащим, не мог пасти отцовский скот, поэтому вынужден был передать его своему тестю.

Мухаммед Абдалла Хамудеш, 23 года, уроженец селения Гё (граница Восточного и Центрального районов), бухгалтер школы в Хадибо, сообщил, что его отец в прошлом был муэдзином мечети в Гё, затем уехал в ОАЭ, где и живет до сих пор. У Мухаммеда были брат и сестра. Брат женат и живет вместе с отцом в эмиграции. Сестра (добрачного возраста) живет с матерью и Мухаммедом. Он женат, имеет сына. Отцу в Гё принадлежало 120 пальм и 50 коз и овец. За пальмами ухаживал наемный рабочий, получая за это пятую часть урожая. Скот соединен со стадом его тестя, живущего в Рёкибе (Центральный район), но «собственность раздельная, так как скот приобретен отцом».

Разделенная семья

В 80-е годы сокотрийцы стали вести более «открытый» образ жизни. Росла внутренняя миграция населения на самом острове, преимущественно в направлении из внутренних районов – в Хадибо, Калансию и крупные поселки северного побережья. Все больше сокотрийцев стали служить в государственных учреждениях, армии, полиции, выезжать на учебу на континент. Значительная часть населения острова отправлялась на заработки в различные континентальные районы страны, а также в эмиграцию (в страны Персидского залива). Все более важную роль в бюджете сокотрийской семьи стали играть доходы от работы вне дома, чему способствовали развитие острова в целом, улучшение снабжения, появление новых возможностей заработать. В связи с этой новой ситуацией резко увеличилась доля разделенных семей (16,5 % всех обследованных), т. е. таких, где нет совместного проживания всех ее членов. Несмотря на то что эти семьи совместно не проживали, они сохраняли единое хозяйство, единый бюджет, совместно владели имуществом и т. д.

В приведенных ниже примерах использованы данные опросов информантов, принадлежавших к различным группам населения. В частности, учителя и служащие госпиталя в Хадибо, главным образом выходцы из внутренних районов, приобрели профессиональную подготовку в училищах Адена. Они получили постоянную работу, т. е. были стабильно отделены от больших семей, поэтому их сохраняющаяся интегрированность в структуру семьи и единый хозяйственный организм весьма показательна.

Семьи, разъединенные таким образом, включают все подтипы сложной семьи. Среди них есть как однолинейные, так и многолинейные семьи, состоящие из двух и трех поколений. В одних случаях это исходная пара с детьми, в том числе взрослыми сыновьями с женами и

детьми или без детей. В других исходными являются две брачные пары или более – братья с женами и детьми, в том числе и взрослыми сыновьями с женами и детьми или без детей.

Мухаммед Салем Мухаммед, 37 лет, инспектор школ в Хадибо, уроженец Хадибо, женат на дочери брата матери, имел троих детей. Его отец в прошлом был рабочим-поденщиком (строителем), на момент опроса работал в домашнем хозяйстве – ухаживал за пальмами, пас скот. У Мухаммеда два брата, оба женаты, у обоих по две дочери; все живут в доме с отцом и матерью, питаются вместе, ведут общее хозяйство; три сестры Мухаммеда живут в домах своих мужей. Всего в семье – 15 членов.

Еще один пример. Семья состоит из 14 человек. Мухаммед Саид Мухаммед, 58 лет, из племени бени малек, бывший скотовод, на момент опроса – рабочий-строитель в Хадибо; он сообщил, что женат на дочери брата матери, у них было десять детей, осталось в живых шестеро сыновей, из которых один служит в милиции, один – на военной службе, один работает в военном гарнизоне в Моури, трое живут в его доме (из всех женаты только первый и второй, у них всего четверо детей). Владеют стадом в 7 коров, 50 овец и коз, 10 пальмами. Все дети сами работают, все члены семьи живут одним домом, ведут совместное хозяйство; те, кто зарабатывает деньги на стороне, присылают их в семью.

Один из вариантов – семья, сам глава которой уехал на заработки в континентальной части страны или в эмиграцию. После смерти супруга на заработки отправилась жена. Весьма редкий случай.

Али Сани Али, 23 года, медбрат в Хадибо. Отец был фельдшером, умер. У Али три брата и три сестры (еще двое детей в семье умерли). Один брат учится в школе, женат, двое не женаты. Одна сестра замужем, живет в доме мужа, другая – была замужем, развелась, вернулась в дом родителей, третья еще маленькая. Али женат на дочери брата матери, детей нет. Работают двое: он и его разведенная сестра. Мать, отправившаяся на заработки, работает в Аджмане сторожем в школе, деньги регулярно высылает семье. У семьи есть участок земли, пальмы, полтора десятка коз, корова. Ухаживает за пальмами наемный рабочий, которому отдают пятую часть урожая, остальное остается семье.

Существовал и другой подтип семьи.

Гуман Суюфи Мухаммед, 20 лет, уроженец прибрежного селения Карья в Восточном районе, учитель в Хадибо. Матери нет. Его отец был рыбаком, умер, оставив наследство детям (восьми сыновьям и восьми дочерям). Сестры Гумана замужем, живут у мужей. Четыре его брата женаты: у одного из них двое детей, у второго – один, у двух других детей нет. Еще два брата уехали с острова на заработки. Все братья живут в доме отца, ведут общее хозяйство, владея большим числом пальм, сотней голов мелкого рогатого скота. Двое детей Гума-на умерли. Он начал строить собственный дом в Хадибо, но забирать свою долю из семейного имущества не намерен.

В данном случае мы видим братскую семью, производную от сложной многолинейной двухпоколенной семьи, образовавшейся после смерти исходной пары (родителей). Семья состоит из двух взрослых братьев с женами и детьми, двух братьев с женами без детей и одного холостого. Отдельно проживают трое холостых братьев (двое в эмиграции, один в Хадибо), фактически оставаясь членами этой семьи (всего 15 человек).

Хотя информант отдельно не пояснял, как строится бюджет семьи и ведется хозяйство, ясно, что в данном случае в этой сфере поддерживался принцип единства. Другие информанты в аналогичной ситуации делали на этот счет соответствующие пояснения.

По словам Маада Салема Хасана, 25 лет, уроженца Гё, из рода сейидов, учителя в Хадибо, он и его братья, хотя и разошлись по разным сторонам и жили отдельно, но фактически, если и не сохраняли единую семью, то оказывали друг другу взаимопомощь и поддержку. У него

четверо братьев, и все женаты. Один служил в полиции, один жил в селении как бедуин, пас доставшийся в наследство братьям от умершего отца скот, ухаживал за пальмами. Старший брат, полицейский, после смерти отца стал распорядителем общей собственности братьев. Двое братьев уехали на заработки в один из эмиратов Залива, но их семьи остались здесь. Мать во время опроса находилась в эмирате, куда поехала навестить сыновей. Продукцию животноводства и пальмоводства делили на всех поровну. Немалый доход раньше давало крупное стадо коров, но многие животные погибли в недавнюю засуху (осталось только пять). В сезон сбора урожая и переработки продуктов животноводства дети всех братьев (их соответственно шестеро, трое, пятеро и двое) работали в селении. Семьи братьев регулярно делали друг другу подарки, сообща несли расходы по свадьбам, празднествам в связи с рождением детей, обрядом обрезания и т. п.; в уплате калыма братья также помогали друг другу деньгами. Всего в семье было 26 человек.

Приведенный пример подтверждает, что род сейидов обычно отличается большей сплоченностью, чем все остальные, тенденция к сохранению единства побеждала даже тогда, когда налицо были все условия для распада братской семьи и образования на ее основе простых семей.

Разобщенность братьев, казалось бы, должна была усиливаться в тех случаях, когда помимо раздельного проживания их разъединяло и отсутствие общего производства. Однако образующееся на базе многолинейной или однолинейной семьи из нескольких поколений своеобразное разделение труда на практике сплачивает ее, так как каждая ячейка семьи получает от другой то, что ей недостает. Отношения обмена, которые складываются в такой семье на началах уравнительного распределения и потребления, становятся ее цементирующей основой.

Скотоводческое хозяйство в этих условиях служит важным стимулом сохранения единства семьи:

оно дает продукцию, без которой нельзя обойтись и которую нельзя приобрести на рынке, так как хозяйство на острове в основном – не товарное;

занятие скотоводством – это традиция, оно поддерживается высоким престижем скотоводческих племен;

оно выгодно, так как при малых затратах и небольшой величине хозяйства обеспечивает потребности многочисленной семьи;

владеть скотом необходимо всем, поскольку скот играет роль меновой стоимости при некоторых видах расчетов (выкуп за невесту, строительство дома, отделение взрослых сыновей, подарки и т. п.);

скотоводство обеспечивает занятость части, а то и всех членов семьи, способствуя устойчивости семьи от всех колебаний, которым подвержена связанная с политической и экономической конъюнктурой ситуация на острове (возможные перебои со снабжением Сокотры продовольствием и предметами первой необходимости, трудности в трудоустройстве, перспективы выезда на заработки и т. п.);

оно символизирует сохранение сокотрийцами родного очага, родительского дома, земли, пастбищ и т. п.;

скотоводство способствует консервации всего традиционного уклада жизни, предполагающего и сохранение традиционных типов семейной организации, родового строя. Мне были известны лишь очень редкие случаи распродажи семьей скота и ухода всех ее членов с традиционного места жительства.

Аналогичное значение имеет и разведение пальм, но лишь в комплексе со скотоводством, так как обычно оно для сокотрийцев – не основное занятие и может продолжаться в отсутствие

членов семьи. Во всяком случае, широкое распространение арендных отношений, использования в пальмоводстве наемного труда говорит о том, что оно само по себе не обеспечивает ни закрепления семей в местах традиционного обитания, ни сохранения их единства, тем более что обычно пальмы сокотрийцев, которыми они владеют, расположены на немалом расстоянии от дома.

Мной были зафиксированы различные сочетания занятий и профессий в разделенных братских семьях сокотрийских племен, но скотоводство всегда составляло неперемнную часть их хозяйства. Единство такой семьи сохраняется иногда очень долго – доля выделяется только внукам братьев.

Мубарак Саид Мубарак, уроженец селения Гё, из племени сайфхо, ранее был скотоводом, но после того как съездил к соплеменникам, живущим в Заливе, и скопил там денег, открыл в Хадибо лавку. У него было четыре сына и пять дочерей; все они не достигли брачного возраста и жили в родительском доме. Мубарак владел множеством пальм и большим стадом мелкого рогатого скота, это имущество принадлежало ему вместе с братом, который и ухаживал за пальмами, и пас скот. Брат тоже был женат, имел детей.

В приведенном примере налицо относительно новое для Сокотры того времени сочетание занятий: один брат – скотовод, другой – торговец.

Весьма своеобразную картину представляли собой сложные семьи, стержнем которых был глава семьи с несколькими женами и которые включали их детей, в том числе сыновей с невестками и внуками. Не менее пестрой была картина в семьях, где исходная пара представлена супругами, не впервые вступившими в брак. Показательно, что и единокровные, и единоутробные, и даже сводные братья не только хорошо уживались друг с другом, но и зачастую сохраняли братскую семью и после смерти родителей, хотя в целом именно в этих семьях тенденция к отделению детей проявлялась сильнее, и притом раньше, чем в других, обычных семьях.

У Салема Саада Ахмеда (выше он упоминался), мать которого после смерти мужа стала второй женой его двоюродного брата (племянника отца Салема), – две родные сестры, единоутробные брат и сестра (т. е. дети от брака его матери с племянником его отца), два сводных брата и четыре сводные сестры (дети первой жены отчима). Две ячейки большой семьи, занимавшей два рядом расположенных дома, совместно владели множеством пальм, 250 головами мелкого рогатого скота. Каждый знал свою долю в этом имуществе, но его не делили, скот пасли все вместе, содержали в общем загоне, использовали общее пастбище (т. е. раздельной собственности на пастбище тоже не было), хотя считали приплод раздельно, точно следя за ростом поголовья исходной доли каждого члена семьи. Отчим и единоутробный брат У лет обслуживали это общее хозяйство. Один сводный брат, женатый, работал в больнице, другой учился. Питание в двух домах раздельное, но у них один глава – отчим, который распоряжался всеми средствами, определял нужды всех семейств. Из родных сестер Салема одна была замужем за шофером, который жил с нею в ее доме (т. е. в доме ее покойного отца), муж приносил заработок в семью; вторая сестра, тоже замужняя, также жила в родном доме, пока супруг отбывал воинскую службу. Единоутробная сестра Салема вышла замуж за брата первой жены отчима и ушла жить к нему. Из четырех сводных сестер одна, замужняя, жила на континенте, в Адене, вторая, тоже замужняя, – в Хадибо, третья была разведена, работала в госпитале и жила в семье отца, четвертая еще не достигла брачного возраста. Семья состояла из 10 человек.

В этой семье обращало на себя внимание матрилокальное поселение в браке одной из сестер информанта и вообще тяга сестер к дому. Вероятно, это объясняется состоятельностью семьи, возможностями приложения рабочих рук и нуждой в них.

Более простой вариант – братская семья, состоящая из двух единокровных братьев, их жен и детей; один из братьев ведет доставшееся им обоим хозяйство, а другой зарабатывает деньги в Хадибо. Такой семьи не может быть у единоутробных братьев, которые получают наследство от разных отцов. В данном же случае унаследованное единокровными братьями отцовское имущество обеспечивает единство семьи.

Саид Гуман Хабва, 22 года, помощник лаборанта госпиталя в Хадибо. У его отца, скотовода из селения Хасын в Центральном районе, после смерти первой жены остался сын; от второго же брака кроме Саида – две дочери. Когда отец умер, в его доме в селении остался жить единокровный брат Саида с женой и четырьмя детьми. От отца Саид получил в наследство 30 пальм, около 40 коз (загон и пастбища, принадлежащие семье, находились в получасе ходьбы от дома). У Саида и его единокровного брата было единое хозяйство, и фактически они имели единый бюджет: «все делили на две семьи».

В то время как одни члены семьи занимались скотоводством, другие – служили в армии, полиции. Они могли быть также грузчиками, строителями, шоферами, а то и учителями, медицинскими работниками, чиновниками и т. п. Важнейшим источником дохода многих семей оставалась трудовая эмиграция в государства Персидского залива (в основном в ОАЭ и Оман).

Сани Ахмед Хаммуд, 20 лет, уроженец Восточного района, учитель в Хадибо, рассказал, что у его матери от первого замужества осталась дочь, а после смерти ее мужа она вступила во второй брак с отцом Сани; отец, который до этого был женат, а затем развелся, имел двух сыновей и одну дочь. У родителей Саида в новом браке появились кроме него еще сын и дочь. Из единокровных братьев старший жил с семьей в ОАЭ, куда выехал на заработки, младший – в доме отца с семьей. Как и отец, он был скотоводом. Родной брат учился. Одна сестра жила в Адене у мужа, вторая также у мужа в селении Сук, незамужняя – с матерью. Сам Сани был холост. Семья совместно владела пальмами (за которыми ухаживал отец), стадом мелкого рогатого скота, двумя ослами. Скот пасли мать и незамужняя сестра. Дочь от первого брака матери звала отчима (т. е. отца Сани) дядей (братом отца). Сани разъяснил, что обычно тот, кто выделяется из отчего дома, получает свою долю имущества, причем дочери достается половина доли сына; оставшееся имущество не делят, ведут хозяйство совместно. Сам Сани свою долю не забирал, хотя и живет отдельно, его заработок вливался в бюджет семьи, но он оставлял себе часть денег на текущие нужды.

Иногда холостые молодые люди родом из одной местности, которые оказались в отрыве от дома (временно или постоянно работали в Хадибо или в другом крупном населенном пункте), поселялись вместе, группой, помогая друг другу и поддерживая в то же время тесные связи со своими семьями.

Мухаммед Сулейман Саад, 20 лет, лаборант госпиталя в Хадибо, родом из Калансии, входил в группу холостых молодых людей, проживавших вместе в доме земляка. Был женат в Калансии, развелся. Отец оставил мать с детьми, замуж она больше не вышла. У него было две сестры, одна замужем; пока муж на военной службе, она жила у матери, затем собиралась вернуться к нему; младшая, незамужняя сестра жила с матерью. Семье матери принадлежали несколько пальм, около 40 коз. Пасли скот племянники матери, сыновья ее сестры, за помощь брали молоко. Брат матери уехал на заработки за границу и регулярно помогал ей деньгами. Мухаммед тоже посылал ей деньги, а из дома получал продукты.

Пример этой семьи интересен также и тем, что здесь тесные узы связывают информанта с его двоюродными братьями с материнской стороны (сыновьями сестры матери), а брат матери оказывает ее семье материальную помощь (в данном случае это объяснялось тем, что мать после развода не вышла замуж и, не будучи состоятельной, нуждалась в помощи, а единственный сын лишь недавно встал на ноги).

Информант Абд ар-Рахим Ибрахим Халед, 22 года, фельдшер из Хадибо, рассказал, что его отец, нубиец, до революции служил у султана. У него было две жены: первая родила ему троих детей, вторая – двенадцать, включая Абд ар-Рахима. Каждая из них жила в отдельном доме, однако дома были соединены и было общим хозяйство. Один дом после смерти отца достался первой жене, но ее трое детей впоследствии отказались от него в пользу Абд ар-Рахима, получив от него за это компенсацию. В нем и живет Абд ар-Рахим, женатый на дочери брата матери. Другой дом (где жила покойная мать) получил в наследство его старший брат, вместе с которым живут остальные семеро родных братьев и маленькая сестра (еще две сестры замужем, ушли к мужьям). Все отцовское имущество поделено между детьми, но они помогают друг другу, вместе пасут скот и пользуются урожаем с пальмовой плантации, которую сдают в аренду за плату в одну пятую урожая.

Фельдшером работал и двоюродный брат Абд ар-Рахима (сын брата отца) Халид Али Халид. Ему 25 лет, его отец был торговцем-посредником. Кроме Халида у него трое сыновей и четыре дочери. Халид был женат, имел двоих детей. Остальные сыновья не женаты, жили с отцом; одна из дочерей замужем, жила у мужа. Владеют множеством пальм. Ухаживает за ними младший 13-летний брат: поливает, обрезает и т. п. Собирают урожай все вместе. Раньше у семьи были коровы, но скот пал при эпидемии. Есть немного коз. Хозяйство совместное, всеми деньгами распоряжается отец, и Халид отдает ему свою заработную плату.

В то же время бывали случаи, когда молодые люди, покинув отцовский дом и перебравшись в столицу или большой поселок, выделяются и окончательно порывают с большой семьей, даже будучи холостыми.

У 22-летнего Ахмеда Салема Мухаммеда, полицейского в Хадибо, уроженца селения Кадама в Западном районе, сына рыбака, было два брата и сестра. Сестра замужем, живет с ребенком в доме отца, так как ее муж уехал на континент (в провинцию Махра) на заработки. Один брат женат, живет с отцом, второй еще холост. Ахмед тоже холост. Он выделил свою долю имущества (мелкий рогатый скот и пальмы) и живет в Хадибо собственным домом. Однако этот пример нетипичен.

В тесный круг людей, связанных отношениями взаимовыручки и солидарности, входили подчас и мужья сестер, которые при матрилокальном поселении становятся в один ряд с братьями жены.

Ахмед Салем Хаммуд, шофер из Ноутеда, уроженец местного селения Хуф, имел одну родную сестру, а также двух единокровных сестер и четырех братьев. С его матерью, своей первой женой, отец развелся и женился вторично; мать забрала свое имущество и ушла. Замуж больше не вышла, а когда умерла, – все наследство досталось Ахмеду. Он женат на дочери брата матери. С семьей и родной сестрой живет в доме матери. Обе единокровные сестры замужем, у одной муж работает в Адене, а она с детьми живет в доме его родителей, муж другой работает в одной из стран Залива, а она живет в его доме. Все четверо братьев женаты, живут вместе в доме отца, ведут единое хозяйство, за все отвечает старший брат – глава дома. У них есть пальмы, мелкий рогатый скот, несколько верблюдов. Свою долю Ахмед забрал, но он и единокровные братья помогают друг другу, делают друг другу подарки, ходят в гости, отношения у них, по словам информанта, «очень хорошие».

Для сокотрийской сложной семьи того времени (как, впрочем, и сокотрийской семьи вообще) были характерны, прежде всего, солидарность и взаимопомощь ее членов, коллективизм. Этой семье были свойственны забота о равном потреблении всех членов, важная роль женщины в хозяйстве, относительная ее свобода и участие в решении общих дел. К этому надо добавить осознание высокой престижности того, что они принадлежали большой патриархальной семье, чувство уверенности и превосходства ее членов, которое они до сих пор

испытывают перед моногамными ячейками общества.

У членов большой семьи на Сокотре никогда не было сомнения в определении ее главы: это либо отец (если он не достиг старческого возраста и не передал функции главы семьи старшему сыну), либо старший сын (или просто сын, если он один), либо – если нет таковых – следующий по старшинству. В этом случае главой может стать и младший брат.

Главой семьи мог быть и дядя по отцовской линии (когда отец умер, оставив детей). Если же детей умершего или ушедшего из семьи родителя воспитывал дядя по материнской линии, он и становился главой дома.

Бывало, что после смерти отца в случае раздела собственности большой отцовской семьи с матерью оставался жить младший сын. Приведем примеры.

Абдалла Иса Салем, 40 лет, полицейский в Хадибо, сын скотовода из Рёгида (горы Центрального района). Отец был вторым мужем матери, ее первый муж умер, оставив ей сына и дочь; во втором браке кроме Абдаллы родились еще сын и дочь. Все жили в пещере. Когда отец умер, собственность разделили. Младший сын остался жить с матерью в пещере, остальные отделились. Абдалла женат на дочери брата отца. В Хадибо построил дом. Владел тремя коровами и несколькими козами.

Лун Иса Али, 55 лет, из селения Кузмаа (Восточный район). Вступала в брак дважды. От первого брака после смерти мужа у нее остались две дочери. Второй муж, который до нее также состоял в браке, развелся, имея одного сына. В новом браке Лун родила двоих сыновей и двух дочерей. Дочери вышли замуж и ушли из дома, все сыновья женились: сын мужа от первого брака получил свою долю и живет самостоятельно; старший из ее сыновей поступил на службу в полицию, жил в Хадибо; младший остался с ней.

Трудно судить о том, появились ли эти и им подобные примеры случайно, или же в них можно проследить некую закономерность. Собранный материал, конечно, не дает достаточно оснований для окончательных обобщений, и все же, хотя ситуация за минувшие с той поры четверть века сильно изменилась, многие черты традиционной семейной организации сокотрийцев не утрачены и поныне.

Полученные данные позволяют сделать вывод, что в сокотрийской семейной организации 80-х годов традиционно преобладали большие отцовские и братские семьи. Особенно широкое распространение получила разделенная семья. Жизненный уклад сокотрийцев предполагал определенную цикличность. Сначала появлялась моногамная семья в результате отделения женившихся сыновей или вступления в брак отделившихся. Происходили повторные браки, появление новых детей, разрастание этого конгломерата, образование на его основе большой отцовской семьи и последующее превращение ее в братскую, с распадом которой в следующем поколении вновь образовывались моногамные семьи.

Глава девятая

Духовная культура

Магия и колдовство

В древности и в Средневековье Сокотра заслужила название Острова духов, а ее жители, по представлениям путешественников, были колдунами, имевшими связь с нечистой силой. В XIII столетии Марко Поло писал:

«Здесь христиане самые ловкие на свете колдуны. Архиепископ, по правде сказать, не желает, чтобы они занимались колдовством, и упрощает, и наказывает, но все это не помогает... Всякое дело делают колдовством; много дел делают, почти все, что пожелают: выйдет ли судно при попутном ветре и много проплывет, они нашьют противный ветер и вернут его назад. Какой ветер захотят, тот и насылают; а захотят, так море стихнет; и великую бурю, и всякий ветер пускают в море. Знают много других диковинных колдований; о них рассказывать нехорошо; подивится-таки, кто о них услышит...» (Marco Polo, 1955: 201).

Во времена Марко Поло на острове подозреваемого в колдовстве человека связывали и на трое суток оставляли на вершине холма. Если за это время в этой местности выпадал дождь, его забивали камнями.

Различного рода магические действия не случайно связывались с дождем, от которого зависела жизнь сокотрийцев. Засуха грозила людям гибелью, она воспринималась как наказание богов, дождь – как благодеяние. В доисламскую и дохристианскую эпоху здесь существовали магические обряды вызывания дождя. Поскольку на острове, как и повсеместно в Аравии, было распространено лу-нопоклонство, сокотрийцы возносили моления к луне о ниспослании дождя, сопровождавшиеся жертвоприношениями и воскуриванием благовоний. В христианскую эпоху здесь, видимо, наблюдалась смесь языческих и христианских обычаев и символов; от последних иногда оставался только крест, который носили во время ритуальных процессий.

С тех пор минуло много столетий. Сокотрийцы приняли ислам в позднее средневековье, однако в эпоху изоляции, отсутствия школ исламизация была неглубокой. В сокотрийских мифах и легендах, сказаниях, бытующих в племенах многие века, до сих пор иногда сохраняются реминисценции культа луны. Приведу одно такое сказание, записанное от 'Исы 'Амера Ахмеда из племени да'рхо.

Давно, в старину на Сокотре был голод. И двое мужчин отправились раздобыть хоть чего-нибудь съестного. Шли они, шли и набрали на одну женщину, что сидела под деревом *дум*, а в руках у нее – съедобные коренья *хидхо* и плоды *дум* (напоминают мелкие яблочки. – В. Н). Двое мужчин ей и говорят: «Мы отберем у тебя коренья и плоды, а тебя уьем». – «Забирайте и коренья, и плоды, – отвечает женщина, – только отпустите меня». А они говорят: «Нет! Нам тебя надо убить!» Женщина просит: «Тогда дайте мне сотворить молитву в два раката и дозвольте пробыть на свете до восхода луны». – «Ладно!» – говорят двое мужчин. Помолилась женщина два раката, а когда взошла луна – то обратилась к ней:

«О луна, луна! О ты, восходящая!
Поручаю тебе твоего внука Тануфа,
Чья мать Зибринно была убита.
За что же ее убили? Ее убили за коренья и плоды».

После того как женщина проговорила это нараспев, они убили ее, забрали коренья и плоды и ушли восвояси.

А у Зибринно был сын, который тогда жил в другом месте. Он пытался разыскать свою мать, но не смог. Стал он расспрашивать людей, только никто не видел того, что с ней приключилось. Он перестал искать, вернулся домой и продолжал себе там жить.

Прошло время, и в один из вечеров Аллаха забрели те двое мужчин как-то в его

дом, а он ничего о них не знал. Принял он их хорошо, как положено. После ужина расположились взрослые мужчины отдыхать во дворе, а детишки с матерью остались в доме. Когда настала полночь, один из тех двух мужчин посмотрел вверх, на луну. И тут вспомнил он историю, которая когда-то произошла с ними, и молвил: «А-а! Я вспомнил кое-что, что я вам сейчас расскажу». Да и рассказал он то, что приключилось с ним и его другом, как убили они ту женщину ни за что ни про что.

Когда дошел он до пересказа того стиха, с которым бедная женщина обратилась к луне, хозяин дома услышал имя своей матери и понял смысл стиха о женщине, которую убили – то была его мать! Тут он спросил рассказчика: «А кто там был с тобой?». И мужчина ответил: «Вот этот мой друг и был».

Когда человек услышал это, он вошел в дом, взял там саблю и зарубил их обоих.

В этой легенде сакральное значение луны, которая позволяет человеку осуществить справедливое возмездие, очевидно³⁰. Мной были обнаружены и некоторые другие подобные сюжеты, где луне отводится аналогичная роль.

С 90-х годов, как уже говорилось, религиозная ситуация на острове стала меняться, он подвергся активной исламизации усилиями арабских учителей и проповедников. Многие старые обычаи и верования стали уходить в прошлое, их порицают как следы *куфра* – безбожия. В результате расшифровки старинных ритуальных, обрядовых и фольклорных прозаических и стихотворных текстов, собранных мной в 70–80-х годах, мне удалось также выявить сохранявшиеся до тех пор следы культа предков, родовых божеств, почитания духа мертвых, а также культа животных (см.: Наумкин, Порхомовский, 1981: 31–50). Как отмечалось в моих предыдущих публикациях, особенно важно в этом отношении то, что в сокотрийском языке сохранилось архаичное слово *qaninhin* как синоним Бога (Аллаха), аналоги которому можно найти лишь у родственных сокотрийцам жителей континента, говорящих на других живых южноаравийских языках. Вера в существование сонма сверхъестественных существ, чаще всего враждебных человеку, составляла в то время неотъемлемую часть сокотрийской культуры и, по-видимому, не совсем изжита и сейчас. Особое место среди духов, джиннов и прочих мифических созданий занимают существа женского рода.

В результате изучения обширного пласта фольклора и полевых исследований верований сокотрийцев было установлено, что именно за женщиной в первую очередь признавалась способность обладания сверхъестественной, колдовской силой. Объяснение этому следует искать, конечно, в особенностях уклада жизни сокотрийцев на ранних ступенях их истории. Полностью реконструировать их невозможно, но в предыдущих главах мы отмечали важную роль женщины в хозяйственной и общественной жизни острова. Не отразился ли в этих верованиях и произведениях фольклора тот этап в развитии сокотрийского общества, когда в процессе утверждения патриархального строя мужчина, как бы возвышая себя, приписывал все дурное женщине? Убедительной иллюстрацией может служить образ *гиннии* (т. е.

³⁰ Сюжет обнаруживает неожиданную параллель с известной античной легендой о поэте Ивике (Ибикусе). Перед тем как поэта убили, он обратился к стае журавлей (подобно тому, как сокотрийская женщина – к луне), и впоследствии убийца выдал себя, когда на рынке взглянул на небо и воскликнул: «Журавли Ибикуса!». В одном случае луна, в другом – журавли выступают по высшей воле инструментом справедливого возмездия. По греческому сюжету Фридрих Шиллер написал балладу «Ивиковы журавли», где невинная жертва вызывает к птицам:

«Вы, журавли под небесами,
Я вас в свидетели зову!
Да грянет, привлеченный вами,
Зевесов гром на их главу» (пер. В. А. Жуковского).

женщины-джинна), одно упоминание о которой еще относительно недавно, во всяком случае, во время моих приездов на остров в 70-е годы, способно было вызвать суеверный ужас у любого сокотрийца, особенно в вечерние и ночные часы.

Сокотрийцы считают, что гинния может нанести ущерб здоровью человека, вызвать его болезнь, смерть. Информант Яхья из селения 'Агемено рассказывал, что, еще будучи молодым, он встретил гиннию в белой одежде («как это обычно бывает»), с белым лицом; она вышла к нему, когда он шел по горам, из-за дерева, за которым пряталась. Яхье удалось спастись бегством, но гинния успела коснуться его рукой. Когда юноша прибежал домой, он почувствовал зубную боль, и вскоре у него разом выпали все зубы.

У Яхьи действительно не было ни одного зуба. Скорее всего, он потерял зубы вследствие заболевания, а шок, вызванный встречей с незнакомкой в белом, способствовал этому. Не исключено, что он лишь потом, «задним числом», нашел объяснение потере зубов, вспомнив о встрече, которая в тот день, может быть, и не произвела на него такое сильное впечатление.

В любом случае вера в существование гинний у сокотрийцев была неистребима: приходилось видеть, как вполне современные молодые люди, сидя у костра вечером, бледнели при одном только упоминании о том, что поблизости может появиться гинния.

'Иса 'Амер Ахмед Да'рхьи поведал мне еще об одном аналогичном существе:

«Есть такая гинния, которая называется “на железном гвозде” (*мисмар*). Издалека она выглядит как обычная женщина, так что, если увидишь ее, ничего дурного не подумаешь, а когда подойдешь поближе, поймешь, кто это, разглядев ее ногу. Нога-то у нее всего одна и похожа на большой железный гвоздь. И убежишь в страхе.

А она начнет прыгать за тобой на своем гвозде. Добежишь до одного места, а она уже там, перепрыгнешь в другое место – и там она, и так везде – не даст она тебе уйти от нее. Так что лучше с ней не встречаться».

О встрече с гиннией рассказал и Али Юсуф Ахмед из селения Аду-на, погонщик верблюдов, которых мы арендовали для походов в горы.

«Когда я был маленьким, искал я как-то козу. Она куда-то запропастилась, родители послали меня искать ее, я и бродил целый день, везде смотрел – на каждой горке, за каждым валуном, только никак не мог ее найти. Вдруг выходит ко мне из пещеры незнакомая женщина и спрашивает: “Куда это ты направляешься?” Я говорю: “Козу нашу ищу: потерялась она”. А женщина говорит: “Не вовремя ты ищешь. Все люди давно приготовили еду и пообедали, в такое время нечего тут искать, уж вечер близок, все люди дома, а ты ищешь. Ни к чему это”. Сказала и опять повторяет: “Много ли может человек найти в такое время дня? Никто сейчас не выходит из дому. Да и тебе бы лучше уйти. Коза-то твоя в Бетбальхане, вот и иди туда, где коза”. Спустился я с гор, вернулся домой и рассказал отцу об этой встрече. Говорю ему: женщина сказала мне, что найду я козу там-то и там-то. Отец пошел в то место и впрямь нашел там нашу козу. А я больше не пошел: напугался гиннии».

На Абд-эль-Кури женщину, злого духа, именуют *halele*, а на Сокотре так называют тетю со стороны матери (на Абд-эль-Кури в этом значении используется однокоренное слово *halla*). Это соответствует сокотрийскому обозначению джинна, духа мужского рода, – *didhe*, связанному с *dedo* *дядя по отцу, тесть*. Уместно упомянуть здесь о вопросе, заданном в этой связи И. М. Дьяконовым в рецензии на нашу работу: не рассматриваются ли здесь джинны

вообще как «сваты, как бы свойственники рода людского?» (Дьяконов, 1982: 209). Тогда и джинны женского рода – «сваты»?

В сокотрийском фольклоре есть еще более зловещие женские персонажи, например пожирающая все живое колдунья, старуха Ди-Иизхамитин, о которой я уже писал в прошлых публикациях (Наумкин, 1977; Наумкин, 1985). Рассказ о злой старухе был записан мной во время первого посещения острова в 1974 г. от шейха 'Амера Ахмеда Дарьхи.

Легенда о юноше и Ди-Иизхамитин

«Жила как-то в Рёкибе страшная Ди-Иизхамитин, и пожирала она и людей, и животных. Никто из тех, кто попадался ей на пути, не мог спастись от ее острых клыков. Люди постепенно

покидали эти места, уходили в глубь острова в страхе перед людоедкой, и вскоре тут почти не осталось ни людей, ни животных – кого сожрала проклятая старуха, а кто перебрался в другие места.

У одного человека из Мере был сын. Как-то чужак зарезал его корову и быка и подарил ему за это хорошее пастбище недалеко от Рёкиба, в седловине. Отец дал сыну шесть коров, и стал юноша их пасти. Только вскоре прибежал он в страхе к отцу и говорит:

– Слышал я, что в Рёкибе, близ Феримхима, живет страшная Иизхамитин, которая пожирает все живое, что встретится ей на пути. Сдается мне, что сегодня я слышал вдали ее вой.

Сказал тогда отец сыну:

– Пойди к Дихекё, наверняка он придумает что-нибудь.

Отправился сын к Дихекё. Рассказал ему все и попросил совета.

Говорит ему Дихекё:

– Завтра отелится твоя рыжая корова. Возьми тогда корову, которая зовется Ябан, и пусть она вместе с рыжей кормит своего телка, чтобы вырос он здоровым и сильным быком. Точи ему рога каждый день, чтобы стали они длинными и острыми. Пусть сосет двух маток, пока не вырастет. А как вырастет, пойдешь в Магдуб, что в Феримхиме, и наломай сучьев дерева *серихин ди-бирехетин*. Залезь на крышу, обложи себя теми сучьями и сиди, с места не вставай, кто бы к тебе ни пришел. Скажет тебе кто-нибудь слово, повтори его, а потом уже отвечай.

На заре отвяжи быка и напусти на того, кто в эту пору придет к тебе. Когда же бык его прикончит, приглядишься: если на том месте, где лежит мертвый, появится живое существо, убей его.

Отелелась рыжая корова. Пустил юноша телка сосать двух маток, и телок превратился вскоре в сильного быка. Отвел юноша быка на крышу, привязал, а сам сел на то место, которое загодя выложил сучьями дерева *серихин ди-бирехетин*, и приготовился коротать здесь вечер и ночь.

Вдруг откуда-то появилась девушка. Подошла к дому, запела сладким голосом:

– О-о, какие молодые мы с тобой, мы здесь вдвоем, давай соединимся.

Юноша отвечает:

– О-о, какие молодые мы с тобой, мы здесь вдвоем, давай соединимся.

А сам ни с места. Девушка ему говорит:

– Спустишься вниз, братец, уж очень хочется мне быть с тобой, да поможет мне Аллах.

– Болен я, – говорит юноша, – не могу спуститься.

Стала тогда девушка ходить вокруг дома. И так норовит войти в дом, и этот пробует, то со стороны моря, то со стороны гор, никак не войдет. Опять принялась

уговаривать юношу спуститься вниз – не спускается. Так и ушла ни с чем.

Вдруг откуда-то появилась женщина. Подошла и запела:

– А-а, вдвоем мы тут с тобой, давай соединимся.

Юноша отвечает:

– А-а, вдвоем мы тут с тобой, давай соединимся.

Говорит ему женщина:

– Спустись вниз, надои для меня молока.

– Не спущусь.

Уговаривала она, уговаривала юношу, все впустую. Так и ушла ни с чем. До ночи никто больше не пришел. А как настала ночь, задул ветер, поднялась буря. Долго бушевала. Вдруг откуда-то появилась старуха. Подошла и завывала страшным голосом:

– Я Иизхамитин, та самая, что бурю насылает, ветер подымает.

И опять завывала:

– Нынче я поужинаю у тебя, нынче ужинать мне в этом доме.

Провыла это старуха и спрашивает:

– Неужто не спустишься ты вниз к старухе, дверь не отворишь, не пустишь в дом погреться?

Отвечает юноша:

– Нет, не отворю. Я сам всю ночь сижу на крыше, весь озяб, дрожу.

И так норовит старуха в дом войти, и этак пробует, никак не войдет. Вернулась она тогда к дверям и опять завывала:

– Я Иизхамитин, та самая, что бурю насылает, ветер подымает, та самая, что теткой тебе доводится, открой, племянничек!

Молчит юноша. Старуха не отстает: «Открой да открой». А юноша знай свое твердит: «Не открою».

Тут Иизхамитин запела:

– Ой, сколько у тебя коровушек, и рыжих, и пятнистых!

А юноша в ответ:

– Огнем тебя кормить, а не коровьим молоком поить, и головешками в тебя швырять!

Иизхамитин опять за свое:

– Ой, сколько у тебя козочек, и все светленькие!

А юноша в ответ:

– Не козьим молоком тебя поить, а ядовитым соком *имтхэ* \ В лицо тебе его плеснуть, чтобы ослепла.

Не унимается старуха:

– Ой, сколько у тебя овечек, и все беленькие, ушки завитком!

А юноша в ответ:

– Не мясом овечьим тебя кормить, а горьким алоэ, чтобы ранили тебя его колючки!

Старуха опять:

– Ой, сколько братьев у тебя, один другого краше, одеты все нарядно!

А юноша в ответ:

– Не братьями моими насытишь ты свою утробу, а водой морской, и пропасть под тобой разверзнется бездонная.

Заря уже занялась, а они все говорят да говорят. Не вытерпела тут злодейка, перемахнула через забор, в доме очутилась. А юноша взял да разрезал веревку, которой его бык привязан был.

Пригнул бык голову, на старуху бросился. Всадил ей в брюхо острый рог, да так, что рог через спину вышел. Но старуха успела проткнуть быка своими желтыми клыками. Задержались они, разом подпрыгнули и за забор вывалились. Вышел юноша

из дому, видит: Иизхамитин мертвая на земле лежит, а бык еще дышит. Прирезал тогда юноша быка, ведь теперь его мясо не было запретным.

Вдруг смотрит: красивая черная овечка. Схватил юноша с земли острый камень, размахнулся, бросил что было сил, прямо в грудь овечке угодил, наповал сразил. Так и пришел конец Иизхамитин.

Старуху Иизхамитин легенда изображала существом огромного роста, чудовищного вида, с длинными клыками. Старые горцы говорили, что знают место, где она похоронена, и будто бы ее могила в два человеческих роста. По легенде, мясо животного, якобы умерщвленного Иизхамитин, не годилось для употребления в пищу. Уже в 80-е годы, как я заметил, она была практически забыта, но мотив поедания людей женщиной – злым духом остался, только любой подобный персонаж теперь называли «гиннией».

Ходят легенды и о поедании людей гигантским змеем. Поразительно, что записанная нами легенда во многих деталях повторяет известный ближневосточный миф о змее. До сих пор на острове время от времени появляется рассказ, будто кто-то где-то видел огромного змея, который ест коз и овец. В 1987 г. такую историю мы услышали от информанта из Рас-Муми, клявшегося, что сам видел огромного змея, хотя было известно, что таких крупных змей на острове вроде бы нет. Были известны только два вида довольно безвредных змей – *Нemerophis socotrae* и *Di-typorphis vivax*, длина которых может достигать максимум 150 см. Однако в 1999 г. приехавший на Сокотру в составе многодисциплинарной экспедиции натуралистов под эгидой Королевского ботанического сада Эдинбурга К. Ван Дамм с сопровождающим увидели в горах Хагъхера крупную змею с поперечными черно-желтыми полосами длиной около 3 м. Она уползла, и ученые до сих пор не могут понять, к какому типу змей она относится. На основании этого Ван Дамм делает вывод, что легенды сокотрийцев нельзя считать чистым вымыслом (Cheung and De-Vantier, 2006: 132–133). Вспомним, что английский лейтенант Дж. Р. Уэл-стед, поднимавшийся в горы Хагъхера в 1830 г., рассказывал, что его едва не укусила крупная ядовитая змея, которую местные жители называла «Джава» и от укуса которой смерть наступала якобы через несколько часов (Wellsted, 1838: 315) (см. илл. 1).

Илл. 1. Змея, увиденная в горах

Есть у сокотрийцев и предания о добрых духах. В приведенном выше рассказе упоминается Дихекё, который, по описаниям информантов, «был простым сокотрийцем».

Это своего рода «культурный герой», смертный, который уже умер, хотя некоторые информанты называли его ангелом. Сообщают, что, когда Дихекё шел и ударял палкой по горе, то там появлялась пещера. Он также создавал для горцев хорошие пастбища и обильные источники. Вера во всемогущество Дихекё, явно противоречившая исламскому монотеизму, была, конечно, пережитком древних верований. Вот еще одна из легенд о Дихекё, записанных от 'Амера Ахмеда.

Легенда о Дихекё и доброй женщине

Так вот, был когда-то в одном селении небольшой источник. Воды, которая в нем набиралась за день, едва хватало, чтобы наполнить маленький бурдюк из шкуры козленка. Набрать воды удавалось лишь тому, кто не ленился встать на заре и прийти к источнику первым. Те же, кто приходил после него, уже не могли зачерпнуть нисколько. Ссорились между собой жители селения, но на следующий день все повторялось снова: за ночь в источнике накапливалась вода, потом кто-то приходил первым и забирал всю ее.

Пришла как-то первой к источнику одна бедная женщина. Зачерпнула воды в свой бурдючок и хотела уйти поскорее, чтобы никто из односельчан не пришел. Но только собралась уходить, как вдруг видит: человек ведет за собой осла. И был это не кто иной, как Дихекё. Подошел он к женщине и говорит:

– А-ах, дай мне напиться.

Бурдючка могло бы хватить женщине на неделю, она стала бы расходовать ее так

же экономно, как коровье масло. И женщина отвечала:

– А-ах, где же я потом найду себе воды?

Но Дихекё снова попросил:

– А-ах, я умираю от жажды, дай мне напиться.

Сжалилась женщина и развязала свой бурдюк. Дихекё напился и говорит:

– Дай мне умыться.

Отвечает ему женщина:

– Воду надо беречь! Как же можно умываться этой водой?!

Дихекё снова просит:

– А-ах, дай мне умыться.

Дала ему женщина умыться.

Умылся Дихекё и снова просит:

– Дай мне напоить осла.

Женщина говорит:

– А где же мне потом воду взять?

Дихекё на своем стоит:

– А-ах, дай напоить осла.

– Ладно, пои, – вздохнула женщина.

Дихекё напоил осла и снова просит:

– Дай я помою осла.

– Мой, – отвечает женщина.

Вымыл Дихекё осла, и воды в бурдюке совсем не осталось.

Понял тогда Дихекё, что женщина эта добрая и благородная, раз отдала ему всю воду, когда теперь ее нигде не сыщешь, и решил ее вознаградить. Говорит ей Дихекё:

– Проси у меня что тебе надо, я все тебе дам.

Отвечает женщина:

– Ничего мне не надо. Что дашь, то и ладно.

Говорит Дихекё:

– Дам я тебе источник Мисбихо – «Утренний». Что возле него растет, все твое.

Приходи сюда на заре, пока нет никого. А как соберутся все да станут дивиться, ты им скажи: «Все это появилось по моему хотению и все это мое».

Не поверила женщина, но сделала так, как велел ей Дихекё. Пришла на заре, смотрит: и вправду из источника бьет прозрачная, свежая вода. А вокруг прекрасные пальмы, каких она никогда не видывала. На пальмах – гроздь налитых соком фиников. И сказала тогда женщина:

– Слава тебе, мой Аллах.

Собрались тут все жители селения, глядят, глазам своим не верят. Каждый напился вдоволь, набрал воды сколько хотел, ведь было ее много, без меры.

И назвали источник «источником Мисбихо» в честь той женщины. Стала она владеть своими пальмами, а воду мог брать всякий, кто приходил к источнику. Никогда не иссякает там вода, орошая корни пальмовых деревьев. Потомки той женщины стали выращивать эти пальмы в других местах и назвали их «*фритит*». Вот почему в том селении и по сей день бьет из-под земли прекрасный источник и растут такие хорошие пальмы.

Убежденные в потенциальных колдовских способностях любой женщины, вполне обычной, ничем не отличающейся от других, сокотрийцы не исключали даже ее возможного умения превращаться в другое существо, переноситься на большие расстояния, насыпать смерть и болезни на скот и даже на людей. С женщинами, которых считали *zahra koldunyami*, *ведьмами*, жестоко расправлялись. Вплоть до самой революции 1967 г. на острове

практиковались суды над ведьмами, весьма напомиравшие аналогичные средневековые судилища в Европе.

Английский полковник И. Снелл описал последние суды над ведьмами на Сокотре, свидетелем которых ему довелось быть в 1955 г.:

«Как всегда бывает в тех местах, где ведьмы составляют общепризнанную часть населения, на Сокотре человека могут обвинить в колдовстве просто по злобе, из мести или из неприязни. Таким образом, ежегодно 15–20 человек отправляют на судилище. Здесь считают, что мужчины тоже могут заниматься колдовством, равно как и женщины, но я никогда не слышал, чтобы перед судом предстал хотя бы один мужчина. Обвинения излагают перед племенными вождями, городскими старостами или самим султаном, а все суды происходят в Хадибо, столице острова.

После того как обвиняемую доставляют под стражей в Хадибо, султан или тот, кто правит в его отсутствие, внимательно изучает причины обвинения, доказательства и, насколько это возможно, характеры обвиняемой и обвиняющего. Затем, если он считает, что дело достаточно серьезное, то поручает специально выбранному человеку провести суд или испытание.

Этого (как бы поудачнее назвать его?) “испытателя” выбирают примерно из полдюжины других, которые считаются знатоками. Насколько я мог удостовериться, это не обязательно “наследственные” знатоки, хотя бывает и так. Однако они непременно должны обладать способностью «изгонять злых духов из безумных»; обычно эти люди одновременно являются и местными лекарями. Испытатель получает за работу 40 рупий. Его сначала призывают к султану и заставляют поклясться на Коране, что: а) он правоверный мусульманин; б) он сам не колдун; в) во время испытания он не совершит такого действия, которое могло бы поставить под сомнение его мастерство; г) он проведет испытание со всей справедливостью и тщательностью. Эта клятва определенно противоречит мусульманскому учению и дает еще одно указание на неортодоксальность веры островитян.

Затем вызывают обвиняемую и спрашивают ее, признает ли она себя виновной в колдовстве или не признает. Вообще, она может сделать признание в любой момент испытания и, таким образом, считать себя «самоосужденной» и освобожденной от испытания. Если она не признает своей вины, ее препоручают испытателю, и он готовит ее к испытанию, которое состоится на заре следующего дня в присутствии всех жителей города и вообще всех желающих присутствовать. Ночью испытатель и его подручные крепкой веревкой связывают обвиняемой руки и ноги, а затем прикрепляют два пятифунтовых мешка камней: один ей на грудь, другой – на поясицу. Наконец, вокруг пояса ее обвязывают концом длинной веревки, и приготовления закончены.

На заре обвиняемую помещают в лодку и отвозят в определенное место у берега, в миле к востоку от Хадибо. Там ее пересаживают в другую лодку. Испытатель и его помощники выводят ее в море, пока не достигнут места, где глубина воды – 3 местных сажени, около 15 футов. Дно моря в этом месте очень пологое, и поэтому они уходят, наверное, на полмили от берега.

Начинается испытание. Обвиняемую вытаскивают из лодки и бросают в море, ослабив конец длинной веревки, обвивающей ее пояс. Если женщина сразу пойдет на дно, ее тут же вытаскивают обратно в лодку и осматривают, не пристали ли к ней снизу песчинки. Если следы песка обнаружены, то погружение повторяют дважды. Раз обвиняемая идет ко дну, значит, она выдержала испытание, и ее объявляют невиновной. Если же она ведьма, то непременно всплывет на поверхность моря в вертикальном положении – так что голова и плечи останутся сухими – и медленно

двинется к берегу, пока не доплывет до отмели.

Если в результате испытания женщина признана виновной, она еще раз предстает перед султаном, чтобы выслушать свой приговор. В старые времена ведьму всегда приговаривали к смерти и сбрасывали со скалы Рас-Кур, к западу от Хадибо, но в наши дни осужденную ждет высылка. Ее немедленно отправляют под конвоем в город Калансию – порт на западе острова, в который часто заходят лодки, – и сажают в первую отходящую лодку, независимо от ее направления. Стоимость отправки оплачивается родственниками осужденной или из ее состояния, и ей разрешается взять с собой любое движимое имущество. Однако дети этой женщины остаются на острове.

В ноябре 1955 г. состоялся суд над тремя женщинами. Одна из них – старуха лет семидесяти – призналась, что она «ведьма», еще на берегу, за минуту до испытания. Она была признана «само-осужденной», и ее освободили от «купания». Две другие женщины поплыли к берегу и были признаны виновными.

Насколько я знаю, против обвинителей, чьи суждения опровергаются испытанием, не предпринимают никаких действий. Причина этого заключается в том, что они в действительности не обвинители, а лишь «те, кто сообщает о подозрительных действиях». Что же касается действительного испытания, то, поскольку все приготовления проводятся тайно, трудно судить, не спрятал ли испытатель под жалкие одежды обвиняемой какой-нибудь поплавок. Очень возможно, что он и использует какой-то поплавок, если сам убежден в виновности обвиняемой.

Во всяком случае, эта практика все еще существует на острове, и я убежден, что несчастные женщины, которые объявлены виновными, как бы им ни было жалко самих себя, верят, что они ведьмы и поэтому должны быть справедливо наказаны.

Иногда возникает затруднительная ситуация, когда какой-нибудь добросовестный консульский служащий отправляет обратно высланную сокотрийку, к великому огорчению султана, который не имеет никакой международной власти, чтобы помешать этому» (Snell, 1955).

Надо сказать, что кое в чем Снелл ошибался. Он, в частности, плохо знал сокотрийский институт «ведунов». Дополним его рассказ, в целом совпадающий с нашими материалами, некоторыми деталями.

В Калансии в 70-е годы мне удалось поговорить с местным жителем, который когда-то сам выступал «истцом» в подобном деле. Мухаммед рассказал, что как-то у него одна за другой стали гибнуть овцы и он обратился за помощью к *маколе* (*maköle*), т. е. ведуну и знахарю, который мог изгонять из человека вселившегося в него джинна, излечить от болезни прижиганием или заговором, снять чары колдовства, найти пропавшего человека или животное и т. п. (илл. 2). *Маколе* сказал Мухаммеду, что в беде повинна его соседка, это она насылает болезнь на скот. Сначала Мухаммед решил разделаться с колдуньей сам, способом, который был раньше принят у сокотрийцев: ее следовало подкараулить и метнув в висок камень, попасть. Потом испугался: вдруг он ее не убьет и она отомстит ему. Тогда он обратился с жалобой к султану. Султан обычно вершил свой суд в месте, называемом *maqhad*, расположенном на перевале Хайбак, между Хадибо и Кадубом. Там собирались представители всех племен. При них выносился приговор. Соседку обвинили в *setbere*, колдовстве, отвезли в селение Серьхим, что к востоку от Хадибо (именно это место и описывает Снелл), и подвергли испытанию. Перед тем как погрузить женщину в воду (*rehāzo*), ей под мышки и к ногам привязали камни (*nüger hes, engero*) весом примерно по 6 фунтов, т. е. оба весом около 5,5 кг. Но обвиняемая, видимо, была физически сильной женщиной и, вынырнув, поплыла, глотая воду. Этого было достаточно, чтобы признать ее виновной и выслать с острова.

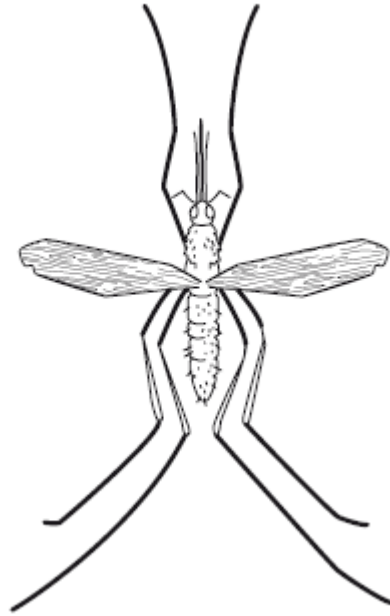

Илл. 2. Маколе

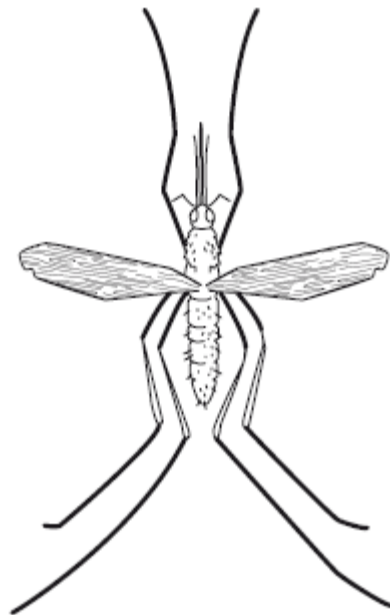
Мухаммед долго хвалил мне *маколе*, жившего по соседству, и поругивал власти, которые запрещали тому заниматься своим делом, в результате чего и ведьмы оставались безнаказанными.

Маколе лечит также болезни при помощи магии. К сожалению, нам тогда не удалось исследовать обряды лечебной магии: это ремесло было в ту пору на острове строго запрещено. Бывшие пациенты лекаря рассказывали, что он совершал над больным сложные манипуляции, например, погружал его голову в воду, бормоча заклинания. Иногда лечение проводилось заочно: для этого достаточно было описать состояние недужного, а еще лучше дать маколе принадлежащую больному вещь. Часто маколе спрашивал имя матери больного – его у сокотрийцев не принято сообщать посторонним, поэтому, когда мы проводили свои опросы, информанты неохотно нарушали табу. Маколе использовал в лечении и растительные средства, благовония.

Не менее была живуча у сокотрийцев и вера в муху *di-‘äsar*. Горцы панически боялись этой мухи белесого цвета, появляющейся только в сезон дождей. Они считают ее смертоносной: проглотив ее, человек погибает. (Обычную муху называют иным словом – *idbibo*.) Сокотрийцы утверждают, что *диасар* – живородящая муха, откладывающая не яйца, а личинки, которые якобы и причиняют смерть человеку.

Илл. 3. Муха Diptera, или ди'асар

Илл. 4. Горец с бусами «хандаб», по поверью, оберегающими от мухи ди'асар

Эти личинки муха может занести в глаза человека (тогда они воспалятся) или в дыхательные пути, что вызывает еще более опасные заболевания, поэтому в сезон появления

мухи горцы закрывали рот полоской материи, закрепленной на затылке, чтобы муха не могла залететь в него. Иногда в рот берут бороду, превращая ее в подобие кляпа. Некоторые старики не завязывали рот, бравируя своей смелостью. Они утверждали, что долгий жизненный опыт научил их слышать жужжание мухи издали и вовремя закрыть рот. Другие полагали, что для защиты от мухи необходимо подержаться за ствол дерева определенной породы, и тогда она не залетит в рот (илл. 3).

Если муха все-таки залетит, горцы прополаскивали и рот, и горло настоем табака или другим едким составом, чтобы уничтожить «личинки». Действенным средством защиты от мухи горцы считали тогда *ханзаб* (*hanzab*) заморские бусы (их привозили из стран Залива), которые они и носили с этой целью (илл. 4). Бусы якобы отпугивают муху, а в случае особой опасности их берут в рот и, прикусив, держат некоторое время.

В одной из опубликованных в России работ я со своим соавтором В.Я. Порхомовским подробно характеризовал связь поверий, относящихся к мухе, с древней магией, имеющей общесемитские корни. Никто никогда не был свидетелем гибели человека от этой мухи. Ну а реальные неприятности, которые сулит встреча с ней, уже описаны в первой главе этой книги³¹. Современный арабский автор Ахмад Саид аль-Анбали (аль-Анбали, 2010) пишет, что «некоторые иностранцы», в том числе автор этих строк (в английском издании прежней версии этой книги), будто бы подвергают сомнению существование мухи ди-асар. Аль-Анбали, видимо, не понял, что в моей работе вовсе не подвергалось сомнению существование мухи, а лишь анализировались связанные с ней суеверия, которые в течение веков бытовали на острове.

Семейная обрядность

Вступление в брак у сокотрийцев сопровождается ритуалами и обрядами, одни из которых ведут начало из глубокого прошлого этого народа, а другие пришли с исламом. В результате их смешения получился сплав свадебных обрядов и обычаев, которые придают началу семейной жизни сокотрийцев, их семейному быту особую окраску, отличающую их от других групп населения Йемена. Речь идет, конечно, о той ситуации, которая существовала на острове в 70–80-е годы – основное время моей полевой работы.

Выбрав невесту, жених и его семья направляют к ней сватов. Сватами выступают обычно: отец жениха и если его нет, то старший брат или же брат отца в сопровождении двух-трех родственников. Они приходят в дом к невесте вечером, после ужина. Если идти приходится далеко, то они остаются там на ночь, притом даже в том случае, если сватовство не состоялось. После разговоров о здоровье и обмена любезностями, сваты зовут отца девушки (если его нет, то ее старшего брата или дядю), говорят ему, с какой целью пришли, т. е. просят отдать девушку за такого-то. Сваты не ждут немотивированного отказа – его, как правило, не бывает.

³¹ Самки всех видов оводов носоглоточных (семейство Oestridae) живородящи, но к моменту их появления из куколок личинки в яйцах не успевают развиваться. После появления в их брюшке яиц из них выходят молодые личинки. После этого начинается период активного поиска животных-хозяев. Самка выбрызгивает каждый раз по несколько личинок непосредственно в носовую полость животного, где они развиваются за счет слизистых и кровяных патологических выделений. Личинки очень чувствительны к высыханию и еще до испарения этой жидкости должны попасть на слизистую оболочку носоглотки. Некоторые животные во время нападения оводов вдыхают пыль и мелкий песок, тем самым высушивая носовую полость и в какой-то мере защищаясь от личинок. Взрослые личинки выходят через ноздри хозяина. В различных регионах известны случаи нападения носоглоточных оводов на человека. При этом самки обычно выбрызгивают личинки в глаз. Личинки быстро расползаются и царапают слизистую оболочку глаза, вызывая ее воспаление (конъюнктивит).

Они лишь говорят: если девушка не просватана, давайте договоримся о выкупе и о свадьбе, если же просватана, то простите нас и до свидания.

Если согласие получено, – начинается торг. Хотя закон тогда официально устанавливал максимум выкупа за невесту в 100 динаров, на практике это правило редко соблюдалось: все зависело от достоинств невесты и жениха, конкретных обстоятельств. Родители молодых могли сторговаться, скажем, на 150–200 динаров. Кроме того, договаривались о том, какие продукты внесет семья жениха на празднество: например, мешок риса, мешок сахара, канистра коровьего масла, молоко, коробка банок с томатной пастой, а также животных на заклание – одну-две коровы, а если коров нет, то семь-восемь коз и овец. Все это – и плата за невесту, и продукты – называется *хусара* (*husära*) букв, потеря, т. е. то, что теряет семья жениха, приобретая невесту. Как правило, тут же и вручают деньги, благо они уже приготовлены. Затем сваты договариваются о времени свадьбы: она может состояться сразу же после того как будут проведены необходимые приготовления или через неделю, десять, пятнадцать, двадцать дней, но обычно не позже.

В тот день, когда начинаются празднества, невесту, которая еще ни о чем не подозревает (как правило, ей ничего не сообщают, но даже когда она знает о намерении жениха посвататься, все же она не знает, что свадьба уже назначена), с самого утра удаляют куда-нибудь, с тем чтобы она возвратилась после шести часов вечера. Мать девушки созывает всех соседок, которые, помогая ей прибраться в доме и во дворе, метут, чистят, моют, готовят «стол» (т. е. разложенные на полу циновки и матрацы), толкут в ступке специи и кофе к вечерней трапезе. Каждая приносит с собой какие-либо продукты, будь то барашек, банка домашнего масла, мешочек риса, пара баночек томатной пасты и прочее – кто что может. В подготовке пира принимают участие все односельчане.

Тем временем в доме жениха тоже предстоит торжество. Здесь готовят много еды: ведь в доме собираются все родственники мужского пола, соседи и соплеменники. Примерно в половине четвертого – четыре часа дня начинается так называемое *зайефе* (*zayefe*), празднество. На праздничный ужин приходит много мужчин. Каждый из них приносит в подарок жениху определенную сумму денег – от 1 до 10 динаров, в зависимости от своих возможностей и степени близости к семье. Одни лишь возвращают долг (действует принцип «мне платили – плачу тем же»), и это не записывается; подношения же тех, кто впервые вступает в такие отношения с хозяином дома, фиксируются, чтобы жених мог потом по такому же поводу вернуть им долг. Ужин завершается в начале шестого. После этого в доме жениха начинается веселье, т. е. *мулид*, который продолжается до самого утра. Мулид сопровождает группа певцов и музыкантов, именуемых *маальма* (*ma'alma*), которые специализируются на исполнении свадебных песен.

В доме невесты тоже идут приготовления. Здесь уже собрались все женщины округи. Примерно в половине седьмого девушка должна вернуться домой. И тут ее поджидает сюрприз. Около дома ее подкарауливают несколько молодых людей из числа близких родственников. Один из них – обычно ее брат – неожиданно выскакивает из-за угла, хватая ее и несет на руках в дом. Так начинается *тырах* (*tlah*) – обряд «укладывания» невесты. В доме уже приготовлена *махадра* (*mahadra*) – часть комнаты, где постелено ложе, специально отгороженная на скорую руку занавеской из простыни или какого-то куска ткани. На него и укладывают невесту. Тут же сюда сбегаются все женщины, которые и сообщают напуганной девушке новость – ее выдают за такого-то. Все – и невеста, и гости – в один голос принимаются рыдать, после чего, наплакавшись вдоволь, – начинают веселиться. В этом им помогают специально приглашенные музыканты, именуемые *тэлюд* (*telud*). Они в отличие от *ma'alma* исполняют не религиозные песнопения, предписанные исламом, а сокотрийские народные песни – *тооди-хин* (*to'odihin*),

аккомпанируя себе на бубнах и барабанах. Женщины рассказывают невесте о предстоящей супружеской жизни, наставляют ее. Вскоре музыкантов приглашают поужинать, а затем веселье продолжается. К ужину приходят молодые люди, которым было поручено «укладывание», – теперь их очередь наесться до отвала. А потом накормят и плакальщиц.

Невеста же выбирает себе двух свидетелей, чтобы вместе с двумя свидетелями жениха пойти к *кади* подтвердить свое добровольное согласие на брак, и кади запишет молодых мужем и женой. Женщины после ужина возвращаются к исполнению сокотрийских песен, каждый куплет в которых начинается с распевного восклицания *yä wäw*. Праздник продолжается примерно до четырех утра.

На заре происходит еще одна ответственная процедура – *заффа* (*zaffa*). Это «введение жениха в дом невесты». Вся процессия – жених и сопровождающие его музыканты, а также небольшие группы родных, весело приплясывающих на ходу, – торжественно движется к дому невесты. Но в первый раз жених появляется в доме девушки лишь для того, чтобы совершить обряд «потирания невесты» – *масх маш*. Он входит к ней в комнату и кладет ей на голову крупную денежную купюру, как бы потирая ею голову. Это символизирует собой достаток создаваемой семьи, готовность жениха взять на себя все тяготы семейной жизни. После этого он сразу же уходит и возвращается в свой дом, где веселье возобновляется и не смолкает до восхода солнца. Тогда маальма уходит: после совершения *масха* их миссия заканчивается. Возвращаются с прогулки друзья жениха (в Хадибо во время *масха* они обычно прогуливаются на берег моря), он угощает их завтраком, и все расходятся. На этом первая часть свадебной церемонии заканчивается.

На второй день после полудня начинается праздник у невесты. У нее вновь собираются все женщины из округа – родственницы, соседки, соплеменницы, односельчанки, они поют народные песни и пляшут во дворе под музыку *тэлюд* (*telud*) до ужина. После сытной трапезы, в которой принимают участие все гости, начинается *кусбе* (*qusbe*) – обряд, аналогичный состоявшемуся накануне в доме жениха. Каждая гостя кладет на блюдо определенную сумму, и специально приглашенный писарь (*катив*) записывает в тетрадь, кто сколько внес. Эти деньги идут родителям невесты. Таким образом, все присутствующие женщины селения, имеющие дочерей, возвращают матери невесты те деньги, которые она (или ее мать) когда-то дарили им в день их свадьбы, а также добавляют какую-то сумму сверх этого. Когда придет время свадьбы их детей, нынешняя невеста, если у нее к тому времени будет дочь, вернет «долг», также добавляя от себя столько, сколько сможет. Эта добавка с новым «процентом» вернется к ней, когда придет черед ее дочери. Если же у нее не родится дочерей, то долг будет возвращен ее матери. Таким образом, женщины, не имеющие дочерей, не вносят вклада. Писарь регистрирует все эти расчеты, да женщины и без того держат их в памяти долгие годы.

У горцев же, где денег ранее почти не знали, помощь и по сей день часто оказывается в натуральном виде – козами, маслом.

По завершении процедуры «сбора пожертвований» все возвращаются к пению и пляскам. После заката солнца гости расходятся. Тут в дом невесты вновь приходит жених в сопровождении своих родственников, на этот раз для того, чтобы торжественно вручить ей *сабха* (*sabha*) – подарки. Если родственники жениха голодны, им поднесут ужин, если нет – напоят чаем, но угостят обязательно. Теперь он

может остаться наедине с невестой (женой) и поужинать с ней вдвоем, без свидетелей. Ночевать он остается у нее. Начинается *лейлат ад-духля* (*leylat ad-duhla*) – ночь, которая здесь чисто условно называется брачной. Дело в том, что жених пока не имеет права исполнять свои супружеские обязанности, хотя и спит с невестой в одной постели.

Наутро к ней вновь приходят родственницы, соседки, они убирают, украшают ее. Тело ее натирают благовонными маслами, глаза подводят сурьмой, лицо подкрашивают хной. На нее надевают новое, расшитое серебряными нитями платье. Отовсюду сходятся женщины полюбоваться на подарки жениха, которые выставляются для всеобщего обозрения.

Во время работы нашей экспедиции на Сокотре невестам уже стали дарить золотые кольца, браслеты, подвески, серьги, часы. Кто победнее – мог ограничиться новой одеждой – ярким платьем, накидкой, головным платком. Те, у кого совсем не было средств на подарки, могли взять украшения напрокат, которые образно называются *сабха ди фэне* (*sabha di fene*) – подарки для лица (т. е. напоказ). Заставив всех соседок поцокать языком, подарки вернут тому, у кого их одолжили.

Проходит третий день – теперь жених уже полностью вступает в свои права мужа. Один информант, у которого мы побывали на свадьбе, рассказывал: «На вторую ночь я поцеловал свою невесту, но не больше, ведь если я не могу терпеть, какой же я мужчина?!» Итак, вторая ночь представляется для мужчины своего рода испытанием.

Молодые супруги решают, когда жене переходить к нему в дом. Это может состояться сразу же на следующий день после брачной ночи, а может, в случае каких-либо препятствий, произойти через два дня, через неделю, максимум – через месяц.

К дому молодого человека молодую жену тоже провожает процессия – также *заффа* (*zaffa*), только теперь это «введение жены в дом мужа». Родные и подруги, припевая и приплясывая под удары бубна, медленно движутся к дому. А за калиткой уже притаился один из братьев или друзей мужа с маленьким козленком (или барашком) в руках. Как только молодая супруга приближается к порогу, он режет козленка прямо у нее под ногами и выпускает кровь перед ней на порог. С кровью от молодых должно уйти все дурное. Жена перешагивает через политый жертвенной кровью порог и входит в дом, который теперь должен стать, возможно навсегда, ее домом. Опять начинается праздничный ужин, в котором принимают участие и хорошо потрудившиеся женщины, которые пели и били в бубны, и не меньше их поработавшие мужчины, которые готовили в доме мужа еду. Теперь приходят посмотреть на молодую жену соседские женщины. Им подают холодной воды с сиропом. Долго гости не задерживаются. Если дом жены недалеко, ее мать остается ночевать у сватов, но все остальные уходят. Если матери нет в живых, всю процессию возглавляет старшая сестра молодухи или сестра матери, но непременно женщина из материнского рода. Если же дома расположены рядом, как чаще всего и бывает, то мать возвращается домой и засиживается с родными за полночь, обсуждая будущую судьбу дочери.

Если обстоятельства некоторое время не позволяют привести жену в дом мужа, он может навещать ее в доме ее родителей, оставаться там ночевать, но не переезжает туда.

Выкуп за невесту ее родственники расходуют по своему усмотрению. Обычно на часть суммы они приобретают подарки дочери. Иногда это заранее оговаривается. Бывает и так, что родственники невесты берут у родственников жениха лишь часть обусловленной суммы выкупа, оговорив, что на оставшуюся часть суммы жених купит невесте подарки. Бывает, жених настаивает на том, чтобы часть выкупа была потрачена так, как он считает необходимым. Уже говорилось, что в прошлом на Сокотре бытовал обычай, когда при разводе муж забирал заплаченный им выкуп или же его часть, но сумма его в то время была мизерной, натуральную же составляющую выкупа он, естественно, оставлял. Утешением покинутой служил *зимма* (*zimma*) – залог, особый вид выплаты (компенсации), которую жена получала от мужа при разводе или же от его родственников в случае его смерти. В годы моей полевой работы на острове залог оговаривался в суде, который устанавливал и его сумму – 5 динаров. Если родственники станут тянуть с выплатой залога, жена может пригрозить им либо тем, что

не будет его хоронить, пока не получит денег, либо тем, что не устроит поминки.

Описанная церемония свадьбы характерна для брака, заключаемого между жителями одного селения или близлежащих селений. В каких-то случаях свадебные обряды бывали несколько иными, но по сути оставались теми же.

С начала супружеской жизни молодые должны спать совместно; стремление мужа спать отдельно воспринимается женой как обида. По словам информантки, это означает, что он не хочет с ней физической близости.

Дети в возрасте примерно до 10 лет спят в одной комнате с родителями, потом их непременно отделяют, и они спят либо в другой комнате, либо во дворе.

У сокотрийцев, – во всяком случае, как рассказывали информанты из центральной части острова, и естественно, правдивость этих сведений не представлялось возможным проверить, – было принято якобы, чтобы по четвергам мужчина обязательно выполнял свои супружеские обязанности. Женщина тщательно готовится к этому дню – умасливает себя благовониями, душится, приводит в порядок прическу, надевает лучшую одежду. Если это все не окажет должного воздействия на супруга, он якобы может «откупиться» – заплатить 5 динаров. Подозреваю все же, что сказанное было лишь шуткой.

Праздники и ритуальные обряды

Суеверия, восходящие к доисламской эпохе, остатки древних верований и культов, обычного права у сокотрийцев, как уже было отмечено, причудливо смешивались с нормами шариата, что проявлялось и в быту местных жителей, и в их ритуальных обрядах, праздниках.

Например, горцы и в прошлом соблюдали рамадан, но не так строго, как их собратья из долин и прибрежных районов. Даже теперь, став более религиозными, они относятся к посту спокойнее, чем остальные жители острова, для которых этот месячный пост, как и для всех мусульман, – праздник.

В сокотрийском существуют специальные слова, обозначающие первый и последний дни рамадана: *marhaz* и *gibbāna* (в прошлом горцы определяли начало месяца только по луне).

В рамадан у сокотрийцев не было принято, как у большинства мусульман, ежедневно устраивать шумные посиделки за полночь, бурно веселиться с наступлением темноты, чаще ходить друг к другу в гости. Это объяснялось их более скромными, особенно в прошлом, возможностями, чем у жителей континента. Ночные же песнопения островитян прибрежных районов *рамса* (*ramsā*) проводились и в другие месяцы не реже, чем в рамадан.

Зато по-настоящему праздновали завершение поста. *‘Ид аль-фитр* – праздник разговения отмечали все. Первый день праздника *‘ид аль-фитр* семьи обычно остаются дома: режут баранов, обильно едят, поздравляют детей, ставят на стол заранее приготовленные сладости, женщины умасливают себя благовониями, облачаются в праздничные наряды, достают из сундуков украшения. На второй день супруги с детьми (живущие, как правило, в доме мужа вместе с его родней) навещают родственников жены; если муж так не поступает, – значит, он на них обижен. В этот же день сокотрийцы ходят в гости к своим друзьям, соседям, соплеменникам и, как водится, приносят с собой съестное. Мужчины и женщины сидят отдельно; беседа может продолжаться долго, время пребывания в гостях не ограничивается. Обычно все дома открыты для любого гостя. Даже в Хадибо, столице, любой человек может зайти в любой дом и ему будет оказано гостеприимство: его накормят, напоят чаем, обрызгают духами или окурят благовониями.

Сокотрийцы торжественно отмечают рождение ребенка. Женщина в прошлом рожала

обычно сама, без помощи повитухи, присев на корточки в специально приготовленной для родов хижине типа *стэре* (stere) и держась руками за свисающую с потолка толстую веревку. Через неделю после рождения ребенка считают, что он *sirqah min siyät* (букв. «вышел из огня»), и над ним совершают специальный обряд: ритуально сбивают волосы с головы, рассматривая это как своего рода очищение от грязи.

По случаю рождения ребенка его родители устраивают празднование – *зайефу*. Гости приносят в подарок небольшую сумму денег, которая предназначается для покупки младенцу всего необходимого и частично компенсирует затраты на *зайефу*. Здесь, как и в случае со свадьбой, происходит как бы взаимное кредитование сокотрийцев.

Не менее радостное событие для сокотрийских семей – день обрезания сына. У горцев еще недавно было принято совмещать этот праздник со свадьбой, чтобы сэкономить продукты, столь тяжело достающиеся хозяйству. В этом случае мальчикам, над которыми собирались совершать обряд, символизирующий их превращение в мужчин (обрезание делали – теперь это уже отдаленное прошлое – в очень позднем возрасте, а именно в 14–15 лет, вопреки мусульманским канонам), родственники подбирали невест и устраивали один большой праздник, продолжавшийся несколько дней. Вот отрывок из диалога горцев, записанный в 1983 г.

Мубарак: Моему сыну пора сделать обрезание. Скоро он станет большим. Мы хотим собраться. Надо послать к нашим соплеменникам, у которых тоже сыновья. К Исе, Али, Осману, чтобы договориться собраться в среду Скот резать будем в пятницу, а в субботу закончим праздник. Соберемся, чтобы договориться, кто сколько скота даст на праздник. Ты дашь десять голов, десять сайгов масла и четыре бурдюка фиников. И ты – десять голов, четыре сайга и четыре бурдюка. Встретимся на площади на полуденной молитве. Только не опаздывайте, приходите вовремя да пошевеливайтесь.

Мы пошлем в племя дарьхо и племя шаабхо, чтобы позвать их.

Позовем их, пусть побудут на празднике у моего сына, посмотрят, как он женится на дочке брата, большой должен быть праздник. Вы тоже попросите, чтобы все сделали хорошо.

Салем: Коль скоро ты будешь делать ему обрезание, мы тоже придем и попразднуем.

Мубарак: Как хотите, если есть желание, можете прийти и праздновать.

Мухаммед: Мы хотим, чтобы от каждого было по две коровы и десять голов (коз или овец. – *В. Н.*).

Салем: И с каждого по шесть сайгов и шесть бурдюков.

Мубарак: Нет, нет, так не пойдет. Уж слишком большой праздник получается. Не надо, чтобы все приходили, а то будет слишком много народу.

Али: Но нас-то ты не оставишь? Мы тебе близкие, нехорошо нам оставаться без праздника.

Мубарак: Нехорошо, конечно. Но и вы, и другие еще на многих праздниках побываете: девушек у нас много, так что будем их всех выдавать.

Али: Но мы тебе ближе других.

Мубарак: Только пусть Иса приведет корову и десять коз.

Салем: Корову и пятнадцать.

Мубарак: Нет, нет, не прибавляйте больше, пусть с каждого будет корова и десять коз. Хватит, пора собираться и готовить праздник. Давайте, давайте. Посоветуемся с *уккалами* (старцами – *В. Н.*). Всех, кто придет со стороны, я накормлю обедом.

Али: Ну а те, кто придет вместе с нами, с нами и пообедают, отдельно кормить их не надо.

Мубарак: Тех, кто подойдет вечером, мы разделим. Тем людям, кто из племени камхер, дадут десять козлиных шкур, коровью ногу и бок да пять коз. Вот и всё. Род белых из племени харавейхон столько же получит, племя калихо – тоже столько и шаабхо – столько же. А сколько [людей придет] из племени бет малик? Двое или трое?

Мухаммед: Трое. Сколько им дадут?

Мубарак: Им дадим козу, коровью ногу, бурдюк фиников и сайг масла – пусть принесут им. Еще осталось племя хизхеметен. А их сколько?

Мухаммед: Шестеро.

Мубарак: Тогда им полтора бурдюка и все то же самое.

Салем: Хватит с них и бурдюка.

Мубарак: Нет, нет, полтора бурдюка.

Салем: Да хватит одного бурдюка. Еще много есть сокотрийцев.

Мубарак: Давайте. Пусть для них поищут большой бурдюк. Идите, идите.

Али: Еще осталось племя ле-мин-'адха и гисфо. Ле-мин-'адха обойдутся одной циновкой (мяса с рисом): чужие нам они. А гисфо нет.

Мубарак: Пусть им дадут два бурдюка, два сайга и десять больших козлов.

Али: Ну а ле-мин-'адха?

Мубарак: Ле-мин-'адха получают пять циновок. А теперь идите. Давайте, потом увидимся. А теперь пообедаем. Накормите своих детей и женщин. А потом возьмите еду и несите на площадь. Некоторые гости придут ночью.

Салем: Помоги, Аллах, чтобы побольше людей прослышали о нашем празднике.

Мубарак: Еще солдаты придут, и служащие, и все приглашенные.

Салем: Надо им говядины дать.

Мубарак: Нет, угостим их козленком: говядина жесткая. Давайте, пусть им положат вместе и говядины, и молодой козлятины. Теперь на площадь, на площадь. Пусть там почистят, подметут, принесут хвороста, а мальчиков пора красиво одеть.

Мухаммед: Пусть им выстригут волосы на висках, научат, как вести себя, и отведут к камню.

Мубарак: Вот-вот. Научите их как следует да оставьте, пусть *мезейдехер* на них посмотрит.

Мухаммед: А ты видел мезейдехера?

Мубарак: Да, видел.

Мухаммед: А обрезание будем делать на площади или дома?

Мубарак: Конечно на площади! Зачем тогда делать праздник, если не будем обрезать на площади, перед всеми?! Давайте пляшите. Спойте-ка *хэдон-эдон*.

Салем: Ты слышал касыду людей из племени камхер? Что в ней поется?

Мубарак: Да, слышал, хорошая касыда, клянусь Аллахом.

Салем: Тебя в ней восхвалили.

Мубарак: Дайте им побольше еды. Окажите им гостеприимство. А они нам воздали в песне.

Мухаммед: Ле-мин-'адха обиделись.

Мубарак: Да не может быть, чего они хотят?

Салем: А ты слышал их касыду? Что они в ней поют?

Мубарак: Добавьте им мяса.

Салем: Ну а касыду-то ты слышал или нет?

Мубарак: Да нет, не слышал.

Салем: Они поют, что никто не встал перед ними и никто на них и не посмотрел.

Мубарак: Эй, Абдалла Масвийат, ответь им касыдой. Давай, племянник,

побыстрей, спой им.

Мухаммед: Поищите Абдаллу Масвийата.

Мубарак: Вот, ответили им касыдой. Пусть им подадут воды, пахты и чаю.

Мухаммед: Давайте, уже светает, кончайте, кончайте. Доброе тебе утро, старуха³². Теперь надо обрезать.

Мубарак: Где мальчики? Приведите всех, кому будут делать обрезание. Светает, да поможет вам Аллах. Сколько еще вы будете тянуть? Доброе тебе утро, старуха, да удалится от тебя рассвет. Где мезейдехер? Молитесь за пророка.

Мезейдехер: Да будет с тобой Аллах.

Мубарак: И с тобой тоже, мезейдехер. Смотри, поосторожнее, не порежь их, будь поаккуратнее, внимательнее с мальчиками.

Мезейдехер: Пусть попрыгают у камня – садиться мальчики ни за что не хотят.

Мубарак: Поистине, когда мальчикам делают обрезание, они становятся серьезными, взрослеют.

В 70-е годы некоторые старые горские обычаи постепенно отмирали, обрезание совершали в возрасте, предписанном шариатом, гораздо раньше, чем прежде, и не на виду у всех, а дома (хотя еще не в больнице, как теперь). Однако некоторые элементы старого обычая сохранились. В этот день приглашают гостей, родственники делают подарки – коз, овец. Иногда, как в приведенном выше случае, обрезание проводили вместе группе мальчиков из родственных или живших по соседству друг с другом семейств. Тогда на празднование, как и на свадьбу, могли пригласить музыкантов. Мальчики, как и встарь, должны были непременно продемонстрировать мужество, способность хладнокровно вынести боль – под пристальным наблюдением родственников. Традиционными оставались в 70-е годы и инструменты, каковыми проводилась эта операция, и статус лица, проводившего ее, и средства, коими облегчали затем страдания «пациента». Таким лекарством служил порошок из вываренной коры дерева *экиа*, которым присыпали рану, и зловонный состав *хальте* (*halte*), мешочек с которым вешали под нос и на шею и который нужно было нюхать в течение 15 дней.

Если ребенок умирал в раннем возрасте, ему делали обрезание, прежде чем похоронить, «чтобы он умер мусульманином».

Обычай обрезания девочек здесь ушел в прошлое, хотя о нем прямо говорится в архаичных фольклорных текстах. Однако сохранилось воспоминание, как рассказывала одна из информанток, о существовавшем в прошлом правиле: если девушка или женщина хотела отправиться в хадж, то перед этим будто бы ей следовало задержаться в Хадрамауте, где этот обычай еще кое-где соблюдался, и совершить обрезание, которое должно было символизировать собой полное очищение паломницы.

При совершении обряда обрезания всегда произносится традиционная, унаследованная от предков формула: *al ba'aris e slbib rahaq hes sibeho*. Смысл этой формулы, которая, несомненно, является заклинанием (возможно, древним), самим сокотрийцам был неясен. Дословный перевод ее тоже допускает различные толкования, буквально означает: «доброе утро тебе, старуха, да удалится от тебя рассвет». «Старуха», безусловно, – символ зла, которое, как уже говорилось, всегда воплощается в образе женщины, поскольку колдовством занимаются исключительно женщины. Обрезание совершается на рассвете, когда, согласно сокотрийским поверьям, вообще меньше всего шансов встретить гиннию, «железноногую» и прочие зловредные существа (которые активно действуют вечером и ночью), а совершающий

³² Об употреблении этой фразы см. ниже.

обрезание еще и заклиняет, чтобы «старуха» была далеко от рассвета, т. е. от обряда. Представляется наиболее вероятным толкование данной формулы как заклинание от сглаза: «пусть утро будет добрым, пусть старуха (злой дух, колдунья) будет далеко, не мешает обрезанию, не принесет зла».

Сокотрийский обряд обрезания, как мы видим, в 80-е годы еще сохранял черты древних обрядов инициации, к которым он восходит. Это сходство особенно проявлялось несколько лет назад, когда у носителей архаичной культуры – горцев обрезание проводилось в возрасте наступления половой зрелости. В прошлом обряд обрезания и над юношами и над девушками совершался, вероятно, в одно и то же время и в близких возрастных категориях; оно означало их приобщение к взрослым членам общества и готовность к вступлению в брак (необрезанный мальчик не имел права жениться).

Предложив свое толкование одной из опубликованных нами ранее ритуальных песен в рецензии на нашу работу, И. М. Дьяконов по этому поводу замечал:

«Девушка же эта (которую выдают замуж. – В. //.), по сокотрийской терминологии – *firhim*, буквально “обрезанная”, но не в смысле “созданная”, как думает В. Леслау (Leslau, 1938: 81); ср. общесемит. название девушки – *batul-at-*, т. е. “отделенная”. То и другое означает “девушка на выданье”, которая “отделяется” от своей семьи и рода при прохождении обрядов инициации (предваряющих признание ее способной к замужеству); а инициация, как известно, символизировала смерть, предшествующую новому рождению в новом качестве. О прохождении в прошлом сокотрийскими девушками обряда инициации говорит то, что “девушка” называется по-сокотрийски также *zahiya*, т. е. “необрезанная”; надо полагать, что *firhim* была, по крайней мере первоначально, девушкой старшего возраста по сравнению с *zahiya*. Обрезание было связано именно с обрядом инициации перед вступлением в брачный возраст, на что указывает сам термин “совершать обрезание” – *heton*; ср. общесемит. *hatan* – “жених”, а также данные о возрасте обрезания у горцев Сокотры, приведенные авторами (около 15 лет)» (Дьяконов, 1982: 209).

Примечательно, что еще незадолго до моего появления на острове обрезание юношей у горцев совпадало по времени с их женитьбой. Дело не только в том, что горцы экономили на празднике (хотя и это соображение они принимали во внимание, учитывая разорительные траты на угощение), но, по-видимому, и в непосредственной связи этого обычая с вступлением в брачный возраст. «Совмещенный» праздник обрезания юношей и вступления их в брак я имел возможность наблюдать еще во время первой поездки на остров в 1974 г.; о таком празднике говорится и в приведенном выше тексте.

В 1983 г. я записал от ‘Амера Ахмеда Да’р’хи песнопение, исполняемое при обрезании. Вот его перевод:

На восходе заклиная тебя тремя знаками Корана (алиф-лам-мим),
Чтоб ты открыл все доброе, что хранишь в себе,
И оказал уважение гостям.
Сейчас и из Катыйна придут гости,
Если ты захочешь, а мое сердце хочет.
Только ты плохо себя ведешь –
Ешь левой рукой,

А я этого не замечал,
Как слепой, не видел этого.
А когда старый человек так думает,
Ты дешево от него не отделаешься.
Ди-Рисмойтен – красивое место, цветом похожее на железо,
Но весь мир разделен, только люди его связывают.
Находа (капитан судна) и все воины, которые приплыли с ним на
праздник, хороши,
Да и все люди, клянусь перед тобой Аллахом, хорошие.
В Хэсхоне веселятся солдаты,
Жители Ди-Рисмойтена от них получили хорошую плату,
А жители Абуба – по новой чалме.
Не жалея, отопри лавку, пусть каждый берет сколько хочет,
Чтобы все гости наелись до отвала.
Пусть они гуляют до самого утра,
А ты еще много коз не зарезал.
Смотри, как много пришло солдат.
Я сначала думал, что ты скуп, ругал тебя, да'рхи,
Но сейчас вижу, что все довольны.
А за радостную весть надо заплатить шесть тысяч
Из твоей драгоценной лавки.

Эта песня явно восходит к очень древней традиции, но ее реалии относительно новы (упоминание о капитане судна – непременно персонаже множества фольклорных произведений, о солдатах и воинах – почетных гостях праздника, и др.), т. е. относятся к периоду махрийского султаната на Сокотре. В песне речь идет о селениях племени да'рхо – Ди-Рисмойтене и 'Абубе, где эта песня исполнялась. Однако и в других районах острова, по собранным нами материалам, бытовали весьма похожие на эту песни, исполняемые на аналогичную мелодию.

Главная тема песни – о важности события и необходимости щедро угостить всех гостей.Guests расхваливают, виновника торжества шутливо порицают: и угощает-то он неважно, и пожалел для гостей коз, и правой рукой есть не научился (левой, которая считается грязной, есть не следует), но в конце концов отказываются от критики и призывают раскошелиться. Песня, несмотря на кажущуюся незатейливость, далеко не проста и полна неясностей.

О том, что традиция обрезания все еще воспринимается на Сокотре именно как акт инициации (вопреки исламу, согласно которому значение обряда сводится к превращению мальчика в настоящего мусульманина), свидетельствует противопоставление «обрезанного» юноши (т. е. уже мужчины) «необрезанному» в «Истории Макона».

История Макона

Когда-то, в старое время, на вершине Хагъхера была построена крепость Макон. Несколько человек правили Маконом, и был среди них один силач-суахилиец. Завел этот суахилиец такое правило: каждый необрезанный мальчик, который зайдет в Макон, должен поведать ему о чем-либо, сделать предсказание. А когда тот предскажет что-то – давал ему силач сроку один год, после чего мальчик должен был прийти к нему. Если бы исполнилось то, что говорил он, суахилийца должны были

убить, а крепость его разрушить.

Но только никому из несчастных мальчиков не удавалось одержать верх над суахилийцем. А тех, чьи слова не исполнялись, убивали. И так погибали все мальчики, которые заходили в Макон.

Жил в те времена один человек из племени ригдхо, и был у него внук, мальчик, еще не обрезанный. Как-то попросил тот человек своего внука:

– Поднимись-ка в Хагъхер да сведи вниз наших коров, только, прошу тебя, не заходи в Макон.

Отправился мальчик. Идет он и думает:

– Почему бы мне самому не посмотреть на этот Макон? Зайду да поздороваясь с ними – авось ничего не случится.

Пришел он в Макон, а правители Макона спрашивают его:

– Ты обрезанный или необрезанный?

Мальчик отвечает:

– Не обрезанный я еще.

Тогда они спрашивают:

– А откуда ты?

Отвечает им мальчик:

– Я ригдхи.

– Ну что же, – говорят правители крепости, – тогда произнеси свое предречение, коль скоро ты необрезанный и пришел к нам в Макон.

– Надо говорить?

– Говори.

Делать нечего, мальчику пришлось говорить:

– Принесут вам мех с финиками, а вы не сможете отгадать, с какого сорта пальмы эти финики.

Подумали хозяева Макона: «Малец он еще не обрезанный, не сумеет он сделать этого».

Снова говорит им мальчик:

– Принесут вам сосуд с маслом, а когда откроют его, все вы чихнете.

Подумали они: «Малец он еще не обрезанный, не сумеет он сделать этого».

Снова говорит мальчик:

– И приведут сюда козу, которая сломает клыки вашему суахилийцу.

Подумали они: «Малец он еще не обрезанный, не сумеет он сделать этого».

И сказали ему те люди:

– Еще что-нибудь хочешь сказать или ты кончил?

– Все, нечего мне больше сказать.

– Тогда слушай, – обрадовались хозяева крепости. – С этого мига времени у тебя ровно год, живи себе с миром.

Отправился он восвояси и вернулся к своему деду ригдхи. Посмотрел на него дед:

– Не заходил ли ты, внук, в Макон?

– Да, заходил.

– А что ты сделал?

– Да сказал то-то и то-то. Ну и пусть, хотя, может быть, я неверно сказал, – отвечает мальчик.

Рассердился дед на внука: теперь надо придумывать что-то, выручать мальчика. Думал дед, думал и придумал.

Подоил он своих коз в горшки, поставил молоко на углях костра, затем снял сливки, собрал, заварил ими цветы дерева *соубехер*, наполнил сосуд и закопал его в землю.

После сезона жары опылил он пальмы. Опылил он у них по шесть и по семь

веток. А когда принялись они, сжег он все ветки вместе с листьями, так что осталось лишь по одной грозди с финиками. В сезон сбора урожая набрал он пригоршни фиников, разрезал каждый и разложил сушить на площадке. Очистил он их от кожуры и вытащил косточки, затем наполнил финиками большой мех.

Были у деда две суягные козы в Дешхесе, что в Ригеде. Как принесли они козлят, зарезал он одного из них, а другого отдал вскармливать обеим козам, чтобы выросла коза сильная и крупная.

Настало назначенное время. Хозяева крепости вышли встретить мальчика, чтобы расправиться с ним. Говорит дед внуку:

– Бери сосуд и мех и иди в Макон.

Взял мальчик и пошел. А дед остановил его.

– Подожди, – говорит, – накрой все это своей юбкой и ни в коем случае не смотри по сторонам, пока не пройдешь внутрь крепости и не убедишься, что коза, которая с тобой, дошла до самой ее середины. Когда окажется ее шея вровень со стойками двери, – произнеси:

Сломает она крепкий замок.

Войдет за той, что вскармлена двумя козами.

В Дишхесе воспитана теми, которые не кочевали.

Задождало, и стало холодно от звезд.

Только после этого ты можешь обернуться к козе.

Отправился мальчик в путь. Прошел половину пути и подумал: «Почему бы не оглянуться, надо посмотреть, идет ли коза за мной или нет?»

Оглянулся он. Как посмотрел он на нее, побежала она назад и вернулась домой. Пришлось и ему вернуться к деду. А старик был ведун. Говорит он мальчику:

– Наверное, ты посмотрел на нее, не дойдя до места, дедов внук?

– Посмотрел, дед, – отвечает внук.

Назавтра послал он с ним свою козу. Предупредил его:

– Теперь уж больше не оборачивайся, пока не дойдешь до места.

Снова отправился мальчик в путь и добрался до Макона. Произнес он те слова, которым научил его дед:

Сломает она крепкий замок.

Войдет он за той, что вскармлена двумя козами.

В Дишхесе воспитана теми, которые не кочевали.

Задождало, и стало холодно от звезд.

И сразу обернулся, посмотрел на козу. Прыгнула коза, да так, что перебила опоры, которые держали крышу Макона. Схватили ее владельцы крепости, отрубили ей голову, а суахилец облизывается: не терпится ему наестся свежего мяса. Сняли они с козы шкуру, отрезали поскорее шею и дали силачу-суахилийцу. Поднес он шею ко рту сбоку и вонзил в нее зубы. Тут и посыпались у него изо рта клыки прямо на землю. Как лишился он клыков, что с одной стороны рта, перенес он шею козы на другую сторону и опять вонзил в нее свои клыки, но и эти не выдержали – выпали у него изо рта на землю.

Тем временем разрезали хозяева Макона мех, увидели, что в нем финики. Только никто из них не может понять, что за сорт пальмы, на которой растут такие странные финики.

Принесли тут и сосуд. Сняли с него крышку. Как только сняли они с него крышку, ударил им в нос запах, и все разом чихнули.

Так мальчик ригдхи выполнил все обещанное. И настиг хозяев Макона приговор, который они сами вынесли. Отрубили голову суахилийцу, и в тот день пришел конец Макону. И была у мальчика большая радость.

Народная медицина

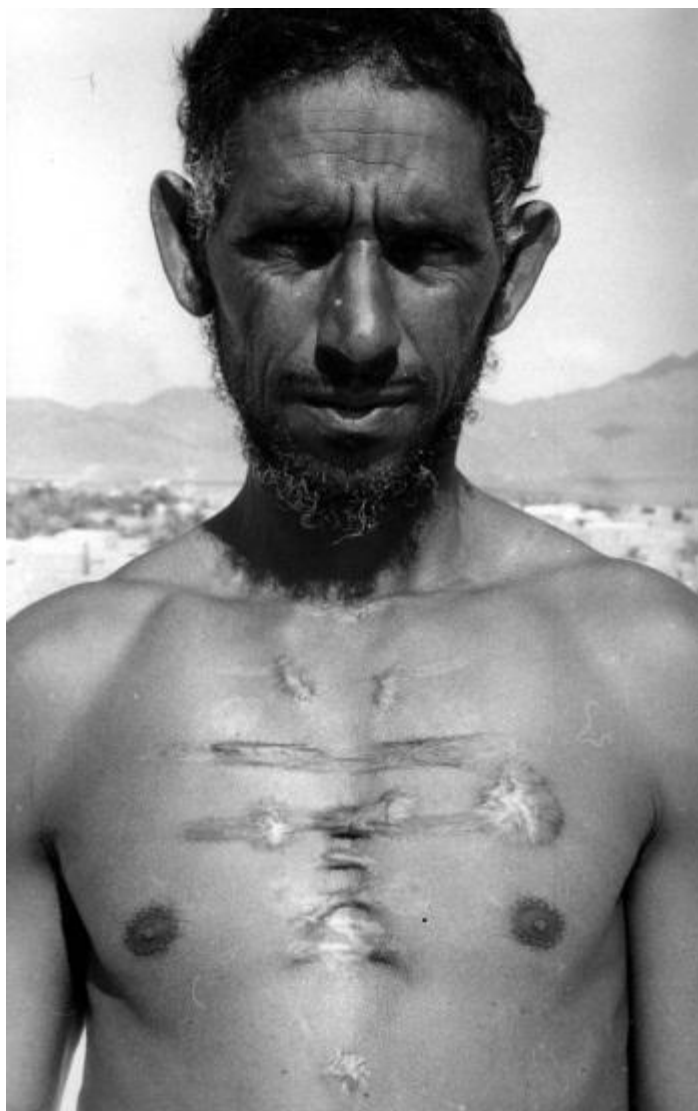
Итак, в недавнем прошлом вся жизнь сокотрийцев была обставлена древними предрассудками и суевериями, соблюдение сложных ритуалов и табу было обязательным, а мифы и легенды для многих поколений людей были главным источником знаний о мире. К примеру, если у ребенка начинал сильно шататься молочный зуб, так что его можно было вытащить, отец вынимал его пальцами, а затем его следовало закопать под кустом растения, называемого *sob'ohor di-berheten*. Это нужно было сделать для того, чтобы никто не мог помочиться на этот зуб – кустарник очень колючий. Сокотрийцы верили в то, что если бы это произошло, новый, постоянный зуб вырос бы криво или не на месте.

К древности восходили и традиционные народные методы лечения. Основным методом, который применяли при всех заболеваниях, – прижигание (продольное либо точечное). Оно было прерогативой тех же *маколе*, существующих в большинстве племен. Инструментом служил раскаленный металлический прут (в дни нашего пребывания на Сокотре это была простая спица). Прижигания делали обычно на больном месте: от головной боли – на голове, от воспаления легких – на груди и т. п. Представления о каких-либо определенных зонах или точках воздействия знахари не имели, их знания по части анатомии человека были самыми примитивными, хотя, казалось бы, скотоводы, прекрасно разбирающиеся в анатомии домашних животных, могли бы судить о человеке по аналогии. Тем не менее, в то время некоторые из них еще полагали, например, что сердце находится чуть ли не посередине груди. Иногда биение сердца, вполне нормальное, вызывало беспокойство у знахаря, который считал, что «стучат жилы, *fens*», и делал прижигание в форме двух параллельных полосок с точкой между ними.

На острове в те времена трудно было встретить человека (в том числе и маленьких детей), кто не подвергся бы прижиганию (илл. 5, 6). У некоторых буквально все тело было покрыто страшными рубцами. У одного информанта мы насчитали на теле следы 57 прижиганий. Стоит ли говорить, что последствия такого «лечения» зачастую бывали самыми трагическими.

Не менее бессмысленным было и другое «лечение» – когда у пациента вырывали небный язычок при помощи веревочной петли; этот метод применялся при простудах, ангине и т. п.

В то же время в народной медицине острова есть и к чему присмотреться: для лечения некоторых заболеваний сокотрийцы эффективно используют, например, растительные вещества. Эта часть народной медицины была подробно изучена Эдинбургской экспедицией, о вкладе которой в познание Сокотры уже говорилось в предыдущих главах этой книги, как, например, об использовании в лечебных целях смолы драконова дерева. Глиной коричневого цвета (*zidere*), в которой проделаны ходы летающими муравьями (они появляются в сезон дождей; их название – *didayliin*), лечат нагноения, абсцессы. Но против болезни *luwamsa* (это нечто вроде фурункулеза), как полагают местные знахари, помогает только прижигание. У горцев часто встречаются и многочисленные мелкие гнойные высыпания на коже, которые периодически появляются каждые несколько месяцев: это заболевание (или несколько схожих) называется *ardiye*. Горцы знают, кроме названных, еще одну сходную с ними болезнь – *t-se'o*; эти высыпания на коже, по убеждению сокотрийцев, появляются от соприкосновения человека с могилой, поэтому нам в то время с огромным трудом удавалось найти рабочих для раскопок погребений.

Илл. 5, 6. Следы традиционного лечения

Существует целый ряд магических действий, входящих в ритуал лечебно-профилактической магии. Например, новорожденным было принято перевязывать живот шерстяной ниткой, в более старшем возрасте – веревочкой. К руке ребенка над локтем часто прикреплен маленький мешочек с составом *хальте* (halte). Если ребенок умирает, следующему прокалывают в середине правое ухо, чтобы выжил (аналогичный обычай мы видели в Хадрамауте).

Доктор В. С. Шинкаренко, который за время двух сезонов полевой работы на Сокотре сумел не только провести большой объем исследований, но и оказать эффективную медицинскую помощь сотням больных, на приемах пациентов, которые мы проводили вместе, имел возможность профессиональным глазом оценить результаты как варварских прижиганий, так и иных способов традиционного лечения (илл. 7).

Илл. 7. В. С. Шинкаренко ведет прием бедуинов

Однажды к нам пришла миловидная женщина с золотыми серьгами в ушах. Она привела с собой пятилетнего мальчика, у которого в подмышечной впадине образовался огромный гнойник (гидроденит), причинявший ребенку мучения. К моему изумлению, ее просьба была связана вовсе не с этим заболеванием. «Дайте моему ребенку витамин, чтобы он был толстенький», – попросила мама, тем самым показывая нам, что она осведомлена о существовании такого современного средства, как витамин. А когда Шинкаренко сказал ей, что гнойник ее ребенка в таком состоянии, что опасен для его жизни, она очень удивилась. Кстати, мальчик был вполне упитан. Такое непривычное для нас отношение к болезни мы наблюдали тогда на Сокотре не раз. Кажущаяся легкость выздоровления мальчика после сделанной Шинкаренко операции, которую малыш, кстати, перенес не моргнув глазом, еще в большей степени ввела женщину в заблуждение, и она, кажется, так и не оценила, что наше вмешательство спасло ее сына. Надо сказать, что за 1990-2000-е годы на острове развитие и общей, и медицинской культуры сделало огромный скачок. Сегодня для сокотрийцев доступна квалифицированная медицинская помощь, и в этом – достижение местных властей, которые действуют при опоре на арабские фонды и международные организации, помогающие Сокотре.

У дочери одной из пациенток по имени Сальма, маленькой Фатмы, болели глаза. Для лечения ее мать применила народное средство: лоб девочки был помазан чем-то зеленым, а бритое темечко – зеленобурым. Зеленое вещество называется *хиле* (hile). Сальма не знает, откуда его взяла бабушка, а на темечке была смесь из корня толченой куркумы и листьев дерева *заад* (*Ziziphus spina-cnrusti*). Считается, что компресс из этих растительных веществ «прогоняет жар», понижает температуру тела, а также «сушит голову» – облегчает головную боль.

Говоря об обычаях сокотрийцев, мы не можем не упомянуть и о традиционной манере здороваться – соприкасаясь носами. Мужчины равного положения и возраста касаются носами,

а младший, здороваясь, дотрагивается носом до колена или руки старшего; в последнее время, однако, мужчины чаще стали касаться носом руки друг друга (илл. 43 на цветной вкладке).

Женщины раньше здоровались, касаясь друг друга носами 4–5 раз попеременно то одной, то другой стороной носа. Молодая женщина здоровалась со старой, сначала коснувшись носом носа, а затем – носом ее колена. Теперь под влиянием все шире распространяющихся современных веяний и разъяснений относительно вредности этого традиционного способа приветствия женщины стали здороваться так же, как мужчины: прикасаясь носом к руке друг друга, которую держат близко к лицу. Здороваясь с чужими, женщина почтительно прижимает руку к груди или животу.

Конечно, нынешнее развитие Сокотры, распространение арабомусульманской культуры и современного образования, убыстряющееся активное знакомство ее жителей с внешним миром – это удар по архаичным обычаям, обрядам, многие из которых обречены на исчезновение, однако традиционные черты духовной культуры островитян, тем не менее, сохраняют известную стойкость.

Сокотрийский фольклор

У сокотрийцев богатый фольклор – мифы, легенды, предания, сказки, песни. Приведу несколько замечательных сказаний и легенд из тех, что были записаны мною во время полевых сезонов на острове.

У сокотрийских племен существуют своего рода генеалогические сказания, повествующие об истории их происхождении. Такова записанная мной легенда о происхождении племени кешн, название которого совпадает с названием населенного пункта в Махре.

Рассказ о Рахабхане из Кешна

Давным-давно жил на западе острова, в Кешне, в пещере храбрый и богатый человек по имени Рахабхан. Жили с ним сын да слуга.

Как раз в то время напали на остров франки, и часть из них поселилась на Сокотре. Захотел Рахабхан прогнать франков и задумал для этого хитрость. Подкараулил он франкских мужчину и женщину, которые обычно ходили одни, и приказал сыну со слугой напасть на них.

Захватили они франков. Увел Рахабхан женщину, так что франк этого не видел, накрыл ее мужской юбкой, а затем под той же юбкой зарезал козла. Полилась из-под подола кровь, и франк подумал, что зарезана женщина. Снял он [Рахабхан] с козла шкуру и спря тал ее.

Тогда принес Рахабхан хворосту, разжег костер и поставил на него варить мясо козла, словно бы это была зарезанная женщина. А своему слуге шепнул, чтобы тот, как будто втайне от него, отпустил пленника.

Развязал слуга франкского пленника, а Рахабхан сделал вид, будто занят приготовлением пищи и ничего не замечает. Франк в страхе убежал и примчался к своим. Стал он рассказывать им, что женщину местные зарезали, зажарили на огне и съели, хотели и его съесть, да только пожалел его один человек, отпустил, вот ему и удалось убежать. «А теперь делайте со мной, что хотите», – говорит франк своим товарищам. Посовещались они между собой и решили убираться восвояси. Сели на корабль и уплыли с Сокотры.

А Рахабхан взял ту франкскую женщину в жены, родила она ему много детей, и

пошло от них племя кешн.

В сокотрийском фольклоре наряду с образами злых колдуний есть и светлые женские образы. Сокотрийцы признают за женщиной ум, сметку, верность, смелость. Все эти качества, например, характерны для героини одного из рассказов, выступающей спасительницей мужчины. Он был записан от неистощимого на рассказы моего старого горского друга Алмера Ахмеда.

Рассказ о верной жене и трех лжецах

Давным-давно женился один человек и жил со своей женой в полном достатке, пока не пришла к ним беда. Поразили людей засуха и голод, и стал тот человек нищим. Сказал он как-то раз своей жене:

– Поеду-ка я попытать счастья на чужбине, а ты оставайся дома.

– Поезжай, и да поможет тебе Аллах, – отвечала ему жена.

Отправился муж в дальний путь. Долго плыл он по морю, а в какую страну он приплыл, Аллах только ведает. Нашел он там работу, преуспел и завел свое дело.

В один из дней Аллаха прослышали трое мужчин из селения, в котором жила семья того человека, что он разбогател, и позавидовали ему. Думали они, думали и решили: «Сделаем пакость его жене. Пусть к ней отправится один из нас».

Выбрали они самого красивого и ловкого, и пошел он к той женщине. Приняла она его как положено, угостила кофе, и стал он ее соблазнять. А она говорит:

– Я сейчас не готова. Надо и в доме прибраться, и себя привести в порядок, умаслиться и надушиться. Приходи сюда завтра в это же время.

Обрадовался тот мужчина, да так, что до самого завтрашнего вечера не мог успокоиться. А назавтра вечером пошел он снова к женщине, как и было условлено.

А она тем временем сбегала к *устэту* (знахарю) и выпросила у него порошок, от которого человек сразу впадает в беспамятство, и еще разузнала, как можно оскопить мужчину. Вернулась она домой и приготовила зелье, смешав тот порошок с *хамаром* (самогоном).

Прибралась она в доме, приделась, умаслилась благовонными маслами, надушилась. Пришел мужчина, увидел, что в доме все так и сверкает, а женщина благоухает духами и благовониями, и возликовал. Принесла ему женщина стакан с зельем и говорит:

– Выпей, чтобы была у тебя мужская сила.

Выпил он того зелья и свалился наземь в беспамятстве. Взяла женщина нож, оскопила его и помазала лечебным снадобьем.

Проснулся наутро человек, увидел себя и испугался, что на том месте у него ничего нет и оно опухло. Вышел он из дома и по пути встретил одного из своих приятелей. Тот стал расспрашивать его, что да как. Соврал ему человек:

– Все в порядке, только я пришел, как она сделала все, что я хотел.

– Ну, тогда и я завтра следом за тобой, – обрадовался второй.

– Иди лучше сейчас, – говорит ему первый, – и пусть она назначит тебе свидание на завтра, после захода солнца.

Тут же пошел второй приятель к верной женщине, угостила она его кофе, и повторился у них такой же разговор, как с первым. И свидание ему женщина назначила на следующий день в такое же время, что и первому, сказав, что должна подготовиться как следует.

Пришел он в назначенное время, увидел, что она прибралась, приукрасилась и надушилась, и возрадовался. Дала она ему стакан со своим зельем, он и осушил его на

радостях. Упал он без чувств, и она оскопила его, как первого. Отрезанное же у двоих сложила в сосуд и присыпала целебным порошком куфр аль-ахья. Наутро встал он, увидел содеянное с ним и ужаснулся. Ушел он восвояси.

Встретил он первого, и стало каждому ясно, что с другим произошло то же, что с ним. Пошли они к третьему, спрашивает он их, а они в ответ:

– И не спрашивай, все было, как надо.

Отправили они его к женщине, и с ним повторилась та же история, что и с теми двумя. Сделала женщина трех приятелей скопцами.

Собрались они все вместе, и в конце концов рассказали первый и второй обо всем, что произошло с каждым, и третий сознался, что и его постигла та же судьба. Опечалились они, и стали решать, как бы придумать такое, чтобы отомстить той женщине.

Думали они, гадали, и наконец один из них сказал:

– Давайте поедem к ее мужу, пусть один из нас предъявит иск на все его имущество и все, что только у него есть, а другие двое как свидетели поклянутся, что он говорит правду.

Обрадовались все трое, замыслив черное дело, и отправились в путь. Женщина же прознала, что они замышляют что-то против ее мужа, остригла себе волосы и оделась в мужскую одежду. Села на корабль и добралась до того места, где жил ее муж, раньше, чем они. Пришла в дом правителя. Спросил он ее, принимая за мужчину, кто он и откуда. А она отвечает:

– Я сейид, святой человек.

Оставил правитель такого почетного гостя у себя в доме, оказал ему всяческое гостеприимство. В один из дней Аллаха приплыли туда те трое. Пошли они сразу к судье заявить на мужа умной женщины, а она в обличье сейида была в доме правителя. Вызвал судья мужа и стал судить их дело. Поклялись двое свидетелей, что деньги и имущество принадлежат истцу.

Тут сейид вышел из дома и направился к судье. Говорит мнимый сейид:

– Я сейид, и все мне открыто. Проверь-ка этих троих, не скопцы ли они, чтобы все было по закону и на их свидетельство можно было положиться.

Тут все увидели, что эти трое скопцы. Приказал судья отвести их в тюрьму, а мужа отпустил.

Говорит муж жене, думая, что перед ним сейид:

– Слава Аллаху, ты спас меня, сейид. Скажи, чего ты хочешь от меня. Я дам тебе все, что ты пожелаешь.

Отвечает ему жена:

– Если ты и вправду собираешься выполнить свое обещание, тогда подойди поближе, я скажу тебе на ухо, что мне надо от тебя.

Подошел муж к жене, наклонился к ней, а она говорит:

– Отдай мне свою жену, я женюсь на ней.

Разъярился муж, замахнулся на сейида, хотел ударить, но только спохватился и сказал:

– Бери самое ценное, что у меня есть, если хочешь, вырви мои глаза, но свою жену я никому не отдам.

Отвечает ему на это мнимый сейид:

– Ну ладно, подари мне тогда свое обручальное кольцо.

Снял муж кольцо с пальца, отдал сейиду.

Поплыли они одним кораблем на Сокотру. Подошла жена к своему мужу и говорит:

– Я зайду к тебе в гости, хочется хотя бы посмотреть на твою жену.

А как приехали они на остров, пошла она впереди мужа по дороге, будто

торопится в мечеть на молитву. На самом же деле прибежала она домой, успев опередить мужа. В доме у них оставалась одна девушка, и жена велела ей быстро прибраться и привести все в порядок, а сама тем временем сменила одежду и приняла прежний вид.

Приходит муж домой, и встречает его жена как ни в чем не бывало. Поздоровался он с ней и говорит:

– Со мной приехал один сейид, который спас меня от разорения. Приготовь хороший ужин, он скоро придет к нам.

Ждали-ждали они сейида, а того все нет. Поужинали они без гостя и легли в постель. Рассказал муж жене обо всем, что произошло. Тогда достала его жена кольцо, принесла сосуд, где складывала то, что отрезала у троих, и рассказала все, как было. Поразился муж и спрашивает:

– Скажи, как мне вознаградить тебя за все это?

И жена ответила ему:

– Ты уже вознаградил меня тогда, когда отказался отдать в жены другому. Мне этого достаточно.

Некоторые рассказы представляют собой реминисценцию арабских сюжетов, их герои привычны для йеменского арабского фольклора. Только Абу Нувас здесь именуется Али Бу Таиром.

История об Али Бу Таире

Был в одной стране Али Бу Таир, прославившийся своим умом и историями.

Жила там и одна женщина, у которой был сын. Пришли однажды туда из другой страны нечестные люди, купцы. И захотели они посмеяться над мальчиком. Говорят они ему:

– Если ты зайдешь в море и простоишь в воде с вечера до самого утра, можешь забрать все наше добро.

Захотелось разбогатеть сыну бедной женщины, поверил он купцам, хотя и боялся холодной воды. Попросил он у них написать то, что они обещали ему, на бумаге и расписаться. Дали они ему бумагу со своими подписями.

Как только зашло солнце, пошел мальчик к морю и зашел в воду по горло. А его старая мать пришла на берег, разожгла костер и села курить кальян.

До самого утра просидел юноша в холодной воде бурного моря, продрог до костей, чуть совсем не замерз. Но утром взошло солнце, он и согрелся. И потом пошел к купцам и говорит:

– Ну, давайте деньги, что вы обещали.

А обманщики отвечают ему:

– Да ты не выполнил условия, ведь твоя мать всю ночь сидела на берегу, жгла костер и грела тебя.

Юноша возразил:

– Как же мог согреть меня костер, когда я был в холодной воде, в море, а огонь далеко на берегу.

А обманщики в ответ:

– Иди отсюда, пока цел, ничего ты не получишь.

Расстроился юноша: зря просидел он всю ночь в воде. Пошел он пожаловаться на обман умному Али Б у Таиру. Шейха он нашел на берегу. «Помоги мне в моем деле», – говорит ему. «А что у тебя за дело? – спрашивает шейх Али. – Поведай мне».

Стал рассказывать ему юноша. Говорит:

– Пришли ко мне двое мужчин и пообещали отдать мне все свое богатство, если я смогу простоять по горло в море целую ночь, от вечера до рассвета. Простоял я в холодной воде до самого утра, а мать моя разожгла на берегу костер, чтобы прикурить от него кальян. Утром пришел я к тем двоим и потребовал свои деньги, а они говорят, будто согрела меня мать огнем своего костра с берега.

Спрашивает Али Бу Таир:

– А не взял ли ты с них расписку об обещании?

– Взял, – отвечает юноша и дает ее шейху. Взял ее Али Бу Таир и говорит:

– Хорошо, а теперь иди.

Пошел Али Бу Таир и передал всем султанам, вазирам и судьям, что были в этой стране, приглашение пожаловать к нему на следующий день на обед. Зарезал он десяток коз, принес хворосту и несколько котлов. Приказал он поставить мясо в котлах в одном месте, а огонь разжечь в другом – в двадцати шагах от котлов.

Расселись все гости, ждут, когда подадут обед. Уж три часа пополудни, они сильно проголодались, а еды все нет. Посмотрели они, видят: ко стер-то, оказывается, в одном месте, а мясо в другом. Спрашивают они хозяина:

– Шейх Али, как же у тебя сварится мясо, когда огонь так далеко от него?

Отвечает им Али Б у Таир:

– Что, так обед не сварится?

Удивились гости:

– Нет, – говорят, – не сварится.

Снова спрашивает умный шейх:

– Вы уверены, что не сварится?

– Конечно, уверены, – отвечают гости.

Тогда говорит им Али Бу Таир:

– Как же тогда костер, горящий на берегу, мог согреть мальчика, стоящего далеко в море?

Да и показал им расписки тех двух купцов. Как увидели они те расписки, велели отобрать у них все их деньги и отдать мальчику.

У сокотрийцев чрезвычайно развито поэтическое творчество. В каждом племени есть свои поэты, многие из них имеют широкую известность на острове. Поэзия многозначна и, будучи связана с родоплеменными сюжетами, зачастую понятна лишь соплеменникам поэтов. Салем Ахмед Салем Каррани, один из встреченных мной замечательных поэтов Сокотры из Западного района, мог завораживающе декламировать мне свои стихи часами. Поскольку сокотрийский язык остается бесписьменным, расшифровать записанные поэмы – дело чрезвычайно трудное. Но проблема не столько в этом, а прежде всего в том, что сегодня записей старых поэтических текстов крайне мало, с арабизацией целый пласт сокотрийской культуры безвозвратно уходит в небытие. Нужны усилия для того, чтобы восстановить его. Радует то, что в последние годы и на Сокотре, и в ОАЭ, где живет немало сокотрийцев, проводятся состязания поэтов, и все больше молодежи проявляет интерес к поэтическому фольклору.

Помимо чисто стихотворного жанра, есть особый жанр песенного творчества. Празднования и ритуалы у сокотрийцев всегда сопровождаются песнопениями. В каждом роде и почти в каждой семье есть человек, который умеет сочинять такие поэтические тексты, которые исполняются не только на праздниках, но и просто в часы досуга. Эти поэтические тексты делятся на несколько своеобразных видов и, в зависимости от принадлежности к тому или иному жанру, их или декламируют, или распевают на разные мелодии. Иначе говоря, существует определенный музыкально-поэтический канон.

Первый из этих видов – *темтэлэ* (temtelo, мн.ч. temötül). К нему относятся стихи, всегда

на чисто сокотрийском языке, поучительные по содержанию, напоминающие притчи, обычно с подтекстом, не всегда понятным тем, кто не знаком с отраженными в них реалиями, включая и самих сокотрийцев. Как правило, в основе такой притчи лежит история, в действительности происшедшая с человеком. *Темтэлэ* не поют, а быстро проговаривают. Вот пример:

ken de hen neṭā'an besen
id-tane'en id-kēde
kor netekey tanōbik
wi-t-'arbiyye šekloten

Как мы загоняли их (т. е. коз)
В Танехен, в Кеде (название мест около селения Ди-Рисмойтен в
Дарьхо),
Так мы курим табак
И учимся арабскому.

Смысл этого четверостишия таков: человек пригнал своих коз к родственникам, но пока он сидел у них, случился ливень, козы погибли, а он все сидел и курил табак (символ бесцельного занятия); он разговаривал по-арабски, получая от этого удовольствие, а тем временем потерял ценный скот.

Приведу еще один образец короткого назидания-притчи в жанре темтэлэ:

tentōben birheten
ṭe 'an ṭe qenheyeten
wa ške yintōben dahen
do'ot 'an ṭeytodsen

Отличаются родительницы
Одна от другой – воспитательницы,
И вооруженные [люди] различаются умом,
Мыслью друг от друга.

Этот короткий нравоучительный стих, который известный на острове поэт Али Абдалла Ригдхи (из племени ригдхо) охарактеризовал как очень старый, написан в характерной для традиционной сокотрийской поэзии манере – лапидарно и образно. Стих четко делится на две части – такая структура часто встречается в фольклорных произведениях этого жанра.

В первой части говорится о том, что женщины по-разному воспитывают своих детей, и поэтому, как пояснял информант, «у одной вырастает хороший сын, а у другой – плохой». Здесь бросается в глаза не лишняя смысла предпосылка: дети рождаются одинаковыми, но воспитание делает их либо хорошими, либо плохими. Так что отличие женщин друг от друга проявляется якобы в том, как они воспитывают своих детей.

Что же касается мужчин, «носителей оружия», о которых говорится во второй части стиха, то они тоже отличаются друг от друга. Мужчины не случайно поставлены на второе место: ведь различия эти предопределены воспитанием, они как бы вытекают из различия между воспитавшими их женщинами. Но отличаются мужчины друг от друга характером, разумом, моральными качествами – всем тем, что, как пояснил информант, определяет их поступки.

Темтэлэ служит и способом самовыражения, в песне человек часто говорит о себе, о своих бедах, горестях, радостях, успехах, любви. Например, бедняк сочинил о себе темтэлэ. Когда у него совсем не было пищи, он питался плодами тамаринда (*hibele*), плодами дерева *Ziziphus spina-christi* (оно называется по-сокотрийски *zaad*, а его плоды – *zireme*, по-арабски – *dum*), мелкими морскими крабиками, которых поджаривал на огне (*sahaq*).

ake to hibēle
 žirēme qasethen
 wi-yḥahaq d-baḷ rinhim
 eqal to d-baḷ lafi

Я ем тамаринд
 И «дум», я, худой,
 И крабов из моря,
 Они сделали меня слабым.

Еще одна темтэлэ:

tintefen aronik
 ‘agg tre‘e eroni
 yaḷ ma‘rek šer‘ehesen
 waḷ enkarker ken yheni

Ослабли икры (ноги)
 У мужчины, который пасет коз,
 И не дает им из сети (рыбацкой),
 И не копает землю, чтобы сажать.

Второй вид – *тентэрэ* (*tentero*, мн.ч. *tenötir*). Как и темтэлэ, это тоже – четверостишия на сокотрийском языке, но их всегда распевают на один и тот же мотив, при этом часто повторяют. Тентэрэ встречаются в текстах рассказов, где их произносят те или иные герои. Ниже следует пример тентэрэ, записанной в столь близком моему сердцу племени да‘рхо совсем недавно:

‘uqalk ‘ek ‘aqel rakahsen
 wa ho hek ere‘e kadah
 nim mahsen tri min obni
 salkiyo ‘an di min maṭif
 salkiyo takus bēne
 arkan we-meshebeten
 di-min maṭif ke nekalah
 te‘ek wa telata‘ lafi

Я оставил тебя, мудрого, он выгнал коз,
 А я тебе пасу, бедняк.
 Какой камень из двух лучше:
 Камень с гор или камень из долины?

Камень с гор, который хорошо сцепляется
 На углах и на крыше,
 [Или] камень из долины, который если мы бросим,
 Поломает (поранит) тебя и убьет сильного?

Автор этой тентэрэ имеет в виду, что первый камень лучше.

Третий вид – касыда (qasida). Это поэма обязательно с использованием слов из касиритского диалекта арабского, распространенного в юго-восточной части Йемена, или даже целиком на упрощенном варианте этого диалекта. Касыду тоже распевают, но ее мелодия отличается от той, на которую поют. Касыда исполняется только мужчинами, имеет припев *hedön edön*. Она часто используется при совершении различных ритуальных обрядов (по случаю обрезания, свадьбы и т. п.), но может быть и чисто развлекательной. Вот пример касыды, которую ее автор сочинил, когда пришел на зайефу, праздник:

nise sart mes maqtalib
 laḷ di nagimi sa‘īd
 dawwart lile wa-nahār
 wa-ṭarīq al-ḥaṣalit

В Нисе я бы заблудился,
 Если б не моя счастливая судьба,
 Я б искал ночь и день
 И не нашел бы пути.

А следующую касыду автор, родом также из да‘рьхо, сочинил для того, чтобы выступить на зайефе:

hes’ohon l-gunūd saka’
 wa dirismoyten mes ma‘āsh
 wa-‘abub mehendes mēl
 fakkat sōq min handurāb

Хэсохон накормит народ,
 А Ди-Рисмойтен – у него пища,
 А у Абуба хороший умелец («инженер»),
 Снял с рынка замок.

А вот пример песни еще другого, четвертого жанра – это обычно очень короткая трудовая песня, называемая по-сокотрийски *кульхель* (qulhel):

fāne ha dōmik
 fāne ha a‘tinok

Ты всегда здесь спал,
 А я всегда здесь тянул веревку.

Смысл этого: давай работать скорее, шевелись.

Вот что пишет об этом жанре молодой сокотрийский собиратель фольклора Фахд Салем Кафайин аш-Шазаби в своей небольшой работе «Мухтарат мин аль-Адаб ас-Сокотри» («Избранное из сокотрийской литературы»).

«Песни этого вида исполняются во время физической работы, они представляют собой повторяющиеся дважды или несколько раз два бейта, исполняемые в очень быстром темпе и высоким голосом. Рабочие разделяются на две группы, сначала одна группа поет эти два бейта, затем ей вторит другая, и так несколько раз. С такой песней спорится работа, а слова, как правило, отражают характер действия – подъем камней, их переноска, рытье канавы и т. д. Их поют строители, когда кроют крышу, носят тяжелые камни или землю, рыбаки, когда тянут сети. Например:

1-я группа: mergihel di min ber

2-я группа: al di ber bes

1-я группа: qayd inhi wa guniye

2-я группа: same habesiye

1-я группа: howro wa libene

2-я группа: qaar di bisese

1-я группа: al ahämel di mbelilin

2-я группа: imba‘d tomer wa ham5»

(Аш-Шазаби, 2006: 91–92).

Адекватно понять юмор этой песни без знания местных реалий и символики трудно, но буквальный перевод таков:

Камни и земля снаружи.
 Не тот, кто в них,
 Кто с веревкой и мешком.
 Померла старуха Хабешийя,
 Черная и белая.
 Дом, как у птицы бешуши.
 Не люблю я ленивых,
 [Наевшихся] масла и фиников.

Пятый вид – *samher* (samher). Эти песни исполняются мужчинами и женщинами совместно, имеют свой ритмический рисунок и припев wāw yā wāw. Прочитую то, что говорит о них аш-Шазаби, приводя в пример стих Салема Ахмеда Салема Каррани: «Это самый широко распространенный вид сокотрийской песни. Он исполняется на свадьбах, помолвках, праздниках по случаю обрезания, а также на вечеринках, в путешествиях, особенно верхом на верблюдах...»:

billā‘ak de ʔer tižāle‘
 wa tamōtilin ʃarāḥa
 min kāf di rikebōti
 sir inhi alla tižāli‘
 wa ‘aleyhen di šikāri
 di ‘aqal be sittīn metr
 bi hams daraga siyāsa

(Аш-Шазаби, 2006: 86–87).

В этом стихе сокотрийские слова перемешаны с арабскими, образность очень специфична. Буквально он переводится так:

О птица, ради Аллаха, Расскажи мне,
Расскажи как на духу,
Кто заставит тебя улететь,
С крыш Тильтина,
Ради Аллаха, открой мне тайну,
Ведь любовь пропала [Ушла] на глубину 60 метров,
А потом [поднялась ввысь] на пять этажей.

Шестой жанр – *то ‘одиин* (to‘odiin). Это праздничная песня, ее поют и мужчины, и женщины. Еще раз процитирую сокотрийского автора:

«Это распространенный вид, напоминающий самхер, но отличающийся от него быстротой ритма и танца, которым он иногда сопровождается. Исполняется на свадьбах и помолвках, причем кто-либо из поэтов произносит один или два бейта, находясь между двумя стоящими друг напротив друга рядами – мужчин и женщин, затем присутствующие повторяют эти бейты и начинают танцевать; при этом сначала ряд мужчин в ритм песни приближается к ряду женщин, отходит, затем те делают то же самое. И так от одной песни к другой, от одного поэта к другому долгие часы до самого утра» (Аш-Шазаби, 2006: 89–90).

Собиратель приводит в пример стихи поэта Мухаммада Ахмеда Баяды, смысл которых малопонятен без толкования самого автора:

hānet tho di ḥabr bōri
eṣfero di min mukalla
wa ho aḷ ma‘adk hada‘a
yaḥfaẓ allāṣarafaṣ
neṣabšḥi l-ter d-ka‘ar
murtama dyaḷḥawēlen

Предала меня Ди Хабр Бори (имя женщины, возможно, подразумевается Сокотра),
Птица из Мукаллы,
Был я ею обманут,
Да сохранит Аллах твою честь,
Положила мне у дверей дома
Тяжелую ловушку.

Седьмой вид – колыбельная, или *тинданэ* (tindāne) – которую поет мать своему ребенку перед сном, укачивая его. Во время полевого сезона 2009 г. я записал от Исы Амера Да‘рхи

две такие короткие колыбельные:

wa lōṣim ‘anš diššāf
ga‘lihil di qa‘ādo
wa beqālo wa zenēgo
‘āni di šḥaf wa ‘ād
žerehem be-ma‘rizo

Я умираю по этой ножке,
Большой, по тому, кто спускается
И поднимается, и несет
Бурдюк с молоком и еще
Плоды жиреме, которые на поясе.

В этой колыбельной мать, убаюкивая ребенка, нахваливает его, говорит, какой он будет здоровый и сильный.

wa-d-biyo aḷ tenḥag bek
di ged’ohoḷ waḷ težḥok hek
di šaḥšaḥan di ses ekref
il ‘aṯrha wa ses ḥouwanak
di bešābaš wa teza‘e d-biyo
wa deš besen maḥazeḷo
ber se di ta‘rir l-te’r
wa toyḷoy hok

Дитя мое, пусть она не играет тобой,
Та, с красивыми волосами, и не смеется над тобой,
Как играют пальцами,
Та, что носит браслеты,
И побрякушки, у которой ожерелье,
Из Бешабаша – та, что заберет моего ребенка.
Возьми из своего дома сироту,
Пусть такую, которую не любят,
Она будет всегда ждать тебя дома у двери,
И держи у себя
То, что взял.

Здесь мать поет своему ребенку, чтобы он, когда вырастет, не женился на девушке из чужого племени, даже если она будет богатой, она не будет его любить, будет насмехаться над ним. Пусть он лучше возьмет бедную сироту из своего племени, она будет дорожить им и всегда ждать его дома, и пусть он бережет ее.

Аш-Шазаби говорит о восьмом виде стиха – кануне: «Это сокотрийская песня, которую исполняет всегда один человек, мужчина или женщина. Часто это бедуинка, разыскивающая свою овцу перед заходом солнца. Пение может сопровождаться игрой на сокотрийском *найе* (дудочке). Песню поют высоким голосом, припевая после каждой строки «канунеу кануне». Вот пример такой песни:

yi'ōten ginna al ta'āba'
 min ḥoyhe 'es al gewonun
 'ar ta'āgub 'amil di šker
 wa elbil dyhe min edhero (аш-Шазаби, 2006: 93–94).

Люди, в рай просто не попасть
 И не поднять его с земли.
 Для него нужен благочестивый труд
 И доброе сердце для общения с людьми.

Существует и девятый, впервые описанный мной ранее (см.: На-умкин, Порхомовский, 1981) специфический вид поэтического творчества – *talba*, или *mobog*, – заклинание, исполняемое во время заклания животного. При этом просят у бога здоровья, много скота, выздоровления больного, дождя и т. д. Исполнитель этого заклинания сидит на корточках, одной рукой держа животное за рога, а другой – поглаживая его по бокам в ритм стиха. В племени бени малек нам довелось услышать наиболее архаичную форму *пгалбы*, когда все присутствующие после каждой фразы заклинания хором произносили *aminal* (Аминь!). Совершенно очевидно, что когда-то это был древний языческий обряд, на который наслоилося, возможно, сначала христианское, а затем и мусульманское влияние. Не случайно один из сопровождавших нас сокотрийцев, недавно основательно познакомившийся с исламом, презрительно назвал это действие *ширком*, т. е. многобожием, против которого, как известно, резко выступает ислам.

Среди образцов *талбы*, записанных автором в племени бени малек, два были уникальны еще в одном отношении: в них явно восславлялось Солнце. Являются ли эти заклинания реминисценцией поклонения Солнцу, некогда существовавшего на острове (наряду с поклонением луне)? Если сопоставить это предположение с другими, хотя и немногочисленными, свидетельствами, в частности, вспомнить об особой роли рассвета и заката во многих обычаях и ритуалах, а также многочисленные термины, относящиеся к солнечному свету, рассвету, учесть ориентацию древних погребений по оси восток – запад и прочее, то все это оказывается не лишенным смысла. Вот перевод одного из таких заклинаний:

Прости меня, Господи,
 За эти две козы, Господи,
 Пошли мне дождь легкий, который не принесет мне вреда,
 Господи,
 За этих двух коз, Господи,
 Воздай мне дождем, Господи,
 И даруй мне свою помощь, Господи.
 Я прошу тебя, Господи,
 Прошу и молю, Господи,
 В этот прекрасный час, Господи,
 Сохрани этого человека, Господи.
 Ты одарил меня этим козленком, Господи.

Сними с нас грех, Господи,
 В этот прекрасный час, Господи.
 Сохрани оставшихся в живых коз, Господи.
 Сохрани тех пестрых, которые остались, Господи.
 И пусть да не приблизится к ним чужой, Господи,
 В этот прекрасный час, Господи.

Родоплеменные сокотрийские поэты часто, как и во времена арабской джахилии знаменитые авторы *му'аллакат*, устраивают поэтические состязания. Вот пример типичного краткого диалога двух поэтов на диалекте арабского:

sekhi: şouba' al ihoz gibāl
 nār b-yiddu al iluf yedd
 we lesen išta'alk
 egobazank qahra

şouba': qahra be-yadd allā
 u-be-rās al-ḥakima
 wa hat al sultān er-rūm
 'an t-seki asalak.

секхи: соуба' не сотрясает горы,
 огонь в-его-руке не держится.
 языком горишь –
 я подавлю тебя силой.

соуба': сила в руке аллаха
 и в мудрой голове
 и ты не султан рума
 из секхи твой род.

Текст был записан мной от Али Абдаллы Ригдхи. Здесь пикируются двое: один по кличке Секхи, т. е. из племени секхо и одноименного селения, другой по кличке Соуба' (сопоставимо с араб. subā' палец). Секхи издевается над соперником, стремясь противопоставить ему себя, как и положено в подобных случаях: соперник неспособен сотрясти горы (а сам он, видимо, способен) и огня добыть не может (напомним, что традиционно огонь добывали путем трения палочек, для чего требуются немалые усилия и умение), а может лишь болтать языком и размахивать руками (что обычно делают при исполнении стихов), которые-де вот-вот загорятся от быстрого движения. Секхи хвастается, что может своей силой полностью подавить противника.

В этом шутовском состязании, где превосходства над соперником можно добиться не только размахом поношения, острой иронией и беззастенчивым хвастовством, но и необычностью полемического приема, ловкостью, с которой опровергаются наскоки соперника, и юмором. В данном случае Соуба', в свою очередь, не хвастается силой или способностью сотрясать горы, а говорит, что подлинной силой обладает лишь Аллах, что сила человека

заключается в его уме, и, стремясь умерить похвальбу соперника, добавляет, что тот не султан Рума, т. е. Византии (символ могущества), а всего лишь бедуин из племени секхо.

Поразительно, что немало сюжетов, героев и целых произведений сокотрийского фольклора, в том числе мифов, легенд, сказаний, зафиксированных мной на острове, обнаруживаются в том или ином виде среди текстов, записанных в начале XX века Д.Х. Мюллером от сокотрийского информанта (упомянутая выше экспедиция Венской академии наук). Сравнение также показывает, что фактически лексический состав сокотрийского языка сохранился почти неизменным на протяжении более чем столетия, что лишь подтверждает наш вывод об уникальной архаичности этого языка. К сожалению, мы ничего не знаем о происхождении информанта, с которым работал Мюллер, поэтому не можем судить о том, были ли данные произведения и сюжеты распространены на всем острове или же они характерны только для определенного родоплеменного ареала, с единой культурой и устной традицией, отличающими его от соседних областей острова. В любом случае, удивительно, что эта традиция на протяжении длительного времени успешно транслируется из поколения в поколение из уст в уста, не будучи поддержана письменной фиксацией.

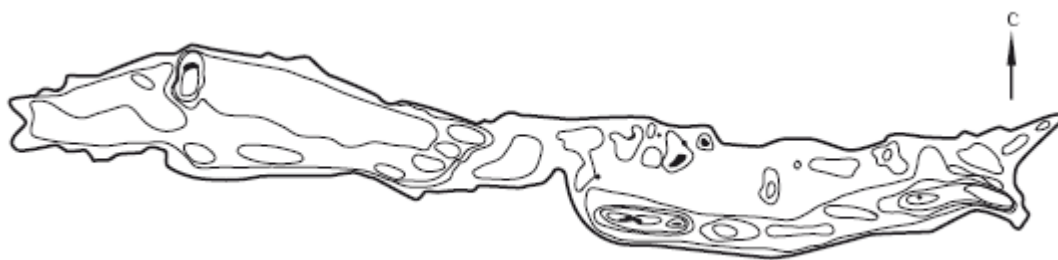
Поэтические и певческие таланты сокотрийцев, к сожалению, совсем неизвестны за пределами острова. Удивительно, что в труднейших условиях борьбы за существование, многовековой изоляции, бедности, природных катаклизмов вроде страшных засух, народ острова берег и развивал свою замечательную культуру, поэзию, песни, в которых он шутит и смеется, грустит и радуется, всегда проявлял выдержку и терпение, гордился собой, что люди сохраняли доброжелательность и уважение друг к другу, проявляли извечное миролюбие и готовность к взаимопомощи.

Глава десятая

Остров 'Абд-эль-Кури

Во время полевого сезона 1985 г. мне удалось совершить поездку на второй по размеру остров Сокотрийского архипелага – Абд-эль-Кури (илл. 1). Попасть на этот остров, казалось, еще более изолированный от материка, чем Сокотра, было моей давней мечтой. Особый интерес представляло то, что его жители, как я слышал, несмотря на свою малочисленность, говорили на таком диалекте сокотрийского языка, который довольно далеко отстоял от диалектов обитателей Сокотры. В 1967 г. на Абд-эль-Кури проживал 151 подданный султана Исы бен Афрара; во время полевого сезона 1985 г. я насчитал здесь 224 жителя, а в 2000 г. число их составило уже 371–186 мужчин и 185 женщин. Тогда же на третьем населенном острове архипелага, Самхе, постоянно жили 139 человек: мужчин – 81 и женщин – 58 (Miller, Morris, 2002: 13).

Природа острова чрезвычайно скупа. Растительный покров скуден, и что больше всего осложняет жизнь островитян, здесь почти нет источников пресной воды. В колодцах, которыми пользовались во время нашей поездки местные жители, вода была сильно засолена, мне с непривычки пить ее было очень трудно, казалось, что она не утоляет жажду, и даже чай с сахаром здесь имел соленый вкус (илл. 2).

Илл. 1. Карта Абд-эль-Кури по Доу (на 1970 г.), на которой помечены селения и колодцы

Илл. 2. Вид на Абд-эль-Кури с российского военного корабля в 1985 г.

Тем не менее, и люди, и мелкий рогатый скот, которого, правда, на острове было немного, привыкли к этой воде и жили здесь, видимо, с давних пор, о чем, в частности, говорит существование абдэльку-рийского диалекта сокотрийского языка. Он не восходит ни к одному из говоров, распространенных на Сокотре, на Абд-эль-Кури не было массового переселения какого-либо сокотрийского племени, население не гомогенно в этническом отношении, а сложилось от смешения различных элементов, включая и хадрамаутский.

Все население Абд-эль-Кури занималось рыболовством и было сосредоточено на северной и южной прибрежных полосах в восьми селениях: Бир аль-Агюз, Бейт-Иса, Хейма, Алийя, Хейсат-Салех, Ат-Тавахи, Серьхон, Минзабетен. Обращало на себя внимание то, что некоторые населенные пункты, известные за пределами острова под арабскими названиями, параллельно носили и местные: Бир аль-Агюз (по-арабски букв, «колодец старика») – Чахал; Бейт-Иса («дом Исы или племя Исы») – Гёрид; Алийя («высокая») – Касрир; Хейсат-Салех (залив Салеха) – Чекер (Д'Шекер); Ат-Тавахи (порт) – Хамир-Аферё.

Рыболовством на острове были заняты исключительно мужчины. Они добывали рыбу в количестве, достаточном для обеспечения пропитания своих семей и продажи части ее в

Хадрамауте. В Хадрамаут на больших лодках типа *уарра* вывозили в основном сушеную акулу и вяленую королевскую макрель (араб, *дайрак*). На вырученные деньги закупали все необходимое: рис, муку, чай, соль, домашнюю утварь, одежду и т. п. С развитием системы снабжения на Сокотре жители Абд-эль-Кури стали закупать продукты в основном там.

Основные средства производства рыбаков – лодки, моторы, снасти – составляли частную собственность семей или групп семей. Главные виды снастей: ставные сети; «сети– 3 аки душики» (*sabak*); переметы (*sakka*); «морды» (плетеные ловушки), называемые *qarqūg*.

Абдэлькурийцы, в отличие от жителей континента и сокотрийцев, употребляли в пищу и мясо морской черепахи. Видимо, это в какой-то мере компенсировало тогда недостаток белков в их рационе. Мой информант Ахмед Саид рассказал, что черепаха попадает иногда в плетеную ловушку («морду»). Это считалось большой удачей; пойманную черепаху называли *gadiho*, т. е. «нежданный дар»; ее мясо делили на всех членов семьи, и этого хватало, чтобы каждый мог насытиться. Черепаху ловили и на крючок. А в весенний сезон, когда она выползает на берег, чтобы отложить яйца и зарыть их в песок, рыбаки выслеживали ее и выкапывали яйца, которые употребляли в пищу. Лакомством считались и яйца, извлеченные из убитой черепахи.

Дополнительным средством существования местных жителей было скотоводство. Они разводили коз, реже – овец. Из-за скудости кормовой базы количество мелкого рогатого скота было невелико; в среднем на семью приходилось около 15 голов. В отличие от Сокотры, пастбища здесь считались общей собственностью всех островитян, каждый пас своих животных где ему вздумается. За животными ухаживали женщины, они же приносили воду, хворост, готовили пищу, заботились о детях.

Благодаря интенсивному обмену с Хадрамаутом в домах абдэлькурийцев было больше утвари, чем в традиционной сокотрийской семье (которая не получала средств от своих членов, уехавших на заработки за границу, или не занятых торговлей, строительством, транспортом). У большинства семей имелись радиоприемники или магнитофоны.

На летний сезон, когда из-за сильного ветра лодки не могут выходить в море, островитянам приходится запасать впрок все необходимое.

Во время работы на Абд-эль-Кури я ставил перед собой задачу выявить происхождение современных жителей острова, их родоплеменной, возрастной и половой состав, систему семейно-брачных отношений, особенности их разговорного языка, собрать образцы фольклора. Как показал небольшой полевой материал, браки на острове ввиду ограниченных возможностей заключались свободно, без соблюдения каких-либо традиционных предпочтений, но с учетом экономических интересов семей и родов. Несмотря на кажущуюся малопривлекательность и суровые условия здешней жизни, на остров, хотя и редко, переселялись выходцы с континента. Брак на Абд-эль-Кури в те времена был более стабилен, чем на Сокотре, процент разводов меньше (ввиду малочисленности жителей нет смысла заниматься подсчетами, достаточно ознакомиться с результатами проведенного мной обследования семей).

Приплыв на Абд-эль-Кури, я высадился на его северном побережье и провел некоторое время в селениях Бир аль-Агюз, Серьхон, Хейсат-Салех, Алийя; затем посетил селение Бейт-Иса. Было обследовано 150 человек (более половины всего населения острова) и проведены беседы еще с 30–40 жителями. Сделанные записи местного фольклора, образцов поэтической и повседневной разговорной речи показали немалые различия между абдэлькурийским диалектом сокотрийского языка и теми его формами, которые были зафиксированы мной на Сокотре.

На Абд-эль-Кури жители, объединенные в роды, живут в соответствующих селениях, однако эти роды не гомогенны, здесь нет эндогамии, такой, как на Сокотре.

Жители селения Бир аль-Агюз, или Чахал (t-sahal – по названию местного вади), считают, что начало их роду положил Салех, прадед нынешнего старейшины рода из хадрамаутского племени гамхи. Он приплыл на остров вместе с женой и дочерью и основал здесь селение, построив хижину. Говорят, что переехал он сюда из-за того, что в Хадрамауте тогда свирепствовал голод, рыбаки в силу сложных погодных условий не могли ловить рыбу, вот Салех и решил попытать счастья на далеком острове, где, рассказывали, рыба была всегда в изобилии. Возможно, сказалась и предприимчивость, отличающая хадрамаутцев, их извечная «охота к перемене мест». Нынешние потомки Салеха утверждали, что до их прадеда на острове вообще не было коренных жителей, сокотрийцы тут не селились. Но когда же в таком случае появился абдэлькурийский диалект сокотрийского? Кстати, в XIX в. он существовал и нашел даже некоторое отражение в материалах экспедиции Венской академии наук. Да и история других местных селений опровергает утверждение жителей Бир аль-Агюза.

Как бы то ни было, мне предстояло изучить состав населения острова, особенности его родоплеменной организации, что, в частности, могло бы помочь решить и вопрос о происхождении абдэлькурийцев (илл. 44 на цв. вкладке).

Селение Бир аль-Агюз состояло из семи домохозяйств.

1. Хозяин дома – Салем Салех Али Салех (правнук родоначальника). Жена – Фатма, дочь его дяди по матери. У него пятеро детей (два сына, три дочери). Одна из дочерей была замужем за сыном брата (см. дом 2), который с ней развелся, оставив ей трех дочерей. Сыновья хозяина уехали на континент в Хадрамаут. Сам он стар, и ему трудно управляться с хозяйством и содержать дом, но помогает племянник (см. дом 2). Всего в семье восемь человек.

2. Хозяин дома – Салем Хасан Салех. После смерти его отца Хасана, брата Салема Салеха (см. дом 1), мать вторично вышла замуж, ушла к новому мужу, а Салем остался у дяди – Салема Салеха, женился на его дочери, затем развелся. Вторично женился на девушке из селения Бейт-Иса, имеет во втором браке двух сыновей. Всего в семье четыре человека.

3. Хозяин дома – Салем Абдалла Сори. Его предки происходили из Сора в Маскате (Оман) и принадлежали к племени сори (несколько человек из этого племени поселились на острове). У него три сестры. Женат, трое детей (два сына и дочь). В семье восемь человек.

4. Хозяин дома – Авад Салем Ба Муса. Его предки – выходцы из хадрамаутского племени ба муса (район Кусей'ара). В первом браке взял в жены девушку из селения Бейт-Иса (где жили потомки племен сори и махри), затем развелся; его дети от этого брака (сын и две дочери) остались с матерью, затем сын Салем женился и переехал в Серьхон (см. Серьхон, дом У). Во втором браке женат на женщине из племени сори, сестре Салема Абдаллы (см. дом 3), имел от нее сына и дочь. В семье было четыре человека.

5. Хозяин дома – Гуман Саид Ба Муса, племянник Авада Салема (см. дом 4), женат на его внучке от первого брака, имеет от нее сына и дочь. В семье четыре человека.

6. Хозяин дома – Насыб Убайид. Он приехал на остров из Хадрамаута в поисках удачи, женился на сестре Салема Абдаллы (см. дом 3) и поселился здесь. Четверо детей (три сына и дочь). В семье шесть человек.

7. Хозяин дома – Саид Салем Ба Муса. Женат на сестре Салема Абдаллы (см. дом 3). Четверо детей (три сына и дочь). Один из сыновей женат на внучке Салема Салеха (см. дом 1), у них сын и дочь, все жили вместе. В семье девять человек.

Таким образом, 43 жителя селения Бир аль-Агюз, с одной стороны, представляли собой расширенную семью, объединение тесно связанных между собой родственными узами людей, с другой – это сообщество образовалось сравнительно недавно, и притом на основе разнородных элементов (племена гамхи, сори, ба муса). Жители селения, как и все островитяне, прекрасно владели арабским языком – его хадрамаутским диалектом, но легко переходили на

сокотрийский, который предпочитали в общении между собой.

К Бир аль-Агюз примыкало соседнее селение Серьхон (serhon), фактически состоявшее из одного большого домохозяйства, тесно связанного с одним из хозяйств Бир аль-Агюза. Хотя для удобства изучения я и разделил жителей Серьхона также на семь домохозяйств, – оговорюсь, что главы семейств здесь не были самостоятельными хозяевами, хотя и жили в отдельных хижинах.

1. Глава патриархальной семьи Серьхона – Салем Иса Губран. Происходит от коренных сокотрийцев с острова Самха, где жила небольшая община рыбаков, которая вела свое начало от западносоко-трийских племен и говорила на западном диалекте сокотрийского. Дед Салема перебрался на Абд-эль-Кури с острова Самха вместе с женой. Его сын Иса женился на женщине из племени сори, а их сын Салем взял в жены женщину из племени гамхи, жившую в селении Бир-эль-Агюз, которая ранее была замужем за его двоюродным братом по отцу Али Мансуром. Али умер, оставив жену и семерых детей: маленького сына (он был и в момент нашего опроса неженатым) и шесть дочерей. От Салема жена – вдова Али родила дочь, которая вышла замуж в Хадрамауте (ее муж – из племени йазид), уже имела двоих детей – сына и дочь. Все шесть дочерей были замужем: одна в Серьхоне за Аль-Абдом Авадом (см. дом 6); вторая за Саидом Мухаммедом Яфи'и (см. дом 5); третья – за Ахмедом Абдаллой, сыном брата Салема (см. дом 2); четвертая – за Мухаммедом Абдаллой, сыном брата Салема; пятая – за Салехом Саидом Салехом из селения Бейт-Иса, племя сори, имел троих детей (двоих сыновей и дочь); шестая – за Салехом Салемом Исой из селения Бейт-Иса, племя махри.

Раньше вместе с Салемом жил его брат Абдалла Иса, после смерти которого Салем взял на себя заботу о его жене и семерых детях (четырёх сыновьях и трех дочерях). Три сына выросли, женились, жили в отдельных домах, но фактически не отделились (см. дома 2–4). Хадид Абдалла пока не был женат, жил с отцом. Дочери вышли замуж и ушли к мужьям: первая вступила в брак с Салемом, сыном Авада из селения Бир аль-Агюз (см. Бир, дом 4); вторая – с Салемом Салехом Исой из селения Бейт-Иса, племя махри, родила троих детей (сына и двух дочерей); третья – с рыбаком из Хадрамаута; там она и жила, не поддерживая регулярных связей с островом.

Всего в доме пять человек.

2. Ахмед Абдалла Иса. Сын брата Салема (см. дом 1). Женат на дочери двоюродного брата отца, детей нет. В семье два человека.

3. Иса Абдалла Иса. Сын брата Салема (см. дом 1). Женат на дочери Авада из Бир аль-Агюза (см. Бир, дом 4). Трое детей (два сына и дочь). Всего в доме пять человек.

4. Мухаммед Абдалла. Сын брата Салема (см. дом 1). Женат на дочери двоюродного брата отца. Четверо детей (три сына и дочь). Всего – шесть человек.

5. Саид Мухаммед Яфи'и. Приехал из Хадрамаута, племя яфи. Женат на дочери двоюродного брата Салема (см. дом 1); восемь детей (пять сыновей, три дочери). Всего в доме десять человек.

6. Аль-Абд Авад. Выходец из Хадрамаута. Его имя (букв, «раб») указывает на его принадлежность к хадрамаутской касте рабов-африканцев. Женат на дочери двоюродного брата Салема (см. дом 1). Двое детей (сын и дочь). Всего в доме четыре человека.

7. Салем Авад Ба Муса. Сын Авада из Бир аль-Агюза (см. Бир, дом 4). Женат на дочери брата Салема (см. дом 1); трое детей (сын и две дочери). Всего – пять человек.

Итого в селении насчитывалось 37 жителей.

На примере этого сообщества очень хорошо просматриваются особенности абдэлькурийской патриархальной семьи. Из названных семи домов дома 1–4 составляли одно хозяйство, единую патриархальную семью. И хотя у каждого из трех племянников Салема была

своя хижина, всё – заработанные деньги и продукция (выловленная рыба, продукты животноводства) – отдавалось Салему, он этим распоряжался, принимал все решения, давал согласие на брак, выделял необходимую сумму денег на выкуп за невесту, на свадьбу, разрешал те или иные траты, вел хозяйство, руководил производственным процессом. Салем, сын Авада из Бир аль-Агюза (см. Серьхон, дом 7), отдавал деньги и продукты своему отцу (см. Бир, дом 4), хотя жил в Серьхоне; таким образом, он как бы входил в расширенную семью Авада, который точно так же, как Салем Иса в Серьхоне, был ее патриархом, выполняя соответствующие функции. Он выдавал Салему деньги на содержание его дома, в том числе и на питание. Иначе говоря, Салем одновременно как бы входил и в ту родовую группу, которая жила в Серьхоне, поскольку уже само проживание с родителями жены означало символ «членства» Салема в этой группе. Такая раздвоенность и на Абд-эль-Кури, и на Сокотре, где господствовала патрилокальная форма брака, встречалась редко.

Каждая семья, включая те, которые как ячейки входят в ее расширенный состав, владела небольшим числом мелкого рогатого скота (10–15 голов). Собственность на скот была раздельной; его не только передавали по наследству, но и часто выделяли детям при их вступлении в брак. Пасут скот обычно общим стадом. Если семьи питаются вместе, то все у них общее – и молоко, и шерсть, если же раздельно, то каждая ячейка семьи может использовать молоко и молочные продукты от своей части стада, что учитывается главой большой семьи.

Мужчины абдэлькурийской семьи представляли собой одновременно «естественную» рыболовецкую бригаду. Собственность на лодки, моторы, снасти была, как правило, коллективной, а сородичи выступали или совладельцами, или – в некоторых случаях, если вклад был непропорционален – «акционерами». Ахмеду Абдалле, например, были выделены деньги для покупки большой лодки типа *уарра* (семья располагала несколькими маленькими лодками типа *хури*, которые используются не только для рыбной ловли, но и для относительно далеких путешествий – в Хадрамаут, на Сокотру). Покупка совершалась на паях с детьми Авада из Бир аль-Агюза (Салемом, живущим в Серьхоне, и вторым сыном, живущим с отцом). Наблюдалась кооперация двух больших семей, требовавшая точного учета средств трудового вклада, соответствующего распределения.

Недалеко от Серьхона расположено место, называемое Минзабетен (*minzabeten*). Здесь на отшибе стоял дом, где жил старый рыбак Абдалла Амер, коренной сокотриец, уроженец острова Самха. Он был беден, его жена из племени сори – слепа, с ними также жила ее разведенная сестра с маленькой дочерью. Этой семье, имевшей всего четыре козы и две овцы, военнослужащие из маленького местного гарнизона помогали продуктами питания.

В селении Хейсат-Салех, которое сами жители называют Чекер (*t-seqer* – «то место, где есть черепаший панцирь») и которое расположено в центральной части острова, стояло всего четыре дома, но по числу жителей это было одно из наиболее крупных селений.

1. Хозяин дома – Ахмед Саид Ахмед Саид бен Амер бен Салех ал-Гамхи. Он выходец из хадрамаутского племени гамхи, потомок переселенцев на остров. Селение было названо по имени своего основателя – прапрапрадеда Ахмеда (это могло, следовательно, произойти около 150 лет назад). Ахмед Саид занимал должность заместителя мамура (административного начальника округа Сокотра) по острову Абд-эль-Кури, был старейшиной, шейхом абдэлькурийцев. Его жена родилась на острове. У них восемь детей (шесть сыновей, две дочери). Дочери живут в домах мужей. У всех сыновей, кроме младшего, – свои семьи; четыре сына с семьями жили вместе с отцом, вели общее хозяйство, один сын перешел в дом тещи.

Опишем семейное положение сыновей хозяина.

Мухаммед. Женат на дочери Фатмы, сестры Ахмеда, детей пока нет;

Саид. Женился на девушке из селения Бейт-Иса, у них сын и три дочери;

Салем. Женат на свояченице своего брата Саида, у него четверо детей – два сына и две дочери;

Мусаллям. Женился на девушке из Хадрамаута, жившей на острове, у них трое детей (два сына и дочь);

Амер. Как и Мухаммед, был женат на дочери Фатмы, у него трое детей (сын и две дочери), жил в доме матери жены;

Галеб. 15 лет, холост.

Таким образом, расширенная семья Ахмеда Саида состояла из 22 человек. Все мужчины занимались рыболовством, выходили в море на хури по два человека, у одного из них была лодка уарра, на которой он мог плавать в Хадрамаут и на Сокотру.

Посредством опроса абдэлькурийцев я установил, что брак здесь был всегда патрилокален. Тогда почему же Амер жил в доме тещи-тети? Семья объясняла это тем, что Фатме, у которой мало мужчин в доме, надо было помогать. Однако Амер вместе с домочадцами все равно считался членом большой патриархальной семьи, возглавляемой отцом, так что все заработанные деньги и добытую продукцию он отдавал в эту семью, оставляя себе определенную часть на питание и содержание семьи, передаваемую в дом тещи, в котором живет. Эта доля оценивалась в каждом случае по-разному – все зависит от дохода, поэтому ответить на вопрос о размере вклада опрашиваемые не смогли, но я выяснил, что все решает отец. Ахмед Саид собирал все деньги и продукты, определял семейный бюджет, необходимые траты, покупки, вел общее хозяйство.

2. Хозяйка дома – Сеида бинт Саид. Она единоутробная сестра Ахмеда Саида из дома 1. Их мать после смерти отца Ахмеда Саида вышла замуж вторично (на острове), за выходца из хадрамаутского племени гураб. Второй муж тоже умер. Осталось пятеро детей (три сына, две дочери). Два сына женаты: один на дочери Ахмеда Саида (живут у Сеиды), другой – на уроженке Хадрамаута, живет там, занимается рыболовством, владеет уаррой, иногда навещает мать. Дочери замужем: одна за Салемом Али Самханом из махрийского племени бану ‘аккуш, детей нет; вторая – за Али Ахмедом Амером (его отец – коренной сокотриец с о. Самха); у нее две дочери, все живут у Сеиды. Всего семья Сеиды включает 10 человек.

3. Хозяйка дома – Фатма бинт Саид. Сестра того же Ахмеда Саида. В первом браке была замужем за Абдаллой Баруком из племени гамхи, овдовела. От брака остался сын, тоже Абдалла Барук; живет в ее доме; женат на дочери Ахмеда Саида. Пять дочерей.

Во второй раз Фатма вышла за Ахмеда Амера Саида с острова Самха, от второго брака родила двух сыновей; Али один из них, женился на дочери Сеиды (см. дом 2), живет с семьей – женой и двумя дочерьми в доме Сеиды; Салех – взрослый, но холост, живет у матери.

Снова овдовев, Фатма вышла замуж за Салема Мубарака Саида, выходца из Махры, родила от него двух дочерей; затем Салем развелся с ней, уехал жить в Хадрамаут. Одна из дочерей замужем за сыном Ахмеда Саида – Мухаммедом, живет в его доме, детей нет; другая – за Амером, другим сыном того же Ахмеда Саида, у нее трое детей. Все живут в доме Фатмы.

Всего в этой семье 14 человек. Все мужчины (из них трое взрослых) занимались рыболовством, у них есть хури, работают по двое в одной лодке.

4. Хозяин дома – Салем Али Махри (Самхан). Его отец был родом из Махры, мать – из селения ‘Алийя на Абд-эль-Кури. Женат на дочери Сеиды (см. дом 2), детей нет. В этом доме вместе с семьей Салема жил его брат Салех Али с женой (родом из селения Бейт-Иса) и двумя дочерьми, кроме них – три сестры Салема с семьями:

Шейха, ее муж, уроженец селения Ат-Тавахи, и их четверо детей (три сына и дочь);

Махрийя с мужем, также выходцем из Ат-Тавахи, и их пятеро детей (четыре сына и дочь); мужья Шейхи и Махрийи – родные братья, они из хадрамаутского племени та‘айен;

Бишара, ее муж из селения Бейт-Иса и их трое детей (два сына и дочь).

Таким образом, в этой большой разветвленной семье было 24 члена. Питались все они вместе, но денежными средствами каждой семейной ячейки распоряжались их главы – мужья, которые лишь вносили свой пай в общий котел – на питание и домашнее хозяйство. Отличие этого типа расширенной семьи от сообщества родственников, возглавляемого Ахмедом Саидом (дом 1), состояло в том, что здесь не было патриарха, в качестве которого выступает отец по отношению к детям или – реже – старший брат по отношению к младшим: Салем Али младше своих сестер. Кроме того, здесь не было общей неразделенной собственности, которая досталась бы наследникам от умершего родителя, когда функции хозяина-распределителя как бы переходят от отца к одному из сыновей (старшему).

В данном случае произошло объединение собственности братьев, сестер и их мужей. В результате в семье не было единого бюджета, доходы не суммировались и ими не распоряжался патриарх (как в доме 1). Тем не менее, такой порядок существовал в «под-семье», образованной братьями Салемом и Салехом, где все общее и старший брат принимает все решения и за все отвечает. Сестры с семьями обычно в течение одного-двух месяцев в году гостят у своих мужей. Мужьям они объяснили свое желание переехать в Хейсат-Салех тем, что в колодцах Ат-Тавахи вода была более соленой, чем в их родном селении, и, кроме того, в Хейсат-Салехе гораздо лучшие условия для рыболовства.

Итак, в этом селении насчитывалось всего 70 жителей. Основным элементом местного общества составляли выходцы из гамхи, чистых сокотрийцев здесь, как и в Бир-эль-Агюзе, оказалось мало, больше было представителей других хадрамаутских, а также махрийских племен.

Равно как и в других селениях, всех жителей связывали между собой тесные родственные узы.

Недалеко от Хейсат-Салеха в местечке, называемом Хейма (heuma), на отшибе в одиночестве (как Абдалла Амер на востоке острова) жила старая женщина Халима ('агюз Халима, «старуха Халима»). Она овдовела и осталась одна, у нее было 20–30 голов мелкого рогатого скота. Ей также помогал военный гарнизон, а жители Хейсат-Салеха приносили рыбу, доили скотину.

В селении Алийя, по-местному Касрир (qasrīr, букв. «выступ»), расположенном в западной части острова, было всего три дома-хозяйства. Их главы: Рашид Ахмед Салех (из оманского племени сори), его брат Ибрахим Ахмед Салех и Саида Салех Сомали (имя которой указывает на ее происхождение).

Невелико было и поселение Ат-Тавахи (по-местному *хамир афере* – hämir 'afere).

Селение Бейт-'Иса, по-местному Гёрид (görid), было самым крупным по числу домохозяйств – их девять. Жители происходили от двух корней: махрийцев и оманского племени сори. К махрийцам возводили себя, в частности, внуки Исы: Ахмед Салем, Салех Салем и Салем Салех, каждый из которых имел свое домохозяйство. К сори относились внуки Салеха: Салех Саид, Мухаммед Саид и Салем Саид – также хозяева домов.

Относительно полное знакомство с селениями острова окончательно убедило меня в том, что собственно сокотрийский элемент в их этногенезе не был определяющим. Островитяне – настоящий сплав нескольких элементов, а знакомство с их обрядами и обычаями показало, что здесь весьма ощутимым было хадрамаутское влияние. Достаточно посмотреть на жителей острова: женщины носили точно такие же платья, как жительницы Хадрамаута («с хвостом»), но не Сокотры: они полностью закрывали лицо полупрозрачной газовой чадрой, мужчины подводили глаза сурьмой (обычай, повсеместно распространенный в Йемене, но в это время неизвестный сокотрийцам). Абдэлькурийская свадьба похожа на хадрамаутскую: там тоже

существовал обычай *рабта* (связывание невест), но не было *сукута* (укладывания невесты).

Однако не будем забывать, что язык у жителей Абд-эль-Кури и населения Сокотры – один. Каковы же культурные традиции островитян, их устный фольклор?

В селении Хейсат-Салех я познакомился с народным поэтом Салехом Ахмедом Амером (неженатый сын Фатмы – см. дом 3). Это был симпатичный молодой человек, примерно 27 лет, с тремя небольшими вертикально расположенными шрамами под каждым глазом в верхней части щеки (возможно, их сделали в детстве прижиганием для лечения трахомы), который долго и увлеченно пел нам и старинные абдэльку-рийские песни, и современные, сочиненные им самим.

Первую песню Салех исполнял протяжно, казалось, у нее длинный текст, но, когда он взялся объяснять его нам, выяснилось, что это лишь буквально несколько слов, которые по многу раз повторяются. Вот сокотрийский текст песни:

nahārin l-di-beker
di nisiš ba'dēbe
židre di-rezafseš
hōben židre aḷ inkarāmiš

Что же буквально означает процитированный стих? Вот дословный, точнее, пословный перевод:

Нос той, что родила впервые,
Которой забыла-ты мучения,
Куст, которым – накрыла-ты-его,
Камнем, куст чтоб-не-шевелился.

Согласитесь, что беспорядочный набор слов, каким представляется на первый взгляд стихотворение, может поставить в тупик исследователя сокотрийского фольклора, не получившего от информанта соответствующих пояснений, если даже вся лексика выяснена верно и правильно понята. Но вот каким предстает тот же текст в истолковании передатчика.

В стихе муж корит молодую жену, собирающуюся идти на рамсу (традиционную танцевальную вечеринку), чтобы наплясаться вволю. Он напоминает о недавно рожденном ею первенце («ребенок дорог тебе, как твой нос»), и это заложено в первом слове стиха. Как ни странно выглядит для нас это сравнение, для сокотрийца оно не только резонно (в силу почтительного отношения к этой части лица человека), но и образно, поэтично. Далее муж говорит: ты забыла все мучения, в которых рожала своего ребенка! Не должна женщина забывать о муках вынашивания и рождения ребенка и бежать на вечеринку. Муж стыдит ее: ты положишь ребенка под кустом, накрыв его (или завернув) и придавив под кустом тряпицу камешком, чтобы он с этого места не сдвинулся.

Так обращаться с ребенком, конечно, не годится, и легкомысленная молодая мать, вероятно, теперь уже не отправится плясать, а сам стих, который мужчины исполняют в назидание, должен наставить на путь истинный и всех других подобных ей матерей.

Поистине удивителен склад мышления жителей Сокотры и Абд-эль-Кури, проявляющийся в очень своеобразном поэтическом языке, характерном и для тех и для других. Как бы ни были похожи абдэль-курийцы на хадрамаутцев, с которыми они смешались, как ни прочны узы, связывавшие остров с континентом, все же культура Абд-эль-Кури – культура

сокотрийская, и в этом убеждаешься, когда знакомишься с местным фольклором. Правда, мелодия, на которую Салех распевал приведенный стих, называемый им касыдой (т. е. поэмой; см. об этом жанре на Сокотре главу девятую), резко отличалась от сокотрийских, но сам характер этого искусства – длительного распевания небольшого по размерам текста, несущего при этом большую смысловую нагрузку и оказывающего сильное эмоциональное воздействие на местных слушателей, – несомненно, чисто сокотрийский (хотя некоторая связь с Хадрамаутом и обнаруживается).

Для сокотрийской (в том числе и абдэлькурийской) устной народной поэзии характерна, как уже отмечалось, лапидарность. Слова как бы экономятся, многое недоговаривается, о смысле надо догадываться, стих непременно подлежит расшифровке. Непроизвольно возникает сравнение со стихотворными произведениями народов Древнего Востока, древней ближневосточной мифологией. Кажется, что строкам можно придать и совершенно другой, зачастую противоположный смысл. Видимо, в этой многозначности и заключается суть подобного произведения. Напомним, что многие сокотрийские стихи, распеваемые как песни, понятны далеко не всем. Они требуют пояснений самого автора или опытного декламатора, хорошо знающего традицию. Что же касается курийской песни, то сопровождавшим меня на Абд-эль-Кури сокотрийцам непонятны даже отдельные слова, по существу, того же языка, так как особенности курийского произношения мешают сокотрийцам вычленить их из потока речи; затрудняют понимание и фонетические различия между диалектами.

Еще одно аналогичное произведение песенно-поэтического фольклора, также, по утверждению информантов, известное со времен их прапрадедов. Оно относится к разряду *тамотил* (см. об этом жанре главу девятую):

mizibda l-di 'aqabš
ketah salīṭ belūka
waḷ 'ād keta 'ašīdin fēne
waḷ 'ād meken līrīmo.

Его дословный перевод:

Жир (для волос) чтобы-ты-положила
Или масло в сосуде
И еще если покроешь лицо
А-я-все от-вас шел-вперед.

Это – воспевание девушки, которую любит автор стихотворения. Он хочет украсить ее: «Хочу, чтобы ты смазала свои волосы жиром, чтобы они блестели, или благовонным маслом из сосуда, чтобы от них шел аромат, а лицо покрыла бы желтой краской». Поэт гордится своей любимой: «Когда ты украсишь себя таким образом, ты будешь так хороша, что мне захочется идти перед тобою, чтобы все видели, что это моя возлюбленная».

Настрой этого лирического и одновременно иронического произведения очень напоминает стихи, слышанные мной на Сокотре.

Салех запекает и сочиненную им самим песню. Исполнение ее, перебиваемое возгласами, затягивается, но, к нашему изумлению, в ней оказывается всего два фрагмента текста:

hēdo waḷ ‘alelēno
nefōg waḷ nefōg di-gāhem.

Затянулось (небо тучами) и не появляется (дождь)
(Не при) звезде и – не звезда, которая – утром.

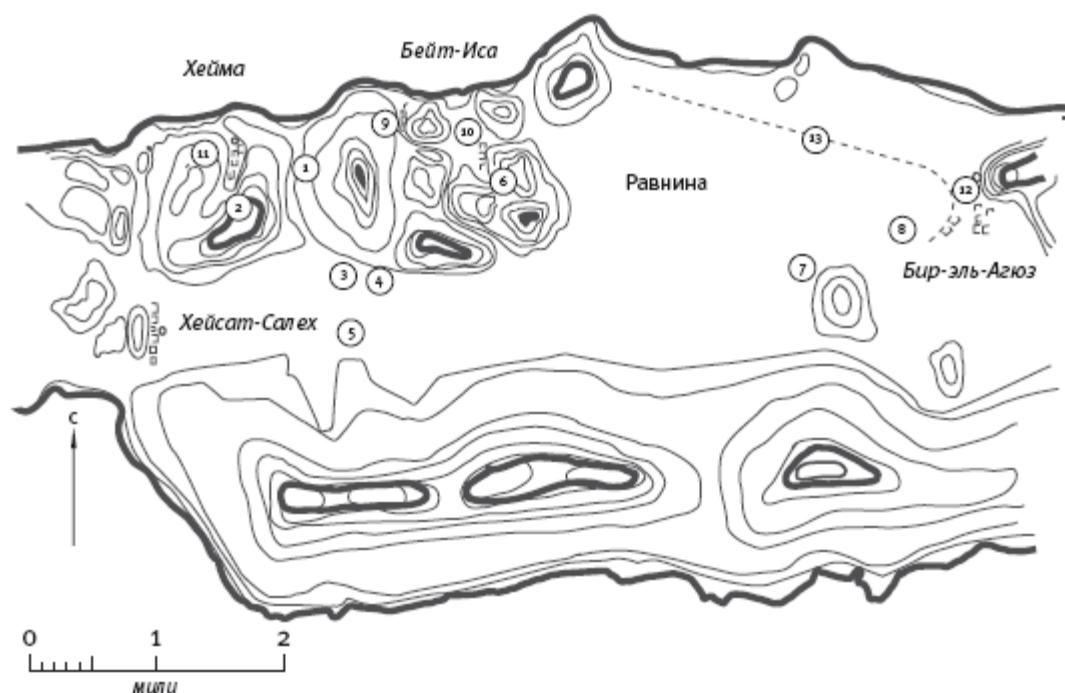
В этой песне Салех хочет выразить настроение человека, томительно ожидающего дождя, дающего животным корм, а людям – воду.

Небо нахмурилось, но дождя все нет, его ждут всю ночь, пока не появится на небе утренняя звезда, когда ожидание окажется напрасным.

В 1967 г. на Абд-эль-Кури побывали английские археологи во главе с Д. Доу (см. илл. 3). Они обследовали археотерриторию к югу и востоку от предполагаемого центра северного побережья, располагающегося около селения Хейма. На этой территории есть выходы гранита и известняка, образующих вершины гор.

Первой находкой, вызвавшей интерес археологов, была группа небольших кучек камней, каждая около 1 м в диаметре, на скальном грунте, находившаяся на расстоянии примерно 800 м к югу от Хеймы (внутри острова). В 450 м от береговой линии, на восточном берегу маленького вади, лежащего к востоку от Хеймы, были обнаружены развалины восьми домов, построенных из коралловых рифов без скрепляющего раствора. Около этих домов Доу нашел множество раковин с отверстиями в верхней части.

К югу от этого места, за скалами, которые образуют вход в узкую часть центральной долины, непосредственно выходящую к самой высокой горе Хасала, был открыт ряд объектов, в их числе два ряда мелких валунов, лежащих на берегу разрушенного канала, ведущего на север в вади. Они могли когда-то служить межами, разделяющими владения. Как пояснил сопровождавший археологов местный житель Абдалла, они были оставлены «людьми, жившими давно».

Илл. 3. Районы Абд эль-Кури, обследованные британской экспедицией в 1967 г. 1 – остатки строений, 2–3 – пирамидки из камней, 4 – линия из каменных пирамидок, 5 –

развалины группы строений, 6 – два полукруга, 7 – пирамидки, 8 – межа, 9 – селение Дасини, 10 – селение Гёрид, 11 – селение Хейма, 12 – селение Бир-эль-Агюз, 13 – группа строений у каменной стены

Несколько групп развалин находилось примерно на полпути через вади к подножию гор, где, возможно, в прошлом располагалось небольшое селение. В одном месте сохранилась часть стены, никаких артефактов не было.

На краю выхода гранита, на северной стороне вади, были найдены межевые камни, стоявшие вертикально на расстоянии 180 м друг от друга.

Поднявшись в северном направлении на скалы, с которых видно селение Бейт-Иса (Гёрид), Доу нашел два полукруга, составленные из небольших кучек камней. Эти две группы расположены на отдельных скалах и отстоят друг от друга на 270 м. Западная группа представляет собой полукруг из 14 кучек камней высотой примерно 30 см и диаметром 45 см. Они протянулись по поверхности горы на расстоянии 2,4–3,6 м друг от друга; азимут от края до края – 120°. Абдалла сказал, что и они положены здесь «древними людьми». Вторая, восточная группа камней выходит на широкую долину. Она состоит также из 14 кучек камней высотой 38–60 см и диаметром тоже 45 см. Полукруг, образуемый этими кучками, составляет в ширину 18 м, концы его расходятся на 210°. В 235 м к востоку от этих камней возвышаются руины длинной стены, сложенной из мелких камней и выходящей на долину.

Экспедиция осмотрела также широкую долину, ведущую к селению Бир аль-Агюз. Близ выходящей из грунта скалы, на расстоянии 1,2 км от деревни, лежат остатки пяти крупных круглых межевых сооружений из валунов. Напротив, на приподнятом берегу, в 800 м от моря, находятся развалины строений из камней и кусков коралловых рифов. Здесь же – и несколько жилищ неопределенного времени. Хотя Доу обнаружил в этом месте часть деревянного кубка и фрагмент неглазурованной керамики, самый поздний артефакт оказался осколком бутылки из-под содовой воды XIX в. (с овальным основанием). Дома в некоторых заброшенных деревнях, по мнению археологов, несмотря на необитаемость, выглядели лучше, чем современные жилища (как и в некоторых случаях на Сокотре).

В Бир аль-Агюзе экспедиция обследовала колодец, который сочла лучшим на острове. По рассказам жителей, он был очень старый. Диаметр колодца – 90 см, он сплошь донизу выложен камнями, вода находится на глубине 3,45 м. Археологи отметили необычный характер кладки в верхней части колодца. Устье колодца сужено – обложено каменными плитами (каждая около 45 см в диаметре), сверху оно закрывалось от загрязнения панцирем морской черепахи. Близ колодца на грунте сохранились участки кругообразной каменной выкладки (радиусом 1,2; 3,6 и 6 м), свидетельствующей о существовании здесь в прошлом мостовой. Последний участок представлял собой низкую стену из гранитных камней, вырубленных из близлежащей скалы. Вода в колодце, по сообщению Доу, была пресной.

Колодец действовал в Бир аль-Агюзе и во время моей работы на острове. Он не изменился, глубина залегания воды была непостоянна, но пресной назвать ее никак было нельзя. По отзывам островитян, в отдельные периоды в прошлом вода была лучше, но в целом на их памяти она всегда солоновата.

Экспедиция во главе с Доу осмотрела и само селение, лежащее к югу от колодца. Некоторые жилища в нем были построены из материалов, подобранных после крушения судна «Эршир», но по форме они точно такие же, как и хижинки в других селениях острова. Другие дома сложены из необработанных блоков коралловых рифов; они состояли из двух комнат и переднего двора. Эти строения напоминали тип жилища острова Халланийя (Куриа-Муриа).

Они расположены в вади, русло которого прорезает западный край поднятого берега, пещеры и расщелины в нем использовались как укрытие для людей, а также как помещения для складов и укрытия для коз.

На вершине высокого берега, на расстоянии примерно 180 м к западу от этого селения и англичане, и мы увидели длинную (90 м) линию (азимут 108°). Она в оригинале, видимо, была выложена пирамидками или трилитами из мелких обломков коралловых рифов (как в пустыне Руб-эль-Хали, от центра на восток к оазису Бурайми, по наблюдению Доу): за 18 м до конца этой линии находился круг из гладких валунов диаметром около 4,5 м.

Поездки английской экспедиции в другие части Абд-эль-Кури, в частности в селение Хейсат-Салех, расположенное на южном песчаном берегу и имеющее хороший колодец (обшитый досками с потерпевшего крушение судна) и старое кладбище, не дали, по заключению членов экспедиции, никаких новых свидетельств более раннего заселения острова.

Остается надеяться, что когда-нибудь нашей экспедиции удастся провести полноценные исследования археологических памятников Абд-эль-Кури.

Заключение

Проводившиеся автором в течение трех с половиной десятилетий исследования традиционной хозяйственной деятельности, социальной организации, археологических памятников, этногенеза, обрядов и обычаев, фольклора жителей островов архипелага Сокотра, представляющих собой особую этническую группу населения Йемена, позволяют сделать вывод о древнем происхождении их культуры, и сегодня сохраняющей немало черт от прошлых исторических эпох. Это объясняется тем, что население острова, особенно его горных районов, на протяжении многих веков было фактически изолировано от внешнего мира, контакты с которым оставались минимальными.

Сделанные экспедицией Института востоковедения РАН археологические открытия, показывающие, что первобытный человек появился здесь в эпоху олдована, т. е. не позднее 1,4 млн. лет назад, опровергают вывод наших британских предшественников, ошибочно утверждавших, что на Сокотре «не было обнаружено никаких свидетельств доисторического заселения острова, таких, как камни, кремневые или обсидиановые артефакты» (Дое, 1970: 151). Вполне вероятно, что в ту эпоху первобытные люди могли перебраться на Сокотру, соединенную с Африканским континентом грядой островков, из Восточной Африки. Но после того, как эти островки окончательно ушли под воду, люди, уничтожив животных, мясом которых они могли питаться, как можно предполагать, погибли.

Предки современных сокотрийцев сюда приплыли с Аравийского полуострова в историческую эпоху. Они были частью древнего коренного населения центральной части Южной Аравии, от которого помимо их самих отпочковались также предки современных махрийцев и дофарцев. Для того чтобы хотя бы примерно определить время выделения сокотрийского языка из его исконного состояния, когда его носители говорили с махрийцами и дофарцами на одном праюжно-аравийском, обратимся к результатам лингвистического подсчета хронологии разделения семитской языковой семьи, сделанного с учетом собранных нами сокотрийских материалов.

Согласно гипотезе А. Ю. Милитарева, прасемитский язык – предок всех семитских языков – разделился на диалекты в V тысячелетии до н. э. Этих диалектов было три: 1) предок ассиро-вавилонского, или аккадского, языка; 2) предок большинства известных семитских: аморейского, ханаанейских (еврейский, финикийский и др.), арамейского, арабского, сабейского, семитских языков Эфиопии; 3) предок нескольких современных «реликтовых»

языков Южной Аравии и Сокотры: махри, харсуси с джиббали-шахри и сокотри. Последние, таким образом, составляют особую, «южносемитскую», по терминологии автора этой гипотезы, ветвь семьи, противопоставленную «северносемитской» (аккадской) и «центрально-семитской» ветвям. Именно выделение южносемитской ветви и возведение предка современных южноаравийских языков непосредственно к прасемитскому уровню (без промежуточных степеней родства с другими семитскими языками) и составило новизну гипотезы, подкрепленной убедительным лингвистическим материалом. Она объясняет поразительную архаичность сокотрийского языка и его ближайших родичей, проявляющуюся и в фонетике, и в грамматике, и, что особенно интересно, в лексике. Показательно, что сравнение собранных нами материалов по языку островитян с теми, что были зафиксированы экспедицией Венской академии наук в начале XX века, показывает неизменность в целом словарного состава и бытование одних и тех же мифов, легенд, стихов, сказаний в сокотрийском фольклоре на протяжении более чем столетия.

По этой же гипотезе, сокотрийский язык отделился от общего южносемитского ствола где-то в первой половине I тысячелетия до н. э. Соответственно, этот срок – наиболее вероятная временная граница переселения носителей сокотрийского языка из Южной Аравии на Сокотру. Разделение оставшихся южноаравийских языков между собой (т. е. махри и близкого к нему харсуси с джиббали-шахри) приходится на гораздо более поздний период.

Таким образом, отделение сокотрийского от южносемитского языкового ствола и соответственно оформление группы племен – его носителей в самостоятельную, обособленную общность приходится на время, которое для этого региона было эпохой перемен. Примерно к той эпохе относится окончательное становление южноаравийской государственности, видимо, появляется письменность, мигранты с юга Аравии осваивают Эфиопию. Тогда жители Южной Аравии уже были знакомы с мореплаванием, и носители сокотрийского языка могли переселиться на остров.

Данные исследований по физической антропологии показывают, в частности, довольно большую близость по ряду антропологических признаков сокотрийцев и некоторых народов Индии, преимущественно дравидов. Однако, по данным обобщающего изучения южноаравийского материала, проведенного Г. Л. Хить, исходный для сокотрийцев – переднеазиатский европеоидный комплекс, признаки которого максимально выражены у горцев, тогда как в чертах жителей прибрежных районов больше отмечается индо-австралоидная примесь. У материковых же йеменцев (особенно у жителей Хадрамаута и Адена) индо-австралоидный компонент намного больше, чем у сокотрийцев; следовательно, этот антропологический комплекс распространялся, видимо, в прибрежных районах. Проблему контактов древних южно-аравийцев с индо-австралоидами еще предстоит в будущем решить. Палеоантропологические исследования, при всей недостаточности доступного для анализа материала, показывают антропологическую близость средневекового населения Сокотры к древним средиземноморцам Переднего Востока.

Носители сокотрийского языка были выходцами с материка. Они заселили Сокотру либо в начале I тысячелетия до н. э. (и тогда их исход, который в данном случае должен был быть массовым, возможно, и послужил причиной окончательного отпочкования их языка), либо чуть позднее. Ко времени расцвета хадрамаутского государства Сокотра, вероятно, была под его контролем, хотя и поверхностным, о чем говорит отсутствие на острове (за исключением одной пещеры) надписей, а также каких-либо следов языкового влияния. Можно предположить, что на Сокотре (так же как, вероятнее всего, и в весьма изолированных и труднодоступных районах Махры и Дофара) существовала своего рода периферийная культура, лишь в незначительной степени подвергшаяся влиянию древних южноаравийских государств (в первую очередь,

Хадрамаута).

В то же время остров был, вероятно, весьма важен для хадрамаутской экономики. Особые климатические условия, широко и всесторонне используемые сохранившиеся и сегодня деревья, дающие благовонные смолы, и деревья «драконовой крови», древние каменные межи, тянущиеся на многие километры, которые, скорее всего, в далеком прошлом обозначали границы между плантациями этих деревьев, – все это говорит о том, что в эпоху огромного спроса на ладан, мирру, алоэ и камедь драцены этот вид хозяйственной деятельности на острове определял его лицо. Д. Брайан Доу, оценивший размах древнего строительства на Сокотре, с учетом значения благовоний для экономики той эпохи сделал вытекавшее из этого предположение, что первыми поселенцами на острове с материка были «люди, культивировавшие благовонные деревья».

Конечно, эту гипотезу нельзя считать доказанной и трудно сказать, что именно собиратели благовонных смол и были первыми поселенцами Сокотры. Кроме того, сомнительно, чтобы экономическая экспансия (вроде той, о которой гласит известная легенда про греков, польстившихся на сокотрийское алоэ) стала мотивом переселения. Оно, по моему убеждению, могло быть вызвано другими причинами, а когда и при каких обстоятельствах здесь начали возделывать благовонные деревья и алоэ, еще предстоит выяснить.

Но, отбросив как недоказанный тезис о «кооперативном хозяйстве» и «сезонных рабочих», выделим весьма важное, на мой взгляд, предположение о жреческом, или храмовом, хозяйстве. На континенте такое хозяйство было развито, о чем, в частности, свидетельствуют и результаты раскопок археологов нашей экспедиции на городище Райбун в Хадрамауте (VII в. до н. э. – I в. н. э.). Похожих объектов на Сокотре пока не обнаружено, однако в этом отношении представляют интерес пока еще неизученные остатки мегалитических сооружений в различных районах острова, для возведения которых, особенно во внутренних, горных районах острова, несомненно, требовались огромные трудовые затраты. Непросто датируются и погребения под большими каменными саркофагами – дольменами, в основном разграбленные, также обнаруженные нами в различных частях острова. Надеюсь, что наши будущие археологические изыскания, если нам удастся их продолжить, помогут датировать эту культуру более определенно.

Сегодня мы с уверенностью можем утверждать, что со времен древности культура жителей острова оставалась единой и гомогенной, хотя определенные культурные различия между восточной и западной частями острова и сегодня явно прослеживаются. Преемственность в традициях, обычаях и обрядах, связывающая дохристианскую, христианскую и исламскую эпохи, говорит о прочности основы этой культуры. Возможно, и в ту эпоху на острове совершались миграции различных этнических элементов.

Наши исследования показали, сколь важное место занимала Сокотра в международной торговле, которая велась в древности в бассейне Индийского океана. Об этом свидетельствуют, в частности, находки на городище Хажря, где, как предположили автор с А. В. Седовым, в первые века нашей эры могла быть древняя столица острова. В связи с этой торговлей, основной вектор которой шел из Индии, многообещающим стало открытие Ю. А. Виноградовым древнего поселения в Коше (Западный район), предположительно относящегося к II–V векам н. э. О присутствии на острове в ту эпоху индийских торговцев свидетельствуют также граффити на брахми, обнаруженные в пещере Хок в восточной части северного побережья. В пользу тезиса об обширных торговых связях острова говорит обнаруженная в пещере Хок на его северном побережье табличка из Пальмиры, датируемая III в. н. э.

Кстати, Доу считал, что на Сокотре существовали поселения индийцев и африканцев, торговавших, возможно, камедью драцены, алоэ и черепашьими панцирями. Если это так, то

подобная торговля с островом должна была быть сезонной из-за штормового моря. А после того как спрос на благовония в IV веке н. э. упал, «...островитяне были вынуждены опираться на собственные ресурсы – рыболовство, разведение мелкого рогатого скота и земледелие... Вероятно, потомки тех земледельцев сегодня и являются сокотрийскими бедуинами гор и возвышенностей, куда они отступили с побережья в ходе последующих завоеваний острова махрийцами» (Дое, *op. cit.*: 152). Однако есть все основания считать, что скотоводство было исконным занятием бедуинских племен и Сокотры, и Махры.

Как показали проведенные нашей экспедицией на Сокотре археологические изыскания, на острове в Средние века существовали несторианские храмы, что подтверждает сведения хронистов о вытеснении из региона несторианами яковитов, которые преобладали здесь в раннее Средневековье. Важным было открытие подобного храма и некрополя на городище Хажря-4, относящееся к периоду VII–XII вв. Несторианский храм, как показывает анализ обнаруженного в раскопе угля, был возведен в IX веке н. э., и в том же веке, как показывают найденные мной письменные оманские источники, на остров из Омана приплыли силы хариджитов, которые попытались, но пока что безуспешно, отеснить христиан и установить на Сокотре господство ислама.

Наши раскопки в различных районах Сокотры показывают преемственность погребальных обрядов и типов захоронения, просуществовавших здесь вплоть до окончательной победы ислама уже после португальской колонизации, которая произошла в XVI веке, но фактически не оставила заметного следа в истории острова.

Сделанный нами на основе комплексных полевых исследований вывод о существовании здесь самобытной культуры, опирающейся на мощный автохтонный субстрат, относится в равной степени как к материальной, так и к духовной сфере, что подтверждает детальное рассмотрение двух основных культурно-хозяйственных типов на Сокотре – скотоводов и рыбаков, а также промежуточного, смешанного типа. Традиционное пастушеское скотоводство – наиболее архаичное занятие, исследование которого помогает реконструировать некоторые черты хозяйственного уклада предков сокотрийцев и родственных им народов Южной Аравии. Устойчивость этого уклада хозяйства опровергает упомянутое выше предположение наших предшественников

о том, будто коренные островитяне были вытеснены в горы пришельцами из Махры и тогда бывшие земледельцы, некогда культивировавшие благовонные деревья, были вынуждены заняться скотоводством. Отсталость скотоводческого хозяйства сочеталась здесь с разнообразием используемых в нем приемов и высокой приспособленностью к сложным природным условиям, выработанной веками.

Важная отличительная черта сокотрийского общества сегодня – сочетание отношений индивидуальной частной собственности с элементами общинного хозяйства. Это, в частности, коллективное владение пастбищами, источниками воды (как одним или несколькими племенами, так и всем сообществом сокотрийцев), возможность передачи права использования ресурсов от одного родоплеменного бедуинского коллектива к другому (например, в случае засухи), тщательно регламентированная традиционная система взаимопомощи.

Новые, постоянно меняющиеся условия в мире оказывают немалое воздействие на жизнь скотоводов. Втягивание жителей Сокотры в орбиту товарно-денежных отношений, идущий процесс социальной дифференциации, увеличивающееся с ростом численности населения давление на среду обитания, появление современных средств производства, быстро повышающийся в последние годы культурный уровень скотоводов и рост их благосостояния, а также набирающие обороты контакты с внешним миром – все это подточило и подтачивает, разрушает сложившуюся за века систему традиционных отношений. В то же время

сокотрийские племена, кланы и семьи приспосабливаются к новым условиям, сохраняя традиции родоплеменной солидарности и коллективизма, которые, однако, кое-где уступают место иным ценностям. В обозримом будущем современное хозяйство с современной технологией вряд ли способно заменить традиционное пастушеское скотоводство: для этого нет подходящих природных и экономических предпосылок. Если таковые и будут обеспечены, – непродуманное преобразование скотоводческого хозяйства может иметь крайне негативные последствия.

Бережное отношение местных властей к традициям племен скотоводов, поддерживаемое усилиями международных организаций, вроде бы говорит о том, что им не угрожает разрушительная трансформация сверху. Однако остается опасность дальнейшего истощения пастбищ (в результате перевыпаса), растительности, водных ресурсов из-за неконтролируемого расширения сети колодцев.

Что же касается рыболовства, то оно, как показывают последние годы, в гораздо большей степени, чем скотоводство, оказалось готово перейти к использованию современной технологии и орудий труда.

Социальная организация сокотрийцев, как показывают проведенные исследования, основана на родоплеменной структуре. Сокотрийские племена представляют собой территориально-родовые коллективы, состоящие, как правило, из двух-трех родов. Семейно-родственные группы живут традиционно компактно, но в последней четверти прошлого века стало наблюдаться и дисперсное расселение. Характерно, что у одних племен есть генеалогическая легенда о декларируемом или подлинном предке, у других, образовавшихся из разрозненных элементов на основе общей территории, – нет. При рассмотрении семейно-брачных отношений особое внимание привлекают традиции свободы женщины и ее большой социальной роли.

Духовная культура сокотрийцев закладывалась еще в ту далекую эпоху, к которой относятся найденные нами погребения, и ни христианство, ни ислам не смогли разрушить ее закрепленные многовековым существованием устои. Пережитки культа родовых божеств, лунопо-клонства, обожествления домашних животных, и по сей день транслируемые из поколения в поколение через устную словесную традицию; распространенный вплоть до последней четверти прошлого века обряд инициации (обрезание юношей в возрасте 14–15 лет); сохраняемая вера в демонов и духов; деформация некоторых мусульманских обрядов – все это составляло суть самобытной традиционной сокотрийской духовной культуры.

Поездки на Абд-эль-Кури позволили обнаружить здесь общество, сочетающее элементы островной и континентальной цивилизации и играющее роль связующего звена между Сокотрой и Хадрамаутом.

Социально-культурное развитие, наблюдаемое в последние годы на островах архипелага, позволит сокотрийцам избавиться от унаследованной отсталости. Растет сеть дорог, население имеет доступ к питьевой воде, электричеству, на острове действуют школы и филиал университета, госпитали. Построены новые мечети. Многие архаичные особенности материальной и духовной культуры сокотрийцев неизбежно канут в прошлое, исчезнут. Задача ученых, следовательно, – помочь сохранить в неприкосновенности уникальную сокотрийскую природу, археологические памятники и оригинальную поэзию, а также зафиксировать для науки и для будущих поколений те уходящие черты традиционной культуры жителей архипелага, с которыми мы еще совсем недавно могли соприкоснуться в этой неповторимой, поражающей воображение части огромного арабского мира – на «Острове Блаженства».

Библиография

На русском языке

1. Абдушелишвили М. Г., Алексеев В. П., Малхотра К. Ч. К характеристике профиля и уплощенности носовых костей некоторых групп населения Западной и Южной Индии в эпохи неолита и бронзы // Новые данные к антропологии Северной Индии. М., 1980.
2. Алексеев В. П. Происхождение народов Кавказа (краниологическое исследование). М., 1974.
3. Алексеев В. П. Новые данные к морфологической характеристике населения Месопотамии // Советская этнография, 1980, № 4.
4. Алексеев В. П. К краниологической характеристике древнего населения, оставившего Хасанлу (Иран) // Вопросы антропологии, 1984, вып. 74.
5. Алексеев В. П., Дебец Г. Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М., 1964.
6. Амирханов Х.А., Жуков В. А., Наумкин В. В., Седов А. В. Эпоха олдована открыта на острове Сокотра // Природа, 2009, № 7.
7. Андрианов Б. В. Неоседлое население мира. М., 1985.
8. Ахмад ибн Маджи д. Книга пользы об основах и правилах морской науки: Арабская морская энциклопедия XV века. Критич. текст, пер. с араб., коммент., исслед. и указатели Т. А. Шумовского. В двух томах. Т. 1. Иссл., пер., комм, и указатели. М., 1985.
9. Борсук О.А. Влияние сноса с островов на развитие береговых процессов. Морские берега // Вопросы географии, 1982, № 119.
10. Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М., 1983.
11. Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии: Очерки теории и истории. М., 1981.
12. Бромлей Ю.В., Кашуба М. С. Брак и семья у народов Югославии. М., 1982.
13. Бухарин М. Д. Неизвестного автора «Перипл Эритрейского моря»: текст, перевод, комментарий, исследования. СПб., 2007.
14. Виноградов Ю. А. Новые данные о южноаравийском порте Кана (I–VI вв. н. э.) // Археологические вести, 1993, № 2.
15. Волгин В. П. Предшественники современного социализма. Т. 1. М., 1928.
16. Гемуев И. Н. Семья у селькупов (XIX – начало XX в.). Новосибирск, 1984.
17. Геродот. История в девяти книгах. Перевод и примечания Г. А. Страта-новского. Л., 1972.
18. Гинзбург В. В., Трофимова Т. А. Палеоантропология Средней Азии. М., 1972.
19. Глазовская М. А. Почвы зарубежных стран. М., 1983.
20. Дебец Г. Ф. Население Южной и Передней Азии по данным антропологии. Происхождение человека и древнее расселение человечества // Труды Института этнографии АН СССР. Новая серия. Т. 16. М., 1951.
21. Дьяконов И.М. Рец. на кн.: Наумкин В. В., Порхомовский В.Я. Этнолингвистика Сокотры. М., 1981 // Народы Азии и Африки, 1982, № 4.
22. Золотарев А. М. Родовой строй и первобытная мифология. М., 1964.
23. Зубов А.А. Одонтология: Методика антропологических исследований. М., 1968.
24. Зубов А. А. Этническая одонтология. М., 1973.
25. Зубов А. А. Одонтологические данные по вопросу о двух первичных очагах расообразования. Ранняя этническая история народов Восточной Азии. М., 1977. С. 69–74.
26. Зубов А.А., Золотарева И.М. Монголы в мировой систематике одонтологических типов // Вопросы антропологии, 1980. Вып. 63.

27. Кейта Б. Антропология населения Республики Мали. Автореферат диссертации канд. наук. М., 1977.
28. Книга Марко Поло. М., 1955.
29. Крюков М. В. Система родства китайцев. М., 1972.
30. Леонтьев О. К. Некоторые геоморфологические особенности коралловых побережий островов Индийского океана // Комплексные исследования природы океана. Вып. 1. М., 1970.
31. Лобов Е. В., Хабаров А. В. Почвы. М., 1983.
32. Морской Атлас. Т. 2. М., 1953.
33. Наумкин В. В. Там, где возродилась птица феникс. М., 1977.
34. Наумкин В. В. Сокотрийцы. Историко-этнографический очерк. М., 1988.
35. Наумкин В. В. Полевые исследования на острове Сокотра // ВДИ, 1989, № 2. С. 158–161.
36. Наумкин В. В., Порхомовский В.Я. Очерки по этнолингвистике Сокотры. М., 1981.
37. Наумкин В. В., Порхомовский В.Я. Сокотрийские фольклорные тексты // Хадрамаут. Археологические, этнографические и историко-культурные исследования. М., 1995. С. 442–468.
38. Никифоров Л.Т., Коротаев В. Н. Геоморфология побережья о. Сокотра (НДРИ). Морские берега // Вопросы географии, 1982, № 119.
39. Ольдерогге Д. А. Эпигамия. М., 1983.
40. Острова западной части Индийского океана. Под ред. Л. Г. Никифорова. М., 1982.
41. Першиц А. И. Патронимия у арабов // Краткие сообщения Института этнографии (КСИЭ), 1951, № 13.
42. Першиц А. И. Из истории патриархальных форм брака (Нахва – орто-кузенный брак у арабов) // КСИЭ, 1955, № 24.
43. Першиц А. И. Пережитки дуальной организации в родо-племенной структуре арабов // Советская этнография, 1958, № 3.
44. Першиц А. И. Хозяйство и общественно-политический строй Северной Аравии в XIX – первой трети XX в. (Историко-этнографические очерки). М., 1961.
45. Пиотровский М. Б. Южная Аравия в раннее средневековье. М., 1986.
46. Пригоровский Г. М. К истории возникновения утопии Евгемера // Труды Института истории РАН ИОН. М., 1926. Вып. 1.
47. Псевдоарриан. Плавание вокруг Эритрейского моря // Вестник древней истории, 1940, № 2.
48. Рогинский Я.Я., Левин М. Г. Антропология. М., 1978.
49. Родионов М.А. Марониты: Из конфессиональной истории Восточного Средиземноморья. М., 1982.
50. Физико-географический атлас мира. М., 1964.
51. Седов А. В. Древний Хадрамаут. Очерки археологии и нумизматики. М., 2005.
52. Хайн В. Е. Региональная геотектоника. Северная и Южная Америка, Антарктида, Африка. Недр. М., 1971.
53. Хить Г. Л. Дерматоглифика народов СССР. М., 1983.
54. Хить Г. Л., Долинова Н. А. Дерматоглифика народов мира: 1985 (Рукопись хранится в архиве Института этнографии АН СССР).
55. Хить Г.Л., Долинова Н.А. Дерматоглифика туркмен // Антропология и этнография туркмен Узбекистана и Таджикистана. Ашхабад, 1986.
56. Хить Г. Л., Кейта Б. П. Дерматоглифическая дивергенция основных расовых ветвей человечества // Расы и народы. М., 1981. С. 25–39.
57. Шинкаренко В. С., Наумкин В. В., Хить Г. Л., Зубов А.А. Антропологические

исследования на о. Сокотра // Советская этнография, 1984, № 4.

58. Шруль К. Д. С., Maia M., Gente P. Structure and evolution of the eastern Gulf of Ha Sabax – утренняя заря (Заметки врача о Южном Йемене). М., 1986.

На европейских языках

59. DAcremont El., Leroy S., Patriat Ph., Beslier M-Od., Bellahsen N., Fournier M. Aden conjugate margins from seismic reflection data // *Geophys.J. Int.* (2005), 160. C. 869–890.

60. DAcremont El., Leroy S., Maia M., Patriat Ph., Beslier M-Od., Bellahsen N., Fournier M., Gente P. Structure and evolution of the eastern Gulf of Aden: insights from magnetic and gravity data (Encens-Sheba MD117 cruise). *Geophys. J. Int.*(2006), 165. C. 786–803.

61. Albuquerque. Alfonso. The Commentaries of the Great Alfonso Dalbouquerque, ed. by W. de Gray Birch. London: Hakluyt Society, 1875.

62. Akopian A. M. Les fouilles du secteur 2 – QänF. Le port du Hadramawt entre la Mediterranee, l'Afrique et l'Inde. Fouilles Russes 1972, 1985-89, 1993-94./sous la direction de J.-F. Salles et A. Sedov/ Brepols, 2010. C. 65–86.

63. Akopian A.M. Les fouilles du secteur 4 // Qani'. Le port du Hadramawt entre la Mediterranee, l'Afrique et l'Inde. Fouilles Russes 1972, 1985-89, 1993-94./sous la direction de J.-F. Salles et A. Sedov / Brepols, 2010. C. 123–148.

64. Albuquerque – Alfonso. The Commentaries of the Great Alfonso Dalbouquerque, ed. by W. de Gray Birch. London: Hakluyt Society, 1875.

65. An account of the Arab Tribes in the Vicinity of Aden. Bombay, 1908.

66. Anati, E. The Rock Engravings of Danthami Wells in Central Arabia. *Bolletine del Centro Comune di Studi Preistorici (Italy)*, 1970, vol. 5.

67. Al-Aqil, Abd al-Aziz. Zur Megalithfrage in Sudarabien. *Festschrift fur Werner Caskel zum 70 Geburtstag*, Leiden, 1968. C. 53–61.

68. Balfour, I. B. The Botany of Socotra // *Transactions of the Royal Society of Edinburgh*. 1888, XXXI.

69. [Barbosa, Duarte]. The Book of Duarte Barbosa, an Account of the Countries Bordering on the Indian Ocean and their Inhabitants. London, 1921.

70. Barnes, D. S. Tooth Morphology and Other Aspects of the Teso Rentition. *American Journal of Physical Anthropology*, 1969, 30, № 2.

71. Bent, J. T. & Mrs. Theodore. Southern Arabia, Soudan and Socotra. London, 1900.

72. Bernard V., Callot O., Salles J.-F. L'église d'al Qousour Failaka, État de Koweït// *AAE*, 1991, vol. 2, № 3. C. 145–181.

73. Bernard V., Salles J.-F. Discoveries of a Christian church at al-Qusr, Failaka (Kuwait) // *PSAS*. 1991. Vol. 21. C. 7-22.

74. Beydoun, Z. R. & Bichan, H. R. The Geology of Socotra Island, Gulf of Aden. *Quarterly Journal of the Geological Society*. London, 1970. Vol. 125 (3), part 3, № 499.

75. Bittner, M. Vorstudien zur Grammatik und zum Wörterbuche der Soqotri – Sprache. I. Wien, 1913; II, 1918; III, 1918.

76. Bittner, M. Characteristic der Sprache der Insel Soqotra. Wien, 1918.

77. Bonney, J. G. On a Collection of Rock Specimens from the Island of Socotra. *Philosophical Transactions of the Royal Society of London*, 1883, 184.

78. Bosworth, W., Huchon, P. and McClay, K. The Red Sea and Gulf of Aden basins // *Journal of African Earth Sciences*, 43.

79. Bott, W. R., Richardson S. M., Harbury N. A., Johns C., Scott D., Samuel M.A., Cranmer F.S., Smith B.A. and Hollard W.D. (1995). Remote Socotra and Ancillary Islands: Recent field

investigations of Paleozoic and Mesozoic outcrops and their relationship to speculative petroleum systems, in *Geo '94 – Papers from the Middle East Petroleum Geoscience Conference, Bahrain*, vol. 1, edited by M. I. Al-Husseini. Gulf PetroLink, Manama.

80. Botting, Douglas. *Island of the Dragon's Blood*. London, 1958.

81. Botting, Douglas. The Oxford University expedition to Socotra. *Geographical Journal*, 1958a. Vol. 124, part 2.

82. Boxhall, P. G. Socotra, Island of Bliss. *Geographical Journal*, 1966. Vol. 132.

83. Boxhall, P. G. Tribesmen of Socotra // *Geographical Magazine*. 1967, № 40(7).

84. Brambilla, Maria. Socotra. The Island of Treasures // *Ital. Gardenia Magazine*. № 2006, June 2001.

85. Brown, G.H. H. Social and Economic Conditions and Possible Development in Socotra. Unpublished mimeo, report. Aden, 1966.

86. Burr, M. On a collection of insects and arachnids made by Mr. E. N. Bennett in Socotra, with descriptions of new species. *Proceedings of the General Meetings for Scientific Business of the Zoological Society of London for the year 1898*. 1898, № 3.

87. Chagula, W. K. The Cusps on the Mandibular Molars of East Africans. *American Journal of Physical Anthropology*. 1960, 18, № 2.

88. Chelhod, Joseph. *L'Arabie du Sud, Histoire et Civilisation*. Tome III. Culture et institutions du Yemen. Paris, 1985.

89. Cheung, Catherine & DeVantier, Lindon. *Socotra: A Natural History of the Islands and Their People*. Science Editor: Kay Van Damme. Hong Kong: Odyssey Books and Guides, 2006.

90. Coon, C. S. *The Races of Europe*. L., 1939.

91. Cummins, H. & Midlo, Ch. *Finger prints, palms and soles*. New York, 1961.

92. Da Costa, Jose Pereira. *Socotra e o Dominio Portugues no Oriente*. Coimbra, 1973.

93. De Geest, P. Socotra Karst Project: The underground mysteries of Socotra revealed // *Bulletin of the Society of Arabian Studies*, № 9. C. 6.

94. De l'Afrique, contenant la description de ces pays et la navigation des anciens capitaines portugais. *Temporal*. Paris, 1830, 4.

95. Doe, D. Brian. *Socotra: An Archeological Reconnaissance in 1967*. Miami, Florida: Field Research Projects, 1970.

96. Doe, D. Brian. *Monuments of South Arabia*. Naples and Cambridge: Falcon – Oleander Press, 1983.

97. Doe, D. Brian. *Socotra: Island of Tranquility*. London: Immel Publishing, 1992.

98. Elders J. The lost churches of the Arabian Gulf: recent discoveries on the island of Sir Bani Yas, Abu Dhabi Emirate, United Arab Emirates // *PSAS*, 2001. Vol. 31. C. 47–57.

99. Elders J. The Nestorians in the Gulf: Just Passing Through? Recent Discoveries on the Island of Sir Bani Yas, Abu Dhabi Emirate, United Arab Emirates // *Archaeology of the United Arab Emirates*. Eds. D. Potts, H. Al Naboodah, P. Hellyer. London: Trident Press, 2003. C. 230–236.

100. Fiey J.M. *Mossoul chretienne. Essai sur Thistoire, l'archeologie et l'etat actuel des monuments chretiens de la ville de Mossoul*. Beyrouth, 1959.

101. Forbes, H. O., ed. *The Natural History of Socotra and Abd-el-Kuri: A monograph of the Islands*. Liverpool, 1903.

102. Fournier M., Huchon Ph., Khanbari Kh., Leroy S. Segmentation and along-strike asymmetry of passive margin in Socotra, eastern Gulf of Aden: Are they controlled by detachment faults? // *Geochemistry. Geophysics. Geosystems*. Volume 8, № 3. 16 March 2007.

103. Gregory, J. W. *Geology of Socotra and Abd-el-Kuri* // *Geological Magazine*, 1899. Vol. 6, № 426.

104. Haines, S. B. Memoire of the South and East Coasts of Arabia; II // Journal of the Royal Geographical Society, 1845, 15. См. также в: Hunter, F. M. & Sealy, C.W. H., 1886, 1909.
105. Hanihara, K. Statistical and Comparative Studies of the Australian Aboriginal Pentition. University of Tokyo, 1976.
106. Hansman J. Jufar, an Arabian Port. Its Settlement and Far Eastern Ceramic Trade from 14th to the 18th Centuries. London, 1985.
107. Henke, W. Beitrag zur Cranologie der Beduinen des Nahen Ostens [Cranological Studies of the Near Eastern Beduin]. Homo, 1984, 35, 3–4.
108. Holy, Ladislav. Kinship, Honour and Solidarity: Cousin Marriage in the Middle East. Manchester & New York: Manchester University Press, 1989.
109. Howells, W. W. Cranial variation in man: a study by multivariate analysis of patterns of difference among recent human population // Papers of the Peabody Museum of American Archeology and Ethnology, 1973, 67.
110. Hunter, F. M. & Sealy, C. W. H. Arab Tribes in the Vicinity of Aden. Bombay, 1886, new edition 1909.
111. Ingrams, W. H. Sokotra. In: Encyclopedia Britannica: a new survey of universal knowledge, 14th edition. London, 1961.
112. Jahn, A. Die Mehri-Sprache in Südarabien. Wien, 1902.
113. Johnstone, T. M. The Harsuri-English Lexicon. London, 1977.
114. Kennet D. Evidence for 4th/5th – century Sasanian occupation at Khatt, Ras al – Khaimah // Arabia and its Neighbours. Essays on Prehistorical and Historical Development. Abiel II. New Research on the Arabian Peninsula. Eds. C. S. Phillips, D.T. Potts, S. Searight. Brepols, 1998. C. 105–116.
115. Kennet D. Sasanian Pottery in Southern Iran and Eastern Arabia // Iran. 2002, vol. XL. C. 156–162.
116. Kennet D. Sasanian and Islamic Pottery from Ras al-Khaimah. Classification, chronology and analysis of trade in the West Indian Ocean // BAR International Series 1248, 2004.
117. King G., Tonghini Ch. The western islands of Abu Dhabi Emirate. Notes on Ghagha // Arabia and its Neighbours. Essays on Prehistorical and Historical Development. Abiel II. New Research on the Arabian Peninsula. Eds. C. S. Phillips, D.T. Potts, S. Searight. Brepols, 1998. C. 117–142.
118. King, J. S. The aboriginies of Sokotra: an ethnological, religious and philosophical review // Indian Antiquary, 1890, № 19. C. 189–215.
119. Kossmat, F. Geologie der Inseln Sokotra, Semha und Abd El Kuri. Denkschriften der Kaiserlichen Academie der Wissenschaften. Mathematisch – Naturwissenschaftliche Klasse, 71. C. 1–62.
120. Landberg, C. Glossaire datinois. Vol. 1, Leiden, 1920. Vol. 2, Leiden, 1923.
121. Langfeld J. A. Recently discovered early Christian monuments in Northern Arabia // AAE. 1994. Vol. 5, № 1. C. 32–60.
122. Leslau, Wolf. Lexique soqotri. P., 1938.
123. Lister, B. W., Orr, N. W., Botting, D., Ikin, E. W., Mourant, A. E., Lehmann, H. The Blood Groups and Haemoglobin of the Bedouin of Socotra. Man (The Journal of the Royal Anthropological Society). 1966. Vol. 1, № 1. C. 82–86.
124. Lonnet, A. The Socotri language: past, present and future. In: Socotra, 1996.
125. Lüttig, H.C. The Religions System and Social Organisation of the Herero. Utrecht, 1933.
126. McCrindle. The Christian Topography of Cosmas, an Egyptian monk. London, 1897.
127. McIntosh, J. R. The Megalith Builders of South India; a Historical Survey. South Asian

Archaeology, 1979.

128. Miller, Anthony G. & Morris, Miranda M., Ethnoflora of the Soqotra Archipelago. Ed. by Ruth Atkinson. Edinburgh: Royal Botanic Garden, 2004.

129. Monod T. Sur un site a bracelets de verre des environs d'Aden // Raydän. 1978. Vol. 1. C. 111–124.

130. Morant, G.M. A description of human remains excavated by Miss G. C. Thompson at Horeidha in: Thompson, G. C. The Tombs and Moon Temple of Horeidha (Hadramaut). Oxford: Reports of the Research Commission, Society of Antiquaries, 1944, № 13.

131. Morris, Miranda M. Conservation and Sustainable Use of the Biodiversity of the Soqotra Archipelago. Manual of Traditional Land Use Practices. Edinburgh: Royal Botanic Garden, February 29, 2002.

132. Müller, D. H. (editor). Die Mehri und Soqotri-Sprache. I, 1902; II, 1905; III, 1907. Sudarabische Expedition der Kaiserlichen Academie der Wissenschaften in Wien.

133. Nakano, A. Comparative Vocabulary of Southern Arabic. Tokyo, 1986.

134. Naumkin, Vitaly. Island of the Phoenix. An Ethnographical Study of the People of Socotra. Reading: Ithaca Press, 1993.

135. Naumkin V.V., Sedov A. V. Monuments of Socotra / Topoi. Orient – Occident. 1993. Vol. 3/2. C. 569–623.

136. Naumkin V. V., Sedov A. V. Monuments of Socotra. Athens, Aden, Arikamedu. Essays on the interrelations between India, Arabia and the Eastern Mediterranean. Ed. M.-F. Boussac, J.-F. Salles. New Delhi, 1995. C. 193–242.

137. Nöldeke, Th. Neue Beiträge zur semitischen Sprachwissenschaft. Strasbourg, 1910.

138. Oilier, Cliff, Pain, Collin. The origin of Mountains. Cambridge: Routledge, 2000.

139. C. Plinius Secundus. Historia Naturalis, book X. Ed. Mayhoff. Berlin, 1909.

140. Potts D. T. The Arabian Gulf in Antiquity. Vol. II. From Alexander the Great to the Coming of Islam. Oxford: Oxford University Press, 1990.

141. Potts D.T. Nestorian Crosses from Jabal Berri/AAE, 1994. Vol. 5, № 1. C. 61–65.

142. Purchas, Samuel. Hakluytus Posthumus or Purchas His Pilgrims. Vol. 1–4. London, 1625.

143. Radcliffe-Smith, A. The botany of Socotra. In: Doe, 1992.

144. Recueil des Voyages... de la Compagnie des Indes Orientales. Amsterdam, 1754.

145. Rhodokanakis, V. Der vulgärarabische Dialekt im Dofar (Zfar). Vol. 1. Wien, 1908. Vol. 2. Wien, 1911.

146. Rhodokanakis, V. Der Zweigipflige Akzent im Minäo-Sabäjäsehen / Studien zur Lexicographie und Grammatik des Altsüdarabischen. H. 1. Wien, 1915 (SBAW Wien. Bd 178, Abh. 4).

147. Risdon, D. L. A study of the cranial and other human remains from Palestine excavated at Tell Duweir (Lachish) by the Wellcome-Marston Archeological research expedition. Biometrika, 31, 1–2.

148. Robin, Christian & Gorea, Maria. Une inscription palmyrenienne deposee dans une grotte de Suqutra. Report, 5 avril 2002.

149. Le Routier de Dom Joao de Castro: L'exploration de la Mer Rouge par les Portugais en 1541. Trad, du portugais... par A. Kammerer. P., 1936.

150. Ryckmans, J. A Three Generations Matrilineal Geneology in a Hasaeen Inscription: Matrilineal Ancestry in Pre-Islamic Arabia. Mimeo, Bahrain, 1983.

151. Schoff, W. H., ed. The Periplus of the Erythraean Sea. New York, 1912.

152. Schweinfurth, G. Ein Besuch auf Socotra. Freiburg, 1884.

153. Schweinfurth, G. Erinnerungen von einer Fahrt nach Socotra. Westermann's Monatshefte,

nos. 34 and 35.

154. Schweinfurth, G. Das Folk von Socotra. *Unzere Zeit*, 1893.

155. Sedov A. V. Les fouilles du secteur 3. La synagogue./Qäni'. Le port du Hadramawt entre la Mediterranee, FAfrique et Finde. Fouilles Russes 1972, 1985–89, 1993-94/sous la direction de J.-F. Salles et A. Sedov / Brepols, 2010. C. 87-122.

156. Sedov A. V. Les fouilles du secteur 6/Qänf. Le port du Hadramawt entre la Mediterranee, l'Afrique et Finde. Fouilles Russes 1972, 1985-89, 1993-94 / sous la direction de J.-F. Salles et A. Sedov/Brepols, 2010.

157. Serjeant, Ralph B. *The Portuguese of the South Arabian Coast*. Oxford, 1963.

158. Serjeant, Ralph B. *The coastal population of Socotra* // Doe D. Brian, 1992.

159. Shakti Gupta M. *Plant Myths and Traditions in India*. Leiden, 1971.

160. Sharma, A. *Comparative Methodology in Dermatoglyphics*. Delhi, 1964.

161. Shinnie, P. L. *Socotra*. Antiquity, London, 1960. Vol. 24.

162. Simeone-Senelle M.-C., Lonnet A. Lexique des noms des parties du coprs dans les langues sudarabiques modernes. Premiere partie: la tete. MAS-GELLAS, 1985–1986, 3: 259–304.

163. Simeone-Senelle M.-C., Lonnet A. Les noms des parties du corps dans les langues sudarabiques modernes. Deuxieme partie: les membres. MAS-GELLAS N. S., 1988–1989, 2: 191–255.

164. Simeone-Senelle M.-C., Lonnet A. Lexique Soqotri: les noms des parties du corps. *Semitic Studies in Honor of Wolf Leslau*. Wiesbaden, 1991. C. 1445-87.

165. Simeone-Senelle M.-C., Lonnet A. Complements ä “Lexique Soqotri: les noms des parties du corps”. MAS-GELLAS N. S., 1992, 4: 85-108.

166. Simeone-Senelle M.-C., Lonnet A. Notes sur le premier vocabulaire soqotri: le Memoire de Wellsted (1835). Deuxieme partie. MAS-GELLAS N. S., 1992, 4: 13–82.

167. Snell, I. E. *Witch Trials in Socotra*. American Documentation Institute, c/o Photoduplication Service. Library of Congress, № 5623 (in *Miscellanea Asiatica Orientalis* series).

168. Socal, R. R. & Rohlf, EJ. The comparison of dendrograms by objective methods. *Taxonomy*, 1962. Vol. 11.

169. *Socotra. Proceedings of the First International Symposium on Socotra Island: Present and Future*. Aden, March 1996. Vol. 1–2. Ed. By H. J. Dumont. New York United Nations Publications, 1996.

170. Sprenger, A. *Die Alte Geographic Arabiens*. Bern, 1875.

171. Stripling G. W. E. *The Ottoman Turks and the Arabs*. Urbana, Illinois, 1942.

172. Thomas, Bertram. *Arabia Felix: Across the Empty Quarter of Arabia*. New York, 1932.

173. Vogt, B. 1st Millennium BC graves and burial customs in the Samad Area (Oman). *Arabie orientale, Mesopotamie et Iran meridional, de l'age du fer au debut de la period islamique (AOMIM)*. Paris, 1984.

174. Van Belle, R. A. & Wranik, W. Chitons (Mollusca: Polyplacophora) from the coast of Yemen and Socotra Island. *Fauna of Saudi Arabia*, 1991. № 12. C. 336–381.

175. Weeks L., Morris M., Mccall B, Al-Zubairy K. A Recent Archaeological Survey on Soqotra, January 5th – February 2nd 2001 / AAE, 2002. Vol. 13, № 1. C. 95-125.

176. Wells ted, J. B. *Memoir on the Island of Socotra*. *Journal of the Royal Geographical Society*, 1835. Vol. 5.

177. Wellsted J. B. *Report on the Island of Socotra* / JASB, 1835. Vol. 4.

178. Weygoldt, P. & Van Damme K. A new troglomorphic whip spider of the genus *Charinus* (Amblypygi: Charinidae) from Socotra Island. *Fauna of Arabia*,

2004. № 20. С. 327–334.

179. Whitcomb D. S. Islamic Archaeology in Aden and Hadramaut / *Araby the Blest*. Ed. D. T. Potts. Copenhagen, 1988. С. 177–263.

180. Whitehouse D. The al-Khamis mosque on Bahrein: A note on the first and second phases/AAE, 2003. Vol. 14. № 1. С. 95-102.

181. Whitehouse D., Williamson A. Sasanian Maritime Trade. / *Iran*, 1973. Vol. XI. С. 29–49.

На арабском языке

182. Ибн Баттута. Рихлат Ибн Баттута. Бейрут, 1968.

183. Аль-Махри. Сулейман Ахмад Сулейман аль-Махри. Лямахат 'ан Сокотра. Ас-Сакафа аль-Джадида. 1974. № 5. С. 42–67.

184. Ар-Руми. Шихаб ад-Дин И акулт ибн Абдаллах ал-Хамави ар-Руми. Китаб му'джам ал-булдан. Т. 1–10. Каир, 1906.

185. Ас-Салими. Нур ад-Дин Абдаллах бин Хамид ас-Салими. Тухфат аль-а'йан би-сират ахль 'Уман. Маскат, 2000.

186. амдани. Ал-Хасан ибн Ахмад ибн Иакуб аль-Хамдани. Китаб ал-Иклил. Т. 1. Багдад, 1963.

187. Аль-Хамдани. Ал-Хасан ибн Ахмад ибн Иакуб аль-Хамдани. Сифат джазират ал-араб. Сана, 1983.

188. Аш-Шазаби. Фахд Салим Кафайин аш-Шазаби. Мухтарат мин аль-адаб ас-сокотри. Хадибо, 2006.

Summary

In his book “Islands of the Archipelago of Soqatra: Expeditions of 1974–2010” Professor Vitaly Naumkin, famous Russian scholar and Director of the Institute of Oriental Studies under the Russian Academy of Sciences brings together almost four decades of research into the lives of the inhabitants of one of the most mysterious and remote places in the Middle East. The book is a unique investigation of the nature, history, origins, physical features, traditional economic activity, social and tribal structure, customs, beliefs and folklore of this small ethnic group within the population of present-day Yemen.

Chapter 1 is a general description of the geography, climate, water and soil, as well as the flora and fauna of the islands. The chapter gives an interpretation of the division of the archipelago and its surrounding area of water into a series of islands, straits and banks. It also examines the flora and fauna of the islands, mainly of Soqatra.

Chapter 2 is dedicated to the history of the islands based on the original Arabic and European sources, medieval chronicles, accounts of journeys by Arab and Western travelers etc. It introduces all the stages of the island's history from the time when immigrants from the Arabian peninsular settled here. The author shows that it was of the early centers of Christianity, while Islam spread quite late, with new waves of migration from Mahra in the south-east of Yemen. British and Portuguese colonizations had not left any noticeable trace in the island's history.

Chapter 3 illuminates with the physical characteristics of the Socotrans the study of the dermatoglyphics, odontology and craneology of the population of the islands. The Socotrans are a group of mixed origin, in which South Europeoid West Asian component is predominant, while the second place is occupied by the Indian Australoid component, and the African one comes third.

Chapter 4 deals with the archeology of Socotra. Stone tools from the Oldowan period (2,5–1,7

mln years ago) found by a team of Russian archeologists showed that the island of Socotra had been probably inhabited during that period. The team excavated several pre-Islamic settlements and cemeteries in different parts of Soqotra including the ancient capital – Hajrya where the remains of a Nestorian church were found. The chapter also gives a description of pottery discoveries from burials, as well as some bronze and iron objects and glass vessels. Russian archeologists have concluded that Soqotra might have played a much more influential role in Mediterranean trade than previously assumed.

Chapter 5 considers various aspects of the social organization of So-qotrans, as well as the types and forms of economy. The chapter provides a general overview of the population groups living in different geographic zones. The author concentrates on the core tribes of the pastoralists, although the economic activity of the coastal fishermen, as well as those with a mixed economy is also analyzed. The Da 'rho tribe from the Central region, where the author has conducted extensive fieldwork features as a detailed case study.

Chapter 6 analyzes the material culture of modern Soqotrans. The focus here is on animal husbandry as the main activity of Soqotran Bedouins which has retained many archaic traits. Multiple uses to which domestic animals can be put (for milk, meat, bones, wool, skins etc.), as well as palm-growing and fishing are considered. A variety of techniques used for the production of objects, such as water-skins, the famous Soqotran ghee, woolen blankets made on traditional machines, pottery produced without potter's wheel, as well as traditional Soqotran houses of different types, are examined. The chapter contains valuable vocabulary collected by the author and related to the economy.

Chapter 7 deals with marriage and the Soqotran kinship system, including choice of marriage partner, remnants of dual organization, locality of marriage, divorce, remarriage and polygamous marriage, system of property inheritance etc. The chapter contains a detailed analysis of the kinship system based on interviews and surveys of the island Bedouins. Particularly noteworthy is the lexicographic material which has not as yet been considered in academic literature.

Chapter 8 examines Soqotran family, in particular, such types as the nuclear family, complex family, divided family etc. The author utilizes extensive interviews conducted with a variety of informants from different Soqotran tribes.

In Chapter 9 the author concentrates on the spiritual culture of Soqotra. Sections on magic and sorcery, remnants of pre-Islamic beliefs, different customs and rituals, popular festivals, folk medicine etc. are of particular interest. The detailed examination of folklore texts, myths, tales, poetry and songs collected by the author is also extremely valuable. Based on this research the author offers his own system of classification of the Soqotran folklore.

Chapter 10 presents a brief but complex overview of the social structure, settlement and economy of the tribes of the island of Abd al-Kuri. The chapter provides examples of their folklore and analyzes family relations.

Conclusion contains general reflections and research implications based on many years of fieldwork on the island. Here the author deals with such general issues, as the origins of the Soqotrans, the time of their settlement of the island, eras of its history, specificity of its economy and tribal system and many other research issues considered in greater detail in the chapters.

The book contains illustrations and a bibliography.

Illustrations

Илл. 1. Вид Сокотры из космоса

Илл. 2. Предгорья северного побережья

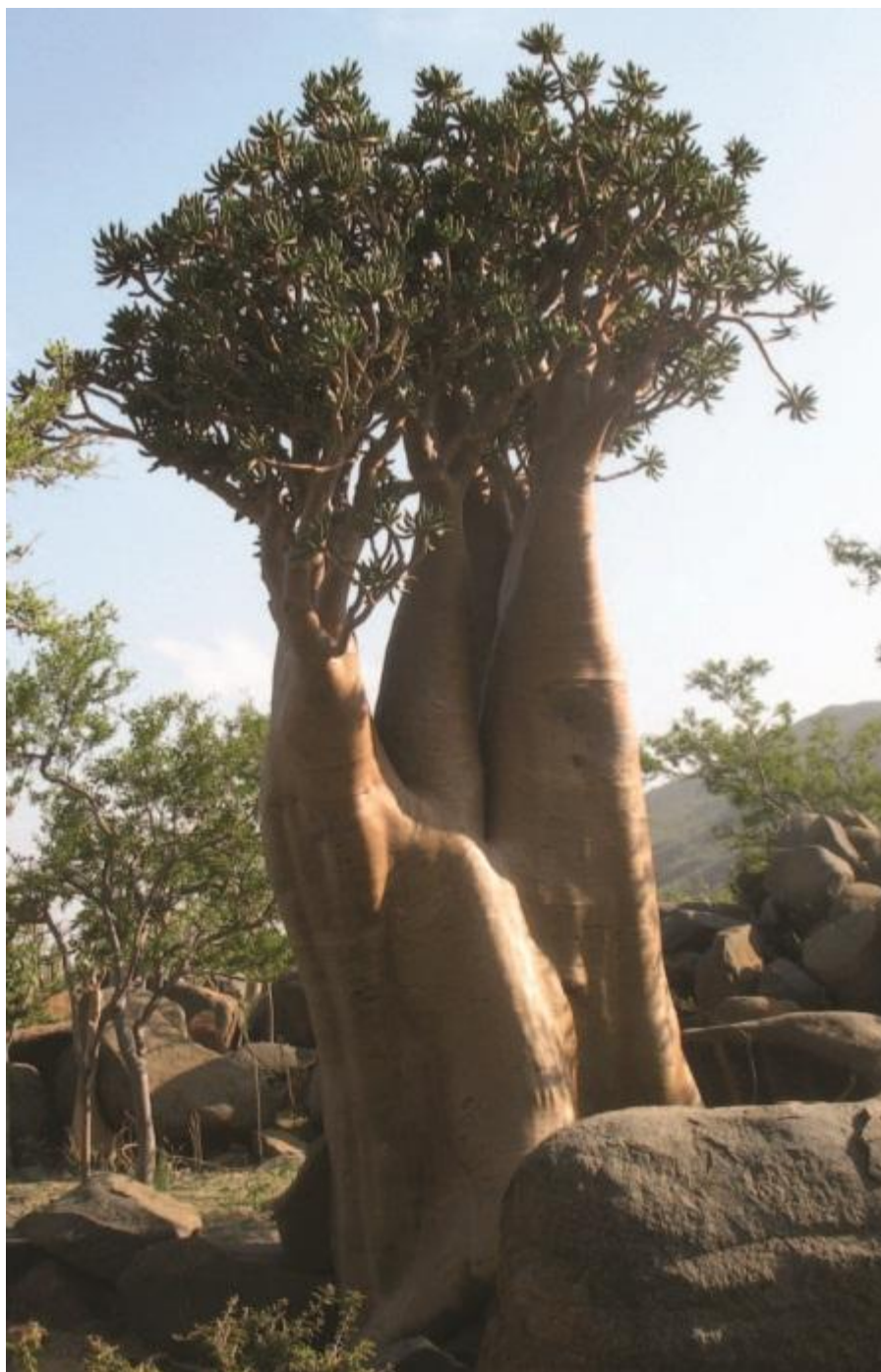
Илл. 3. Северные отроги Хагъхера

Илл. 4. Автор с шейхом племени даръхо Исой, сыном Амера Ахмеда под деревом дам аль-ахавейн

Илл. 5. «Бутылочное дерево» *Adenium obesum*

Илл. 6. «Огуречное дерево»

Илл. 7. Ладаноносное дерево Boswellia

Илл. 8. Алоэ

Илл. 9. Гроза местных жителей паук

Илл. 10. Паук «черная вдова» «фитамэ»

Илл. 11, 12. Сокотрийские птицы

Илл. 13. Повсеместно обитающие около жилищ стервятники Neophron percnopterus

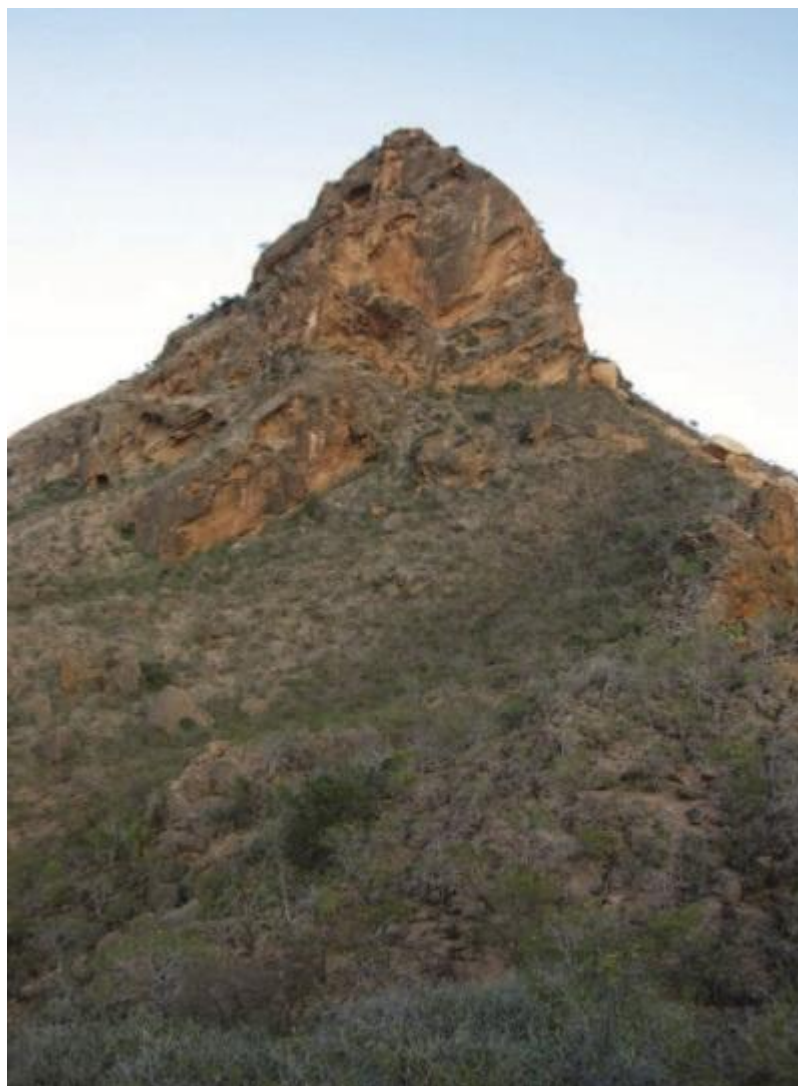

Илл. 14. Сокотра славится разнообразием рыбы

Илл. 15. Сокотра на старой карте

Илл. 16, 17. Форт в Суке

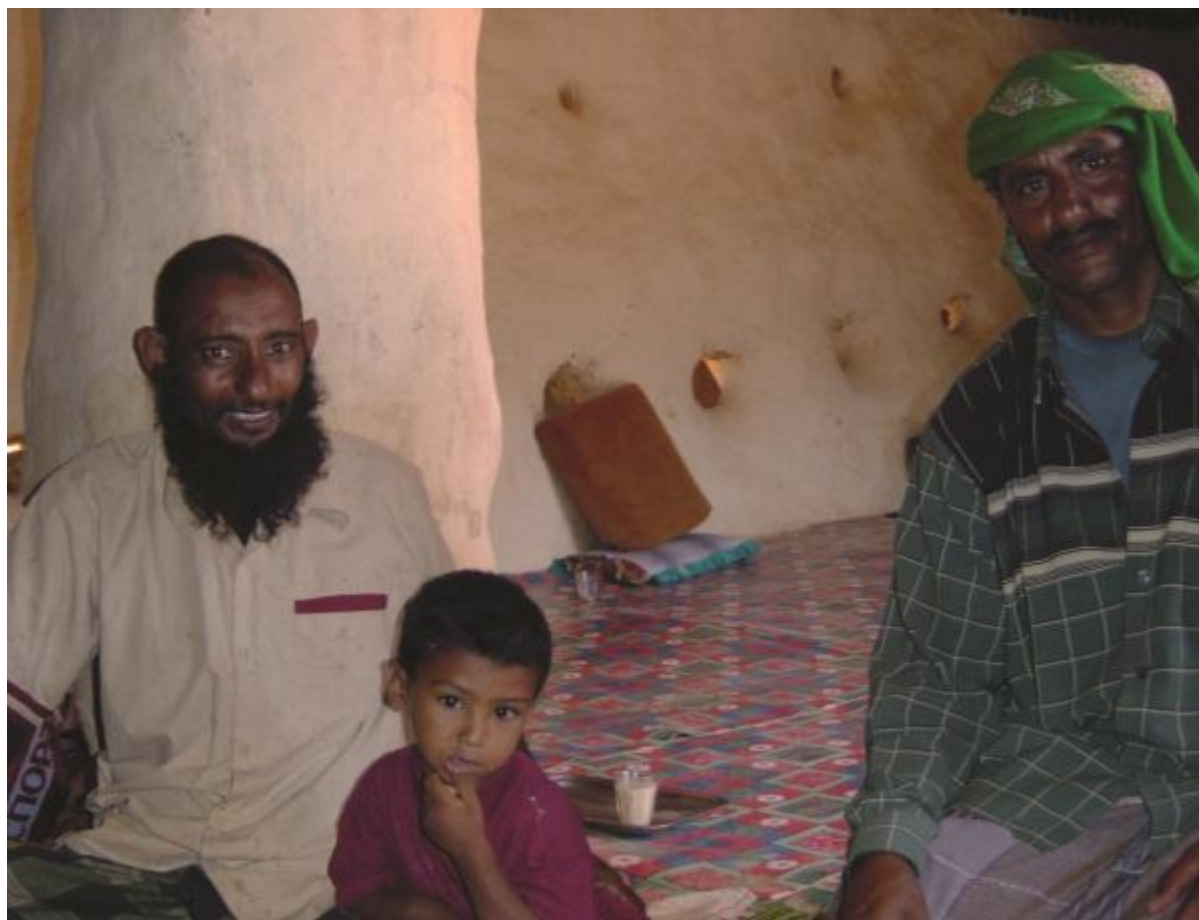

Илл. 18–26. Типы сокотрийцев

Илл. 27. Современная глиняная курильница для благовоний

Илл. 28. Автор и Иса, сын Амера Ахмеда (съемка 2006 г.)

Илл. 29–31. Вадн Даръхо – одно из красивейших мест на острове

Илл. 32. Бедуины угощают автора пахтой («хэлоб»)

Илл. 33. Сокотрийские коровы на водопое

Илл. 34. Местный одногорбый верблюд

Илл. 35. Поэт Али Абдалла Ригдхи показывает, как добывают огонь

Илл. 36. Растирание глины для изготовления посуды

Илл. 37. Современный глиняный чайник, по-старинному сделанный без гончарного круга

Илл. 38. Стрижка ребенка, начало 1980-х годов

Илл. 39. Бедуинское угощение (2010 г.)

Илл. 40. Тип каменной зернотерки

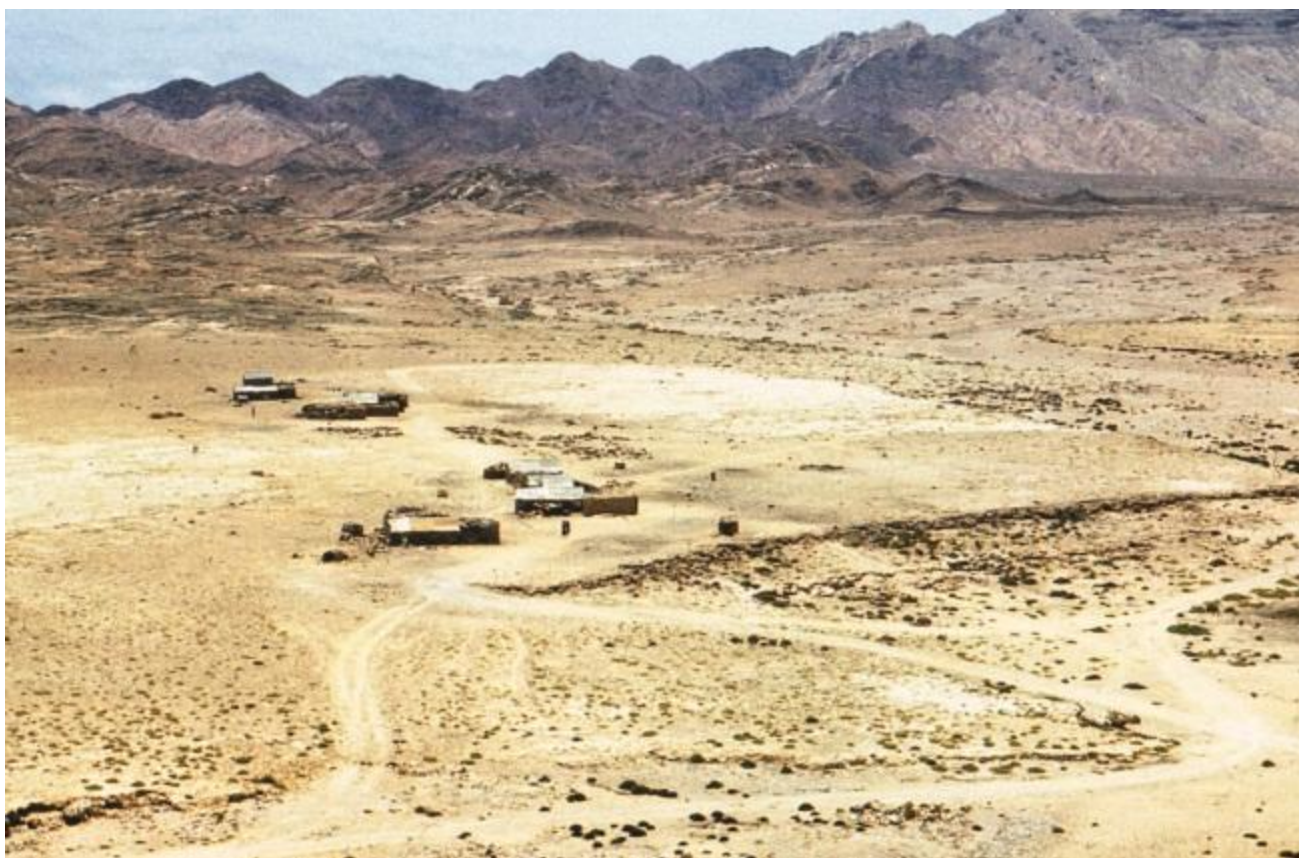
Илл. 41. Автор учится работать

Илл. 42. Автор с бедуином из племени дарьхо (фото 2009 г.)

Илл. 43. Так здороваются сокотрийцы

Илл. 44. Одно из селений Абд-эль-Кури в 1960-е годы